

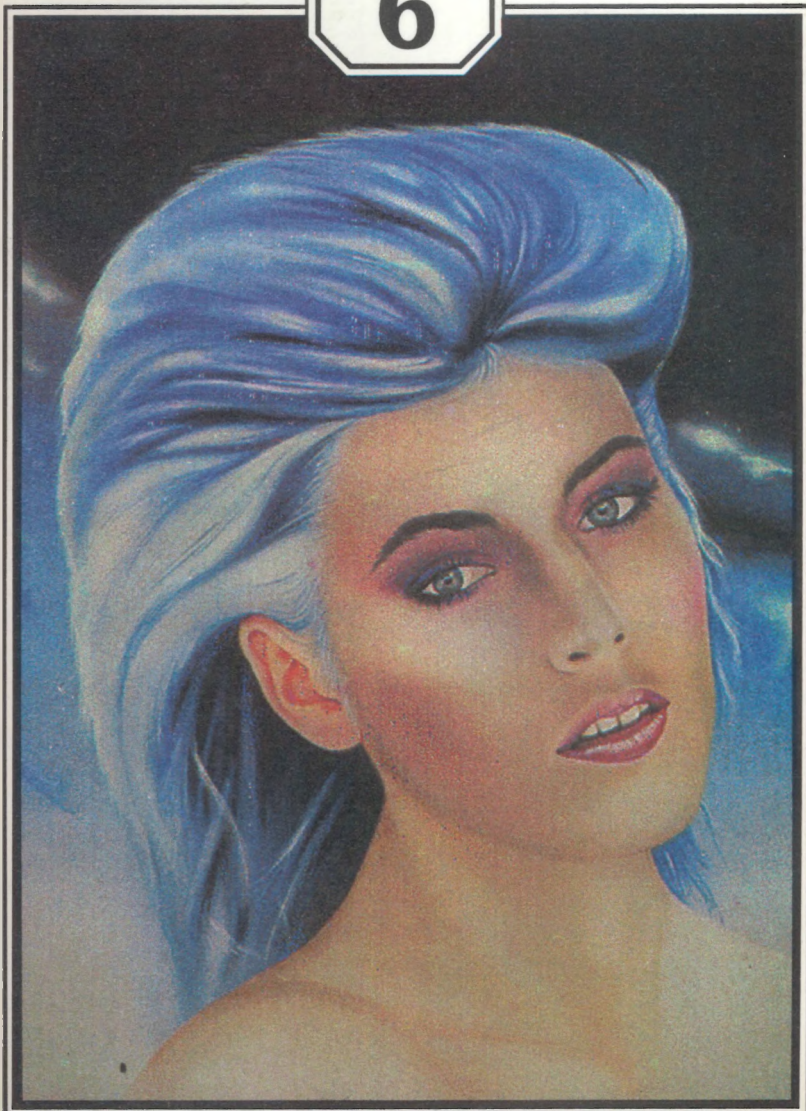
МФФ

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

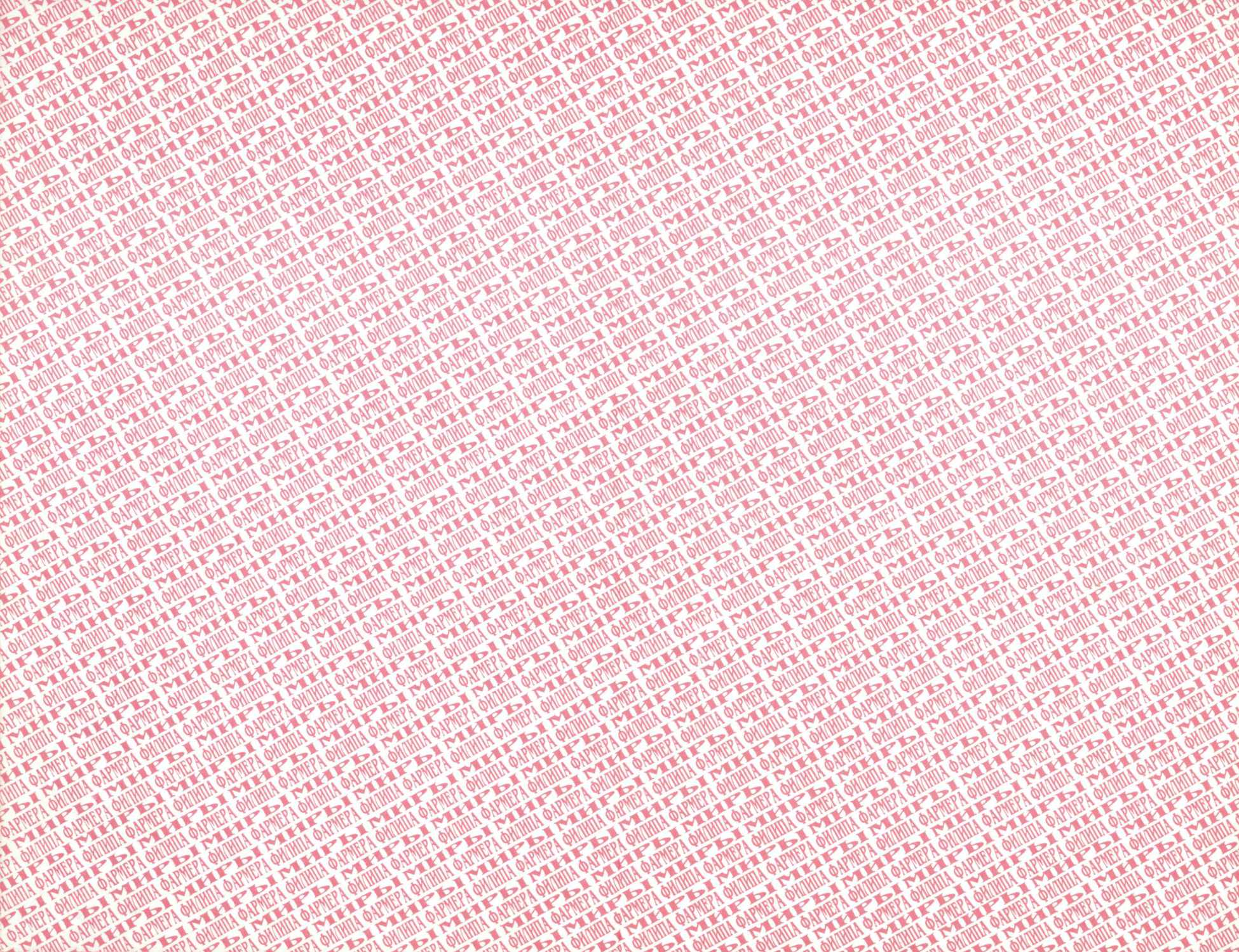
6

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

6

ФИЛИП ФАРМЕР

WORLDS OF PHILIP FARMER

RIVERWORLD

**TO YOUR SCATTERED
BODIES GO**

THE FABULOUS RIVERBOAT

**«POLARIS» PUBLISHERS
1996**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МИР РЕКИ

**В ТЕЛА СВОИ
РАЗБРОСАННЫЕ ВЕРНИТЕСЬ
СКАЗОЧНЫЙ ПАРОХОД**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996**

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 6 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 431 с.

Вошедшие в эту книгу романы «В тела свои разбросанные вернитесь» и «Сказочный пароход» открывают цикл книг о мире Реки — самый прославленный в творчестве знаменитого фантаста.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

To Your Scattered Bodies Go
Copyright © 1971 by Philip José Farmer
The Fabulous Riverboat
Copyright © 1971 by Philip José Farmer

© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление,
название серии, 1996

ISBN 5-88132-152-9

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В шестом томе собрания сочинений Филипа Хосе Фармера романами «В тела свои разбросанные вернитесь» и «Сказочный пароход» начинается самый знаменитый и, пожалуй, самый значительный сериал в творчестве писателя — несравненный «Мир Реки».

Эта Река служит собственным истоком и опоясывает планету, как сжимающий жертву удав. В этом мире нет ничего, кроме Реки, и вся планета — ее берег.

На берегу этой тихой Реки неизвестные существа воскресили тридцать шесть миллиардов человек — всех, кто обитал на Земле от начала времен и до того момента, когда пришелец с тау Кита, защищаясь от человеческой жадности, не уничтожил почти все человечество. Жизнь в теплых лесах безымянной Реки кажется раем — чаши-граали снабжают не только едой, но также спиртным, табаком и анашой, климат всегда ровен и приятен, и воскрешенным ничто не угрожает... кроме них самих.

Река не смыла ничего. На ее берегах по-прежнему процветают злоба, жестокость, ненависть к чужакам — все пороки, которыми и от которых страдало человечество на Земле. Так для чего же понадобилось давать людям возможность начать все сначала? Для того, чтобы те смогли исправиться, как утверждают члены новообразованной Церкви Второго Шанса? Или...

Ричард Фрэнсис Бёртон, английский путешественник, разведчик, переводчик и поэт, желает найти ответ на этот вопрос. Кем являются таинственные этики, закулисные хозяева Мира Реки? Зачем поставлен этот милосердный и жестокий эксперимент? Но для этого ему необходимо попасть в Полярную Башню — и ускользнуть от идущих по следу охотников.

А Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, читающей публике известный как Марк Твен, одержим иной мечтой. Ему снится пароход. Невозможный, немислимый в мире, где нет металла и все орудия делаются из дерева или камня. Но Таинственный Незнакомец тревожит его сон, и Марк Твен, соправитель государства Пароландо, при

помощи упрямства, предательства и обмана воплощает свою мечту. С верфей города готов сойти сияющий колесный электроход под гордым названием «Внаем не сдается», который должен отвести двенадцать избранных путешественников к сердцу тайн этого мира — к Северному полюсу, где стоит Великий Грааль...

Пенталогия о Мире Реки не только принесла Фармеру заслуженную славу — она стала в какой-то мере символом и отражением его творчества. Мир Реки, где сталкиваются личности исторические и забытые историей, где Герман Геринг может стать другом древнеримского царя Туллы Гостилия, а Сирано де Бержерак — увести супругу у Марка Твена, как нельзя лучше подходит для излюбленных писателем литературных игр. Не случайно герой первого романа Бёртон сталкивается на своем пути и с Джоном де Грейстоком (правда, не с тем, который Тарзан, а с одним из его предков), и с Питером Джейрусом Фрайгейтом — аватарой самого автора (те же инициалы — P. J. F., общий родной город — Пеория и один год рождения — 1918), и с Алисой из Страны чудес (вполне взрослой викторианской дамой). Но за этим развеселым фоном проглядывают очень серьезные вопросы, которые Фармер ставит почти во всех своих произведениях. Зачем мы живем? Есть ли в жизни смысл? Обладаем ли мы свободной волей или обречены вечно плясать под дудку невидимых кукольников?

Ответ кажется почти недостижимым. Но герои Фармера — наперекор рассудку — отправляются к Туманной Башне вдоль берегов бесконечной Реки.

МИР РЕКИ

**В ТЕЛА СВОИ
РАЗБРОСАННЫЕ ВЕРНИТЕСЬ
СКАЗОЧНЫЙ ПАРОХОД
ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ
МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ
БОГИ МИРА РЕКИ
РЕКА ВЕЧНОСТИ**

**В ТЕЛА СВОИ
РАЗБРОСАННЫЕ
ВЕРНИТЕСЬ**

ГЛАВА 1

Жена крепко обнимала его, словно могла спрятать от смерти.

Он выкрикнул:

— Боже, я — мертвец!

Дверь распахнулась, и он увидел за порогом громадного черного одногорбого верблюда и услышал звон колокольчиков на его сбруе, которых коснулся горячий ветер пустыни. А потом в дверном проеме возникло огромное черное лицо человека в высоченном черном тюрбане. Черный евнух переступил порог, двигаясь подобно грозовой туче и сжимая в руке здоровенный ятаган. Смерть — Губительница Наслаждений и Разлучительница Собраний — наконец явилась.

Чернота. Пустота. Он даже не знал, что сердце его остановилось навеки. Пустота.

А потом его глаза открылись. Сердце билось ровно. Он был силен, очень силен. Подагрическая боль в ногах, страшное жжение в печени, муки больного сердца — все исчезло.

Было так тихо, что он слышал, как течет кровь, как она шумит в висках. Он был совсем один в мире беззвучия.

Повсюду горел ровный яркий свет. Он видел, но не понимал, что же видит. Что это такое — вверху, рядом, внизу? Где он находится?

Он попытался сесть, и ему стало страшно. Сидеть было не на чем — он висел в пустоте. Попытавшись сесть, он приподнялся вверх и кувыркнулся — медленно-медленно, словно находился в ванне, наполненной жидкой патокой. На расстоянии фута от кончиков пальцев ног он разглядел стержень из ярко-алого металла. Стержень шел сверху, из бесконечности, и уходил в бесконечность. Он попробовал дотянуться до стержня, поскольку тот был единственным прочным предметом, но что-то невидимое помешало ему. Какие-то силы отталкивали, отбрасывали его.

Он медленно перекувыркнулся. А потом сопротивление остановило его — так, что кончики пальцев ног оказались

примерно в шести дюймах от стержня. Он выпрямился, вытянулся и продвинулся вперед на долю дюйма. В тот же миг его тело начало вращаться вокруг продольной оси. Он сделал вдох, издав при этом громкий, скрипучий звук. Хотя он понимал, что держаться не за что, он все-таки бессознательно раскинул руки, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Теперь он оказался лицом «вниз» — или, может быть, «вверх»? Каково бы ни было это положение, оно было противоположно тому, в каком он очнулся. Но это вряд ли имело значение. «Вверх» и «вниз» все выглядело совершенно одинаково. Он висел в пространстве, и ему не давал упасть невидимый и неосязаемый кокон. В шести футах «внизу» он увидел тело женщины с поразительно бледной кожей. Женщина была обнаженная и совершенно лысая. Казалось, она спит. Глаза ее были закрыты, грудь тихо вздымалась и опускалась, ноги были плотно сжаты и вытянуты, руки прижаты к телу. Она медленно вращалась, словно цыпленок на вертеле.

Та же сила, что вращала женщину, вращала и его. Медленно отвернувшись от женщины, он увидел другие обнаженные тела — мужские, женские и детские, расположившиеся безмолвными вращающимися рядами. Над ним вертелось голое безволосое тело негра.

Он опустил голову, чтобы рассмотреть себя. И он тоже был гол и без волос. Кожа у него была гладкая, на животе бугрились мышцы, бедра покрывали крепкие молодые мускулы. Вены, выступавшие прежде, словно синеватые дамбы, исчезли. У него теперь не было тела слабого и больного шестидесятидевятилетнего старика, который умирал всего лишь мгновение назад. Почти сотня его шрамов пропала, словно их и не было.

Он обнаружил, что среди тел, окружавших его, нет стариков и старух. Казалось, всем этим людям лет по двадцать пять, хотя точный возраст определить было трудно — из-за отсутствия волос на головах и лобках люди выглядели и моложе, и старше одновременно.

Он кичился тем, что ему неведом страх. А теперь от ужаса крик застрял у него в горле комком. Страх сжимал его и высасывал из него новую жизнь.

Сначала он оцепенел от того, что еще жив. А потом все его чувства словно отмерли из-за того, что он понял, что висит в пространстве, и увидел, где находится. Он видел и ощущал все так, словно смотрел сквозь толстое полупрозрачное окно. Но через несколько секунд что-то внутри его шевельнулось. Он почти услышал, как это произошло — будто окно неожиданно распахнулось.

Мир принял очертания, которые он стал чувствовать, хотя и не понимал, как именно. Выше его, по обе стороны и ниже, насколько хватал глаз, плыли тела. Они располагались вертикальными и горизонтальными рядами. Ряды, уходящие вверх и вниз, разделялись алыми стержнями, тонкими, словно ивовые прутьики. Один из стержней тянулся в двенадцати дюймах от их голов. Каждое тело находилось примерно в шести футах от тел, расположенных выше, ниже и по обе стороны.

Стержни поднимались из бездонной бездны и уходили в бездну, не имевшую конца. Серая даль, в которой уже не было видно ни стержней, ни тел — вверху и внизу, справа и слева — эта даль не была ни небом, ни землей. Ничего не было в этой дали, кроме безжизненности бесконечности.

По одну сторону от него находился темнокожий мужчина с тосканскими чертами лица. По другую — индус. Внизу — крупный мужчина нордического типа. Только повернувшись вокруг своей оси в третий раз, он понял, почему этот человек кажется ему таким странным: правая рука его, начиная от локтя, была красная. Казалось, с нее содрана кожа.

Несколько секунд спустя он увидел в нескольких рядах в стороне тело взрослого мужчины, начисто лишенное кожи и мышц лица.

Были и другие тела, пребывавшие не в полной целостности и сохранности. Далеко от него, не слишком хорошо видимый, вращался скелет, внутри которого сплелись внутренние органы.

Он продолжал вращаться и смотреть по сторонам, а сердце его жутко колотилось в груди. Теперь он понимал, что находится в какой-то колоссальной камере и что металлические стержни излучают какую-то силу, и эта сила каким-то образом удерживает и вращает миллионы — а может быть, и миллиарды — человеческих существ.

Где же находилось это место?

Уж точно, это не город Триест в Австро-Венгерской империи в 1890 году.

То, что он видел, не походило на те ад и рай, про которые он когда-либо слышал или читал — а он считал, что знаком со всеми теориями о жизни после смерти.

Он умер. А теперь был жив. Всю свою жизнь он подтрунивал над понятием загробной жизни. Впервые он не мог отрицать своей ошибки. Но не было никого, кто мог бы сказать ему: «Говорил же я тебе, что это так, проклятый ты неверующий!»

Из миллионов людей только он один не спал.

Совершая примерно один оборот за десять секунд, он заметил нечто такое, от чего чуть не задохнулся от изумления. В пяти рядах от него вращалось тело, казавшееся, на первый взгляд, человеческим. Но ни у одного представителя рода *Ното сарпиенс* не могло быть по четыре пальца на руках и ногах. Носа и тонких черных кожистых губ, напоминающих собачьи. Мошонки, усеянной множеством крошечных, похожих на кнопки, бугорков. Ушей с такими странными извилинами.

Страх утихал. Сердце перестало бешено колотиться, хотя до спокойного сердцебиения было еще далеко. Мозг вышел из состояния ступора. Он должен был расстаться с этим дурацким положением, в котором был так беспомощен, как боров на вертеле. Он должен был добраться до того, кто бы объяснил ему, что он здесь делает, как попал сюда и почему.

А «решить» означало «действовать».

Он согнул ноги и резко выпрямил, и обнаружил, что это движение, а вернее — отдача, продвинуло его вперед на полдюйма. Он снова и снова бил ногами и боролся с сопротивлением. Но стоило ему остановиться, как его медленно возвращало в первоначальное положение. А ноги и руки мягко, но настойчиво выпрямлялись и прижимались к телу.

Неистово дрыгая ногами и разводя руками на манер пловца, он добился того, что стал мало-помалу продвигаться к стержню. И чем ближе к стержню, тем сильнее становилось сопротивление невидимых пут. Он не сдавался. Сдайся он — его бы отнесло назад, и тогда у него уже не осталось бы сил, чтобы снова начать борьбу. Он не привык сдаваться до тех пор, покуда не изнемогал окончательно.

Он хрипло дышал, он взмок от пота, руки и ноги у него двигались так, словно он барахтался в густом желе, а продвижение почти не ощущалось. А потом кончики пальцев левой руки коснулись стержня, и тот оказался теплым и твердым на ощупь.

И вдруг он почувствовал, где находится «низ» — потому что упал.

Прикосновение к стержню словно разрушило заклинание. Паутина воздуха вокруг него беззвучно рассыпалась. Он пал.

Стержень находился довольно близко, до него можно было дотянуться. Он ухватился за стержень, падение приостановилось, и он больно ударился о стержень бедром. Он скользил вниз, сжимая рукой стержень, и кожа на ладони нестерпимо горела. Потом он дотянулся до стержня другой рукой и перестал скользить вниз.

И тогда он ощутил взмокшей от пота спиной движение воздуха, заставившее его крутануться назад. Позади, в покинутых им вертикальных рядах тел, спящие начали падать вниз. Друг за другом, будто выпадая из открытых люков, медленно вращаясь, тела людей неслись мимо него. Головы едва не задевали его, пролетая в нескольких дюймах. Ему повезло — его не сбили, не отбросили от стержня, и потому он не полетел в бездну следом за другими.

А они все падали и падали друг за другом, бесконечной чередой. Тело за телом мчалось вниз по обе стороны от стержня, а в это время в других рядах миллионы миллионов продолжали спать.

Некоторое время он смотрел на падающие тела. А потом принялся считать их — он всегда был заядлым любителем подсчетов. Но досчитав до трех тысяч одного, он прекратил счет. Потом он просто смотрел и смотрел на водопад плоти. Откуда, с какой же высоты они падали? И как низко могли упасть? Это он, сам того не желая, заставил их ринуться вниз, когда разорвал те силы, что исходили от стержня.

Взобраться по стержню вверх он не мог, но зато мог скользить вдоль него вниз. Он начал опускаться, но потом посмотрел вверх и забыл о мчащихся мимо телах. Где-то высоко-высоко слышалось жужжание, перекрывавшее шипящий звук падения тел.

Между колоннами падающих тел и соседней колонной тех, что по-прежнему висели в пространстве, опускалось какое-то судно, из ярко-зеленого вещества, в форме каноэ. У воздушного каноэ не было никаких видимых опор, которые удерживали бы его — так он подумал, — и только из-за жуткого испуга он даже забыл о пришедшей в голову мысли. «Никаких видимых опор, которые удерживали бы его». Совсем как волшебный ковер-самолет из «Тысячи и одной ночи».

Над краем борта лодки появилось лицо. Судно остановилось, и жужжание прекратилось. Рядом с первым лицом появилось второе. У обоих находившихся в лодке были длинные, темные, прямые волосы. Потом лица исчезли, жужжание зазвучало вновь, и каноэ снова начало опускаться к нему. Не долетев до него пяти футов, каноэ остановилось. На носу лодочки виднелся единственный знак: белая спираль, раскрывавшаяся вправо. Один из тех, что сидели в лодке, заговорил на языке, в котором было множество гласных звуков и отчетливые и часто повторяющиеся гортанные запинки. Язык этот напоминал полинезийский.

Неожиданно невидимый кокон, облежавший его, возник снова. Скорость падения тел замедлилась, и через некоторое время они перестали падать. Человек, державшийся за стержень, почувствовал, как удерживающая сила ухватила его и приподняла. Хотя он и пытался отчаянно удержаться за стержень, ноги его задрались кверху, уплыли прочь от стержня, а потом за ними последовало тело. Вскоре он уже перевернулся лицом вниз. Руки его оторвались от стержня — ему казалось, что он оторвался от жизни, разума, мира. Его завертело и понесло вверх. Он пролетел мимо воздушного каноэ и замер над ним. Двое мужчин, сидевших в лодке, были обнажены, темнокожи, как йеменские арабы, и красивы. Черты лица у них были нордические — внешне они напоминали знакомых ему исландцев.

Один из них поднял руку, в которой сжимал похожий на карандаш металлический предмет. Он поднял его, прицеливаясь, словно собирался чем-то выстрелить из него.

Человек, плывущий в воздухе, издал крик ярости, ненависти и беспомощности и выбросил руки вперед, чтобы добраться до лодки.

— Убью! — крикнул он. — Убью! Убью!

И снова пришло забытие.

ГЛАВА 2

Он лежал на траве у воды под плакучими ивами, а над ним стоял Господь. Он лежал с широко раскрытыми глазами и беспомощный, как новорожденный младенец. Бог тыкал его в ребра концом железной палки. Бог был высоким мужчиной средних лет. У него была длинная черная раздвоенная борода, и одет он был в лучший воскресный костюм английского джентльмена пятьдесят третьего года правления королевы Виктории.

— Ты опоздал, — сказал Бог. — Ты знаешь, что давно опоздал с уплатой своего долга.

— Какого долга? — спросил Ричард Фрэнсис Бёртон*. Он пробежал кончиками пальцев по ребрам, чтобы убедиться, все ли они целы.

— Ты задолжал за плоть, — ответил Бог, снова ткнув его палкой. — Не говоря уже о душе. Ты задолжал за плоть и душу, что одно и то же.

---

* Ричард Фрэнсис Бёртон (1821—1890) — английский исследователь Востока. Открыл истоки Нила, озеро Танганьика. Перевел на английский язык сказки «Тысячи и одной ночи». (Здесь и далее примеч. пер.)

Бёртон попытался подняться на ноги. Никому, даже самому Господу, он не мог позволить тыкать Ричарда Бёртона палкой в ребра и уйти безнаказанно.

А Бог, не обращая никакого внимания на его тщетные попытки подняться, вытащил из жилетного кармана большие золотые часы, открыл тяжелую резную крышку, глянул на стрелки и сказал:

— Жутко опоздал.

Бог протянул свободную руку ладонью вверх.

— Платите, сэр. В противном случае я буду вынужден вам отказать.

— Отказать в чем?

Сгустилась тьма. Бог начал таять в темноте. Вот тогда Бёртон увидел, что Бог похож на него. Такие же черные прямые волосы, такое же восточное лицо с темными острыми глазами, высокими скулами, тяжелыми губами и торчащим, с глубокой поперечной складкой подбородком. С такими же длинными глубокими шрамами — свидетельством того, как сомалийский ятаган поработал над ним тогда в Бербере, — белевшими на щеках. Руки и ноги у Него были маленькие, в противоположность широким плечам и мощной грудной клетке. И еще у Него были длинные густые усищи и длинная раздвоенная борода, за которые бедуины прозвали Бёртона «Отцом Усатых».

— Ты похож на дьявола, — сказал Бёртон, но Бог превратился в одну из теней во мраке.

ГЛАВА 3

Бёртон еще спал, но был так близок к пробуждению, что понимал, что видит сон. Свет сменил ночь.

А потом его глаза открылись. И он не понял, где находится.

Над головой голубело небо. Его обнаженное тело оведал нежный ветерок. Его лысая голова, спина, ноги и тыльные стороны ладоней чувствовали прикосновение травы. Он повернул голову вправо и увидел равнину, поросшую очень невысокой, очень зеленой и очень густой травой. На протяжении мили равнина плавно шла на подъем. За равниной тянулась гряда холмов, поначалу невысоких, пологих, становившихся затем все круче и выше и все более резких очертаний. Холмы примыкали к горам и тянулись мили на две с половиной. Кругом росли деревья, покрытые яркой зеленью и алыми, синими, пылающе-желтыми и темно-розовыми цветами. Горы за холмами вздымались резко, перпендикулярно и

невероятно высоко. Горы были черные и сине-зеленые — похоже, они были сложены стекловидной вулканической лавой, которую испещряли огромные пятна лишайников, покрывавшие не менее четверти поверхности гор.

На равнине, между тем местом, где лежал Бёртон, и холмами, находилось множество человеческих тел. Ближайшее, лежавшее всего в нескольких футах, принадлежало белокожей женщине, которую Бёртон видел в вертикальном ряду прямо под собой.

Он хотел встать, но был так слаб и вял, что пока сумел с огромным усилием только повернуть голову влево. Там он увидел еще множество тел, лежавших на равнине, спускавшейся к реке, что текла примерно ярдах в ста от того места, где лежал Бёртон. Река была шириной около мили, а на противоположном ее берегу также располагалась равнина в милю шириной, поднимавшаяся к подножиям холмов. Там тоже росли деревья, а за холмами вставали высокие черные и сине-зеленые горы. «Там восток», — оцепенело подумал Бёртон. Из-за гор только что взошло солнце.

Почти на самом берегу реки возвышалась странная постройка из серого в красных пятнах гранита, по форме напоминающая гриб. Широкая ножка гриба поднималась больше чем на пять футов, а диаметр шляпки составлял около пятидесяти футов.

Бёртону удалось приподняться и подпереть голову рукой.

На обоих берегах реки он увидел еще несколько гранитных грибов.

И повсюду на равнине лежали обнаженные безволосые тела людей, на расстоянии примерно шести футов одно от другого. Большинство лежало на спине, лицом к небу. Некоторые начинали шевелиться, смотреть по сторонам, а кое-кто даже ухитрился сесть.

Он тоже сел и ощупал руками голову, лицо. Они оказались гладкими.

Тело у него теперь было совсем не таким, как у шестидесятидевятилетнего старика, лежавшего на смертном одре, — морщинистое, в складках, буграх, иссохшее. Теперь оно стало гладким и мускулистым, как тогда, когда ему было двадцать пять. Таким же, каким было, когда он парил между теми стержнями во сне. Во сне? Уж слишком все было живо, чтобы быть сном. Это был не сон.

Запястье его обвивала тонкая полоса прозрачного материала. Эта полоска соединялась с таким же прозрачным шестидюймовым ремешком. Другим концом ремешок крепился

к металлической дужке, служившей ручкой серого металлического цилиндра с закрытой крышкой.

Не слишком сосредоточиваясь на том, что делает, поскольку соображал пока неважно, он лениво приподнял цилиндр. Тот весил не больше фунта, следовательно, даже если был пустотелым, не мог быть железным. Диаметр цилиндра составлял полтора фута, а высота — больше двух с половиной.

У всех людей к запястьям были пристегнуты точно такие же цилиндры.

Неуверенно он поднялся на ноги. Сердце его билось все быстрее.

И остальные тоже вставали. На лицах у многих застыло нескрываемое изумление. Кое-кто выглядел испуганно. Глаза людей были широко раскрыты и выпучены, грудь сильно вздымалась и опадала, они тяжело, с присвистом дышали. Некоторые так дрожали, словно их обдувал ледяной ветер, хотя воздух был приятно теплым.

Странной, по-настоящему чужой и пугающей была почти полная тишина. Никто не произносил ни слова, раздавался только шум дыхания тех, кто находился поблизости, потом послышался легкий шлепок — это мужчина шлепнул себя по ноге, потом присвистнула женщина.

Люди стояли, широко раскрыв рты — так, словно собирались что-то сказать.

Потом они задвигались, стали смотреть друг на друга, порой подходили друг к другу поближе, чтобы прикоснуться друг к другу. Люди шаркали босыми ногами, поворачивались в одну сторону, потом в другую, глазели на холмы, на деревья, усыпанные огромными, ослепительно яркими цветами, на покрытые лишайниками высоченные горы, на искрящуюся зеленоватую реку, на громадные камни, похожие на грибы, на ремешки и серые металлические контейнеры.

Кое-кто ощупывал лысые головы и лица.

Все погрузились в бессмысленные движения и молчание.

И вдруг женщина стала кричать. Она упала на колени, запрокинула голову и завывала. В тот же миг кто-то еще завыл — далеко, у берега реки.

Вышло так, словно крики этих двоих стали сигналами. Или будто у этих двоих были ключи от человеческих голосов, и они отперли их.

Мужчины, женщины и дети начали кричать, вздымать к небу руки в молитве, бросаться на траву и прятать в ней лица, будто пытались спрятаться на манер страусов, или

катались по траве туда-сюда и лаяли, как собаки, или выли, как волки.

Страх и истерия захватили и Бёртона. Ему тоже захотелось пасть на колени и начать молиться о спасении от Суда. Он жаждал милосердия. Он боялся увидеть слепящий лик Господа, который мог явиться над горами, — лик, который был бы ярче солнца. Он оказался не так храбр и безгрешен, как думал о себе. Суд был бы так ужасен, так бесповоротно окончателен, что ему не хотелось даже думать о нем.

Когда-то он фантазировал о том, что стоит перед Богом после своей кончины. Он представился себе маленьким и голым, стоящим посреди широкой равнины, похожей на эту, но он был там один-одинешенек. И тогда Бог, огромный, как гора, шагнул к нему. А он, Бёртон, не тронулся с места и с вызовом смотрел на Бога.

Тут Бога не было, но Бёртон все равно бросился бежать. Он мчался по равнине, толкая мужчин и женщин, на кого-то насакивал, через кого-то перепрыгивал, и они катились по траве. Он бежал и вопил:

— Нет! Нет! Нет!

Руки его бешено размахивали, словно крылья ветряка, отгоняя невидимые страхи. Цилиндр, пристегнутый к запястью, вертелся и мотался из стороны в сторону.

Когда он устал так, что уже не мог кричать, когда ноги и руки его налились свинцом, а в легких разгорелся пожар и сердце готово было выскочить из груди, он бросился на траву под ближайшим деревом.

Отлежавшись, он сел и повернулся к равнине. Люди перестали кричать и выть — теперь они все наперебой болтали. Большею частью они разговаривали друг с другом, правда, казалось, друг друга не слышали. Бёртон не различал отдельных слов. Кое-кто из мужчин и женщин обнимались так, будто были знакомы прежде, и теперь прижимались друг к другу, словно хотели друг друга уверить в том, что они именно те, знакомые, и в том, что существуют наяву.

В огромной людской толпе были и дети, но ни одного моложе пяти лет. Как и взрослые, они были лысы. Половина детишек плакали, усевшись на траву. Другие тоже плакали, но при этом бегали туда-сюда, заглядывали снизу вверх в лица взрослых — наверняка искали родителей.

Бёртон стал дышать спокойнее. Встал и посмотрел по сторонам. Дерево, под которым он стоял, оказалось красной сосной (которую порой ошибочно называют норвежской) высотой примерно в двести футов. А за сосной стояло дерево, которого Бёртон никогда в жизни не видел. Он вообще сомне-

вался, что такое дерево растет на Земле (он был уверен, что сам находится не на Земле, хотя и не понимал, откуда у него такая уверенность). У дерева был толстый, сучковатый черный ствол и множество толстых ветвей, усеянных треугольными листьями длиной в шесть футов — зелеными с красной бахромой. Дерево возвышалось футов на триста. Росли тут и другие деревья, похожие на бархатные и белые дубы, пихты, тисы и широкохвойные сосны.

Тут и там виднелись заросли растений, напоминавших бамбук, и повсюду, где не росли ни деревья, ни бамбук, зеленела трава высотой фута в три. Не было видно никаких зверей. Ни насекомых, ни птиц.

Бёртон поискал глазами какую-нибудь палку или дубинку. Он не имел понятия, что на уме у людей, но, если человечество оставить без контроля и руководства, оно скоро возвратится к своему обычному состоянию. Как только люди оправятся от потрясения, они начнут думать о своем будущем, а это означало, что некоторые начнут нападать на других.

Ничего похожего на оружие Бёртон не нашел. Потом ему пришло в голову, что оружием ему может послужить металлический цилиндр. Он стукнул им по дереву. Веса в цилиндре было немного, но зато он оказался необычайно прочным.

Бёртон приподнял крышку, с одной стороны загнутую внутрь. Внутри цилиндра оказалось шесть замкнутых металлических колец, по три с каждой стороны. Размеры колец были таковы, что в каждом помещалась глубокая чашка или миска или прямоугольный контейнер из серого металла. Все контейнеры были пусты. Несомненно, со временем ему предстояло выяснить, как действует этот цилиндр.

Что бы ни случилось, вследствие воскрешения не возникли тела, состоящие из хрупкой мутной эктоплазмы. Бёртону достались и кости, и кровь, и плоть.

Чувствуя себя пока несколько оторванным от реальности, словно он освободился от одежд, в которые был одет привычный ему мир, он мало-помалу оправлялся от шока.

Ему хотелось пить. Нужно спуститься к реке и попить и надеяться, что вода в ней не отравлена. При этой мысли он криво усмехнулся и потер верхнюю губу. Палец его вынужден был испытать разочарование. «Необычная реакция», — подумал он, а потом вспомнил, что его густые усы исчезли. О да, он надеялся, что вода в реке не отравлена. Что за странная мысль! Зачем возвращать мертвых к жизни только затем, чтобы снова убить? Но он еще долго стоял под деревом.

Ему ненавистна была мысль о том, чтобы пробираться сквозь истерично рыдающую, ведущую бессвязные речи толпу к реке. Тут, вдалеке от толпы, он был свободен от ужаса, паники и шока, в которых толпа тонула, словно в море. Пойди он обратно, его бы снова захлестнули их эмоции.

И вдруг Бёртон увидел, как от множества обнаженных фигур отделилась одна и зашагала к нему. И еще он увидел, что шагала к нему не человек.

Вот тогда Бёртон и уверился в том, что наставший День Воскрешения не таков, каким его себе представляла любая религия. Бёртон не верил в Бога, каким его описывали христиане, мусульмане, индуисты — поборники любой веры. На самом деле, он не был уверен в том, что вообще верит в какого-либо Создателя. Он верил в Ричарда Фрэнсиса Бёртона, ну, и еще в кое-кого из друзей. Он был уверен в том, что, как только умрет, мир перестанет существовать.

ГЛАВА 4

Очнувшись после смерти здесь, на этой равнине у реки, он не мог защититься от сомнений, существующих у любого человека, который в раннем возрасте получил религиозное воспитание, а потом жил в мире взрослых, в обществе, при любом удобном случае проповедовавшем свои убеждения.

Теперь, видя, как к нему приближается чужак, Бёртон уверился в том, что у этого события должно существовать не только сверхъестественное объяснение. Он находился здесь по какой-то физической, научной причине и не обязан был довольствоваться иудео-христианско-мусульманскими мифами, чтобы объяснить это.

Существо... оно... нет, он — существо определено было самцом... двуногим самцом ростом в шесть футов восемь дюймов. Его розовокожее тело было удивительно стройным. У существа было по четыре пальца на руках и ногах, длинных и тонких. На груди, ниже сосков, — темно-красные пятнышки. Лицо его было получеловеческим. Густые черные брови опускались к острым скулам и сливались с коричневатой бородкой. Края ноздрей заканчивались тонкой мембраной шириной примерно в шестнадцатую долю дюйма. Толстую хрящевую подушечку на кончике носа пересекала глубокая складка. Губы существа были тонкие, кожистые, черные. Уши — без мочек, и раковины их были изогнуты не так, как у людей. Мошонка выглядела так, словно в ней находилось множество маленьких яичек.

Бёртон видел именно это существо там, в том ужасном месте, похожем на ночной кошмар, в нескольких рядах от себя.

Существо остановилось, не дойдя до Бёртона нескольких футов, улыбнулось и при этом обнажило совершенно человеческие зубы. Оно сказала:

— Надеюсь, вы говорите по-английски. Правда, я умею довольно бегло разговаривать по-русски, на мандаринском наречии китайского и на хинди.

Бёртон немного испугался — примерно так, как если бы с ним заговорила собака или обезьяна.

— Вы говорите на среднезападном диалекте американского английского, — ответил он. — И, кстати, неплохо. Хотя и слишком старательно.

— Благодарю вас, — ответило существо. — Я пошел за вами, потому что вы показались мне единственным, кто проявил достаточно разумности и удалился от скопления народа. Вероятно, у вас имеются какие-то объяснения этого... как вы это называете... воскресения?

— Не более, чем у вас, — ответил Бёртон. — На самом деле, у меня нет никакого объяснения вашему существованию — как до, так и после воскресения.

Густые брови чужака изогнулись, и Бёртон понял, что таким образом тот выразил удивление или озадаченность.

— Нет? Это странно. Я мог бы поклясться, что каждый из шести миллиардов обитателей Земли слышал меня или видел по телевидению.

— Телевидению?

Брови существа снова изогнулись.

— Вы не знаете, что такое телевидение...

Он не закончил фразу и снова улыбнулся:

— Ну конечно, как это глупо с моей стороны! Вы же, наверное, умерли до того, как я прибыл на Землю!

— И когда же это произошло?

Брови чужака приподнялись (Бёртон решил, что это равноценно тому, как если бы человек нахмурился), и он медленно проговорил:

— Дайте подсчитать. Пожалуй, в соответствии с вашей хронологией, это произошло в две тысячи втором году после Рождества Христова. А вы когда умерли?

— Наверное, в тысяча восемьсот девяностом после Рождества Христова, — ответил Бёртон. Существо удалось вернуть ему ощущение того, что все происходящее нереально. Бёртон пробежался кончиком языка по деснам и обнаружил, что зубы, утраченные им в тот день, когда сомалийское копье рассекло его щеки, на месте. Но при этом он был обрезан, и обрезаны были мужчины на берегу реки — а ведь большинство из них кричали по-немецки, итальянски, по-словенски —

так, как разговаривали в Триесте. В его время большинство мужчин в этих краях не могли быть обрезаны.

— По меньшей мере, — добавил Бёртон, — я ничего не помню после двадцатого октября тысяча восемьсот девяностого года.

— А-аб! — воскликнуло существо. — Значит, я покинул мою родную планету почти за двести лет до того, как вы умерли. Моя планета? Это спутник звезды, которую вы, земляне, зовете «Тау Кита». Мы погрузились в состояние анабиоза, и, когда наш корабль приблизился к вашему солнцу, мы подверглись автоматическому оттаиванию, и... но вы не понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем. Все происходит слишком быстро. Мне хотелось бы потом узнать подробности. Как вас зовут?

— Монат Грраутут. А вас?

— Ричард Фрэнсис Бёртон, к вашим услугам.

Он слегка поклонился и улыбнулся. Несмотря на странную внешность чужака и кое-какие отталкивающие физические подробности, Бёртон начинал чувствовать к нему некоторую симпатию.

— Покойный капитан сэр Ричард Фрэнсис Бёртон, — уточнил он. — В последнее время служил консулом ее величества в австро-венгерском порту Триест.

— Королевы Елизаветы?

— Я жил в девятнадцатом веке, а не в шестнадцатом.

— Королева Елизавета царствовала в Великобритании в двадцатом веке, — отозвался Монат и повернулся к реке.

— Почему они так напуганы? Все те люди, с которыми я познакомился, не сомневались либо в том, что жизнь после смерти существует, либо в том, что им после смерти суждено предпочтение.

Бёртон усмехнулся и ответил:

— Те, кто отрицал жизнь после смерти, теперь уверены, что пребывают в аду за то, что отрицали загробную жизнь. Те же, кто верил, что попадут в рай, наверное, шокированы тем, что голы. Понимаете, на большинстве картин, изображающих нашу загробную жизнь, голы те, кто попал в ад, а те, что попали в рай, одеты. Стало быть, если ты воскрес с голой задницей, ты в аду.

— Похоже, вы развеселились, — заметил Монат.

— Несколько минут назад я вовсе не веселился, — возразил Бёртон. — И я потрясен. Сильно потрясен. Но то, что я вижу тут вас, заставляет меня думать о том, что все не так, как представляли себе люди. Так часто бывает. А Господь, если и собирается явиться, что-то не торопится. Думаю, для

этого существует объяснение, но оно не согласуется ни с одной из известных мне концепций.

— Сомневаюсь, что мы на Земле, — проговорил Монат и поднял вверх руку с длинными вытянутыми пальцами, на кончиках которых вместо ногтей красовались толстые хрящевые подушечки. — Если, — сказал он, — вы внимательно поглядите на небо, прикрыв глаза ладонью, вы различите рядом с солнцем другое небесное тело. Это не луна.

Бёртон прикрыл ладонями глаза (при этом металлический цилиндр лег ему на плечо) и уставился туда, куда указывал чужак. Там он разглядел слабо светящееся небесное тело, размеры которого составляли около одной восьмой диаметра полной луны. Отняв руки от глаз, он спросил:

— Звезда?

— Наверное, — ответил Монат. — Похоже, я рассмотрел еще несколько слабо светящихся небесных тел на небе, но я в этом не очень уверен. Узнаем, когда наступит ночь.

— И как вы думаете, где мы находимся?

— Не знаю.

Монат указал на солнце:

— Оно восходит, значит, будет и садиться, а потом наступит ночь. Думаю, стоит приготовиться к ночлегу. И к другим событиям. Сейчас тепло, и становится все теплее, но ночь может оказаться холодной, может и дождь пойти. Следует построить какое-нибудь укрытие. Кроме того, следует подумать о пропитании. Наверное, это устройство, — он указал на цилиндр, — прокормит нас.

— Почему вы так думаете? — спросил Бёртон.

— Я заглянул в свое. Там миски и чашки, и все они сейчас пусты, но наверняка должны наполниться.

К Бёртону вернулось ощущение реальности. Существо — тау-китянин! — рассуждало так прагматично, так разумно, что стало чем-то вроде якоря, к которому Бёртон мог привязать свои ощущения, пока они снова его не покинули. И потом — несмотря на отталкивающую чужеродность тау-китянина, он излучал дружелюбие и открытость, которые согревали Бёртона. Кроме того, любой представитель цивилизации, способной преодолеть многие триллионы миль межзвездного пространства, наверняка располагал крайне ценными знаниями и возможностями.

От толпы стали отделяться другие люди. К Бёртону неторопливо шагала группа, состоявшая примерно из десятка мужчин и женщин. Некоторые разговаривали, а другие молчали, широко открыв глаза. Похоже, на уме у них никаких определенных намерений не было — они просто двигались,

словно туча, подгоняемая ветром. Поравнявшись с Бёртоном и Монатом, люди остановились.

Замыкавший группу человек привлек особое внимание Бёртона. Монат определенно человеком не был, а этот был либо недочеловеком, либо человеком доисторическим. Ростом он был чуть выше пяти футов, приземистый и с могучими мускулами. Голова его, выступающая вперед, сидела на присогнутой, очень толстой шее. Лоб человека был низкий и скошенный, а череп узкий, удлинённой формы. Огромные надбровные дуги нависали над темно-кариими глазами. Нос представлял собой мясистую нашлепку с выгнутыми дужками ноздрей, а массивные челюсти выпячивали тонкие губы. Наверное, когда-то его кожу покрывали густые волосы, но теперь он был так же безволос, как и все остальные.

Громадные руки человека выглядели так, словно им под силу выжать воду из булыжника.

Он все время оглядывался, будто боялся, что кто-то крадется сзади. Когда он приближался к людям, те отшатывались.

Но вот к нему подошел мужчина и сказал получеловеку что-то по-английски. Очевидно, мужчина вовсе не ожидал, что будет понят, он просто пытался выразить дружелюбие. Голос у него оказался какой-то хриловатый. У подошедшего — мускулистого юноши ростом футов в шесть — было красивое лицо — так решил Бёртон, когда незнакомец стоял к нему анфас — но в профиль черты его оказались до смешного резкими. Глаза у незнакомца были зеленые.

Когда он обратился к получеловеку, тот слегка подпрыгнул от неожиданности и уставился на улыбающегося юношу глубоко посаженными глазами, а потом улыбнулся, обнажив здоровенные крепкие зубы, и что-то сказал на незнакомом Бёртону языке, а потом ткнул себя в грудь пальцем и произнес слово, звучащее, как Каззинтуитруаабемсс. Позднее Бёртон узнал, что так зовут доисторического человека и значит это: «Человек-Который-Сразил-Длинного-Белого-Клыка».

Кроме троглодита, в группе было пятеро мужчин и четверо женщин. Двое мужчин были знакомы по земной жизни, а один из них был женат на одной из женщин. Все подошедшие оказались либо итальянцами, либо словенцами, умершими в Триесте примерно в тысяча восемьсот девяностом году, но Бёртон никого из них не знал лично.

— Вы, — сказал Бёртон, указав на мужчину, который говорил по-английски, — шаг вперед. Как вас зовут?

Мужчина растерянно шагнул вперед и спросил:

— Вы англичанин, верно?

Говорил он на среднезападном диалекте американского английского, отличавшемся некоторой небрежностью.

Бёртон протянул ему руку и сказал:

— Ну. Я буду Бёртон.

Молодой человек вздернул отсутствующие брови и оторопело переспросил:

— Бёртон? — Потом наклонился и уставился в лицо Бёртона. — Неужто... Быть не может...

Он выпрямился.

— Меня звать Питер Фрайгейт. Ф-Р-А-Й-Г-Е-Й-Т. — Он оглянулся и проговорил еще более напряженно: — Трудно говорить связно. Знаете, все просто в шоке. У меня такое чувство, словно я на части разрываюсь. Только... вот они мы... снова живые... снова молодые... и никакого адского пламени... то есть пока никакого вроде бы. Родился в тысяча девятьсот восемнадцатом, умер в две тысячи восьмом... из-за того, что натворил этот инопланетянин... только я на него зла не держу... он, знаете, только защищался.

Голос Фрайгейта сорвался и перешел в шепот. Он нервно усмехнулся, глядя на Моната.

Бёртон спросил:

— Вам знаком этот... Монат Грраутут?

— Не то чтобы так уж знаком... — ответил Фрайгейт. — Я на него по телеку насмотрелся, конечно, и начитался про него, и наслушался.

Он протянул Монату руку так, словно ждал, что ее оттолкнут. Монат улыбнулся, и они обменялись рукопожатием.

Фрайгейт сказал:

— Думаю, неплохо бы нам держаться друг дружки. Нам может понадобится защита.

— Почему? — спросил Бёртон, хотя отлично понимал почему.

— Вы же знаете, как испорчено большинство людей, — сказал Фрайгейт. — Как только они привыкнут к тому, что воскресли, они начнут драться за женщин и еду и за все, что только им понравится. И еще я думаю, что стоит подружиться с этим неандертальцем, или кто он там такой. Из него отменный боец получится.

Казз, как его стали называть потом, казалось, жутко хочет, чтобы его приняли в общество. В то же время он с крайним подозрением относился к любому, кто подходил к нему поближе.

Тут мимо прошла женщина, непрерывно бормоча по-немецки:

— Господи! Что я такого сделала, чем тебя прогневала?

Мужчина, сжав кулаки и подняв руки к плечам, кричал на идише:

— Моя борода! Моя борода!

А другой мужчина тыкал пальцем в свои гениталии и бормотал по-словенски:

— Они из меня жида сделали! Жида! Как вам это? Нет, так не бывает!

Бёртон ослабился и сказал:

— Ему и в голову не приходит, что, может быть, Они из него сделали магометанина, или австралийского аборигена, или древнего египтянина — все эти народы производили обрезание.

— Что он сказал? — спросил Фрайгейт.

Бёртон перевел, и Фрайгейт расхохотался.

Мимо пробежала женщина, отчаянно пытаясь прикрыть руками груди и лобок. Она бормотала:

— Что подумают, что подумают?

Женщина скрылась за деревьями.

Мимо прошли мужчина и женщина, громко разговаривая по-итальянски — так, словно их разделяла широкая дорога.

— Нет, мы не в раю... Знаю, о Боже, знаю!.. Там был Джузеппе Зозини, а ты же знаешь, какой он страшный грешник... он должен гореть в огне ада! Знаю, знаю... он крал из сокровищницы, он шлялся по притонам, он допился до смерти... и все-таки... он здесь!.. Знаю, знаю...

Еще одна женщина промчалась мимо, крича по-немецки:

— Папочка! Папочка! Где ты? Это я, твоя любимая Хильда!

Какой-то мужчина выругался, непрерывно повторяя по-венгерски:

— Я потратил всю жизнь, всю жизнь. Я все, все для них делал, а теперь...

Мужчина, размахивая перед собой металлическим цилиндром, словно кадиллом, выкрикивал:

— Идите за мной в горы! Идите за мной! Я знаю истину, добрые люди! Идите за мной! Мы спасемся, припав к груди Господа! Не верьте обману, окружающему вас, идите за мной! Я отверзну ваши очи!

Другие либо сбивчиво говорили, либо молчали, сжав губы так плотно, будто боялись, что нечаянно проговорятся.

— Должно пройти время, пока они успокоятся, — сказал Бёртон.

Он чувствовал, что и ему самому нужно время, чтобы освоиться в этом мире.

— Они могут никогда не узнать истины, — проговорил Фрайгейт.

— О чем это вы?

— Они никогда не знали Истины — Истины с большой буквы — на Земле, так как они узнают ее здесь? Почему вы думаете, что нам будет дано откровение?

Бёртон пожал плечами и ответил:

— Я так не думаю. Я думаю о том, что мы должны понять, что собой представляет место, в котором мы оказались, и как тут можно выжить. Судьба человека, который сидит сиднем, тоже с места не двигается.

Он махнул рукой в сторону реки:

— Видите эти каменные грибы? Похоже, они расставлены с промежутками в милю. Интересно, для чего они предназначены?

Монат сказал:

— Если присмотреться к ближайшему как следует, то видно, что на его поверхности — около семисот круглых вмятин. Их размер как раз соответствует размеру основания цилиндра. На самом деле на верхушке гриба стоит цилиндр. Думаю, если мы посмотрим на этот цилиндр, мы сумеем понять, для чего предназначены эти грибы. Подозреваю, что они для того тут и стоят, чтобы мы в этом разобрались.

ГЛАВА 5

К ним подошла женщина среднего роста, с прекрасной фигурой и лицом, которое было бы красиво, будь оно обрамлено волосами. Глаза у нее были большие и темные. Она и не пыталась прикрываться руками. Бёртон несколько не волновался, глядя на нее, да и вообще ни на кого из женщин. Для этого он был слишком обескуражен.

Женщина заговорила хорошо поставленным голосом с оксфордским акцентом.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказала она. — Я вас невольно подслушала. Вы — единственные, кто говорит по-английски, из тех, чьи голоса я услышала с тех пор, как очнулась... здесь, где бы это ни было. Я англичанка и ищу защиты. Полагаюсь на ваше милосердие.

— К счастью для вас, мадам, — отозвался Бёртон, — вы обратились к тому, к кому вам и следовало обратиться. По крайней мере, что касается лично меня, я могу заверить вас, что вы получите всякую защиту, на какую я только способен. Хотя, будь на моем месте некоторые из английских джентльменов, которых я некогда знал, с вами могли бы и не так хорошо обойтись. Кстати говоря, вот этот джентльмен — не англичанин. Он янки.

Ему самому показалось довольно странным, что он ведет столь цивилизные речи посреди всеобщего гвалта, оглашавшего долину, да еще при том, что все вокруг наги, как новорожденные младенцы, и лысы, как угри.

Женщина протянула Бёртону руку.

— Я — миссис Харгривз, — представилась она.

Бёртон взял ее руку и, склонившись, нежно поцеловал. Чувствовал он себя при этом в высшей степени по-дурацки, однако этот жест укрепил его зацепку за реальность происходящего. Может быть, если бы удалось сохранить формы вежливости, принятые в обществе, то удалось бы вернуть и «верность» всего остального.

— Покойный капитан сэра Ричард Фрэнсис Бёртон, — проговорил он, слегка усмехнувшись, когда произносил слово «покойный». — Возможно, вы слышали обо мне.

Женщина отняла руку и снова протянула:

— Да, я о вас слышала, сэр Ричард.

Кто-то воскликнул:

— Это невозможно!

Бёртон глянул на Фрайгейта — восклицание принадлежало ему.

— Почему же нет? — спросил он.

— Ричард Бёртон! — снова воскликнул Фрайгейт. — Да. Я так думал, но как же совсем без волос?..

— Н-ну? — протянул Бёртон.

— Н-ну! — отозвался Фрайгейт. — Так в книжках написано!

— О чем это вы толкуете?

Фрайгейт сделал глубокий вдох и проговорил:

— Ничего такого, мистер Бёртон. Я вам попозже объясню. Пока же смотрите на это так: я просто сильно взволнован. Не в себе. Вы это, конечно, понимаете.

Он напряженно всмотрелся в лицо миссис Харгривз, покачал головой и спросил:

— А вас зовут Алиса?

— Ну да! — воскликнула она, улыбнулась и стала красивой, невзирая на отсутствие волос. — Откуда вы знаете? Мы встречались? Нет, не думаю.

— Алиса Плэзнс Лидделл Харгривз?

— Да!

— Я должен присесть, — пробормотал американец. Он добрал до дерева и сел, прислонившись спиной к стволу. Глаза у него слегка остекленели.

— Послешоковое состояние, — заключил Бёртон.

В ближайшее время столь же странного поведения и разговоров можно было ожидать от других. Он и от себя мог ожидать в некотором смысле не совсем рациональных поступков. Важно было найти укрытие, еду и составить какой-нибудь план общей обороны.

Бёртон переговорил с остальными на итальянском и словенском и со всеми познакомился. Когда он предложил остальным проследовать вместе с ним на берег реки, никто не высказался против этого предложения.

— Не сомневаюсь, мы все мучаемся жаждой, — сказал он. — И, кроме того, мы должны посмотреть, что это за каменный гриб.

Группа отправилась к реке. Люди сидели на траве или слонялись туда-сюда. По дороге компания миновала громко спорившую о чем-то парочку. Спорили они настолько горячо, что лица их покраснелись. По всей вероятности, то были муж и жена, которые продолжали свой извечный спор. Неожиданно мужчина развернулся и зашагал прочь. Женщина, не веря своим глазам, смотрела ему вслед, а потом бросилась за ним. Он отшвырнул ее так резко, что она упала на траву, и затерялся в толпе, а женщина стала бродить кругом, выкрикивая его имя и угрожая закатить скандал, если он немедленно не выйдет к ней.

Бёртон вспомнил свою жену, Изабель. Пока он не видел ее в толпе, но это вовсе не означало, что ее здесь нет. Но она будет искать его. Она не остановится, пока не найдет.

Он пробрался сквозь толпу к берегу, опустил на колени и набрал воду в ладони. Вода оказалась прохладная, чистая и освежающая.

В желудке Бёртон ощутил полную пустоту. Утолив жажду, он почувствовал голод.

— Воды Реки Жизни, — проговорил Бёртон. — Стикс? Лета? Нет, не Лета. Я ведь помню все о своем земном существовании.

— А я бы о своем хотел забыть, — сказал Фрайгейт.

Алиса Харгривз опустила на колени у края воды, зачерпнула воду одной рукой, а на другую оперлась. «Фигура у нее действительно чудесная, — подумал Бёртон. — Интересно, когда у нее отрастут волосы, будет ли она блондинкой, — если отрастут». Может быть, Тот, кто их сюда забросил — кто бы это ни был, — решил, что все они должны быть безволосы — по какой-то причине, ведомой только Ему.

Потом они забрались на верхушку ближайшего гранитного гриба. Темно-серый мелкозернистый гранит усеивали красные вкрапления. На плоской поверхности гриба имелось семь

сотен углублений, расположенных пятьюдесятью концентрическими окружностями. В центральном углублении стоял металлический цилиндр. Невысокий темнокожий мужчина с длинным носом и маленьким подбородком, скошенным назад, рассматривал цилиндр. Когда компания подошла поближе, он поднял голову и улыбнулся.

— Этот не открывается, — сообщил он по-немецки. — Может быть, попозже откроется. Уверен, он тут стоит для того, чтобы показать, что нам делать с нашими контейнерами.

Мужчина представился Львом Руахом и после того, как Бёртон, Фрайгейт и миссис Харгривз назвали свои имена, перешел на английский, на котором говорил с ужасающим акцентом.

— Я был атеистом, — сказал он, обращаясь больше к самому себе, чем к кому бы то ни было. — А теперь я уже и сам не знаю! Это местечко, знаете ли, может здорово шокировать как атеиста, так и самых фанатичных верующих, которые представляли себе загробную жизнь совсем иначе. Ну так вот, стало быть, я ошибался. Ну да это не впервой.

Он хмыкнул и посмотрел на Моната.

— А тебя я сразу узнал, — проворчал он. — Это хорошо, что ты примкнул к тем людям, большинство из которых померли в девятнадцатом веке. Иначе тебя бы линчевали.

— Это почему? — спросил Бёртон.

— Он погубил Землю, — ответил Фрайгейт. — По крайней мере, я так думаю.

— Сканнер, — печально проговорил Монат, — предназначался для уничтожения только человеческих существ. И его действие не распространялось на все человечество. Он должен был прекратить воздействие после того, как заранее определенное число людей — увы, довольно-таки значительное — умрет. Поверьте мне, друзья мои, я этого не хотел. Вы не представляете, какой боли, какого труда мне стоило решение нажать на кнопку. Но я обязан был защитить мой народ. Вы вынудили мою руку нажать на кнопку.

— Все началось, когда Монат выступал в прямом эфире, — сказал Фрайгейт. — Монат сделал опрометчивое заявление. Он сказал, что ученые его планеты располагают знаниями и способностью спасти людей от старения. Теоретически — с помощью техники тау-китян — человек способен жить вечно. Но на его планете эти знания не применялись — там они запрещены. Тележурналист, который вел беседу, спросил его, можно ли применять эту методику для продления жизни землян. Монат ответил, что не видит причины, почему бы и

нет. Но омоложением его народ не пользовался по вполне веской причине, и это также относилось к землянам. К этому моменту правительственный цензор понял, что происходит, и отключил звук. Но было уже слишком поздно.

— А потом, — добавил Лев Руах, — американское правительство сообщило, что Монат не понял вопроса и что недостаточно хорошее знание английского языка привело к тому, что он ошибся в ответе. Но было слишком поздно. Народы Америки и всего мира потребовали, чтобы Монат раскрыл тайну вечной молодости.

— Которой я не располагал, — вставил Монат. — И ни у кого из нашей экспедиции таких знаний не было. На самом деле мало кому на моей планете это ведомо. Но говорить об этом людям было бесполезно. Они думали, что я лгу. Начался бунт, толпа разогнала охрану около нашего корабля и ворвалась внутрь. Я видел, как моих друзей, пытающихся образумить толпу, рвали в клочья. Образумить!

Но я сделал то, что сделал, не в отместку, а совсем по другой причине. Я понимал, что после того, как нас перебьют, правительство США наведет порядок. И заполучит наш корабль. Не пройдет много времени, и земные ученые сумеют построить такой же. За этим неизбежно последует отправка земной флотилии к нашей планете. И вот я решил сделать так, чтобы Земля была отброшена назад на многие столетия, а может быть, и на тысячелетия. Зная, что я должен совершить страшный поступок ради спасения собственной планеты, я послал сигнал сканнеру, находившемуся на орбите. Мне бы не пришлось делать этого, если бы я сумел добраться до кнопки самоуничтожения корабля. Но я не мог попасть в отсек управления. И тогда я нажал кнопку активации сканнера. Через несколько мгновений толпа ворвалась в комнату, где я прятался. После этого я ничего не помню.

Фрайгейт сказал:

— Я находился в больнице в Западном Самоа, умирая от рака, и гадал, похоронят ли меня рядом с Робертом Льюисом Стивенсоном. «Вряд ли», — думал я. Но ведь я все-таки перевел «Илиаду» и «Одиссею» на самоанский... А потом стали доходить новости. Люди по всему миру умирали. Причина этого была очевидна. Тау-китянский спутник что-то такое излучал, что поражало людей. Последнее, о чем я узнал, было то, что США, Англия, Россия, Китай, Франция и Израиль послали ракеты, чтобы перехватить спутник и взорвать его. А спутник летел так, что через несколько часов должен был оказаться прямо над Самоа. Я, наверное, слишком сильно

переволновался для того ослабленного состояния, в котором находился, и потерял сознание. Больше я ничего не помню.

— Перехват не удался, — сказал Руах. — Сканнер взорвал ракеты, когда они еще не успели к нему подлететь.

Бёртон подумал, что ему еще многое нужно узнать о времени после тысяча восемьсот девяностого года, но теперь размышлять об этом не время.

— Предлагаю прогуляться по холмам, — сказал он. — Нужно посмотреть, что там за растительность и нет ли полезных растений. Кроме того, если там найдутся какие-нибудь камни, мы могли бы изготовить из них оружие. Этот парень из палеолита и наверняка соображает в обработке камней. Он покажет нам, как это делается.

Они пересекли равнину шириной в милю и углубились в холмы. По пути к группе присоединилось еще несколько человек, в том числе маленькая девочка лет семи с темно-синими глазами и хорошеньким личиком. Бёртон на двенадцати языках спросил у нее, нет ли поблизости кого-то из ее родителей или других родственников, и все это время девчушка жалостливо смотрела ему в глаза. Все, кто знал еще какие-нибудь языки, все их перепробовали — множество европейских и многие из африканских и азиатских: иврит, хинди, арабский, берберский диалект, румынский, турецкий, фарси, латынь, греческий, пушту.

Фрайгейт, немного знавший валлийский и гэльский языки, заговорил с девочкой. Она выпучила глаза, а потом нахмурилась. Похоже, слова этих языков были ей знакомы, но все-таки недостаточно для того, чтобы их понимать.

— Судя по всему, — сообщил в конце концов Фрайгейт, — она, скорее всего, из древних кельтов. Все время повторяет слово «Гвенафра». Может быть, это ее имя?

— Мы научим ее английскому, — сказал Бёртон. — И будем звать ее Гвенафрой.

Он подхватил девочку на руки и зашагал вперед. Девчушка расплакалась, но вырываться не пыталась. Плакала она, видимо, потому, что измучилась от невыносимого напряжения и наконец нашла защитника, чему страшно обрадовалась. Бёртон наклонил голову и прижался лицом к тельцу малышки. Он не хотел, чтобы другие видели набежавшие на его глаза слезы.

В том месте где равнина встречалась с холмами, словно линия была проведена — невысокая трава резко сменялась толстыми стеблями растений высотой до пояса, напоминавших альфальфу. Кроме нее тут в изобилии росли высокие, словно башни, сосны — красные и широкохвойные, — дубы,

тисы, сучковатые гиганты с багровыми и зелеными листьями, и бамбук. Бамбука насчитывалось несколько разновидностей — от тоненьких стебельков высотой всего в несколько футов до гигантов выше пятидесяти футов. На многих деревьях висели лианы, усыпанные крупными зелеными, красными, желтыми и синими цветами.

— Бамбук годится для изготовления древков копий, — сказал Бёртон, — а также труб водопровода, контейнеров, его можно использовать в качестве основного материала при постройке домов, изготовлении мебели, лодок, древесного угля — даже порох из него можно делать. А молодые побеги некоторых видов бамбука годятся в пищу. Но, для того чтобы его срезать и обрабатывать, нам нужны камни, из которых можно будет изготовить инструменты.

Они взбирались на холмы, которые по мере приближения к горам становились все выше. Прошагав довольно бодро мили две, а потом почти ползком одолев еще миль восемь, они остановились у подножия горы. Она вздымалась вверх отвесной сине-черной вулканической скалой, поросшей крупными островками сине-зеленых лишайников. Определить высоту горы было невозможно, но Бёртон не думал, что сильно ошибется, если предположит, что она не ниже двадцати тысяч футов. Оглянувшись на равнину, он убедился, что гора представляет собой неплохое укрытие.

— А вы заметили, что тут совсем нет животных? — спросил Фрайгейт. — Даже насекомых не видно.

Бёртон вскрикнул. Он бросился к куче каменных обломков и вытащил из нее кусок зеленоватого камня размером с кулак.

— Кремень, — сказал он. — Если его тут окажется достаточно, мы сможем изготовить ножи, наконечники копий, скребки, топоры. А с их помощью мы сумеем строить дома, лодки и еще множество разных вещей.

— Инструменты и оружие нужно привязывать к древкам, — заметил Фрайгейт. — Что же послужит нам материалом для этого?

— Может быть, человеческая кожа, — ответил Бёртон.

Всех не на шутку потрясло это заявление. Бёртон странно, щебечуще расхохотался — что совершенно не согласовывалось с его мужественной внешностью.

— Если мы будем вынуждены убить кого-то из самозащиты, или если нам здорово повезет, и мы наткнемся на труп, который для нас милостиво бросил какой-нибудь убийца, будет глупо не воспользоваться тем, в чем мы так нуждаемся. Правда, если среди вас найдутся люди, настолько

жертвенные, что готовы выделить немного своего эпидермиса на нужды группы, шаг вперед! Мы не забудем о вас в наших завещаниях.

— Вы, безусловно, шутите, — сказала Алиса Харгривз. — Не сказала бы, что я в восторге от подобных речей.

Фрайгейт хмыкнул:

— Пообщайтесь с ним подольше, кое-что и похуже услышите.

Но что это значило, он не объяснил.

ГЛАВА 6

Бёртон рассматривал скальное основание горы. Сама гора была сложена сине-черной плотной породой, напоминающей какую-то разновидность базальта. Но на земле у подножия скального основания валялись или торчали из почвы куски кремня. Похоже, они упали откуда-то сверху, следовательно, гора, скорее всего, не представляла собой базальтовый монолит. Сжав в руке кусочек кремня с острым краем, Бёртон соскреб со скалы лишайник, и под ним обнаружилась порода, похожая на зеленоватый доломит. По всей вероятности, куски кремня могли отколоться от доломита, хотя никаких признаков разлома или крошения жилы заметно не было.

А лишайник напоминал *Parmelia saxatilis*, который рос также на долго пролежавших в земле костях, в частности — на черепках, и поэтому, в соответствии с «Доктриной Прописей», представлял собой средство для лечения эпилепсии и заживляющий бальзам для ран.

Услышав, как кто-то стучит камнем о камень, Бёртон вернулся к группе. Все стояли кружком около американца и неандертальца, а те уселись на корточки и трудились над кусками кремня. Обоим удалось изготовить грубые топоры. Остальные стояли и смотрели на их работу, а они изготовили еще шесть штук. А потом взяли по большому куску кремня и разбили их надвое другими камнями. Затем одной половинкой стали отбивать от края второй тонкие осколки. Они поворачивали камни и старательно колотили по ним, пока не изготовили каждый примерно по десятку лезвий.

Они трудились и трудились — человек, который жил за сто тысяч лет до Рождества Христова, а то и раньше, и человек, живший в самые совершенные времена человеческой эволюции и бывший продуктом высочайшей цивилизации (в техническом смысле) на Земле. На самом деле он был одним из последних на Земле людей — если верить ему.

Вдруг Фрайгейт взвыл, подпрыгнул и стал скакать на месте, сжимая правой рукой большой палец левой. Он, судя по всему, промахнулся при ударе. Казз ухмыльнулся, обнажив здоровенные зубы размером чуть ли не с надгробные камни. Он тоже встал и ушел в заросли травы забавной раскачивающейся походкой. Несколько минут спустя он вернулся и принес шесть бамбуковых палок с заостренными концами и еще несколько — с ровно обрезанными. Он уселся на корточки и принялся обрабатывать одну из палок, пока не расщепил ее край и не вставил в прорезь треугольный скошенный край топора, после чего привязал камень к палке длинными стеблями травы.

Через полчаса группа вооружилась топориками, топорами с бамбуковыми топорщами, кинжалами и копьями с деревянными и каменными наконечниками.

К этому времени рука Фрайгейта перестала болеть так сильно, как сразу после ушиба, и кровь остановилась. Бёртон поинтересовался, откуда у Фрайгейта такое мастерство в обработке камней.

— Я был любителем-антропологом, — ответил тот. — Многие люди — ну, относительно многие — учились изготавливать инструменты и оружие из камней в качестве хобби. Кое-кто добился неплохих успехов, хотя, конечно, на мой взгляд, никому из современных людей не удалось стать такими же умелыми и быстрыми в этом смысле, как специалистам из времен неолита. Эти-то ребята — они таким всю жизнь занимались, как вы понимаете.

И потом, я довольно много знаю об обработке бамбука, так что могу пригодиться.

Группа отправилась к реке. На вершине высокого холма они ненадолго задержались. Солнце стояло почти в зените. Отсюда открывался вид на течение реки на протяжении многих миль и на ее противоположный берег. Правда, с такого расстояния различить людские фигуры на другом берегу было невозможно, но там виднелись каменные грибы. Рельеф противоположного берега походил на рельеф того берега, на котором находились Бёртон и его спутники. Равнина в милю шириной и примерно две с половиной мили холмов, поросших деревьями. А за холмами — крутые, неприступные черные и зеленовато-синие горы.

К северу и к югу долина тянулась ровно миль на десять. Потом изгибалась, и река терялась из виду.

— Тут поздно светает и рано темнеет, — сказал Бёртон. — Значит, нужно как можно больше успеть засветло.

Как раз в этот миг все вскочили и многие закричали. На верхушках каменных грибов вспыхнуло синее пламя, взметнулось футов на двадцать и исчезло. А еще через несколько секунд раздался далекий раскат грома. От гор, вздымавшихся за спиной, эхом отразился его звук.

Бёртон взял на руки девочку и стал спускаться с холма. Хотя группа шла хорошим шагом, время от времени всем приходилось останавливаться и переводить дух. И все равно Бёртон чувствовал себя замечательно. Так много лет прошло с тех пор, как мышцы так хорошо слушались его, что ему даже не хотелось останавливаться для того, чтобы насладиться этим ощущением. Ему с трудом верилось, что совсем недавно его правая нога опухала от подагры, а сердце дико колотилось, стоило ему подняться на несколько ступенек.

Они вышли на равнину и дальше бросились трусцой, потому что заметили, как около грибов началось столпотворение. Бёртон орал на тех, кто попадался на его пути, и отталкивал их в стороны. Его одаривали гневными взглядами, но толкаться в ответ никто не отваживался. Неожиданно он оказался у подножия гриба, где людей практически не было, и увидел, что их привлекло. И не только увидел, но и почувствовал запах.

Позади него Фрайгейт пробормотал:

— О Господи! — и его чуть не вырвало, хотя желудок у него был пуст.

Бёртон слишком много повидал в прошлой жизни, чтобы его потрясло отвратительное зрелище. Больше того — он мог отрешиться от реальности, когда сталкивался с чем-то чересчур печальным или болезненным. Порой ему удавалось как бы отойти в сторону от происходящего одним лишь усилием воли. Как правило, это происходило автоматически. Так случилось и сейчас.

На боку, так что тело находилось примерно на середине расстояния от края шляпки гриба, лежал труп. Кожа человека почти полностью обгорела, обнажившиеся мышцы обуглились. Нос, уши, пальцы рук и ног и гениталии либо сгорели напрочь, либо представляли собой бесформенные обрубки.

Рядом с трупом на коленях стояла женщина и бормотала молитву по-итальянски. Большие черные глаза женщины были бы красивы, не будь они красными и опухшими от слез. Фигура у женщины была великолепная и непременно привлекала бы внимание Бёртона в других обстоятельствах.

— Что случилось? — спросил он.

Женщина умолкла и посмотрела на него. Потом встала и прошептала:

— Отец Джузеппе прислонился к камню. Он говорил, что голоден. Говорил, что не понимает, зачем нужно было воскресать, только для того чтобы умереть от голода. Я сказала ему, что мы не умрем, как мы можем умереть? Нас воскресили из мертвых, и о нас позаботятся. А он сказал, что мы, может быть, в аду. И будем ходить голыми и голодными все время, вечно. Я сказала ему, чтобы он не богохульствовал, что как раз ему-то и не стоит богохульствовать. А он сказал, что здесь все совсем не так, как он говорил всем и каждому сорок лет, а потом... а потом...

Бёртон подождал несколько секунд и поторопил женщину:

— А потом?

— Отец Джузеппе сказал, что тут, правда, нет адского пламени, но что уж лучше пусть было бы адское пламя, чем вечный голод. А потом выскочило пламя и пожрало его, и грохот был такой, словно бомба взорвалась, а потом он умер, обгорел до смерти. Это было так ужасно, так ужасно...

Бёртон развернулся лицом к северу, чтобы стать спиной к труп, но ветер все равно доносил запах горелой плоти. Но не запах удручал Бёртона, а мысль о смерти. Первый День Воскрешения еще не окончился, а уже умер человек. Означало ли это, что воскрешенные столь же беззащитны перед смертью, как прежде, на Земле? Если так, то какой в этом смысл?

Фрайгейта перестало тошнить. Бледный, дрожащий, он поднялся на ноги и добрал до Бёртона, стараясь держаться спиной к труп.

— Может, лучше избавиться от него? — пробормотал он, указывая большим пальцем через плечо.

— Пожалуй, да, — холодно отозвался Бёртон. — Вот только жалко, что вся его кожа уничтожена.

Он ухмыльнулся, глядя на американца. Тот, похоже, испытывал еще более сильный шок.

— Ну-ка, — сказал Бёртон. — Берите его за ноги, а я возьмусь с другой стороны. Бросим его в реку.

— В реку? — переспросил Фрайгейт.

— Угу. Если только вы не жаждете волочь его в холмы и копать для него могилу.

— Не могу, — ответил Фрайгейт и отошел в сторону. Бёртон проводил его презрительным взглядом и дал знак неандертальцу. Казз что-то буркнул в ответ и протопал к труп своей особенной походочкой. Подойдя, наклонился, и не успел Бёртон ухватиться за почерневшие культы ног, как Казз уже поднял тело над головой, прошагал к берегу и швырнул труп в воду. Труп немедленно утонул, и его понесло течением вдоль берега. Казз решил, что этого маловато. Он вошел в воду по пояс, после чего погрузился поглубже и

нырнул, не показываясь на поверхности около минуты. По всей вероятности, оттолкнул труп на глубину.

Алиса Харгривз с ужасом смотрела на эту сцену. Наконец она воскликнула:

— Но ведь мы будем пить эту воду!

— Река достаточно многоводна для того, чтобы очищаться, — успокоил ее Бёртон. — Как бы то ни было, у нас хватает забот и без того, чтобы волноваться о тщательности санитарных процедур.

Монат тронул Бёртона за плечо, и тот обернулся.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Монат.

В том месте, где, видимо, находился труп, вода в реке вскипела, ее поверхность рассекла серебристая спина с белесым плавником.

— Похоже, ваши опасения насчет загрязнения воды напрасны, — сказал Бёртон Алисе Харгривз. — В реке есть мусорщики. Интересно... Интересно, безопасно ли тут купаться.

Однако неандерталец вышел из реки целым и невредимым. Он встал перед Бёртоном, отряхивая воду с безволосого тела, и ухмыльнулся, сверкая здоровенными зубищами. Он был ужасающе уродлив. Но он располагал знаниями доисторического человека, знаниями примитивными, но такими необходимыми в мире с примитивными условиями жизни. Кроме того, такого бойца замечательно было бы иметь у себя за спиной во время драки. Он был невысок, но потрясающе могуч. Его тяжелые кости служили прекрасной основой для тяжелых же мышц. Несомненно, он почему-то привязался к Бёртону. Тому приятно было думать, что дикарь, обладающий дикарскими инстинктами, «понимает», что Бёртон — тот человек, за которым стоит идти. Кроме того, примитивный человек, по развитию своему близкий к животным, должен был иметь и более развитую интуицию. Значит, мог заметить силу духа Бёртона и ощутить тягу к нему, хотя тот являлся представителем рода *Homo sapiens*.

А потом Бёртон напомнил себе, что его репутация человека с редкостной психической силой выстроена им самим и что в этом он наполовину шарлатан. Он так много разглажывал о собственной силе и столько наслушался об этом от своей жены, что и сам стал в нее верить. Но случались мгновения, когда он вспоминал, что его «могущество» наполовину вымышлено.

Тем не менее он был способным гипнотизером и верил, что его глаза излучают особую экстрасенсорную силу, когда он этого желал. Может быть, поэтому к нему так и тянуло неандертальца.

— Камень произвел разряд чудовищной энергии, — сказал Лев Руах. — Может быть, электрической. Но почему? Не верится, чтобы разряд был бесцелен.

Бёртон повнимательнее присмотрелся к каменному грибу. Серый цилиндр, стоявший в центральном углублении, похоже, не пострадал от разряда. Бёртон прикоснулся к каменной поверхности гриба. Поверхность была теплая, но не более, чем если бы была нагрета солнцем.

Лев Руах крикнул:

— Не трогайте! Вдруг будет еще один... — и не договорил, когда увидел, что предупреждать поздно.

— Еще один разряд? — спросил Бёртон. — Я так не думаю. По крайней мере, некоторое время не будет. Этот цилиндр оставлен здесь для того, чтобы мы что-то узнали.

Он ухватился руками за край шляпки гриба и, подтянувшись, залез на нее. Это ему удалось настолько легко, что он порадовался. Прошло столько лет с тех пор, как он чувствовал себя таким молодым и сильным. Или таким голым.

Несколько человек из толпы стали кричать ему, чтобы он слез с гриба, пока снова не полыхнуло синее пламя. Другие смотрели на него так, словно надеялись, что выброс энергии снова произойдет. А большинство радовались тому, что он рискует.

Но ничего не произошло, хотя сам Бёртон не был так уж уверен, что не сгорит в огне. Босыми ступнями он чувствовал приятную теплоту камня.

Перешагивая через углубления, он подобрался к цилиндру и подсунул пальцы под край крышки. Она легко приподнялась. С сердцем, быстро бьющимся от возбуждения, Бёртон заглянул под крышку. Он ждал чуда и увидел его. В углублениях внутри контейнера находилось шесть мисок, и все они оказались наполненными.

Бёртон дал своей группе знак подойти поближе. Казз легко взобрался на шляпку гриба. Оправившийся от тошноты Фрайгейт тоже с легкостью спортсмена оказался наверху. «Не будь у этого парня такого слабого желудка, — подумал Бёртон, — ему цены бы не было». Фрайгейт обернулся и подал руку Алисе, которая забралась на шляпку около него.

Столпившись около Бёртона, все склонились и заглянули внутрь цилиндра. Бёртон воскликнул:

— Настоящий рог изобилия! Поглядите! Отбивная! Толстая сочная отбивная! Хлеб с маслом! Джем! Салат! А это что такое? Пачка сигарет! Ага! И сигара! И чашка бурбона, судя по запаху — отличного! И еще что-то... это что?

— Похоже на палочки жевательной резинки, — сказал Фрайгейт. — Без упаковки. А это, наверное... что? Зажигалка для сигарет?

— Жратва! — заорал какой-то мужчина — здоровяк, в группу Бёртона не входивший. Он забрался на гриб, за ним стали карабкаться и другие. Бёртон опустил руку в глубь цилиндра и вытащил лежавший на самом дне маленький прямоугольный предмет. Фрайгейт сказал, что это, наверное, зажигалка. Бёртон понятия не имел о том, что такое «зажигалка», но догадывался, что она производит огонь для прикуривания сигарет. Он сжал предмет в кулаке, а другой рукой закрыл крышку. Во рту у него скопилась слюна, в животе урчало. Остальные были так же голодны, как он, и, судя по выражениям их лиц, они никак не могли понять, почему он не вынимает из цилиндра еду.

Здоровяк громко заорал на грубом триестском наречии итальянского:

— Жрать хочу! Прикончу любого, кто сунется ко мне! А ну, открой!

Остальные молчали, но, несомненно, ожидали, что Бёртон станет защищаться. А он вместо этого сказал:

— Сам открывай, — и отвернулся.

Остальные растерялись. Они видели еду, слышали ее запах. У Казза изо рта текла струйка слюны. Но Бёртон сказал:

— Поглядите на толпу. Тут через минуту будет драка. Вот я и говорю: пусть дерутся за свои куски. Не то чтобы я уходил от драки, вы же понимаете, — добавил он, гневно глянув на остальных. — Только я уверен, что к ужину наши собственные цилиндры будут полны еды. Эти цилиндры, если вам угодно, зовите их граалями, нужно просто оставить в углублениях на камне, чтобы они наполнились. Это очевидно, и именно поэтому здесь оставлен этот цилиндр.

Он подошел к тому краю шляпки, который был обращен к реке, и прыгнул вниз. К этому моменту на шляпке набралось уже порядочно народу, все новые и новые люди карабкались наверх. Здоровяк схватил отбивную и впился в нее зубами, но кто-то пытался вырвать у него кусок мяса. Здоровяк яростно завопил и вдруг, расталкивая тех, кто мешал ему пройти, бросился к реке. Он нырнул и через мгновение появился на поверхности. Тем временем мужчины и женщины, крича и толкая друг друга, боролись за остальное содержимое грааля.

Человек, нырнувший в реку, плыл на спине, пока не сжевал всю отбивную. Бёртон пристально смотрел на него,

наполовину ожидая, что того схватит рыба. Но здоровяк преспокойно плыл вниз по течению.

Бёртон шел, пока не ушел подальше от толпы, и сел на траву. Люди из его группы столпились около него, некоторые присели и стали смотреть на столпотворение на верхушке гриба. Питающий камень выглядел словно табуретка, на сиденье которой копошились бледные черви. И при этом очень шумные. Кое-кто из них успел покраснеть, потому что перемазался в пролитой крови.

Больше всего удручала реакция детей. Самые маленькие на гриб не полезли, но знали, что там еда. Они плакали от голода и страха, вызванного тем, как кричали и дрались взрослые, забравшиеся на камень. Девчушка рядом с Бёртоном не плакала — она дрожала. Она обвила ручонками его шею, а он гладил ее по спине и бормотал успокаивающие слова; она их не понимала, но тон помогал ей успокоиться.

Солнце начинало садиться. Через пару часов оно должно было скрыться за высокими горами на западе. Правда, еще несколько часов могли протянуться мягкие сумерки. Определить, сколько здесь длится день, было невозможно. Стало жарче, но сидеть на солнце все-таки было можно, к тому же все время дул прохладный ветерок, смягчающий жару.

Казз стал знаками показывать, что хотел бы разжечь костер, и еще он показывал на кончик бамбукового копья. Несомненно, он хотел обжечь его.

Бёртон рассмотрел металлический предмет, вынутый им из цилиндра. Предмет был изготовлен из прочного серебристого металла — прямоугольный, плоский, примерно два дюйма в длину и в три десятых дюйма толщиной. На одной стороне предмета имелась маленькая дырочка, а на другой — движок. Движок опустился примерно на одну десятую дюйма, и из отверстия показалась проволочка диаметром примерно в одну десятую дюйма и в полдюйма длиной. Даже при ярком солнце она сильно светилась. Бёртон прикоснулся кончиком проволочки к травинке — травинка тут же сморщилась. Когда он прикоснулся проволочкой к кончику бамбукового копья, она прожгла в нем крошечную дырочку. Бёртон вернул движок в первоначальное положение, и проволочка убралась внутрь, под серебристый панцирь, словно головка напуганной черепахи.

Фрайгейт и Руах громко выразили восторг по поводу того, какая энергия таилась в крошечном предмете. Для того чтобы так нагреть проволочку, требовалось немалое напряжение. Какой же мощности батарейка или миниатюрный ядерный реактор прятались внутри? И как перезаряжать зажигалку?

Слишком много вопросов, на которые нельзя было ответить немедленно, а может быть, и никогда. И самым важным из них было: как они все вернулись к жизни с обновленными, омоложенными телами? Кто бы это ни сделал, он обладал поистине богоподобными знаниями. Но разговоры об этом, хотя и послужили бы пищей для толков, больше бы не дали ровным счетом ничего.

Через некоторое время толпа рассосалась. Цилиндр бросили на вершущке гриба — он валялся на боку. Там же валялось несколько тел. Кое-кто из тех, кто спустился с гриба, был ранен. Бёртон встал и пошел сквозь толпу. Какая-то женщина плакала, но никто не обращал на нее внимания. Лицо ее разбили, правый глаз заплыл. Какой-то мужчина сидел на траве и корчился от боли, прикрывая руками пах, изодранный чьими-то острыми ногтями.

На вершущке гриба лежали четверо; трое из них были без сознания. Им побрызгали в лицо водой, и они пришли в себя. А четвертый был мертв. Невысокий худощавый мужчина. Кто-то так свернул ему голову, что сломал шею.

Бёртон снова взглянул на солнце и сказал:

— Я точно не знаю, когда настанет время ужина. Предлагаю вернуться сюда вскоре после того, как солнце скроется за горами. Установим наши граали, или «рога изобилия», или «корзинки для завтрака» — называйте, как хотите — в эти углубления. А потом подождем. А пока...

Он мог бы и этот труп швырнуть в реку, но теперь задумался о том, что из него можно извлечь пользу, и немалую. Он объяснил свое желание остальным, и они спустили тело с гриба и понесли его по равнине. Первыми за дело взялись Фрайгейт и Галеацци, бывший импортер из Триеста. Фрайгейт, конечно, не рвался к этой работе, но, когда Бёртон спросил его, не возьмется ли он, он кивнул. Он подхватил мертвеца за ноги и пошел вперед. Галеацци тащил тело, ухватив его под мышки. Алиса пошла за Бёртоном, держа за руку девочку. Кое-кто из толпы с любопытством смотрел на процессию, а кое-кто комментировал происходящее или задавал вопросы, но Бёртон помалкивал. Когда первые носильщики прошагали около полумили, их сменили Казз и Монат. Девочку, казалось, вовсе не пугал вид мертвеца. И первый труп вызвал любопытство, а не испуг.

— Если она на самом деле из древних кельтов, — сказал Фрайгейт, — она, наверное, привыкла видеть обугленные тела. Если я верно помню, кельты сжигали тела, предназначенные для жертвоприношений, в больших плетеных корзинах на религиозных церемониях. Правда, не припомню, в честь какого бога или богини проводились эти церемонии. Была бы

библиотека — можно было бы уточнить. Как думаете, будет у нас тут когда-нибудь библиотека? Думаю, я чокнусь, если у меня не будет книг.

— Посмотрим, — отозвался Бёртон. — Если нас не обеспечат библиотекой, соберем свою. Это возможно. Нет ничего проще.

Он счел вопрос Фрайгейта идиотским, но, с другой стороны, сейчас мало кто пребывал в своем уме.

У подножий холмов Моната и Казза сменили двое мужчин — Рокко и Бронтич. Бёртон пошел впереди, мимо деревьев, сквозь густую, доходившую до пояса траву. Острые листья травы царапали босые ноги. Бёртон ножом срезал один стебель и посмотрел, насколько тот прочен и гибок. Фрайгейт плелся рядом с ним и рта не закрывал. «Наверное, — подумал Бёртон, — он болтает, чтобы отвлечься от мыслей о двух смертях».

— Вы только подумайте, какие исследования можно провести, если здесь воскресли все, кто когда-либо жил! Подумайте о тайнах истории, о любых вопросах, на которые можно найти ответы! Можно поговорить с Джоном Уилксом Бутом* и выяснить, действительно ли военный секретарь Стэнтон участвовал в заговоре с целью убийства Линкольна. Можно установить личность Джека-Потрошителя**. Узнать, на самом ли деле Жанна д'Арк была ведьмой. Поговорить с наполеоновским маршалом Неем*** и узнать, правда ли, что он удрал из попавшего под обстрел эскадрона и стал школьным учителем в Америке. Понять, что на самом деле случилось в Перл-Харборе. Посмотреть на лицо «Человека в Железной Маске», если такой когда-либо существовал. Порасспрашивать Лукрецию Борджиа**** и тех, кто ее знал, и понять, была ли она в действительности такой жуткой отравительницей, какой ее считают. Узнать, кто убил двух малюток-принцев в Тауэре. Может быть, это сделал Ричард III*****. Да и вы, Ричард Фрэнсис Бёртон, — ваши биографы мечтали бы

---

* Джон Уилкс Бут (1829—1865) — убийца Авраама Линкольна, которого застрелил в театре, прокрывшись в ложу президента.

** Джек-Потрошитель — английский преступник, совершивший в 1888 г. ряд убийств в Лондоне.

*** Мишель Ней (1769—1815) — маршал армии Наполеона. С возвращением к власти Бурбонов арестован и расстрелян.

**** Лукреция Борджиа (1480—1519) — представительница знатного итальянского рода испанского происхождения, известная многочисленными браками и политическими интригами.

***** Ричард III (1452—1485) — английский король с 1483 г. Взошел на престол предположительно после убийства в Тауэре детей своего старшего брата, Эдуарда IV.

задать вам множество вопросов о вашей жизни. Правда ли, что у вас была любовница-персиянка, на которой вы собирались жениться и ради которой были готовы отречься от того, кем были, и стать ее сородичем? Правда ли, что она умерла до того, как вы смогли жениться на ней, и действительно ли вас так потрясла ее смерть и вы любили ее до конца своей жизни?

Бёртон зыркнул на Фрайгейта. Он только что познакомился с этим человеком, а тот — это надо же — задавал самые личные и болезненные вопросы. Этому не было прощения.

Фрайгейт отшатнулся, бормоча:

— И... и... и... ну ладно, сейчас не время, я понимаю. Но известно ли вам, что после вашей смерти ваша супруга стала очень набожной и что вас похоронили на католическом кладбище — вас, безбожника?

Лев Руах, глаза которого раскрывались все шире, пока Фрайгейт болтал, воскликнул:

— Вы — Бёртон, путешественник и лингвист? Тот, что открыл озеро Танганьика? Тот, что совершил паломничество в Мекку, одевшись, как мусульманин? Переводчик «Тысячи и одной ночи»?

— Лгать не хочу и незачем. Да, это я.

Лев Руах плюнул на Бёртона, но его слюну отнесло в сторону ветром.

— Сукин вы сын! — прокричал он. — Вшивый нацистский ублюдок! Читал я про вас! Какой выдающийся человек, можно себе представить! Только вы были антисемитом!

ГЛАВА 7

Бёртон был потрясен. Он сказал:

— Этот беспочвенный и злобный слух распространяли мои враги. Но всякий, кто был знаком с фактами и со мной, знал, как все обстоит на самом деле. А теперь, я думаю, вам следовало бы...

— А что, не вы написали «Евреи, цыгане и ислам»? — скорчив гримасу, спросил Руах.

— Я, — ответил Бёртон. Лицо его зарделось, и, опустив голову, он заметил, что все тело покраснело. — А теперь, я думаю, как я собирался сказать, пока вы не прервали меня, вам лучше уйти. Если бы положение дел было обычным, я бы вас уже держал за глотку. Человеку, который так разговаривает со мной, приходится держать ответ за свои слова и защищать их поступками. Но положение необычное, и вы,

вероятно, переволновались. Не знаю. Но если вы немедленно не извинитесь или не уйдете, я сейчас же превращу вас в следующий труп.

Руах сжал кулаки и гневно глянул на Бёртона, потом развернулся и зашагал прочь.

— Что такое «нацист»? — спросил Бёртон у Фрайгейта.

Американец постарался объяснить как можно более доходчиво.

— Много мне нужно узнать обо всем, что произошло после того, как я умер, — сказал Бёртон. — Этот человек ошибся на мой счет. Никакой я не нацист. И вы говорите, что Англия стала державой второго сорта? Всего через пятьдесят лет после моей смерти? Верится с трудом.

— С какой стати я бы стал вас обманывать? — возразил Фрайгейт. — Только не стоит так огорчаться. К концу двадцатого века она снова воспрянула, и самым любопытным образом, хотя было уже слишком поздно...

Слушая янки, Бёртон чувствовал гордость за свою родину. Хотя при жизни Англия относилась к нему более чем небрежно и хотя ему всегда хотелось поскорее смыться с родного острова, как только он туда попадал, он стал бы сражаться за родину насмерть. И еще он был предан королеве.

Неожиданно он спросил:

— Если вы догадались, кто я такой, почему молчали?

— Хотел удостовериться. И потом, у нас было не так много времени для светского общения, — пояснил Фрайгейт. — Да и для всякого другого тоже, — добавил он, ища поглядывая на чудесную фигуру Алисы Харгривз.

— Про нее я тоже знаю, — сказал он. — Если она та женщина, за которую я ее принимаю.

— Я ее совсем не знаю, — отозвался Бёртон и остановился. Они поднялись по склону первого холма и оказались на его вершине. Тело положили на землю под высоченной красной сосной.

Казз, зажав в ручище сланцевый ножик, тут же уселся на корточки около трупа. Задрав голову к небу, он выговорил несколько фраз, которые, скорее всего, представляли собой ритуальную песнь. А потом, пока остальные не успели и ртов раскрыть, он разрезал тело и вытащил печень.

Многие в ужасе закричали. Бёртон хмыкнул. Монат не сводил с Казза глаз.

Громадные зубищи Казза впились в кровоточащий орган и оторвали от него здоровенный кусок. Массивные челюсти неандертальца задвигались, пережевывая лакомство. Он полу-прикрыл глаза от восторга. Бёртон подошел к нему и протянул

руку, намереваясь этим выразить протест. Казз осклабился, отрезал кусок и протянул Бёртону. Он не на шутку удивился, когда тот отказался.

— Каннибал! — воскликнула Алиса Харгривз. — О Боже, кровожадный, дурно пахнущий каннибал! И это — обещанная загробная жизнь!

— Он ничуть не хуже наших предков, — сказал Бёртон. Сам он уже оправился от потрясения и даже наслаждался — немножко — реакцией остальных. — В местах, где, похоже, с едой дела обстоят плоховато, его действия на редкость практичны. Ну а наша задача схоронить труп, не располагая нужными инструментами для того, чтобы копать землю, разрешена. И потом, если мы ошиблись насчет того, что наши контейнеры — это источник питания, мы вскоре последуем примеру Казза!

— Никогда! — выкрикнула Алиса. — Лучше я умру!

— Вот именно, — подтвердил Бёртон холодно. — Предлагаю отойти и дать ему поест. Мне это зрелище аппетита не прибавляет, и я нахожу его таким же тошнотворным, как трапезы янки на фронтире*. Или провинциальных прелатов**, — добавил он, чтобы немного утешить Алису.

Они отошли подальше от Казза, за одно из гигантских сучковатых деревьев. Алиса сказала:

— Не желаю находиться рядом с ним. Он животное, мерзость! И я ни секунды не буду чувствовать себя спокойно, если он будет рядом!

— Вы просили защиты, — сказал Бёртон. — И я представлю вам ее, пока вы будете членом этой группы. Но вам также придется соглашаться с моими решениями. Одно из них таково: обезьяночеловек остается с нами. Мы нуждаемся в его силе и умениях, которые представляются мне весьма соответствующими этому миру. Мы стали примитивными, стало быть, можем поучиться у примитивного человека. Он остается.

Алиса обвела остальных умоляющим взглядом, не говоря ни слова. Монат нахмурился. Фрайгейт пожал плечами и сказал:

— Миссис Харгривз, если только можете, забудьте о своих нравах, о своих убеждениях. Мы находимся не в замечательном первоклассном викторианском раю. Да и вообще ни

---

* Фронтир (от *англ.* frontier — граница) — линия продвижения американских поселенцев на Запад от восточного побережья Северной Америки.

** Прелат — высший духовный сан в католической и англиканской церквях.

в каком не в раю — из тех, о которых когда-то мечтали. Вы не можете здесь думать и вести себя так, как на Земле. Во-первых, вы жили в обществе, где женщины с головы до ног закрывали себя тяжелыми платьями, и вид обнаженной женской коленки представлял собой волнующее сексуальное событие. Тем не менее вы, похоже, не слишком страдаете от того, что обнажены. Вы так уравновешены и горды, словно на вас монашеский балахон.

— Я от этого не в восторге, — возразила Алиса. — Но чего мне стыдиться? Там, где наги все, нагих нет. Ничего не поделаешь, верно? И если бы какой-нибудь ангел явился и предложил мне одежду, я бы не стала ее надевать. Тогда я стала бы непохожей на остальных. И потом, у меня хорошая фигура. Не будь это так, я бы больше страдала.

Мужчины рассмеялись, и Фрайгейт сказал:

— Вы просто сказочны, Алиса. Совершенно сказочны. Возможно, я буду звать вас Алисой? «Миссис Харгривз» — это как-то чересчур официально, когда говоришь с обнаженной женщиной.

Она ничего не ответила — отошла прочь и исчезла за большим деревом. Бёртон сказал:

— В будущем надо будет что-то предпринять в отношении санитарии. А это значит, что кто-то должен будет принимать решения в области стратегии здравоохранения и обладать властью принимать законы и следить за их выполнением. Но как сформировать правоохранительные, судебные и исполнительные органы, когда царит такая анархия?

— Давайте вернемся к проблеме более насущной, — посоветовал ему Фрайгейт. — Что нам делать с мертвецом?

А ведь не так давно он был побледнее — когда Казз препарировал труп сланцевым ножом.

Бёртон ответил:

— Уверен: человеческая кожа, правильно выдубленная, и человеческие кишки, соответствующим образом обработанные, будут намного лучше травы для изготовления веревок и креплений. Я собираюсь срезать несколько полосок кожи. Хотите мне помочь?

Только ветерок, шевеливший листья деревьев и верхушки стеблей травы, нарушал тишину. Солнце нещадно палило, тела покрывались потом, который тут же высыхал на ветру. Ни птичьего пения, ни жужжания насекомых. А потом тишину разорвал хриплый голос девочки. Ей ответил голос Алисы, и девочка побежала к ней, за дерево.

— Попробую, — ответил американец. — Правда, не знаю. Я уже столько пережил сегодня — для одного дня хватит.

— Тогда как хотите, — отозвался Бёртон. — Только любой, кто мне поможет, первым получит возможность воспользоваться кожей. И вы можете очень даже захотеть немного кожи, когда вам понадобится привязать топор к топищу.

Фрайгейт шумно сглотнул и сказал:

— Иду.

Казз все еще сидел на корточках около трупа, сжимая в одной руке окровавленную печень, а в другой — окровавленный каменный нож. Увидев Бёртона, он ухмыльнулся перепачканными губищами и отхватил ножом кусок печени. Бёртон покачал головой. Остальные — Галеацци, Бронтич, Мария Туччи, Филипо Рокко, Роза Нанини, Катерина Капоне, Фиоренца Фиорри, Бабиш и Гуинта — отошли подальше от отвратительного зрелища. Они уселись за сосной с могучим стволом и приглушенно разговаривали по-итальянски.

Бёртон опустил на колени около трупа и провел кончиком ножа от правого колена к ключице. Фрайгейт стоял рядом и смотрел. Он побледнел еще сильнее и весь дрожал. Но стоял, не двигаясь, до тех пор, пока Бёртон не срезал с тела две длинные полоски кожи.

— Хотите попробовать? — спросил Бёртон и перевернул тело на бок, чтобы срезать полоски подлиннее.

Фрайгейт взял окровавленный нож и, стиснув зубы, принялся за работу.

— Не так сильно, — посоветовал Бёртон немного погодя. — Вы и так надрезаете достаточно глубоко. Ну-ка, дайте мне нож. Смотрите!

— У меня был сосед, который подвешивал своих кроликов за гаражом и перерезал им глотки после того, как ломал шеи, — сказал Фрайгейт. — Я как-то раз на это посмотрел. Мне хватило.

— Вы не можете себе позволить ни брезгливости, ни слабости желудка, — сказал Бёртон. — Вы находитесь в самых что ни на есть примитивных условиях. И вы должны быть примитивным, чтобы выжить, нравится вам это или нет.

Бронтич, высокий тощий словенец, прежде бывший содержателем закуской, подбежал к ним и сообщил:

— Мы только что нашли еще один каменный гриб. Примерно ярдах в сорока отсюда. Он там, за деревьями в низине.

Удовольствие, которое испытывал Бёртон, читая нотацию Фрайгейту, миновало. Ему стало жаль парня. Он сказал:

— Послушайте, Питер, почему бы вам не поглядеть на камень? Если он действительно здесь есть, мы могли бы не мотаться к реке.

Он вручил Фрайгейту свой цилиндр.

— Вставьте его во вмятину на камне, только хорошенько запомните, в какую именно. И пусть остальные сделают так же. Проследите, чтобы они запомнили, куда вставили свои цилиндры. Ни к чему нам лишние ссоры, понимаете?

Как ни странно, похоже, Фрайгейту не очень-то хотелось уходить. Он, видимо, решил, что Бёртон отсылает его из-за того, что считает слабаком. Некоторое время он постоял на месте, переминаясь с ноги на ногу, и несколько раз вздохнул. Потом ушел. Бёртон же продолжал работу — соскребал ткани с полосок кожи. Фрайгейт шагал, сжимая в одной руке два цилиндра, а в другой — топор.

Как только американец скрылся, Бёртон прекратил работу. Он понял, как срезать полосы кожи, и мог теперь рассечь туловище и вынуть кишки. Но пока он не располагал ничем, что позволило бы сохранить и кожу, и кишки. Возможно, в коре деревьев, похожих на дубы, содержится танин, который наряду с другими веществами можно использовать для дубления человеческой кожи. Но, к тому времени когда эти вещества будут добыты, кожа сгниет. Но он все равно недаром потратил время. Качество каменных ножей доказано, и к тому же он освежил в памяти знания об анатомии человека. В юности, в Пизе, Ричард Бёртон и его брат Эдвард водили дружбу с итальянскими студентами с медицинского факультета университета. И Бёртон, и его брат многому научились у них, и ни тот ни другой не теряли интереса к анатомии. Эдвард стал хирургом, а Ричард посещал лекции, а также присутствовал на публичных и частных вскрытиях в Лондоне. Но забыл многое из того, чему тогда научился.

Вдруг солнце ушло за горы. Бёртона окутала бледная тень, и через несколько минут вся долина погрузилась в сумерки. Но еще долго небо сохраняло яркую синеву. Ветер дул не сильнее, чем прежде. Насыщенный влагой воздух стал чуть прохладнее. Бёртон и неандерталец подняли труп и пошли на звуки голосов остальных. Все собрались у каменного гриба, о котором говорил Бронтич. Бёртон подумал о том, нет ли у подножия горы и других грибов, расставленных на расстоянии в милю. У найденного гриба, однако, не было центрального углубления. Может быть, это означало, что он не готов к действию. Но Бёртон так не подумал. Можно было предположить, что кто бы ни расставил здесь каменные грибы, установил цилиндры посередине тех, что стояли на берегу реки, потому, что воскресшие первым делом заметили бы именно их. А к тому времени как нашли бы камни, удаленные от реки, уже знали бы, как ими пользоваться.

Цилиндры расставили в углублениях ближайшего к краю круга. Владельцы граалей встали или расселись неподалеку — разговаривали, но думали только о цилиндрах. Все гадали, когда появится — и появится ли вообще — синее пламя. Разговоры в основном вертелись вокруг того, как все они голодны. В остальном высказывались различные предположения о том, как все они здесь оказались, кто Те, кто их сюда забросил, где Они и что их всех ожидает. Некоторые болтали о своей жизни на Земле.

Бёртон уселся под раскидистыми, плотно усаженными листьями ветвями сучковатого чернотвольного «железного» дерева. Он устал, как и все, кроме Казза. Голод и волнение не давали задремать, хотя негромкие голоса и шелест листья ублаживали. Низина, где расселась в ожидании группа людей, представляла собой ровное пространство, образованное подножиями четырех холмов и окруженное деревьями. Хотя тут было темнее, чем на вершинах холмов, казалось, тут намного теплее. Через некоторое время, когда стало еще темнее и прохладнее, Бёртон организовал бригаду по сбору дров для костра. С помощью ножей и топоров они нарезали и нарубили много стволов зрелого бамбука и сложили на траву штабелями. Раскаленной добела провололочкой зажигалки Бёртон поджег листья и траву. Они были зеленые, поэтому костер сильно дымил, пока в него не подбросили бамбук.

Вдруг послышался взрыв, от звука которого все вскочили на ноги. Некоторые женщины вскрикнули. Они ведь совсем забыли следить за каменным грибом. Бёртон обернулся как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как примерно на двадцать футов взметнулось синее пламя. Бронтич, находившийся в это время футах в двадцати от гриба, наверняка ощутил тепло, исходившее от него.

Потом стало тихо, и все поспешили к своим цилиндрам. Бёртон снова первым взобрался на гриб. Остальные не слишком торопились лезть на камень сразу после того, как там запылал огонь. Бёртон поднял крышку своего контейнера и радостно вскрикнул. Остальные забрались наверх и заглянули в свои граали. Через минуту все уже сидели у костра, торопливо жевали, вскрикивали от радости, показывали друг другу то, что обнаружили в контейнерах, смеялись и шутили. Все складывалось, в конце концов, не так уж скверно. Кто бы ни был повинен в случившемся, он проявлял о них заботу.

Пищи оказалось много даже для тех, кто весь день голодал, или — как заметил Фрайгейт — «проголодал половину вечности». Под этим, как он объяснил Монату, он подразумевал, что невозможно понять, сколько времени миновало от

две тысячи восьмого года до сегодняшнего дня. Этот мир явно был создан не за один день, а подготовка человечества к воскрешению заняла больше семи дней. То есть если все случившееся носило научный, а не сверхъестественный характер.

В контейнере Бёртона оказался четырехдюймовый кубик — отбивная, небольшой шарик темного хлеба, масло, картофель с подливкой, латук и салат незнакомого, но приятного вкуса. Кроме того, там оказалась чашка в пять унций вместимостью с великолепным бурбоном и еще маленькая чашечка, в которой лежало четыре кубика льда.

И еще кое-что, что порадовало его куда больше, поскольку он этого совсем не ожидал. Небольшая вересковая трубка. Кисет с трубочным табаком. Три сигары. Пластиковая пачка с десятью сигаретами.

— Без фильтра! — воскликнул Фрайгейт.

Обнаружилась и еще одна тонкая коричневая сигаретка, которую Бёртон понюхал как раз тогда, когда свою понюхал Фрайгейт, и они одновременно воскликнули:

— Марихуана!

Алиса, сжав в руках небольшие металлические ножницы и черную расческу, проговорила:

— Наверно, у нас отрастут волосы. Иначе зачем было бы класть сюда эти вещи? Как я рада! Только... Они... что, действительно считают, что я вот этим буду пользоваться?

Она держала тюбик с ярко-алой помадой.

— Или я? — в тон ей проговорил Фрайгейт, глядя на такой же тюбик.

— Они на редкость практичны, — сказал Монат, развернув пачку, в которой лежало не что иное, как туалетная бумага. Потом вытащил из контейнера шарик зеленого мыла.

Отбивная, доставшаяся Бёртону, оказалась очень нежной, хотя он предпочел бы, чтобы она была менее прожарена. А Фрайгейт, наоборот, пожаловался — ему его отбивная показалась сыроватой.

— Видимо, в этих грибах нет меню для каждого в отдельности, — сказал Фрайгейт. — Вот потому-то мужчинам тоже достается губная помада, а женщинам — трубки. Масовое производство.

— Два чуда за один день, — проговорил Бёртон. — То есть если это чудеса. Я предпочитаю рациональное объяснение и намерен найти его. Не думаю, чтобы кто-то мог сейчас объяснить мне, каким образом мы воскресли. Но, может быть, у вас, жителей двадцатого столетия, есть разумная

теория, способная объяснить, как, если не чудом, появились все эти вещи в контейнере, который до того был пуст?

— Если вы сравните внешнюю и внутреннюю поверхности контейнера, — сказал Монат, — вы заметите, что по глубине они отличаются примерно сантиметров на пять. В ложном днище может находиться молекулярный контур, способный материализовать энергию. А энергия, очевидно, поступает к контейнеру во время выброса разряда из камня. Помимо энергоматериализующего конвертера контейнер должен содержать молекулярные... шаблоны? матрицы? которые перестраивают материю в различные комбинации элементов и ингредиентов.

Мои рассуждения недалеко от истины, поскольку на моей родной планете у нас были подобные конвертеры. Но ничего такого миниатюрного, вроде этого цилиндра, и в помине не было.

— На Земле тоже, — сказал Фрайгейт. — Еще до две тысячи второго года научились изготавливать железо из чистой энергии, но процесс этот был сложнейшим и жутко дорогостоящим при том, что результаты получались почти что микроскопическими.

— Славно, — сказал Бёртон. — А все это не стоило нам ни гроша. Пока...

Он умолк, думая о том сне, что приснился ему как раз перед тем, как он очнулся.

— *Плати*, — сказал Бог. — *Ты задолжал мне за плоть.*

Что это означало? На Земле, в Триесте, в тысяча восемьсот девяностом году он умирал в объятиях жены и просил... чего он просил? Хлороформа? Чего-то просил. Но вспомнить не мог. А потом — забытие. А потом он очнулся в том кошмарном месте и видел такое, чего не бывает на Земле и, насколько он успел заметить, на этой планете тоже. Но то был не сон.

ГЛАВА 8

Покончив с едой, посуду поставили в углубление в цилиндре. Поскольку воды поблизости не было, мытье посуды приходилось отложить до утра. Фрайгейт и Казз, правда, сделали из сегментов гигантского бамбука несколько ведер. Американинец вызвался сходить к реке, если кто-нибудь пойдет вместе с ним, и наполнить ведра водой. Бёртону стало интересно, с какой стати молодой человек добровольно вызвался пойти туда. Но, глянув на Алису, понял почему. Фрайгейт, видимо, надеялся найти приятное женское общество. Видимо, то, что

Алиса предпочитала Бёртона, он принял за должное. А другие дамы — Туччи, Малини, Капоне и Фьорри — уже сделали свой выбор, остановив его соответственно на Галеацци, Бронтиче, Рокко и Гуиннте. Бабиш отошел в сторонку — видимо, по той же самой причине, по которой хотел уйти Фрайгейт.

С Фрайгейтом ушли Монат и Казз. Небо неожиданно наполнилось громадными вспышками и большими облаками светящегося газа. Сияние бесчисленных звезд, некоторые из которых были так велики, что казались обломками, отколовшимися от земной луны, и свет, исходящий от облаков, угнетали и заставляли людей чувствовать себя ничтожными и слабыми.

Бёртон улегся на спину на кучу листвы и закурил сигару. Она оказалась превосходной и стоила бы в его времена в Лондоне не меньше шиллинга. Теперь он уже не чувствовал себя таким мелким и никчемным. Звезды — это неодушевленная материя, а он живой. Ни одной звезде неведом тонкий аромат дорогой сигары. И ей ничего неизвестно об экстазе, который испытываешь, когда прижимаешь к себе теплую, чудесно сложенную женщину, после того как выкуришь сигару.

По другую сторону от костра, кто наполовину, кто целиком укрывшись в травах и тени, улеглись жители Триеста. Спиртное разволновало их, хотя их раскрепощенность до некоторой степени могла проистекать от радости от того, что они снова живы и молоды. Они хихикали и смеялись, катались по траве и громко, с причмокиванием, целовались. А потом, парочка за парочкой, ушли во тьму. Ну, или по крайней мере перестали шуметь.

Малышка уснула рядом с Алисой. Пламя костра бросало отблески на красивое аристократическое лицо Алисы, лысую макушку, прекрасное тело и длинные ноги. Бёртон вдруг понял, что воскрес весь и окончательно. Он уже определенно больше не был стариком, который последние шестнадцать лет только и делал, что тяжело расплачивался за все перенесенные лихорадки и другие хворобы, иссушившие его в тропиках. Теперь он снова был молод, здоров и одолеваем прежним беспокойным духом.

Но он пообещал ей, что будет защищать ее. Он не мог сделать ни единого шага, сказать ни единого слова, которые она сочла бы оскорбительными.

Ладно, в конце концов, она не единственная женщина в мире. На самом деле, к его услугам множество женщин, если не немедленно, то по крайней мере потенциально. То есть это так, если воскресли все, кто жил на Земле, и теперь

находились на этой планете. Тогда она всего лишь одна из многих миллиардов (скорее всего из тридцати шести миллиардов, если не ошибается Фрайгейт). Но, конечно, наверняка судить невозможно.

Но вот проклятье — Алиса запросто могла быть единственной в мире, по крайней мере — сейчас, в этот момент. Он не мог встать и уйти во мрак в поисках другой женщины, потому что тогда оставил бы ее и ребенка без защиты. Она, несомненно, не будет чувствовать себя в безопасности рядом с Каззом и Монатом, и в этом Бёртон не мог ее винить. Они были так ужасающе уродливы. Не мог он передоверить ее и Фрайгейту — если даже Фрайгейт вернется ночью, в чем Бёртон сомневался — поскольку молодой человек был ему мало знаком.

Бёртон неожиданно расхохотался — такой смешной представилась ему ситуация. Он решил, что нынче ночью придется смириться. От этой мысли он снова расхохотался и хохотал до тех пор, пока Алиса не спросила, все ли с ним в порядке.

— Более чем вы думаете, — ответил он и повернулся к ней спиной. Потом он открыл цилиндр и достал оттуда последний предмет. То была небольшая плоская палочка из вещества, напоминающего на ощупь каучук. Фрайгейт перед тем, как уйти, заметил, что их неведомые опекуны не иначе как американцы. Иначе они ни за что не додумались бы обеспечить всех жевательной резинкой.

Загасив окуроч сигары в земле, Бёртон сунул в рот палочку резинки.

— Странный, но довольно приятный вкус, — сказал он. — Вы свою попробовали?

— Чувствую искушение, но боюсь, что стану выглядеть как корова, жующая жвачку.

— А вы забудьте про то, что вы — леди, — посоветовал Бёртон. — Неужели вы думаете, что существа, обладающие силой воскрешения, отличаются вульгарными вкусами?

Алиса едва заметно улыбнулась, проговорила:

— Откуда мне знать? — и сунула палочку в рот. Некоторое время они рассеянно жевали резинку, глядя друг на друга сквозь пламя костра. Алиса задерживала взгляд на Бёртоне по несколько секунд, а потом опускала глаза.

Бёртон сказал:

— Фрайгейт обмолвился, что знает вас. Вернее, *про* вас. Ну, так кто же вы такая, да простится мне мое непристойное любопытство?

— У мертвых нет секретов, — негромко отозвалась Алиса. — И у бывших мертвецов тоже, — добавила она.

Она родилась под именем Алиса Плээнс Лидделл двадцать пятого апреля тысяча восемьсот пятьдесят второго года (Бёртону тогда было тридцать). Она происходила от короля Эдуарда III* и его сына, Джона Гентского**. Ее отец был деканом Оксфордского колледжа Крайст Черч и соавтором знаменитого греко-английского словаря («Лидделл и Скотт» — вспомнил Бёртон). У нее было счастливое детство, она получила прекрасное образование и была знакома со многими знаменитостями ее времени: Гладстоном***, Мэтью Арнольдом**** и принцем Уэльским, который, обучаясь в Оксфорде, находился под попечительством ее отца. Мужем ее был Реджинальд Джервис Харгривз, и она очень любила его. Он был «провинциальным джентльменом», любил охоту, рыбалку, игру в крикет, выращивание деревьев и чтение французских книг. У нее было трое сыновей, все дослужились до звания капитанов, двое погибли во время первой мировой войны (вот уже во второй раз Бёртон услышал о мировой войне).

Она говорила и говорила, словно спиртное развязало ей язык. Или так, будто хотела загородиться разговором, как барьером, от Бёртона.

Она рассказывала о Дине, полосатой кошке, которую обожала в детстве, о высоких деревьях, которые росли в поместье ее мужа, о том, как ее отец, когда работал над словарем, всегда чихал в полдень, и никто не мог понять почему... о том, что в возрасте восьмидесяти лет ей присвоили звание почетного доктора литературы Колумбийского университета за ту важную роль, которую она сыграла в создании знаменитой книги мистера Доджсона***** (название упомянуть Алиса не удосужилась, а Бёртон, хотя и много читал, никак не мог припомнить ни одной книги мистера Доджсона).

— Тогда действительно стоял золотой день, — сказала она, — хотя обещали совсем другую погоду. Четвертого июля

---

* Эдуард III (1312—1377) — английский король, сын Эдуарда II, правил с 1327 г. В 1337 г. начал Столетнюю войну с Францией.

** Джон Гентский (1340—1399) — герцог Ланкастерский, английский принц, 4-й сын Эдуарда III.

*** Уильям Барт Гладстон (1809—1898) — английский политический деятель, премьер-министр Великобритании от либеральной партии в период с 1868 по 1894 г.

**** Арнольд Мэтью (1822—1888) — английский поэт, критик и публицист, деятель Просвещения.

***** Чарльз Латуидж Доджсон — настоящее имя Льюиса Кэрролла (1832—1898), английского писателя и математика, автора знаменитой «Алисы в Стране чудес». Прототипом главной героини послужила Алиса Лидделл.

тысяча восемьсот шестьдесят второго года, мне тогда было десять лет... мы с сестрами* обулись в черные туфельки, надели белые ажурные носочки, белые хлопчатобумажные платица и широкополые шляпы.

Она широко раскрыла глаза и, время от времени поеживаясь, словно с чем-то боролась внутри себя, заговорила еще быстрее:

— Мистер Доджсон и мистер Дакворт** несли корзинки для пикника... мы отплыли на лодке от моста Фолли вверх по Изу — на этот раз вверх по течению, чтобы было интереснее. Мистер Дакворт сидел на месте загребного, и с его весла падали капли, словно стеклянные слезы, на зеркальную поверхность Иза, и...

Последние слова для Бёртона прозвучали, словно раскаты грома. Он удивленно посмотрел на Алису — ее губы двигались так, словно она разговаривала самым обычным тоном. Взгляд ее был устремлен на Бёртона, но, казалось, она смотрит сквозь него, в пространство и время, оставшиеся в прошлом. Она приподняла руки, словно чему-то удивилась и не могла сдвинуться с места.

Все звуки усилились. Бёртон слышал дыхание девочки, биение ее сердца и сердца Алисы, слышал, как урчит у Алисы в животе, как легкий ветерок шуршит листвою деревьев. Издалека донесся чей-то крик.

Он встал и прислушался. Что произошло? Почему обострились чувства? Почему он слышал, как бьются чужие сердца, но не слышал, как бьется его собственное? А еще он ощущал форму и строение травы под ногами. И почти чувствовал отдельные молекулы воздуха, ударявшие по его телу.

Алиса тоже встала.

— Что случилось? — спросила она, и ее голос налетел на него, как сильный порыв ветра.

Он не ответил, потому что смотрел на нее. Теперь, только теперь, так ему казалось, он *видит* ее тело впервые. И *ее*. Всю Алису.

Алиса пошла к нему, протянув руки вперед, полуприкрыв глаза. Ее влажные губы проговорили:

— Ричард! Ричард! — и она покачнулась.

Потом она остановилась, глаза ее широко раскрылись. Бёртон, раскинув руки, шагнул к ней.

---

* В этот день состоялась знаменательная прогулка на лодке по реке, во время которой Алиса и ее сестры (Лорина и Эдит) упросили Доджсона рассказать им сказку. Так родилась «Алиса в Стране чудес».

** Дакворт Робинсон — молодой преподаватель математики, коллега д-ра Доджсона.

— Нет! — крикнула она, отвернувшись и бегом бросилась во тьму между деревьями.

Секунду Бёртон не двигался. Ему казалось невозможным, чтобы она, которую он любил так, как не любил никого и никогда, не полюбила его в ответ.

Наверное, она дразнила его. В этом все дело. Он побежал за ней, непрерывно выкрикивая ее имя.

Наверное, минули долгие часы, а потом их окропило дождем. То ли закончилось действие наркотика, то ли этому помогла холодная вода, но оба они словно очнулись от экстаза и состояния, похожего на сон, одновременно. Лицо Алисы озарила вспышка молнии, она посмотрела на Бёртона, вскрикнула и резко оттолкнула его.

Он упал на траву, но успел вытянуть руку и схватить Алису за лодыжку, когда она пыталась на четвереньках отползти от него.

— Что с тобой случилось? — крикнул он.

Алиса перестала вырываться. Села, уткнула лицо в колени. Тело ее сотрясали рыдания. Бёртон встал, приподнял рукой ее подбородок и заставил ее смотреть на него. Неподалеку снова сверкнула молния и осветила искаженные черты лица Алисы.

— Вы обещали защищать меня! — выкрикнула она.

— Вы вели себя совсем не так, словно хотели защиты, — сказал он. — И я не обещал защищать вас от естественных человеческих порывов.

— «Порывов»! — воскликнула она возмущенно. — Порывов! Боже мой, я в жизни ничем подобным не занималась! Я всегда была так порядочна! Я вышла замуж девственницей и всю жизнь хранила верность мужу! А теперь... совершенно незнакомый мужчина! Вот как! Не понимаю, что на меня нашло!

— Значит, я просчитался, — проговорил Бёртон и рассмеялся. Но и он начинал чувствовать сожаление и жалость. Если бы только все произошло по ее собственной воле, по ее желанию, тогда он бы теперь нисколько не мучился угрызениями совести. Но в этой резинке содержался какой-то мощный наркотик, заставивший их вести себя как любовники, страсть которых не знает пределов. И Алиса проявила такой же энтузиазм, как какая-нибудь опытная дама из турецкого гарема.

— Не стоит мучить себя и ругать, — нежно проговорил он. — Вы не владели собой. Вините во всем наркотик.

— Я сделала это, — плакала Алиса. — Я! Я!.. Я хотела этого! О, какая же я порочная, низкая шлюха!

— Не припомню, чтобы я предлагал вам деньги.

Он вовсе не хотел казаться бессердечным. Он хотел разозлить ее настолько, чтобы она забыла о самобичевании. И это ему удалось. Она вскочила и принялась колотить и царапать его лицо и грудь. Она обзывала его такими словами, на какие никогда не отважилась бы хорошо воспитанная высокородная леди викторианской эпохи.

Бёртон схватил Алису за запястья, чтобы не дать ей окончательно исцарапать себя, и держал ее так, а она продолжала оскорблять его на все лады. В конце концов она умолкла и снова расплакалась, и тогда он повел ее к лагерю. Костер превратился в кучку мокрого пепла. Бёртон разгреб золу, набросал сверху пригоршню травы, оставшейся сухой под прикрытием дерева. Вспыхнуло пламя, и в его свете Бёртон увидел девочку, которая спала, свернувшись калачиком, между Каззом и Монатом в траве под «железным» деревом. Потом он вернулся к Алисе, усевшейся под другое дерево.

— Уходите! — сказала она. — Я не желаю вас больше видеть! Вы обесчестили меня, запятнали мое доброе имя! И это после того, как вы обещали защищать меня!

— Можете замерзать, если хотите, — буркнул Бёртон. — Я просто хотел предложить вам прижаться друг к другу, чтобы согреться. Но если вам больше по душе мерзнуть, ваша воля. Повторяю: то, что произошло между нами, было действием наркотика. Нет, не так. Наркотики не могут вызывать желания или действия. Они просто позволяют им выйти на волю. То, что мы обычно в себе подавляем, высвободилось, и ни вам, ни мне не за что себя винить.

Но я солгал бы, если бы сказал, что не получил наслаждения, и вы солгали бы, если бы утверждали противоположное. Так зачем же терзать себя муками совести?

— Я не животное, как вы! Я добропорядочная богобоязненная добродетельная христианка!

— Не сомневаюсь, — сухо отозвался Бёртон. — Но позвольте мне еще раз напомнить вам: вы бы ни за что не сделали того, что сделали, не будь в вашем сердце такого желания. Наркотик подавил ваши сдерживающие центры, но мысль о том, что вам делать, вам дал не наркотик. Мысль эта у вас уже была. Любое действие, происшедшее после приема наркотика, проистекало из того, чего вы хотели.

— Знаю! — воскликнула Алиса. — Неужели вы считаете меня какой-нибудь глупенькой служанкой? Я все понимаю! Я знаю, что я сделала и почему! Просто я никогда не думала,

что могу быть такой... *такой женщиной!* Но ведь была! *Была!*

Бёртон пытался успокоить ее, доказать ей, что у любого человека в душе дремлют такие вещи, которых он не хочет. Он сказал ей о том, что немалую роль в этом играет догмат о первородном грехе. Она — человек, и, значит, в ней дремлют темные желания. И так далее. Но чем старательнее он успокаивал ее, тем хуже ей становилось. Потом, дрожа от холода и устав приводить бесполезные доводы, он сдался. Он улегся рядом с Монатом и Каззом и прижал к себе девочку. Тепло трех человеческих тел, укрытых густой травой, приятное ощущение наготы убаюкали его. Он уснул, слыша, как в траве неподалеку тихо плачет Алиса.

ГЛАВА 9

Когда Бёртон проснулся, он увидел серый холодный расцвет, который арабы называют волчьим хвостом. Монат, Казз и девочка еще спали. Бёртон почесался — кое-где тело зудило из-за того, что он лежал на колючей траве, — и встал. Костер погас. На листьях и стеблях травы висели капельки росы. Бёртон поежился от холода. Но он не чувствовал усталости или каких-то пагубных последствий действия наркотика, как ожидал. В траве под деревом он разыскал кучу более или менее сухого бамбука, развел костер и некоторое время сидел около него, чувствуя себя в высшей степени приятно. Потом на глаза ему попались бамбуковые ведра, и он попил из одного из них. Алиса сидела на кучке травы и сердито смотрела на него. Кожа у нее покрылась пупырышками.

— Идите погрейтесь! — крикнул ей Бёртон.

Она потянулась, встала, подошла к бамбуковому ведру, наклонилась, зачерпнула воды и поплескала на лицо. Потом присела у костра и стала греть руки у невысокого пламени. «Когда все наги, как быстро даже самые стыдливые расстаются со стыдливостью», — подумал Бёртон.

Мгновение спустя Бёртон услышал, как на востоке зашуршала трава. Появилась лысая голова Питера Фрайгейта. Он вышел из травы, а за ним вышла женщина с мокрым, но красивым телом. Глаза у женщины были большие, темно-зеленые, а губы слишком пухлые для того, чтобы быть красивыми. В остальном же она была прекрасна.

Фрайгейт широко улыбался. Он обернулся и потянул женщину за руку к теплу костра.

— Вы выглядите как кот, который только что съел канарейку, — отметил Бёртон. — Что у вас с рукой?

Питер Фрайгейт глянул на костяшки пальцев правой руки. Они припухли, а на тыльной стороне ладони краснели царапины.

— Подрался, — ответил он и указал пальцем на женщину, которая присела рядом с Алисой и грелась у костра. — Побывал, можно сказать, в сумасшедшем доме у реки нынче ночью. Наверное, в резинке был какой-то наркотик. Вы бы не поверили, что там люди вытворяли. Или поверили бы? В конце концов, вы же Ричард Фрэнсис Бёртон. В общем, расхватали всех женщин, даже самых уродливых. Я поначалу напугался всего, что там творилось, а потом я сам чокнулся. Я стукнул двоих мужиков своим контейнером, сбил их с ног. Они приставали к десятилетней девочке. Может быть, я их и прикончил, но надеюсь, что нет. Попробовал уговорить девочку пойти со мной, но она убежала и скрылась в темноте.

Я решил вернуться сюда. Мне стало жутко не по себе из-за того, что я сделал с теми мужиками, пускай даже они это заслужили. Во всем виноват наркотик, он, наверное, вытянул наружу скопившиеся за всю жизнь ярость и злобу. Ну, в общем, я пошел сюда и по дороге наткнулся еще на двоих мужиков, только эти приставали к женщине — вот к этой. Думаю, она была не столько против близости вообще, сколько против того, что они набросились на нее вдвоем. В общем, она кричала, или пыталась кричать и отбивалась, а они взяли да и начали ее избивать. Ну а я стал колотить их кулаками, а потом принялся бить цилиндром.

Я их прогнал, а потом взял женщину — кстати, ее зовут Логу, и это все, что я о ней знаю, потому что не понимаю ни слова из того, что она говорит, — и она пошла со мной. Но сюда, — Фрайгейт снова ухмыльнулся, — мы не дошли.

Он перестал ухмыляться и поежился.

— А потом мы проснулись, потому что пошел дождь, и стало так гроыхать, и так засверкали молнии, словно Бог прогневался на весь мир. Я подумал — только не смейтесь, — что настал Судный День и что Господь дал нам передышку для того, чтобы мы расслабились, и теперь будет судить нас. И теперь нас уж точно швырнут на сковородку.

Он негромко рассмеялся и сказал:

— Я с четырнадцати лет был агностиком, и агностиком помер в возрасте девяноста лет, хотя и подумывал перед смертью позвать священника. Но тот малыш, что боялся старенького дедушку Господа, адского пламени и проклятия, — он никуда не делся, он остался и внутри старика. Или внутри молодого человека, воскресшего из мертвых.

— Да что случилось-то? — спросил Бёртон. — Разве наступил конец света из-за раската грома и удара молнии? Как я посмотрю, вы на месте и не отказались от греховных прелестей этой дамы.

— Мы нашли еще один каменный гриб около гор. Примерно в миле к западу отсюда. Мы заблудились, бродили иззябшие, промокшие, подпрыгивали от страха всякий раз, когда поблизости ударяла молния. А потом нашли гриб. Там было полно народу, но все оказались на редкость дружелюбны, и когда рядом столько людей, то тепло, и было тепло, хотя дождь немножко проникал сквозь траву. В конце концов мы уснули, когда дождь уже давно кончился. Когда я проснулся, я обшарил заросли травы и нашел Логу. Она ухитрилась каким-то образом заблудиться в темноте. Но она обрадовалась, когда увидела меня, а мне она очень нравится. У нас есть что-то родственное. Может, я сумею понять, что именно, когда она научится говорить по-английски. Я перепробовал все языки, какие знаю, — английский, французский и немецкий, отдельные русские, литовские, гэльские слова, все скандинавские языки, включая финский, классический наuatль*, арабский, иврит, ирокезский, онондага, оджибуэйский**, итальянский, испанский, латынь, современный и гомеровский греческий и еще с десятков других. Итог — непонимающие взгляды.

— Да вы заправский лингвист, — отметил Бёртон.

— Я не слишком бегло говорю на всех этих языках, — возразил Фрайгейт. — Читать могу на всех, но говорить могу только самые распространенные повседневные фразы. В отличие от вас, я не знаток тридцати девяти языков, включая и порнографию.

«Похоже, этот парень многовато про меня знает», — подумал Бёртон. И решил, что попозже надо будет разузнать поточнее.

— Честно говоря, Питер, — сказал Бёртон, — рассказ о проявленной вами агрессивности поразил меня. Я не представлял, что вы способны напасть на такое число мужчин и поколотить их. При вашей-то щепетильности...

— Это все резинка, конечно. Она открыла дверцу клетки.

Фрайгейт присел рядом с Логу и потерся плечом о ее плечо. Она посмотрела на него полуприкрытыми, чуть сощу-

---

* Науатль — язык жителей Ацтекской империи, на котором и теперь разговаривает ряд индейских племен Мексики.

** Онондага, оджибуэйский — языки индейских племен Северной Америки.

ренными глазами. Когда у этой женщины отрастут волосы, она будет красива.

Фрайгейт продолжал:

— Я так робок и щепетилен из-за того, что боюсь гнева, желая проявлять жестокость, которое глубоко спрятано внутри меня. Я боюсь жестокости, потому что я жесток. Я боюсь того, что случится, если я перестану бояться. Черт подери, я об этом знал сорок лет. И много же хорошего принесло мне это знание!

Он глянул на Алису и проговорил:

— Доброе утро!

Алиса довольно живо отозвалась на приветствие и улыбнулась, когда Фрайгейт представил ей Логу. На Бёртона она смотрела и на его прямые вопросы отвечала, хоть и холодно, но болтать с ним не собиралась.

Монат, Казз и девочка, позевывая, подошли к костру. Бёртон побродил по окрестностям лагеря и обнаружил, что ни одного из триестцев нет. Некоторые из них бросили свои цилиндры. Он выругал их за беспечность и подумал, не оставить ли граали в траве, чтобы проучить их, но потом поднял цилиндры и вставил их в углубления каменного гриба.

Если владельцы граалей не вернутся — останутся голодными, если только кто-то не поделится с ними едой. А еду, что в их цилиндрах, придется оставить нетронутой. Он их открыть не сумеет. Вчера они обнаружили, что только тот, кому принадлежит цилиндр, может открыть его. Эксперименты с длинной палочкой показали, что владелец должен прикоснуться к крышке пальцами или какой-то другой частью тела, чтобы она открылась. Фрайгейт предположил, что механизм грааля запрограммирован на особую конфигурацию кожного вольтажа владельца. А может быть, в цилиндре содержался чувствительнейший детектор индивидуального излучения головного мозга.

Небо уже посветлело. Солнце пока не показалось из-за гор на востоке, что возвышались на двадцать тысяч футов. Примерно через полчаса из каменного гриба вырвалось синее пламя и прозвучал раскат грома. Гром, прогремевший у реки, эхом отлетел от гор.

В цилиндрах на этот раз оказались бекон и яйца, ветчина, тосты, масло, джем, молоко, четвертинка канталупы*, сигареты и чашечка с темно-коричневыми кристалликами — Фрайгейт сказал, что это растворимый кофе. Он выпил молоко, прополоскал чашку водой из бамбукового ведра и поставил у

---

* Разновидность дыни.

огня. Когда вода вскипела, Фрайгейт всыпал в чашку чайную ложку кристалликов и перемешал. Кофе оказался превосходным, и порошка хватало на шесть чашек. А потом Алиса всыпала кристаллики в воду, не ставя чашку к огню, и оказалось, что воду кипятить не обязательно — она сама вскипала в чашке через три секунды.

После еды перемыли посуду и убрали ее в цилиндры. Бёртон пристегнул свой грааль к запястью. Он собирался на разведку и уж конечно не собирался оставлять грааль на камне. Хотя из этого ни для кого, кроме него самого, никакой пользы не было бы, какие-нибудь злодеи могли просто ради развлечения заставить его голодать.

Бёртон начал с девочкой и Каззом урок языка. Фрайгейт заставил Логу присоединиться. Фрайгейт предложил использовать универсальный язык, поскольку существовало слишком много языков и диалектов — пожалуй, пятьдесят—шестьдесят тысяч, — которыми пользовалось человечество в течение нескольких миллионов лет своего существования, — если, конечно, воскресло все человечество. В конце концов, он успел обойти всего лишь несколько квадратных миль. Но неплохо было бы начать пропагандировать эсперанто — синтетический язык, изобретенный польским окулистом доктором Заменгофом в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году. Грамматика этого языка была до предела упрощена, а звуковые комбинации, хотя и не столь легкие для произношения, как утверждалось, все-таки особой сложности не представляли. Словарная основа языка была латинская, и, кроме того, в него входили многие слова из английского, немецкого и других западноевропейских языков.

— При жизни я слышал об этом языке, — сказал Бёртон. — Но ни разу практически с ним не сталкивался. Может быть, он и окажется полезен. Пока же я с ними займусь английским.

— Но ведь большинство людей здесь говорит на итальянском и словенском! — возразил Фрайгейт.

— Может, и так, хотя мы этого еще не знаем наверняка. Но я тут оставаться навсегда не намерен, уверяю вас.

— Можно было предположить, — пробурчал Фрайгейт. — Вам всегда на месте не сиделось, все тянуло куда-то.

Бёртон бросил на Фрайгейта тяжелый взгляд и начал урок. Примерно минут пятнадцать он муштровал своих учеников в распознавании и произношении девятнадцати существительных и нескольких глаголов и местоимений: «огонь», «бамбук», «цилиндр», «мужчина», «женщина», «девочка», «рука», «нога», «глаз», «зубы», «есть», «ходить», «бежать»,

«говорить», «опасность», «я», «ты», «они», «мы». Он хотел узнать от них столько же, сколько они узнают от него. Со временем и он научится говорить на их языках, какими бы они ни оказались.

Солнце озарило вершины восточной горной гряды. Воздух потеплел, и костер погасили. Второй день жизни после Воскрешения был в разгаре. А они ничего, почти ничего не знали ни о мире, в котором оказались, ни о своей будущей судьбе, ни о Том, кто определял их судьбу.

Из густой травы высунулась носатая физиономия Льва Руаха.

— Можно к вам? — спросил он.

Бёртон кивнул, а Фрайгейт отозвался:

— Конечно, почему бы и нет?

Руах вышел из травы. Невысокая бледнокожая женщина с огромными карими глазами и приятными тонкими чертами лица вышла следом за ним. Руах представил ее как Таню Каувиц. Он познакомился с ней ночью, и они подружились, поскольку у них было много общего. Она была родом из семьи русских евреев, родилась в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом в Бронксе, районе Нью-Йорка, стала учительницей английского языка в школе, вышла замуж за бизнесмена, который сколотил миллион долларов и умер в возрасте сорока пяти лет, дав ей возможность выйти замуж за замечательного человека, роман с которым у нее тянулся уже пятнадцать лет. А шесть месяцев спустя она умерла от рака. Рассказал об этом не Лев, а сама Таня, причем одним-единственным предложением.

— На равнине ночью творилась настоящая чертовщина, — сказал Лев. — Мы с Таней решили спастись в лесу. Вот я и решил разыскать вас и спросить, нельзя ли нам остаться с вами. Я приношу извинения за свои вчерашние непродуманные заявления, мистер Бёртон. Думаю, что моя точка зрения имеет под собой почву, но только те воззрения, о которых я говорил, следует рассматривать в контексте остальных ваших воззрений.

— Как-нибудь обсудим это, в другой раз, — ответил Бёртон. — В то время когда я писал книгу, я страдал из-за порочности и лживости дамасских ростовщиков, а они...

— Конечно, мистер Бёртон, — оборвал его Руах. — В другой раз, как вы сказали. Я просто хочу, чтобы вы знали: я считаю вас очень способным и сильным человеком, и я хотел бы присоединиться к вашей группе. Кругом царит состояние анархии — если анархию можно назвать состоянием, — и многие из нас нуждаются в защите.

Бёртону не понравилось, что Руах прервал его. Он пробурчал что-то себе под нос и сказал:

— Пожалуйста, позвольте мне объясниться. Я...

Тут встал Фрайгейт и сказал:

— А вот и остальные. Интересно, где это их носило?

Из ушедших девяти вернулись четверо. Мария Туччи рассказала, что, сжевав резинку, они ушли от лагеря все вместе, а потом оказались у одного из больших костров на равнине. Потом много чего случилось — драки, нападения мужчин на женщин, мужчин на мужчин, женщин на женщин, даже на детей нападали. В этой неразберихе группа распалась, и троих она встретила всего час назад, когда бродила по холмам в поисках каменного гриба.

Кое-какие подробности добавил Руах. Результаты действия жевательной резинки оказались трагическими, забавными или приятными — очевидно, в зависимости от индивидуальной реакции. На большинство людей резинка оказала возбуждающее действие, но оно оказалось не единственным. Взять, к примеру, супружескую пару, умершую в Опчине, пригороде Триеста, в тысяча восемьсот девяносто девятом году. Они воскресли в шести футах друг от дружки. Они плакали от радости, что снова вместе, в то время как другим парам не так повезло. Они благодарили Бога за этот подарок, хотя и высказывали громко претензии насчет того, что этот мир совсем не таков, как тот, что был им обещан. Но они прожили пятьдесят лет в счастливом браке и собирались жить вместе вечно.

А через несколько минут после того, как они сжевали резинку, муж удавил жену, швырнул ее тело в реку, обнял другую женщину и убежал с нею во тьму леса.

Другой мужчина вскарабкался на гриб и разразился речью на всю ночь, невзирая на дождь. Тем немногим, кто слышал, и еще более немногим, кто слушал, он излагал принципы совершенного общества и то, как их осуществить на практике. К рассвету он так охрип, что мог только выкаркивать отрывочные слова. А на Земле он и голосовать-то редко удосуживался.

Какие-то мужчина и женщина, возмущенные всеобщим развратом, усиленно пытались разнять парочки. В результате — синяк, разбитые в кровь носы и губы и сотрясение мозга — у *них*. Некоторые мужчины и женщины всю ночь простояли на коленях, молясь и исповедуясь в своих грехах.

Некоторых детей жестоко избили, изнасиловали или убили, или и то, и другое, и третье. Но не все впали в безумие. Некоторые взрослые защищали детей или хотя бы пытались.

Руах рассказал о возмущении, высказанном хорватским мусульманином и австрийским евреем, в цилиндрах у которых оказалась свинина. Один индус непристойно бранился, потому что ему в цилиндре попало мясо.

А еще один мужчина, крича о том, что все они попали в лапы к демонам, выбросил в реку сигареты.

А другие говорили ему:

— Почему ты не отдал нам сигареты, если они тебе не нужны?

— Табак — выдумка дьявола, это растение, выращенное в Эдемском саду сатаной!

Курильщик ответил ему:

— Мог бы все-таки отдать нам сигареты. Тебе бы за это ничего не было.

— А я бы все это адское зелье в реку выкинул! — прокричал первый.

— Придурок ты непроходимый, совсем чокнулся! — крикнул третий и врезал первому по губам. Не успел табаконенавистник подняться с земли, как на него набросились еще четверо и принялись избивать.

Потом табаконенавистник встал и, плача от ярости, крикнул:

— Что я такого сделал, чем это заслужил, о Боже мой, Господи! Я всегда был праведным человеком. Я отдавал тысячи фунтов на благотворительные нужды, я молился в Храме Твоем три раза в неделю, всю жизнь боролся с грехом и соблазном, и я...

— Знаю я тебя! — крикнула какая-то женщина — высокая, голубоглазая, красивая, с хорошей фигурой. — Я тебя знаю! Сэр Роберт Смитсон!

Он умолк и, часто моргая, уставился на нее.

— А я тебя не знаю!

— Не знаешь! А следовало бы! Я одна из тысяч девушек, что работали по шестнадцать часов в день, шесть с половиной дней в неделю, для того, чтобы ты мог жить в своем большом доме на холме, одеваться в дорогое платье и чтобы твои собаки и кошки ели лучше, чем я! Я была одной из твоих девушек с фабрики! Мой отец батрачил на тебя, и моя мать на тебя гнула спину, и мои братья и сестры — те, что не были совсем больны или не померли из-за того, что слишком мало ели или ели дурную пищу, спали в грязной постели в каморках с крошечными окошками, или из-за того, что их кусали крысы, — все они гнули спину на тебя. Мой отец потерял руку — ее оторвало одной из твоих машин, а ты вышвырнул его, не дав ему ни пенни. Мать моя умерла от

чахотки. Я тоже всю жизнь кашляла, мой прекрасный баронет, а ты пичкал себя вкусной едой, сидел в удобных креслах, позевывал на своей дорогой церковной скамье и швырял тысячами, чтобы накормить бедных-несчастных в Африке, да посылал миссионеров, чтобы те обратили в истинную веру бедняжек-дикарей. А я выкашляла все легкие, и мне пришлось пойти на панель, чтобы заработать денег и прокормить сестренку и братишек. И я подхватила сифилис, будь ты проклят, вшивый ублюдок набожный, потому что ты хотел выжать из меня последнюю каплю пота и крови, как из всех таких же бедняг! Я сдохла в тюрьме, потому что ты велел полицейским нещадно бороться с проституцией. Ты... ты!..

Смитсон сначала покраснел, потом побледнел. А потом выпрямился, обругал женщину и сказал:

— Вам, шлюхам, вечно нужен кто-то, кого вы вините в своей неумеренной похоти, в своих грехах. Господу ведомо, что я всегда следовал путем, Им предназначенным.

Он отвернулся и зашагал прочь, а женщина бросилась за ним и замахнулась цилиндром. Кто-то вскрикнул, Смитсон пригнулся и отскочил в сторону. Цилиндр чуть не угодил ему по макушке.

Женщина не успела опомниться, а Смитсон уже убежал и быстро затерялся в толпе.

— Увы, — сказал Руах, — поняли, что происходило, многие, потому что не говорили по-английски.

— Сэр Роберт Смитсон, — проговорил Бёртон. — Если мне не изменяет память, он владел текстильными фабриками и сталелитейными заводами в Манчестере. Был знаменит филантропией и субсидированием миссий по обращению язычников в христианство. Умер в тысяча восемьсот семидесятом, или что-то около того, в возрасте восьмидесяти лет.

— А наверняка был убежден, что получит вознаграждение в раю, — добавил Лев Руах. — Несомненно, ему и в голову не приходило, что он — злостный убийца.

— Если бы не он эксплуатировал бедняков, этим занимался бы кто-то другой.

— Подобными оправданиями частенько пользовались на протяжении всей истории человечества, — буркнул Лев Руах. — Между прочим, в вашей стране встречались промышленники, которые заботились об улучшении условий труда и оплаты на своих фабриках. Например, Роберт Оуэн*.

---

* Роберт Оуэн (1771—1858) — английский социалист-утопист. Основал опытные коммунистические колонии в Великобритании и США.

ГЛАВА 10

— Не вижу большого смысла в том, чтобы спорить о событиях прошлого, — сказал Фрайгейт. — Думаю, нам надо заняться теперешней ситуацией.

Бёртон встал.

— Попал в точку, янки! Нам нужны крыша над головой, инструменты, да Бог знает, что еще! Но пока что, я думаю, нам не мешает полюбопытствовать, что творится в городах на равнине, чем там люди занимаются.

Как раз в это время из-за деревьев на склоне холма выше лагеря появилась Алиса. Первым ее заметил Фрайгейт и громко расхохотался.

— Последний писк дамской моды!

Алиса срезала ножницами стебли травы и превратила их в одеяние, состоявшее из двух частей. Первая представляла собой что-то вроде пончо, прикрывавшего грудь, а второе — юбку, ниспадавшую до лодыжек.

Эффект получился странным, такого она и не ожидала. Когда она была обнажена, ее лысая голова не слишком сильно портила ее женственность и красоту. Но на фоне зеленых, громоздких, бесформенных одежд лицо ее неожиданно стало мужеподобным и некрасивым.

Остальные женщины столпились около нее и принялись рассматривать переплетения стеблей и травяной пояс, поддерживающий юбку.

— Колется ужасно и очень неудобно, — сказала Алиса. — Но зато очень прилично. Вот и все, что я могу сказать.

— Похоже, вы готовы отказаться от того, что говорили насчет наготы среди нагих, — хмыкнул Бёртон.

Алиса холодно поглядела на него и сказала:

— Уверена, скоро все станут носить такое. Все благовоспитанные мужчины и женщины то есть.

— Полагаю, миссис Гранди* при этих словах довольно вздернула бы свой безобразный нос, — фыркнул Бёртон.

— Вообще пребывание среди такого числа голых людей шокирует, — признался Фрайгейт. — Несмотря на то, что нудизм на пляжах и в собственных домах в конце восьмидесятых стал общепринятым явлением. Тогда все довольно скоро к этому привыкли. Все, кроме безнадежных невротиков, пожалуй.

Бёртон развернулся и обратился к остальным женщинам:

---

* Персонаж пьесы Т. Мортон «Пусть быстрее идет плут» (1796), олицетворение обывательских приличий и общественного мнения.

— Ну что, дамы? Собираетесь напяливать на себя эти уродливые и колючие снопы только из-за того, что одна из представительниц вашего пола вдруг вспомнила, что у нее есть интимные части тела? Может ли то, что было выставлено на всеобщее обозрение, взять и стать интимным?

Логу, Таня и Алиса его не поняли, потому что говорил он по-итальянски. Для Тани и Алисы он снисходительно произнес сказанное по-английски.

Алиса зарделась и ответила:

— Это мое дело — что мне носить. Ну а если остальные предпочитают разгуливать нагишом, когда я прилично одета, что ж!

Логу не поняла ни слова, но поняла, что происходит. Она рассмеялась и отвернулась. Остальные женщины пытались угадать, как поведут себя другие. И дело тут было не в уродливости и неудобстве одеяний.

— Ну а пока вы, дамы, решаете, как вам поступить, — продолжал Бёртон, — было бы мило с вашей стороны, если бы вы прихватили бамбуковые ведерки и пошли вместе с нами к реке. Мы сможем выкупаться, наполнить ведра водой, посмотреть, что творится на равнине, а потом вернемся сюда. Мы можем построить несколько домов — или временных укрытий — до темноты.

Группа спускалась с холма, пробираясь сквозь траву. С собой захватили цилиндры, сланцевое оружие, бамбуковые колья и ведра. Не успели они далеко отойти от лагеря, как повстречали несколько человек. Очевидно, многие из обитателей равнины решили сменить место жительства. Более того — некоторые тоже разыскали кремь и изготовили инструменты и оружие. Они выучились искусству изготовления предметов из камня от кого-то — возможно, от других доисторических людей, оказавшихся рядом с ними. Пока что Бёртон заметил только двух представителей других видов, кроме *Homo sapiens*, и оба они находились в его группе. Но где бы ни почерпнули другие способы обработки камней, они воспользовались ими на славу. По дороге группа миновала две наполовину выстроенные бамбуковые хижины — круглые, однокомнатные, с коническими крышами, покрытыми громадными треугольными листьями «железных» деревьев и длинными стеблями травы, растущей на холмах. Какой-то мужчина, вооружившись кремневым теслом и топором, мастерил бамбуковую кровать на коротких ножках.

На равнине было пусто — немногие занимались постройкой грубых хижин или навесов, кое-кто плавал в реке. Трупы погибших во время ночной вакханалии убрали. Пока что

никто не додумался одеться в травяные юбочки, и поэтому на Алису глазели, а то и смеялись и отпускали недвусмысленные шуточки. Алиса краснела, но попыток раздеться не предпринимала. Но солнце уже начинало припекать, и она почесывалась, стараясь делать это, однако, незаметно, как положено леди, выросшей и воспитанной в строгих принципах викторианского высшего общества.

Но когда группа подошла к берегу, все увидели на траве кучки травяных одеяний. Их оставили на берегу мужчины и женщины, которые теперь хохотали, брызгались и плавали в реке.

Этот пляж совсем не походил на те, что помнил Бёртон. Тут резвились те самые люди, которые привыкли к пляжным кабинкам, костюмам, закрывавшим тело с головы до ног, и прочим украшениям скромности, считавшимся проявлениями нравственности в приличном обществе — их обществе. И вот прошел только один день, как они оказались здесь, а они уже плавали нагишом. И наслаждались этим.

В какой-то мере в спокойном отношении к наготы повинен был шок, испытанный при воскрешении. Ну и потом за первый день многого в этом смысле сделать было нельзя. Кроме того, люди цивилизованные перемешались с дикарями или цивилизованными людьми из тропических стран, которых нагота не особо шокировала.

Бёртон окликнул женщину, стоявшую по грудь в воде, — голубоглазую, с грубоватым, но симпатичным лицом.

— Это та самая, что напала на сэра Роберта Смитсона, — сообщил Руах. — Вроде бы ее зовут Вилфреда Оллпорт.

Бёртон посмотрел на женщину с любопытством и оценил красоту ее бюста.

— Как водичка? — крикнул он.

— Прекрасная, — отозвалась она, улыбаясь.

Бёртон отстегнул от запястья цилиндр, положил на траву чехол с ножом и топором и вошел в воду, сжимая в руке шарик зеленого мыла. Температура воды оказалась градусов на десять ниже температуры тела. Бёртон намыливался, болтая с Вилфредой. Если у нее и осталась обида на Смитсона, сейчас она ее не выказывала. Акцент у Вилфреды был северный, скорее всего — камберлендский.

Бёртон сказал ей:

— Я слышал о твоей маленькой стычке с великим покойным лицемером — баронетом. Но сейчас ты должна радоваться. Ты здорова, молода и красива снова, и тебе не надо гнуть спину, чтобы заработать на хлеб. И тем, чем ты раньше занималась за деньги, ты можешь заниматься ради любви.

С фабричной девчонкой можно было особо не церемониться.

Но Вилфреда одарила его таким же ледяным взглядом, каким порой посматривала Алиса Харгривз.

— А ты, как я погляжу, не промах. Англичанин, верно? Что только это у тебя за акцент такой, не разберу? Лондонский, сказала бы, только с какой-то иностранщиной.

— Почти угадала, — ответил Бёртон, смеясь. — Кстати, меня зовут Ричард Бёртон. Хочешь к нам присоединиться? Мы держимся вместе, чтобы суметь защититься, если что, и собираемся после полудня заняться постройкой домов. И у нас в холмах есть питающий камень в полном нашем распоряжении.

Вилфреда посмотрела на тау-китянина и неандертальца.

— А эти тоже с вами, а? Слыхала я про них — болтают, что эта страхолюдина — человек со звезд, что явился в двухтысячном году.

— Он тебя не обидит, — заверил ее Бёртон. — И недочеловек тоже. Ну, что скажешь?

— Я всего лишь женщина, — ответила Вилфреда. — Что я могу предложить?

— Все, что может предложить женщина, — усмехнувшись, сказал Бёртон.

Как ни странно, она расхохоталась. Легко толкнув Бёртона в грудь, она проговорила:

— Ну, не умник ли, а? Что такое — не можешь себе девчонку найти?

— Нашел, да потерял, — отшутился Бёртон. Это было не совсем точно. Он не знал наверняка, каковы намерения Алисы. Он не понимал, почему она остается в группе, несмотря на то, что так напугана и испытывает к нему такое отвращение. Возможно, это происходило из-за того, что она предпочитала знакомое зло незнакомому. А он сейчас только презирал ее за глупость и упрямство, но не хотел, чтобы она уходила. Порыв любовной страсти, пережитый Бёртоном ночью, мог быть всего лишь результатом действия наркотика, но какой-то приятный осадок в душе все-таки остался. Тогда зачем же он предлагал этой женщине присоединиться к ним? Может быть, затем, чтобы заставить Алису ревновать? Может быть, для того, чтобы иметь женщину про запас, если Алиса откажет ему сегодня ночью? Может быть... он сам не знал почему.

Алиса стояла на берегу, вода подступала к самым кончикам пальцев ее ног. Кстати говоря, берег был всего на пару дюймов выше воды. Невысокая трава, растущая на равнине

до самой воды, образовывала плотный ковер, который продолжался и на речном дне. Бёртон чувствовал траву под ногами, пока мог стоять. Он бросил мыло на берег и, проплыв футов сорок, нырнул. Тут и течение резко усилилось, и глубина стала больше. Бёртон погружался с открытыми глазами, и наконец у него потемнело в глазах и заболели уши. Но он продолжал погружаться, и наконец его руки коснулись дна. Тут тоже росла трава.

Вернувшись туда, где вода доходила ему до пояса, он заметил, что Алиса разделась. Она купалась ближе к берегу, но погрузилась по шею. Она намыливала голову и лицо.

Бёртон окликнул Фрайгейта.

— Почему вы не заходите в воду?

— Охраняю граали! — отозвался Фрайгейт.

— Отлично!

Бёртон тихонько выругался. Сам он до этого не додумался, а следовало бы оставить кого-то дозорным. На самом деле он не был таким уж хорошим лидером — со своей склонностью пускать дела на самотек. Следовало в этом признаться. На Земле он возглавил не одну экспедицию, но ни одна из них не славилась организованностью или умелым руководством. И все же во время Крымской войны, когда он возглавлял нерегулярные части Битсона и обучал диких турецких кавалеристов, башибузуков, он неплохо управлялся, намного лучше остальных. Так что не стоило ему так уж упрекать себя...

Лев Руах вышел из воды и провел руками по тощему телу, чтобы отряхнуть воду. Бёртон тоже выбрался на берег и сел рядом с ним. Алиса повернулась к нему спиной — нарочно или нет — этого понять он, конечно, не мог.

— Меня восхищает не только то, что я снова молод, — сообщил Лев Руах по-английски с чудовищным акцентом, — а то, что ко мне вернулась нога.

И он похлопал себя по правому колену.

— Я потерял ногу в автокатастрофе в Нью-Джерси, на Термпайке, когда мне было пятьдесят.

Он рассмеялся и добавил:

— Вот ирония, как некоторые сказали бы, судьбы. За два года до этого меня схватили арабы, когда я занимался поисками минералов в пустыне, ну, вы понимаете, в государстве Израиль...

— Вы имеете в виду Палестину? — уточнил Бёртон.

— Евреи создали независимое государство в тысяча девятьсот сорок восьмом году, — объяснил Лев. — Вы об этом, конечно, знать не можете. Я в свое время все вам про это

расскажу. Словом, меня схватили и пытали арабские боевики. Не буду вдаваться в подробности, мне больно об этом вспоминать. Но той же ночью я бежал, правда, перед побегом я шарахнул двоих камнем по головам и еще двоих пристрелил из винтовки. Остальные разбежались, а я удрал. Мне повезло. Меня подобрал армейский патруль. Ну вот, а два года спустя, когда я был в Штатах и ехал по Термпайку, грузовик, здоровенный «полу-», ну, про это я вам тоже потом расскажу — обогнал меня и подрезал. Я был жутко изранен, а правую ногу мне ампутировали ниже колена. Но главное в этой истории то, что водитель родился в Сирии. Так что, как видите, арабы хотели меня заполучить, и это им удалось, вот только они меня не убили. Эту работенку проделал наш дружок с тау Кита. Хотя не могу сказать, что он что-то такое сделал с человечеством, кроме того, что поторопил его конец.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Бёртон.

— Миллионы людей умирали от истощения, даже в Штатах ввели строго ограниченные рационы, а из-за загрязнения воды, почвы и воздуха погибали еще миллионы. Ученые говорили, что половина земного запаса кислорода иссякнет, поскольку фитопланктон океанов — ну, вы знаете, что фитопланктон наполовину снабжал планету кислородом, — погибал. Океаны были загрязнены.

— Океаны?

— Не верите? Понятно, вы умерли в тысяча восемьсот девяностом, стало быть, вам в это верится с трудом. Но некоторые еще в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом точно предсказали, что случится в две тысячи восьмом. И я им верил — я биохимик по профессии. Но большая часть населения — то есть народные массы и политики — отказывалась верить в это до тех пор, пока не стало слишком поздно. Когда положение ухудшилось, были приняты меры, но они все время оказывались либо слишком слабыми, либо слишком запоздалыми, да к тому же им вечно противились те, кто не хотел платить налоги, когда речь заходила о мерах, по-настоящему эффективных. Но это долгая и грустная история, а если мы собираемся строить дома, лучше приступить к этому сразу же после ленча.

Алиса вышла из воды и отряхнула руками воду с тела. Солнце и ветерок быстро высушили ее кожу. Она подобрала свои травяные одеяния, но натягивать их на себя не стала. Вилфреда спросила почему. Алиса ответила, что они слишком сильно колются и что она наденет их ночью, если сильно похолодает. С Вилфредой Алиса говорила вежливо, но, конечно, надменно. Она слышала, что Вилфреда работала на

фабрике, а потом стала шлюхой и умерла от сифилиса. Ну или, по крайней мере, Вилфреда так думала, что ее убила эта болезнь. Она не помнила, как умерла. Она весело сказала, что наверняка раньше сошла с ума.

Услышав об этом, Алиса отошла от Вилфреды подальше. Бёртон усмехнулся, гадая, что она скажет, если узнает, что он страдал той же самой болезнью и заразился ею от рабыни в Каире, когда, одевшись, как мусульманин, совершал паломничество в Мекку в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году. Он «вылечился», и мозг его физически не пострадал, хотя морально он страдал ужасно. Но главное было в том, что воскрешение дало каждому новое, молодое, лишенное болезней тело, и то, что собой представлял тот или иной человек на Земле, не должно было влиять на отношение к нему других.

Но «не должно», увы, не означало «не будет влиять».

Он не мог на самом деле винить Алису Харгривз. Она была продуктом своего общества — как все женщины, она была такой, какой ее сделали мужчины, — и она обладала достаточной силой характера и гибкостью ума, чтобы подняться над некоторыми предрассудками своего времени и своего класса. Она неплохо приспособилась к наготе и не проявила в отношении девушки откровенной враждебности и презрения. Она совершила с Бёртоном деяние, противоречащее и откровенной, и завуалированной идеологии всей ее жизни. И произошло это в первую ночь первого дня ее жизни после смерти, когда она, по идее, должна была стоять на коленях и петь «осанну», потому что «согрешила», и обещать, что никогда впредь «не согрешит», потому что не попала в адское пламя.

Они шли по равнине, и Бёртон думал об Алисе, то и дело оборачиваясь и глядя на нее. Из-за гладкой кожи черепа ее лицо казалось намного старше, но из-за отсутствия волос ниже пупка она выглядела совсем ребенком. Столь же противоречиво выглядели и все остальные: выше шеи — взрослые мужчины и женщины, а ниже пупка — дети.

Бёртон приотстал и оказался рядом с Алисой, позади Фрайгейта и Логу. Смотреть на Логу — это могло утешить его, даже если не удастся завязать разговор с Алисой. У Логу была великолепная фигурка, а ягодицы напоминали два яйца. При ходьбе она так же изящно покачивалась, как Алиса.

Бёртон тихо проговорил:

— Если прошедшая ночь так расстроила вас, почему вы остались со мной?

Ее прекрасное лицо исказилось уродливой гримасой.

— Я не с *вами* осталась! Я осталась в *группе*! И потом, я думала о том, что произошло ночью, хотя мне это и больно. Я должна сказать откровенно. Наркотик, что содержался в этой гадкой резинке, заставил нас вести себя... так, как мы себя повели. По крайней мере, я знаю, что за мое поведение отвечает наркотик. Вы же вольны сомневаться.

— Значит, нечего надеяться на повторение?

— Да как вы можете о таком спрашивать! Конечно, нет! Как вы только смеете?

— Я вас ни к чему не понуждал, — возразил Бёртон. — Как я уже говорил, вы сделали то, что сделали бы, не довлея над вами привычка к воздержанию. Воздержание отменная вещь — при определенных обстоятельствах, ну, например, для того, чтобы оставаться законной добропорядочной женой мужчины, которого вы любили в Англии, на Земле. Но Земли больше нет, по крайней мере, насколько нам известно. И Англии больше нет, и английского общества. И даже если все человечество воскрешено и разбросано по берегам этой реки, вы все равно можете никогда не встретиться с вашим супругом. Вы больше не замужем. Помните... *«пока смерть не разлучит нас»*. Вы умерли и, следовательно, разлучились. И потом: *«В раю не женятся и не выходят замуж»**.

— Вы богохульник, мистер Бёртон. Я читала о вас в газетах, и еще я читала кое-какие ваши книги об Африке и Индии и еще одну — про мормонов** в Штатах. И еще я слыхала всякие истории, в большинство которых было трудно поверить — про вас говорили такие ужасные вещи. Реджинальд так возмутился, когда прочел вашу *«Касыду»*. Он сказал, что не потерпит в своем доме такой атеистической литературы, и швырнул все ваши книжки в огонь.

— Если я такой порочный, а вы кажетесь себе падшей женщиной, почему же вы не уйдете?

— Я должна повторить? В другой группе могут оказаться мужчины и похуже вас. И потом, как вы любезно заметили, вы меня ни к чему не понуждали. Помимо всего прочего, я уверена, что под маской циника и насмешника у вас прячется какое-никакое, а сердце. Я видела, как вы плакали, когда несли на руках плачущую Гвенафру.

— Вы меня раскусили, — сказал Бёртон, усмехаясь. — Хорошо. Пусть так. Я буду вести себя благородно, я не стану пытаться соблазнять вас и вообще как-либо вам досаждать.

---

* «...ибо в воскресении не женятся, не выходят замуж...» — Мф. 22:30.

** Мормоны — «Святые последнего дня» — религиозная секта, основанная в первой половине XIX века в США Дж. Смитом.

Но в следующий раз, когда заметите, что я жую резинку, постарайтесь спрятаться как следует. Пока же даю вам честное слово: вам нечего меня бояться, пока я не пребываю под действием резинки.

Алиса широко раскрыла глаза и остановилась.

— Вы собираетесь еще раз ею воспользоваться?

— Почему бы и нет? Некоторых она превращает в жестоких зверей, а меня — нет. Я не ощущаю неудержимого желания сжевать ее, значит, можно не опасаться того, что к ней возникает привыкание. Знаете, я когда-то выкуривал трубочку-другую опиума, но не привязался к нему, значит, я не особо подвержен действию наркотиков психологически.

— Как я понимаю, вы отчаянный пьяница, мистер Бёртон. Вы, и это тошнотворное создание, мистер Суинберн*.

Алиса умолкла. Ее окликнул какой-то мужчина, и, хотя она не понимала по-итальянски, она поняла, что значит его непристойный жест. Она покраснела и быстро зашагала вперед. Бёртон зыркнул на мужчину. Тот был хорошо сложенным смуглокожим молодцом со здоровенным носом, маленьким подбородком и близкопосаженными глазами. Говорил он так, как разговаривали бандиты в Болонье, где Бёртон довольно долго прожил, изучая реликвии и захоронения этрусков. За спиной мужчины выстроились еще с десяток таких же громил и пятеро женщин. Несомненно, мужчина хотел добавить к своей компании еще женщин. И, кроме того, безусловно, они были не прочь завладеть каменным оружием группы Бёртона. Сами же грубияны были вооружены только граалями и бамбуковыми палками.

ГЛАВА 11

Бёртон что-то резко проговорил, и его люди сбились плотнее. Казз не понял слов Бёртона, но быстро сообразил, что происходит. Он отступил, чтобы вместе с Бёртоном образовать арьергард. Его ужасающая внешность и зажатый в кулачище топор несколько сдержали болонцев. Они поплелись за группой, громко выкрикивая всяческие комментарии и угрозы, но догонять не отваживались. Однако когда группа добралась до холмов, предводитель шайки выкрикнул команду и они пошли в атаку.

Парень с близкопосаженными глазками, вопя и размахивая цилиндром, бросился на Бёртона. Бёртон пригнулся,

---

* Чарлз Алджернон Суинберн (1837—1909) — английский поэт. Его «Поэмы и баллады» прославляли чувственность и языческий гедонизм.

уклонился и нанес удар бамбуковым копьём как раз тогда, когда грааль полетел к нему. Каменный наконечник угодил парню в солнечное сплетение, и тот повалился на бок. Копьё Бёртон выдергивать не стал. Неандерталец стукнул палкой по цилиндру, занесенному над его головой, палка вылетела из его руки. Тогда он прыгнул вперед и занес топор над головой того, кто напал на него. Мужчина повалился на траву с окровавленным черепом.

Щуплый Лев Руах ударил цилиндром в грудь напавшего на него мужчину, сбил его с ног, подбежал и набросился на того. Мужчина приподнялся, а Руах ударил его ногами по лицу. Болонец снова повалился навзничь. Руах размахнулся и нанес ему в плечо удар кремневым ножом. Мужчина завопил, вскочил на ноги и убежал.

Фрайгейт действовал намного лучше, чем ожидал Бёртон, хотя в первый миг, когда шайка бросилась на группу, побледнел и задрожал. Цилиндр висел на его левом запястье, а правой рукой он сжимал топорик. Он бросился в гущу сражавшихся, получил удар граалем по плечу, но заслонился собственным цилиндром, смягчил удар и повалился на бок. Обидчик сжал обеими руками палку и замахнулся, но Фрайгейт откатился в сторону, поднял грааль и закрылся им как раз в то мгновение, когда палка опускалась. Вскочив на ноги, он стукнул нападавшего головой, и тот отшатнулся. Оба упали, Фрайгейт оказался сверху и дважды стукнул мужчину каменным топориком по виску.

Алиса швырнула свой цилиндр в физиономию напавшего на нее бандюги, после чего ткнула его обожженным концом бамбукового копья. Логу забежала этому бандиту за спину и так сильно стукнула того по голове палкой, что тот опустился на колени.

Драка закончилась за шестьдесят секунд. Остальные бандиты удрали, женщины бросились за ними. Бёртон перевернул вопящего от боли главаря на спину и выдернул копьё из его живота. Наконечник вошел в тело несчастного всего-то на полдюйма.

Тот вскочил на ноги и, зажав руками кровоточащую рану, побрел по равнине. Двое бандитов лежали без сознания, но, судя по всему, могли оправиться. Тот же, с которым дрался Фрайгейт, был мертв.

Американец из бледного стал багрово-красным, а потом снова побледнел. Но ни раскаяния, ни признаков дурноты и в помине не было. Разве что только самодовольство играло на его лице. Ну, и еще облегчение.

— Я первый раз убил человека! — воскликнул он. — В первый раз!

— Сомневаюсь, что в последний, — буркнул Бёртон. — Если только вас раньше не прикончат.

Руах, глядя на труп, пробормотал:

— Мертвец выглядит здесь точно так же, как на Земле. Интересно, а куда попадают те, что убиты в загробной жизни?

— Поживем — увидим. Дамы, вы были на высоте.

— Я делала то, что нужно было делать, — ответила Алиса и ушла. Она побледнела и дрожала. А вот Логу, наоборот, казалась возбужденной.

Примерно за полчаса до полудня группа добралась до питающего камня. Тут произошли перемены. В маленькой спокойной низине собралось человек шестьдесят, и многие из них трудились над обработкой кусков кремня. Один мужчина закрывал руками кровоточащий глаз, куда угодил отскочивший осколок камня. Еще у некоторых текла кровь с лица, другие сжимали разможенные пальцы.

Бёртон расстроился, но ничего не мог поделать. Можно было только надеяться, что других заставит уйти отсюда отсутствие воды. Но эта надежда быстро развеялась. Одна из женщин сообщила ему, что примерно в полутора милях к западу от этого места есть небольшой водопад, который падает с вершины горы по склону стреловидного ущелья в большую промоину, наполненную водой до половины. Скорее всего впоследствии котловина наполнится и переполнится, и вода из нее выльется, потечет между холмов и вырвется на равнину. Если, конечно, не запрудить поток большим камнем.

— Или если мы не изготовим водопроводные трубы из крупных стволов бамбука, — добавил Фрайгейт.

Цилиндры поставили на камень, старательно выбирая те углубления, в которые каждый ставил свой цилиндр раньше, и стали ждать. Бёртон намеревался, после того как цилиндры будут наполнены, увести группу в другое место. Лучше всего было бы расположиться где-нибудь посередине между водопадом и питающим камнем, чтобы не мучиться от тесноты.

Как только солнце оказалось в зените, над камнем взметнулось синее пламя. На этот раз в цилиндрах оказались: салат, итальянский черный хлеб, намазанный чесночным маслом, спагетти с фрикадельками, чашка сухого красного вина, виноград, растворимый кофе, десяток сигарет, одна сигаретка с марихуаной, сигара, туалетная бумага, шарик мыла и четыре шоколадных суфле. Кое-кто стал жаловаться, что не любит итальянскую кухню, но от еды никто не отказался.

Закурив сигареты, группа Бёртона пошла вдоль подножия горы к водопаду. Он оказался в конце сужающегося ущелья. У котловины разбила лагерь группа, состоявшая из нескольких мужчин и женщин. Вода в котловине была холодна, как лед. Вымыв и высушив посуду и наполнив ведра водой, группа Бёртона отправилась обратно, по дороге к питающему камню. Пройдя с полмили, они выбрали холм, поросший соснами до самой вершины, на которой росло «железное» дерево. Вокруг все заросло бамбуком самой разной высоты. Под руководством Казза и Фрайгейта, прожившего несколько лет в Малайзии, все принялись срезать бамбук и строить хижины: круглые постройки с одной дверью, окном напротив и конической тростниковой крышей. Работа спорилась, а о красоте построек особо не заботились, так что ко времени обеда со строительством покончили — осталось только крыши покрыть. Фрайгейта и Моната оставили охранять лагерь, а остальные отправились с цилиндрами к питающему камню. Тут около трех сотен человек сооружали навесы и хижины. Бёртон этого и ждал. Мало кому захочется ходить каждый день по полмили за едой. Этим больше по душе толпиться у камня. Хижины ставили как попало, впритирку. Но проблема снабжения питьевой водой оставалась, поэтому Бёртон все-таки удивился такому большому скоплению народа. Однако хорошенькая словенка сообщила ему, что только что совсем неподалеку отсюда нашли источник. По ее словам, небольшой ручеек вытекал из пещеры. Бёртон проверил. Вода действительно вытекала из пещеры и струилась по скале в котловину футов в пятьдесят шириной и восемь глубиной.

Бёртон задумался — уж не продумал ли и это Тот, кто создал этот мир?

Вернулся к камню он как раз тогда, когда полыхнуло синее пламя.

Казз вдруг остановился, чтобы справить малую нужду. Он не удосужился отвернуться. Логу захихикала, Таня покраснела, итальянки привыкли к зрелищу мужчин, поворачивающихся к стенам домов там, где их застигла нужда. Алиса, к удивлению Бёртона, вообще никак не отреагировала — словно Казз для нее был чем-то вроде бродячего пса. Может быть, именно этим и объяснялось ее равнодушие. Для нее Казз не был человеком, и, следовательно, от него нечего было ждать человеческих поступков.

Отчитывать Казза за это сейчас было бесполезно, особенно же потому, что Казз не понимал языка, на котором говорил Бёртон. Но в следующий раз, когда Каззу взбрело бы в голову облегчиться, когда другие сидели и ели, Бёртон

решил воспользоваться языком жестов, дабы запретить ему подобное поведение. Кроме того, он собирался запретить ссориться за едой. Положа руку на сердце он вынужден был признаться, что в свое время он больше, чем надо, затевал споры во время трапез.

Пройдя мимо Казза, он пошлепал его ладонью по макушке. Казз непонимающе глянул на Бёртона, а Бёртон покачал головой, сознавая, что до Казза смысл его недовольства дойдет только тогда, когда тот научится говорить по-английски. Но о своих намерениях он забыл, остановившись и потирая собственную макушку. Да, там обозначился нежный пушок.

Он ощупал лицо — гладкое, как и раньше. А под мышками тоже вырос пушок. Лобок остался гладким. Хотя там волосы растут медленнее, чем на голове. Бёртон поделился своим открытием с остальными, все осмотрели себя и друг дружку. Волосы стали отрастать — по крайней мере, на голове и под мышками. Исключение составлял Казз. Он весь обрастал шерстью, только лицо оставалось гладким.

Открытие чрезвычайно всех обрадовало. Смеясь и шутя, они шли в сумерках вдоль подножия горы. Потом повернули на восток и пошли по поросшим травой холмам. Одолев четыре холма, они приблизились к тому, который теперь считали «своим». Пройдя полпути вверх по склону, они остановились и умолкли. Фрайгейт и Монат не отзывались на оклики.

Белев остальным рассыпаться и идти медленным шагом, Бёртон повел группу дальше. Около хижин никого не оказалось. Несколько построек, из тех, что были поменьше, были или совсем разрушены, или повреждены. Бёртона зазнобило — словно холодным ветром обдало. Тишина, поврежденные хижины, отсутствие двоих товарищей — это пугало.

Через минуту они услышали оклик и обернулись туда, откуда он донесся — к подножию холма. Над верхушками травы показались лысые головы Моната и Фрайгейта. Вид у Моната был удрученный, а американец ухмылялся. На скуле у него синел фингал, костяшки пальцев обеих рук распухли и кровоточили.

— Только что прогнали четверых мужиков и трех баб, которые хотели завладеть нашими хижинами, — сообщил он. — Я им сказал, что могут и сами себе такие выстроить и что вы скоро вернетесь и зададите им трепку, если они немедленно не уберутся. Они меня хорошо поняли — болтали-то они по-английски. Разместились они у питающего камня в миле к северу от нашего, на берегу реки. Большая часть людей там — триестцы из вашего времени, но имеется

примерно с десяток чикагцев, умерших в тысяча девятьсот восемьдесят пятом или около того. Интересненько тут собраны умершие, а? Путем произвольного отбора, я бы так сказал.

Ну а я им сказал то, что, по словам Марка Твена, сказал про чикагцев дьявол: *«Вы, чикагцы, считаете себя лучше всех, а на самом деле вас просто больше всех»*. Этот номер у меня не больно-то прошел — они, видно, решили, что я стану с ними дружбу водить, раз я американец. Одна тетка предложила мне себя, если я, дескать, переметнусь к ним и помогу им занять хижины. А еще они сказали, что все равно отберут их, и если понадобится — через мой труп.

Но они только на словах храбрились. Монат их одним своим видом напугал. Ну и потом, у нас же были каменные топоры и копья. Их вожак все равно подбивал остальных напасть на нас, и тут я хорошенько пригляделся к одному из них.

Голова у него была лысая — без длинных густых прямых черных волос. Когда я с ним познакомился, ему было лет тридцать пять, и тогда на нем были толстенные очки в черепаховой оправе, да и не видел я его пятьдесят четыре года. Тут я подошел поближе, присмотрелся к его ухмыляющейся роже, а ухмылялся он точь-в-точь, как я помнил — ну совсем как скунс из пословицы, — ну а я и говорю: *«Лем? Лем Шаркко! Это же ты, Лем Шаркко?!»*

Он тогда глаза выпучил и ухмыльнулся еще шире и взял меня за руку — *меня за руку* — это после всего, что он мне сделал, — и воскликнул так, словно мы с ним — ни дать ни взять братишки, встретившиеся после долгой разлуки: *«Да это Пит Фрайгейт. А это я! Я! Боже, Пит Фрайгейт!»*

А я ведь почти обрадовался, что его увидел — потому же, почему, как он сказал, он был рад меня видеть. Но потом я себе говорю: *«Да это же подлый издатель, который надул тебя на четыре тысячи баксов, когда ты только-только начал вставать на ноги как писатель, и погубил твою карьеру на многие годы. Это скользкий подлюга, который надул тебя и еще как минимум четверых на крупные суммы, а потом объявил, что обанкротился, и был таков. А потом получил по наследству кучу денег от дядюшки и зажил припеваючи, чем доказал, что за преступления расплачиваются. Это — тот человек, которого ты не забыл, и не только из-за того, что он вытворил с тобой и другими, а еще из-за того, что потом ты столкнулся еще со многими издателями-подлецами»*.

Бёртон усмехнулся и сказал:

— Я как-то обмолвился, что священникам, политикам и издателям никогда не пройти во врата рай. Но я ошибся — то есть ошибся, если это рай.

— Ну да, я помню, — кивнул Фрайгейт. — Я никогда не забывал, что эта фраза принадлежит вам. В общем, я сдержал естественную радость при виде знакомого лица и сказал: «Шаркко...»

— У него такое имечко, а вы ему поверили? — удивилась Алиса.

— Он мне сказал, что это чешская фамилия и что она значит: «тот, кому можно доверять». Но это были враки, как и все остальное, что он мне болтал. Но я решил, что нам с Монатом стоит отступить. Отступим, а потом прогоним их, когда вы вернетесь от питающего камня. Хитрый план. Но когда я узнал Шаркко, я просто *обезумел*! Я ухмыльнулся и говорю ему: «Ну, до чего же радостно тебя видеть, сколько лет, сколько зим! А особенно здесь, где нет ни полицейских, ни суда!»

А потом как врежу ему по носу! Он брякнулся на спину, кровь из носа потекла. Мы с Монатом накинудись на остальных, я сбил одного, а другой шмякнул мне по щеке цилиндром. У меня башка закружилась, но Монат не растерялся — одного сразил наконечником копья, еще одному ребра переломал — он шупленький, но быстрый, и соображает в самообороне — да и в атаке! Тут Шаркко поднялся, и я его другим кулаком ударил, правда, удар пришелся в нижнюю челюсть — скользкий вышел. Кулаку моему больше досталось, чем его челюсти. Он развернулся и — бежать, я — за ним. Остальные тоже дали деру, а Монат их гнал своим копьем. Я гнался за Шаркко, загнал его на соседний холм, поймал на полпути до подножия и задал ему хорошую трепку! Он полз от меня на карачках, умоляя о пощаде, а я дал ему пинка под зад, и он покатился — всю дорогу с холма пропал!

Фрайгейт все еще дрожал от возбуждения, но был явно доволен собой.

— Я боялся, что струшу, — объяснил он. — В конце концов, все это было так давно и совсем в другом мире, и, может быть, мы оказались здесь для того, чтобы простить наших врагов — и кое-кого из друзей — и чтобы простили нас. Но с другой стороны — так я подумал — может быть, мы попали сюда и для того, чтобы маленько расквитаться за то, что нам пришлось пережить на Земле? Что скажете, Лев? Как бы вам

---

* От *англ.* «shark» — акула.

понравилась возможность сунуть в огонь Гитлера? Медленно поджарить, а?

— Не думаю, что ушлого издателя можно сравнивать с Гитлером, — возразил Руах. — Нет, я не хотел бы поджарить его. Я хотел бы заморить его голодом до смерти или кормить его так, чтобы он был едва живой. Но я не стал бы этого делать. Что толку? Разве это заставило бы его переменить мнение обо всем, разве он стал бы тогда считать евреев людьми? Нет, я не стал бы ничего с ним делать, попади он мне в руки, разве что только убил бы его, чтобы он не сумел причинить зла другим. Но я не уверен в том, что он, убитый, умрет. Не здесь.

— Вы истинный христианин, — усмехнулся Фрайгейт.

— А я-то думал, что вы мне друг! — воскликнул Руах.

ГЛАВА 12

Вот уже второй раз Бёртон услышал имя Гитлера. Он хотел узнать об этом человеке все, но сейчас все решили отложить разговоры на потом и закончить сооружение крыш хижин. Все погрузились в работу. Кто-то нарезал ножничками, найденными в контейнерах, стебли травы, кто-то взобрался на высокие «железные» деревья и срывал большие треугольные зеленые с алой оторочкой листья. Бёртон подумал о том, что неплохо бы поискать в округе профессионального кровельщика и обучиться у него правильным способам сооружения кровель. Поспать пока можно на кучах травы, застелив более мягкими листьями «железных» деревьев. А укрыться можно этими же листьями.

— Слава Богу или кому-то еще, что тут нет насекомых, — сказал Бёртон.

Он поднял чашку, в которой еще оставалась пара унций лучшего виски, какое он когда-либо пробовал.

— Выпьем за Кого-то. Если бы Он воскресил нас только для того, чтобы мы стали жить на точной копии Земли, нам пришлось бы делить ложе с десятком тысяч видов кусающих, царапающих, кровососущих, колющих, жалящих злодеев.

Они выпили, а потом посидели у костра, покуривая и разговаривая. Тени сгущались, небо утрачивало синеву, и на нем расцвели громадные звезды и распустились гигантские полотна, в сумерках выглядевшие еле заметными призраками. Да, небеса здесь на самом деле испускали сияние славы.

— Совсем как иллюстрация Сайма, — сказал Фрайгейт.

Бёртон не знал, кто такой Сайм. Половина разговоров с теми, кто не жил в девятнадцатом столетии, состояла из того, что они объясняли то, о чем упоминали, а он, в свою очередь, объяснял то, о чем упоминал сам.

Бёртон встал, перешел на другую сторону костра и присел рядом с Алисой. Она только что вернулась, уложив девочку, Гвенафру, спать в хижине.

Бёртон протянул Алисе палочку жевательной резинки и сказал:

— Я только что сжевал половинку. Не хотите вторую?

Она безразлично посмотрела на него и ответила:

— Нет, благодарю вас.

— У нас восемь хижин, — сказал Бёртон. — Кто с кем делит хижину, понятно, за исключением Вилфреды, вас и меня.

— Думаю, тут и сомневаться нечего, — ответила Алиса.

— Значит, вы собираетесь спать с Гвенафрой?

Она даже головы не повернула. Бёртон несколько секунд посидел рядом с ней и ушел на другую сторону костра, сев рядом с Вилфредой.

— Ну, валяйте, сэр Ричард, — процедила та сквозь зубы. — Черт бы меня побрал, не терплю, когда меня держат про запас. Могли бы взять да и спросить ее, хочет ли она с тобой спать, когда никто не видел и не слышал. У меня тоже есть какая-никакая гордость.

С минуту Бёртон молчал. Сначала ему захотелось сказать ей какую-нибудь колкость. Но она была права. Он обходился с ней слишком снисходительно. Даже если она была когда-то шлюхой, она все равно заслуживала человеческого отношения. Особенно же потому, что на проституцию ее толкнул голод, хотя Бёртон в этом и сомневался. Слишком многие проститутки пытались оправдать свое занятие, слишком многие сочиняли небылицы насчет того, как и почему пошли на панель. Правда, ее гнев на Смитсона и то, как она себя с ним повела, говорили об ее искренности.

Бёртон встал и сказал:

— Я не хотел сделать вам больно.

— Ты ее любишь? — спросила Вилфреда, глядя на него снизу вверх.

— Я только одной женщине говорил, что люблю ее, — ответил Бёртон.

— Своей жене?

— Нет. Девушке, которая умерла прежде, чем я смог на ней жениться.

— И долго ты был женат?

— Двадцать девять лет, хотя это и не твое дело.

— Черт бы меня побрал! И за все это время ты ни разу жене не сказал, что любишь ее?

— В этом не было необходимости, — отрезал Бёртон и отошел от костра.

Он выбрал хижину, которую заняли Казз и Монат. Казз уже храпел. Монат оперся на локоть и курил сигаретку с марихуаной. Монат предпочитал их обычным сигаретам, потому что по вкусу они больше походили на табак, что рос на его родине. Правда, марихуана на него совсем не действовала, а вот табак, наоборот, вызывал кратковременные, но яркие видения.

Бёртон решил не дожевывать остаток жевательной резинки, которую для себя окрестил мечтательной. Он закурил сигарету, понимая, что марихуана может сделать его ярость и недовольство собой еще глубже. Он порасспрашивал Моната о его родной планете, Гууркхе. Ему было очень интересно слушать, но наркотик из жевательной резинки подвел его, и он уплыл куда-то, а голос Моната звучал все тише и тише.

«...а теперь закройте глаза, мальчики», — велел Гилкрист с грубым шотландским акцентом.

Ричард посмотрел на Эдварда. Эдвард усмехнулся и прикрыл глаза ладонями, подсматривая при этом в щелочки между пальцами. Ричард тоже заслонил глаза руками. Хотя и он, и брат стояли на ящиках, им все равно приходилось тянуться, чтобы заглянуть через головы стоявших впереди взрослых.

Голова женщины лежала на помосте. Длинные каштановые волосы падали ей на лицо. Ему хотелось увидеть выражение ее лица — как она смотрела на корзину, ожидавшую ее, или вернее, ее голову.

— А ну не подглядывать, мальчики! — предупредил Гилкрист.

Загремели барабаны, послышался вскрик, и лезвие упало, а потом взревела толпа, раздались стоны и вопли, и голова женщины отвалилась. Из шеи хлестала кровь, и казалось, будет хлестать без конца. Кровь брызгала, попадала в толпу, и хотя Бёртон стоял там, где от помоста его отделяло не меньше пятидесяти ярдов, кровь брызнула ему на руки, потекла сквозь пальцы, попала на лицо, залила глаза, ослепила, и пальцы его стали липкими и солеными. Он закричал...

— Проснись, Дик! — повторял Монат. Он тряс Бёртона за плечо. — Проснись! Ты, наверное, увидел страшный сон!

Бёртон, всхлипывая и дрожа, сел. Потер руки, ощупал лицо. И руки, и лицо были мокрые. Но от пота, а не от крови.

— Мне снился сон, — сказал он. — Мне было шесть лет, я был в городке Тур. Во Франции, где мы тогда жили. Мой гувернер, Джон Гилкрист, повел меня и моего брата, Эдварда, посмотреть на казнь женщины, которая отравила свою семью. Гилкрист сказал, что это *зрелище*.

Я волновался и подглядывал сквозь пальцы, хотя он велел нам не смотреть до последних мгновений, когда должно было упасть лезвие гильотины. Но я подсматривал, я должен был подсматривать. Помню, меня немного подташнивало, но только это действие на меня и оказывало ужасное зрелище. Пожалуй, я отстранился от него — будто смотрел на происходящее сквозь толстое стекло, словно все это не по-настоящему. Или я сам ненастоящий. Поэтому я не очень боялся.

Монат закурил новую сигаретку с марихуаной. Света при этом хватило для того, чтобы Бёртон разглядел, как он качает головой.

— Какая дикость! — проговорил Монат. — Ты хочешь сказать, что вы не только убивали преступников, а еще и отрубали им головы! Публично! И позволяли детям смотреть на это!

— Англичане были более гуманны, — сказал Бёртон. — Они преступников вешали!

— По крайней мере, французы не скрывали от народа того, что проливают кровь преступников, — сказал Монат. — Руки их были в крови. Но, видимо, об этом никто не задумывался. По крайней мере, сознательно. А теперь, когда прошло столько лет — шестьдесят три? — ты выкуриваешь немножко марихуаны и переживаешь эпизод, который, как ты всегда полагал, тебя ни в малейшей степени не задел. Но теперь ты переживаешь его с ужасом. Ты кричал, как напуганное дитя. И переживал все так, как должен был бы переживать, когда был ребенком. Я бы сказал, что марихуана как бы обнажила глубинные слои и высвободила тот ужас, что был похоронен под ними шестьдесят три года.

— Может быть, — согласился Бёртон и умолк.

Вдалеке послышался раскат грома, сверкнула молния. А минуту спустя послышался шелест листвы, и по крыше хижины забарабанили капли дождя. В прошлую ночь дождь пошел примерно в это же время — наверное, около трех часов утра. Дождь усилился, но крыша была покрыта на совесть, и вода сквозь нее не проникала. Правда, под заднюю стену немного подтекло — она была обращена к вершине холма. По полу текли ручейки, но до Бёртона и Моната вода

не доставала, потому что их постели из травы и листьев возвышались дюймов на десять над полом хижины.

Бёртон говорил с Монатом, дождь не прекращался примерно с полчаса. Монат уснул, а Казз и не просыпался. Бёртон попробовал уснуть, но не смог. Никогда еще ему не было так одиноко, он вышел из хижины и пошел к той, которую выбрала Вилфреда. От хижины доносился запах табака. Кончик сигареты, которую курила Вилфреда, светился в темноте. На куче травы и листьев вырисовывалась темная фигура женщины.

— Привет, — сказала она. — Я ждала тебя.

— Обладать собственностью — это инстинкт, — сказал Бёртон.

— Сомневаюсь, что это инстинкт человеческий, — возразил Фрайгейт. — Кое-кто в шестидесятых — то есть в тысяча девятьсот шестидесятых — пытались доказать, что человек обладает инстинктом, который называли инстинктом «территориального поведения». Но...

— Мне нравится это словосочетание. В нем есть притягательность, — вставил Бёртон.

— Я знал, что оно вам понравится, — сказал Фрайгейт. — Но Ардри и еще кое-кто пытались доказать, что у человека есть не только инстинкт присвоения себе определенной территории, но что человек происходит от обезьяны-убийцы; инстинкт убийства сидит в нем так же глубоко, будучи унаследованным от прародителей. Этим объясняются границы стран, патриотизм как в масштабах страны, так и в местных, капитализм, войны, убийства, преступления и так далее. А другая школа психологов, основывавшая свои доводы на изучении темпераментов, утверждала, что все вышеперечисленное — результат культуры, непрерывности развития обществ, посвятивших себя с самых ранних времен племенной враждебности, войне, убийству, преступлениям и так далее. Измените культуру — и обезьяна-убийца исчезнет. Исчезнет, потому что ее и не было вовсе, как чудовища под кроватью. Убийцей было общество, и общество воспитывало новых убийц в своих новорожденных детях. Но бывали и другие общества, состоявшие из людей безграмотных, пускай так, но все равно то были общества, и они не воспитывали убийц. И они своим существованием доказывали, что человек происходит не от обезьяны-убийцы. Или я бы так сказал: может быть, и происходит, но у него больше нет генов убийства, как нет генов, несущих информацию о тяжелых надбровных дугах, коже, покрытой шерстью или толстых

костях, или черепае объемом всего шестьсот пятьдесят кубических сантиметров.

— Это все очень интересно, — сказал Бёртон. — В другой раз мы непременно поглубже копнем теорию. Но позволю заметить, что почти каждый представитель воскресшего человечества происходит из культуры, где поощрялись война, убийства и преступления, изнасилования, воровство и безумие. Это те люди, среди которых мы живем и с кем нам приходится иметь дело. Может быть, в один прекрасный день народится новое поколение. Я не знаю. Пока судить рано — мы тут пробыли всего семь дней. Но нравится нам это или нет, мы находимся в мире, населенном существами, которые зачастую ведут себя так, словно они и *есть* обезьяны-убийцы.

А пока вернемся к нашей модели.

Они сидели на бамбуковых табуретках перед хижинкой Бёртона. На небольшом бамбуковом столике перед ними стояла модель судна из сосны и бамбука. У судна было два корпуса, соединенных платформой с невысоким поручнем в центре, единственная, очень высокая мачта, поперечный и продольный такелаж, кливер, капитанский мостик, возвышавшийся над палубой, и штурвал. С помощью кремневых ножей и ножниц Бёртон и Фрайгейт изготовили модель катamarана. Когда лодка будет построена, Бёртон решил назвать ее «Хаджи»*. Судно было нужно для паломничества, хотя целью путешествия была не Мекка. Бёртон намеревался повести судно вверх по течению Реки так далеко, как получится (река теперь стала называться Рекой).

О завоевании территории разговор у них зашел потому, что возникли причины опасаться за возможность постройки судна. Теперь люди в округе в некотором смысле стали вести оседлый образ жизни — обзавелись имуществом, выстроили хижины или занимались их строительством. Жилища получались самые разнообразные — от примитивных навесов до довольно-таки крупных домов из бамбука и камней, на четыре комнаты и в два этажа высотой. Большая часть построек располагалась поблизости от питающих камней на берегу Реки и подножия гор. Во время разведки два дня назад Бёртоном было установлено, что плотность населения составляет двести шестьдесят—двести шестьдесят один человек на квадратную милю. На каждую квадратную милю равнины по обоим берегам Реки приходилось приблизительно по две целых и четыре десятых квадратных мили холмов. Но холмы

---

* Хадж — мусульманское религиозное паломничество к святым местам — в Мекку и Медину. Хаджи — человек, совершивший такое паломничество.

были так высоки и столь неправильной формы, что истинная площадь поверхности, пригодной для жизни, составляла около девяти квадратных миль. В тех областях, исследованных Бёртоном, оказалось, что примерно треть населения строилась ближе к прибрежным питающим камням, а другая треть — у питающих камней около гор. Двести шестьдесят один человек на квадратную милю — вроде бы довольно высокая плотность населения, но холмы так густо поросли лесом и их рельеф был таким сложным, что небольшие группы поселившихся там людей могли чувствовать относительное уединение. А на равнине большое скопление народа отмечалось только во время еды, потому что равнинное население большую часть дня проводило в лесах или рыбачило на берегу Реки. Многие сооружали долбленки или бамбуковые лодки, намереваясь порыбачить посередине Реки. Или, как Бёртон, подумывали о том, чтобы отправиться в путешествие.

Заросли бамбука исчезли, хотя, несомненно, должны были скоро вырасти вновь. Бамбук рос поистине с феноменальной быстротой. Бёртон засек время и подсчитал, что пятидесятифутовый стебель вырастал за десять дней.

Его группа работала не покладая рук и рубила столько бамбука, сколько, как они думали, им понадобится для строительства судна. Но они хотели застраховаться от воровства, и поэтому заготовили еще и стволы для постройки частокола. Частокол закончили в тот же день, когда была готова модель. Беда была в том, что лодку нужно было строить на равнине. Построй они ее здесь — им ни за что не протащить ее по лесу и холмам.

— Да, но если мы переберемся на новое место и обождемся там, — сказал Фрайгейт, — мы наткнемся на сопротивление. Не осталось ни единого квадратного дюйма в границах высокой травы, который бы не был застолблен. То есть, чтобы добраться до равнины, придется то и дело вторгаться в чужие владения. Пока, правда, никто не возражал особо на предмет нарушений прав собственности, но в любой день все может измениться. А вот если заняться постройкой судна неподалеку от границ высокой травы, можно спокойно вынести его из леса и пронести между хижинами. Придется, правда, дежурить день и ночь, иначе весь строительный материал растащат. Или сломают. Ну, вы знаете этих варваров.

Он говорил о жилищах, разрушенных в то время, пока их владельцы ушли куда-то, о загрязнении котловин под водопадом и источником. И еще он имел в виду совершенно антисанитарные привычки большинства людей, населяющих

побережье и леса. Эти не желали пользоваться маленькими уборными, выстроенными в некоторых поселениях для общего пользования.

— Мы выстроим новые дома и устроим верфь как можно ближе к границе, — сказал Бёртон. — А потом станем срубать любое дерево, что попадется по пути, и сметем с дороги любого, кто вздумает помешать нам пройти.

К некоторым, кто жил на границе между равниной и холмами, отправилась Алиса, чтобы переговорить с ними и попробовать договориться. Она никому не говорила о том, что у нее на самом деле на уме. Она знала, что есть три парочки, которые недовольны тем, как разместились, потому что им не доставало интимности. С этими удалось договориться, и они перебрались в хижины группы Бёртона на двенадцатый день после Воскрешения, в четверг. По общему уговору первый день Воскрешения стали считать воскресеньем. Руах сказал, правда, что он предпочел бы считать его субботой, или просто Днем Первым. Но он находился среди тех, кто в большинстве своем были язычниками — или экзязычниками (но тот, кто был язычником, всегда им остается), — поэтому был вынужден согласиться с остальными. Руах завел бамбуковую палочку, на которой каждое утро делал зарубки, ведя тем самым счет дней. Палочку он вбил в землю перед своей хижинкой.

Переноска леса для строительства судна потребовала четыре дня тяжелых трудов. К этому времени итальянские парочки решили, что они уже вдоволь наработались и стерли, по их выражению, «пальцы до костей». В конце концов, зачем тащиться на лодке куда-то еще, когда тут, может быть, везде одинаково. Наверное, они воскресли из мертвых для того, чтобы наслаждаться жизнью. Иначе зачем бы их снабжали спиртным, сигаретами, марихуаной, мечтательной резинкой, зачем они наги?

Они ушли из группы, не оставив ни у кого в душе обиды — нет, в честь их ухода была даже устроена прощальная вечеринка. На следующий день, в день двадцатый первого года после Воскрешения, произошло два события, первое из которых разрешило одну загадку, а второе загадало новую, хотя это было и не слишком важно.

На закате группа шла по равнине к питающему камню. Около питающего камня они обнаружили двоих новеньких, оба спали. Они тут же проснулись, но вид у них был встревоженный и смущенный. Один из них оказался высоким темнокожим мужчиной, который говорил на неизвестном

языке, второй — высоким, красивым, мускулистым человеком, сероглазым и черноволосым. Речь у него была неразборчивая, но вдруг Бёртон понял, что тот говорит-таки по-английски. Это оказался камберлендский диалект английского языка, на котором говорили во времена правления короля Эдуарда I*, которого иногда называли Длинноногим. И как только Бёртон и Фрайгейт наловчились в произнесении звуков и произведении определенных перестановок букв, они смогли, хотя и сбивчиво, переговорить с мужчиной. У Фрайгейта был большой запас слов для чтения раннесредневекового английского языка, но со многими из слов он никогда не сталкивался, так же как и с определенными грамматическими конструкциями.

Джон де Грейсток родился в поместье Грейсток** в графстве Камберленд. Он сопровождал Эдуарда I во Францию, когда король затеял покорение Гаскони. Если верить ему, он был непревзойденным мастером боевых искусств. Позднее он был избран в парламент, как барон Грейсток, а потом снова участвовал в войне в Гаскони. Он состоял в свите епископа Антония Бека, патриарха Иерусалимского. В двадцать восьмой и двадцать девятый годы правления Эдуарда он сражался с шотландцами. Умер в тысяча триста пятом году, не имея детей, но завещал баронский титул и поместье своему кузену, Ральфу, сыну лорда Гримторпа из Йоркшира.

Воскрес он где-то на берегу Реки, где люди на девяносто процентов были из начала четырнадцатого века — англичане и шотландцы, а десять процентов составляли древние сибариты***. На другом берегу Реки оказалась смесь из монголов времени Кублахана**** и каких-то темнокожих людей, о происхождении которых Грейсток не догадывался. Но по его описанию можно было предположить, что то были североамериканские индейцы.

На девятнадцатый день после Воскрешения дикари с другого берега Реки совершили нападение. Наверное, им просто хотелось подраться, и это у них получилось. Дрались большей частью палками и цилиндрами, поскольку в тех местах камней маловато. Джон де Грейсток уколошил десяток монголов

---

* Эдуард I (1239—1307) — английский король.

** Эта фамилия значащая: ее носит любимый Фармером Тарзан.

*** Сибариты — жители древнегреческой колонии Сибарис на юге Апеннинского полуострова.

**** Кублахан (Хубилай) (1216?—1294) — монгольский завоеватель Китая, внук Чингизхана.

своим цилиндром, а потом ему угодили по голове камнем и проткнули его обожженным кончиком бамбукового копья. Он очнулся обнаженный — и при нем был только грааль, его прежний или другой — около этого питающего камня.

Другой мужчина поведал свою историю посредством знаков и пантомимы. Он рыбачил, и его крючок утащило что-то такое могучее, что и его уволокло в воду. Вынырнув, он ударился макушкой о днище лодки и утонул.

Вопрос о том, что происходило с тем, кто умирал в загробной жизни, получил ответ. А вот то, почему они воскресали не на том самом месте, где их убивали, — это уже был другой вопрос.

Второе событие заключалось в том, что на этот раз граали не обеспечили всех полуденной трапезой. Вместо еды в цилиндрах оказались свернутые полотнища ткани разного размера, цветов, края и очертаний. Четыре полотнища были явно предназначены для того, чтобы соорудить из них некое подобие килта, шотландской юбки. Вокруг тела они крепились с помощью магнитных кружков, вшитых в ткань. Два куска ткани были тоньше, и из них можно было изготовить блузы, хотя можно было ими и иначе воспользоваться. Хотя ткань оказалась мягкой и хорошо впитывающей влагу, она выдерживала самое грубое обращение и не поддавалась даже тогда, когда ее пытались распороть самыми острыми кремневыми или бамбуковыми ножами.

Люди просто поголовно визжали от восторга, обнаружив эти «полотенца». Хотя мужчины и женщины уже успели свыкнуться с наготой или по крайней мере смирились с ней, некоторые эстеты и менее приспособленные считали всеобщее зрелище человеческих гениталий некрасивым и даже оскорбительным. А теперь у них были килты, блузы и тюрбаны. Последние предназначались для того, чтобы покрывать лысые головы, пока отрастут волосы. Попозже тюрбаны стали привычными головными уборами.

Волосы же отрастали повсюду, кроме лица.

Это огорчало Бёртона. Он всегда гордился своими длинными усами и раздвоенной бородой и утверждал, что из-за их отсутствия чувствует себя более раздетым, чем из-за отсутствия штанов.

Вилфреда рассмеялась и сказала:

— А я рада, что их нет. Я всегда терпеть не могла волосы у мужиков на лице. Целоваться с бородатыми — это все равно как будто лицом тычешься в кучу сломанных кроватных пружин.

ГЛАВА 13

Прошло шестьдесят дней. Лодку покатили по равнине на больших бамбуковых катках. Настал день отплытия. «Хаджи» был около сорока футов в длину; главными в нем были два остроносых бамбуковых корпуса, соединенных друг с другом платформой, заостренный бушприт с кливером и единственная мачта с продольной и поперечной оснасткой и парусами из переплетенных волокон бамбука. Управлялось судно с помощью кормового весла, изготовленного из ствола сосны, поскольку и руль, и штурвал оказались непрактичны. Единственным материалом для веревок пока служили стебли травы, хотя вскоре более прочные веревки путешественники надеялись изготовить из выдубленной кожи и внутренностей каких-нибудь крупных речных рыб. К платформе привязали выдолбленный Каззом из ствола сосны челнок.

Но прежде чем судно спустили на воду, Казз создал неожиданное препятствие. Он уже умел с горем пополам объясняться по-английски и произносить несколько ругательств по-арабски, белуджийски, суахили и итальянски — всему этому он выучился у Бёртона.

— Надо быть... какое это звать?... *алла!*.. что это слово!.. убивать кто-то прежде класть лодка на реке... вам знать... Бёртон-ака... вы дать, Бёртон-ака... слово... слово... убить человек чтоб бог, *Каббурканакруземс*... бог вода... не попить лодка... разозлиться... утопить нас... скушать нас.

— Жертва? — уточнил Бёртон.

— Проклятое тебе спасибо, Бёртон-ака. Жертва! Резать глотка... класть на лодка... тереть по дерево... тогда бог вода не сердиться на мы...

— Мы не станем этого делать, — заключил Бёртон.

Казз еще поспорил, но потом согласился забраться в лодку. Физиономия у него была недовольная, и видно было, что он очень волнуется. Бёртон, чтобы успокоить его, сказал ему, что тут не Земля. Тут другой мир, и он может легко убедиться в этом, если посмотрит вокруг, а особенно — на звезды. На этой равнине не живут боги. Казз слушал и улыбался, но все равно выглядел так, словно ждал, что из пучины речной того и гляди покажется страшная зеленобородая рожа и выпученные рыбы глазищи *Каббурканакруземсса*.

Стояло утро. У судна столпилось множество народа. Собрались почти все, кто жил на многие мили вокруг, потому что все необычное представляло собой развлечение. Все шутили, кричали и смеялись. И хотя некоторые выкрики звучали оскорбительно, в основном юмор был добрым. Прежде

чем скатить лодку с берега в Реку, Бёртон забрался на свой «мостик» — помост, чуть возвышающийся над палубой, — и, подняв руку, попросил тишины. Толпа умолкла, и он заговорил по-итальянски:

— Друзья *lazari**, товарищи, обитатели долины Земли Обетованной! Через несколько минут мы покинем вас...

— Если лодка не потонет! — пробормотал Фрайгейт.

— ...чтобы подняться вверх по Реке, против ветра и течения. Нам предстоит трудное путешествие, а трудности всегда вознаграждаются, если верить тому, что твердили нам моралисты на Земле. Теперь вы знаете, стоит ли им верить!

(Смех. Отдельные выкрики.)

— На Земле, как, может быть, знают некоторые из вас, я однажды возглавил экспедицию в далекие и глухие районы Африки в поисках верховьев Нила. Найти их я не нашел, хотя подобрался к ним вплотную, а награды за это меня лишил человек, который был всем мне обязан, мистер Джон Хенниг Спик**. И если я повстречаю его во время путешествия вверх по Реке, уж я буду знать, как с ним обойтись...

— Боже милосердный! — воскликнул Фрайгейт. — Неужели вы снова заставите его покончить с собой от стыда и угрызений совести?

— ...но может оказаться, что эта Река окажется намного больше всяких там Нилов, про который вы знаете или не знаете, а он был самой длинной рекой на Земле, несмотря на ошибочное утверждение американцев о том, что самыми длинными были Амазонка или система Миссисипи и Миссури. Кое-кто интересовался, зачем нам отправляться к цели, которая лежит неизвестно в какой дали, да может, ее и вообще не существует. А я вам скажу, что мы отправляемся в плавание, потому что существует Неизвестное, и мы должны превратить его в Известное. Вот и все! Здесь, в отличие от Земли, нам не нужны деньги ни на снаряжение экспедиции, ни на ее проведение. Король Наличие помер, и пусть земля ему будет пухом, туда ему и дорожка! А еще нам не надо отправлять сотни прошений и бланков и выключивать аудиенции у влиятельных людей и мелких бюрократов, чтобы получить разрешение проплыть по Реке. Национальных границ не существует...

— ...пока, — уточнил Фрайгейт.

---

* «Лазари» — Бёртон пользуется именем Лазаря — святого, воскресшего Иисусом Христом, — нарицательно.

** Джон Хенниг Спик (1827—1864) — английский исследователь Африки. В 1860—1863 гг. вместе с Дж. Грантом открыл истоки Нила.

— ...не нужны паспорта, не надо совать взятки чиновникам. Мы построили судно, не нуждаясь в лицензии, и отплываем, не нуждаясь в позволении какого-нибудь крючкотвора высокого пошиба, средней руки или мелкой сошки. Мы свободны впервые в истории человечества. Свободны! Поэтому мы прощаемся с вами, и я не стану говорить вам «до свидания».

— ...и никогда не говорил, — пробормотал Фрайгейт.

— ...потому что мы, может быть, вернемся через тысячу лет! Поэтому я говорю вам «прощайте», и команда говорит вам «прощайте», и мы благодарим вас за помощь в постройке корабля и за то, что вы подсобили нам спустить его на воду. Свои полномочия британского консула ее величества в Триесте я передаю любому, кто захочет принять их на себя, и объявляю себя свободным гражданином Мира Реки! Никому я не собираюсь платить дань, присягать на верность, только самому себе я останусь верен!

Так поступай, как лишь мужчине подобает,
Не жди чужих рукоплесканий и поклонов,
Тот благородней всех живет и умирает,
Кто чтит собой себе же данные законы, —

продекламировал Фрайгейт.

Бёртон глянул на американца, но речь не прервал. Фрайгейт процитировал строчки поэмы Бёртона «Касыда из Каджи Абду Аль-Яджи». Уже не впервые он цитировал прозу или стихи Бёртона. И хотя порой Фрайгейт раздражал Бёртона, тот не мог слишком сильно сердиться на человека, который так им восхищался, что помнил его строки.

Несколько минут спустя, когда лодку столкнули в Реку с помощью нескольких мужчин и женщин, Фрайгейт снова процитировал Бёртона. Глядя на тысячи красивых молодых людей у воды, кожу которых позолотило солнце, одежды и тюрбаны которых играли яркими красками и развевались на ветру, он проговорил:

Как радостно в полдневный зной,
Быстрее ветерка и солнца веселей
К Реке бежали мы гурьбой
В дни юности моей, в дни юности моей.

Лодка скользила по воде, и ее ветром развернуло вниз по течению, но Бёртон прокричал команду, были подняты паруса, и он повернул тяжелую рукоять кормового весла так, что судно повернуло против ветра. «Хаджи» поднимался и падал на волнах, вода кипела, два кия разрезали ее. Солнце ярко

светило и грело, а ветерок приносил прохладу, все были счастливы, но немного огорчились, когда вдали растаял знакомый берег и лица провожавших. У них не было ни карт, ни рассказов других путешественников, которыми можно было руководствоваться; каждая миля, пройденная судном, открывала перед ними новый мир.

В этот вечер, когда они первый раз причалили к берегу, произошло нечто, озадачившее Бёртона. Казз только-только сошел на берег, как попал в толпу любопытствующих и сразу заволновался. Он что-то залепетал на своем родном языке и попытался схватить мужчину, оказавшегося рядом с ним. Мужчина убежал и быстро затерялся в толпе.

Когда Бёртон спросил у него, что это он такое делает, Казз сказал:

— Он имеет нет... а... какое это называть?... это... это... — и показал на свой лоб. Потом начертил рукой в воздухе какие-то непонятные знаки. Бёртон решил разобраться, в чем дело, но тут Алиса, неожиданно закричав, подбежала к мужчине. Видимо, она решила, что это ее сын, убитый во время первой мировой войны. Наступило замешательство. Алиса поняла, что обозналась. А потом Бёртона отвлекли другие дела. Казз не напоминал ему больше о происшествии, и Бёртон о нем забыл. А должен был бы запомнить.

Ровно четыреста пятнадцать дней спустя они проплыли мимо двадцать четыре тысячи девятисотого каменного гриба на правом берегу Реки. Меняя галсы, борясь с ветром и течением, останавливаясь и причаливая к берегу днем для того, чтобы заправить граали едой, и ночью, чтобы поспать, а порой делая стоянки на целый день, чтобы размять ноги и поговорить с живущими по берегам Реки, они проплыли двадцать четыре тысячи девятьсот миль. На Земле такое расстояние означало бы, что они один раз обошли планету по экватору. И если бы можно было взять Миссисипи и Миссури, Нил, Конго, Амазонку, Янцзы, Волгу, Амур, Ганг, Лену и Замбези и сложить вместе, чтобы получилась одна река, она все равно оказалась бы короче, чем тот отрезок Реки, который они одолели. А Река текла и текла, делая широкие излучины, поворачивая в разные стороны. Повсюду вдоль берегов тянулись равнины, за ними — поросшие деревьями холмы, а за холмами — высокие, неприступные горные хребты.

Бывало, равнины сужались и холмы подступали к самому берегу Реки. А бывало, Река разливалась озерами шириной в три, четыре, шесть миль. Время от времени горные гряды пересекались одна с другой, и судно плыло по узким каньонам, где вода текла так быстро, что буквально кипела, а

небо над головой превращалось в голубую ленту, и черные стены подступали к судну.

И повсюду жили люди — и по берегам Реки, и на холмах.

Теперь путешественники уловили некую систему. Воскресшее человечество располагалось по берегам Реки в определенном, хотя и не выдержанном строго, хронологическом и национальном порядке. Судно проплывало мимо областей, заселенных словенами, итальянцами и австрийцами, умершими в последнем десятилетии девятнадцатого века, плыло мимо венгров, норвежцев, финнов, греков, албанцев и ирландцев. Время от времени путешественники попадали в места, где обитали народы из других стран и времен. На участке протяженностью в двадцать миль жили австралийские аборигены, которые на Земле ни разу в глаза не видели европейцев. На отрезке протяженностью в сто миль жили тохары* (народ Логу). Во времена земной жизни Христа они обитали в местности, впоследствии ставшей китайским Туркестаном. Говорили они на языке, являвшемся самым восточным из языков индоевропейской семьи в древние времена. Культура их некоторое время процветала, но пришла в упадок из-за наступления пустыни и набегов диких племен.

Осуществляя поспешные и не слишком точные исследования, Бёртон определил, что в каждой области обитало примерно шестьдесят процентов людей какой-то одной национальности, процентов тридцать другой, и как правило, из другого времени и еще десять процентов — из самых разнообразных мест и времен.

Все мужчины вернулись к жизни обрезанными. Все женщины воскресли девственницами. Для большинства женщин, как понял Бёртон, это состояние продлилось только до первой ночи.

До сих пор они не слыхали, чтобы хоть одна женщина забеременела. Кто бы их сюда ни забросил, видимо, позаботился об их стерилизации, и не без причины. Если бы человечество могло плодиться, долина Реки через столетие стала бы страдать от перенаселенности.

Поначалу казалось, что никакой другой животной жизни, кроме человеческой, здесь нет. Теперь уже было известно, что по ночам из почвы выползают некоторые виды червей. А в Реке жило не менее ста разновидностей рыб — от маленьких, в шесть дюймов длиной, до громадин величиной с кашалота — «речных драконов», что обитали на дне Реки, на

---

* Тохары — народ, обитавший в Средней Азии во II в. до н. э. — I тыс. н. э.

глубине в тысячу футов. Фрайгейт сказал, что животные помещены тут не случайно. Рыбы питались падалью и очищали речную воду. Некоторые виды червей поедали отбросы и трупы. Другие выполняли обычную функцию дождевых червей.

Гвенафра немного подросла. Росли все дети. Пройдет лет двенадцать, и в долине не останется ни детей, ни подростков, если везде условия таковы, какие до сих пор наблюдали путешественники.

Задумавшись об этом, Бёртон как-то сказал Алисе:

— Этот ваш дружок, преподобный Доджсон — ну, этот парень, что любил только маленьких девочек. Трудновато бы ему тут пришлось, а?

— Доджсон извращенцем не был, — возразил Фрайгейт. — Но вот каково будет тем, для кого объектом сексуальных желаний являются дети? Что они станут делать, когда дети вырастут? А что станут делать те, кто привык получать наслаждение от того, что мучил и избивал животных? Знаете, а мне жаль, что тут нет зверей. Люблю кошек и собак, медведей, слонов — почти всех животных. Но не обезьян: они слишком походят на людей. Впрочем, я все-таки рад, что их нет здесь. Теперь их никто не обидит. Всех бедных беззащитных зверюшек, которые так страдали от голода и жажды из-за беспечности или злобы людей. Теперь этого нет. Те же самые чувства, — продолжал Фрайгейт, погладив светлые волосы Гвенафры, которые отросли уже почти на шесть дюймов, — я испытывал ко всем беспомощным и страдающим малышам.

— Но что же это за мир, если в нем не будет детей? — возмутилась Алиса. — Да если на то пошло, что за мир, где нет животных? Пусть их никто не будет мучить и истязать, но ведь и никто не приласкает и не полюбит их.

— Одно уравнивает другое в этом мире, — отозвался Бёртон. — Не бывает любви без ненависти, доброты без злобы, мира без войны. Как бы то ни было, выбора нам не предоставлено. Невидимые боги этого мира решили, что у нас здесь не будет животных и что женщины больше не будут вынашивать детей. Да будет так.

Утро четыреста шестнадцатого дня их путешествия ничем не отличалось от других. Солнце показалось над вершинами горного хребта слева от судна. Дул встречный ветер, как обычно, со скоростью около пятнадцати миль в час. Воздух равномерно прогревался, и к двум часам пополудни его температура должна была достичь примерно восьмидесяти пяти градусов по Фаренгейту. Катамаран «Хаджи» покачивался на

волнах. Бёртон стоял на «мостике», сжав обеими руками рукоять весла, чувствуя ветер и солнце на загорелой коже. На нем был клетчатый красно-черный килт, доходивший почти до коленей, и ожерелье из изогнутых черных, блестящих позвонков «рогатой рыбы». «Рогатая рыба» — шестифутовая, с шестидюймовым рогом на носу, как у носорога — жила на глубине примерно в сто футов от поверхности воды, и ее с большим трудом можно было поймать на крючок. Но из ее позвонков получались красивые ожерелья, а из кожи, хорошо выдубленной, можно было изготовить сандалии, доспехи и щиты, а еще можно было сплести крепкие и мягкие веревки и ремни. Мясо этой рыбы отличалось нежным вкусом. Но самым ценным был рог. Из него делали наконечники копий и стрел или вставляли его кусочки в деревянные рукоятки и получали стилеты.

Рядом с Бёртоном на стойке висел лук и колчан из прозрачного рыбьего пузыря. Лук был сделан из изогнутых костей, выступающих по краям пасти «дракона» — той самой рыбы размером с кита. Обрезав концы костей так, чтобы конец одной входил в конец другой, в результате вы получали лук с двумя прогибами. Оснащенный тетивой, изготовленной из кишки того же «дракона», этот лук становился таким, что пользоваться им в полную силу мог только очень сильный мужчина. Бёртон увидел этот лук сорок дней назад и предложил его владельцу в обмен сорок сигарет, десять сигар и тридцать унций виски. Владелец от этого предложения отказался. А Бёртон с Каззом той же ночью вернулись и похитили лук. Вернее сказать, все-таки купили, поскольку Бёртон устыдился и оставил на месте украденного лука свой тисовый.

Потом он решил, что имел полное право украсть оружие. Владелец проболтался, что ради этого лука убил человека. Значит, забрать у него лук означало забрать его у вора и убийцы. И все-таки, вспоминая об этом, Бёртон порой — не слишком часто — мучился угрызениями совести.

Бёртон вел «Хаджи» по изгибам узкого канала. На протяжении почти пяти миль Река разлилась озером мили в три с половиной шириной, а теперь сузилась до потока шириной меньше полумили. Поток изгибался и исчезал за стенами каньона.

Там придется вести судно медленно, потому что его будет толкать назад усиливающееся течение, а места для смены галсов будет маловато. Но по таким стремнинам Бёртон проводил судно уже не раз и поэтому не боялся. И все же всякий раз, когда заканчивался трудный переход, ему казалось, что судно как бы снова родилось на свет. «Хаджи»

уходил из озера в узкое ущелье, выплывал по нему в другое. Кругом кипела вода, а впереди всегда можно было ждать сказочных приключений и открытий.

Катамаран повернул и проплыл мимо питающего камня, стоявшего на берегу, всего в двадцати ярдах. На равнине правого берега, простиравшейся здесь всего лишь на полмили, толпилось множество народа. Они кричали, заведя судно, махали руками или потрясали кулаками, а то и выкрикивали ругательства — Бёртон их не слышал, но догадывался — в этом ему помогал богатый жизненный опыт. Однако особой враждебности жителей не чувствовалось — просто уж так по-разному местные жители во все времена встречали чужаков. А жили в этой местности невысокие, смуглые, темноволосые, худощавые люди. Разговаривали они на языке, который, по словам Руаха, скорее всего, был протохамитосемитским. На Земле они обитали где-то в Северной Африке или Месопотамии, во времена, когда эти земли были намного плодороднее. Одевались они в некое подобие килтов, но женщины расхаживали с обнаженной грудью, а «блузы» превращали в повязки на шее или тюрбаны. Этот народ занимал участок берега протяженностью в шестьдесят питающих камней, то есть, иначе говоря, в шестьдесят миль. А до этого судно проплыло участок протяженностью в восемьдесят питающих камней, где жили цейлонцы из десятого века после Рождества Христова и немного майя из доколумбовой Америки.

— Чаша, в которой смешались Времена, — так охарактеризовал Фрайгейт распределение человечества. — Величайший из всех антропологических и социальных экспериментов.

Выводы Фрайгейта были не так уж далеки от действительности. Все выглядело так, словно различные народы смешивались для того, чтобы могли научиться чему-то друг у друга. В некоторых случаях чужеродные группы ухитрялись создавать различные социальные альянсы и жили в относительной дружбе друг с другом. В других случаях одна сторона брала верх над другой или происходило взаимное истребление.

Некоторое время после воскресения почти везде царила анархия. Люди «бродяжничали» и сбивались в небольшие группки для самозащиты, осваивая очень небольшие территории. А потом на сцену выходили естественные лидеры или жаждущие власти, а естественные подчиненные уходили в тень лидеров по собственной воле — а чаще по воле лидеров.

Одной из нескольких политических систем, образовавшихся в итоге, стало «граальное рабство». Группа, доминирующая на определенной территории, держала в плену более слабых людей. Они давали рабу достаточное количество еды, поскольку грааль мертвого раба становился бесполезным. Но у раба отбирали сигареты, сигары, марихуану, мечтательную резинку, спиртное и самую вкусную пищу.

Не менее тридцати раз, когда «Хаджи» причаливал к берегу, чтобы заполнить цилиндры, его экипаж едва не попадал в руки «граальных рабовладельцев». Но Бёртон и его спутники всегда были готовы к встрече с ними. Чаще всего их предупреждали об этом жители пограничных земель. Раз двадцать, безуспешно попытавшись затопить их на берег, враждебные народы спускали на воду лодки и пробовали захватить судно, и «Хаджи» приходилось спасаться от погони или отбивать атаки абордажников. Пять раз Бёртону приходилось разворачиваться и плыть вниз по течению. Его катамаран всегда уходил от преследователей, которые ленились продолжать погоню за пределами своих границ. А потом «Хаджи» возвращался ночью и проплывал мимо рабовладельческих территорий.

Несколько раз случалось так, что «Хаджи» никак не удавалось пристать к берегу из-за того, что рабовладельческие государства тянулись на большом протяжении в обе стороны. Тогда команда урезала дневные пайки или, если везло, ловила рыбу в таком количестве, что удавалось прокормиться.

Протохамито-семиты, встретившиеся команде, повели себя вполне дружелюбно после того, как убедились, что у экипажа «Хаджи» нет дурных намерений. Москвич из девятнадцатого века предупредил их о том, что по другую сторону пролива есть рабовладельческие территории. Но о тамошних обитателях он знал мало, поскольку от них жителей местности отделяли неприступные горы. Почти ни одна из лодок, плывших в ту сторону по проливу, не вернулась. А люди, которые вернулись, рассказывали о злобных разбойниках, что живут по другую сторону каньона.

И вот «Хаджи» нагрозили ростками бамбука, сушеной рыбой и продуктами, скопленными за две недели плавания мимо питающих камней.

Оставалось еще примерно полчаса до того, как судно должно было войти в пролив. Бёртон погрузился в навигационные вычисления и вполглаза приглядывал за командой. Кто-то разлегся на фордеке и загорал, другие сидели, прислонившись спинами к покрытому навесом комингсу, который они называли полубаком.

Джон де Грейсток прилаживал тонкие заостренные кости триаканта к стрелам. Эти кости неплохо заменяли перья для охвостьев стрел в мире, где не было птиц. Грейсток, или лорд Грейсток, как упорно называл его Фрайгейт по каким-то собственным, забавлявшим его соображениям, оказался молодцом в драках и на тяжелой работе. Он оказался также невероятно интересным и просто неправдоподобно вульгарным собеседником, готовым поведать массу анекдотов о кампаниях в Гаскони и на границе с нею, о своих победах над дамами, о слухах про Эдуарда Длинного, ну и, конечно, служил неисчерпаемым источником информации о своем времени. Зато во многом другом он проявлял ужасающую тупость и непробиваемость — с точки зрения людей, живших в более поздние века. Он утверждал, что в земной жизни был очень набожным, и скорее всего не врал, иначе он не был бы удостоен чести оказаться в свите патриарха Иерусалимского. Но теперь, когда его вера была дискредитирована, он возненавидел священников. И всякий раз, встречаясь с ними, из кожи вон лез, стараясь разъярить их ругательствами и насмешками. Некоторые действительно кидались на него с кулаками, и Грейсток избивал их до полусмерти. Бёртон мягко отчитывал его за это (грубо с Грейстоком говорить не стоило, если только ты не хотел драться с ним всерьез) и объяснял ему, что, когда гостишь в чужой стране, где хозяев намного больше, чем твоих спутников, стоит вести себя так, как подобает гостям. Грейсток признавал, что Бёртон прав, и все-таки, встречая очередного священника, не мог побороть искушение. К счастью, они не так часто попадали в места, где встречались христианские священнослужители. К тому же совсем немногие признавались, что когда-то были ими.

А рядом с ним — это уже серьезно — сидела его нынешняя дама, урожденная Мэри Резерфорд, родившаяся в 1637 году и умершая под именем леди Ворвикшир в тысяча шестьсот семьдесят четвертом. Она тоже была англичанкой, но жила на триста лет позже Грейстока, и поэтому они часто расходились во мнениях и поступках. Бёртон считал, что вместе они проживут недолго.

Казз развалился на палубе, положив голову на колени Фатимы, турчанки, которую неандерталец встретил сорок дней назад во время стоянки. Фатима, по словам Фрайгейта, была «шерстоманкой». Иначе он не мог объяснить влечения жены бакалейщика из Анкары семнадцатого века к Каззу. Она все в нем просто обожала, но шерсть доводила ее до экстаза. И это нравилось всем, а особенно Каззу. За все время путешествия он не видел ни одной женщины из своего

рода-племени, хотя слышал, что они существуют. Большинство женщин шарахались от него как раз из-за его волосатости и пугающей внешности. И постоянной спутницы у него не было до тех пор, пока он не встретил Фатиму.

Субтильный Лев Руах примостился к полубаку с другой стороны и мастерил рогатку из кожи «рогатой рыбы». В мешке рядом с ним лежало штук тридцать камней, собранных за последние двадцать дней. Неподалеку от него сидела Эстер Родригес, все время что-то быстро лопочущая и непрерывно обнажающая крупные белые зубы. Эстер заменила Таню, утешавшую Льва до отплытия «Хаджи». Таня была очень привлекательной и милой женщиной, но, похоже, не могла избавиться от привычки «переделявать» мужчин. Лев выяснил, что она «переделала» отца и дядю и двоих братьев и вдобавок двоих мужей. То же самое она пыталась сделать со Львом и, как правило, очень громко, чтобы и другие мужчины в округе могли воспользоваться ее советами. И в один прекрасный день, как раз тогда, когда «Хаджи» был готов к отплытию, Лев взобрался на борт судна, обернулся и сказал:

— До свидания, Таня. Я не в силах больше выносить, чтобы меня перевоспитывала болтушка из Бронкса. Найди себе кого-нибудь другого, без недостатков.

Таня задыхнулась, побелела и начала кричать на Льва. И судя по тому, как двигались ее губы, она еще долго кричала после того, как «Хаджи» отплыл от берега. Остальные смеялись и поздравляли Льва, а тот только печально улыбался. Две недели спустя, в области, населенной большей частью древними ливийцами, он познакомился с Эстер, сефардской еврейкой* из пятнадцатого века.

— Почему бы тебе не попытать счастья с нееврейкой? — спросил как-то Фрайгейт.

Лев пожал узкими плечами.

— Пробовал, — ответил он. — Но рано или поздно с ними ссоришься по-крупному, и они выходят из себя и обзывают тебя пархатым жидом. Такое и с еврейками случается, но от них я это готов терпеть.

— Послушай, дружище, — сказал тогда американец, — на берегах этой реки полно женщин, которые слыхом не слыхивали ни про каких евреев. Стало быть, без предрассудков. Попробовал бы.

---

* Сефарды — часть евреев, пользующихся сефардским языком (ладино), близким к испанскому. Потомки выходцев с Пиренейского полуострова, живут в странах Северной Африки, Малой Азии, Балканского полуострова, Израиле.

— Будь я проклят, но лучше уж известное зло.

— Значит, ты сам с предрассудками, — заключил Фрайгейт.

Бёртон порой удивлялся тому, что Руах остался в группе. Он больше не припоминал ему «Евреев, цыган и ислам», хотя частенько расспрашивал Бёртона о других моментах из его прошлого. Держался он довольно дружелюбно, но явно держал что-то за душой. Несмотря на subtilность сложения, он неплохо зарекомендовал себя в драках и оказался просто незаменимым для Бёртона в качестве инструктора по дзюдо, каратэ и айкидо. Печаль, окружавшая его, словно легкая дымка, даже тогда, когда он смеялся, и даже тогда, если верить Тане, когда занимался любовью, была вызвана душевными ранами. А нанесены они ему были в концентрационных лагерях в Германии и России — так он, по крайней мере, утверждал. Таня говорила, что Лев и родился печальным, что он унаследовал все гены печали с тех времен, когда его предки сидели под ивами на реках вавилонских.

Монат тоже часто бывал грустен, хотя порой мог запросто развеселиться. Тау-китянин искал хоть кого-нибудь из своих сородичей, одного из тридцати мужчин и женщин, разлученных линчующей толпой. А тридцать существ, растворенные в толпе из тридцати пяти—тридцати шести миллиардов, живущей по берегам реки длиной, быть может, в десять миллионов миль... нет, вряд ли ему было суждено когда-либо встретить соотечественников. Но надежда оставалась.

Алиса Харгривз сидела за полубаком, и Бёртон видел только ее макушку. Она напряженно всматривалась в лица людей, как только судно подплывало достаточно близко к берегу — искала своего мужа, Реджинальда, троих сыновей, мать, отца, сестер и братьев. Любое дорогое знакомое лицо. Она заявила, что, как только встретит кого-то из родственников, сразу уйдет с судна. Бёртон помалкивал, но стоило ему подумать об этом, как у него ныло сердце. Он и хотел и не хотел, чтобы она уходила. С глаз долой — а потом и из сердца вон. Это неизбежно. Но он не желал неизбежного. Он испытывал к Алисе такое же чувство, как к своей возлюбленной — персиянке, и потерять ее для него означало стать обреченным на пожизненную муку.

Но он ни слова не говорил ей о том, какие чувства к ней питает. Он разговаривал с ней, обменивался жестами, выказывал заботу, обижался за то, что она не отвечает ему тем же, и в конце концов добился того, что она перестала чувствовать себя рядом с ним напряженно. То есть это проис-

ходило только тогда, когда рядом с ними были другие, а стоило им остаться наедине, как недоверие возвращалось.

Мечтательной резинкой Алиса больше не пользовалась ни разу. А Бёртон после того, как сжевал ее в третий раз, стал откладывать палочки и обменивать на другие вещи. Когда Бёртон попробовал резинку в последний раз в надежде, что она даст ему потрясающий экстаз в сексе с Вилфредой, он вместо этого получил состояние жесточайшей депрессии, болезни, что чуть не доконала его во время экспедиции к озеру Танганьика. В кошмарном сне ему привиделся Спик, и он убил Спика. На самом деле Спик погиб во время несчастного случая на охоте, и все сочли, что то было самоубийство, пускай даже и помалкивали. Спик, мучимый угрызениями совести из-за того, что предал Бёртона, застрелился. А во сне Бёртон убил Спика, когда тот наклонился над ним и спросил, как Бёртон себя чувствует. А потом, когда сон уже таял, Бёртон поцеловал мертвые губы Спика.

ГЛАВА 14

Что ж, он хорошо знал о том, что и любил, и ненавидел Спика; ненавидеть было за что. Но осознание любви к этому человеку приходило нечасто и бывало столь зыбким, что не особо задевало Бёртона. А во время кошмара, привидевшегося ему под действием мечтательной резинки, он так ужаснулся от понимания того, что под слоем ненависти прячется глубокая любовь, что закричал от страха. Он проснулся и понял, что Вилфреда трясет его и спрашивает, что случилось. Во время земной жизни Вилфреда или курила опиум, или подмешивала его к пиву, а здесь, однажды сжевав мечтательную резинку, она больше не отваживалась попробовать ее. Ей привиделось ужасное — она увидела свою младшую сестренку, умирающую от чахотки, и вдобавок заново пережила то, что пережила, когда впервые стала шлюхой.

— Странный психоделик, — сказал Руах Бёртону, но не объяснил, что значит это слово. Разговор о свойствах резинки затянулся. — Похоже, она оживляет в памяти драматические события в странной смеси реальности и символики. Не всегда. Порой возбуждает. Порой, по отзывам некоторых, отправляет в прекрасное путешествие. Но я бы рискнул предположить, что мечтательная резинка дается нам с лечебными, если не сказать больше — с очистительными целями. А уж наше дело понять, как ею пользоваться.

— Почему же тогда ты не жуешь ее почаще? — спросил Фрайгейт.

— Потому же, почему некоторые люди отказываются от психотерапии или прерывают ее до окончания курса. Я боюсь.

— Ага, и я тоже, — кивнул Фрайгейт. — Но когда-нибудь, когда мы где-нибудь остановимся надолго, я собираюсь сжевывать по палочке каждый вечер, так вот. Пусть меня вывернет наизнанку. Конечно, сейчас легко говорить.

Питер Джейрус Фрайгейт родился всего через двадцать восемь лет после смерти Бёртона, и все же между ними лежала глубочайшая пропасть. Они на многое смотрели совсем по-разному и спорили бы о многом яростно, если бы Фрайгейт был способен спорить яростно. Не о проблемах дисциплины в группе, не об управлении судом. Но о многом из области мировоззрения. И все же Фрайгейт во многом сходиллся с Бёртоном, и, может быть, именно поэтому во время земной жизни его так привлекла фигура Бёртона. В тысяча девятьсот тридцать седьмом году Фрайгейту попалась книга Фэрфэкса Дауни под названием «Бёртон: путешественник в тысяча и одну ночь». На форзаце красовалась иллюстрация — изображение Бёртона в пятидесятилетнем возрасте. Диковатое лицо, высокий лоб и выступающие надбровные дуги, тяжелые черные брови, прямой, но резких очертаний нос, большой шрам на щеке, пухлые «чувственные» губы, густые висящие усы, густая раздвоенная борода, угрюмость и агрессивность на лице — все это заставило Фрайгейта купить книгу.

— Раньше я даже не слышал о тебе, Дик, — признался Фрайгейт, — но книгу буквально проглотил и был в восторге. Что-то такое было в тебе, помимо очевидной дерзости всей твоей жизни, твоего владения оружием, знания множества языков, того, как ты притворялся местным врачом, торговцем, паломником в Мекку, помимо того, что ты был первым европейцем, ухитрившимся выйти живым из священного города Харар, открывшим озеро Танганьика и вплотную подошедшим к истокам Нила, помимо того, что стал соучредителем Королевского антропологического общества, придумал термин ESP*, перевел «Тысячу и одну ночь», изучал сексуальные традиции Востока, и так далее...

Помимо всего этого, что само по себе было удивительно, ты меня чем-то жутко привлек. Я отправился в публичную

---

* ESP — extrasensory perception (англ.) — сверхчувственное восприятие.

библиотеку. Пеория — городок небольшой, но в библиотеке оказалось много твоих книг и книг о тебе, подаренных библиотеке каким-то твоим поклонником. Я все прочел. А потом стал собирать первые издания твоих работ и книг, посвященных тебе. Потом я стал беллетристом, но собирался написать объемистую и как можно более точную твою биографию, побывать повсюду, где ты побывал, сделать фотоснимки этих мест, описать их, создать общество для сбора фондов для сохранения твоего захоронения...

Вот так впервые Фрайгейт упомянул о могиле Бёртона. Бёртон испуганно спросил:

— Где? — и поспешно добавил: — Ах да, конечно! Мортлейк! Я забыл! А надгробие действительно было выполнено в форме арабского шатра, как хотели мы с Изабель?

— Конечно. Но кладбище было разграблено, надгробие обезображено вандалами, заросло травой до пояса, и пошли разговоры о том, что надо бы перевезти прах похороненных там в более отдаленный район Англии, но, правду сказать, тогда уже трудно было отыскать по-настоящему отдаленный район.

— Ну и что? Основал ты свое общество и сохранил ли мою могилу?

Бёртон теперь уже свyksя с мыслью о том, что был мертв, однако от разговора с другим человеком о собственной могиле по коже у него побежали мурашки.

Фрайгейт вдохнул поглубже и проговорил извиняющимся тоном:

— Нет. К тому времени когда я был в состоянии заняться этим, мне вдруг стало стыдно тратить время и деньги на мертвых. В мире все так смешалось. Живые требовали большего участия. Загрязнение окружающей среды, нищета, угнетение и так далее. Все это было очень важно.

— Ну а гигантская точная биография?

И снова Фрайгейт ответил Бёртону извиняющимся тоном:

— Как только я впервые о тебе прочитал, я решил, что я — единственный, кому ты по-настоящему интересен, и вообще единственный, кто о тебе знает. Но в шестидесятых произошел всплеск интереса к тебе. О тебе было написано несколько книг, и даже одна о твоей жене.

— О Изабель? Кто-то написал книгу о ней? Почему?

Фрайгейт усмехнулся:

— Она была красивой и интересной женщиной. Но очень надоедливой, должен признаться, болезненно суеверной, шизофреничной и подверженной самообману. Мало кто простил бы ей то, что она сожгла твои рукописи и дневники...

— Что? — проревел Бёртон. — Сожгла?!..

Фрайгейт кивнул и сказал:

— И твой врач, Гренфелл Бейкер, назвал это «безжалостной катастрофой, последовавшей за его печальной кончиной». Она сожгла твой перевод «Благоухающего Сада», утверждая, что ты не захотел бы опубликовать его, разве только если бы тебе потребовались деньги, а никакие деньги тебе уже нужны не были, поскольку ты умер.

Немного было в жизни Бёртона случаев, чтобы он вот так, как сейчас, лишился дара речи.

Фрайгейт искоса глянул на Бёртона и усмехнулся. Похоже, его забавляло огорчение слушателя.

— Сжечь «Благоухающий Сад» — это еще было не так страшно, хотя довольно страшно. Но сжечь все твои дневники — личные дневники, в которых ты, скорее всего, давал волю самым своим глубоким мыслям, той ненависти, что сжигала тебя, и даже открытые дневники, где ты вел записи о повседневных событиях, — в общем, я этого ей никогда не мог простить! И не только я — многие люди. Это стало величайшей потерей; только один из твоих блокнотов, очень маленький, уцелел, а он сгорел во время бомбардировки Лондона во время второй мировой войны.

Помолчав немного, Фрайгейт спросил:

— А это правда, что ты перешел в католичество, лежа на смертном одре, как утверждала твоя жена?

— Может быть, — ответил Бёртон. — Изабель много лет уговаривала меня принять католичество, хотя и не осмеливалась никогда просить меня об этом открыто. Ну а когда я лежал без сил, я мог, наконец, сказать ей, что готов сделать это, лишь бы она была счастлива. Она была так убита горем, так расстроена, так боялась, что моя душа сгорит в аду.

— Значит, ты все-таки любил ее? — спросил Фрайгейт.

— То же самое я сделал бы ради собаки, — отозвался Бёртон.

— Для того, кто настолько удручающе откровенен и прям, ты порой можешь быть очень двусмысленным.

Этот разговор произошел примерно через два месяца после первого дня второго года после Воскрешения. Итог получился таким, как если бы доктор Джонсон* обнаружил нового Босуэлла**.

---

* Сэмюэл Джонсон (1709—1784) — английский писатель и лексикограф, главный герой биографии Дж. Босуэлла, благодаря которой прослыл автором множества афоризмов и изречений.

** Джеймс Босуэлл (1740—1795) — английский писатель, друг и биограф С. Джонсона.

Так начался второй этап их странных взаимоотношений. Фрайгейт был теперь ближе Бёртону и в то же время стал больше его раздражать. Американец всегда воздерживался от комментариев по поводу поведения Бёртона — несомненно, потому, что не хотел сердить его. Фрайгейт вообще сознательно старался не раздражать кого бы то ни было. Но он, однако, бессознательно пытался многих между собой перессорить. Враждебность проявлялась во множестве тонких, а порой и не слишком тонких, слов и действий. Бёртону это не нравилось. Он был прям и совсем не боялся открыто проявлять свой гнев. Может быть, как отмечал Фрайгейт, он чересчур сильно стремился к конфронтации.

Как-то вечером, когда все сидели у костра под питающим камнем, Фрайгейт заговорил о Карачи. Во времена Бёртона в этой деревушке, которая впоследствии стала столицей Пакистана — государства, образованного в тысяча девятьсот сорок седьмом году, — насчитывалось всего две тысячи человек. А к тысяча девятьсот семидесятому году население Карачи выросло до почти двух миллионов. Вот поэтому Фрайгейт очень хитро задал вопрос Бёртону о его отчете, посланном генералу сэру Роберту Нэпиру, где говорилось о мужских публичных домах в Карачи. Отчет этот полагалось держать в числе секретной документации в архиве Восточноиндийской армии, однако один из многочисленных врагов Бёртона раскопал его. И хотя этот отчет никогда и нигде не публиковался, всю жизнь Бёртона его использовали против него. Бёртон переоделся и загримировался под местного жителя, чтобы попасть в такой публичный дом, и наблюдал там за таким, чего до сих пор не дозволялось видеть ни одному европейцу. Он гордился тем, что его не раскусили, и пошел на это неприглядное дело потому, что только ему под силу было это сделать, и потому, что его попросил об этом его обожаемый начальник, Нэпир.

На вопросы Фрайгейта Бёртон отвечал охотно. Раньше в этот день его разозлила Алиса — в последнее время это ей удавалось легко, — и он раздумывал о том, как бы ответить ей тем же. И теперь он ухватился за возможность, предоставленную ему Фрайгейтом, и принялся непринужденно рассказывать о том, что творилось в публичных домах Карачи. Руах в конце концов встал и ушел. У Фрайгейта был такой вид, будто ему тошно, но он сидел и слушал. Вилфреда хохотала так, что стала кататься по траве, Казз и Монат слушали с каменными физиономиями. Гвенафра спала в лодке, поэтому ее Бёртон мог в расчет не принимать. Логу вроде

бы было интересно, и все же видно было, что она немного смущена.

Алиса же, главная мишень Бёртона, побледнела, а немного погодя покраснела. Наконец она поднялась и сказала:

— Честное слово, мистер Бёртон, я и раньше считала вас низким человеком. Но бравировать этим... вы совершенно невыносимы, развращены и гнусны. И я не верю ни единому слову из того, что вы мне говорили. Не могу поверить, чтобы кто-то вел себя так, как вы, а потом хвастался этим. Вы соответствуете своей репутации человека, который обожает шокировать других, невзирая на то, как это скажется на вашей репутации.

И она ушла в темноту.

Фрайгейт сказал:

— Может быть, когда-нибудь ты мне расскажешь о том, все ли из этого правда. Я когда-то думал так же, как она. Но когда я стал старше, о тебе стало известно больше, а один биограф провел психоаналитическое исследование твоего характера на основании твоих работ и различных документальных источников.

— И какие получились выводы? — насмешливо спросил Бёртон.

— Как-нибудь потом, Дик, — сказал Фрайгейт. — «Головорез» Дик, — добавил он и тоже ушел от костра.

А теперь, стоя у руля, глядя на то, как солнце озаряет людей из его группы, слушая шипение воды, рассекаемой двумя острыми носами, и потрескивание такелажа, Бёртон думал о том, что лежит по другую сторону каньона. Конечно же, не конец Реки. Она, наверное, будет течь вечно, без конца. А вот конец группы, может быть, очень близок. Слишком долго они пробыли вместе. Слишком много дней провели на узенькой палубе, где делать почти нечего, кроме как болтать да помогать поворачивать паруса. Они делали друг другу больно, и уже давно. Даже Вилфреда в последнее время стала тихой и неразговорчивой. И не сказать, чтобы Бёртон делал что-то, чтобы вывести ее из этого состояния. Честно говоря, он устал от нее. Он не ненавидел ее и не желал ей зла. Он просто устал от нее, а то, что он обладал ею, но не мог обладать Алисой Харгривз, заставляло его чувствовать еще сильнее, как он от нее устал.

Лев Руах держался от него подальше и разговаривал как можно меньше, зато все чаще спорил с Эстер насчет кошерной пищи, собственной задумчивости и нежелания поговорить с ней по-человечески.

Фрайгейт был зол на него за что-то. Но Фрайгейт ведь никогда не встанет и не скажет прямо, трус эдакий, если только не загнать его в угол и не довести до безумной ярости. Логу сердилась и обижалась на Фрайгейта, потому что с ней он был так же сух, как со всеми остальными. Логу сердилась на Бёртона, потому что он отверг ее, когда они вдвоем собирали на холмах бамбук несколько недель назад. Он сказал ей «нет» и добавил, что никакие моральные нормы не мешают ему заняться с ней сексом, но что он не станет предавать Фрайгейта и вообще кого бы то ни было из членов группы. Логу сказала, что она не то чтобы не любит Фрайгейта, просто ей нужны перемены время от времени. Так же как самому Фрайгейту.

Алиса сказала, что почти утратила надежду увидеться снова с кем-то из тех, кого знала. Они, наверное, уже проплыли мимо сорока четырех миллионов трехсот семидесяти тысяч человек, а она ни разу не увидела ни одного земного знакомого. Ей встречались только те, кого она принимала за знакомых по ошибке. Она понимала, что из всех, мимо кого они проплыли, она видела только малую толику людей близко и даже издалека. Но это не имело значения. Ее ужасно угнетало сидение на тесной палубе весь день напролет, когда можно только поворачивать рукоять весла или перемещать такелаж да открывать и закрывать губы в болтовне, большей частью — пустой.

Бёртон не желал признаваться в этом, но боялся, что она уйдет. Она могла просто взять и сойти на берег на следующей стоянке с цилиндром и нехитрым скарбом и распрощаться. Увидимся, мол, лет через сто. Может быть. Главное, что держало Алису на судне, — Гвенафра. Она воспитывала маленькую древнюю бретонку как маленькую викторианскую леди. Это была ужасно любопытная смесь, но не более любопытная, чем все остальное вдоль берегов Реки.

Сам же Бёртон устал от бесконечного странствия на маленьком судне. Ему хотелось отыскать какую-нибудь приятную местность и обосноваться там, чтобы передохнуть, а потом заняться исследованиями, поучаствовать в местных делах, поразмять ноги, сбросить напряжение и набраться сил. Но всего этого ему хотелось, если бы Алиса поделила с ним хижину.

— Судьба человека, который сидит сиднем, тоже с места не движется, — пробормотал он. Пора более решительно повести себя с Алисой, он слишком долго был джентльменом. Он добьется ее, он возьмет ее силой. В молодости он был агрессивным любовником, а потом из любовника превратился

в возлюбленного, когда женился. Его старые привычки, старые стереотипы не исчезли. Он был стариком, живущим в новом теле.

«Хаджи» вошел в темный, извилистый пролив. Сине-черные скальные стены встали по обе стороны, судно сделало разворот, и широкое озеро позади исчезло. Теперь все были при деле — сновали туда-сюда и поворачивали паруса, а Бёртон вел «Хаджи» по ветру и против ветра по стремнине шириной в четверть мили, против течения, вздымавшего высокие волны. Лодка резко взлетала на волнах и падала, сильно накреняясь при резкой смене галса. Часто она подходила почти вплотную к стенам каньона, где волны тяжело ударяли по скалам. Но Бёртон уже так долго управлял этим судном, что стал как бы частью его, и команда так долго работала с ним, что предугадывала его приказы, хотя и не опережала их.

Проход по ущелью занял тридцать минут. Некоторые волновались — Фрайгейт и Руах явно беспокоились, но все были на подъеме. По крайней мере, скука и вялость хотя бы на время исчезли.

«Хаджи» выплыл в новое озеро, озаренное солнцем. Оно простиралось мили на четыре в ширину и тянулось к северу насколько хватал глаз. Горы резко отступили к горизонту, по берегам потянулись привычные равнины в милю шириной.

В поле зрения оказалось с пятьдесят суденышек — от сосновых долбленок до двухмачтовых бамбуковых лодок. Большой частью их хозяева, похоже, занимались ловлей рыбы. Слева, в миле впереди, на берегу торчал неизменный питающий камень, вдоль по берегу рассыпались темные фигурки людей. За ними на равнине и холмах стояли бамбуковые хижины, выстроенные в стиле, который Фрайгейт именoval то «неополинезийским», то «посмертно-прибрежным».

Справа, примерно в полумиле от окончания каньона, стоял высокий частокол форта. Перед ним располагалось десять массивных деревянных доков, в которых стояли крупные и небольшие лодки. Через несколько минут после появления «Хаджи» забили барабаны. Не то их сделали из выдолбленных стволов, не то обтянули выдубленной шкурой рыбы или человеческой кожей. Перед фортом уже собралась толпа народа, и все новые выбегали оттуда и из хижин, стоявших позади. Люди прыгали в лодки и отплывали от берега.

На левом берегу темные фигурки рассаживались в долбленки, каноэ и одномачтовые лодки.

Похоже, отплывшие от обоих берегов лодки соревновались, кто раньше захватит «Хаджи».

Бёртон спокойно лавировал, несколько раз провел судно между другими лодками. Люди с правого берега оказались ближе. Они были белокожими и хорошо вооруженными, но луков в ход не пускали. Человек, стоявший на носу боевого каноэ с тридцатью гребцами на борту, прокричал по-немецки приказ сдаваться.

— Мы вас не тронем!

— Мы пришли с миром! — крикнул ему Фрайгейт.

— Он это понимает! — рыкнул Бёртон. — Понятно, что нас слишком мало и мы не станем нападать на них.

Теперь барабаны грохотали по обоим берегам Реки. Было такое впечатление, словно эти берега населены живыми барабанами. Но на самом деле населены они были людьми, и к тому же вооруженными. Новые лодки вышли наперерез «Хаджи». Позади же те лодки, что вышли навстречу первыми, не отставали, но теряли дистанцию.

Бёртон растерялся. Может быть, развернуть «Хаджи» и уйти назад в каньон, а потом вернуться ночью? Это был бы опасный маневр: стены высотой в двадцать тысяч футов загорают свет звезд и газовых туманностей. Придется двигаться почти вслепую.

«Хаджи» двигался резвее, чем любое из судов противников. Пока. Издалека быстро надвигались высокие паруса. Но сейчас вражескому судну помогает попутный ветер и течение, а что будет, если он уйдет от встречи с ним — догонят ли «Хаджи», если врагам тоже придется идти против ветра?

Все суда, которые видел Бёртон, были нагружены людьми, и это замедляло их скорость. Даже такое судно, как «Хаджи», будь оно заполнено воинами, не выдержало бы соревнования.

Бёртон решил продолжать плыть вверх по Реке.

Минут десять спустя наперерез «Хаджи» поплыло еще одно боевое каноэ. В нем сидело по шестнадцать гребцов у каждого борта, а на носу и корме были небольшие палубы. На каждой из них стояло по двое человек, а рядом с ними — катапульты. Те двое, что стояли на носу, зарядили ложку катапульты каким-то шарообразным предметом, от которого шел дым. Один потянул за стопор, и рычаг машины ударил по бревну. Каноэ задрожало, гребцы на мгновение прекратили равномерно грести. Дымящийся предмет описал высокую дугу и, оказавшись в двадцати футах от «Хаджи» и в десяти над поверхностью воды, взорвался с оглушительным треском, испустив тучу черного дыма, которую тут же развеял ветер.

Кто-то из женщин и даже некоторые из мужчин вскрикнули. Бёртон решил, что, судя по всему, в этой местности

есть залежи серы. Иначе здешним жителям ни за что не изготовить бы порох.

Бёртон позвал Логу и Эстер Родригес и велел им стать у румпеля. Обе женщины побледнели, но держались спокойно, хотя ни та ни другая ни разу в глаза не видели бомбы.

Гвенафру увели в кубрик. Алиса сжимала в руке тисовый лук, на спине у нее висел колчан со стрелами. Губы она намазала ярко-алой помадой, глаза подвела зелеными тенями, и из-за этого кожа ее казалась жутко бледной. Но она уже пережила не менее десятка водных сражений, а нервы у нее были крепкие, как меловые утесы Дувра. Кроме того, она была лучшей лучницей в команде. Бёртон отлично владел огнестрельным оружием, а с луком ему не хватало опыта. Казз мог выстрелить из лука, сделанного из костей «речного дракона» даже дальше Бёртона, но меткость у него выходила отвратительная. Фрайгейт твердил, что тут и ждать нечего — как у большинства доисторических людей, у Казза отсутствовало восприятие перспективы.

Люди у катапульты не стали заряжать ее новым ядром. Видимо, первое предназначалось для того, чтобы велеть «Хаджи» остановиться. Бёртон решил остановить судно. Делать нечего. Преследователи могли уже не раз прострелить их всех тучей стрел. Раз они этого не сделали, значит, хотят заполучить команду «Хаджи» живой.

Каное, разбивая воду носом так, что она вскипала, поблескивая на солнце лопастями весел, под уханье вскрикивающих в унисон гребцов, подплыло вплотную к корме «Хаджи». Двое мужчин прыгнули с фордека, и каное закачалось. Один упал в воду и ухватился за борт. Другой упал на колени на самом краю. Он сжимал в зубах бамбуковый нож, к ремню его были приторочены два чехла. Из одного торчал небольшой топорик, из другого — стилет из рога триаканта. Секунду, пытаясь взобраться на мокрый и скользкий помост, он смотрел прямо в глаза Бёртона. Волосы человека были соломенно-желтые, глаза — светло-голубые, лицо отличалось классической красотой. Наверное, он хотел ранить пару людей из команды, а потом убраться — может быть, сжимая в объятиях кого-то из женщин. А пока он отвлечет команду «Хаджи», остальные, подплыв поближе, зацепят «Хаджи» и заберутся на борт, вот и все.

Шансов выполнить план у нападавшего было маловато, он, видимо, это понимал, но не больно-то переживал. Большинство людей по-прежнему боялись смерти, потому что этот страх гнезился в клетках их тел, и реагировали инстинк-

тивно. Немногие сумели преодолеть этот страх, а другие его и не ведали никогда.

Бёртон шагнул вперед и нанес мужчине удар по голове топориком. Рот того раскрылся, бамбуковый нож выпал, и воин свалился замертво на палубу. Гребцы в каное взревели, оно разворачивалось. Бёртон заметил, что берег быстро приближается, и отдал команду менять галс. Судно развернулось, рулевое бревно пронеслось над палубой. Потом они помчались по реке, а к ним несло не меньше десятка лодок. В трех долбленых челноках сидело по четверо гребцов; кроме них, «Хаджи» угрожала встреча с тремя боевыми каное и пятью двухмачтовыми шхунами. На последних стояло несколько катапульта, и народу на палубах хватало.

Выплыв на середину Реки, Бёртон отдал команду снова сменить галс. Этот маневр позволил парусникам подойти ближе к «Хаджи», но Бёртон на это рассчитывал. Теперь, снова взяв круто по ветру, «Хаджи» разрежет воду между двумя шхунами. Они были уже так близко, что Бёртон ясно видел черты лица всех, кто был на борту обеих шхун. Собрались там большей частью европейцы — от очень смуглых до нордически-белокожих. Капитан шхуны, подходившей с левого борта, крикнул Бёртону по-немецки, чтобы тот сдавался.

— Мы оставим вас в живых, если вы сдадитесь, но уничтожим, если станете сопротивляться!

Говорил он по-немецки, но с акцентом, который показался Бёртону венгерским.

В ответ Бёртон и Алиса выпустили по стреле. Стрела Алисы в капитана не попала, зато угодила в рулевого, он пошатнулся и, перевернувшись, упал в воду через поручень. Капитан бросился к штурвалу, но вторая стрела Бёртона пронзила его колено.

Шхуны столкнулись со страшным грохотом и треском и задрали носы. При этом здорово пострадал такелаж, люди кричали, валились на палубу, падали за борт. Даже если шхуны не пойдут ко дну, они все равно вышли из строя.

Но как раз перед столкновением лучники со шхун выпустили с десятков горящих стрел в бамбуковые паруса «Хаджи». Плетеные полотнища содержали сухую траву, вымоченную в скипидаре, изготовленном из сосновой смолы, и на ветру быстро загорелись.

Бёртон отобрал у женщин румпель и прокричал команду. Экипаж принялся зачерпывать из Реки воду в глиняные посуды и открытые цилиндры и гасить пламя. Логу, умевшая лазить по деревьям как обезьянка, взобралась на мачту,

перебросив через плечо веревку. Вережку она спустила вниз и стала подтягивать наверх емкости с водой.

Случившееся позволило другим шхунам и нескольким каное подобраться ближе. Одно судно шло таким курсом, что вот-вот должно было перерезать путь «Хаджи». Бёртон снова сделал разворот, однако это было непросто из-за того, что на мачте висела Логу. Мачта повернулась, рулевое бревно яростно пронеслось над палубой — экипажу не удалось справиться с канатами, а по парусам ударили новые стрелы и принесли новое пламя. Несколько стрел упало на палубу. На мгновение Бёртон решил, что враги передумали и хотят погубить их. Но на самом деле стрелы просто пролетели мимо цели.

И снова «Хаджи» проскользнул в промежуток между двумя шхунами. Капитаны и команды обоих судов ухмылялись. Наверное, они мучились от скуки уже давно и теперь наслаждались погоней. Но все равно матросы спрятались за бортами, оставив офицеров, рулевых и лучников выдерживать огонь «Хаджи». Послышался гул, и темные стрелы с красными наконечниками и синим оперением угодили в паруса в двух десятках мест, некоторые попали в мачту и рулевое бревно, десяток упал в воду, одна пролетела мимо Бёртона в нескольких дюймах от его головы.

Алиса, Руах, Казз, де Грейсток, Вилфреда и Бёртон стреляли, а Эстер управляла веслом. Логу застыла на середине мачты, ожидая, когда перестанут лететь стрелы. Пять из пущенных стрел нашли три мишени из плоти и крови: капитана, рулевого и моряка, который высунулся из-за поручня в неудачный для себя момент.

Эстер вскрикнула. Бёртон обернулся. Сзади подходило боевое каное, скрывавшееся до того за корпусом шхуны. Столкновение стало неизбежным. Двое воинов, стоявших на помосте, прыгнули в воду, гребцы вскакивали или пытались не дать лодке перевернуться. А потом «Хаджи» ударил в борт каное около носа, пробил в нем дыру, перевернул каное и вышвырнул команду в Реку. Экипаж «Хаджи» от удара швырнуло вперед, и Грейсток свалился в воду. Бёртон пролетел по палубе, оцарапав лицо, грудь и колени. Эстер отлетела от румпеля, покатилась по палубе, ударилась о край комингса полубака и осталась лежать там без движения.

Бёртон поднял глаза. Парус полыхал, и не оставалось никакой надежды спасти его. Логу на мачте не было, значит, ее отшвырнуло при столкновении. Но встав, Бёртон увидел, что она и де Грейсток плывут к «Хаджи». Вода кругом кипела

от всплесков рук несчастных людей с каноэ, многие из которых, судя по их воплям, не умели плавать.

Бёртон крикнул мужчинам, чтобы они вытащили Логу и де Грейстока из воды, а сам посмотрел, насколько пострадало судно. Вода просачивалась внутрь корпусов. Клубился дым от горевшей мачты и паруса, Алиса и Гвенафра кашляли.

С севера быстро подплывало еще одно боевое каноэ, на полной скорости к катамарану неслись две шхуны.

Можно было драться и пролить кровь врагов, если те будут осторожничать, стараясь не убить команду «Хаджи». Или будут плыть за «Хаджи». В любом случае команду катамарана возьмут в плен.

Логу и Грейстока втащили на судно. Фрайгейт сообщил, что Эстер не приходит в сознание. Руах пощупал ее пульс, оттянул веки и вернулся к Бёртону.

— Она жива, но изрядно пострадала.

Бёртон сказал:

— Женщины, вы знаете, что произойдет с вами. Дело, конечно, ваше, но я бы посоветовал вам нырнуть и вдохнуть воду. Завтра проснетесь — новенькие, с иголки.

Из кубрика выбралась Гвенафра. Она обхватила себя руками и посмотрела на Бёртона сухими, но испуганными глазами. Он обнял ее за плечи и сказал:

— Алиса! Возьми ее с собой!

— Куда? — ошарашенно спросила Алиса. Она бросила взгляд на каноэ и снова посмотрела на Бёртона. Дым снова заставил ее закашляться, и она шагнула вперед, встав к ветру спиной.

— Когда нырнешь.

Бёртон махнул рукой, указывая на Реку.

— Я не смогу, — покачала головой Алиса.

— Ты же не хочешь, чтобы эти люди и ее схватили. Она всего лишь маленькая девочка, но их это не остановит.

Алиса выглядела так, словно ее лицо вот-вот сморщится и его зальют слезы, но не заплакала.

— Хорошо, — ответила она. — Теперь самоубийство — не грех. Я только надеюсь, что...

— Да, — сказал Бёртон.

Больше он ничего не сказал, да и говорить было нечего. Каноэ уже находилось в сорока футах от катамарана.

— В другом месте может оказаться еще хуже, чем здесь, — сказала Алиса. — И Гвенафра может очнуться одна-одиношенька. Вы же знаете, что вероятность воскреснуть в одном и том же месте ничтожна.

— Тут ничего не поделаешь, — отозвался Бёртон.

Алиса сжала губы, разжала и проговорила:

— Я буду драться до последнего мгновения. А потом...

— Тогда может оказаться слишком поздно, — сказал Бёртон, берясь за лук и вынимая стрелу из колчана. Де Грейсток свой лук потерял, поэтому взял лук Казза. Неандерталец сунул камень в пращу и принялся вертеть ею. Лев последовал его примеру. Монат, тоже потерявший лук, взял лук Эстер.

Капитан каноэ прокричал по-немецки:

— Бросайте оружие! Мы вас не тронем!

Через секунду стрела Алисы пронзила его грудь, и капитан упал с помоста на одного из гребцов. Другая стрела, скорее всего пущенная де Грейстоком, сбила с помоста еще одного воина — этот свалился в воду. Камень угодил одному из гребцов в плечо, и он с криком упал на спину. Еще одним камнем снесло голову другому гребцу. Он выронил весло.

Каноэ приближалось. Воины на кормовом помосте скоординировали гребцам грести к «Хаджи». Но вот и они упали, пронзенные стрелами.

Бёртон оглянулся. На обеих шхунах спустили паруса. По всей вероятности, собирались подойти к «Хаджи» так, чтобы матросы могли зацепить катамаран абордажными крючьями. Но если подойдут слишком близко, рискуют перехватить на себя пламя.

Потеряв четырнадцать членов команды убитыми или тяжелоранеными, каноэ налетело на «Хаджи». Как раз перед тем как нос каноэ врезался в катамаран, оставшиеся в живых бросили весла и выставили перед собой небольшие круглые кожаные щиты. Но все равно две стрелы пробили щиты и угодили в руки тех, кто их держал. При всем том расстановка сил была не в пользу команды Бёртона: двадцать воинов против шести мужчин, пятерых женщин и ребенка.

Однако один из шестерых был обросшим шерстью коренастым мужиком, обладавшим ужасающей силой и сжимавшим в ручище каменный топор. Казз подпрыгнул за секунду до того, как нос каноэ врезался в борт правого корпуса, и секунду спустя оказался в каноэ. Его топор сокрушил черепа двоих гребцов, после чего пробил дно каноэ. Снизу брызнула вода, и де Грейсток, прокричав что-то на своем средневековом камберлендском английском, прыгнул в каноэ следом за Каззом. В одной руке он сжимал стилет, а в другой — здоровенную дубинку, головка которой была утыкана кремневыми иглами.

Остальные на «Хаджи» продолжали стрелять из луков. Вдруг Казз и де Грейсток быстро вернулись на катамаран, а

каное стало быстро погружаться в воду вместе с мертвыми, умирающими и еще живыми матросами. Некоторые сразу утонули. Другие отплыли, третьи пытались вскарабкаться на катамаран, но тут же срывались в воду с отрубленными или разможенными пальцами.

Что-то ударилось о палубу рядом с Бёртоном, и сразу что-то еще обернулось вокруг его тела. Бёртон развернулся и обрубил кожаную веревку, захлестнувшую его шею. Отпрыгнул в сторону, чтобы увернуться от другой веревки, крепко ухватил и потянул за третью — матрос, бросивший веревку, перелетел через поручни, с воплем вывалился за борт и ударился плечом о палубу «Хаджи». Бёртон раскроил ему голову топором.

Но теперь уже с палуб обеих шхун прыгали воины, отовсюду летели веревки. Во всеобщую сумятицу вносили свою лепту дым и пламя, которые помогали команде «Хаджи» чуть больше, чем абордажникам.

Бёртон крикнул Алисе, чтобы она прыгала в воду и взяла с собой Гвенафру. Найти ее глазами он не смог, а потом ему пришлось отбиваться от высоченного негра с копьем. Похоже, этот воин напрочь забыл о приказе взять Бёртона живым. Бёртон отшвырнул в сторону короткое копье и, замахнувшись, отрубил негру голову. Он еще не успел выпрямиться, как почувствовал резкую боль в спине, потом в плече, но успел сбить еще двоих врагов, прежде чем оказался в воде. Упав между шхуной и «Хаджи», он нырнул, бросил топор и вытащил из ножен стилет. Снова поднявшись на поверхность, он оказался лицом к лицу с высоким, костлявым рыжеволосым молодцом, который поднял обеими руками над собой кричащую Гвенафру. А потом молодец швырнул ее далеко в воду.

Бёртон снова нырнул, а вынырнув, увидел в нескольких футах от себя голову Гвенафры. Лицо ее стало землисто-серым, глаза остекленели. А потом он увидел, как темнеет от крови вода рядом с ней. Девочка ушла под воду прежде, чем Бёртон успел доплыть до нее. Бёртон нырнул за ней, подхватил и перевернул спиной вверх. Из спины девочки торчал кончик рыбьего рога.

Бёртон выпустил тело Гвенафры. Он не понимал, почему мужчина убил девочку, когда с легкостью мог взять в плен. Может быть, убила ее Алиса, а он решил, что девчонка мертва, и швырнул ее на съедение рыбам.

Из клубов дыма выплыло тело, потом другое. У одного была сломана шея, он был мертв, второй еще жив. Бёртон

обхватил шею человека и ударил его в ухо. Тот перестал сопротивляться и погрузился в пучину.

В просвете между тучами дыма показалась голова Фрайгейта. Лицо и плечи его заливала кровь. Он вяло взмахнул руками и ушел под воду. Бёртон подплыл к нему, чтобы помочь выплыть. О том, чтобы вернуться на катамаран, не могло быть и речи. Там продолжалась битва, а со всех сторон к месту сражения неслись каноэ и долбленки.

Голова Фрайгейта показалась над водой. Кожа его, не залитая теперь кровью, была белой, как мел. Бёртон подплыл к нему и прохрипел:

— Женщины спаслись?

Фрайгейт покачал головой и крикнул:

— Берегитесь!

Бёртон приготовился нырнуть. Что-то ударило его по ногам, он продолжал погружаться, но не мог вдохнуть воду. Он решил биться до тех пор, пока его не убьют.

Оказавшись на поверхности, он увидел, что вода буквально кишит матросами, бросившимися в Реку, чтобы выловить его и Фрайгейта. Американца в полубессознательном состоянии волокли к каноэ. К Бёртону подплывали трое. Он прикончил двоих, но потом рядом оказался челнок, его хозяин замахнулся дубинкой и ударил Бёртона по голове.

ГЛАВА 15

Их вывели на берег около большого здания, стоявшего за частоколом из сосновых бревен. Каждый шаг отдавался болью в голове Бёртона. Раны на плече и ребрах болели, но кровь остановилась. Крепость была построена из сосновых стволов, над первым ярусом нависал второй, имевший множество бойниц. Пленных провели через проем в частоколе, закрывавшийся высокими бревенчатыми воротами. Пройдя по поросшему травой двору длиной ярдов в шестьдесят и миновав еще одни ворота, они оказались в зале футов пятьдесят длиной и тридцать шириной. Все, кроме Фрайгейта, который был слишком слаб, встали перед большим круглым дубовым столом. Пленники моргали в полумраке и прохладе зала, но наконец разглядели сидевших за столом двоих мужчин.

Повсюду стояли стражники с копьями, дубинками и каменными топорами. В конце зала была видна деревянная лестница, заканчивающаяся балконом с высокими перилами. Перегнувшись через перила, на пленников глазели женщины.

Один из сидевших за столом был крепким, мускулистым, невысоким мужчиной. Тело у него было волосатое, волосы — черные, курчавые, нос с горбинкой и злобные, как у ястреба, карие глаза. Второй был выше ростом, светловолосый, цвет глаз в полумраке определить точно было трудно, но скорее всего они были голубыми. У него было широкоскулое тевтонское лицо. Выразительное брюшко и намек на второй подбородок говорили о том, что еду и спиртное тут забирают из цилиндров рабов.

Фрайгейт опустил на пол, но его по знаку блондина подняли и поставили на ноги. Фрайгейт глянул на блондина и проговорил:

— Вы похожи на Германа Геринга в молодости.

Он тут же упал на колени, вскрикнув от боли — стражник ткнул его острием копья под ребра.

Блондин заговорил по-английски с явным немецким акцентом:

— Больше не смей трогать их, пока я не прикажу. Пусть болтают.

Прищурившись, он несколько мгновений испытующе разглядывал пленников, потом заявил:

— Да, я Герман Геринг.

— Кто такой Геринг? — спросил Бёртон.

— Твой дружок тебе потом расскажет, — сказал немец. — Если у тебя будет «потом». Я не сержусь на вас — вы отменно дрались. Я восхищаюсь людьми, которые умеют сражаться. Я всегда могу разжиться новыми копьями, особенно теперь, когда вы угробили столько народа. Предлагаю вам выбор. Мужчинам, я имею в виду. Оставайтесь со мной и живите припеваючи, имея еду, спиртное, табак и женщин, каких только пожелаете. Или работайте на меня, как рабы.

— На нас, — вмешался второй из сидевших за столом. — Ты, Херрманн, забываешь, што у меня штолько же праф говорить про этто, школько у ттебя.

Геринг улыбнулся, причмокнул и сказал:

— Конечно! Я просто применил местоимение «я» в королевском смысле. Хорошо, на нас. Если вы согласитесь служить *нам*, — а для вас же будет куда лучше, если согласитесь, — вы присягнете на верность мне, Герману Герингу, и бовшему правителю древнего Рима, Туллу Гостилию*.

Бёртон пристально взгляделся в лицо второго мужчины. Неужели перед ним действительно легендарный правитель древнего Рима? Того Рима, что был всего лишь крошечной

---

* Царь древнего Рима, правивший с 673 по 641 г. до н. э.

деревушкой, которой угрожали другие италийские племена — сабины*, эквы** и вольски***? Которых, в свою очередь, одолели умбры****, которых затем оттеснили могущественные этруски? Неужели это действительно Тулл Гостилий, воинственный преемник миролюбивого Нумы Помпилия*****? Внешне в нем не было ничего такого, что отличало бы его от тысяч итальянцев, которых Бёртон встречал на улицах Сиены*****. Но если он действительно был тем, за кого себя выдавал, он мог стать роскошным приобретением — в переносном смысле, конечно. Он должен, поскольку, скорее всего, сам был этруском, знать этрусский язык, а кроме него доклассическую латынь, сабинский, а может быть, кампанийский греческий. Может быть, он даже встречался с Ромулом, предполагаемым основателем Рима. Каких только историй не мог рассказать этот человек!

— Ну? — поторопил Геринг.

— Что нам придется делать, если мы станем служить вам? — спросил Бёртон.

— Прежде всего, я... мы... должны убедиться, что вы нам подходите. Другими словами, что вы мужчины, которые без смущения и промедления выполняют все, что мы прикажем. Мы подвергнем вас небольшому испытанию.

Он отдал приказ, и через минуту вперед вывели несколько мужчин. Все они были изможденные и раненые.

— Они поранились во время обработки камней или на постройке стен, — сообщил Геринг. — Все, кроме двоих, схваченных при попытке к бегству. Их придется наказать. Все будут убиты, потому что от них теперь никакого толка. Если вы полны решимости служить нам, то не смутитесь и убьете их всех.

Кроме того, — добавил он, — все они евреи. — Чего их жалеть?

---

* Италийские племена, обитавшие в начале I тысячелетия н. э. в долинах рек Тибр, Атернус и Анио. Сыграли огромную роль в образовании римской народности.

** Италийские племена окского происхождения, покоренные римлянами в 304 г. до н. э.

*** Древнее племя в Центральной Италии, вероятно, родственное умбрам. Во второй половине IV в. до н. э. покорены римлянами.

**** Италийское племя, исконные обитатели Северной и Средней Италии. В III—II вв. до н. э. покорены римлянами.

***** Согласно античной традиции, второй царь древнего Рима в 715—673/672 гг. до н. э.; ему приписывается создание жреческих коллегий, коллегий ремесленников, учреждение религиозных культов.

***** Город в Центральной Италии, в области Тоскана.

Кэмпбелл, тот рыжий детина, что бросил Гвенавфру в Реку, подошел к Бёртону и подал ему здоровенную дубину, увенчанную двумя кремневыми лезвиями. Двое стражников схватили раба — высокого блондина с синими глазами и греческим профилем — и бросили на колени. Он гневно глянул на Геринга и плюнул в него.

Геринг расхохотался:

— Гордец, как все их отродье. Я мог бы превратить его в дрожащее и умоляющее о смерти месиво, если бы захотел. Но пытки меня не слишком интересуют. Мой друг предпочел бы попытать его огнем, но я все-таки гуманен.

— Я способен убить человека, защищаясь или защищая тех, кто нуждается в защите, — сказал Бёртон. — Но я не палач.

— Убить еврея — значит спасти свою жизнь, — возразил Геринг. — Не сделаешь этого — все равно умрешь. Только не сразу.

— Нет, — ответил Бёртон.

Геринг вздохнул:

— Ох уж эти мне англичане! Что ж, я бы не отказался иметь тебя у себя на службе. Но если ты не желаешь совершать разумный поступок — как хочешь. А ты? — обратился он к Фрайгейту.

Фрайгейт, который все еще пребывал в полубессознательном состоянии, выдавил:

— Вы превратились в горстку пепла в Дахау — за ваши дела и вашу сущность. Вы хотите и в этом мире творить такие же преступления?

Геринг рассмеялся и ответил:

— Я знаю, что со мной случилось. Мои еврейские рабы мне рассказали.

Он ткнул пальцем в сторону Моната:

— А это что за мерзость?

Бёртон объяснил. Геринг помрачнел, потом сказал:

— Я не могу ему доверять. Он отправится в лагерь рабов. Эй ты, обезьяна, что скажешь?

Казз, к удивлению Бёртона, вышел вперед.

— Я убивать для ты. Я не хочу быть рабы.

Он взял дубинку, а охранники выставили копыя, готовые пронзить Казза, если тот вздумает применить дубинку иначе, чем было приказано. Казз зыркнул на них из-под нависших бровей и поднял дубинку. Раздался треск, и раб распластался ничком в грязи. Казз вернул дубинку Кэмпбеллу и отошел в сторону. На Бёртона он даже не глянул.

Геринг объявил:

— Вечером соберут всех рабов и покажут им, что с ними станет, если они попробуют бежать. Беглецов сначала немного поджарят, а потом прервут их страдания. Мой знаменитый коллега сам поработает дубинкой. Он такое просто обожает.

Потом ткнул пальцем в сторону Алисы:

— Вот эта. Я ее беру.

Тулл встал:

— Нет, нет. Она мне нравится. Ты давай приказы, Герман. Забирай ддругих, обоих. А эту я отчень хотчу. Она похотит, как этто сказать... на аристократку. Она... королева?

Бёртон взревел, выхватил дубинку из рук Кэмпбелла и вспрыгнул на стол. Геринг повалился на спину. Дубинка чуть-чуть не угодила ему по носу. В тот же миг римлянин швырнул в Бёртона копье и ранил его в плечо. Бёртон не выпустил из рук дубинку, замахнулся и выбил оружие из руки Тулла.

Рабы подняли крик и набросились на стражников. Фрайгейт схватил копье и приставил его острие к голове Казза. Казз съехался. Монат стукнул стражника в пах и подобрал его копье.

Потом Бёртон ничего не помнил. Очнулся он за несколько часов до темноты. Голова болела еще сильнее, чем раньше. Ныли ребра и оба плеча. Он лежал на траве внутри загородки из сосновых бревен, ярдов пятнадцати в поперечнике. В пятнадцати футах от земли по всему периметру загородки шел деревянный помост, по которому вышагивали стражники.

Бёртон приподнялся, сел и застонал. Фрайгейт, сидевший рядом с ним на корточках, проговорил:

— Я боялся, что ты так и не придешь в себя.

— Где женщины? — спросил его Бёртон.

Фрайгейт расплакался. Бёртон покачал головой и попросил:

— Перестань хныкать. Где они?

— А ты, черт подери, как думаешь, где? — всхлипнул Фрайгейт. — О Господи!

— Забудь о женщинах. Им сейчас не поможешь. Почему меня не прикончили после того, как я напал на Геринга?

Фрайгейт утер слезы и сказал:

— Не знаю. Может быть, и тебя, и меня сожгут. Для примера. Лучше бы нас убили.

— Да ты что — только-только обрел рай, а уже готов расстаться с ним? — спросил Бёртон. Он было рассмеялся,

но тут же умолк, потому что боль остриями пронзила его голову.

Бёртон разговорился с Робертом Спрюсом, англичанином, родившимся в тысяча девятьсот сорок пятом году в Кенсингтоне. Спрюс рассказал, что Геринг и Тулл захватили власть меньше месяца назад. Раньше они соседей не трогали. Впоследствии они наверняка попытаются покорить граничащие с их территорией земли, включая и принадлежащие индейцам онондага* на противоположном берегу Реки. Пока что никому из рабов не удалось бежать и сообщить кому-либо о планах Геринга.

— Но ведь люди из приграничных земель могут своими глазами видеть, как рабы строят стены, — возразил Бёртон.

Спрюс сухо усмехнулся и сказал:

— Геринг распустил слух, что в рабстве у него одни евреи, что он берет в плен только евреев. Ну так что, спрашивается, переживать. Но вы сами видите, это неправда. Половина рабов — неевреи.

Когда стемнело, Бёртона, Фрайгейта, Руаха, де Грейстока и Моната выпустили из-за загородки и отвели к питающему камню. Туда же согнали около двух сотен рабов, охраняемых примерно семьюдесятью стражниками Геринга. Граали рабов поставили на камень. Все принялись ждать. После того как отгремело синее пламя, граали сняли. Каждый из рабов открыл крышку, и стражники вынули из цилиндров табак, спиртное и половину еды.

У Фрайгейта плыло перед глазами, плечо нуждалось в перевязке, но кровотечение остановилось. Цвет кожи у него стал здоровее, хотя спина и почки болели.

— Ну вот, теперь мы рабы, — сказал Фрайгейт. — Дик, ты много думал об институте рабства. Что ты думаешь о нем теперь?

— То было *восточное* рабство, — ответил Бёртон. — При таком типе рабства, как здесь, у раба нет ни малейшего шанса обрести свободу. И никаких иных чувств, кроме ненависти, нет между рабом и рабовладельцем. На Востоке все было иначе. Безусловно, как у любого человеческого института, у рабства есть свои злоупотребления.

— Ты упрямец, — буркнул Фрайгейт. — Ты заметил, что не меньше половины рабов — евреи? Израильтяне, в основном из конца двадцатого столетия.

Вон та девушка сказала мне, что Герингу удалось провернуть затею с «граалевым рабством» путем насаждения

---

* Племя американских индейцев.

антисемитизма в округе. Безусловно, для того чтобы антисемитизм проявился, он должен был уже существовать. А потом, когда он с помощью Тулла захватил власть, он обратил в рабство многих из своих бывших соратников.

Вот ведь дьяволыщина, — продолжал Фрайгейт. — Строго говоря, Геринг не был таким уж отъявленным антисемитом. Он лично спорил с Гиммлером и другими нацистами, пытаясь спасти евреев. Но он представляет собой нечто худшее, чем отъявленный евреененавистник. Он оппортунист. Антисемитизм волной захлестнул Германию, и чтобы занять место под солнцем, надо было плыть по течению. И Геринг поплыл, так же, как и здесь. Такие антисемиты, как Геббельс и Франк, верили в те принципы, которые проповедовали. Извращенные и ненавистнические принципы, несомненно, но все же принципы. А вот жирный счастливчик Геринг — ему на евреев по большому счету было плевать. Он просто хотел их использовать.

— Это ладно, — прервал его Бёртон. — Но мне до этого какое дело? О, понял! Ну и взгляд! Ты готовишься прочитать мне нотацию!

— Дик, я восхищаюсь тобой так, как мало кем восхищался. Я люблю тебя так, как только может один человек любить другого. Я рад и счастлив, что судьба свела меня с тобой. Так, наверное, радовался бы Плутарх, если бы встречал Алкивиада* или Тезея**. Но я не слепец. Я знаю о твоих слабостях, их много, и сожалею о них.

— О какой же именно на этот раз?

— О той книге. «Евреи, цыгане и ислам». Как ты только мог написать ее? Ненавистнический документ, полный чепухи, порожденной воспаленным сознанием, народных преданий, предрассудков! Ритуальные убийства, подумать только!

— Я тогда еще злился из-за несправедливости, пережитой в Дамаске. Меня выслали из консулата из-за того, что меня оболгали враги, среди которых...

— Этим не оправдать того, что ты написал ложь обо всех евреях сразу, — отрезал Фрайгейт.

— Ложь! Я написал правду!

— Может быть, ты думал, что это правда. Но я из того времени, когда стало точно известно, что это было не так. На

---

* Алкивиад (ок. 450—404 гг. до н. э.) — афинский стратег в период Пелопоннесской войны.

** Тезей (Тесей) — легендарный афинский царь. Оба упомянуты Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях».

самом деле, ни один здравомыслящий человек из твоего времени не должен был поверить этому поклепу!

— Факты таковы, — не унимался Бёртон, — что еврей-ростовщики в Дамаске ссужали беднякам деньги под тысячу процентов. Факты таковы, что они так обходились не только с мусульманами и христианами, но и со своими соотечественниками. Факты таковы, что, когда мои враги в Англии обвиняли меня в антисемитизме, многие евреи в Дамаске выступили на мою защиту. Факт таков, что я высказал протест туркам, когда они продали синагогу дамасских евреев епископу греческой православной церкви, чтобы он превратил ее в православную церковь. Факт таков, что я пошел и убедил восемнадцать мусульман свидетельствовать в поддержку евреев. Факт таков, что я защищал христианских миссионеров от друзей*. Факт таков, что я предупредил друзей о том, что эта толстая и жирная турецкая свинья, Рашид-Паша, подбивает их на бунт только для того, чтобы потом истребить. Факт таков, что, когда меня сместили с поста консула из-за того, что меня оболгали христианские миссионеры и священники, Рашид-Паша и еврейские ростовщики, тысячи христиан, мусульман и евреев выступили на мою защиту, хотя тогда уже было слишком поздно.

И еще факт таков, что я не обязан отчитываться перед тобой и кем бы то ни было в своих поступках!

Как это было похоже на Фрайгейта — завести разговор на постороннюю тему в самое неподходящее время. Может быть, он пытался, вместо того чтобы обвинять себя, обрушить злобу и страхи на Бёртона. А может быть, он и на самом деле чувствовал, что его герой обманул его.

Лев Руах сидел на земле, обхватив голову руками. Посмотрев на англичанина, он глухо проговорил:

— Добро пожаловать в концлагерь, Бёртон. Вот таков он на вкус. Впервые попробуете. Для меня-то это старая история, и я устал слушать ее снова и снова. Я был в нацистском лагере и сбежал. Был в русском лагере и сбежал. В Израиле меня сцапали арабы, и я сбежал.

Так что, может, мне и теперь удастся сбежать. Но куда? В новый лагерь? Им, похоже, нет и не будет конца. Люди вечно их строят и суют туда вечных пленников, евреев, и мало ли кого еще. Даже здесь, где мы все начали сначала, где должны были отступить все религии, все предрассудки перед светом воскресения, мало что изменилось.

---

* Арабы, приверженцы одной из мусульманских шиитских сект. Живут главным образом в Ливане и Сирии.

— А ну, заткнись! — рявкнул мужчина, стоявший рядом с Руахом. У него были рыжие, выющиеся, словно пружинки, волосы, голубые глаза и лицо, которое было бы красиво, не будь сломан нос. Ростом он был в шесть футов и имел телосложение борца.

— Я Дов Таргофф, — представился он с четким оксфордским выговором. — Покойный офицер израильского флота. Не обращайтесь на этого человека внимания. Он из древних евреев, пессимист, тряпка. Такой будет корчиться у стены, а не встанет и не будет драться, как мужчина.

Руах закашлялся и сказал:

— Невежа! Я сражался и убивал! И я не тряпка! А ты чем теперь занят, brave воин? Разве ты не раб, как остальные?

— Это старая история, — сказала какая-то женщина, высокая, черноволосая — была бы настоящей красавицей, не будь так измождена. — Старая история. Мы деремся друг с другом, а побеждают наши враги. Вот так мы дрались друг с другом, когда Тит захватил Иерусалим, и мы перебили больше своих, чем римлян. Вот так...

К ней обернулись оба мужчины, и все трое принялись громко спорить. Они не умолкли, пока стражники не стали колотить их палками.

Потом Таргофф пробормотал разбитыми в кровь губами:

— Невыносимо... больше не могу. Скоро... в-общем, я убью этого стражника.

— У тебя есть план? — радостно спросил Фрайгейт, но Таргофф промолчал.

Незадолго до рассвета рабов разбудили и отвели к питающему камню. И снова отдали им только часть пайка. После еды разбили на группы и развели в разные места. Бёртона и Фрайгейта увели к северной границе. Там их заставили работать вместе с тысячей рабов, и они весь день голышом жарились на солнце. Отдых наступил только тогда, когда их в полдень отвели с граалями к питающему камню и покормили.

Геринг собирался выстроить стену между горами и Рекой. Кроме того, он намеревался возвести вторую стену — по всей десятимильной длине берега озера, и третью стену — с юга.

Бёртону и всем остальным приходилось копать глубокую канаву, а потом таскать выкопанную землю на стену. Работа была тяжелая — кроме каменных заступов, у них ничего не было. Корни травы сплетались так прочно, что перерубить их удавалось только за несколько ударов. Землю и корни кидали на деревянные лопаты, а потом — на большие бамбуковые носилки. Несколько человек волокли носилки на верх стены,

там землю разбрасывали и утрамбовывали, и стена становилась выше и шире.

На ночь рабов согнали за загородку. Здесь почти все сразу уснули. Но Таргофф, рыжеволосый израильтянин, присел рядом с Бёртоном.

— Слухи, — сказал он, — порой правдивы. Я слышал, как яростно вы со своей командой сражались. И еще я слышал про то, что вы отказались служить Герингу и его свиньям.

— А что вы слышали про мою печально знаменитую книгу? — спросил Бёртон.

Таргофф улыбнулся и ответил:

— Я про нее вообще не слышал, пока Руах не рассказал. Ваши действия говорят сами за себя. И потом, Руах чересчур болезненно такое воспринимает. Впрочем, разве можно его в этом винить, если учесть все, через что ему довелось пройти. Но я не верю, чтобы вы вели себя так, как вели, если бы были таким, каким он вас описывает. Я думаю, что вы — хороший человек. Такой, какой нам нужен. Так что...

Потянулись дни тяжелых трудов и недоедания. Иногда до Бёртона доходили сведения о женщинах. Вилфреда и Фатима находились в комнатах Кэмпбелла. Алису неделю продержал у себя Геринг, потом передал своему лейтенанту, Манфреду фон Крейшарфту. Ходил слух, будто бы Геринг жаловался на ее холодность и подумывал отдать ее своим телохранителям, чтобы они делали с ней, что пожелают. Но фон Крейшарфт попросил, чтобы Геринг отдал Алису ему.

Бёртон взбесился. Ему невыносимо было представить мысленно Алису с Герингом и фон Крейшарфтом. Он должен был остановить этих зверей или хотя бы погибнуть при попытке остановить их. Поздно ночью он пробрался из хижины, в которой спали еще двадцать пять рабов, в ту хижину, где обитал Таргофф, и разбудил его.

— Ты говорил раньше, что я должен быть на вашей стороне, — прошептал Бёртон. — Когда ты собираешься довериться мне? Я тебя заранее предупреждаю, что, если ты не сделаешь этого сейчас же, я намерен подговорить на бунт мою группу и всех остальных, кто к нам присоединится.

— Руах мне *еще* кое-что про тебя рассказал, — ответил Таргофф. — На самом деле я не понял, про что он толковал. Но может ли еврей доверять человеку, написавшему такую книгу? И можно ли верить, что такой человек не обернется против них, когда общий враг будет побежден?

Бёртон собрался гневно возразить, но промолчал. Когда заговорил, заговорил он спокойно:

— Во-первых, все, что я сделал на Земле, красноречивее любых моих напечатанных на бумаге слов. Я стал другом и защитником для многих евреев.

— Последнее утверждение всегда предваряет нападки на евреев, — возразил Таргофф.

— Может быть. Тем не менее, даже если все, о чем говорит Руах, правда, тот Ричард Бёртон, которого ты видишь перед собой в этой долине, — это не тот Бёртон, что жил на Земле. Думаю, все люди переменились до какой-то степени, оказавшись здесь. Если нет — значит, это люди, неспособные меняться. Таким лучше умереть.

За четыреста семьдесят шесть дней, прожитых у этой Реки, я многому научился, многое узнал. У меня есть способности менять воззрения. Я слушал Руаха и Фрайгейта. Часто я с ними яростно спорил. И хотя с чем-то мне сразу не хотелось соглашаться, потом я много об этом думал.

— Ненависть к евреям — это нечто, заложенное от рождения, — сказал Таргофф. — Это входит в плоть и кровь. Никаким волевым усилием от этого не избавиться, разве только если ненависть не угнездилась слишком глубоко, или если у человека очень сильная воля. Звонок звенит, и собака Павлова выделяет слюну. Только произнесите слово «еврей», и условные рефлексы идут на приступ твердыни совести неевреев. Так же как при слове «араб» то же самое происходит у меня в сознании. Но у меня есть очень веские основания ненавидеть арабов.

— Я уже достаточно времени потратил на просьбы, — проговорил Бёртон. — Либо ты меня принимаешь, либо отвергаешь. В любом случае ты знаешь, что я предприму.

— Принимаю, — ответил Таргофф. — Раз ты способен менять воззрения, то и я тоже. Я с тобой вместе работал, вместе ел хлеб. Я привык считать, что неплохо разбираюсь в людях. Скажи, если бы все планировал ты, что бы ты стал делать?

Таргофф внимательно слушал. Когда Бёртон закончил, он кивнул:

— Очень похоже на мой план. А теперь...

ГЛАВА 16

На следующий день, почти сразу после завтрака, за Бёртоном и Фрайгейтом явилось несколько охранников. Таргофф пристально посмотрел на Бёртона, и Бёртон понял, о чем тот думает. Но делать было нечего — пришлось тащиться во «дворец» Геринга. Тот развалился в большом деревянном

кресле и дымил трубкой. Он предложил Фрайгейту и Бёртону сесть и угостил их сигарами и вином.

— Время от времени, — объявил он, — мне хочется расслабиться и поболтать с кем-нибудь кроме моих коллег — не все они достаточно умны. А особенно я люблю поболтать с теми, кто жил *после* моей смерти. И с людьми, в свое время знаменитыми. Пока у меня и тех и других маловато.

— Многие из ваших пленников-израильтян жили после вас, — возразил Фрайгейт.

— А, евреи! — Геринг устало взмахнул трубкой. — С ними беда. Они знают меня слишком хорошо. Стоит мне с ними заговорить, они мрачнеют, как тучи, да и убить меня многие из них пытались, так что спокойно я себя рядом с ними не чувствую. Не сказать, чтобы я имел что-то против них. Я не особенно люблю евреев, но у меня было много друзей среди них.

Бёртон покраснел.

Геринг затянулся и продолжал.

— Наш фюрер был великий человек, но и его отличали кой-какие глупости. Одна из них — его отношение к евреям. Что до меня, то я о них и не особо думал. Но Германия в мое время была антиеврейской, а человеку надо шагать в ногу со временем, если он хочет чего-то добиться в жизни. Хватит об этом. Даже здесь от них прохода нет.

Он еще немного потрепался, а потом задал Фрайгейту множество вопросов о судьбе своих современников и об истории послевоенной Германии.

— Если бы у вас, американцев, была хоть толика политического разума, вы бы должны были объявить войну России, как только мы капитулировали. Мы бы стали вместе с вами бороться с большевиками, и мы бы их разгромили.

Фрайгейт не ответил. Потом Геринг рассказал несколько «смешных» — жутко глупых историй. Потом попросил Бёртона рассказать о том, что тот пережил до того, как воскрес в долине.

Бёртон удивился. Узнал ли Геринг об этом от Казза, или среди рабов есть осведомитель?

Он подробно рассказал обо всем, что произошло с того мгновения, как он открыл глаза и оказался там, где парили тела людей, до того момента, как человек, сидевший в воздушном каноэ, нацелил на него металлическую трубку.

— У инопланетянина, Моната, есть предположение, что какие-то существа — зовите их «Кто-то» или «Х» — наблюдали за человечеством с тех самых пор, как оно рассталось с обезьяньим обликом. Не меньше двух миллионов лет. Эти

сверхсущества каким-то образом вели записи о каждой клетке каждого человеческого организма, когда-либо жившего — вероятно, от момента зачатия до момента смерти. Теория странная, но не более, чем Воскрешение человечества и превращение этой планеты в сплошную речную долину. Записи, вероятно, осуществлялись в то время, когда их объекты были живы. А может быть, эти сверхсущества улавливают какие-то колебания из прошлого — так, как мы на Земле видели свет звезд таким, каким он был за тысячу лет до того.

Монат, правда, настаивает на первой теории. Он не верит в путешествия во времени — даже в самых ограниченных пределах.

Монат считает, что существа «Х» хранили эти записи. Как именно — этого он не знает. Но эта планета была придумана и переделана для нас. Очевидно, это огромный Мир Реки. Во время нашего путешествия вверх по Реке мы говорили с десятками людей, рассказы которых не оставляют сомнений в том, что они попали на нынешнее место жительства из разных частей Земли. Один был жителем Северного полушария, из высоких широт, другой — из Южного. Если соединить вместе их описания, создается картина планеты, преобразованной в одну, непрерывно изгибающуюся речную долину.

Некоторые люди, с которыми мы разговаривали, были тут убиты или погибли от несчастных случаев и снова воскресли в тех краях, по которым пролегал маршрут нашего путешествия. Монат говорит, что записи о воскресших людях до сих пор существуют. И как только один из нас снова умирает, это регистрируется, а потом запись где-то — может быть, под поверхностью этой планеты — проигрывается в устройствах, преобразующих энергию в материю. Тела были воспроизведены такими, какими были в момент смерти, а потом в них были введены омолаживающие средства. Может быть, это происходило в той самой камере, где я очнулся. Потом снова была сделана запись, а сами тела уничтожены. Записи были заложены в устройства, находящиеся под землей, — материализующие энергию конвертеры, использующие для работы, по всей вероятности, тепло горячего ядра планеты, и они воспроизвели наши тела на берегу Реки, неподалеку от питающих камней. Я не знаю, почему люди второй раз воскресают не там, где умерли. Но я не знаю также, почему сначала у нас совсем не было волос, и почему у мужчин до сих пор не растут бороды и усы, почему мужчины воскресли обреченными, а женщины — девственными. И вообще — почему мы воскресли. Зачем? Кто бы нас сюда ни поместил, не позаботился о том, чтобы рассказать нам зачем.

— Дело в том, — сказал Фрайгейт, — дело в том, что мы не те же самые люди, какими были на Земле. Я умер. Бёртон умер. Вы умерли, Герман Геринг. Все умерли. И нас *нельзя* вернуть к жизни!

Геринг звучно пососал трубку, уставился на Фрайгейта и спросил:

— Почему нельзя? Я живу снова? Ты это отрицаешь?

— Да! Отрицаю — в каком-то смысле. *Вы* живете. Но вы не тот Герман Геринг, что родился в Мариенбадском санатории в Розенхайме в Баварии двенадцатого января тысяча восемьсот девяносто третьего года. Вы не тот Герман Геринг, крестным отцом которого был доктор Герман Эппенштайн, еврей, перешедший в католичество. Вы не тот Геринг, который сменил фон Рихтхофена после его смерти и продолжал посылать самолеты против армии союзников даже после того, как война окончилась. Вы не рейхсмаршал гитлеровской Германии, не беженец, арестованный лейтенантом Джеромом Н. Шапиро. Эппенштайн и Шапиро, ха! И вы не тот Герман Геринг, который покончил с собой, приняв цианистый калий, когда его судили за преступления против человечества!

Геринг набил трубку табаком и спокойно проговорил:

— А ты много про меня знаешь. Пожалуй, я должен чувствовать себя польщенным. По крайней мере, меня не забыли.

— Большой частью забыли, — сказал Фрайгейт. — Вы заработали устойчивую репутацию безумного шута, неудачника и лизоблюда.

Бёртон поразился. Он и не представлял, что Фрайгейт способен оскорбить человека, в руках которого были его жизнь и смерть, того, кто с ним так жестоко обращался. Но, может быть, Фрайгейт как раз надеялся, что его убьют.

А может быть, он играл на любопытстве Геринга.

Геринг сказал:

— Поясни свои слова. Нет, не насчет моей репутации. Всякого выдающегося человека могут оболгать и недопонять безмозглые толпы. Поясни, почему это я не тот же самый человек.

Фрайгейт едва заметно улыбнулся и ответил:

— Вы — продукт записи и материализующего конвертера. Вас создали как дубликат, снабженный всеми *воспоминаниями* умершего человека Германа Геринга и состоящий из всех клеток его организма. У вас есть все, что было у него. Поэтому вы думаете, что вы — Геринг. Но это не так! Вы дубликат, вот и все! Настоящий Герман Геринг — всего-навсего молекулы, ушедшие в почву и воздух, потом в растения

и в плоть зверей и людей, а потом — в их испражнения — und so weiter*.

А вы, сидящий передо мной — не настоящий, вы не более настоящий, чем запись голоса на пластинке или ленте, колебания, уловленные и преобразованные электронным устройством и проигранные.

Бёртон эту аналогию понял, поскольку в Париже в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом видел фонограф Эдисона. Его уже начала злить дерзость Фрайгейта.

То, как выпучились глаза и покраснела физиономия Геринга, означало, что он оскорблен до глубины души.

Помолчав и поборовшись с собой, Геринг задал вопрос:

— А с какой же это стати этим существам вообще возиться с изготовлением дубликатов?

Фрайгейт пожал плечами и ответил:

— Не знаю.

Геринг встал с кресла и ткнул в Фрайгейта черенком трубки:

— Ты врешь! — крикнул он по-немецки. — Ты лжешь, scheisshund**.

Фрайгейт съежился, словно ждал, что его снова ударят по почкам, но ответил:

— Нет, я прав. Конечно, вы не обязаны верить тому, о чем я говорю. Я ничего не могу доказать. И я хорошо понимаю, что вы чувствуете. Я *знаю*, что я Питер Джейрус Фрайгейт, родился в тысяча девятьсот восемнадцатом и умер в две тысячи восьмом году после Рождества Христова. Но еще я должен верить, поскольку так подсказывает логика, в то, что на самом деле я всего лишь существо, которое обладает *памятью* того Фрайгейта, который никогда не воскреснет из мертвых. В каком-то смысле я — сын того Фрайгейта, которого уже никогда не будет. Не плоть от плоти его, не кровь от крови его, но сознание от его сознания. Я не тот человек, что рожден женщиной на погибшей планете Земля. Я продукт науки и машины. Если только...

Геринг поторопил его:

— Ну? Если только — что?

— Если только не существует нечто такое, присущее человеческому существу — нечто такое, что и *есть* человеческое существо. То есть нечто, содержащее все, что делает отдельного человека таким, какой он есть, и когда тело исчезает, это нечто продолжает существовать. И если бы тело

---

* И так далее (нем.).

** Сука (нем.).

удалось воссоздать, это нечто, сохраняющее суть индивидуума, может снова воссоединиться с телом. И оно зафиксирует все, что испытало тело. И тогда первоначальная личность *будет* жить снова. Тогда она не будет просто дубликатом.

Бёртон вмешался:

— Ради Бога, Пит! Ты предполагаешь существование души?

Фрайгейт кивнул и сказал:

— Чего-то, аналогичного душе. Чего-то такого, о чем смутно догадывались Древние и называли душой.

Геринг грубо расхохотался. Бёртон тоже бы посмеялся, но не собиравшись никак поддерживать Геринга — ни морально, ни интеллектуально.

Отсмеявшись, Геринг проговорил:

— Даже здесь, в мире, который явно существует как результат научной деятельности, поборники сверхъестественного не оставляют своих попыток. Ладно, хватит об этом. Перейдем к делам более практичным и насущным. Скажите, вы не передумали? Не готовы служить мне?

Бёртон метнул в него гневный взгляд и ответил:

— Я не стану выполнять приказы человека, который насилует женщин. Кроме того, я уважаю израильтян. Лучше я буду рабом с ними, чем свободным с вами.

Геринг выругался и хрипло проговорил:

— Ладно. Я так и думал. Но я надеялся... словом, у меня беда с римлянином. Если он поставит на своем, вот тогда вы увидите, как я был милосерден к вам, когда вы были рабами. Вы его не знаете. Только мое вмешательство спасло одного из вас от еженощных пыток ради его убления.

В полдень Бёртон и Фрайгейт вернулись на работу в холмах. Ни тому ни другому не удалось переговорить с Таргоффом или с кем-то еще из рабов, поскольку их расставили так, что они не смогли оказаться рядом. Открытых попыток поговорить с Таргоффом Бёртон и Фрайгейт не предпринимали — тогда бы их сильно избили.

Когда они после работы вернулись в загородку, Бёртон рассказал остальным о случившемся.

— Скорее всего Таргофф моему рассказу не поверит. Он станет считать нас шпионами. Даже если не будет в этом уверен, но не захочет рисковать. Значит, беды не оберешься. Плохо, что все так обернулось. Но план побега придется осуществить сегодня же ночью.

Поначалу ничего особенного не происходило. Когда Фрайгейт и Бёртон пробовали заговаривать с израильтянами, те

отворачивались и уходили. Загорелись звезды, и в загородке стало светло, как в ночь полнолуния на Земле.

Пленники сидели в бараках, но тихо переговаривались, сдвинув головы. Несмотря на жуткую усталость, они не могли уснуть. Стражники, видимо, почувствовали какую-то напряженность, хотя им не были видны сидевшие по хижинам рабы. Они расхаживали по стене, останавливались, переговаривались друг с другом и поглядывали внутрь загородки, освещенной светом звезд и пламенем смоляных факелов.

— Таргофф не станет ничего предпринимать до дождя, — сказал Бёртон и отдал распоряжения. Первое дежурство досталось Фрайгейту, второе — Роберту Спрюсу, третье — Бёртону. Бёртон лег на кучу листьев и уснул, невзирая на бормотание переговаривающихся рабов и ходьбу туда-сюда.

Но когда к его плечу прикоснулся Спрюс, Бёртону показалось, что он только что закрыл глаза. Он быстро вскочил на ноги, зевнул и потянулся. Все остальные встали. Через несколько минут набежала первая туча. Еще через десять минут померкли звезды. В горах прогремел гром, и первая молния разрезала небеса.

Молния ударила ближе. В свете ее вспышки Бёртон разглядел охранников, прячущихся под навесы наблюдательных вышек по углам загородки и кутающихся в полотнища ткани, спасаясь от холода и дождя.

Бёртон пробрался из своего барака в соседний. Таргофф стоял у входа, Бёртон выпрямился и спросил:

— План еще в силе?

— Ты это прекрасно знаешь, — ответил Таргофф. Вспышка молнии озарила его рассерженное лицо. — Ты Иуда!

Он шагнул вперед, за ним выстроилось еще человек девять. Бёртон ждать не стал, пошел в атаку. Но как только он рванулся вперед, он услышал странный звук. Он отпрянул и выглянул за дверь. Новая вспышка молнии осветила стражника, валявшегося ничком на траве под галереей.

Бёртон ткнулся к Таргоффу, тот опустил руки, сжатые в кулаки.

— Что происходит, Бёртон? — спросил он.

— Погоди, — ответил англичанин. Он не больше израильтянина понимал, что происходит, но любая неожиданность была ему на руку.

Вспышка молнии высветила на деревянной стене приземистую фигуру Казза. Он замахнулся громадным каменным топором на стражников, сжавшихся в углу, где сходились все стены загородки. Новая вспышка. Стражники лежали на стене. Темнота. Снова полыхнула молния, один стражник остался

неподвижным, оставшиеся двое мчались по стене в разные стороны.

Когда сверкнула очередная молния, стало ясно, что и эти двое, и остальные поняли, что происходит. Стражники мчались к воротам, вопя и потрясая копиями.

Казз, не обращая на них внимания, перебросил бамбуковую лестницу внутрь загородки, а следом за ней швырнул вниз несколько копий. Полыхнула новая молния, и стало видно, что он наступает на стражников.

Бёртон подобрал копье и почти бегом бросился к лестнице. За ним побежали остальные, в том числе и израильтяне. Бой вышел кровопролитным и коротким. Когда перебили или тяжело ранили охранников, остались только те, что спрятались в сторожевых вышках. Лестницу вытащили из загородки и приставили к воротам. Через две минуты люди уже карабкались наверх, и прыгнувшие на землю с другой стороны открыли ворота. Впервые за долгое время Бёртон смог поговорить с Каззом.

— Я думал, ты предал нас.

— Нет, Казз — нет, — обиженно проговорил Казз. — Ты знаешь, я любить тебя, Бёртон-ака. Ты быть мой друг, мой вождь. Я притвориться, будто бы служить твои враги, потому это хитро. Я удивляться, почему ты так не сделать. Ты не балда быть.

— Ты-то точно не балда, — отозвался Бёртон. — Но я не мог себя заставить убить тех рабов.

В свете молнии стало видно, что Казз пожимает плечами. Он сказал:

— Это мне все равно быть. Я их не знать. Потом ты слышал, что Геринг говорить. Он говорить, они все равно умирают.

— Хорошо, что ты решил спасти нас именно сегодня, — сказал Бёртон, но не стал уточнять почему, поскольку не хотел смущать Казза. И потом, были вещи поважнее.

— Сегодня ночь для этого хорошая, — сказал Казз. — Большой драка быть. Тулл и Геринг напиться и поругаться. Они подраться, их люди тоже подраться, а пока они убивать один другой, пришли чужие. Эти коричневый люди с другой берег Река... как ты их называть?.. Онондага, вот как. Их лодка подошли как раз перед начало дождь. Они еще напасть, чтобы захватили рабы. А может такое быть, просто так напасть. Ну я и подумать, вот хороший время выполняй мой план дай свобода Бёртон-ака.

Дождь прекратился так же неожиданно, как начался. Издалека, от берега Реки, до Бёртона доносились крики и вопли.

Со всех сторон доносился грохот барабанов. Бёртон сказал Таргоффу:

— Мы можем либо ждать, и это у нас выйдет легко, либо атаковать.

— Я намерен стереть с лица земли тех зверей, что держали нас в рабстве, — заявил Таргофф. — Есть ведь и другие загородки. Я послал людей открыть ворота. Остальные загородки далеко, туда быстро не доберешься. Они расставлены с промежутками в полмили.

К этому времени бой уже шел у блокауза, в котором жили свободные от дежурства стражники. Группа Бёртона шла на правом фланге. Не прошли они и с полмили, как стали наткаться на трупы и раненых, среди которых попадались и онондага, и белые.

Несмотря на сильный дождь, вспыхнули пожары. Огонь разгорался все сильнее, и все увидели, что горит большой дом. Свет пламени озарял фигуры дёрущихся. Выбравшиеся из огня разбегались по равнине. Неожиданно в одном месте оборона была прорвана, и люди оттуда побежали в сторону группы Бёртона, а победители с дикими воплями помчались следом за ними.

— Там Геринг, — крикнул Фрайгейт. — Он такой жирный, что удрать не сможет, это точно.

Он указал куда-то, и Бёртон увидел, что Геринг отчаянно перебирает ногами, но отстает от других.

— Я не хочу, чтобы честь прикончить его досталась индейцам, — объявил Бёртон. — Мы должны предоставить это Алисе.

Впереди всех мчалась долговязая фигура Кэмпбелла, и именно в него Бёртон швырнул копье. Шотландцу, наверное, показалось, что копье прилетело из мрака, из ниоткуда. Он уклонился, но опоздал. Кремневый наконечник пронзил его тело ниже левого плеча, и он повалился на бок. Мгновение спустя он попытался подняться, но Бёртон снова повалил его наземь.

Глаза Кэмпбелла выпучились, изо рта струилась кровь. Он ткнул пальцем в другую рану — глубокий укол под ребрами в боку.

— Ты... твоя баба... Вилфреда... это сделала, — выдохнул он. — Но я ее убил, суку...

Бёртон хотел спросить у него, где Алиса, но Казз, выкрикнув что-то на своем родном языке, обрушил на голову шотландца дубину. Бёртон подобрал копье и побежал за Каззом.

— Не убивай Геринга! — крикнул он на бегу. — Оставь его мне!

Казз его не слышал — он схватился с одним из онондага. Бёртон увидел Алису в тот миг, когда она подбежала к нему. Он подхватил ее на руки и закружил. Она вскрикнула и стала отбиваться. Бёртон выкрикнул ее имя, она вдруг узнала его, упала в его объятия и разрыдалась. Бёртон хотел ее успокоить, но боялся, что Геринг от него ускользнет. Он оттолкнул Алису, подбежал к немцу и размахнулся копьем. Копье попало в голову Геринга, тот вскрикнул, остановился и стал шарить глазами в поисках какого-нибудь оружия, но Бёртон уже набросился на него. Оба они упали на землю и покатались, стараясь одолеть друг друга.

Что-то ударило Бёртона по затылку, и он ослабил хватку. Геринг повалил его на землю и потянулся за копьем. Схватив его, он шагнул к распростертому на спине Бёртону. Бёртон пытался подняться, но ноги у него стали как ватные и голова кружилась. Геринг вдруг пошатнулся — это Алиса сделала ему подножку — и упал лицом вперед. Бёртон встал, шатаясь, и повалился на Геринга. Они снова покатались по земле. Геринг попробовал ухватить Бёртона за горло, потом плечо Бёртона задела стрела, обожгла кожу и вонзилась в глотку Геринга.

Бёртон встал, схватил копье и вонзил его в жирное брюхо немца. Геринг дернулся и упал замертво. Алиса опустилась на землю и заплакала.

К рассвету бой окончился. Рабы выбрались из всех заго-родок. Воины Геринга и Тулла оказались зажатыми между двумя армиями — онондага и рабами — словно зерна между мельничными жерновами. Индейцы, которые переплыли реку, видимо, только для того, чтобы позабавиться, взять пленников и их граали, стали отступать. Они забрались в свои челноки и каноэ и уплыли. Преследовать их никому не хотелось.

ГЛАВА 17

В последующие дни все было жутко занято. Прикидочная перепись показала, что не меньше двадцати тысяч жителей маленького королевства Геринга убиты, тяжело ранены онондага, захвачены в плен или бежали. Римлянин Тулл Гостилий, по всей вероятности, скрылся. Оставшиеся в живых избрали временное правительство. Таргофф, Бёртон, Спрюз, Руах и еще двое мужчин сформировали исполнительный комитет, наделенный значительной, хотя и временной властью.

Джон де Грейсток исчез. Его видели в начале сражения, а потом он просто пропал. Алиса Харгривз перебралась в хижину Бёртона, не сказав ни слова — почему и зачем.

Позже она призналась:

— Фрайгейт мне сказал, что если вся эта планета устроена так, как те земли, где мы побывали, значит, длина Реки не меньше двадцати миллионов миль. Это невероятно, но так же невероятно наше воскрешение, да и все в этом мире. Кроме того, по берегам Реки живет, наверное, тридцать пять—тридцать семь миллиардов человек. Какова же вероятность того, что я когда-нибудь найду моего земного мужа?

И потом, я люблю тебя. Да, я знаю, я вела себя не так, как положено любящей женщине. Но что-то во мне переменилось. Может быть, из-за всего, что мне довелось пережить. Не думаю, что на Земле я бы полюбила тебя. Может быть, я была бы очарована тобой, может быть, возмущена, может быть, напугана. Там я не стала бы тебе хорошей женой. Здесь же могу. Вернее, я стану тебе хорошей подругой, поскольку тут, похоже, нет никаких властей или религиозных учреждений, которые бы могли зарегистрировать наш брак. Это само по себе показывает, как я изменилась. То, что я могу спокойно жить с мужчиной в невенчанном браке!.. Ну, вот так.

— Мы больше не живем в викторианской эпохе, — возразил Бёртон. — Как бы назвать нынешнюю эпоху? Эпохой Смешения? Смешанными Веками? Впоследствии, наверное, возникнут такие названия, как Речная Культура, Прибрежный Мир, а скорее всего, множество Речных культур.

— Если это время продлится, — уточнила Алиса. — Оно началось внезапно и может оборваться так же резко и неожиданно.

«Конечно, — подумал Бёртон, — зеленая Река, травянистые равнины и лесистые холмы и неприступные горы не укладываются в шекспировское иллюзорное видение мира». Они были осязаемы, реальны, так же реальны, как направлявшиеся к нему мужчины — Фрайгейт, Монат, Казз и Руах. Бёртон вышел из хижины и приветствовал их.

Казз сказал.

— Давно-давно, когда я не говорить английский хорошо, я видеть что-то. Я пытаюсь говорить тебе тогда, только ты меня не понимать. Я видеть человек, у который не бывать такое на лоб.

Он ткнул пальцем в середину собственного лба, потом потыкал в это же место на лбу у других.

— Я знать, — продолжал Казз, — вы этого не видать. Пит и Монат также не видать. Больше никто не уметь. Но я видать это на лбу у все. Кроме лоб тот человек, который я пытался схватить давно-давно. Потом один день я видать женщина, у ней тоже такое не бывать, но я тебе ничего не говорить. Теперь я видать другой человек, у который такого не бывать.

— Он хочет сказать, — пояснил Монат, — что способен различать какие-то символы или значки на лбу у всех и каждого. Видеть их он может только при ярком солнечном свете и под определенным углом. Но у всех, кого он до сих пор видел, эти метки на лбу были — кроме тех троих, о ком он упомянул.

— Видимо, у него лучше, чем у нас, развито спектральное зрение, — предположил Фрайгейт. — Видимо, Те, кто заклеил нас знаком зверя, или как там это еще называется, не знал об особой способности сородичей Казза. А это говорит о том, что Они не всезнающи.

— Очевидно, — отозвался Бёртон. — И не непогрешимы. Иначе я ни за что не очнулся бы в том месте, до воскрешения. Ну, и кто же тот, у кого нет этих знаков на лбу?

Говорил он спокойно, но сердце его бешено колотилось. Если Казз прав, он, вероятно, выявил агента тех существ, которые вернули к жизни все человечество. Кто они — переодетые боги?

— Роберт Спрюс! — воскликнул в ответ Фрайгейт.

— Прежде чем мы сделает какие-то выводы, — сказал Монат, давайте не будем забывать, что упущение могло быть случайным.

— Выясним, — буркнул Бёртон. — Но *зачем* значки? Зачем нас надо было метить?

— Может быть, для распознавания или для проведения подсчетов, — предположил Монат. — Кому это может быть ведомо, кроме Тех, Кто нас сюда забросил?

— Пойдемте и допросим Спрюса, — сказал Бёртон.

— Сначала надо его изловить. Казз совершил ошибку — он сказал Спрюсу, что знает про значки. Утром, за завтраком. Меня там не было, но те, кто присутствовал, сказали, что Спрюс при этом побледнел. А несколько минут спустя извинился и куда-то ушел, с тех пор его не видели. Мы послали поисковые отряды вверх и вниз по берегу, по Реке, на другой берег и в холмы.

— Побег — это признание виновности, — заключил Бёртон. Он разозлился. Неужели человек стал чем-то вроде скотины, которую разводят с какой-то безумной целью?

Ближе к вечеру грохот барабанов известил всех о том, что Спрюз пойман. Три часа спустя он стоял перед столом Совета в заново отстроенном доме собраний. За столом сидел Совет. Двери дома закрыли, поскольку советники решили, что допрос пройдет более успешно без толпы народа. Правда, кроме советников присутствовали Монат, Казз и Фрайгейт.

— Хочу сразу сказать, — начал Бёртон, — что мы намерены без промедления добиться от тебя правды. Всем, кто сидел за этим столом, противны пытки. Мы презираем и ненавидим тех, кто их применяет. Но у нас такое чувство, что сейчас — такой случай, когда можно пренебречь принципами.

— Принципами никогда нельзя пренебрегать, — спокойно возразил Спрюз. — Цель никогда не оправдывает средства. Даже тогда, когда следование принципам приводит к поражению и смерти и оставляет в неведении.

— Слишком многое поставлено на карту, — ответил Таргофф. — Я, ставший жертвой беспринципных людей, Руах, которого несколько раз пытали, и другие — мы все думаем одинаково. Мы будем пытаться тебя огнем и мечом, если понадобится. Нам необходимо узнать правду.

Теперь отвечай, ты — один из тех, от кого зависело наше воскрешение?

— Вы будете не лучше Геринга и подобных ему ваших сородичей, если станете пытаться меня, — отозвался Спрюз. Голос у него срывался. — На самом деле вы будете еще хуже, потому что будете заставлять себя уподобиться ему, чтобы добиться чего-то, чего, может быть, и не существует вовсе. А если и существует, может не стоить свеч.

— Скажи нам правду, — потребовал Таргофф. — Не лги. Мы знаем, что ты, видимо, агент. Может быть, даже один из непосредственных участников.

— Там на камне пылает огонь, — добавил Бёртон. — Если ты сейчас же не заговоришь, ты поджаришься на огне, и это будет самая малая твоя боль. Я специалист по китайским и арабским пыткам. Уверяю тебя, это весьма утонченные методы. И я без колебаний применю свои знания на практике.

Спрюз, побледнев и покрывшись испариной, сказал:

— Если вы это сделаете, вы можете лишиться себя вечной жизни. По меньшей мере это отбросит вас назад в вашем путешествии, отсрочит достижение конечной цели.

— То есть? — потребовал ответа Бёртон.

Спрюз на его вопрос не ответил.

— Мы не можем выносить боли, — сказал он. — Мы слишком чувствительны.

— Ты собираешься говорить? — напирал Таргофф.

— Даже мысль о самоуничтожении болезненна, его следует избегать, за исключением случаев крайней необходимости, — пробормотал Спрюз. — Несмотря на то, что я знаю, что буду жить снова.

— Отведите его на костер, — велел Таргофф двоим мужчинам, державшим Спрюза.

Монат вмешался:

— Одну минуту. Спрюз, наука у моего народа была намного более развитой, чем земная. Поэтому мне легче сделать научное предположение. Может быть, мы могли бы избавить тебя от мучений и боли, которую вам доставит предательство ваших целей, если вы просто подтвердите мою догадку. Тогда вы не совершите откровенного отступничества.

Спрюз отозвался:

— Я слушаю.

— Согласно моему предположению, вы — земляне. Вы из времени по хронологии намного более позднего, чем две тысячи восьмой год после Рождества Христова. Вы должны быть потомками тех немногих, которые остались в живых после облучения Земли сканнером. Судя по технологии и мощи, потребовавшихся для реконструирования поверхности этой планеты и превращения ее в сплошную долину Реки, вы из времени гораздо более позднего, чем двадцать первый век. Наугад — из пятидесятого века после Рождества Христова?

Спрюз глянул на костер и ответил:

— Прибавьте еще две тысячи лет.

— Если эта планета размером приблизительно с Землю, она способна разместить только ограниченное количество людей. Где же все остальные — мертворожденные, дети, умершие до того, как им исполнилось пять лет, имбецилы и идиоты, и те, что жили после двадцатого века?

— В другом месте, — ответил Спрюз. Он снова глянул на костер и крепко сжал губы.

— У моего народа, — продолжал Монат, — была такая теория, что когда-нибудь мы научимся видеть наше прошлое. Не стану вдаваться в подробности, но была такая теория, что события прошлого можно увидеть и записать. Но путешествия во времени, безусловно, были чистой фантазией.

Что, если вашей культуре было доступно то, о чем мы только теоретизировали? Что, если вы вели записи о каждом человеческом существе, когда-либо жившем? Нашли эту планету и сделали ее долиной Реки? Где-то, может быть, под самой поверхностью этой планеты, запустили материализующий

конвертер, питающийся энергией, скажем, от расплавленного ядра планеты, и воспользовались записями для воссоздания тел умерших в каких-то ваннах? Применили биологические методы омоложения тел и восстановления утраченных конечностей, глаз и так далее, чтобы исправить любые физические недостатки?

А потом, — продолжал Монат, — вы сделали новые записи о воскрешенных телах и стали хранить их в каком-то огромном банке памяти? А потом уничтожили тела, хранящиеся в ваннах? И снова воссоздали их с помощью той же техники, которая применяется и для заполнения граалей? Устройства для этого могут быть спрятаны под землей. А потом происходит воскрешение без всякого сверхъестественного вмешательства.

Главный вопрос — зачем?

— Если бы в ваших силах было сделать все это, вам не показалось бы, что таков ваш *этический* долг? — спросил Спрюз.

— Да, но я бы воскресил только тех, кто достоин воскрешения.

— А что, если бы другие не согласились с вашими критериями? — снова спросил Спрюз. — Неужели вы действительно считаете, что достаточно мудры и хороши для того, чтобы судить? Поставили ли бы вы себя на один уровень с Богом? Нет, каждому должна быть дана новая возможность, независимо от того, как он свиреп, эгоистичен, развращен или глуп. Ну а потом это уж от него зависит...

Он умолк, словно пожалел об откровенности и не собирався продолжать.

— К тому же, — продолжил свои догадки Монат, — вы должны были захотеть изучать человечество таким, каким оно было в прошлом. Вы захотели изучить и записать все языки, на которых когда-либо говорили люди, их мораль, философию, биографии. А для этого вам нужны агенты, выступающие в роли воскрешенных, затесавшиеся среди народов Реки, ведущие наблюдение, изучающие. Сколько времени отнимет такое исследование? Тысячу лет? Две? Десять? Миллион?

И что станет с нами в конце? Мы должны тут остаться навеки?

— Вы останетесь здесь столько времени, сколько требуется для вашей реабилитации, — прокричал Спрюз. — А потом...

Он закрыл рот, бросил на советников гневный взгляд и заговорил снова:

— Продолжительный контакт с вами даже самых стойких из нас заражает вашими чертами. Нам самим нужна реабилитация. Я уже чувствую себя загрязненным.

— Отведите его на костер, — велел Таргофф. — Мы узнаем всю правду.

— Нет, не узнаете! — крикнул Спрюз. — Я должен был сделать это давным-давно... Кто знает, что...

Он упал наземь, цвет его кожи стал серо-синим. Доктор Стайнбург, один из членов Совета, осмотрел его, но никто не сомневался в том, что Спрюз мертв.

Таргофф сказал:

— Лучше его сейчас унести, доктор. Сделайте вскрытие. Мы будем ждать вашего отчета.

— Каменные ножи, никаких химикатов и микроскопа — какого отчета вы ожидаете? — пробурчал Стайнбург. — Но я постараюсь.

Тело унесли. Бёртон сказал:

— Я рад, что он не вынудил нас признаться в том, что мы блефуем. Если бы он держал рот на замке, он бы нас победил.

— Значит, на самом деле вы не собирались его пытаться? — удивился Фрайгейт. — Я надеялся, что вы лжете насчет того, чем ему грозили. Если бы вы это сделали, я бы ушел и не стал бы больше никогда с вами встречаться.

— Конечно, не собирались, — ответил Руах. — Спрюз тогда был бы прав. Мы оказались бы ничуть не лучше Геринга. Но мы могли попробовать другое средство. Гипноз, к примеру. Бёртон, Монат и Стайнбург — специалисты в этой области.

— Беда в том, — сказал Таргофф, — что мы так и не знаем, добыли ли правду. На самом деле он мог и соврать. Монат высказал ряд догадок, и если они неверные, Спрюз мог заморочить нам головы, согласившись с Монатом. Я бы сказал, что мы ни в чем не можем быть уверенными.

В одном они согласились. Шансы выявления других агентов по знакам на лбу исчезли. Теперь, когда Они — кто бы Они ни были — узнали о том, что знаки на лбу видят представители рода Казза, Они предпримут меры, чтобы избежать выявления.

Стайнбург вернулся три часа спустя.

— В нем нет ничего такого, что отличало бы его от представителя вида *Homo sapiens*. За исключением одного маленького устройства. — Он показал маленький блестящий шарик размером со спичечную головку. — Я нашел эту штуку на поверхности передней доли мозга. Она была соединена с какими-то нервами настолько тонкими проводниками, что

их я смог рассмотреть только под определенным углом, когда на них падал свет. Мое мнение таково, что Спрюз убил себя с помощью этого устройства, и сделал он это, представив себя в буквальном смысле мертвым. Каким-то образом этот крошечный шарик перевел желание умереть в поступок. Возможно, он отреагировал на желание выбросом какого-то яда, который я не имею возможности обнаружить.

Этимися словами он завершил отчет и передал шарик остальным.

ГЛАВА 18

Тридцать дней спустя Бёртон, Фрайгейт, Руах и Казз возвращались из похода по Реке. Занимался рассвет.

Вокруг лодки клубился холодный густой туман, опустившийся на Реку во второй половине ночи и поднявшийся на шесть—семь футов над водой. Во все стороны видно было не дальше, чем мог бы прыгнуть с места сильный мужчина. Но Бёртон, стоявший на носу бамбуковой одномачтовой лодки, знал, что они недалеко от западного берега. Вблизи берега, на небольшой глубине течение Реки замедлялось, а они только что взяли вправо от середины Реки.

Если его расчеты верны, они сейчас находились поблизости от развалин дома Геринга. В любое мгновение могла завиднеться полоска темнее, чем темная вода, — берег той земли, которую он теперь звал домом. А дом для Бёртона всегда был тем местом, откуда можно было отправляться дальше, местом отдыха, временным укреплением, где можно было написать книгу о последней экспедиции, логовом, где можно залечить раны, боевой рубкой, откуда он высматривал новые земли, чтобы исследовать их.

Вот так, всего через две недели после смерти Спрюса, Бёртон почувствовал охоту к перемене мест. До него доходили слухи о том, что примерно в ста милях вверх по Реке, на западном берегу, нашли залежи меди. Тамошний участок берега, протяженностью не более чем миль в двенадцать, населяли сарматы из пятого века до Рождества Христова и фризы* из тринадцатого века после Рождества Христова.

Бёртон не очень поверил в слухи — однако они оправдывали путешествие. Алиса умоляла его взять ее с собой, но он отказался.

Теперь, месяц спустя, пережив кое-какие приключения, не все из которых были неприятными, они почти доплыли до

---

* Народность, обитающая в Нидерландах и Германии.

дома. Слухи оказались не такими уж беспочвенными. Медь действительно нашли, но в микроскопических количествах. Поэтому четверо путешественников сели в лодку и отправились в легкий обратный путь, подгоняемые нескончаемым ветром. Они шли по Реке днем, приставали к берегу, чтобы поесть, если по берегам жили дружелюбно настроенные народы, не возражавшие против того, чтобы чужие воспользовались их питающими камнями. По ночам путешественники либо оставались на берегу поспать, либо, если попадали во враждебные воды, плыли и ночью.

Последний отрезок пути им предстояло пройти после захода солнца. Чтобы попасть домой, нужно было проплыть мимо участка долины, заселенного могиканами* из восемнадцатого века, жаждущими рабов. Противоположный берег населяли столь же кровожадные карфагеняне из третьего века до Рождества Христова. Проскользнув эти места под прикрытием тумана, путешественники были уже совсем неподалеку от дома.

Вдруг Бёртон сообщил:

— Берег. Пит, опусти парус! Казз, Лев, суши весла! Прыгаем!

Через несколько минут они пристали к берегу и вытащили легкое суденышко из воды на пологий берег. Теперь, выбравшись из тумана, они увидели, как побледнело небо над горами на востоке.

— Попали тютелька в тютельку! — воскликнул Бёртон. — Мы в десяти шагах от питающего камня около развалин!

Он смотрел на бамбуковые хижины, разбросанные по равнине, на видневшиеся из высокой травы крыши других построек, на домики, стоявшие под гигантскими деревьями на холмах.

Ни души. Долина спала.

Он спросил:

— Вам не кажется странным, что еще никто не поднялся? И что нас не окликнули дозорные?

Фрайгейт указал на сторожевую вышку, стоявшую справа от них. Бёртон выругался и сказал:

— Богом клянусь, они либо спят, либо покинули пост!

Но уже говоря это, он понимал, что дело не в разгильдяйстве. Он ничего не сказал остальным, но уже с самых первых мгновений, как только ступил на берег, заподозрил

---

* Индейское племя, первоначально жившее в долине Мохок (штат Нью-Йорк), относящееся к ирокезской семье.

что-то неладное. Он побежал по равнине к той хижине, где жили они с Алисой.

Алиса спала на постели из бамбука и травы у правой стены. Бёртон увидел только ее голову — Алиса свернулась под одеялом из полотнищ ткани, соединенных с помощью магнитных застёжек. Бёртон сдернул с нее одеяло, опустился на колени у невысокой кровати и посадил Алису. Голова ее качнулась вперед, руки безжизненно повисли. Правда, цвет лица у нее был здоровый, она нормально дышала.

Бёртон трижды окликнул ее. Она спала. Тогда он сильно ударил ее по щекам. Щеки покрылись красными пятнами. Веки Алисы дрогнули, но она тут же снова уснула.

Подожли Фрайгейт и Руах.

— Мы заглянули в разные хижины, — сообщил Фрайгейт, — все спят. Я попробовал разбудить некоторых, но ничего не вышло. Что случилось?

Бёртон прорычал:

— А ты как думаешь, кому это нужно и кому это под силу? Спрюсу! Спрюсу и ему подобным, кто бы Они ни были!

— Зачем? — испуганно спросил Фрайгейт.

— Они искали меня! Наверное, явились в тумане и каким-то образом усыпили тут всех!

— Усыпляющий газ проделал бы это с легкостью, — сказал Руах. — Хотя у людей, обладающих таким могуществом, как Эти, могут иметься средства, о которых мы и не помышляем!

— Они искали меня! — прокричал Бёртон.

— А если это так, значит, они вернутся ночью, — заключил Фрайгейт. — Только с какой стати им тебя искать?

За Бёртона ответил Руах:

— Потому что, насколько мы знаем, он единственный проснулся до воскрешения. Почему — это тайна. Но, видимо, что-то у них не состыковалось. Для Них это, видимо, тоже загадка. Я склонен думать, что Они это обсудили и в конце концов решили явиться сюда. Может быть, для того, чтобы похитить Бёртона для исследования — или для какой-то еще более безумной цели.

— Может быть, они хотели стереть из моей памяти все, что я видел в той камере, где плавали тела, — сказал Бёртон. — Они могут не простить своей науке такого упущения.

— Но ты рассказал об этом многим, — возразил Фрайгейт. — Не могли же Они выявить всех этих людей и стереть память о твоём рассказе из их сознаний?

— Гадать бесполезно, — заключил Руах. — Что будем делать теперь?

— Ричард! — вскрикнула Алиса. Все обернулись и увидели, что она сидит на кровати и смотрит на них.

Пару минут они безуспешно пытались втолковать ей, что произошло. Наконец она проговорила:

— Вот почему землю заволокло таким густым туманом. Я еще подумала, что это странно, но, конечно, не могла понять, что происходит на самом деле.

Бёртон сказал:

— Берите граали. Кладите все, что вам понадобится, в заплечные мешки. Уходите немедленно. Я хочу убраться, пока другие не проснулись.

Широко раскрытые глаза Алисы распахнулись еще шире.

— Куда мы пойдем?

— Куда-нибудь подальше отсюда. Мне не хочется бежать, но я не смогу принять бой с Ними. Я не смогу им противостоять, если Они узнают, где я. Но какой у меня план, я вам скажу. Я хочу отыскать конец Реки. У нее должен быть исток и устье, и человек должен суметь пройти по ней до истока. И если это возможно, я сделаю это — клянусь вам!

Они же станут искать меня в другом месте — так я надеюсь. То, что Они не нашли меня здесь, заставляет меня думать, что они не способны немедленно отыскать нужного им человека. Они, может быть, пасут нас, как скотину — он ткнул себя в лоб, где находился невидимый знак, — но даже среди скотов попадают башковитые. А мы — скоты с мозгами.

Он обернулся к остальным:

— Я зову вас с собой. На самом деле почти за честь, если вы присоединитесь.

— Позову Моната, — заявил Казз. — Он не захочет оставаться.

Бёртон усмехнулся и проговорил:

— Старина Монат! Жутко не хочется так поступать с ним, но ничего не поделаешь. Его нельзя брать. Он слишком заметен. Их агенты с легкостью выследят любого, похожего на него. Мне жаль, но его мы не возьмем.

На глазах Казза выступили слезы, побежали по выступающим скулам. Дрогнувшим голосом он произнес:

— Бёртон-ака, — я тоже не мочь идти. Я тоже непохожий.

Бёртон почувствовал, как и его глаза наполняются слезами.

— Рискнем, — сказал он. — В конце концов, может быть, таких, как ты, тут много. Мы не меньше тридцати видели за время наших странствий.

— Только женщин не быть пока, Бёртон-ака, — грустно покачал головой Казз и улыбнулся. — Может, найдем хоть одна, когда поплывть по Река.

Но улыбка тут же сбежала с его лица.

— Нет, будь я проклятый, я не иди! Я не могу слишком сильно ожидай Монат. Его и я, другие думать, мы некрасивый и страшный. Потому мы стать товарищи. Он мне не ака, но следующий после. Я оставайся.

Он подошел к Бёртону, обнял его так крепко, что у Бёртона чуть дыхание не остановилось, отпустил, пожал руки остальным, отчего те поморщились, потом развернулся и вышел вон.

Руах, сжав затекшую руку, сказал:

— Ты совершаешь дурацкую ошибку, Бёртон. Ты понимаешь, что можно плыть по этой Реке тысячу лет, и все равно быть в миллионе миль, а то и больше, от ее конца? Я остаюсь. Я нужен своему народу. И потом, Спрюс нам ясно дал понять, что стремиться мы должны к духовному совершенству, а не к борьбе с теми, кто дал нам шанс сделать это.

На загорелом лице Бёртона блеснули белые зубы. Он сжал грааль так, словно тот был оружием.

— Я не просил никого, чтобы меня забрасывали сюда, как не просил, чтобы меня родили на Земле. Я не намерен подчиняться ничьему диктату. Я намерен отыскать конец Реки. А если не найду, я по крайней мере развлекусь и много чего узнаю по дороге!

К этому времени люди начали выбираться из хижин, зевая и протирая сонные глаза. Руах не обращал на них внимания — он смотрел, как лодка поднимает парус, как она движется поперек Реки, а потом вверх по течению. У руля стоял Бёртон. Он обернулся только раз и помахал граалем, и солнце отразилось от его поверхности множеством сверкающих лучей — копий.

Руах подумал о том, что Бёртон действительно счастлив, приняв такое решение. Теперь он мог избежать скучной ответственности управления этим маленьким государством и мог делать, что пожелает. Он мог отправиться в самое величайшее из всех своих путешествий.

— Надеюсь, это к лучшему, — пробормотал себе под нос Руах. — Человек может и в пути обрести спасение, так же как и не выходя из дома. Дело его. А я пока, как тот герой Вольтера — как его звали? Земные вещи покидают меня — а я буду растить свой собственный маленький сад.

Он умолк и немного тоскливо посмотрел вслед Бёртону.

— Как знать? Может быть, в один прекрасный день он встретит Вольтера.

Руах вздохнул и улыбнулся:

— А с другой стороны, может быть, в один прекрасный день Вольтеру встретусь я!

ГЛАВА 19

— Я ненавижу тебя, Герман Геринг!

Голос прозвучал и умолк, как будто зуб шестерни попал в паз шестерни сна другого человека; механизм повернулся, и сцепление распалось.

Уносимый волной пришедшего во сне настроения, Ричард Фрэнсис Бёртон понимал, что ему снится сон. Но он не мог ничего поделать.

Первый сон снова возвратился.

События происходили запутанно и беспорядочно. Он молнией пролетел через безмерную камеру, где плавали тела; новая вспышка: неведомые Опекуны, нашедшие его и снова усыпившие; потом промелькнули отрывки того сна, что видел Бёртон перед самым Воскрешением на берегу Реки.

Бог — красивый старик в одежде джентльмена середины викторианской эпохи, благовоспитанного и благородного — тыкал его в ребра железной тростью и говорил ему, что он *задолжал за плоть*.

— Какую? Какую плоть? — спросил Бёртон, с трудом догадываясь, что бормочет во сне. Когда снится сон, своих слов не слышишь.

— Плати! — повелел Бог. Лицо его расплылось, а потом стало лицом Бёртона.

В том, первом сне, пять лет назад, Бог не ответил. Теперь он проговорил:

— Сделай так, чтобы твое Воскрешение оправдало мои усилия, идиот! Мне стоило больших затрат и еще большей боли дать тебе и всем этим остальным несчастным и бесполезным уродам новый шанс.

— Новый шанс чего? — спросил Бёртон и испугался того, что мог ответить Бог. Он почувствовал огромное облегчение, когда Бог — Отец Всего Сущего — только теперь Бёртон заметил, что одного глаза у Ягве-Одина нет, а из пустой глазницы светит адское пламя — не ответил. Он исчез — нет, не исчез, а преобразился в высокую серую башню, цилиндрическую, выступающую из серого тумана, за пеленой которого слышался рев моря.

Цилиндр!

И он снова увидел человека, который рассказал ему о Великом Граале. Он слышал о нем от другого мужчины, а тот — от женщины, которая слыхала о нем от... и так далее. Великий Грааль был одной из легенд, которые рассказывали миллиарды живущих по берегам Реки — этой Реки, что вилась, словно змея, вокруг планеты от полюса до полюса, вытекала

оттуда, докуда не доберешься, и утекала туда, куда не дотянешься.

Какой-то человек, или обезьяночеловек, сумел пробраться через горы к Северному полюсу. И как раз перед тем, как упасть, увидел «Великий Грааль», «Темную Башню», «Туманный Замок». А может, он не споткнулся, а его толкнули. Он упал головой вперед, погрузился в холодное море, прятавшееся за туманом, и умер. А потом этот человек, или обезьяночеловек, снова очнулся у Реки. Смерть тут наступала не навсегда, хотя и не потеряла своего ужаса.

Он рассказал о том, что видел. И слухи побежали по долине Реки быстрее, чем доплыла бы лодка.

И Ричард Бёртон, вечный паломник и путешественник, мечтал о том, чтобы штурмовать подножие Великого Грааля. Он мечтал раскрыть тайну воскрешения и этой планеты, потому что был убежден в том, что башню построили те самые существа, которые переделали всю планету.

— Умри, Герман Геринг! Умри и оставь меня в покое! — прокричал кто-то по-немецки.

Бёртон открыл глаза и не увидел ничего, кроме бледного отсвета бесчисленных звезд в открытом окне хижины.

Бёртон опустил глаза и увидел Питера Фрайгейта и Логу, спящих на циновках у противоположной стены. Повернул голову и взглянул на полотнище-одеяло, под которым спала Алиса, увидел белое пятно ее лица и черное облако волос, разметавшихся по циновке.

Сегодня вечером одномачтовая лодка, на которой он и трое его спутников плыли по Реке, причалила к дружественному берегу. Маленькое государство Севиерия населяли в основном англичане из шестнадцатого века, хотя их предводителем был американец, живший в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого века. Джон Севиер, основатель «потерянного штата» Франклин, впоследствии превратившегося в штат Теннесси, приветствовал Бёртона и его отряд.

Севиер и его люди отрицали рабство и не удерживали гостей дольше, чем те хотели остаться. Позволив прибывшим наполнить граали и поесть, Севиер пригласил их на вечеринку. Праздновалась годовщина Дня Воскрешения. Потом он отвел их в хижину, отведенную для приезжих.

Бёртон всегда спал тревожно, а сегодня — особенно. Другие уже давно глубоко дышали и храпели, а он только-только начинал дремать. После бесконечного кошмара он очнулся от звука голоса, казавшегося продолжением сна.

Герман Геринг, думал Бёртон. Он убил Геринга, но тот, конечно, снова живет где-то у Реки. Может быть, тот чело-

век, который теперь стонет и кричит во сне в соседней хижине, тоже жертва Геринга — земная или здешняя?

Бёртон отбросил черное полотнище, которым укрывался, и встал — неловко, но бесшумно. Запахнул килт на магнитных застежках, застегнул ремень из человеческой кожи, проверил, лежит ли в ножнах кремневый стилет. Захватив ассегай — короткую рукоять из прочного дерева с острым каменным наконечником, — он вышел из хижины.

С безлунного неба лился такой же яркий свет, как в лунную ночь на Земле. Небосвод полыхал крупными разноцветными звездами и облаками бледного космического газа.

Хижины, предназначенные для путников, стояли в полутора милях от Реки, на одном из холмов за Речной долиной. Бёртон насчитал семь одноэтажных хижин, выстроенных из бамбука и покрытых ветками и листьями. Вдалеке под громадными ветвями «железных» деревьев, под гигантскими соснами и дубами стояли другие хижины. В полумиле на вершине холма высилось большое круглое сооружение, в просторечии именуемое Круглым Домом. Там спали правители Севирии.

По берегу Реки через каждые полмили возвышались бамбуковые башни. На платформах, где стояли дозорные, высматривающие, не приближаются ли недруги, всю ночь горели факелы.

Всмотревшись повнимательнее в тени под деревьями, Бёртон подошел к той хижине, откуда доносились стоны и крики.

Приблизившись ко входу, Бёртон отодвинул в сторону травяную занавеску. Через открытое окно свет звезд падал на лицо спящего. Бёртон присвистнул от удивления, увидев светлые волосы и крупные черты знакомого молодого лица.

Бёртон, медленно ступая босыми ногами, подошел к спящему. Тот застонал, закрыл рукой лицо и повернулся на бок. Бёртон застыл, потом снова двинулся вперед. Он положил ассегай на землю, вытащил стилет и приставил острие к горлу спящего. Рука того взметнулась, глаза открылись и уставились на Бёртона. Тот зажал ладонью открывшийся рот молодого человека.

— Герман Геринг! Не двигайся и не пытайся кричать! Я убью тебя!

Светло-голубые глаза Геринга в темноте казались темными, но то, как он побледнел, было видно отчетливо. Он дернулся, попытался сесть, но тут же откинулся на спину, потому что кинжал оцарапал его горло.

— Давно ты тут? — поинтересовался Бёртон.

— Кто?.. — начал Геринг по-английски, и тут его глаза открылись еще шире. — Ричард Бёртон? Я сплю? Это ты?

Бёртон уловил в дыхании Геринга запах мечтательной резинки в смеси с запахом пота, от которого промокла циновка. По сравнению с тем, каким он был при последней встрече, немец здорово похудел.

— Не знаю, давно я здесь или нет, — ответил Геринг. — Который час?

— Остался примерно час до рассвета. Сегодня день после празднования Годовщины Воскресения.

— Значит, я тут три дня. Можно воды попить? В глотке сухо, как в саркофаге.

— Нечему удивляться. Ты и есть живой саркофаг — если пристрастился к мечтательной резинке.

Бёртон встал и указал асседам на глиняный горшок на бамбуковом столике:

— Можешь попить, если хочешь. Но не пытайся ничего предпринять.

Геринг медленно поднялся и побрел к столу.

— Я слишком слаб для того, чтобы с тобой драться, даже если бы захотел, — сказал он, жадно выпил воды и взял со столика яблоко. Откусив кусок, спросил:

— Что ты здесь делаешь? Я думал, я от тебя избавился.

— Сначала ответь на мой вопрос, да побыстрее, — отрезал Бёртон. — Ты создаешь проблемы, которые мне не по нраву, знаешь ли.

ГЛАВА 20

Геринг начал жевать, перестал, уставился на Бёртона и проговорил:

— С какой стати? Тут у меня никакой власти, да и была бы, я бы ничего с тобой сделать не смог. Я здесь просто гость. Чертовски благовоспитанные хозяева — они меня совсем не беспокоили, только время от времени интересовались, все ли со мной в порядке. Правда, не знаю, долго ли они меня потерпят при том, что я не работаю.

— Ты не выходил из хижины? — удивился Бёртон. — А кто же наполнял твой грааль? И откуда у тебя столько мечтательной резинки?

Геринг хитро усмехнулся:

— Скопил в том месте, где жил раньше. Где-то в тысяче миль отсюда по Реке.

— Без сомнения, отобрал силой у каких-нибудь бедных рабов, — заключил Бёртон. — Но если ты там так хорошо устроился, почему ушел?

Геринг расплакался. Слезы потекли по его щекам, по ключицам, на грудь, плечи его вздрагивали от рыданий.

— Я... Мне... пришлось уйти. Мне уже ничего не удавалось. Я терял власть над ними... слишком много пил, курил марихуану, жевал мечтательную резинку. Они говорили, что я слабак. Они могли убить меня и сделать рабом. Вот я и удрал как-то ночью... украл лодку. Погони не было, и я плыл, пока не добрался сюда. Часть своих запасов я уступил Севиеру за то, что он позволил мне погостить здесь две недели.

Бёртон удивленно смотрел на Геринга.

— Ты знал, что произойдет, если жевать много мечтательной резинки, — сказал он. — Ночные кошмары, галлюцинации, потеря сознания. Полное умственное и физическое истощение. Ты наверняка видел, как это происходит с другими.

— На Земле я был морфинистом! — вскричал Геринг. — Я боролся с этой привычкой и довольно надолго избавился от нее. Но потом, когда у Третьего Рейха дела пошли плохо, а у меня еще хуже — когда Гитлер стал ко мне придирааться — я снова пристрастился к наркотикам!

Он умолк, потом заговорил снова:

— Но здесь, когда я воскрес в новом молодом теле, когда мне казалось, что впереди у меня вечная жизнь и вечная молодость, когда в небесах не было строгого Бога, когда не было дьявола в аду, которые могли бы остановить меня, я решил, что могу поступать только так, как мне захочется. Я мог стать даже выше Фюрера! Та маленькая страна, где ты меня впервые увидел — это могло быть всего лишь самое начало! Я видел, как моя империя простирается на тысячи миль вверх и вниз по Реке, по обе стороны долины. Я мог стать правителем вдесятеро большего числа людей, чем то, о котором когда-либо мечтал Фюрер.

Он снова расплакался, умолк, снова попил воды и сунул в рот кусочек мечтательной резинки. Он жевал, и лицо его становилось с каждой секундой все более спокойным и благостным.

Геринг сказал:

— Мне все время видятся кошмары про то, как ты протыкаешь копьем мой живот. Когда я просыпаюсь, живот у меня болит так, словно наконечник пронзил мои кишки. И я жую резинку, чтобы избавиться от боли и унижения. Поначалу резинка помогала. Я был велик. Я был правителем мира, Гитлером, Наполеоном, Юлием Цезарем, Александром, Чингизханом — всеми сразу, воплотившимися во мне одном. Я снова возглавлял «Эскадрон Красной Смерти» фон Рихтхофена. Какие то были счастливые дни, самые счастливые во всей моей жизни! Но эйфория быстро сменялась ужасами. Я опускался в ад, я видел, как сам себя обвиняю, а за этим обвинителем — миллионы других. Не мои, а жертвы того

великого и славного героя, того тупого безумца Гитлера, которым я так восхищался. Во имя которого я совершил столько преступлений.

— Ты признаешь, что был преступником? — спросил Бёртон. — Теперь ты заговорил не так, как раньше. Тогда ты твердил, что все, что ты творил, оправданно и что тебя предали...

Бёртон умолк, поняв, что уклонился от первоначальной цели.

— То, что тебя преследуют муки совести, — почти невероятно. Но, возможно, этим и объясняется так озадачивающее пуритан появление в цилиндрах вместе с едой спиртного, табака, марихуаны и мечтательной резинки. По крайней мере, похоже, что резинка представляет собой эдакий сомнительный подарочек — ловушку для тех, кто к ней пристрастится.

Бёртон шагнул ближе к Герингу. Глаза немца были полуприкрыты, нижняя челюсть отвисла.

— Ты знаешь, кто я такой. Я путешествую под вымышленным именем, и не без причин. Помнишь Спрюса, одного из твоих рабов? После того как ты был убит, совершенно случайно его раскусили, он оказался одним из тех, кто каким-то образом воскресил все умершее человечество. Можно назвать их этиками, поскольку лучшего определения нет. Геринг, ты слушаешь?

Геринг кивнул.

— Спрюс покончил с собой прежде, чем мы успели вытянуть из него все, о чем хотели узнать. Потом в наши земли явились его соратники и на время усыпили там всех — наверное, каким-то газом — они хотели захватить меня и увести туда, где находится их штаб. Но меня они не застали. Я в это время находился в торговом походе по Реке. Когда я вернулся, я понял, что они охотились за мной, и с тех пор я в бегах. Геринг, ты меня слышишь?

Бёртон отвесил Герингу сильную пощечину. Геринг воскликнул:

— Ах! — отпрыгнул и схватился за щеку. Он выпучил глаза и скривился.

— Да слышал я все! — крикнул он. — Просто мне показалось, что отвечать толку нет. Ни в чем толку нет, разве только в том, чтобы уплыть подальше от...

— Заткнись и слушай! — приказал Бёртон. — У этиков — повсюду агенты, которые меня разыскивают. И я не могу позволить тебе остаться в живых, понимаешь? Я не могу тебе доверять. Даже если бы ты был мне другом, я не смог бы тебе доверять. Ты — «резиночник»!

Геринг хихикнул, шагнул к Бёртону и попытался обнять его за шею.

Бёртон оттолкнул его так сильно, что тот налетел на столик и не упал только потому, что успел ухватиться за его край.

— Как интересно,— пробормотал Геринг. — В тот день, когда я добрался сюда, какой-то человек спросил, не видел ли я тебя. Подробно описал тебя и назвал твое имя. Я ему сказал, что отлично тебя знаю — даже слишком — и что я надеюсь, что больше никогда тебя не увижу, разве только тогда, когда ты будешь в моей власти. А он сказал, что в долгу не останется.

Бёртон не стал терять времени. Он бросился к Герингу и схватил его обеими руками. Руки у Бёртона были маленькие и нежные, но Геринг скривился от боли.

— Чего ты хочешь? — проговорил он. — Снова хочешь убить меня?

— Нет, если ты назовешь мне имя человека, который спрашивал обо мне. Иначе...

— Давай, убей меня! — крикнул Геринг. — И что? Я очнусь в другом месте, за тысячи миль отсюда, где ты меня не достанешь!

Бёртон указал на бамбуковую коробку, стоявшую в углу хижины. Он уже догадался, что там Геринг хранит свои запасы мечтательной резинки.

— Но ты очнешься, не имея вот этого! Где ты столько быстро разбудишься?

— Будь ты проклят! — воскликнул Геринг и попытался вырваться и дотянуться до коробки.

— Назови его имя! — велел Бёртон. — Или я отберу резинку и швырну ее в реку!

— Агню. Роджер Агню. Он живет в хижине рядом с Круглым Домом.

— С тобой я попозже разделаюсь, — буркнул Бёртон и врезал Герингу по шее ребром ладони.

Обернувшись, он увидел, что около входа в хижину притаился какой-то человек. Тот тут же метнулся прочь. Бёртон бросился за ним, и через минуту оба уже бежали среди высоченных сосен и дубов на холмах. Преследуемый исчез в высокой траве.

Бёртон замедлил шаг, заметил белое пятно — отблеск звездного света на голой коже — и бросился за беглецом. Он надеялся, что этот этик не убьет себя сразу, поскольку хотел вытянуть у того информацию, если удастся сразу одолеть его. Бёртон собирался применить гипноз, но сначала нужно было изловить противника. Возможно, у этого человека имелось какое-то устройство, вживленное в тело, с помощью которого

он уже сейчас связался со своими соратниками — кто бы Они ни были. Если так, Они явятся сюда в своих летающих машинах, и тогда ему конец.

Бёртон остановился. Он потерял беглеца, и теперь оставалось единственное: разбудить Алису, Фрайгейта и Логу и бежать. Может быть, на этот раз им стоит уйти в горы и на время спрятаться там.

Но прежде всего он должен был сходить в хижину Агню. Вряд ли он там, но посмотреть стоит.

ГЛАВА 21

Бёртон добрался до хижины как раз вовремя, чтобы заметить, как туда проскользнул человек. Бёртон обошел хижину с той стороны, где его скрывали тени деревьев. Пригнувшись, он бегом добрался до входа.

Откуда-то сзади донесся крик. Бёртон обернулся и увидел, что к нему ковыляет Геринг. Он кричал по-немецки, чтобы предупредить Агню о том, что Бёртон рядом. В руках он сжимал длинное копье, нацелив его в англичанина.

Бёртон развернулся и вбежал в хижину, выбив плечом висевшую на деревянных петлях дверь. Дверь повалилась внутрь и ударила Агню, который стоял прямо за ней. Бёртон, дверь и Агню упали на пол, и дверь накрыла Агню.

Бёртон скатился с двери, вскочил и снова прыгнул на дверь обеими ногами. Агню вскрикнул и тут же умолк. Бёртон отбросил дверь в сторону и увидел, что его жертва без сознания. Отлично! Теперь, если на шум не прибежит стража и если ему удастся быстро разделаться с Герингом, он сможет осуществить свой план.

Бёртон обернулся как раз вовремя. Он отпрыгнул в сторону, и копье, чавкнув, вонзилось в земляной пол хижины. Древко дрожало, словно хвост гремучей змеи, готовящейся к нападению.

Бёртон шагнул к дверному проему, прикинул, где может находиться Геринг, и нанес удар. Его асседай угодил тому в живот. Немец раскинул руки, вскрикнул и повалился на бок. Бёртон взвалил на плечо безжизненное тело Агню и вынес из хижины.

Со стороны Круглого Дома доносились крики. Пылали факелы, на ближайшей сторожевой вышке вопил дозорный. Геринг сидел на земле, скорчившись, и сжимал руками рану.

Широко раскрыв рот, он глянул на Бёртона и воскликнул: — Ты снова сделал это! Ты...

Он упал ничком, из глотки его донеслось предсмертное клототание.

К Агню вернулось сознание. Он вывернулся и упал на землю. В отличие от Геринга, он вел себя тихо. У него были такие же причины не шуметь, как у самого Бёртона — их даже было, пожалуй, больше. Бёртон так удивился, что застыл на месте, сжимая в руке набедренную повязку Агню. Он уже собрался было швырнуть ее на землю, но что-то в структуре ткани показалось ему странным, и он, переложив тряпку в левую руку, выдернул из трупа Геринга ассегай и бегом бросился следом за Агню.

Этик прыгнул в одно из стоявших у берега бамбуковых каноэ. Он отчаянно греб, озаренный светом звезд, непрерывно оглядываясь назад. Бёртон поднял ассегай над плечом и бросил. Ассегай — короткое оружие с толстой рукояткой, предназначенное для ближнего боя — словом, не дротик. Но оно полетело по прямой и вонзилось прямехонько в спину Агню. Этик упал лицом вперед и перевернул своим весом легкую лодочку. Она всплыла дном вверх. Агню на поверхности не появился.

Бёртон выругался. Он хотел захватить Агню живым и уж во всяком случае не позволить этику улизнуть. Не исключалось, что Агню еще не успел ничего сообщить другим этикам.

Бёртон повернул к гостевым хижинам. На берегу били барабаны, люди с зажженными факелами спешили к Круглому Дому. Бёртон остановил женщину и спросил, не может ли она одолжить ему на время факел. Женщина факел дала, но засыпала Бёртона вопросами. Он ответил, что, насколько понимает, напали чоктавы с противоположного берега. Женщина стремглав бросилась к толпе, собирающейся около укрепления.

Бёртон воткнул факел в мягкую почву берега и рассмотрел полотнище, сорванное с Агню. С внутренней стороны он нащупал плотный квадрат, удерживаемый двумя тоненькими магнитными полосками, легко поддавшимися. Бёртон вынул из-за подкладки предмет и рассмотрел его при свете факела.

Долго-долго он сидел на корточках, не в силах оторвать глаз от того, на что смотрел, не в силах совладать с почти парализовавшим его удивлением. О фотографии в этом мире, где не было никаких фотоаппаратов, никто слыхом не слыхивал. Но еще более невероятным было то, что снимок, на котором он узнал себя, был сделан не на этой планете! Он должен был быть сделан на Земле, на той Земле, которой теперь не существовало, которая затерялась среди бесчисленных звезд в сверкающем небе, и одному только Богу известно, сколько с тех пор минуло лет.

Невероятное на невероятном и невероятным погоняет! Однако снимок был сделан при обстоятельствах, когда —

Бёртон был уверен в этом — на него никто не направлял камеру. Усов не было, но ретушер не позаботился о том, чтобы подрисовать другие фон и одежду. Вот он, неопостижимым образом заснятый выше пояса и заключенный в плоский листок какого-то материала. Плоский! Бёртон чуть повернул квадратик и увидел собственный профиль. Держа снимок почти под прямым углом, он видел собственное изображение с разворотом в три четверти.

— В тысяча восемьсот сорок восьмом, — пробормотал еле слышно Бёртон. — Мне тогда было двадцать семь, и я служил субалтерном в Восточноиндийской армии. А это синие горы Гоа. Наверное, это заснято во время моего выздоровления. Но, Боже, как? Кем? И откуда этот снимок теперь у этиков?

Агню, видимо, носил фотографию с собой, чтобы узнать Бёртона. Наверное, такие есть у всех, кто за ним охотится, спрятанные в повязках. Вверх и вниз по Реке — они ищут его, их, может быть, тысячи, а может быть, десятки тысяч. Кто знает, сколько у Них агентов, и как отчаянно они хотят найти его, и зачем они так хотят его найти?

Убрав фотографию обратно в повязку, Бёртон повернул к хижине. Но в этот миг взгляд его упал на вершины гор — на неприступные высоты, замыкавшие долину Реки с обеих сторон.

Он увидел какую-то вспышку на фоне яркого полотна космического газа. Она сверкнула на миг и угасла.

Минуло еще несколько секунд, вспышка снова появилась, осветила темный полусферический объект и снова угасла.

Второй летающий объект показался на краткое мгновение, исчез, снова появился ниже и снова исчез, так же как и первый.

Этики заберут его, утащат, а люди из Севиерии будут гадать, отчего это они так крепко проспали пару часов.

У Бёртона не было времени возвращаться в хижину и будить остальных. Промедли он хоть мгновение, его схватят.

Он развернулся, бросился в Реку и поплыл к другому берегу, до которого было полторы мили. Но не успел он проплыть и сорока ярдов, как почувствовал, что над ним висит что-то громадное. Бёртон перевернулся на спину и посмотрел вверх. Он увидел только мягкий свет звезд. А потом прямо из воздуха, в пятидесяти футах над ним, возник диск диаметром примерно в шестьдесят футов и заслонил небо. Он появился внезапно, исчез так же неожиданно и снова возник, теперь уже в двадцати футах над Бёртоном.

Значит, Они располагали какими-то устройствами наблюдения на расстоянии и заметили его бегство.

— Шакалы! — крикнул Бёртон неизвестно кому. — Все равно вы меня не получите!

Он изогнулся, нырнул и поплыл в глубину. Вода стала холоднее, заболели барабанные перепонки. Глаза Бёртона были открыты, но он ничего не видел. Вдруг его толкнула в спину вода, и он догадался, что давление вызвано перемещением крупного предмета.

Судно погружалось за ним следом.

Выход оставался единственный. Они получают его мертвое тело, и все. Тогда он снова сможет ускользнуть от Них, ожить где-нибудь у Реки, в другом месте, и снова перехитрит их, а потом нанесет им ответный удар.

Бёртон открыл рот и втянул воду ртом и носом.

Вода попала в легкие, и он начал задыхаться. Только сильнейшим усилием воли он заставил себя не сомкнуть губы и не пытаться бороться со смертью, забиравшей его. Он понимал умом, что будет жить снова, но этого не понимали клетки его тела. Они именно сейчас мучительно хотели жить, сейчас, а не в том будущем, которое видел разум. И они вырвали из его заполненного водой рта крик отчаяния.

ГЛАВА 22

— Йя-а-а-а-а-а!

От крика Бёртон подскочил на траве, словно подброшенный пружиной. В отличие от первого раза, когда он воскрес, он не был ни слаб, ни напуган. Он знал, чего ожидать. Он должен был очнуться на травянистом берегу Реки неподалеку от питающего камня. Но вот к чему он не был готов, так это к битве гигантов рядом с собой.

Первая мысль была такая: найти оружие. Но под рукой не оказалось ничего, кроме грааля, который всегда сопровождал воскрешаемых, да стопки полотнищ различных размеров, цветов и плотности. Бёртон сделал шаг, ухватил цилиндр за ручку и подождал. Если придется, воспользуется граалем как дубинкой. Он легкий, но практически неразрушимый и очень прочный.

Однако чудовища вокруг имели вид такой, словно собирались драться, как ни в чем не бывало, весь день напролет.

Большей частью они были ростом футов в восемь, а некоторые — и повыше девяти. Их мускулистые плечи были шириной больше трех футов. Тела у гигантов были человеческие, или почти человеческие, а белую кожу покрывали длинные рыжеватые и коричневатые волосы. Они не были такими волосатыми, как шимпанзе, но намного более заросшими, чем любой из людей, до сих пор встречавшихся

Бёртону. А он знал некоторых исключительно волосатых мужчин.

А вот физиономии у дерущихся были нелюдские и страшноватые, особенно потому, что все были искажены яростью. Ниже невысокого лба находился костный выступ, образующий вокруг каждого глаза букву «О». Хотя глаза у волосатиков были такие же большие, как у Бёртона, они казались маленькими на широкоскулых физиономиях. Скулы выступали вперед и резко уходили вглубь. Здоровенные носы делали гигантов похожими на обезьян с хоботами.

В другое время они непременно позабавили бы Бёртона. Но не теперь. Рев, вырывавшийся из грудных клеток существ покрупнее горилл, был низким, как львиный, а здоровенные зубищи заставили бы даже медведя-кодыяка крепко призадуматься, прежде чем напасть на такое страшилище. Кулачищи чудищ, огромные, как их головы, сжимали дубины размером с оглоблю и каменные топоры. Они размахивали оружием, и когда оно попадало в цель, слышался хруст костей, словно падали деревья. Бывало, и дубины ломались.

Бёртон улучил момент и огляделся. Солнце только наполовину поднялось из-за гор на противоположном берегу Реки. Воздух оказался намного холоднее, чем когда-либо за все время, что Бёртон находился на этой планете. Такую прохладу он чувствовал только тогда, когда пробовал взобраться на неприступный горный хребет.

И тут один из вышедших победителем в очередной схватке оглянулся в поисках очередного врага и увидел его.

Глаза его раскрылись шире. Секунду он выглядел таким же напуганным, как Бёртон, когда только-только очнулся. Может быть, гигант никогда не видел существа, подобного Бёртону — так же как Бёртон не видел таких, как он. Если так, то он недолго предавался изумлению. Он взревел, перепрыгнул через распростертое на траве тело пораженного им врага и помчался к Бёртону, размахивая топором, которым можно было бы укокошить слона.

Бёртон тоже побежал, не выпуская из руки грааля. Потеряй он его, и ему пришлось бы туго. Без цилиндра придется голодать или прозябать, питаясь рыбой или бамбуковыми ростками.

Ему почти повезло. Бёртон изловчился и проскользнул между двумя гигантами, ухватившими друг друга за плечи и пытавшимися повалить один другого; еще один удирал, осыпаясь градом ударов дубины четвертого. И когда Бёртон уже почти удрал, двое борцов повалились наземь, подмяв его под себя.

Бёртон бежал достаточно быстро и прямо под чудищ не угодил, но отброшенная в сторону ручища одного из них

ударила его под колено. Удар оказался настолько сильным, что ногу Бёртона прижало к земле, и он рухнул на колени, потом упал ничком и застонал. Кость у него, видимо, была сломана, а мышцы порваны.

И все-таки он пытался встать и добраться до Реки, пусть даже ползком. Доберется — сможет поплыть, если только не потеряет сознания от боли. Бёртон прыгнул пару раз на правой ноге, но добился только того, что его схватили сзади.

Он взлетел в воздух, перевернулся, но гигант поймал его еще до того, как он начал падать.

Чудище держало его в вытянутой руке — могучие громадные пальцы сомкнулись на груди Бёртона. Бёртон задыхался. Ребра вот-вот готовы были провалиться внутрь грудной клетки.

И все-таки он не выронил грааль и ударил им по плечу гиганта.

Небрежно, словно смахнув надоедливую муху, гигант тукнул по металлическому цилиндру топором, и тот выпал из руки Бёртона.

А великан ухмыльнулся и согнул руку, чтобы поднести Бёртона поближе. Бёртон весил сто восемьдесят фунтов, а рука великана даже не дрогнула от напряжения.

Мгновение Бёртон смотрел прямо в бледно-голубые глаза, утонувшие в круглых костяных впадинах. Нос чудовища представлял собой один огромный кровоподтек. Губы великана выпячивались из-за выпирающих массивных челюстей, а не из-за того, как поначалу думал Бёртон, что у великанов такие мясистые губы.

Потом гигант взревел и поднял Бёртона над головой. Бёртон принялся колотить его по ручище кулаками, зная, что толку от этого никакого, но ему все равно не хотелось сдаваться, как какому-нибудь пойманному кролику. Но, колотя по руке великана, он кое-что заметил.

Солнце над горами только-только начинало вставать, когда он пришел в себя. И хотя с того момента как он вскочил на ноги, прошло всего несколько минут, солнце уже, по идее, должно бы было выйти из-за гор. Этого не произошло. Солнце находилось на той же высоте, на какой его в первый раз увидел Бёртон.

Кроме того, уходящий вверх отрезок долины был виден на протяжении примерно четырех миль. Питающий камень неподалеку был последним. Дальше были только долина и Река.

Там был конец пути — или начало Реки.

У Бёртона не было ни времени, ни желания думать о том, что это означает. Он только отметил эти факты, борясь с болью, гневом и страхом. И тут великан, уже приготовив-

шийся размахнуться топором и раскроить череп Бёртона, вздрогнул и взвизгнул. Для Бёртона это прозвучало, как свисток локомотива над самым ухом. Хватка пальцев гиганта ослабла, и Бёртон свалился на землю. На миг он потерял сознание от боли в ноге.

Придя в себя, он стиснул зубы, чтобы снова не закричать. Он застонал и сел, и от жгучей боли в ноге у него потемнело в глазах. Кругом кипела битва, но он находился в более или менее спокойном месте. Около него валялось тело гиганта размером со ствол здорового дерева — того самого гиганта, что собирался разделаться с Бёртоном. Его затылок, настолько прочный, что мог бы выдержать удар тарана, был проломлен.

А рядом со слоноподобным трупом великана скрючился на четвереньках человек. Увидев его, Бёртон на миг забыл о боли. Этот жутко израненный человек был не кто иной, как Герман Геринг.

Их обоих воскресили в одном и том же месте. Не было времени гадать, что значило это совпадение. Боль возвращалась. Да еще и Геринг подал голос.

Правда, нег, хоже было, что он способен сказать много и что у него остается время на разговоры. Весь он был залит кровью. Правый глаз отсутствовал. От угла рта до уха щека оказалась порвана. Одна рука разможена. Сквозь порванную кожу торчало ребро. Как только он еще был жив, да еще и полз, было выше понимания Бёртона.

— Ты... ты! — хрипло прошептал Геринг по-немецки и потерял сознание. Из рта его фонтаном хлынула кровь и залила ноги Бёртона. Единственный глаз Геринга остекленел.

Бёртон гадал, узнает ли он когда-нибудь, что хотел сказать Геринг. Но вряд ли это имело значение. Ему надо было подумать о более важных вещах.

Примерно в десяти ярдах спинами к нему стояли два великана. Оба тяжело дышали — видимо, устроили передышку перед тем, как снова ринуться в бой. А потом один заговорил с другим.

Сомнений быть не могло. Великан издавал членораздельные звуки. Он пользовался речью.

Бёртон не понимал ни слова, но сознавал, что это — речь, язык. И ему вовсе не нужно было слушать, как другой великан ответит первому упорядоченным набором слогов, чтобы утвердиться в своей догадке.

Итак, перед ним находились не доисторические обезьяны, а какой-то вид древних людей. Видимо, о них ничего не знали ученые двадцатого века, поскольку Фрайгейт рассказал ему обо всех находках, сделанных до две тысячи восьмого года.

Бёртон лег, прислонившись спиной к боку поверженного гиганта, брезгливо отбросив с лица налипшие длинные рыжие потные шерстинки.

Он боролся с тошнотой и болью в стопе и порванных мышцах голени. Если он будет шевелиться и шуметь, он может привлечь внимание этих двоих, и тогда они завершат дело, начатое убитым. Ну и что, если так? С такими ранами, в стране, где жили такие чудища — каковы были шансы остаться в живых?

Но мучительнее дикой боли в стопе была мысль о том, что в первом же путешествии, которое он про себя окрестил «Самоубийственным Экспрессом», он добился цели.

На самом деле попасть в эти края у него был один шанс на миллион, и это могло ему не удалиться, тонй он хоть десять тысяч раз. И все же фортуна оказалась на редкость благосклонна к нему. Такое, может быть, снова не повторится никогда. И вот-вот он мог потерять то, к чему так стремился.

Солнце, наполовину показавшись из-за гор, двигалось вдоль хребтов по другую сторону Реки. То самое место, о существовании которого он догадывался. И он сразу попал сюда. А теперь зрение его меркло, и боль уходила, и он знал, что умирает. И в слабости были повинны не размозженные кости ступни. Видимо, началось внутреннее кровотечение.

Бёртон снова попробовал подняться. Он встанет, пусть даже на одной ноге, и покажет кулак насмешнице-судьбе и проклянет ее. Он умрет с проклятием на губах.

ГЛАВА 23

Алое крыло зари нежно коснулось его век.

Он поднялся на ноги, понимая, что раны его залечены и он снова целехонек, хотя поверить в это было трудно. Рядом с ним стоял цилиндр и лежало несколько сложенных стопкой полотнищ различных размеров, цветов и плотности.

А в двадцати футах от него из зеленой травы поднимался другой мужчина, тоже обнаженный. Бёртон похолодел. Светлые волосы, широкое лицо и светло-голубые глаза — Герман Геринг.

Немец удивился не меньше Бёртона. Заговорил он медленно, словно спросонья:

— Что-то тут здорово не так.

— Да, правда, что-то погано, — согласился Бёртон. О системе воскрешения у Реки он знал не больше других. Сам он процесса воскрешения никогда не наблюдал, но слышал, как его описывали те, кто видел. На заре, как только солнце поднималось над неприступными горами, в воздухе неподалеку

от питающего камня возникало мерцание. В мгновение ока в этом месте происходило уплотнение, и ниоткуда на траве появлялось обнаженное тело мужчины, женщины или ребенка. И рядом с новоявленным «Лазарем» всегда оказывался новенький грааль и стопка полотнищ ткани.

На протяжении десяти—двадцати миллионов миль долины Реки, где обитало тридцать пять—тридцать шесть миллиардов человек, умирало в день не меньше миллиона. Никаких заболеваний, правда, кроме душевных, пока замечено не было, но, хотя статистика и отсутствовала, миллион людей, видимо, погибал ежедневно в мириадах войн, которые вел сонм маленьких государств, на почве ревности, от самоубийств, за счет казней преступников и от несчастных случаев. Происходило устойчивое и многочисленное передвижение тех, кто подвергался, как это теперь называли, «малому воскрешению».

Но Бёртон еще ни разу не слышал, чтобы двое умерших в одном и том же месте в одно и то же время воскрешались одновременно и вместе. Процесс выбора места для начала новой жизни был случайным — по крайней мере, так он считал.

Одно подобное совпадение, конечно, могло произойти, хотя его вероятность составляла невообразимо малую величину. Но два таких случая, причем друг за другом, — это уже чудо.

Бёртон не верил в чудеса. Никогда не происходило ничего такого, чего нельзя было бы объяснить на основании физических законов — если ты знал все факты.

Фактов Бёртон не знал, поэтому ломать себе голову над «совпадением» сейчас смысла не имело. Ответа требовал другой вопрос. А именно: что делать с Герингом?

Этот человек знал Бёртона и мог выдать любому этику, разыскивающему его.

Бёртон быстро огляделся по сторонам и заметил приближающихся мужчин и женщин, настроенных, судя по всему, дружелюбно. Пора было обменяться с немцем парой слов.

— Геринг, я могу убить тебя или себя. Но я не хочу ни того ни другого — по крайней мере, пока. Ты знаешь, чем ты для меня опасен. Рисковать с тобой нельзя, подлая гиена. Но что-то в тебе есть такое, к чему я не могу притронуться.

Геринг, обладавший потрясающей живучестью, похоже, понемногу оправлялся от потрясения. Он противно ухмыльнулся и сказал:

— А я тебя врасплох застал, верно?

Но, заметив, как Бёртон оскалился, Геринг поспешно поднял руку и сказал:

— Но я клянусь, что не выдам тебя никому! И вообще не сделаю тебе ничего плохого! Мы, может быть, не приятели, но по крайней мере знали друг друга, и мы в чужой стране. Приятно видеть рядом знакомое лицо. Я знаю, что слишком долго страдал от одиночества, от опустошения души. Я думал, что сойду с ума. Отчасти поэтому я и жевал мечтательную резинку. Поверь мне, я тебя не предаю.

Бёртон ему не поверил, но решил, что некоторое время ему можно доверять. Герингу нужен потенциальный союзник, как минимум до тех пор, пока он разберется, что за люди живут в этих краях, и поймет, на что способен или не способен. И потом, может быть, Геринг переменялся к лучшему.

«Нет, — сказал себе Бёртон. — Нет. Ты опять за свое. На словах — циник, а вечно всем все готов простить, готов плюнуть на нанесенное тебе оскорбление и дать оскорбителю еще один шанс. Не обманись снова, Бёртон».

Три дня спустя он все еще сомневался насчет Геринга.

Бёртон представился Абдулом ибн Гаруном, жителем Каира из девятнадцатого века. У него был целый ряд причин для такого маскарада. Прежде всего — он прекрасно говорил по-арабски, знал каирский диалект тех времен и вдобавок мог покрыть голову тюрбаном, свернутым из полотнища ткани. Он надеялся, что это поможет ему изменить внешность. Геринг никому ни слова не сказал о том, что все это — камуфляж. Бёртон в этом не сомневался, поскольку большую часть времени они с Герингом проводили бок о бок. Они разместились в одной хижине на то время, пока привыкали к местным установлениям и проходили испытательный срок. В частности — занимались усиленной военной подготовкой. Бёртон считался одним из лучших фехтовальщиков девятнадцатого века и, кроме того, знал все тонкости боя с оружием и голыми руками. Продемонстрировав свои способности в ряде испытаний, он заработал предложение стать новобранцем. На самом деле ему даже пообещали произвести его в инструкторы, как только он как следует выучит местный язык.

Геринг почти так же быстро завоевал уважение местных жителей. Сколько бы ни было у него недостатков, в мужестве ему отказать было нельзя. Он был физически силен и ловок, обаятелен и приятен, когда это помогало ему в достижении целей, и не отставал от Бёртона в изучении языка. Ему удавалось быстро завоевывать власть и пользоваться ею, как и подобало бывшему рейхсмаршалу гитлеровской Германии.

Этот участок западного побережья населяли люди, говорящие на языке, Бёртону совершенно неизвестном, хотя он слыл полиглотом и на Земле, и в мире Реки. Выучив

достаточно слов, чтобы иметь возможность задавать вопросы, он понял, что здешние жители обитали где-то в Центральной Европе в раннем бронзовом веке. У них были довольно странные обычаи, одним из которых являлось публичное совокупление. Это представлялось Бёртону чрезвычайно интересным. Он в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году основал в Лондоне Королевское антропологическое общество и повидал много дикиноков во время странствий по Земле. Участвовать в этом ритуале он не участвовал, но и шокирован не был.

А вот другую традицию он принял с радостью — обычай подрисовывать усы и бороды. Мужчины сопротивлялись тому, что Воскресители навсегда лишили их растительности на лице вместе с крайней плотью. С последним оскорблением личности они ничего поделать не могли, но до некоторой степени могли исправить другое упущение. Они раскрашивали подбородки и место над верхней губой темной жидкостью, изготовленной из измельченного древесного угля, рыбьего клея, дубового танина и еще нескольких ингредиентов. Более терпеливые пользовались этим красителем для татуировки и подвергались долгой и болезненной процедуре, производимой с помощью острой бамбуковой иглы.

Теперь Бёртон был вдвойне замаскирован, однако судьба его зависела от милости человека, способного предать его при первой возможности. Он был не против того, чтобы привлечь внимание этиков, но не хотел, чтобы этики поняли, кто он такой.

А еще Бёртон желал быть уверенным в том, что ему удастся улизнуть, пока его не обставят ловчими сетями. Он вел опасную игру — все равно что идти по туго натянутому канату над стаей голодных волков, — но Бёртону это нравилось. Убежать он мог только тогда, когда это станет совершенно необходимым. А пока же он будет жертвой, охотящейся за охотником.

Но мысли его не покидало видение Туманной Башни и Великого Грааля. Зачем играть в «кошки-мышки», когда он мог пойти на штурм замка, в котором, как он предполагал, находилась штаб-квартира этиков? Ну, пускай не на штурм, пускай он прокрадется в Башню, проберется туда так, как мышь пробирается в дом — или в крепость. И пока кошки будут искать в другом месте, мышь сможет обратиться в тигра.

Когда к Бёртону приходили такие мысли, он смеялся и зарабатывал недоуменные взгляды двоих сожителей по хижине — Геринга и англичанина из семнадцатого века, Джона Коллопа. А смеялся он потому, что сам себе казался почти смешон в роли тигра. С какой только стати он считал, что

ему, одному-единственному человеку, под силу чем-то повредить тем, кто способен изменять планеты, воскрешать миллиарды мертвых, питать и поддерживать тех, кто вернулся к жизни? Бёртон сжимал руки и знал, что в них и внутри того мозга, что ими управлял, заключено поражение этиков. Что за опасность пряталась внутри его — этого он не знал. Но Они боялись его. Если бы только он мог понять почему.

Но смеялся над собой он только отчасти. Другая его половина верила в то, что он — тигр среди людей. *«Каким человек себя считает, таков он и есть»*, — бормотал Бёртон.

— Странно ты смеешься, друг мой, — сказал как-то Коллоп. — Что-то у тебя в смехе женское для такого мужественного человека. Похоже на... будто брошенный камень скользит по поверхности замерзшего озера. Или на лай шакала.

— Есть во мне что-то от шакала и гиены, — согласился Бёртон. — Так утверждали мои враги — и они были правы. Но во мне есть нечто большее.

Он встал с постели и принялся разминать затекшие за ночь мышцы. Через несколько минут он отправится вместе с остальными к питающему камню на берег Реки и заправит цилиндр. Потом настанет час обхода территории. Потом — муштра, потом обучение владению копьем, дубинкой, пращей, обсидиановым мечом, луком и стрелами, каменным топором, обучение рукопашному бою. Час на отдых и разговоры за вторым завтраком. Потом — час обучения языку. Два часа тяжелой работы по строительству укреплений на границах маленького государства. Полчаса отдыха, а потом обязательный забег на милю для укрепления здоровья. Потом — обед из заправленного грааля, потом — свободный вечер для всех, кроме тех, кому предстоял дозор или другие обязанности.

Подобного распорядка придерживались в крошечных государствах вверх и вниз по Реке. И почти везде человечество либо вело войны, либо к ним готовилось. Люди должны были держать себя в форме и знать, как драться на славу. Кроме того, муштра обеспечивала занятость населения. Как бы ни была монотонна жизнь по законам военного времени, она все равно была лучше, чем праздное сидение на месте и размышления о том, чем бы заняться. Отсутствие забот о хлебе насущном, покупке земли, уплате налогов, мелочных хлопот и обязанностей, которые наполняли жизнь людей на Земле и от которых они там страдали, нельзя было назвать благословенным. Шла постоянная борьба с бездельем, и руководители всех государств стремились придумать, чем занять свой народ.

В долине Реки должен был бы возникнуть рай, а шла война, война, война. И если отвлечься от мелочей, то война,

по мнению некоторых, была здесь хороша! Она придавала жизни смысл и отвлекала от скуки. Злоба и агрессивность человека приобретали ценность.

После обеда все мужчины и женщины были вольны заниматься, чем их душе угодно, лишь бы только не нарушали местных законов. Можно было менять сигареты и спиртное из своего грааля, или рыбу, пойманную в Реке, на лучший лук и стрелы, щиты, миски и чашки, столы и стулья, бамбуковые флейты, глиняные дудки, барабаны, обтянутые человеческой кожей или рыбьей шкурой, редкие камни (которые действительно попадались редко), ожерелья из красиво обточенных и раскрашенных костей глубоководных рыб, из яшмы или резного дерева, на обсидиановые зеркала, сандалии и туфли, рисунки древесным углем, на редкую и дорогую бамбуковую бумагу, чернила и перья из рыбьих костей, шляпы из длинной и крепкой травы, растущей на холмах, на арфы из дерева со струнами, изготовленными из кишок «рыбы-дракона», на дубовые колечки для пальцев рук и ног, на глиняные статуэтки и другие вещи, полезные или красивые.

А потом, естественно, наступало время любви, которой Бёртон и его товарищи по хижине пока были лишены. Только тогда, когда их станут считать полноценными гражданами, им позволят перебраться в отдельные жилища и жить с женщинами.

Джон Коллоп был невысоким хрупким юношей с длинными соломенными волосами, узким и симпатичным лицом и большими синими глазами, обрамленными очень длинными, загибающимися кверху черными ресницами. Во время первого разговора с Бёртоном он представился и сказал:

— Я явился из мрака материнской утробы — откуда же еще? — на свет Божий на Земле в тысяча шестьсот двадцать пятом году. Слишком скоро я снова сошел во мрак утробы Матери-Природы, веря в воскрешение и, как видите, не разочаровался. Хотя я должен признаться, что эта загробная жизнь не такова, о какой мне говорили мои наставники. Но ведь как они могли знать истину, бедняги, слепцы, поводыри слепцов?

Довольно скоро Коллоп признался Бёртону, что был членом Церкви Второго Шанса.

Бёртон удивленно вздернул брови. Он встречал приверженцев этой новой религии во многих местах на берегах Реки. А Бёртон, сам будучи неверующим, почитал своим долгом изучать со всем тщанием любые верования. Узнай веру человека — и можешь считать, что ты его знаешь хотя бы наполовину. Узнай, кто его жена, — и будешь знать о нем все остальное.

У Церкви имелось несколько несложных догматов, некоторые из которых основывались на фактах, но большая часть — на надежде и желании. В этом она ничем не отличалась от религий, народившихся на Земле. Однако адепты Второго Шанса имели одно преимущество перед последователями любой из земных религий — они без труда могли доказать, что мертвый человек воскресает — и не раз.

— Но почему человечеству был дан Второй Шанс? — спрашивал Коллоп негромким серьезным голосом. — Разве оно это заслужило? Нет. За редким исключением люди глупы, ничтожны, мелки, злонамеренны, узколобы, безмерно эгоистичны, сварливы и отвратительны. От взгляда на них богов — или Бога — должно бы тошнить. Но в этой божественной блевотине должен содержаться сгусток сострадания, да простится мне такое сравнение. Человек, как бы низок он ни был, содержит внутри серебряный стержень божественности. То, что человек создан по образу и подобию Божьему, не пустые слова. В самом худшем из нас есть нечто, за что он достоин спасения, кроха, из которой можно создать нового человека.

Кто бы ни был тот, кто дал нам новую возможность спасти наши души, — он знает правду. Нас поместили на эту планету, в долину этой Реки, под чужие небеса, для того, чтобы мы спаслись. Но сколько у нас времени для этого, не знаю ни я, ни глава Церкви. Может быть, вечность, а может быть, всего сто лет или тысяча. Но мы должны использовать все время, которое нам отпущено, друг мой.

Бёртон возразил:

— Но разве тебя не принесли в жертву на алтаре Одина норвежцы, исповедующие древнюю религию, хотя этот мир — вовсе не Валгалла, обещанная их жрецами? Разве тебе не кажется, что ты понапрасну терял время, умоляя их о пощаде и проповедуя свою веру? Они верят во все тех же древних богов, и теология их изменилась только в том, что они чуть-чуть приспособили ее к здешним условиям — так же как ты цепляешься за свою веру.

— У норвежцев нет объяснения тому, почему они попали в новую жизнь, — ответил Коллоп, — а у меня есть. У меня есть разумное объяснение, и его со временем воспримут норвежцы и станут верить в него так же преданно, как верю я. Меня они убили, но придет другой миссионер, обладающий лучшим даром убеждения, и станет говорить с ними, пока они не уложат его в деревянные объятия своего деревянного идола и не проткнут ему сердце. Если и *он* не убедит их, убедит *следующий* миссионер.

На Земле церковь росла на крови мучеников. Здесь это еще справедливее. И если ты убиваешь человека для того, чтобы заткнуть ему рот, он воскресает вновь в другом месте у Реки. И человек, которого убили в сотнях тысяч миль отсюда, приходит, чтобы сменить предыдущего мученика. В конце концов Церковь победит. И тогда люди прекратят эти бесполезные человеконенавистнические войны и вернуться к настоящему делу — единственному настоящему делу, делу обретения спасения.

— То, что ты говоришь о мучениках, имеет смысл лишь для тех, кто достиг просветления, — возразил Бёртон. — Грешник, которого убили, тоже воскресает, чтобы творить зло в другом месте.

— Добро победит, истина всегда одерживает верх, — упрямо проговорил Коллоп.

— Вот уж не знаю, много ли где ты побывал на Земле и долго ли прожил, — буркнул Бёртон, — но, видно, и того и другого тебе не хватило, раз ты так слеп. Мне лучше знать.

Коллоп гнул свое:

— Церковь стоит не только на одной вере. Она располагает многими фактами и вещественными доказательствами, на которых основывает свое учение. Скажи мне, друг мой Абдул, слышал ли ты когда-нибудь о том, чтобы кто-то воскрес мертвым?

— Парадокс! — воскликнул Бёртон. — Как это понимать — «воскрес мертвым»?

— Отмечено три достоверных случая и еще четыре, о которых Церкви известно понаслышке. Речь идет о мужчинах и женщинах, которые были убиты в одних местах у Реки и перенесены в другие. Как ни странно, тела их были восстановлены, но мертвы. Ну, и почему же это произошло?

— Даже представить себе не могу! — воскликнул Бёртон. — Это ты мне скажи. Я слушаю, поскольку ты говоришь вполне авторитетно.

На самом деле он очень даже мог себе это представить, поскольку слышал этот рассказ в других местах. Но ему хотелось установить, сходится ли рассказ Коллопа с рассказами прочих.

Все сошлось, и даже имена «мертвовоскресших». Рассказ утверждал, что опознали их те, кому они были знакомы по Земле. Все эти люди были если не святыми, то праведниками, а один из них на Земле был канонизирован. Предположение же высказывалось такое: они достигли состояния святости, при котором отпадала необходимость проходить через «чистище» Речной планеты. Их души «ушли»... куда-то, а лишний груз тел остался на земле у Реки.

«Скоро», говорила Церковь, «больше людей достигнет такого состояния». И их тела будут оставаться на планете. Постепенно, через долгое время планета станет необитаемой. Все откажутся от греховности, ненависти и просветятся любовью к людям и Богу. Даже самые неисправимые, совсем потерянные смогут уйти из своей физической оболочки. И чтобы заслужить эту милость, нужно одно: любовь.

Бёртон вздохнул, громко рассмеялся и сказал:

— «Plus ça change, plus c'est la même chose»*. Еще одна сказочка, чтобы подарить людям надежду. Старые религии развенчаны — хотя некоторые отказываются даже в этом признаваться, — значит, надо придумать новые.

— Но ведь это имеет смысл, — не унимался Коллоп. — У тебя есть лучшее объяснение тому, зачем мы здесь оказались?

— Может быть. Я тоже умею придумывать сказки.

На самом деле объяснение у Бёртона было. Но он не хотел о нем рассказывать Коллопу. Спрюс поведал кое-что о сущности, истории и целях своей группы — этиков. Много из того, о чем он говорил, сходилось с богословием Коллопа.

Спрюс покончил с собой, не объяснив ничего о «душе». Вероятно, «душа» имела отношение ко всей организации воскрешения. В противном случае, когда тело обретало «спасение», но больше не жило, нечего было бы привнести в него. И поскольку у послеземной жизни существовало физическое объяснение, «душа» также должна была являться некой физической сущностью, а не нарекаться чем-то сверхъестественным, как на Земле.

Многого Бёртон не знал. Но он единственный из всех людей заглянул в рабочий механизм Речной планеты.

И, располагая этим малым знанием, он собирался положить себе путь к знаниям большим, открыть крышку и заглянуть в святая святых. А для того чтобы сделать это, он должен был добраться до Туманной Башни. А добраться туда быстро можно было только на «Самоубийственном Экспрессе». Сначала его должен заметить этик. Потом он должен одолеть этика, сделать так, чтобы тот не смог убить себя, и каким-то образом выудить у него как можно больше знаний.

Пока же он продолжал играть роль Абдула ибн Гаруна — египетского хирурга из девятнадцатого века, а ныне — жителя Баргонджиша. И в этой роли он решил вступить в Церковь Второго Шанса. Он объявил Коллопу о том, что разуверился в Магомете и его учении и стал первым неофитом Коллопа в этих краях.

---

* Чем больше меняется, тем больше становится самим собой (фр.).

— Но ты должен поклясться, что не станешь применять оружие против любого человека и даже не будешь защищаться физически от нападения, мой милый друг, — предупредил его Коллоп.

Бёртон возмутился и объявил, что не позволит никому ударить его и остаться безнаказанным.

— Это неестественно, — тихо проговорил Коллоп. — Это противоречит обычаям, верно. Но человек может стать не таким, каким был раньше, он может стать лучше — если у него будут сила воли и желание.

Бёртон яростно бросил «нет» и ушел. Коллоп грустно покачал головой, но продолжал оставаться таким же дружеским, как и раньше. У него было неплохое чувство юмора, и порой он обращался к Бёртону, называя того своим «пятиминутным неофитом», имея при этом в виду не то время, которое он затратил на обращение Бёртона в свою веру, а то, которое тот пробыл обращенным.

Прошло время, и у Коллопа появился новый неофит. Раньше немец только хихикал да отпускал по адресу Коллопа издевательские шуточки. Потом он снова начал жевать мечтательную резинку, и у него начались кошмары.

Две ночи он не давал Бёртону и Коллопу спать своими стонами и вскриками. Вечером третьего дня он спросил у Коллопа, не примет ли тот его в свою Церковь. Но ему пришлось исповедоваться. Коллоп должен был понять, каким человеком он был — и на Земле, и на этой планете.

Коллоп выслушал ассорти из самоуничтожения и самовосхваления, после чего изрек:

— Друг, мне все равно, каким ты был. Мне безразлично только то, каков ты теперь и каким будешь. Я слушал тебя потому, что исповедь душе полезна. Я вижу, что ты в большой беде, что ты впал в сожаления и тоску о том, что сотворил, и все же тебя радовало то, кем ты некогда был — могущественным вождем среди людей. Многое из того, о чем ты мне рассказал, мне непонятно, потому что я мало знаю о твоём времени. Но это не имеет значения. Мы должны печься только о сегодняшнем и завтрашнем дне. Всякий день сам о себе позаботится.

А Бёртону показалось, что дело было не в том, что Коллопа не интересовало, кем был Геринг, а в том, что он не поверил его повести о земной славе и бесславии. И благородные герои, и злодеи здесь сами о себе распускали бесчисленные и невероятные слухи. Бёртон уже повстречал троих, именовавших себя Иисусом Христом, двоих Авраамов, четверых королей Ричардов Львиное Сердце, шестерых Аттил, десяток Иуд (из которых только один умел говорить по-

арамейски), Джорджа Вашингтона, двоих лордов Байронов, троих Джесси Джеймсов, множество Наполеонов, генерала Кастера*, говорившего с ужасающим йоркширским акцентом, Финна МакКула, не знавшего древнеирландского языка, Чаку**, который говорил не на том, на каком надо бы, зулусском диалекте, и еще целую кучу народа, которые были или не были теми, за кого себя выдавали.

Кем бы ни был человек на Земле, здесь он должен был занять свое место. А это давалось нелегко, поскольку условия радикально переменились. Великие и важные земляне испытывали постоянные унижения, доказывая, кто они такие, а порой им это и не удавалось.

А вот для Коллопа унижение несло благодать. «Сначала унижение, потом смирение», — любил говаривать он. Ну а потом, естественно, следовала человечность.

Для Геринга «Великий Проект» — так называл Бёртон всю затею воскрешения человечества — стал ловушкой, поскольку в его натуре всегда присутствовала страсть к излишествах, а особенно — к наркотикам. Зная, что мечтательная резинка вытаскивает из мрака его подсознания всякие страхи, что он разваливается на части, распадается, он все равно продолжал жевать ее — столько, сколько мог раздобыть. Некоторое время, вернувшись к жизни после очередного воскрешения, он сумел подавлять тягу к наркотику. Но через несколько недель после того, как обосновался на новом месте, не выдержал, и теперь по ночам хижина оглашалась его воплями: «Герман Геринг, я тебя ненавижу!»

— Если так и дальше пойдет, — сказал Бёртон Коллопу, — он сойдет с ума. Или покончит с собой, или вынудит кого-нибудь убить его, чтобы убежать от самого себя. Но самоубийство не поможет, оно станет бесконечным. Так скажи мне теперь откровенно, разве это не ад?

— Скорее чистилище, — ответил Коллоп. — Чистилище — это ад, где есть надежда.

ГЛАВА 24

Прошло два месяца. Бёртон считал дни, делая зарубки кремневым ножом на сосновой палочке. Тот день был четырнадцатым днем седьмого месяца 5. П. В. — пятого года после

---

* Джордж Армстронг Кастер (1839—1876) — американский генерал кавалерии, сражавшийся на стороне Северных Штатов в Гражданской войне.

** Чака (ок. 1787—1828) — зулусский правитель, объединитель южно-африканских племен. В последние годы — деспотический правитель. Убит в результате заговора.

Воскрешения. Бёртон старался вести календарь, поскольку, помимо всего прочего, был и летописцем. Однако это было непросто. Время мало что значило на Реке. Полярная ось планеты всегда имела наклон в девяносто градусов к эклиптике. Не было тут смены времен года, звезды, казалось, теснили друг дружку и делали невозможным как определение светимости, так и объединение их в созвездия. Их было так много и они были так ярки, что даже полуденное солнце некоторые из них не затмевало. Словно призраки, не желающие исчезать с наступлением дня, они пылали в раскаленном небе.

И все-таки человек нуждается во времени, как рыба — в воде. И если у него нет времени, он его изобретает. Так что для Бёртона этот день был четырнадцатым июля пятого года П. В.

А Коллоп, как и многие другие, отсчитывал время так, как если бы оно продолжалось от года его земной кончины. Он не верил в то, что его сладчайший Иисус изменил ему. Он считал эту Реку Иорданом, а эту долину — юдолью печали за тенью смерти. Он признавал, что эта загробная жизнь не такова, как он ожидал. Но во многом, как он полагал, эти места еще более прекрасны. Для Коллопа они являли собой свидетельство всепоглощающей любви Господа к Его созданиям. Он дал всем людям, в том числе и тем, кто этого не заслуживал, второй шанс. Пусть это место и не Новый Иерусалим — значит, это место для того, чтобы его здесь воздвигнуть. Здесь из кирпичей — любви к Господу, и строительного раствора — любви к ближнему, — нужно строить, обжигая кирпичи и замешивая раствор. А печь для обжига и емкость для раствора — эта Планета Реки.

Бёртон над этими рассуждениями посмеивался, но Коллопа как человека полюбил. Коллоп был умен. Он не швырял в жерло печи своей доброты страницы богословских книг. Он действовал не под давлением обстоятельств. Он горел пламенем, которое питало его суть, а суть его была любовь. Любовь даже к тем, кого полюбить, казалось бы, невозможно, — а такая любовь встречается крайне редко.

Он рассказал Бёртону немного о своей земной жизни. Он был врачом, фермером, либералом с непоколебимой верой в свои религиозные убеждения, однако ему не давали покоя вопросы о собственной судьбе и состоянии общества его времени. И еще он был поэтом, который был широко известен недолгое время, а потом забыт. Он сочинил стихи — призыв к религиозной терпимости, которые в свое время вызвали как восторг, так и возмущение.

Пусть, Господи, любой увидит наконец
Былые чудеса, что мне тобой даны.
Здрав прокаженный, зряч слепец
И мертвые Тобой воскрешены.

— Эти строки, может быть, и умерли, но не умерла высказанная в них истина, — сказал Коллоп Бёртону. Он обвел рукой Реку, горы, людей. — И ты сможешь увидеть это, если откроешь глаза и перестанешь твердить свою глупую выдумку о том, что все это — создание рук таких же людей, как мы.

Или оставайся при своем мнении... Все равно эти этики всего-навсего выполняют работу Их Создателя.

— Мне больше по душе другие твои строки, — сказал Бёртон:

Душа моя, оставь унынье,
Не уставай же вверх идти,
И Искру, дар Небес Господних
Огнем ты Небу возврати!

Коллоп обрадовался, хотя и не предполагал, что Бёртон вкладывает в эти строки не тот смысл, который вложил он сам.

— «Огнем ты Небу возврати».

А это означало, что нужно каким-то образом добраться до Туманной Башни, раскрыть тайны этиков и обернуть их изобретения против Них. Бёртон не испытывал к Ним благодарности за то, что Они дали ему новую жизнь, он был возмущен тем, что Они сделали это, не спросив его согласия. Если Они хотели от него благодарности, почему Они не сообщили ему о том, зачем дали ему второй шанс? Почему Они хранили в тайне свои намерения? Он должен узнать почему. Та искра, которую Они зажгли в нем, должна была разгореться яростным пламенем и сжечь Их.

Он проклинал судьбу за то, что она забросила его в эти места, столь близкие к истокам Реки, а значит — и к Башне, а через несколько минут снова отбросила его назад, в края где-то в среднем течении Реки, на миллионы миль от цели. Но если он раз там побывал, он попадет туда снова. Но не на лодке — такое путешествие отнимет не меньше сорока лет, а может, и больше. Да еще по пути можно тысячу раз попасть в плен или в рабство. А если его по дороге убьют, он может оказаться, будучи воскрешенным заново, еще дальше от цели, и тогда придется все начинать сначала.

Правда, с другой стороны, если учесть случайность перемещения после смерти, он может снова попасть в то место неподалеку от истоков Реки. Именно поэтому Бёртон

подумывал о том, чтобы снова воспользоваться «Самоубийственным Экспрессом». Но все-таки, даже понимая, что смерть здесь — явление временное, ему нелегко было принять необходимый шаг. Разум говорил ему, что смерть — всего лишь билет на «Экспресс», а тело протестовало. Яростный бунт клеток тела был сильнее воли.

Некоторое время он убеждал себя в том, что его интересует изучение традиций и языков людей из доисторических времен, среди которых он жил. А потом возобладала честность, и он стал признаваться себе в том, что он всего-навсего ищет оправдания, чтобы оттянуть Печальное Мгновение. И все же он ничего не предпринимал.

Бёртон, Коллоп и Геринг перебрались из своих холостяцких барачков и смогли вести обычную жизнь полноценных граждан. Каждый обосновался в отдельной хижине и в течение недели нашел женщину, которая согласилась жить с ним. Церковь Коллопа не требовала от своих членов безбрачия. Они могли, если хотели, дать такой обет. Но Церковь рассуждала так: мужчины и женщины воскрешены, обладая всеми признаками пола (или, если они были лишены этих признаков на Земле, здесь они к ним вернулись). Не оставалось сомнений в том, что Тот, от кого зависело Воскрешение, предполагал, что секс должен присутствовать в жизни людей. Хорошо известно, хотя некоторые это и отрицают, что у секса, помимо репродуктивной, есть и другие функции. Так что вперед, молодежь, катайтесь по травке.

Другим итогом непредсказуемой логики Церкви стало то, что были дозволены все формы любви (кстати говоря, это заставляло многих сомневаться в истинности Церкви), лишь бы все происходило по обоюдному желанию, без принуждения и жестокости. Только принуждение детей к сожительству было запрещено. Но эта проблема через несколько лет должна была исчезнуть сама собой. Все дети должны были повзрослеть.

Коллоп отказался завести себе сожительницу только для того, чтобы дать выход своим сексуальным устремлениям. Он хотел жить только с любимой им женщиной. Бёртон из-за этого над ним подшучивал и говорил, что с этим предрасудком легко покончить. Ведь Коллоп, по его собственным словам, любил все человечество, так что теоретически должен бы взять в подруги первую же женщину, которая ответит ему согласием.

— На самом деле, друг мой, — ответил ему Коллоп, — именно это и произошло.

— Стало быть, то, что она красива, страстна и умна, — это всего лишь совпадение? — спросил Бёртон.

— Хотя я и стремлюсь к тому, чтобы быть выше человека, а скорее к тому, чтобы быть человеком совершенным, я слишком человек, — отозвался Коллоп и улыбнулся. — Неужели я стал бы истязать себя добровольно, выбрав себе в подруги какую-нибудь уродину?

— Думаю, ты еще глупее меня в этом смысле, — сказал Бёртон. — Что до меня, то мне в женщине нужны только красота и притягательность. До ее ума мне никакого дела нет. И еще я предпочитаю блондинок. Есть во мне какая-то струнка, которая начинает звенеть, когда к ней прикасаются пальчики золотоволосых женщин.

Геринг привел в свою хижину настоящую Валькирию — высокую, полногрудую, широкоплечую шведку из восемнадцатого века. Бёртон поинтересовался, не была ли эта дама копией бывшей жены Геринга, невестки шведского путешественника графа фон Розена. Геринг признался в том, что его подруга не только внешне похожа на Карен, но даже голос у нее такой же. Похоже, он был со своей избранницей счастлив, да и она вроде бы тоже.

А потом, как-то ночью, во время неизменного предутреннего дождя, Бёртон очнулся от глубокого сна.

Ему показалось, что он слышал крик, но, когда окончательно проснулся, услышал только раскат грома и треск ударившей неподалеку молнии. Бёртон закрыл глаза, но тут же снова проснулся. В соседней хижине кричала женщина.

Бёртон вскочил, распахнул бамбуковую дверь и высунул голову из хижины. На лицо его упали капли холодного дождя. Кругом было темно — хоть глаз выколи. Только горы на западе озарялись вспышками молний. А потом молния сверкнула так близко, что Бёртон на несколько мгновений оглох и ослеп. Но все-таки успел разглядеть две белые фигуры рядом с хижинкой Геринга. Немец сжимал горло женщины, а та схватила его за руки и пыталась оттолкнуть его.

Бёртон выбежал из хижины, поскользнулся на мокрой траве и упал. Когда он поднимался, снова блеснула молния, и Бёртон увидел, что женщина стоит на коленях, запрокинувшись назад, а над ней — искаженное злобой лицо Геринга. В этот миг из своей хижины выбежал Коллоп, обернувшийся вокруг пояса полосе ткани. Бёртон поднялся на ноги и, не говоря ни слова, побежал. Но Геринг уже исчез. Бёртон опустился на колени рядом с Карлой, пощупал пульс. Сердце ее не билось. Снова сверкнула молния и озарила лицо женщины — рот широко раскрыт, глаза выпучены.

Бёртон встал и крикнул:

— Геринг! Где ты?

И тут же, получив удар чем-то тяжелым по затылку, упал ничком на траву.

Бёртон едва не потерял сознание, но ухитрился подняться на четвереньки, после чего распластался на траве, получив новый тяжелый удар. В полубессознательном состоянии он сумел-таки перекатиться на спину и выбросил перед собой руки и ноги, чтобы защититься. Вспышка молнии осветила стоявшего над ним Геринга, сжимавшего в руках дубинку. Лицо у него было совершенно безумное.

Сгустился мрак. Что-то белое и туманное выпрыгнуло из тьмы и набросилось на Геринга. Два бледных тела упали на траву около Бёртона и покатались. Оба кричали, словно мартовские коты. Новая вспышка молнии озарила дерущихся, и стало видно, как они вцепились друг в друга.

Бёртон, пошатываясь, встал на ноги и бросился к ним, но был сбит с ног Коллопом, которого отшвырнул от себя Геринг. Он снова поднялся. Коллоп тоже вскочил и кинулся к Герингу. Раздался громкий треск, и Коллоп упал. Бёртон попробовал догнать Геринга, но ноги не слушались его и увели в сторону. Опять полыхнула молния, прогремел гром, и Бёртон увидел Геринга так, словно смотрел на него глазами фотографа, снимающего немца в тот момент, когда тот размахнулся дубинкой.

Бёртон получил удар по руке, и рука онемела. Теперь его не слушались не только ноги, но и левая рука. И все же он поднял правую руку и попытался замахнуться. Снова раздался треск. Ребра Бёртона не выдержали и словно бы провалились внутрь грудной клетки. Дыхание ушло из его груди, и он снова повалился на холодную и мокрую траву.

Что-то упало рядом с ним. Несмотря на боль, Бёртон дотянулся до упавшего предмета. В руке его оказалась дубинка — видимо, Геринг выронил ее. Вздрагивая при каждом вдохе, приносившем боль, Бёртон встал на одно колено. Где этот безумец? Две тени танцевали и расплывались, сливались в одну и снова разделялись. Хижины! В глазах у Бёртона двойлось. Только он подумал, уж не получил ли сотрясение мозга, как в свете блеснувшей вдалеке молнии различил фигуру Геринга. Вернее — две фигуры Геринга. Одна из них как бы сопровождала другую. Левая стояла на земле, а правая висела в воздухе.

Обе фигуры поднимали руки вверх, словно Геринг хотел омыть руки дождем. Но когда обе фигуры обернулись и пошли к Бёртону, он понял, что происходит. Они кричали по-немецки (одним голосом):

— Омой кровь с рук моих! О Боже, омой ее!

Бёртон поплелся к Герингу, подняв над собой дубинку. Он только собрался сбить немца с ног, как Геринг развернулся и побежал прочь. Бёртон, хромая, кинулся следом. Они спустились с холма, поднялись на другой, выбежали на широкую равнину. Дождь прекратился, молнии и гром утихли, а через пять минут, как обычно, рассеялись тучи. Белую кожу Геринга озарил звездный свет.

Словно привидение, он мчался впереди своего преследователя и, судя по всему, направлялся к Реке. Бёртон не отставал от немца, хотя сам не мог понять почему. Ноги слушались намного лучше, почти как раньше, в глазах прояснилось, перестало двоиться. Наконец он нагнал Геринга. Тот присел на корточки у Реки и устоялся, не отрываясь, на волны, отражавшие своими изломами свет звезд.

— Очухался? — спросил его Бёртон.

Геринг вздрогнул. Он начал было вставать, но передумал. Застонав, он опустил голову на колени.

— Я понимал, что делаю, но не понимал почему, — говорил он. — Карла говорила, что утром уйдет от меня, говорила, что не может спать в шуме — так сильно я кричу, когда вижу ночные кошмары. А я так странно себя вел: я умолял ее остаться, говорил ей, как сильно люблю ее, что умру, если она меня покинет. А она отвечала, что я ей нравлюсь, вернее, нравился, но что она меня не любит. И вдруг мне показалось, что для того, чтобы удержать ее, я должен ее убить. Она, крича, выбежала из хижины. Остальное ты знаешь.

— Я был готов убить тебя, — признался Бёртон. — Но понимаю, что ты просто безумен. Однако местный народ тебя не простит. Ты же знаешь, что с тобой сделают: повесят за ноги головой вниз, и будешь так висеть, пока не сдохнешь.

Геринг выкрикнул:

— Я ничего не понимаю! Что со мной творится! Эти кошмары! Поверь мне, Бёртон, если я согрешил, я расплатился за это! Но я не могу перестать расплачиваться! Мои ночи — это крошечный ад. А скоро и дни станут адом! Тогда у меня останется единственный способ обрести покой! Я убью себя! Но какой от этого толк! Я очнусь — и снова ад!

— Воздерживайся от мечтательной резинки, — сказал Бёртон, — и все пройдет. Ты сможешь. Ты ведь говорил мне, что бросил морфий на Земле.

Геринг встал и посмотрел Бёртону прямо в глаза:

— То-то и оно! Я не прикасался к резинке с тех пор, как попал сюда.

— Что! — вырвалось у Бёртона. — Да я готов поклясться, что!..

— Ты подумал, что я так дико себя вел, потому что нажевался резинки! Нет, ни капельки не жевал! Но разницы никакой.

Несмотря на всю злобу на Геринга, Бёртону стало жаль его. Он сказал:

— Ты сам открыл свой ящик Пандоры и, похоже, не сумеешь захлопнуть крышку. Не знаю, чем это кончится, но мне не хотелось бы быть на твоём месте, хотя я не сказал бы, что ты этого не заслужил.

Геринг произнес тихо, но решительно:

— Я одолею их.

— Хочешь сказать, что победишь самого себя, — сказал Бёртон. — И что же ты собираешься предпринять?

Геринг махнул рукой в сторону Реки.

— Утоплюсь. Начну все сначала. Может быть, в новом месте мне больше повезет. Ну и, конечно, мне неохота, чтобы меня подвесили, как цыпленка в лавке мясника, вверх лапками.

— Ну, тогда au revoir* — попрощался Бёртон. — И удачи тебе.

— Спасибо. Знаешь, ты мужик неплохой. Только выслушай один совет.

— Какой?

— Лучше не привыкай к мечтательной резинке. Пока что тебе везло. Но в один прекрасный день она одолеет тебя так же, как одолела меня. У тебя будут другие бесы, не такие, как у меня, но тебя они будут так же пугать и мучить.

— Чушь! Мне нечего от себя скрывать! — воскликнул Бёртон и громко расхохотался. — Я этой дряни сжевал достаточно, чтобы в этом не сомневаться.

Он ушел от берега, но думал о предупреждении Геринга. Двадцать два раза он жевал резинку. И всякий раз вынужден был клясться, что никогда не будет больше к ней прикасаться.

По пути к холмам Бёртон обернулся. Туманно-белесая фигура Геринга погружалась в воду Реки. Бёртон помахал немцу рукой — не мог удержаться от трагического жеста. А потом он позабыл о Геринге. На время утихшая боль в затылке вернулась и стала острее, чем прежде. Колени его подогнулись, и, не дойдя всего несколько ярдов до хижины, он опустился на землю.

Наверное, потом он потерял сознание или впал в полуморочное состояние, потому что не помнил, как его во-

---

* До свидания (фр.)

локли по траве. Придя в себя, он обнаружил, что лежит на бамбуковой кровати в хижине.

Было темно, только свет звезд пробивался сквозь ветви деревьев, заслонявших окно. Бёртон повернул голову и увидел около кровати сплетенную из теней и белизны фигуру. Человек держал на уровне глаз тонкий металлический предмет, кончиком направленный к Бёртону.

ГЛАВА 25

Стоило Бёртону повернуть голову, как мужчина убрал предмет и заговорил по-английски:

— Мне пришлось долго искать тебя, Ричард Бёртон.

Бёртон стал шарить по полу, ища оружие левой рукой, скрытой от глаз пришельца. Но пальцы натыкались только на пыль.

— Теперь ты нашел меня, проклятый этик, и что ты будешь со мной делать?

Человек усмехнулся и слегка покачнулся.

— Ничего. — Немного помолчав, он проговорил: — Я — не один из Них.

Бёртон задохнулся, а мужчина снова улыбнулся и сказал: — Я с Ними, но не из Них.

Он поднял предмет, который направлял на Бёртона.

— Это устройство говорит мне о том, что у тебя проломлен череп и ты получил сотрясение мозга. Судя по степени полученной травмы, ты должен был умереть, значит, ты очень живуч. Но ты сможешь выкарабкаться, если не будешь двигаться. К несчастью, у тебя нет времени на выздоровление. Другие знают, что ты в этой области, плюс-минус тридцать миль. Через пару дней тебя выследят.

Бёртон попытался сесть и обнаружил, что кости у него стали мягкие, как ириски под лучами солнца, а в затылке словно кинжал торчит. Застонав, он откинулся на спину.

— Кто вы такой и что вам надо?

— Своего имени я тебе назвать не могу. Если — вернее сказать, когда Они найдут тебя, они сотрут твою память и вернут ее к тому состоянию, когда ты находился в предвоскресительной камере. Они не знают, почему ты очнулся раньше времени. Но Они узнают об этом разговоре. Они даже сумеют увидеть меня — бледную тень с неразличимыми чертами лица. Они и голос мой услышат, но не узнают — я пользуюсь искажителем.

Но они испугаются. То, о чем они с неохотой и малопомалу догадывались, вдруг станет правдой. В их рядах — предатель.

— Хотел бы я понять, о чем вы толкуете, — пробурчал Бёртон.

— Это я тебе скажу, — проговорил мужчина. — Тебе поведали чудовищную ложь о цели Воскрешения. То, о чем вам говорил Спрюз, и то, чему учит это создание этиков — Церковь Второго Шанса, — все это ложь! Все ложь! А правда в том, что вам, людям, была дана новая жизнь только для того, чтобы вы участвовали в научном эксперименте. Этики — вот уж на редкость неудачное название — преобразили эту планету в сплошную долину Реки, расставили питающие камни и вернули всех вас к жизни с одной-единственной целью: записать ваши истории и традиции. Ну и еще — это уже второстепенно — понаблюдать за вашей реакцией на Воскрешение и на то, как они перемешали народы в различных областях. Вот и все: это научный проект. А как только вы сыграете свою роль, вы отправитесь обратно — в прах!

И эти рассказы насчет того, что вам дан второй шанс вечной жизни и спасения — ложь! На самом деле мой народ не верит в то, что вы достойны спасения. «Этики» не считают, что у вас есть души!

Некоторое время Бёртон молчал. Мужчина, без сомнения, не врал. Ну, не то чтобы он был искренен, но, по крайней мере, очень взволнован — ведь он так тяжело дышал.

Наконец Бёртон проговорил:

— Не представляю, чтобы кто-то стал делать такие затраты и так трудиться только для того, чтобы провести научный эксперимент или создать исторические записи.

— На руках у бессмертных — масса времени. Ты удивишься, чего мы только не делаем, чтобы сделать вечность интересной. Имея столько времени, мы можем быть терпеливыми и осуществлять в конце концов самые невероятные проекты. После того как умер последний землянин, несколько тысячелетий шли работы по подготовке Воскрешения, хотя на последний этап ушел всего один день.

— А вы? — спросил Бёртон. — *Вы* что делаете? И почему вы делаете это?

— Я — единственный истинный этик из всей этой чудовищной расы! Мне не нравится беседовать с вами, словно вы — игрушки или объекты для наблюдения, лабораторные животные! В конце концов, как бы вы ни были примитивны и порочны, вы разумны! В каком-то смысле вы так же... так же...

Человек-тень взмахнул рукой-тенью, словно пытался выхватить из мрака нужное слово. Он продолжал:

— Придется для определения вас воспользоваться вашим же термином. Вы так же *человечны*, как мы. Точно так же,

как недолюди, которые впервые воспользовались речью, были так же человечны, как вы. И еще вы — наши предки, праотцы. Насколько мне известно, может быть, я — твой прямой потомок. Вероятно, весь мой народ произошел от тебя.

— Сомневаюсь, — буркнул Бёртон. — У меня не было детей — по крайней мере, насколько я знаю.

У него было множество вопросов, и он стал их задавать, но мужчина не обратил на это никакого внимания. Он прижал ко лбу свой прибор. Внезапно оторвав его ото лба, он прервал Бёртона на середине фразы:

— Я... нет, у вас нет такого слова... ну, скажем так: слушал. Они заметили мой *ватан*... кажется, у вас это называется аурой. Они не знают, чей именно это *ватан*, но знают, что он принадлежит этику, и через пять минут определяют чей. Я должен идти.

Бледная фигура поднялась.

— И ты тоже должен уйти.

— Куда ты забираешь меня? — спросил Бёртон.

— Я — никуда. Ты должен умереть. Они должны найти только твое тело. Ты не могу взять тебя с собой, это невозможно. Но если ты умрешь здесь, Они тебя потеряют. А мы встретимся снова. Тогда!..

— Подождите! — крикнул Бёртон. — Не понимаю. Почему Они не могут найти меня? Они построили всю технику для Воскрешения. Неужели Они не знают, где находится мой личный воскреситель?

Мужчина снова усмехнулся:

— Нет. Записи о людях с Земли визуальные, а не звуковые. А размещение людей в предвоскресительной камере было случайным, поскольку Они планировали разбросать вас по берегам Реки в грубой хронологической последовательности в определенных сочетаниях. Только потом Они собирались заняться вами в индивидуальном порядке. И уж, конечно, Они понятия не имели о том, что я восстану против них. Или о том, что я выберу несколько объектов наблюдения себе в помощь для того, чтобы разрушить их План. Так что Они не знают, где и вы, и все остальные оказываются, когда воскресают в новом месте.

Конечно, ты, наверное, интересуешься, почему же я не настрою твой воскреситель так, чтобы ты оказался поблизости от цели, у истоков. На самом деле я его настроил именно так; когда ты впервые умер, то должен был оказаться у самого первого питающего камня. Но у тебя ничего не вышло; как я понимаю, тебя угробили титантропы. Меня постигла неудача, и с тех пор я не отваживаюсь приближаться

к воскресительной камере, пока у меня не будет для этого веской причины. В камеру запрещено входить — это могут делать только облеченные соответствующей властью. Они подозрительны, они заподозрили утечку информации. Так что все зависит от тебя самого и от удачи — может быть, тебе доведется вернуться в район Северного полюса.

Что же до остальных, их воскресители я вообще не настраивал — просто не мог. Им придется жить по законам вероятности, как и тебе. А это значит — один шанс из двадцати миллионов.

— До остальных? — переспросил Бёртон. — Остальных? Почему вы выбрали нас?

— У тебя правильная аура. И у них тоже. Поверь, я знаю, что я делаю. Я выбрал верно.

— Но вы обмолвились, что разбудили меня раньше времени в предвоскресительной камере с какой-то целью. С какой?

— Только так вас можно было убедить, что Воскрешение — не сверхъестественное событие. Именно из-за этого ты начал поиски этиков. Я прав? Конечно, прав. Вот!

Он подал Бёртону крошечную капсулу.

— Проглоти ее. Ты немедленно умрешь и окажешься вне досягаемости для Них — на некоторое время. А клетки твоего мозга будут настолько изменены, что они не смогут в них ничего прочесть. Спеш! Мне пора!

— А если не проглочу? — спросил Бёртон. — Что, если я позволю Им схватить себя сейчас?

— Судя по твоей ауре, не стоит, — ответил мужчина.

Бёртон почти решился не глотать капсулу. И с какой это стати он должен позволить этому заносчивому гордецу руководить собой?

Потом он решил, что его не заставляют откусывать собственный нос для того, чтобы изменить лицо. На самом деле он мог либо играть по правилам, предложенным этим неизвестным, либо попасть в руки этиков.

— Хорошо, — сказал Бёртон. — А *вы* почему меня не убьете? Почему поручаете это дело мне?

Человек рассмеялся и сказал:

— В этой игре — определенные правила, но у меня нет времени их объяснять. Но ты умен, ты многие из них постигнешь самостоятельно. Одно из них состоит в том, что мы все-таки этики. Мы можем давать жизнь, но отбирать ее сами не можем. Не то чтобы это было для нас невыносимо или недоступно. Просто очень трудно.

Неожиданно человек исчез. Бёртон не стал медлить. Он проглотил капсулу. Ослепительная вспышка..

ГЛАВА 26

...И глаза его залил свет восходящего солнца. Бёртон успел быстро оглядеться, увидел цилиндр, стопку аккуратно сложенных полотнищ — и Германа Геринга.

А потом и его, и Бёртона схватила кучка низкорослых темнокожих людей со здоровенными головами и кривыми ногами. Они были вооружены копьями и каменными топорами. Кусками ткани они пользовались исключительно в качестве шейных платков. Длинные, очень жесткие волосы туземцев на лбу были перехвачены полосами кожи — вне всяких сомнений, человеческой. Внешность у них оказалась полумонголоидной, и разговаривали они на языке, Бёртону незнакомом.

На голову ему нацепили перевернутый вверх дном пустой грааль, руки связали за спиной кожаным ремнем. Ослепленный, беспомощный, чувствуя, как в спину ему тычут каменными наконечниками копий, Бёртон пошел по равнине, подгоняемый туземцами. Где-то неподалеку грохотали барабаны и распевали женские голоса.

Бёртон насчитал три сотни шагов, и тут его остановили. Барабаны смолкли, утихли женские голоса. Бёртон не слышал ничего, кроме стука крови в висках. Что за чертовщина? Может, он угодил на религиозный ритуал, согласно которому жертву следовало ослепить? Почему бы и нет? На Земле существовали племена, где ритуальная жертва не должна была видеть своих убийц, поскольку призрак мертвеца мог пожелать отомстить им.

Но эти люди уже должны бы были знать, что никаких призраков не существует. А может, они считали нынешних «лазарей» призраками, способными перемещаться туда, откуда они были родом, если их убить?

Геринг! Его тоже перенесли сюда. К одному и тому же питающему камню. Первый раз это могло быть совпадением, хотя вероятность и невелика. Но три раза подряд? Нет, это...

От первого удара край цилиндра больно стукнул его по голове, и он чуть не потерял сознание, в голове зазвенело, перед глазами вспыхнули искры, он упал на колени. Второго удара он не почувствовал и вновь очнулся уже в другом месте...

ГЛАВА 27

А с ним — Герман Геринг.

— Мы с тобой — родственные души, — сказал Геринг. — Похоже, нас повязали Те, кто всем этим занимается.

— Бык и осел в одной упряжке, — сострил Бёртон, предоставив немцу решать, кто из двоих — он. Потом оба они

заялись знакомством, вернее, попытками представиться людям, к которым на этот раз попали. Как позднее выяснил Бёртон, они оказались шумерами древнего или классического периода, а это означало, что обитали они в Междуречье между две тысячи пятисотым и две тысячи трехсотым годами до Рождества Христова. Здесь бытовал обычай брить головы (а это нелегко делать каменными ножами), а женщины разгуливали обнаженными по пояс. Фигуры у шумеров были приземистые, рост невысокий, глаза навывкате, лица (на вкус Бёртона) некрасивые.

Но зато тридцать процентов населения тут составляли доколумбовы самоанцы, а эти были намного привлекательнее. Ну и конечно, как везде, тут встречались люди из каких угодно времен и народов, а среди них преобладали выходцы из двадцатого века. Это было логично, поскольку они составляли четверть в общей численности человечества. Бёртон, конечно, не располагал научной статистикой, но за время странствий успел убедиться в том, что люди из двадцатого столетия встречались у Реки даже чаще, чем можно было ожидать. Вот еще одна особенность Мира Реки, которой он не понимал. Чего этики хотели достичь подобным расселением?

Слишком много вопросов. Бёртон нуждался во времени для раздумий, а никакого времени не будет, если он то и дело станет отпрашиваться в рейсы на «Самоубийственном Экспрессе». В этой местности, в отличие от других, куда он мог попасть, существовали хоть какие-то покой и тишина, способствующие размышлениям. Так что он решил на некоторое время здесь задержаться.

И еще — Герман Геринг. Бёртону хотелось понаблюдать за его странным паломничеством. О многом хотел Бёртон расспросить Таинственного Незнакомца (думая о нем, он мысленно произносил эти слова с большой буквы), и в частности — о мечтательной резинке. Как она укладывалась в общую картину? Еще одна частица Великого Эксперимента?

Увы, Геринг долго не протянул.

В первую же ночь он стал кричать. Он выбежал из хижины и побежал к Реке, то и дело останавливаясь и колотя руками по воздуху, словно сражался с кем-то невидимым, или падал и катался по траве. Бёртон добежал следом за ним до Реки. Тут Геринг приготовился нырнуть в воду, видимо, решил утопиться. Но на миг он замер, задрожал, а потом вытянулся в струнку и застыл, словно статуя. Глаза его были открыты, но он ничего вокруг не видел. Зрение его было

направлено внутрь. Какие ужасы он там видел, рассказать он никому не мог, поскольку у него отнялся язык.

Губы его беззвучно шевелились — все десять дней, которые он прожил. Все попытки Бёртона покормить Геринга оканчивались неудачей. Он крепко сжимал челюсти. Он таял у Бёртона на глазах, мышцы его как бы испарялись, кожа морщилась, он превратился в настоящий скелет. Как-то утром его скрутили конвульсии, а потом он сел и закричал. Через мгновение он умер.

Из любопытства Бёртон произвел вскрытие тела немца с помощью каменных ножей и обсидиановых лезвий. Переполненный мочевой пузырь Геринга лопнул, и произошло разлитие мочи по внутренностям.

Прежде чем похоронить Геринга, Бёртон удалил его зубы. Зубы были объектом меновой торговли, поскольку их можно было нанизать на рыбы кишки или сухожилия и получить столь желанные ожерелья. Пошел в ход и скальп Геринга. Шумеры переняли обычай снимать скальпы врагов у своих недругов — шойонов из семнадцатого века, живших на другом берегу Реки. К этому обычаю они подошли цивилизованно — стали сшивать скальпы и делать из них шляпки, юбки и даже занавески. Скальп на меновом рынке значил не больше, чем зубы, но все-таки кое-что значил.

Когда Бёртон рыл могилу около большого валуна у подножия горы, перед ним вдруг всплыло яркое воспоминание. Он прервал работу, чтобы попить воды, и случайно посмотрел на тело Геринга. Его голова, лишенная кожного покрова, черты лица, умиротворенные, сонные — все это вдруг как бы отворило потайную дверцу в память Бёртона.

Там, в той громадной камере, когда он очнулся и увидел, что вращается среди других тел, он видел это лицо. Оно принадлежало телу, вращавшемуся в соседнем ряду. У Геринга, как у всех остальных спящих, голова была лысая. Бёртон видел его недолго — как раз перед тем, как его самого заметили Стражи. А позже, когда он встретил Геринга после Воскрешения, он не заметил сходства между спящим и этим человеком с пышной светлой шевелюрой.

Но теперь он знал, что этот человек тогда был совсем рядом с ним.

Возможно ли, чтобы двое воскрешенных, находившихся там так близко друг от друга физически, зациклились по фазе? Если так, то, значит, как только им с Герингом случалось умереть более или менее одновременно, они должны были воскресать заново у одного и того же питающего камня. Так что шутка Геринга насчет того, что они с Бёртоном — родственные души, могла оказаться не так далека от истины.

Бёртон снова принялся рыть могилу, ругаясь на чем свет стоит из-за того, что у него было так много вопросов и так мало ответов. Если бы только ему снова представилась возможность схватить этика, он бы вытянул у него ответы, какие бы меры ни пришлось предпринять.

В последующие три месяца Бёртон занимался тем, что вживался в ритм жизни этой странной местности. Он обнаружил, что ему очень нравится новый язык, являвшийся смесью шумерского и самоанского. Поскольку шумеров было больше, их язык доминировал. Но здесь, так же как и везде, основным языком праздновал пиррову победу. В результате смешения возник «пиджин», язык с крайне ограниченной системой склонения и упрощенной грамматикой. Категория рода исчезла, слова укоротились, времена и виды глагола свелись к простому настоящему времени, которое применялось и для обозначения будущего. Наречия времени обозначали прошлое. Всяческие тонкости выражались фразами, которые были понятны и шумерам, и самоанцам, хотя поначалу казались неуклюжими и наивными. А многие самоанские слова, несколько видоизмененные фонетически, вытеснили слова шумерские.

Подобное возникновение «пиджинов» происходило повсюду. Бёртон думал о том, что, если этики стремятся записать все языки, которыми владеет человечество, им лучше поспешить. Древние языки вымирали, вернее, претерпевали изменения. Но, насколько понимал Бёртон, Они уже завершили работу. Их записывающие устройства, столь необходимые для осуществления физического переноса, наверняка записывали и речь.

Пока же, по вечерам, когда выдавались минуты одиночества, он курил сигары, столь щедро выдаваемые цилиндрами, и пытался обдумать положение дел. Кому он мог верить — этикам или ренегату — Тайнственному Незнакомцу? Или, быть может, все лгут?

Почему он понадобился Тайнственному Незнакомцу в качестве камешка, ломающего шестерни этой всемогущей машины? Что мог такого сделать Бёртон, обычный человек, попавший в эту долину и столь скованный собственным невежеством, чтобы помочь этому Иуде?

Одно не оставляло сомнений. Если бы он не был нужен Незнакомцу, тот не стал бы возиться с Бёртоном. Он хотел забрать Бёртона в ту Башню на Северном полюсе.

Зачем?

У Бёртона две недели ушло на раздумья, прежде чем он сумел догадаться о единственной, на его взгляд, причине.

Незнакомец сказал, что он, как и остальные этики, не может непосредственно отнять у человека жизнь. Однако ничто не мешало ему сделать это изошренно, о чем явствует то, что он дал Бёртону яд. Следовательно, если он хочет, чтобы Бёртон попал в Башню, он хочет, чтобы Бёртон за него совершил убийство. Он мог выпустить тигра, натравить его на своих, отворить окно наемному убийце.

Наемнику надо платить. А что за плату предлагает Незнакомец?

Бёртон втянул в легкие сигарный дым, выдохнул и отпил глоток бурбона. Что ж, хорошо. Незнакомец хочет его использовать. Но пусть не обольщается. Бёртон его тоже использует.

Истекло три месяца, и Бёртон решил, что раздумий с него хватит. Пора было трогаться.

Это решение пришло к нему, когда он купался в Реке, и, повинуясь безотчетному порыву, Бёртон выплыл на середину. Он нырнул так глубоко, как только мог себя заставить, пока необоримая тяга тела к жизни не вынудила его рвануться к поверхности за глотком драгоценного воздуха. Он не сделал этого. Рыбы-стервятницы сожрут его тело, а кости его превратятся в ил на тысячефутовой глубине Реки. Ну и что? Так лучше. Тело его не попадет в руки этиков. Если Незнакомец сказал правду, Они могли прочесть в его мозгу все, что он видел и слышал, если доберутся до него прежде, чем клетки мозга разрушатся.

Вспомнив, он решил, что Им это не удалось. Насколько он понимал, в последующие семь лет он ускользал от этиков. Если ренегат и знал о местонахождении Бёртона, это никак не проявлялось. Бёртон сомневался, знает ли о его местонахождении вообще хоть кто-нибудь — он и сам далеко не всегда представлял, в какой части планеты находится, как далеко или как близко он от Башни. Но он шел, шел и шел, не останавливаясь. И в один прекрасный день он понял, что поставил что-то вроде рекорда. Смерть стала его второй натурой.

Если он не ошибался в подсчетах, то совершил уже семьсот семьдесят семь рейсов на «Самоубийственном Экспрессе».

ГЛАВА 28

Порой Бёртон сам себе казался космическим кузнечиком, который то и дело выпрыгивал из мрака смерти, пощипывал гравку, одним глазком поглядывая, нет ли где тени затаившегося врага — этика. На этом огромном человеческом

лугу он перепробовал много былинков, откусывал по кусочку и прыгал дальше.

А бывало, он думал о себе как о сети, которая захватывает то тут, то там образцы со дна гигантского моря человечества. Ему попадались то крупные рыбыны, то множество сардинок, хотя порой от мелкой рыбешки узнать можно было больше, чем от больших рыб.

Но сравнение с сетью ему не нравилось, потому что оно напоминало о том, что существует сеть побольше, с которой охотятся за ним.

Но какими бы метафорами и сравнениями он ни пользовался, он стал человеком, который на своем веку «много повидал», как говорят американцы из двадцатого столетия. Так много повидал, что несколько раз слышал легенду о Бёртоне-Цыгане, или, если попадал в англоговорящие области, о Бёртоне-Скитальце; еще кое-где его называли Бродячим Лазарем. Это несколько пугало Бёртона, поскольку он боялся, что этики раскусят его способ перемещения и найдут, каким образом изловить его. А может быть, догадаются и о его конечной цели и выставят охрану у штаб-квартиры.

Но к концу своего семилетнего странствия, долго наблюдая за дневными светилами и переговорив со многими людьми, Бёртон нарисовал в уме картину течения Реки.

Это была не амфисбена — змея о двух головах, вытекавшая где-то на Северном полюсе и куда-то впадавшая где-то на Южном. Это была змея-кольцо, тело которой обвивало планету, а хвост попадал в пасть. Река вытекала из северного полярного моря, петляла вокруг одного полушария, протекала через Южный полюс, потом петляла по второму полушарию, порой возвращаясь назад, и впадала в конце концов в гипотетическое полярное море.

Однако наличие большого водного пространства не было таким уж гипотетическим. Если верить титантропу, полу-человеку, который утверждал, что видел Туманную Башню, то Башня эта поднималась из покрытого туманом моря.

Бёртон слышал эту историю только в пересказе. Однако он видел титантропов неподалеку от начала Реки во время своего первого «прыжка», и ничего такого безумного не было в том, что один из гигантов мог действительно забраться на горы и подойти совсем близко к полярному морю. А куда дошел один человек, туда может дойти и другой.

Но как Река могла взбираться на высоту?

Скорость ее течения, похоже, оставалась постоянной даже в таких местах, где должна бы, по идее, замедляться, или Река вообще должна была бы прекращать течение. Исходя из этого Бёртон сделал предположение о наличии локализован-

ных гравитационных полей, которые гнали могучий поток вперед до тех пор, пока он не достигал местности, где в силу вступала естественная гравитация. Где-то — возможно, непосредственно на дне Реки — располагались устройства, выполнявшие эту работу. Эти поля, по всей вероятности, действовали крайне избирательно, поскольку в подобных областях не отмечалось какого-либо заметного изменения веса, отражающегося на людях.

Слишком много вопросов. Ему нужно было идти вперед до тех пор, куда он не добрался бы до такого места или до таких существ, которые смогли бы ответить ему.

И вот, семь лет спустя после того, как умер впервые, Бёртон до такого места добрался.

Произошло это при семьсот семьдесят седьмом «прыжке». Бёртон был убежден, что число «семь» для него счастливое. Бёртон, невзирая на насмешки своих приятелей из двадцатого века, упорно продолжал держаться за большинство суеверий, которые усвоил на Земле. Он часто смеялся над чужими суевериями, но знал, что некоторые числа приносят ему удачу, что, если положить на глаза серебро, это поможет восстановить силы и, кроме того, обрести «второе зрение», чувство, которое заранее предупреждало его об опасности. Правда, здесь, похоже, серебро в природе не встречалось, но, если бы встретилось, Бёртон им непременно бы воспользовался.

В первый день после «прыжка» он оставался у берега Реки. Он почти не обращал внимания на тех, кто пытался заговорить с ним, отделяваясь мимолетными улыбками... В отличие от тех, кто встречался Бёртону в других местах, здешние жители не были враждебны. Солнце плыло над горами на востоке и, казалось, только задевало их вершины. Пылающий шар кружил над долиной — ниже, чем когда-либо видел Бёртон, кроме того дня, когда он оказался среди носатых титантропов. Солнце на время залило долину теплом и светом, а потом пошло по кругу уже над горами на западе. В долине стемнело, воздух стал холоднее, чем в каком-либо из тех мест, где успел побывать Бёртон, исключая, конечно, то место, куда он попал после первого «прыжка». Солнце продолжало обходить долину по кругу, пока не оказалось на том самом месте, где Бёртон увидел его, когда только открыл глаза.

Устав от двадцатичетырехчасового наблюдения, но счастливый, Бёртон обернулся, чтобы посмотреть на жилища. Теперь он знал, что находится в арктической области, но не в непосредственной близости от штаб-квартиры. На этот раз он попал к другому концу Реки, к ее устью.

Обернувшись, он услышал голос — знакомый, но не сразу узнаваемый (Бёртон слышал уже так много голосов):

Душа моя, оставь унынье,
Не уставай же вверх идти,
И искру, дар Небес Господних,
Огнем ты Небу возврати!

— Джон Коллоп!

— Абдул ибн Гарун! А еще говорят, что чудес не бывает! Что с тобой произошло с тех пор, как мы виделись в последний раз?

— Я умер в ту же ночь, что и ты, — ответил Бёртон. — И с тех пор умирал много раз. Здесь много злых людей.

— Это так естественно. Их было много и на Земле. И все же я должен сказать, что число их стало меньше, поскольку Церкви удалось сделать много добрых дел, слава Богу. А особенно в здешних краях. Но пойдем же ко мне, друг мой. Я познакомлю тебя с моей подругой. Милая женщина, верная в этом мире, где столь немногие хранят супружескую верность, да и вообще какие-либо добродетели. Она родилась в двадцатом веке после Рождества Христова и почти всю жизнь преподавала английский. Если честно, порой мне кажется, она меня так сильно любит из-за того, что я могу научить ее языку своего времени.

Он издал забавный нервный смешок, и Бёртон понял, что он шутит.

Они пересекли равнину, направляясь к холмам, где на небольших каменных подставках у каждой хижины горели костры. Большинство мужчин и женщин завернулись в плотнища ткани так, что из них получились парки, защищавшие от холода.

— Угрюмое и неприятное место, — заключил Бёртон. — И как только люди соглашаются здесь жить?

— Большинство людей здесь — финны и шведы из конца двадцатого века. Они привыкли к полуденному солнцу. И все же ты должен радоваться, что попал сюда. Я помню, как тебя сжигало любопытство к полярным районам, помню, как ты размышлял о них. Были и другие, кроме тебя, кто поплыл по Реке в поисках конечной цели, или, если ты простишь меня за то, что я это так назову, в поисках дурацкого золота там, где кончается радуга. Но все они либо не вернулись назад, либо вернулись, столкнувшись с непреодолимыми преградами.

— То есть? — воскликнул Бёртон и схватил Коллопа за руку.

— Друг, ты причиняешь мне боль. Там перестают встречаться питающие камни, и поэтому негде заправить граали

едой. Речная долина обрывается, и Река течет дальше уже между гор, по ущельям, полным ледяных теней. Что лежит дальше, я не знаю, потому что ни один не вернулся и не рассказал мне об этом. Но я боюсь, что все они встретили тот конец, который сужден тем, кто совершает грех дерзновения.

— И как далеко лежит то место, откуда не возвращаются?

— По течению Реки — в двадцати пяти тысячах миль. Если плыть непрерывно, можно добраться за год. Только Отец наш Всемогуший знает, сколько еще тебе придется пройти, прежде чем ты доберешься до самого конца Реки. Скорее всего раньше ты умрешь с голоду, потому что, после того как покинешь последний питающий камень, тебе негде будет запастись провиантом.

— Выяснить это можно единственным способом, — заключил Бёртон.

— Значит, ничто не остановит тебя, Ричард Бёртон? — спросил Коллоп. — Ты не откажешься от этой бесплодной погони за материальным, когда должен бы искать духовное?

Бёртон снова схватил Коллопа за руку.

— Ты сказал «Бёртон»?

— Да, я так сказал. Твой друг Геринг как-то поведал мне, что таково твое истинное имя. Он еще кое-что мне о тебе рассказывал.

— Геринг здесь?

Коллоп кивнул и сказал:

— Он здесь уже около двух лет. Живет в миле отсюда. Можем завтра навестить его. Тебя порадуют происшедшие с ним изменения, уверен. Он победил распад личности, начавшийся вследствие употребления мечтательной резинки, собрал себя по кусочкам, и получился новый, гораздо лучший человек. На самом деле он сейчас в этих краях — глава Церкви Второго Шанса.

Пока ты, мой друг, гонялся за каким-то бесполезным Граалем, он нашел Священный Грааль внутри себя. Он чуть было не истаял от безумия, чуть было не опустился до тех злых дел, что творил в земной жизни, но с помощью милости Божьей и собственного искреннего желания доказать, что достоин того, чтобы жить снова, он... словом, завтра сможешь сам убедиться. И я надеюсь, тебе поможет его пример.

Коллоп рассказал подробнее. Геринг умирал почти столько же раз, сколько Бёртон, как правило — кончая с собой. Не в силах выдерживать страшных снов и самобичевания, он то и дело убивал себя. А на следующий день снова сталкивался с самим собой. Но, оказавшись здесь и попросив помощи у Коллопа — человека, которого однажды убил, — он победил себя.

— Я потрясен, — признался Бёртон. — И рад за Геринга. Но у меня другие задачи. Я бы просил тебя, чтобы ты никому не говорил о том, кто я такой на самом деле. Позволь мне остаться Абдулом ибн Гаруном.

Коллоп сказал, что будет хранить на сей счет молчание, но огорчился, что Бёртон не сможет повидать Геринга и самолично убедиться в том, что вера и любовь могут сотворить даже с самыми, казалось бы, безнадежными и отчаявшимися. Коллоп отвел Бёртона в свою хижину и познакомил с женой — невысокой тоненькой брюнеткой. Она вела себя исключительно мило и дружелюбно и стала настаивать на том, чтобы они взяли ее с собой, когда пойдут с визитом к местному владыке — *валкотуккаинену*: слово это на местном жаргоне означало «светловолосый парень» или «пройдоха».

Вилле Ахонен оказался флегматичным здоровяком, который спокойно выслушал Бёртона. Бёртон изложил ему свои планы только наполовину, объяснив, что хочет построить лодку, чтобы доплыть до конца Реки. О том, что он хочет пройти дальше, он даже не упомянул. Но Ахонену, видимо, такие, как Бёртон, уже встречались.

Он понимающе улыбнулся и сказал Бёртону, что тот может строить судно. Однако, как он объяснил, люди в этой местности — жуткие консерваторы. Они не желали лишать эти земли растительности. Бамбук — пожалуйста, а вот сосны и дубы трогать воспрещалось. Но и бамбук можно было только выменять на сигареты и спиртное, а их придется скопить.

Бёртон поблагодарил Ахонена и ушел. Попозже он улегся спать в хижине по соседству с Коллопом, но уснуть не смог.

Незадолго до неизменного дождя он решил выйти из хижины. Он решил, что поднимется в горы, укроется где-нибудь под навесом, пока не перестанет дождь, пока не рассеются тучи и не взойдет вечное — но тусклое — солнце. Теперь, когда он был так близко от цели, он не хотел, чтобы Они застигли его врасплох. Судя по всему, в этих краях могло оказаться множество агентов этиков. Не исключено, что одним из них была жена Коллопа.

Не прошел Бёртон и полмили, как начался дождь, совсем рядом сверкнула молния. При свете ослепительной вспышки Бёртон заметил над головой какой-то объект — всего в двадцати футах.

Он пригнулся и бросился к купе деревьев, надеясь, что Они не заметили его и что он сумеет там спрятаться. Если не заметят — он сумеет подняться в горы. А когда Они всех здесь усыпят, Они обнаружат, что его снова нет...

ГЛАВА 29

— Нам пришлось долго и упорно гоняться за вами, Бёртон, — сказал человек по-английски.

Бёртон открыл глаза. Перенос в это место оказался столь неожиданным, что у него голова закружилась. Но всего лишь на секунду. Он сидел в кресле из какого-то мягкого шелковистого материала. Комната представляла собой внутренность идеальной формы сферы с полупрозрачными светло-зелеными стенами. За ней виднелись другие сферические помещения — вверх, по бокам, внизу. И снова Бёртон ощутил замешательство, поскольку соседние комнаты не просто граничили с этой сферой. Они пересекались. Другие комнаты частично накладывались на ту, в которой находился Бёртон, но стены их становились при этом столь прозрачными, что он их едва видел.

На стене напротив висел темно-зеленый овал, вровень с изгибом стены. На овале был изображен призрачный лес. По нему шествовал призрачный фавн. От картины пахло сосной и кизилом.

Посередине шарообразной комнаты-пузыря сидело в креслах двенадцать человек — шесть мужчин и шесть женщин. За исключением двоих — смуглокожие и темноволосые и внешне весьма привлекательные. У троих на лбу волосы были перехвачены тоненькими повязками, а у одного мужчины волосы так курчавились, что даже не верилось, что они настоящие.

У одной женщины соломенно-желтые волосы образовывали причудливый пучок. Один из мужчин был рыжим — рыжим, как лисица. Он был красив, хотя черты лица имел неправильные, нос — крупный, с горбинкой, а глаза — темно-зеленые.

Одеты все они были в серебристые или лиловые блузы с короткими, расширяющимися книзу рукавами и гофрированными воротниками, подпоясанные тонкими светящимися ремешками, килты и сандалии. И у мужчин, и у женщин были накрашены ногти на руках и ногах, губы краснели помадой, вокруг глаз синели и зеленели тени, в ушах блестели серьги.

Над головой у всех, почти касаясь волос, вращались разноцветные шары не меньше фута в поперечнике. Шары крутились, сверкали и меняли окраску, играя всеми цветами радуги. Время от времени шары отбрасывали длинные прямоугольные отблески — зеленые, голубые, черные или ослепительно белые. Потом отблески исчезали и сменялись другими.

Бёртон опустил глаза. На нем было только черное полотнище ткани, обернутое вокруг пояса.

— Я предупрежу твой первый вопрос и скажу тебе, что мы не станем сообщать тебе, где ты находишься.

Это сказал рыжеволосый. Он улыбнулся Бёртону, обнажив неправдоподобно белые зубы.

— Отлично, — отозвался Бёртон. — А на какие же вопросы вы будете отвечать, кто бы вы ни были? Ну, например, как Вы меня разыскали?

— Меня зовут Лога, — представился рыжеволосый. — А разыскали мы тебя за счет сочетания детективной деятельности и удачи. Процесс был сложен, но для тебя я отвечу проще. Тебя разыскивало множество агентов, но их было мало, учитывая, что вдоль Реки проживает тридцать шесть миллиардов шесть миллионов девять тысяч тридцать семь кандидатов.

«Кандидатов?» — задумался Бёртон. Что ожидало кандидатов? Вечная жизнь? Значит, Спрюз сказал правду насчет цели Воскрешения?

Лога продолжал:

— Мы не знали, что ты скрываешься от нас посредством самоубийств. Даже тогда, когда тебя обнаруживали в областях, настолько отдаленных друг от друга, что попасть из одной в другую ты мог только посредством воскрешения, мы не подозревали, в чем дело. Мы думали, что тебя убивали, а затем ты переносился в другое место. Шли годы. Мы не знали, где ты. У нас было много других дел, поэтому мы отозвали всех агентов, занимавшихся, как мы это называли, «Делом Бёртона», и оставили их только по обоим концам Реки. Откуда-то ты узнал о Башне на полюсе. Позднее мы выяснили откуда. Нам очень помогли твои друзья — Геринг и Коллоп, хотя они не подозревали, что разговаривают с этиками, конечно.

— А кто известил вас о том, что я — неподалеку от конца Реки? — спросил Бёртон.

Лога улыбнулся и ответил:

— Этого тебе знать не нужно. Мы все равно поймали бы тебя. Видишь ли, каждая ячейка в предвоскресительной камере — том месте, где ты, вопреки нашим ожиданиям, очнулся раньше времени, — оборудована автоматическим счетчиком, установленным там для статистических и научных целей. Мы любим хранить записи обо всем происходящем. К примеру, кандидат, умирающий чаще среднего, рано или поздно становится объектом исследования. Чаще поздно, чем рано, поскольку за всеми не доглядишь.

И только после твоей семьсот семьдесят седьмой смерти наше внимание привлекли те, кто воскресает чаще других.

Ты поставил рекорд. И полагаю, тебя можно с этим поздравить.

— Есть и другие?

— За ними нет слежки, если ты это имеешь в виду. И по большому счету, таких немного. Мы не имели понятия, что это рекордное число смертей принадлежит тебе. Когда мы заглянули в твою ячейку во время проведения статистических подсчетов, она оказалась пуста. Два техника, которые видели тебя, когда ты очнулся, опознали тебя по твоей... фотографии.

Мы построили воскреситель таким образом, чтобы в следующий раз, когда ты воскреснешь, зазвучал сигнал тревоги, и тогда мы смогли бы доставить тебя сюда.

— Видимо, я не умер снова? — спросил Бёртон.

— Ты был обречен на смерть! Ты собирался выйти в полярное море через устье Реки, верно? Это невозможно. Последние сто миль Река течет по подземному туннелю. Любая лодка разбилась бы там вдребезги. Как и другие, кто дерзнул совершить такое путешествие, ты бы погиб.

Бёртон проговорил:

— Моя фотография — та, что я взял у Агню. Снимок сделан на Земле, когда я служил офицером в Индии. Как это было проделано?

— Наука, мистер Бёртон, — улыбаясь, ответил Лога.

Бёртону хотелось съездить по его надменной физиономии. В принципе ничто не мешало ему сделать это. Похоже, он мог бы добраться до Логи и врезать ему как следует. Но Бёртон понимал, что вряд ли этики сидели бы тут, не имея телохранилищ. Скорее бы они выпустили на волю свирепую гиену, чем его.

— А вы выяснили, почему я очнулся раньше времени? — спросил он. — И почему другие пришли в себя?

Лога вздрогнул. Кое-кто из мужчин и женщин испуганно вдохнул.

Первым заговорил Лога.

— Мы тщательно исследовали твоё тело, — сказал он. — Ты даже представить себе не можешь, насколько тщательно. Мы также изучили до мельчайших компонентов твой... *психоморф*, пожалуй, можно это так назвать. Или ауру, если тебе так больше нравится. — Он указал на вертящуюся над его головой сферу. — Пока мы не нашли никаких ответов.

Бёртон запрокинул голову и громко расхохотался. Отсмеявшись, он воскликнул.

— Значит, вам, ублюдкам, не все ведомо!

Лога натянуто улыбнулся:

— Нет. И никогда не будет. Только Один всеведущ.

Он сложил вместе указательный, средний и безымянный пальцы правой руки и коснулся лба, сердца и гениталий. Остальные сделали то же самое.

— Но я скажу тебе, что ты испугал нас — если тебе от этого легче. И пугаешь до сих пор. Видишь ли, мы почти уверены в том, что ты — один из тех людей, о которых нас предупреждали.

— Предупреждали? Кто?

— Один... гигантский компьютер, живой компьютер. И его оператор. — Он снова произвел странный жест. — Вот и все, что я могу тебе ответить, хотя ты все равно не запомнишь ничего из того, что тут, внизу, происходило, после того как мы отправим тебя обратно в долину Реки.

Сознание Бёртона затуманил гнев, но все же не до такой степени, чтобы он пропустил слово «внизу». Означало ли это, что воскресительная техника и логово этиков располагаются под поверхностью Речной планеты?

Лога продолжал:

— Полученные нами сведения говорят о том, что ты можешь обладать способностью разрушить наши планы. Почему и как — этого мы не знаем. Но мы высоко ценим наш источник информации — как высоко, этого ты себе и представить не можешь.

— Если вы в это верите, — сказал Бёртон, — почему бы вам не сунуть меня в какой-нибудь там холодильник? Суньте меня между теми стержнями. Пусть я верчусь в пространстве, пусть вечно кручусь там, словно отбивная на вертеле, пока ваши планы не осуществляются.

— Мы не можем сделать этого! — воскликнул Лога. — Одно это деяние погубит все! Как ты тогда достигнешь спасения? И потом, такое бы означало проявление непростительной жестокости с нашей стороны! Это невыносимо!

— Вы проявили жестокость тогда, когда вынудили меня бегать от вас и прятаться, — возразил Бёртон. — Вы жестоки и теперь, когда удерживаете меня здесь против моей воли. Вы поступите со мной жестоко, когда сотрете в моей памяти воспоминания о том, что я слышал тут, во время этой короткой встречи тет-а-тет с вами.

Лога чуть только руки не заломил. Если Тайнственным Незнакомцем, предателем этиков, был он, то он был великим актером. Тоскливым голосом он проговорил:

— Это правда лишь отчасти. Мы вынуждены были принять соответствующие меры, чтобы обезопасить себя. Будь на твоём месте любой другой человек, мы бы его и пальцем не тронули. Верно, мы нарушили свой этический кодекс тем, что вынудили тебя бегать от нас, и тем, что подвергли тебя

обследованию. Но увы, это должно было произойти. И поверь, мы расплачиваемся за это муками совести.

— Вы могли бы несколько смягчить эти муки, если бы сказали мне, почему и я, и все остальные люди были воскрешены. И как вы это проделали.

Лога стал рассказывать, и время от времени кто-нибудь вмешивался в его пояснения. Чаще других встревала женщина с соломенно-желтыми волосами, и немного погодя Бёртон решил, судя по тому, как они разговаривали с Логой, что женщина — либо его жена, либо важная шишка.

Время от времени в пояснения вступал один из мужчин. Стоило ему заговорить, как сразу чувствовалось уважение и внимание к нему со стороны всех остальных, из чего Бёртон заключил, что этот человек — не иначе как главный. Как-то раз мужчина так повернул голову, что один его глаз сверкнул, и Бёртон удивленно уставился на него — раньше он не замечал, что в левой глазнице у того — алмаз.

Бёртон подумал, что это, видимо, устройство, обеспечивающее мужчину каким-то чувством или целым набором чувств, каким-то ощущением, которого лишены остальные. С этого мгновения Бёртон чувствовал себя неловко, когда ребристый и сверкающий глаз устремлял взгляд на него. Что, интересно, видит эта многоугольная призма?

К концу объяснений Бёртон узнал не больше, чем знал и раньше. Этики могли заглядывать в прошлое при помощи чего-то вроде хроноскопа. С его помощью они умели вести записи обо всех когда-либо живших существах. Пользуясь этими записями как моделями, они затем осуществляли воскрешение с помощью энергетических материализующих конверторов.

— А что бы произошло, — поинтересовался Бёртон, — если бы вы вдруг воскресили одновременно два тела одного и того же человека?

Лога сухо усмехнулся и сказал, что такие эксперименты проводились. Жизнь получало только одно тело.

Бёртон улыбнулся, словно кот, который только что слопал мышку.

— Думаю, вы мне лжете, — заявил он. — Или говорите не всю правду. Во всем, сказанном вами, прослеживается софистика. Если люди могут достичь такого исключительно высокого этического состояния, при котором они «продолжают путь», то почему же вы, этики, которые вроде бы существа высшего порядка, до сих пор здесь? Почему же это вы тоже не «продолжаете путь»?

Лица у всех, кроме Логи и мужчины с бриллиантом в глазу, вытянулись. Лога рассмеялся и сказал:

— Очень тонко. Просто отлично. Ответить могу одно: некоторые из нас *«продолжают путь»*. Но с нас в этическом смысле спрос больше, чем с вас, воскрешенных.

— А я все равно думаю, что вы лжете, — сказал Бёртон. — Хотя поделаться ничего не могу. — Он усмехнулся и добавил: — По крайней мере, пока.

— Если ты укрепишься в таком мнении, тебе никогда не *«продолжить путь»*, — сказал Лога. — Однако мы чувствовали, что обязаны объяснить тебе, чем занимаемся, — насколько могли. Когда мы изловим других, которые тоже, как и ты, обработаны, мы точно так же поступим и с ними.

— Среди вас есть Иуда, — сказал Бёртон, наслаждаясь эффектом, который должны были произвести эти слова.

Но мужчина с алмазным глазом обратился к Логe:

— Лога, почему ты не скажешь ему правду? Тогда он перестанет так самодовольно ухмыляться и будет поставлен на место.

Лога ненадолго растерялся, а потом сказал:

— Хорошо, Танабур. Бёртон, теперь ты должен быть очень осторожен. Ты *не должен* совершать самоубийств и должен так же стараться остаться в живых, как делал это на Земле, когда думал, что тебе дана только одна жизнь. Число воскрешений ограничено. После достижения определенного числа — а оно у всех разное, и предсказать, сколько дано каждому, невозможно — психоморф, похоже, отказывается соединяться с телом. Каждая смерть ослабляет *связь* между психоморфом и телом. Постепенно психоморф попадает в точку, откуда нет возврата. Он становится... ну, если использовать антинаучный термин — *потерянной душой*. Он, бестелесный, скитается по Вселенной. Эти бродячие психоморфы мы умеем выявлять без инструментов, в отличие от психоморфов... как это сказать?... *«спасенных»*, которые напроць исчезают из поля нашего зрения.

Так что, пойми, ты должен отказаться от путешествий с помощью смерти. Вот почему непрерывное совершение самоубийств тем, кому не под силу справиться с жизнью, если не непростительный грех, то нечто необратимое.

А мужчина с алмазным глазом сказал:

— Тот предатель, тот неизвестный нам мерзавец, который тебе твердил, что помогает тебе, на самом деле использовал тебя для достижения собственных целей. Он не сказал тебе, что ты тратишь свои шансы на достижение жизни вечной на то, что осуществляешь его — и свои — планы. Он, или она, кем бы ни был предатель — носитель зла. Зла, зла!

Поэтому теперь ты должен быть осторожен. В запасе у тебя осталось не больше десятка смертей. А может быть, твоя следующая смерть станет последней.

Бёртон вскочил на ноги и крикнул:

— Вы не хотите, чтобы я добрался до конца Реки? Почему? Почему?

Лога сказал:

— Прощай. Прости нас за нашу жестокость.

Бёртон не заметил, чтобы кто-то из двенадцати направил на него свой инструмент. Но сознание вылетело из него так быстро, как из лука вылетает стрела, и он очнулся...

ГЛАВА 30

Первым, кто встретился ему, был Питер Фрайгейт. Фрайгейт совершенно утратил обычное самообладание: он плакал навзрыд. Бёртон тоже немного поплакал, не без труда отвечая Фрайгейту, который буквально засыпал его вопросами. Прежде всего Бёртону хотелось узнать, чем занимались после его исчезновения Фрайгейт, Логу и Алиса. Фрайгейт ответил, что они, все трое, искали его, а потом уплыли вверх по Реке обратно в Фелем.

— А ты где был? — спросил Фрайгейт.

— *«Я ходил по земле и обошел ее»**, — ответил Бёртон. — Но в отличие от Сатаны, я нашел несколько совершенных и честных людей, богобоязненных и противящихся злу. Но совсем немного. Большинство мужчин и женщин по-прежнему эгоистичны, невежественны, суеверны, слепы, лицемерны и трусливы — такие же, какими были на Земле. И в большинстве людей древняя обезьяна с налитыми кровью глазами борется со своим хозяином, обществом, и рвется на волю, и готова обгадить свои руки кровью.

Фрайгейт болтал без умолку все время, пока они шагали к частоколу вокруг здания совета, где располагалось правительство государства Фелем. Бёртон слушал его вполуха. Он дрожал, сердце его бешено колотилось, но не из-за того, что он вернулся домой.

Он *помнил!*

Что бы ни говорил ему Лога, он помнил и то, как очнулся много лет назад в предвоскресительной камере, и разговор с двенадцатью этиками.

Объяснение могло быть единственным. Кто-то из двенадцати предотвратил стирание из его памяти всего случившегося и при этом так, что остальные об этом не узнали.

---

* Иов, 2.2 (Ответ Сатаны Богу).

Один из двенадцати был Таинственным Незнакомцем, ре-негатом.

Который? Сейчас понять было невозможно. Но настанет день, и он это узнает. А пока у него был друг при дворе, человек, который, вероятно, использует Бёртона в своих целях. Но будет время — и Бёртон использует его для своих целей.

Были и другие, кого пометил Таинственный Незнакомец. Может быть, он сумеет отыскать их, и они все вместе пойдут на штурм Башни.

У Одиссея была Афина. Как правило, Одиссею приходилось своими силами выбираться из затруднительных положений за счет собственной хитрости и отваги. Но время от времени богиня, когда могла, протягивала Одиссею руку помощи.

У Одиссея была Афина. У Бёртона — Таинственный Незнакомец.

— Что у тебя на уме, Дик? — спросил Фрайгейт.

— Построю лодку и поплыву вверх по Реке. До самого конца! Хочешь присоединиться?

ПОСТСКРИПТУМ

Так заканчивается 1-й том сериала «Мир Реки». Во 2-м томе будет рассказано о том, как Сэмюэль Клеменс искал железо в долине, бедной полезными ископаемыми, нашел его и построил огромный колесный пароход под названием «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ».

СКАЗОЧНЫЙ ПАРОХОД

*Посвящается порочной троице Бобов:
Блоху, Хайнлайну и Троригу — и пусть
мы встретимся на берегах Реки, чтобы
отправиться в путь на сказочном
пароходе.*

ГЛАВА 1

— Воскрешение из мертвых, как и политика, собирает в одну постель довольно странных партнеров, — произнес Сэм Клеменс. — И я бы не сказал, что такой сон способствует отдыху.

Сунув под мышку подозрную трубу и покуривая длинную зеленую сигару, он прогуливался взад и вперед по кормовой палубе «Дрейругра» («Запятнанного кровью»). Ари Гримолфсон, стоявший у руля и ни слова не понимавший по-английски, мрачно посмотрел на Сэма. Клеменс перевел свою шутку на ломаный древненорвежский, но взгляд кормчего не стал от этого теплее.

Сэм громко обругал его по-английски, назвав тупоголовым варваром. В течение трех лет он днями и ночами практиковался в норвежском языке десятого века, однако большинство мужчин и женщин на борту «Дрейругра» понимали его речь лишь наполовину.

— Как старый Гек Финн, которому исполнилось девяносто пять лет плюс-минус несколько тысячелетий, я отправился на плоту вниз по Реке, — прошептал Клеменс. — А теперь меня везут к ее верховьям на этом идиотском корабле викингов. И кто бы мне сказал, что будет дальше? Когда я наконец пойму свой сон?

Прижимая руку к телу, чтобы не выронить драгоценную подозрную трубу, он ударил кулаком по ладони:

— Железо! Мне нужно железо! Но где его найти на этой планете, столь скудной металлами и перенаселенной людьми? А ведь железо тут есть! Иначе откуда бы взялся топор Эрика? Интересно, сколько его здесь? Хватит ли для строительства корабля? Скорее всего, нет. Возможно, это был только небольшой упавший метеорит. И все-таки для того, что я задумал, железа может оказаться достаточно. Вот только где его искать? Господи! Эта Река тянется на двадцать миллионов миль! И железо — если оно действительно есть — может находиться на другом ее конце.

Нет, этого не может быть! Оно должно залегать где-то рядом, в пределах ста тысяч миль. Но кто даст гарантию, что мы плывем в нужном направлении? О невежество — извечная мать истерии! Впрочем, можно сказать и наоборот.

Клеменс навел подозрную трубу на правый берег и еще раз выругался. Несмотря на его просьбы направить корабль к краю русла, чтобы он мог рассмотреть лица людей на ближайшей равнине, ему было в этом отказано. Конунг норвежского флота, Эрик Кровавый Топор, сказал, что они плывут мимо враждебной территории и, пока существует опасность нападения, корабли будут оставаться на середине Реки.

«Дрейругр», — флагман флотилии, состоявшей из трех одинаковых кораблей, — достигал в длину восьмидесяти футов и, несмотря на бамбуковый корпус, напоминал «драконий челн» воинственных викингов. Носовую часть длинного и низкого судна украшала дубовая голова морского чудовища; узкая корма загибалась кверху, как хвост. Передняя и задняя палубы выступали немного над водой, а к двум бамбуковым мачтам крепились тонкие косые паруса, сделанные из прочных и эластичных мембран. Эти мембраны добывались из плавательных пузырей глубоководных рыб, которых называли «речными драконами». Штурвальное колесо располагалось на кормовой палубе; вдоль бортов висели круглые дубовые щиты, обтянутые кожей, а на широких «козлах» лежали большие весла. «Дрейругр» плыл против ветра, непрерывно лавируя и меняя галс, хотя там, на Земле, викинги не знали этого маневра.

Свободные от вахты мужчины и женщины сидели на скамьях для гребцов, болтали о жизни, играли в кости и покер. Из-под кормовой палубы доносились ликующие крики, ругань, а порою и слабое щелканье. Это Кровавый Топор резался с телохранителем в бильярд, и на сей раз их беспечность тревожила Клеменса. Кровавый Топор знал, что в трех милях выше по Реке вражеские корабли устроили им засаду. От обоих берегов позади «Дрейругра» отплывали боевые галеры, замыкая кольцо блокады. Но конунг сохранял нарочитое спокойствие и своей невозмутимостью напоминал адмирала Дрейка перед битвой с Великой Армадой.

— Однако условия здесь совершенно иные, — пробормотал Клеменс. — Русло не шире полутора миль, и нам не хватит места для маневра. Кроме того, Эрик не может надеяться на шторм, который помог бы ему в сражении.

Сэм снова осмотрел берег в подозрную трубу. Три года, с тех пор как флот отправился в путь, он только этим и занимался. Из-за массивной головы его не слишком широкие плечи выглядели еще уже. Длинные каштановые волосы об-

рамляли лицо с тонким римским носом, мохнатыми бровями и голубыми глазами. Усы, которыми он славился во время жизни на Земле, отсутствовали, поскольку мужчины воскрешались в этом мире безусыми и безбородыми, как невинные младенцы. Однако его грудь украшало море курчавых рыжеватых волос, волны которого выплескивались до ямочки на горле. Белое полотенце, прикрывавшее бедра, крепилось у талии кожаным поясом, на котором висели его грубые самодельные башмаки, небогатое оружие и футляр для подозрной трубы. Тело покрывал бронзовый экваториальный загар.

Сэм опустил трубу и взглянул на вражеские корабли, плывшие в миле позади «Дрейругра». В этот миг над его головой что-то сверкнуло, и он увидел росчерк ослепительного сияния, который походил на изогнутую саблю, выскользнувшую из небесных ножен. Огненный клинок помчался вниз и в молниеносном выпадѣ исчез за горами.

Клеменс был поражен. Ему не раз доводилось наблюдать по ночам падение мелких метеоритов, но такого крупного он еще никогда не видел. Даже при свете дня гигантский болид слепил глаза, и его остаточный образ хранился на сетчатке секунду или две. А потом алая дуга поблекла; Сэм забыл об упавшей звезде, и его взгляд вновь устремился к далеким предгорьям.

Местность выглядела довольно однообразно. По обоим берегам тянулись полуторамильные полсски равнин, поросшие травой и бамбуком. Вдоль Реки, на расстоянии мили друг от друга, располагались большие питающие камни, по форме напоминавшие грибы. Деревья на равнинах встречались редко, зато предгорья казались темными от сосновых, дубовых и тисовых рощ. Среди них обособленными группами выделялись «железные» деревья. Их серые стволы вздымались на тысячефутовую высоту; огромные кроны с сотней сучковатых ветвей вскипали густой листвой, похожей на слоновьи уши. Древесина этих растений была настолько твердой, что не поддавалась ни огню, ни топору, и лишь лианы, усыпанные большими яркими цветами, умирляли нрав гигантов бесконечной и ажурной путаницей своих гибких стеблей.

Через одну-две мили за холмами начинались горы. Их гладкие отвесные склоны, возносясь на высоту двадцати—тридцати тысяч футов, после первой трети подъема становились абсолютно неприступными.

Три норвежских корабля проплывали район Реки, заселенный немцами начала девятнадцатого века. Около десяти процентов жителей составляли люди из другой эпохи — в данном случае персы первого столетия. Кроме того, один

процент населения, по незабываемым правилам этого странного мира, состоял из мужчин и женщин, живших на Земле в разных странах и в разные времена.

Сэм рассматривал в подзорную трубу бамбуковые хижины и фигуры людей. На чреслах мужчин виднелись цветастые набедренные повязки. Женщины носили короткие юбки, сделанные из нескольких полотенец, и куски полупрозрачной ткани, которые символически прикрывали их груди. На берегу собирались толпы зевак, которым не терпелось посмотреть на сражение. Почти у всех имелись копыя с кремневыми наконечниками, а у многих Клеменс видел луки и стрелы. Тем не менее, судя по их мирным и расслабленным позам, в намечавшейся битве они выбрали себе роль зрителей.

Внезапно Сэм ахнул и задержал взгляд на лице одного из мужчин. Большое расстояние и слабая разрешающая способность оптического прибора не позволяли ему разглядеть этого человека как следует, но широкоплечая фигура и смуглое лицо казались Клеменсу удивительно знакомыми. Вот только где он мог видеть его раньше?

И тут Сэма словно осенило. Мужчина напомнил ему известного английского исследователя сэра Ричарда Бёртона, фотографии которого он неоднократно видел на Земле. Во всяком случае от его облика веяло такими же мужеством и силой. Когда корабль проплыл мимо этой группы людей, Клеменс со вздохом перевел окуляр на другие лица — как бы ему того ни хотелось, он не мог убедиться в правильности своей догадки.

Конечно, будь его воля, он бы с радостью сошел на берег и побеседовал с этим мужчиной. И, возможно, тот действительно оказался бы Ричардом Бёртоном. За двадцать лет жизни в мире Реки, повидав миллионы лиц, Клеменс еще не встречал людей, которых знал на Земле. Сэм не был знаком с Бёртоном лично, но полагал, что тот слышал о нем немало. А значит, этот человек — если только Клеменс не обознался — мог бы стать звеном, пусть тонким и непрочным, с его прежней жизнью на потерянной Земле.

И вдруг окуляр подзорной трубы выхватил далекую размытую фигуру.

— Ливи! — не веря своим глазам, воскликнул Клеменс. — О Боже мой, Ливи! Ливи!

Все сомнения отпали. Он по-прежнему не различал ее лица, но смутный образ так сильно соответствовал истине, что его уже нельзя было отрицать. Овал лица, фигура и прическа! Ее чудесная походка, столь же уникальная, как отпечатки пальцев! И все это говорило — нет, кричало — о том, что Клеменс видел перед собой свою земную жену.

— Ливи! — жалобно всхлипнул он.

Корабль накренился, меняя галс, и Сэм потерял ее из виду. Минуту или две он сосредоточенно осматривал в подзорную трубу многолюдные толпы, собравшиеся на берегу. А потом тоска и разочарование выплеснулись наружу. Вытащив глаза, он затопал ногами по палубе и закричал:

— Кровавый Топор! Поднимайся наверх! Кровавый Топор! Скорее, скорее!

Сэм рванулся к кормчему, приказывая повернуть назад и подвести корабль к берегу. В первый момент горячность Клеменса вызвала у викинга некоторую растерянность, но Гримолфссон быстро пришел в себя и, прищурив глаза, отрицательно покачал головой.

— А я приказываю тебе! — вскричал Клеменс, забыв о том, что кормчий не понимает по-английски. — Там моя жена! Моя Ливи! Прекрасная Ливи, какой она была в свои двадцать пять лет! Юная и восставшая из мертвых!

Услышав за спиной тяжелые шаги, Клеменс обернулся. На уровне палубы появилась белокурая голова с обрубленным левым ухом. Затем, по мере того как Эрик поднимался по трапу, перед Сэмом возникали широкие плечи, могучая грудь, огромные бицепсы и колонноподобные бедра Кровавого Топора. Весь его наряд состоял из одного полотенца в черно-зеленую клетку. На кожаном поясе висели несколько сланцевых ножей и чехол, в котором он носил свой топор с широким стальным лезвием и дубовой рукояткой. Топор Эрика, насколько знал Клеменс, мог считаться уникальным изделием, так как оружие на этой планете изготавливалось из дерева и камня.

Осмотрев Реку, конунг нахмурился и повернулся к Клеменсу:

— Что случилось, *сма-скитлигр*? Я не попал по верному шару, когда ты начал вопить, словно невеста Тора в первую брачную ночь. Из-за тебя я проиграл Токи Няльссону сигару.

Он вытащил топор из чехла и замахнулся на Сэма. Солнце сверкнуло на голубоватой стали.

— Надеюсь, у тебя имелась веская причина, чтобы тревожить меня криком. Я убивал многих и за меньшую провинность.

Загорелое лицо Клеменса побледнело, но на этот раз не от испуга. Он свирепо взглянул на конунга и оскалил зубы. Взъерошенные волосы, орлиный профиль и хищный взгляд придавали ему сходство с пустельгой.

— Катись ты к черту вместе со своим топором! — закричал он. — Я только что видел мою Ливи! Мою жену! Она там, на правом берегу! И я хочу... Нет, я требую, чтобы ты

высадил меня туда. Мне надо найти ее, понимаешь? О Боже, после стольких лет безнадежных поисков я снова увижу ее! Мы остановимся только на минуту, Эрик! Ты же не откажешь мне в этом, правда? Ты не можешь поступить со мной так бесчеловечно!

Блеснув огненной полосой, топор со свистом рассек воздух. Викинг презрительно усмехнулся:

— И вся эта суета из-за какой-то бабы? А ты подумал о ней?

Он ткнул пальцем в сторону небольшой смуглой женщины, которая стояла у лафета ракетной установки.

Клеменс побледнел еще сильнее.

— Темах прекрасная девушка! Я люблю ее всей душой! Но она — не Ливи!

— Довольно болтать, — оборвал его Кровавый Топор. — Неужели ты принимаешь меня за идиота? Стоит нам подойти к берегу, как их галеры тут же прижмут наши корабли к суше и сотрут нас в муку, как мельница Фрейра. Лучше забудь о своей жене.

Клеменс взвизгнул, замахал кулаками и бросился на викинга. Тот сбил его с ног, ударив по голове обухом стального топора. Несколько минут Сэм лежал на спине, и его открытые глаза смотрели прямо на солнце. Из-под волос сочилась и стекала по бледному лицу кровь. А потом он поднялся на четвереньки, и его начало тошнить.

Эрик сделал нетерпеливый жест. Темах быстро спустила в Реку обмазанную глиной корзину и, бросая на конунга испуганные взгляды, подняла на веревке свое импровизированное ведро. Она выплеснула воду на Клеменса. Тот сел, а затем шатаясь поднялся на ноги. Темах снова наполнила ведро и смыла с палубы рвоту.

Сэм сердито зарычал, но его ярость вызвала у викинга лишь брезгливую усмешку.

— Жалкий трус! Ты болтал слишком много и долго. Теперь ты знаешь, что бывает с теми, кто задирает нос перед Эриком Кровавым! Считай, что тебе повезло — я оставил тебя живым!

Клеменс отвернулся от конунга и, покачиваясь, зашагал к краю палубы. Добравшись до ограждения, он попытался влезть на деревянные перила.

— Ливи!

Выкрикнув проклятие, Кровавый Топор подбежал к Сэму, схватил его за пояс и, оттащив назад, сильным толчком повалил на палубу.

— Я не дам тебе удрать, ничтожный смерд! — грозно произнес он. — Сначала ты должен найти для меня железо!

— Здесь его нет... — начал было Клеменс, но тут же прикусил язык.

Если бы конунг понял, что Сэм ничего не знал о местоположении рудника и, хуже того, даже сомневался в его существовании, он покончил бы с Клеменсом в одно мгновение.

— Потом, когда мы найдем железо, — бодро продолжал Эрик, — ты покажешь нам путь к Полярной Башне. Впрочем, я мог бы отыскать ее и сам, доплыв до истока Реки. Но в твоей голове еще много такого, что может мне пригодиться. К тому же, пока ты жив, в моих руках будет и Джо Миллер — этот великан из страны льда и мороза.

— Джо! — прошептал Клеменс заплетающимся языком и попытался подняться. — Джо Миллер! Где мой верный Джо? Он убьет тебя, Эрик! Убьет!

Топор со свистом пронесся над головой Сэма.

— Ты не скажешь ему ни слова о нашей ссоре, слышишь? Клянусь пустой глазницей Одина, я прикончу тебя еще до того, как он протянет ко мне свои лапы. Ты понял меня, недоносок?

Клеменс поднялся на ноги и, шатаясь, громко закричал:

— Джо! Джо Миллер!

ГЛАВА 2

Из-под кормовой палубы донеслось приглушенное ворчание. И хотя люди уже тысячу раз слышали этот мощный и низкий голос, волосы на их затылках сами собой поднялись дыбом.

Под весом гиганта закрипели крепкие бамбуковые ступени — закрипели так громко, что заглушили песню ветра на кожаных струнах такелажа. Скрип трапа перекрыл собой шелканье парусов-мембран, сухой скрежет деревянных соединений, крики команды и журчание воды за кормой корабля.

Голова, появившаяся над краем палубы, выглядела еще более устрашающей, чем этот нечеловеческий низкий голос. Размерами она походила на бочонок пива, а под розовой отвисшей кожей торчали бугры черепных костей. Выступавшие надбровные дуги нависали над маленькими темно-синими глазами. Нос вообще не соответствовал остальным чертам лица. Здесь больше подошла бы плоская широкая блямба с выступающими ноздрями, но не эта ужасная и смешная пародия на человеческий орган обоняния. Нечто подобное представляли на всеобщее осмеяние хоботковые обезьяны* Земли.

---

* *Nasalis Larvatus* — большая обезьяна с острова Борнео. (Примеч. пер.)

Вдобавок ко всему прочему под раскидистой сенью носа находилась длинная верхняя губа, какую в комиксах обычно подрисовывали шимпанзе и ирландцам. Тонкие губы выдавались вперед, повторяя форму выпуклых челюстей.

Рядом с таким великаном Эрик Кровавый выглядел тщедушным дистрофиком. Джо гордо шествовал, неся перед собой живот, чьи размеры и форма напоминали воздушный шар, готовый к полету. Его руки и ноги казались немного короткими в сравнении с длинным туловищем, а поясница находилась на уровне подбородка среднего роста мужчины. Одной рукой, вытянутой во всю длину, он мог часами удерживать Сэма в воздухе без малейших признаков дрожи.

Джо не носил никакой одежды и не находил причин носить ее впредь. О стыде и пристойности он узнал только после того, как соприкоснулся с гомотопиенсом. Длинные красноватые волосы — более густые, чем у людей, но не такие плотные, как у шимпанзе, — прилипли к вспотевшему телу. Кожа под ними выглядела грязновато-розовой, особенно в сравнении с белокурыми детьми нордической расы.

Его рыжая волнистая шевелюра начиналась в дюйме выше бровей и круто по косой уходила к темени. Он пригладил ее ладонью, размером с большой словарь английского языка, а затем зевнул, показав большие, на вид человеческие зубы.

— Я зпал, — прооручал гигант. — Мне знилазь Земля и зильный *кравульзизменгбхабафинг*, которого вы называете мамонтом. Эх, добрые зтарые деньки!

Он сделал еще несколько шагов и внезапно замер на месте.

— Зэм! Что злучилозь? Ты везь в крови! И вид у тебя очень нездоровый!

Что-то шепнув своей охране, Кровавый Топор попятился от титантропа и закричал:

— Твой приятель сходит с ума! Ему снова показалось, что он увидел свою жену. И это случалось уже тысячи раз! Он набросился на меня, когда я отказался поворачивать к берегу. Но клянусь яйцами Тира, Джо! Ты и сам знаешь, сколько раз ему мерещилась эта женщина! А разве мы не выполняли его просьб? Разве мы не останавливались после каждого его крика? И всегда получалось так, что это была не она! Всегда получалось так, что он ошибался! На сей раз я ответил ему отказом. Пусть даже он действительно увидел свою жену, я все равно не поверну корабль. Мы не можем совать головы в волчью пасть!

Эрик пригнулся и приподнял топор, готовый в любую секунду отразить нападение гиганта. Со средней палубы по-

слышались крики, и по трапу взбежал рослый рыжий парень с каменным томагавком. Кормчий жестом велел ему уйти. Взглянув на разъяренного Джо Миллера, рыжий вояка поспешил удалиться.

— Что скажешь, Зэм? — спросил Миллер. — Может быть, мне разорвать его на кузки?

Сжав голову руками, Клеменс тихо произнес:

— Не надо, Джо. Я думаю, он прав. Мне действительно могло показаться. Возможно, я снова спутал Ливи с какой-то немецкой домохозяйкой. — Он застонал и закричал в безудержной тоске: — Я не знаю, Джо! Не знаю, как поступить! Но ведь это могла быть и она!

На соседнем корабле взревели горны, сделанные из полых рыбьих костей. В ответ на средней палубе флагмана загрохотал боевой барабан.

— Забудь о мести, приятель, — сказал Клеменс. — Давай сначала выберемся из этой передраги. Я не очень верю, что у нас есть хоть какой-то шанс, но, если мы хотим остаться в живых, нам надо сражаться одной командой. Возможно, потом...

— Ты всегда говоришь «потом», и твое «потом» никогда не наступает. Скажи мне, Зэм, почему?

— Если тебе это еще не понятно, то ты действительно такой тупой, каким выглядишь, — огрызнулся Клеменс.

В глазах Джо блеснули набежавшие слезы; его пухлые щеки стали мокрыми.

— Каждый раз в минуты испуга ты обзываешь меня тупым, — сказал он. — Почему ты озкорбляешь меня, а не тех, кто пугает тебя, Зэм? Почему ты зрываешь зло на мне, а не на Кровавом Топоре?

— Прости меня, Джо, — прошептал Клеменс. — Устами младенца и проточеловека глаголет истина... Ты не тупой! Ты очень хороший и умный! Забудь о моих словах. Я прошу у тебя прощения.

Кровавый Топор снова обрел свой важный вид, но на всякий случай держался подальше от Джо, с усмешкой помахивая топором.

— Наконец-то металл столкнется с металлом! Впрочем, что я говорю? — Эрик рассмеялся. — В местных битвах камни стучат о дерево, и мой звездный топор единственный в этом мире! Хотя какая разница? Меня утомили шесть месяцев мира. Я жажду криков войны, посвиста стрел и копий, кровавых кусков, которые моя сталь отсекает от тела врага! Дайте мне запах крови! Меня уже колотит дрожь, как запертого в стойле жеребца, почуявшего течку кобылы! Я должен

завалить эту сучку-смерть и насладиться ею, как смазливой шлюхой!

— Ты замец, Кровавый Топор! — проворчал Джо Миллер. — У тебя такая же проблема, как и у Зэма. Ты тоже напуган, но прикрываешь звой зтрах хвазтливой речью из большого рта.

— Я не понимаю твоей искалеченной речи, — небрежно ответил викинг. — И нечего обезьянам поганить язык людей.

— Нет, ты меня прекрасно понял, — зарычал Миллер.

— Успокойся, Джо, — вмешался Сэм Клеменс.

Он с тревогой смотрел вперед. Милых в двух вверх по течению прибрежные равнины постепенно исчезали. Суровые горы подступали к самой Реке, сокращая ширину русла до четырехсот пятидесяти ярдов. Вода бурлила у подножия скал, высота которых достигала трех тысяч футов. И там, на вершинах, с обеих сторон в лучах солнца сияли какие-то непонятные объекты.

За полмили до входа в теснину Сэм увидел тридцать галер, образовавших три выгнутые линии атаки. Используя быстрое течение и силу шестидесяти весел на каждом судне, они стремительно мчались навстречу норвежским кораблям. Осмотрев флот противника в подзорную трубу, Клеменс подытожил свои наблюдения:

— На борту каждой галеры около сорока воинов и по паре ракетных установок. Мы попали в ловушку. К тому же наши ракеты хранились в трюме так долго, что порох мог уже кристаллизоваться. Если снаряды разорвутся в стволах, мы улетим на тот свет дальше ада! А взгляните на вершины скал! Неужели эти штуки предназначены для метания греческого огня?

Слуга подал конунгу доспехи: трехслойный кожаный шлем с имитацией крыльев и сопла, кожаную кирасу, налокотники и щит. Еще один воин принес ему несколько копий с тисовыми древками и кремневыми наконечниками.

Боевой расчет ракетной установки — все, как одна, женщины — уже вставлял снаряд в метательную трубу. Шестифутовая ракета с бамбуковыми стабилизаторами выглядела увеличенной копией шутих, которые когда-то запускали на День независимости. Боеголовка содержала двадцать фунтов черного пороха, смешанного с мелкими осколками камней, которые заменяли собой шрапнель.

Джо Миллер отправился вниз за своими латами и оружием. Палуба жалобно заскрипела под его восьмьюстами фунтами. Клеменс нахлобучил шлем, забросил за спину щит, но не стал надевать ни кирасы, ни поножей. Он ужасно

боялся ран, однако его еще больше страшила перспектива свалиться в Реку и утонуть под тяжестью доспехов.

Сэм еще раз поблагодарил богов этого мира за то, что они свели его с Джо Миллером — верным другом и кровным братом. Правда, церемония братания потребовала не только пролития крови, но и других болезненных, а во многом и омерзительных действий. В один момент Сэм даже был близок к обмороку. Однако теперь они без колебаний вставали на защиту друг друга, а в сражении титантроп один вполне управлялся за двоих.

Кровавый Топор невзлюбил Миллера из зависти. Он мнил себя величайшим воином всех миров и столетий, но прекрасно понимал, что Джо может надавать ему пинков, как приبلудной собаке.

— Вот именно, — прошептал Сэм. — Приبلудной задрипанной шавке!

Эрик выкрикивал приказы, которые передавались на два других корабля вспышками света, отраженного обсидановыми зеркалами. Он намеревался поднять паруса и прорваться сквозь ряды галер. Задача была не из легких; предстояло постоянно лавировать, избегая таранов и потери ветра. Кроме того, каждый корабль трижды попадал бы под перекрестный огонь. И тут их могло спасти только чудо.

— Против нас даже ветер, — произнес Сэм Клеменс. — Их ракеты будут бить гораздо дальше наших. Нам надо быстрее прорваться в ряды противника.

— Не учи отца... — оборвал его Кровавый Топор и осекся на полуслове.

Блестящие объекты сорвались с вершин утесов и устремились вниз, направляясь к кораблям викингов. Норвежцы в страхе закричали, но Сэм, распознав планеры, в нескольких словах объяснил конунгу назначение летающих машин. Кровавый Топор начал успокаивать своих людей, и в тот же миг передние галеры дали первый ракетный залп. Десять мощных снарядов, вилляя и оставляя за собой шлейфы густого дыма, помчались по дуге к трем парусным кораблям. Те быстро поменяли курс, едва не наскочив друг на друга. Некоторые ракеты пронеслись рядом с мачтами и парусами, но ни одна из них не угодила в цель, и все они с плеском упали в Реку.

К тому времени первый планер предпринял атаку. Легкий и длиннокрылый, с серебристым фюзеляжем, на боках которого чернели мальтийские кресты, он ринулся под углом в сорок пять градусов на «Дрейругра». Норвежские воины подняли тисовые луки и по команде старшего выпустили стрелы. Те забарабанили по фюзеляжу пролетавшего планера, помешав пилоту произвести точное бомбометание. Снаряды упали

позади «Дрейругра», а летающая машина совершила посадку на воду.

В тот же миг на норвежские корабли налетели остальные планеры. Пользуясь случаем, галеры выпустили новый град ракет. Клеменс обернулся и посмотрел на пусковую установку «Дрейругра». Рослые белокурые женщины, выполняя команды маленькой смуглой Темах, разворачивали ствол метательной трубы. Однако стрелять пока было рано — на таком расстоянии они не попали бы даже в ближайшую цель.

Внезапно все вокруг замерло, как на фотографии: два пикирующих планера; кончики крыльев всего в трех футах друг от друга; маленькие черные бомбы, которые падали на палубу, и стрелы, торчавшие в фюзеляжах; немецкие ракеты на пологом спуске их траектории и обреченные корабли.

А затем мощный порыв ветра ударил Клеменса в спину. Сквозь свист и вой он услышал громкое хлопанье парусов. Корабль резко развернуло; раздался громкий треск, словно Божья длань разорвала надвое покровы этого мира. Что-то щелкало и скрипело, сотрясая корабль, будто огромные великаны срубали топорами бамбуковые мачты.

Бомбы, планеры и ракеты качнулись вверх, потом вниз — и завертелись в немыслимом хороводе. Паруса и мачты взвились в небо, словно ими выстрелили из пары пушек. Корабль, потеряв оснастку, вдруг встал на дыбы, и гребень громадной волны потащил его почти перпендикулярно руслу. Клеменса снесло бы за борт при первом же шквале ветра, но Джо вовремя прижал его к себе, вцепившись другой рукой в штурвал. Кормчий тоже хватался за рулевое колесо. Женщины у ракетной установки вопили от ужаса, их крики сносило ветром, и Сэм видел лишь открытые рты среди прядей мокрых волос. А потом ураган подхватил эти скорченные фигурки, поднял в воздух, как стаю птиц, и, наигравшись, бросил в воду. Вслед за ними взлетел орудийный ствол, сорванный с лафета.

Эрику удалось ухватиться одной рукой за поручень трапа. В другой руке он держал свое драгоценное стальное оружие. Пока корабль швыряло из стороны в сторону, викинг ухитрился засунуть топор в чехол и вцепиться в поручень обеими руками. Ветер завизжал, как женщина, сброшенная с утеса. Судно опалило потоком горячего воздуха, и на миг оглушенному Клеменсу показалось, что его сунули в сопло ракеты.

Огромная волна поднимала искалеченное судно все выше и выше. Сэм открыл глаза и завопил от ужаса, но ему заложило уши, и он не услышал своего крика. В четырех-пяти милях позади «Дрейругра» из-за поворота русла по-

явилась стена грязно-коричневой воды высотой не меньше пятидесяти футов.

Клеменс хотел закрыть глаза, но веки будто парализовало. Он заворуженно следил за приближением гигантской массы воды и вскоре увидел в пене и брызгах вывернутые с корнями деревья. Сэм видел сосны, дубы и тисы, куски бамбуковых домов и чудом уцелевшую крышу, а рядом с обломками мачт и разбитой вдребезги галерой мелькала туша «речного дракона», чьи размеры оказали бы честь любому кашалоту. Какая же сила могла поднять эту рыбу с пятисотфутовых глубин Реки?

Клеменс оцепенел от ужаса. Ему хотелось умереть, чтобы быстрее покончить с этим леденящим страхом, но он не мог пошевелить даже пальцем. Как заворуженный, без веры и надежды, Сэм смотрел, как корабль, вместо того чтобы рассыпаться на части и затонуть под сотнями тысяч галлонов воды, медленно взбирался вверх на кручу волны, все выше и выше, и грязно-коричневая вода, усеянная обломками и трупами, нависла над ними огромным гребнем, который вот-вот мог обрушиться вниз. Они поднимались все выше и выше, и дальше оставалось только небо, потерявшее свою яркую полуденную голубизну и превратившееся в серый саван.

А потом корабль оказался на пенистой вершине, зависнув в облаке брызг над крутым откосом. Качнувшись и сорвавшись с гребня, он помчался вниз в зиявшую темнотой ложбину. Свирепые волны, хотя и уступавшие по высоте первому валу, перекатывались через палубу, стараясь догнать друг друга. Рядом с Клеменсом упало тело, выброшенное из яростных вод. В обезумевшем мозгу Сэма вспыхнула искорка разума, и он узнал эту мертвую женщину. Но Клеменс уже не мог почувствовать что-то большее. Ужас довел его до предела.

И поэтому он тупо смотрел на истерзанное тело Ливи, разодранное с одного бока до костей. Это была его Ливи, его жена! Та женщина, которую он искал двадцать лет на берегах бесконечной Реки!

Новая волна, прокатившаяся по палубе, едва не вырвала Сэма из объятий титана. Кормчий закричал и вместе с обломком штурвала исчез в бушующей пучине. Следом за ним за борт смыло труп женщины.

Судно вновь заскользило вверх, поднимаясь из глубин котлована по склону огромной волны. Палуба накренилась так, что Миллер и Клеменс повисли на огрызке рулевого колеса, торчавшего, словно сук, над краем пропасти. Внезапно корабль вернулся в горизонтальное положение и ринулся вниз в очередную ложбину. Резкий толчок оторвал

Кровавого Топора от поручня трапа. Эрик покатился кувырком на другую сторону палубы, и его выбросило бы за борт, если бы корабль не понесло на гребень третьего вала. Побелевшими пальцами конунг вцепился в полуоборванные снасти.

А «Дрейругр», одолев вершину волны, уже летел навстречу глубокой бездне. На полпути он столкнулся с корпусом полуразбитой галеры, и удар потряс его от носа до кормы. Эрик вновь не смог удержаться. Он заскользил на животе по мокрым доскам настила и, пробив ограждение, упал на среднюю палубу.

ГЛАВА 3

Сэм Клеменс оправился от потрясения только на следующее утро. «Дрейругр», каким-то чудом уцелев среди гигантских волн, перебрался в более тихие воды. Корабль проскочил в теснину между двумя скалами и застрял в небольшой расщелине у основания горы. Чуть позже, когда стремительный поток отхлынул в первоначальное русло, судно оказалось на суше.

Пока Река и ветер ревели, а небо сохраняло цвет каленого железа, люди корчились в ужасе, таком же вязком и липком, как холодный ил. Но палящий ветер утих, и его сменил прохладный бриз с верховьев.

Пятеро человек, оставшиеся в живых на палубе, начали шевелиться и задавать друг другу вопросы. Сэм почти физически ощущал, как слова с трудом пролезали сквозь онемевшие губы. Запинаясь, он рассказал своим спутникам о вспышке, которую увидел в небе за пятнадцать минут до начала урагана. Где-то там, в речной долине, возможно, милях в двухстах от них, упал огромный метеорит. Сильный жар при его проходе через атмосферу и перемещение верхних слоев воздуха вызвали ураганный ветер, появление гигантских волн и разрушительное наводнение. Однако какими бы ужасными ни казались последствия этого катаклизма, их можно было считать ничтожными в сравнении с тем, что творилось в эпицентре. Фактически «Дрейругр» оказался на краю их неистовой силы.

— Мы встретили ласкового котенка, хотя могли нарваться на льва, — подытожил свои слова Сэм Клеменс.

Викинги с трудом поднимались на ноги и бродили по кораблю, осматривая повреждения. Из-под палубного настила появлялись люди, спасавшиеся в трюме «Дрейругра». Кровавый Топор, едва дыша от полученных ушибов, громко закричал:

— Всем вниз! Убирайтесь в трюм! Вскоре могут прийти новые волны, еще больше и страшнее! И никто не знает, сколько их будет!

Питая к конунгу глубокую неприязнь, Сэм никогда беспрекословно не подчинялся приказам Кровавого Топора. Однако на этот раз ему пришлось признать, что слова Эрика не лишены смысла. Впрочем, сам он не верил в появление новых волн.

Команда спряталась в трюме, и каждый постарался отыскать место, где можно уцепиться за что-то прочное и неподвижное. Ждать пришлось недолго. Земля загудела и затряслась. Река с яростным шипением устремилась в расщелину, словно свирепый кот высотой в пятьдесят футов. «Дрейругр» швырнуло вверх и завертело, раскачивая из стороны в сторону. А Сэма Клеменса бил озноб, и он знал, что при свете дня его кожа выглядела бы синюшной, как у трупа.

Корабль продолжало нести вперед, царапая временами о скалы. Внезапно он устремился вниз, и Сэм мог бы поклясться, что «Дрейругр», добравшись до вершины каньона, сорвался в огромный водопад. Отток речной воды оказался таким же стремительным, как и наводнение. Сквозь приглушенный рев отступавшего потока Клеменс услышал тяжелое дыхание людей, приглушенные стоны и звонкую капель просочившейся в трюм воды.

Однако их беды на этом не кончились. Команда вновь ожидала в холодном оцепенении страха, в то время как огромная масса воды заполняла пространство, откуда ее вытеснили сотни тысяч тонн упавшего метеорита. Было гораздо теплее, чем обычно, но мужчины и женщины дрожали так, словно за бортом тянулись ледяные поля. Их пугало и то, что впервые за двадцать лет, прожитые на этой планете, они не слышали ночью дождя.

Перед новой атакой волн уставшие люди почувствовали, как содрогается земля. Уши заполнило громкое шипение, быстро переросшее в неистовый рев. Корабль подбросило вверх, завертело, заколотило о скалы, а потом опустило вниз. На этот раз днище не ударилось о грунт, и Сэм догадался, что судно увязло в толстом слое речного ила.

— Я не верю в чудеса, — прошептал он, — но с нами действительно случилось чудо. По идее мы должны были погибнуть.

Джо Миллер, который оправился от шока быстрее остальных, решил совершить небольшую разведку. Через полчаса он вернулся, неся на руках обнаженного мужчину. Его ноша оказалась живой. Под слоем липкого ила Сэм разглядел белокурые волосы, симпатичное лицо и голубовато-серые глаза. Незнакомец что-то шепнул по-немецки и благодарно улыбнулся, когда Джо опустил его на палубу.

— Я нашел этого человека в планере, — сообщил Миллер. — То есть в том, что оцалозь от их летающей машины. Там внизу, на равнине, очень много трупов, и мне зтало жаль этого парня. Что вы будете з ним делать?

— Попробуем подружиться, — хрипло ответил Клеменс. — Его соплеменники погибли, и теперь эта территория никому не принадлежит.

Сэма вновь пробрала дрожь. Перед глазами возник образ Ливи, брошенной перед ним на палубу, как презрительная подачка судьбы. Ее мокрые волосы прикрывали чудовищную рану на левом виске, а темные глаза смотрели прямо на него. Это призрачное видение становилось все более ярким и мучительным. Ему захотелось зарыдать. Но слезы не шли. И Клеменс был рад своему оцепенению. Рыдания могли превратить его в жалкую горсточку праха. Хотя позже, когда у него появятся силы выдержать боль и муку, он выпустит слезы наружу, обязательно выпустит...

Белокурый мужчина попытался сесть. Его трясло, и в его улыбке сквозило смущение.

— Я замерз, — произнес немецкий летчик.

Миллер спустился в трюм и вскоре принес сушеную рыбу, терпкий хлеб из желудей, ростки бамбука и сыр. У викингов всегда имелся запас пищи на тот случай, если они окажутся на вражеской территории и им не дадут воспользоваться граалями.

— Этот боров, Кровавый Топор, взе еще жив, — сообщил Джо. — Он ломал зебе незколько ребер, получил кучу зиняков и порезов, но его большой рот в полном порядке. Как тебе это нравитзя, Зэм?

Чуть позже Клеменс заплакал. Джо тоже зарыдал, пуская пузыри.

— Вот теперь мне гораздо лучше, — сказал он, отжимая рукой кончик длинного хобота. — За взю звою жизнь я еще ни разу не был так напуган. Когда эта вода помчалась на наз, как зтадо разъяренных мамонтов, я зказал зебе: «Прощай, дружочек Джо! Прощай и ты, дружище Зэм, потому что, когда я прознузь на далеких берегах Реки в новом теле, тебя уже не будет рядом!» Только зтрах оказалзя таким зильным, что через миг я забыл обо взем на звете. О Иизуз, как мне было зтрашно!

Немецкий летчик представился. Его звали Лотаром фон Рихтхофеном. Он являлся капитаном люфтваффе его императорского величества, кайзера Новой Пруссии, Альфреда Первого.

— За последние десять тысяч миль мы проплыли мимо сотни Новых Пруссий, — сказал Клеменс. — И все они умещались на таких клочках земли, что, встав в центре любого из них, я мог бы добросить камень до границы соседнего государства. Правда, их обитатели оказались не столь воинственными, как вы. Нам даже разрешали высаживаться на берег и пополнять наши граали — особенно после того как узнавали, что мы занимаемся торговлей.

— Торговлей?

— Да, торговлей. Конечно, мы не возили с собой товары, как грузовые корабли нашей старушки-Земли. Мы торговали идеями. Но уверяю вас, это был хороший бизнес. Наши специалисты учили людей делать бильярдные столы или получать из рыбьего клея ароматную жидкость для укладки волос.

Лотар объяснил, что кайзер этой местности, граф фон Вельдерзее, считался некогда в Германии весьма радикальным фельдмаршалом. Он родился в 1832 году и умер в 1904-м.

Клеменс кивнул головой и с усмешкой заметил:

— Я вспоминаю, как читал о его смерти в газетах и получал наслаждение от мысли, что пережил еще одного современника. Это была одна из немногих дармовых радостей моего земного существования. Но если вам известно, как летать на самолетах, то вы, вероятно, из двадцатого века?

Лотар фон Рихтхофен вкратце описал историю своей жизни. Во время Weltkrieg* он летал на боевом самолете, а его брат считался величайшим асом из всех летчиков по обе стороны войны**.

— О какой мировой войне вы говорите? — поинтересовался Клеменс. — О первой или о второй?

Он уже встречался с людьми двадцатого века и имел понятие о событиях — реальных и вымышленных, — которые происходили после его смерти в 1910 году.

Фон Рихтхофен добавил к его анналам еще несколько фактов. Он участвовал в первой мировой войне и сражался под началом своего брата, который отвечал за подразделение из сорока союзнических самолетов. В 1922 году Лотару поручили перевезти из Гамбурга в Берлин известную американскую актрису и ее импресарио. Самолет потерпел аварию, и он погиб.

---

* Мировая война (нем.).

** Имеется в виду Манфред фон Рихтхофен, немецкий лётчик, прозванный Красным бароном и сбивший 26 самолетов противника. (Примеч. ред.)

— Удача покинула меня, — рассказывал Лотар. — Во всяком случае, это было последнее, о чем я подумал перед смертью. — Он рассмеялся и покачал головой. — А потом я оказался здесь, в теле двадцатипятилетнего мужчины, и мне не довелось дожить до возраста, когда женщины больше не смотрят на твое лицо, когда каждый новый день приближает тебя к могиле, когда вино заставляет плакать, а не смеяться, наполняя твой рот кислым привкусом слабости и тлена.

Удача вернулась ко мне во время падения метеорита. При первом же ураганном шквале мой планер потерял крылья, но ветер подхватил фюзеляж, закружил его, лаская на своих ладонях, и, словно лист, легко опустил на холм. Немного погодя машину смыл поток отлива, и меня принесло к основанию этой горы. Просто чудо какое-то, верно?

— Чудо — это случайное совпадение событий, происходящее раз в миллион лет, — напомнил Клеменс. — А вы считаете, что потоп был вызван падением метеорита?

— Я видел вспышку в небе и огненный след. К счастью для каждого из нас, он упал далеко.

Они спустились с корабля на землю и начали пробираться по густому илу к нижнему концу расщелины. Джо Миллер поднял бревно, с которым не справилась бы и пара ломовых лошадей, отбросил в сторону еще несколько поваленных деревьев, и путь на равнину оказался свободным. Трое путников поспешили к Реке, а за ними следом потянулась команда «Дрейругра».

Люди подавленно молчали. Густые рощи исчезли с холмов, и во всей округе уцелели лишь «железные» деревья. Под защитой их корней, там, куда не набился ил, виднелась густая трава. Ее упорству и стойкости оставалось только удивляться — справиться с ней не удалось даже миллионам тонн воды.

Повсюду валялись обломки хижин и предметов быта. В грязных лужах лежали трупы мужчин и женщин, обрывки покрывал, граали, сломанные балки, разодранные бамбуковые лодки и деревья, вырванные из земли.

Большие питающие камни, похожие на огромные грибы, по-прежнему тянулись по обеим сторонам Реки на расстоянии мили друг от друга. И хотя многие из них почти полностью утопали в грязи, они выглядели целыми и невредимыми.

— Местность идет под уклон к Реке, — сказал Клеменс. — А значит, вскоре дождь очистит эту грязь.

Он старался не смотреть на трупы. Их вид наполнял его невыносимым отвращением. Кроме того, Сэм боялся еще раз увидеть тело Ливи. Он знал, что не выдержит этого зрелища вновь. Он чувствовал, каким близким стало безумие.

— В одном я уверен точно, — произнес Клеменс. — На территории между нами и метеоритом не уцелел никто. Мы можем заявить на него права. И тогда только от нас будет зависеть, сумеем ли мы отстоять это железное сокровище от хищников, которые сбегутся на его запах. — Он повернулся к немецкому летчику. — Хотите присоединиться к нам? Если вы останетесь, в один из дней мы дадим вам настоящий самолет, а не просто планер.

Сэм рассказал Лотару о своей мечте и вкратце поведал историю Джо о Туманной Башне.

— Чтобы добраться туда, нам потребуется много железа, — говорил он. — Много железа и кропотливой работы. Викинги в таком деле не помощники. Для строительства парохода необходимы технические знания, а откуда они возьмутся у вояк десятого века? Я связался с ними только потому, что хотел найти залежи железной руды, из которой сделан топор Эрика. Мне казалось, что железа хватит и на мой пароход, и на стальное оружие, к которому они так равнодушны. Чтобы подбить их на эту экспедицию, я рассказал им о приключениях Миллера, и викинги захотели захватить Туманную Башню.

Однако теперь необходимость в поисках отпала. Нам известно место, где металла предостаточно. Его остается лишь выкопать, переплавить и залить в те формы, которые понадобятся для строительства корабля. И еще нам придется защищать железо от других людей. Я не хочу вводить вас в заблуждение, расписывая легкие пути к высоким целям. Возможно, пройдут многие годы, прежде чем мы построим пароход. И это будет чертовски трудно сделать.

Слова Клеменса высекли искру, и лицо Лотара запылало от возбуждения.

— Это великая и благородная мечта! — воскликнул он. — Я рад, что могу последовать за вами. Со своей стороны обязуюсь оказывать вам любую помощь, пока мы не возьмем Туманную Башню приступом! Даю вам слово джентльмена и офицера, слово барона фон Рихтхофена!

— Мне хватило бы просто слова мужчины, — сухо отозвался Сэм.

— Какое странное и воистину немыслимое трио мы собой представляем! — продолжал Лотар. — Гигантский проточеловек, чей род вымер за сотню тысяч лет до начала цивилизации. Прусский барон-авиатор из двадцатого века. И, наконец, великий американский юморист, родившийся в 1835 году. А взять хотя бы нашу команду...

При слове «наша» Клеменс поднял густые брови.

— ...из викингов десятого века!

— Извините, что не разделяю вашего восторга, — сказал Сэм, наблюдая, как Кровавый Топор и его люди пробираются через ил и тину.

Тела людей покрывали синяки и ссадины. Многие хропали или прижимали к груди искалеченные руки.

— Я чувствую себя хуже некуда, — тихо добавил Клеменс. — Вы когда-нибудь видели, как японцы отбивают мясо осьминога? Так вот, я теперь в таком же состоянии, как этот осьминог. Кроме того, мне всегда казалось, что я прежде всего писатель, а не просто юморист.

— О-о! Простите меня! — воскликнул Лотар. — Я оскорбил ваши чувства! Не обижайтесь, прошу вас! Позвольте мне смягчить свою вину признанием о том, что мальчишкой я часто хохотал, читая ваши книги. И самой лучшей из них я назвал бы «Гекльберри Финна». Правда, должен признать, мне не совсем понравилась ваша ирония по отношению к аристократии в «Янки из Коннектикута». Хотя что еще мог написать об англичанах истинный американец!

Кровавый Топор решил, что его люди слишком измотаны и избиты, чтобы начинать работы по спуску корабля к Реке. Следовало сначала пополнить граали, подкрепиться и как следует выспаться, а уж потом и приступать к изнурительному труду.

Они вернулись на судно, достали из трюма граали и установили их в углубления на плоской вершине грибообразного камня. Когда солнце коснулось западных гор, все начали ждать голубоватых молний разряда, привычного рева и жара, исходящих от гранитной глыбы. Электрический разряд должен был напитать энергией небольшие синтезаторы материи, встроенные в граали с двойным дном. И люди знали, что, открыв крышки чаш, они нашли бы там жареное мясо, овощи и хлеб, душистое масло, фрукты и табак, мечтательную резинку, напитки и сладкий мед.

Но тьма медленно сползала в речную долину, а питающие камни молчали. Внезапно из грибообразных глыб на той стороне Реки полыхнуло пламя, и до слуха людей донесся слабый отдаленный рокот. Однако здесь, на западном берегу, впервые за двадцать лет со Дня Воскрешения, питающие камни остались холодными и немymi.

ГЛАВА 4

Мужчины и женщины почувствовали себя так, словно их покинул Бог. Трижды в день камни давали им пищу, и это казалось таким же естественным, как восход солнца. Теперь

же они могли утолить голод только остатками сушеной рыбы, сыром и побегами бамбука.

Клеменс побледнел от страха, но фон Рихтхофен предложил ему отправиться на другую сторону Реки и пополнить запасы еды при утреннем разряде питающих камней. Сэм поспешил к конунгу, чтобы обсудить с ним это предложение. Кровавый Топор пребывал в еще более гнусном настроении, чем обычно. Однако он, в конце концов, признал, что такое решение не лишено смысла. Джо Миллер, немец и рослый рыжеволосый швед по имени Токи Крокссон отправились к кораблю и вскоре вернулись, принеся несколько весел. Они погрузили в лодку пару десятков граалей и под началом Сэма отправились в путь. Выбравшись на противоположный берег, Миллер, Клеменс и фон Рихтхофен устроились спать на вершине гранитного гриба, поверхность которого после мощного электрического разряда была идеально чистой. Токи Крокссон остался спать в лодке.

— Когда пойдет дождь, спрячемся под каменной шляпкой, — предложил Сэм.

Положив руки под голову, он лежал на спине и смотрел на ночное небо — такое странное и неземное. Мерцающие нити газовых туманностей тянулись из конца в конец, напоминая щупальца спрута. Блеск двадцати тысяч звезд, более ярких, чем Венера, поражал своим изобилием, а сияние дюжины небесных гигантов было настолько интенсивным, что их удавалось разглядеть даже днем.

— Очевидно, метеорит разбил несколько питающих камней на западном берегу, — задумчиво произнес Сэм. — И это нарушило цепь энергообеспечения. О Боже, какие масштабы! Какой гигантский механизм! Я думаю, здесь задействовано порядка двадцати миллионов камней, если подобный подсчет вообще возможен.

— После катастрофы речная долина может превратиться в поле битвы, — отозвался Лотар. — Чтобы пополнять свои граали, жители западного берега будут нападать на восточных соседей. Вспыхнет чудовищная война! На равнинах обитают от тридцати пяти до тридцати семи миллиардов человек, и всем им придется бороться за пищу!

— Никакая война тут не поможет, — возразил Джо Миллер. — Конечно, если бы половина людей погибла, граалей хватило бы взем. Но ведь так не получится! Через двадцать четыре часа все мертвые оживут, и войну придется начинать сначала.

— Я в этом не уверен, — сказал Сэм. — Мне кажется, что количество питающих камней каким-то образом соответствует числу воскрешенных. И если половина их вышла из

строю, это может остановить конвейер Лазаря. Я считаю упавший метеорит чем-то вроде небесного диверсанта.

— Я долго верил, что этот мир и наше воскрешение никак не связаны со сверхъестественными существами, — произнес фон Рихтхофен. — Вы еще не слышали эту дикую историю, которая расползлась вверх и вниз по Реке? Рассказывают, что некий человек, пробудившись раньше Дня Воскрешения, обнаружил себя в весьма причудливом месте. Вокруг него в воздухе парили миллионы тел — голые женщины, дети и мужчины, с наголо выбритыми головами. Они медленно вращались под воздействием каких-то неведомых сил.

Мне говорили, что этот человек — англичанин по имени не то Перкинс, не то Бёртон — погиб на Земле в 1890 году. И вот, пробудившись, он попытался вырваться на свободу. К нему тут же подлетела пара человекоподобных существ, которые вернули его в сон небытия. Позже, как и все остальные, он проснулся на берегу Реки.

Как видите, те, кто стоит за всем этим, тоже иногда ошибаются. Они совершили промах с Бёртоном, и он стал свидетелем стадии, предшествовавшей Воскрешению, — стадии, на которой нас готовили к оживлению в этом мире. Я понимаю, история звучит слишком фантастично и, скорее всего, выдает желаемое за действительное, но если учесть нашу ситуацию с граалями...

— Я уже слышал об этом, — ответил Клеменс.

Он хотел рассказать, что видел Бёртона в подозрительную трубу перед тем, как заметил Ливи, но боль, которая пришла вместе с мыслью о ее смерти, оказалась для Сэма чересчур сильна.

Он сел, прорычал проклятие и погрозил кулаком звездам. По его щекам потекли горячие слезы. Джо Миллер, сев на корточки позади него, протянул огромную руку и мягко погладил вздрагивавшее плечо Сэма. Фон Рихтхофен смущенно отвернулся.

— Скорее бы эта глыба наполнила наши граали! Я бы все отдал сейчас за одну затяжку, — посетовал он.

Клеменс усмехнулся и вытер слезы.

— Мне редко случается плакать, — сказал он, — но, проливая слезы, я не чувствую стыда. Это очень печальный мир — во многом такой же печальный, как старушка-Земля. Тем не менее мы вновь получили молодые тела. Нам не надо гнуть спины, заботясь о пропитании, или думать о векселях, беременности жен и ненароком подхваченных болезнях. Если нас убивают, мы встаем из мертвых на следующий день, целыми и невредимыми, хотя и за тысячи миль от мест нашей гибели.

Весь этот мир абсолютно не похож на загробную жизнь, о которой нам твердили проповедники — что, впрочем, не вызывает большого удивления. Лично я считаю, что нам даже повезло. Неужели вам понравилось бы летать в облаках на аэродинамически непрочных крыльях, а потом весь день брнчать на арфе и выкрикивать осанны?

Лотар засмеялся:

— Спросите любого китайского или индусского кули, возможен ли лучший мир, чем этот. И я хотел бы подчеркнуть, что вновь обретенной жизнью недовольны только мы — избалованные американцы и европейцы, которым всегда хотелось докопаться до первопричин. А как мало нам удалось узнать о процессах околоземного космоса! Как ничтожно мало мы знаем об этой планете! Но мы здесь, и когда-нибудь нам станет известно, кто и зачем поместил нас сюда!

А пока здесь есть красивые и желанные женщины — а они тут действительно есть, — пока нам хватает сигар, мечтательной резинки и добрых сражений, давайте наслаждаться жизнью. Я хочу познать радость в этой долине ярких теней, пока у меня вновь не отняли такую возможность. Пусть сначала будет веселье и страсть, и уж только потом прах к праху!

Разговор затих, но Клеменс не мог заснуть до самого дождя. Он спрыгнул на землю, спрятался под шляпкой грибообразного камня и дождался окончания ливня. Вернувшись наверх, Сэм укрылся большим покрывалом и после долгих метаний забылся в беспокойном сне.

На рассвете его встряхнула огромная рука Джо Миллера. Они торопливо спустились вниз и отошли на безопасное расстояние. Через пять минут, взревев как гигантский лев, камень выбросил вверх голубое пламя, и оно взметнулось на высоту тридцати футов.

В тот же миг заревели камни на другой стороне Реки.

Клеменс взглянул на Лотар:

— Они починили неисправность.

— У меня мурашки поползли по коже, — ответил немецкий барон. — Теперь я верю, что *они* действительно существуют.

Всю обратную дорогу Лотар молчал. Но когда они достигли западного берега, он начал смеяться и болтать, как подвыпивший гость на вечеринке с коктейлями.

«Слишком уж весело», — прошептал себе под нос Сэм Клеменс, а вслух сказал:

— Они никогда не раскрывали себя прежде. Однако на этот раз у них не было другого выбора.

ГЛАВА 5

Пять следующих дней команда стаскивала корабль к воде. Еще две недели ушли на ремонт «Дрейругра». Все это время дозорные вели наблюдение за окружающей местностью, но равнины оставались безжизненными и пустыми. И даже когда судно, без мачт и парусов, отправилось на веслах вниз по Реке, на обоих берегах так и не появилось ни одной живой души.

Бикинги, привыкшие к многолюдным толпам, заметно нервничали. Тишина лишала их присутствия духа. В этом мире, где не было животных и птиц, вся живность ограничивалась рыбами и земляными червями. Однако бесконечная вереница человеческих поселений обычно заполняла речную долину гомоном и шумом.

— Вскоре сюда потянутся толпы авантюристов, — сказал конунгу Клеменс. — На этой планете железо дороже, чем золото на Земле. Ты хотел сражений? Так ты их получишь по самое горло.

Эрик взмахнул топором и сморщился от боли в боку.

— Пусть они приходят! Мы готовы к битве! И их кровь наполнит сердца валькирий неистовым весельем!

— Трепач! — проворчал Джо Миллер.

Сэм улыбнулся и на всякий случай занял позицию за спиной титантропа. Из всех живых существ Кровавый Топор боялся только Джо. Однако в порыве безумной ярости он мог потерять над собой контроль и наброситься на исполина. Хотя, с другой стороны, Миллер стоял двадцати его воинов, и конунг викингов нуждался в таком бойце.

Два дня корабль неторопливо продвигался вперед. С наступлением сумерек команда отправлялась спать, и у штурвала оставался только кормчий. Ранним вечером третьего дня Клеменс, фон Рихтхофен и титантроп сидели на носовой палубе и, потягивая виски, курили сигары — дар граалей, полученный во время последней стоянки.

— Почему вы называли нашего друга Джо Миллером? — спросил Лотар.

— Его настоящее имя длиннее любого научного термина немецких философов, — ответил Клеменс. — Когда мы впервые встретились, я попытался повторить этот набор непроносимых звуков и едва не сломал язык. А потом он довольно сносно научился говорить по-английски, и мы решили, что ему лучше называться Джо Миллером.

Кстати, та быстрота, с какой он освоил английский язык, объяснялась тем, что ему не терпелось рассказать мне парочку анекдотов. И когда Джо выложил первый из них, я не мог поверить, что у этой шутки такая длинная борода. Впер-

вые мне довелось услышать ее мальчишкой в городке Ганнибал, штат Миссури. А к старости, после сотни тысяч повторов, она уже вызывала у меня отвращение. Подумайте сами, мог ли я предположить, что услышу этот анекдот из уст существа, чей вид вымер за миллион лет до моего рождения!

— Что же это за история?

— Про странствующего охотника, который весь день выслеживал раненого оленя и очень устал. Как назло, разразилась буря. Увидев огонек костра, охотник вошел в пещеру старого колдуна и попросил приютить его на ночь. И старик, конечно же, сказал: «С большим удовольствием, парень. Однако у нас тут довольно тесно, и тебе придется спать вместе с моей дочерью». Думаю, мне можно не продолжать.

— Зэм даже не зазмеялся, — недовольно проворчал Джо. — Иногда мне кажется, что у него прозто нет чувства юмора.

Нежно шелкнув Миллера по ракетообразному носу, Сэм засмеялся и передразнил титантропа:

— А мне иногда кажется, что ты порою бываешь прав. Хотя на самом деле у меня этого юмора целый вагон, потому что я самый печальный человек в мире. Вы ведь знаете, что любая шутка уходит корнями в людское горе.

Он затаился сигарой и посмотрел на берег.

Перед наступлением сумерек корабль вошел в зону, выжженную дотла при падении метеорита. Волны пожарищ смели здесь все, оставив после себя только «железные» деревья. Гигантские растения, потеряв листву, стояли на холмах, как немой укор. Их крепкая кора обгорела, а твердая, как гранит, древесина почернела и обуглилась. Чудовищный взрыв накренил могучие стволы, и многие из них упали на землю. То же самое, очевидно, произошло и с питающими камнями, но кто-то уже успел поднять из пепла эти глыбы.

— А теперь, Лотар, вам будет полезно узнать, что именно побудило нас отправиться в путь, — после долгого молчания произнес Клеменс. — Джо расскажет вам о своих приключениях, а я постараюсь объяснить те места, которые могут вызвать у вас недоумение. Это удивительная история, но после нашего воскрешения из мертвых ее сюжет вряд ли покажется кому-то странным.

— У меня перезохло в горле, — сказал Джо. — Позвольте мне значала выпить.

Его темно-синие глаза, погруженные в тень выпиравших надбровных дуг, сфокусировались на углублении чаши. Казалось, всматриваясь туда, он пытался пробудить в воображении те сцены и события, которые ему предстояло описать. Привыкший к гортанной речи, Джо произносил некоторые согласные звуки более твердо, чем требовалось, и это придавало

его английскому языку резкое металлическое звучание, окрашенное комичной шепелявостью. Но когда он рассказывал о Туманной Башне, его голос, исходивший из недр грудной клетки, резонировал, как колодец дельфийского оракула.

— Я пробудился к жизни на берегу Реки — таким же голым, как зейчаз. То мезто располагалось далеко к зверу, поэтому воздух там был более холодным, а звет дня — менее ярким. И жили в том краю только мы, титантропы, как называет наз Зэм.

Мы тоже питализь из граалей, но они были гораздо вменительнее ваших. Я думаю, вы понимаете, что нам требовалось больше еды. В наших граалях не появлялось ни пива, ни виски, и это, наверное, потому, что там, на Земле, мы не имели никакого понятия об алкоголе. Что кажется меня, то я пил воду из Реки.

Нам казалось, что мы находимся в краю, куда уходят позле змерти. И мои зородичи верили, что наши... как же их... боги даровали нам этот мир и взе, в чем мы нуждались. А что еще можно было пожелать для зчазтья? Мы зпаривались, ели, зпали и зражались з врагами. Я не знал бы горя и зейчаз, езли бы не то зудо...

— Он хотел сказать «судно», — пояснил Клеменс.

— Да, я так и говорю. Зудно. Только, Зэм, прошу тебя, не перебивай. Ты и так разбил мне зердце, когда зказал, что никаких богов нет. А ведь я видел их звоими глазами!

— Ты видел богов? — воскликнул пораженный Лотар.

— Не их замих. Я видел, где они живут. И еще я видел их небезную лодку.

— Небесную лодку? — вскричал фон Рихтхофен. — Что ты этим хочешь сказать?

Клеменс возмущенно взмахнул сигарой:

— Терпение, барон. Дайте ему рассказать. Если вы будете перебивать его слишком часто, он запутается.

— Там, откуда я пришел, никто не перебивает другого, пока тот не закончит звою речь. Иначе вам прозто бьют кулаком по нозу!

— С таким большим носом, как у тебя, Джо, это, наверное, больно, — ухмыльнулся Сэм.

Миллер погладил свой хобот и ответил:

— Мой ноз — единзвенная ценнозть, которая у меня езть, и я им горжуз! Ни один карлик в этой чазти речной долины не имеет ничего подобного. А там, откуда я пришел, говорят, что длина ноза указывает на размер вашего... э-э... Как ты там называл эту штуку, Зэм?

Клеменс подавился дымом и вытащил сигару изо рта.

— Джо, ты рассказывал нам о судне, которое появилось в ваших краях.

— Да-да. Хотя нет, я еще не рассказывал о нем. Вы все время збиваете меня з толку. Ладно, попробую начать еще раз... Однажды, наблюдая за игрой рыб, я лежал на берегу и думал о том, из чего бы сделать крючок. Мне очень хотелось рыбы. Улышав крики зородичей, я взкочил на ноги и озморелзя. Из-за поворота Реки выплывало огромное чудовище.

Его вид напугал меня до глубины души. Я решил было убежать к холмам, когда вдруг увидел на зпине монстра крохотные фигурки людей. Они во многом походили на нас, и зтранным казалось только отзутзтвие шерзти. Но я подумал, что это связано с чезоткой, и дал зебе злово держаться от них подальше. Когда же чудовище прибилизилось, меня поразили ничтожные размеры людей — а езли говорить о нозах, то лучше бы их вообще не было. Я мог бы перебить этих карликов одной рукой, но меня охватил благоговейный трепет. Им удалось укротить речного змея, и они прогуливализ по нему, как пчелы на зпине медведя. А потом...

Слушая Миллера, Клеменс испытывал те же чувства, что и в первый раз. Ему казалось, что он тоже стоял там рядом с этим существом из предрассветных сумерек человечества. Несмотря на медленную речь, звонкие согласные и шепелявость, Джо рассказывал образно и эмоционально. Сэм кожей чувствовал его страх и удивление, неудержимое желание убежать и безрассудное любопытство, которое роднило приматов с людьми или, по крайней мере, делало их понятными друг другу. За пологим лбом находилось серое вещество, которое жаждало расширить рамки существующих понятий. Оно стремилось в неизвестное — к тому, что никогда не встречалось прежде.

Вот почему Джо Миллер остался стоять на берегу, тревожно тиская в руках свой массивный грааль. Вот почему он стоял, хотя ему хотелось бежать к спасительной дубовой роще.

А монстр тем временем подплывал все ближе и ближе. Миллер начал понимать, что это неживое существо. Но зачем тогда понадобилась огромная голова, готовая к молниеносному выпадку? Зачем этот загнутый кверху хвост? И все же речной змей выглядел мертвым и абсолютно окоченевшим. Впрочем, чудовище могло притворяться. Однажды на Земле Джо стал очевидцем того, как раненый медведь, прикинувшись мертвым, внезапно вскочил и оторвал у зазевавшегося охотника руку.

Правда, потом Миллер увидел этого охотника живым — он пробудился, как и все из их племени, на берегу Реки. Но если им обоим удалось ожить, значит, на такое способна и мертвая змееподобная голова. И почему бы ей тогда не вцепиться в него зубами?

Тем не менее Джо пересилил страх и, дрожа, приблизился к чудовищу. Он был титантропом, старшим братом человека, и примитивное «хочу все знать» толкало его вперед.

Маленький человек, такой же жалкий, как и все остальные, поманил Джо Миллера. На его голове сиял стеклянный обруч, плававший в лучах заката алым огнем. Позади него на деревянном змее стояли люди, вооруженные копьями и странными устройствами, которые, как позже выяснил Джо, назывались луками. Их не испугало приближение гиганта. Возможно, это объяснялось тем, что, устав от непрерывной гребли против течения, они уже не заботились о том, что может с ними произойти.

Вождь пигмеев долго уговаривал Джо подняться на судно, и это ему почти удалось. Но когда люди сошли на берег и начали пополнять свои граали, Миллер на всякий случай отбежал от страшного корабля. Потом они ели, и он ел вместе с ними, устроившись невдалеке. Его сородичи, запаниковавшие при виде «речного змея», прятались на холмах. Увидев, что чудовище не трогает Джо, они стали медленно приближаться к берегу. Пигмеи поспешили вернуться на судно.

Вождь людей достал из своего грааля странный предмет, поднес к его концу раскаленную проволоку и выпустил изо рта густой клуб дыма. Миллер взвыл от ужаса, а его сородичи снова побежали к холмам. Джо поначалу решил, что безносые пигмеи — выводок речного дракона. Возможно, они находились на стадии личинок, но уже, подобно своей матери, выпускали из себя дым и огонь.

— Однако, не будучи глупцом, я начал догадываться, что дым исходит из предмета, который люди называли сигарой. Их вождь жестами дал понять, что разрешит мне подымить, езди я поднимаю на корабль. Не знаю, что тогда на меня нашло, но мне безумно захотелось попузкать дым из этой коричневой штуки. И, конечно же, помимо прочего я хотел показать зороричам звою безудержную храбрость.

Джо прыгнул на корабль, и под его весом палуба немного накренилась на левый борт. Он взмахнул граалем, показывая чужакам, что проломит им головы, если те набросятся на него. Люди поняли намек и расступились, а вождь тут же протянул ему обещанную сигару. Джо затянулся дымом, закашлялся и нашел вкус табака довольно странным. Но ему

понравилось глотать терпкий дым. А когда он первый раз в жизни выпил пива, его ноги сами пошли в пляс.

И тогда Джо решил отправиться на «речном змее» к верховьям Реки. Он помогал пигмеям грести, и за огромную силу они называли его Техути.

— Техути? — с удивлением спросил фон Рихтхофен.

— Греческая форма этого имени — Тот, — пояснил Клеменс. — Египтяне изображали его длинноклювым человеком-ибисом. Вероятно, вид Джо мог напомнить путешественникам и о божественном бабуине Басте, но огромный нос явно перевесил все другие мнения, и Джо Миллер стал Тотом, или Техути.

Дни и ночи проносились мимо, как воды Реки. Иногда Джо начинал скучать и просился на берег. К тому времени, несмотря на частые затруднения в выборе слов, он уже довольно сносно говорил на языке пигмеев. Вождь никогда не отказывал Джо, понимая, что любой конфликт мог привести к гибели всей команды. Однако он с горечью говорил, что обучение Техути на этом закончится и хорошее начинание не принесет достойных плодов. И вождь сожалел, что животное с ликом бога мудрости так и не станет человеком.

Животное? Бог? Человек? Что же роднило их и отличало друг от друга?

— Порядок твоего перечисления не совсем правильный, — говорил вождь. — Если идти снизу вверх, то верной последовательностью будет животное, человек и Бог. Но иногда под личиной зверя ты можешь увидеть божество, а в человеке — темное животное начало. Однако время от времени понятия меняются местами, и духовная цель человека заключается в том, чтобы уравновесить эту пару противоположностей.

Такие рассуждения не умещались в большой голове Техути, и это удивляло его. Он садился на корточки и хмуро смотрел на берег, понимая, что там не будет ни пива, ни сигар. Обитавшие на равнинах существа относились к его собственному виду, но они могли убить чужака из другого племени. Кроме того, впервые познав радость интеллектуального общения, Техути знал, что там, среди титантропов, ему будет не хватать этих умных бесед.

Вот почему, взглянув с улыбкой на вождя, он покачал тогда головой и сказал, что не собирается уходить с корабля. Техути занял свое место у длинного весла. Он вновь приступил к изучению той удивительной штуки, которую люди называли философией. Овладев их речью, Техути начал понимать чудесные вещи, о которых говорил ему вождь. Он плакал, когда идеи впивались в него, как шипы колючего

куста, и ловил их, когда они ускользали, как юркие змеи. Он глотал и извергал их обратно по двадцать раз, пока не усваивал эту пищу для души и ума.

А Река тянулась все дальше и дальше. Люди стонали у весел, стараясь держаться ближе к берегу, где течение казалось не таким сильным. Дни сменялись ночами, и солнце уже не взбиралось так высоко на небеса. С каждой новой неделей его лучи теряли яркость и силу, а воздух становился колючим и холодным.

— Их судно приближалось к Северному полюсу, — пояснил Сэм. — Отклонение экваториальной плоскости от плоскости эклиптики на этой планете равно нулю. Вы знаете, что здесь нет годовых сезонов, а день и ночь имеют одинаковую продолжительность. В тех широтах, где находился их корабль, солнце появлялось из-за горизонта лишь наполовину. Причем его всегда закрывали горы.

— Да. Мы плыли в вечных зумерках. Я замерзал, хотя и не так зильно, как люди. Они кутализь в покрывала, но это им мало помогало.

— Его массивное тело излучает меньше тепла... — вмешался Клеменс.

— Я прошу тебя, Зэм! Неужели ты не можешь немного помолчать?

Лотар и Клеменс рассмеялись. Немного подождав, Джо продолжил свою историю.

Ветер крепчал, и воздух наполнялся туманом, а сердце гиганта сжималось от тревоги и тоски. Ему хотелось вернуться назад, к родным берегам. Но он молчал, боясь потерять уважение вождя. Джо поклялся себе, что пройдет с ним каждый дюйм пути к их неведомой и загадочной цели.

— А ты разве не знал, куда они направлялись? — спросил Лотар.

— Знал, но не очень точно. Они хотели добраться до истоков Реки, где, по их мнению, жили боги. Люди надеялись уговорить богов отпустить их в настоящий загробный мир, потому что этот мир они зчитали иллюзией и этапом на пути к истинной реальности. Вот такие дела!

Однажды Джо услышал грозный приглушенный рокот, более отдаленный, чем раскаты в его кишках. Шум нарастал, обретая силу грома, и вскоре Миллер понял, что это рев водопада, который срывался вниз с огромной высоты.

Корабль направился в небольшой залив, защищенный от стремнины тонким мизинцем суши. Цепь питающих камней давно закончилась. Люди ловили рыбу, ели ее и сушили впрок. Кроме того, на корабле имелся запас бамбуковых

побегов, приобретенный в солнечных краях на случай подобной критической ситуации.

Вождь и его люди помолились, а затем отряд начал карабкаться вверх вдоль каскадов водопада. Вот где пригодилась нечеловеческая сила Техути-Джо Миллера. Хотя бывали моменты, когда его огромный вес становился причиной оползней и обвалов.

По мере того как они взбирались на гору, влажный воздух превращался в завесу вездесущих брызг. Наконец отряд подошел к гладкой отвесной скале, которая поднималась вверх на тысячу футов. Люди отчаялись, заметались в поисках обходного пути, и кто-то из них обнаружил веревку, свисавшую с края вершины. Она была связана из множества покрывал, и, проверяя узлы на прочность, Миллер дернул ее несколько раз на себя. Цепляясь за веревку и упираясь ногами в поверхность скалы, он проворно одолел крутой склон и начал следить за подъемом следующего смельчака. Однако вождь сумел добраться лишь до середины и, вконец обессиленный, начал соскальзывать вниз. Джо поднял его на скалу вместе с тяжелой веревкой. А потом вытянул наверх и остальных участников экспедиции.

— Но откуда, черт возьми, взялась веревка? — спросил фон Рихтхофен.

— Кто-то подготовил им путь, — ответил Клеменс. — При той примитивной технологии, которая существует на планете, ни один человек не мог бы поднять веревку на столь гладкую и высокую скалу. Вы хотите напомнить мне о воздушном шаре? Да, я согласен, что оболочку можно сделать из человеческой кожи или воздушных пузырей «речных драконов». Но чтобы получить водород с помощью пара и древесного угля, вам понадобится соответствующий катализатор. А где вы его возьмете, если здесь нет почти никаких металлов?

Впрочем, при огромных затратах топлива можно получить водород и без катализатора. Однако Джо не видел там следов очага или большого костра. И почему веревка осталась свисать со скалы? Ведь покрывала еще не раз могли пригодиться в пути и на привалах. Все это свидетельствует о существовании человека, который подготовил путь для Джо и его спутников. Или для тех, кого он ждал. Только не спрашивайте меня, кто этот человек. Сам я предпочитаю называть его Таинственным Незнакомцем. Но вернемся к рассказу Джо. Тут есть еще что послушать.

Прихватив с собой веревку, отряд прошел несколько миль по высокогорному плато. Путники устало шагали сквозь сумерки и густой туман, пока дорогу им не преградила еще одна

отвесная скала. С ее вершины невероятно широким водопадом низвергалась Река. Глядя на эту массу падавшей воды, Джо подумал, что такой поток мог бы поглотить даже земную Луну. И в тот же миг, словно в ответ на его мысли, с верхнего края водопада сорвался огромный камень. Он прочертил серебристо-черную дугу над ревущими водами и разбился на мелкие куски у подножия скал, вокруг которых шкипала водоворотами обезумевшая стихия.

Бетер усиливался, а туман становился гуще. Капли воды стекали по покрывалам, в которые кутались продрогшие люди. Скала перед ними казалась матовым стеклом. Ее гладкий отвесный склон уходил ввысь и терялся в белесой завесе тумана. И никто из них не мог сказать, где он закончится — на высоте пятидесяти футов или где-то на отметке двух миль. Осмотрев подножие скалы, путники нашли пещеру — вернее, маленькое отверстие, за которым начинался туннель. Каменный свод располагался так низко, что им приходилось пробираться на четвереньках или ползком. Плечи Джо едва пролезли в проход. Но холодные стены были удивительно гладкими, словно кто-то, просверлив гору насквозь, долго и заботливо шлифовал бугры и острые выступы.

Туннель вел вверх под углом в сорок пять градусов. При таких условиях людям не удалось оценить расстояние, которое они проползли. Когда Джо выбрался из темной дыры на другом конце прохода, его плечи, руки и колени кровоточили, несмотря на защищавшие их куски покрывал.

— Вот этого я не понимаю, — воскликнул фон Рихтхофен. — Судя по рассказу Джо, горы намеренно были сделаны неприступными для того, чтобы люди не сумели добраться до истоков Реки. Так зачем кому-то понадобилось сверлить проход в твердой породе и тем самым облегчать им путь? И почему такого туннеля не оказалось в первой скале?

— Там туннель был бы слишком заметен для охраны или патрулей, которые осматривают приграничные полярные районы, — ответил Клеменс. — Вторую же скалу скрывал туман.

— Но веревка из белых покрывал еще больше бросалась в глаза, — возразил немецкий летчик.

— Вероятно, ее спустили незадолго до того, как у скалы появились люди, — задумчиво произнес Клеменс.

Фон Рихтхофен вздрогнул.

— Дайте мне закончить рассказ, черт бы ваз побрал! — вскричал Джо Миллер. — Не забывайте, это моя история!

— Конечно, твоя! Ведь она ничуть не меньше твоего зада! — сострил Клеменс и весело захохотал.

— О небо! И почему мои козти не озтализь под камнями и зучьями!

ГЛАВА 6

Пройдя туннель, отряд оказался на новом плоскогорье шириной не более десяти миль. Люди выпались — вернее, попытались выспаться, — а затем начали подъем по пологому склону. Иногда их путь пролегал через опасные трещины и крутые уступы, но в основном местность оказалась вполне преодолимой. Главным врагом теперь стала нехватка кислорода. Путники задыхались, ловили ртами воздух и все чаще устраивали привалы.

К тому времени Джо ушиб ногу и начал прихрамывать. Боль усиливалась, но он не хотел просить вождя об отдыхе. Пока другие шли, шагал и он.

— Джо не может оставаться на ногах так долго, как люди, — пояснил Клеменс. — Подобно всем представителям его вида, он страдает плоскостопием. Вес титантропа слишком велик для одной пары ног, и мне кажется, что истинной причиной вымирания их вида стали частые переломы костей — в том числе и позвоночника.

— А мне кажется, что один гомо запиенз зкоро будет зтрадать от перелома ноза, — пригрозил Джо. — Езли ты еще раз зунешьзя в мой раззказ, я за зебя не ручаюзь!

Они карабкались вверх по склону горы, и широкая Река на дне каньона постепенно превращалась в тонкую блеклую нить. Время от времени ее скрывали густые облака. Рыхлый снег затруднял подъем, и холодный ветер, завывая, как голодный волк, хлестал по лицам людей колючими льдинками. Но они добрались сквозь туман к непокорной вершине и почти на ощупь отыскивали пологий спуск к последнему плато. Наконец они дошли до огромной дыры в горе, из которой вытекала широкая Река.

Русло сжимали в объятиях неприступные скалы. Гладкие отвесные склоны будто смеялись над людьми, раскрыв ужасную пасть, откуда с грохотом, таким же громким, как голос Бога, вырывалась вода. Громоподобный рев заглушал слова людей. Они не слышали даже собственной речи. Но единственной дорогой вперед могло быть только это отверстие.

Миллер нашел узкий выступ над водой, который уходил в гигантскую дыру. Он заметил, что вождь намеренно старался идти позади него. И тогда Джо понял, что пигмеи признали его своим вожаком. Обращаясь к нему, они по-прежнему называли его Техути, но если раньше он слышал в их голосах добродушную насмешку, то теперь осталось только уважение. Джо действительно стал их Техути.

Клеменс вновь не удержался от комментариев:

— В нашем городке тоже жил слабоумный паренек, которого все называли Йеговой. Так уж получается, что, когда

людям не нужен Бог, они посмеиваются над ним, как над деревенским дурачком. Однако в минуту опасности презрительное глумление сменяется уважением. И мы можем сказать, что Джо стал великим Тотом, который повел участников экспедиции в подземный мир.

Вы, видимо, считаете, что я наделяю случайное совпадение довольно отвлеченным символическим смыслом. Но эта слабость присуща каждому человеку. И если вам нравится гладить собаку, вы должны простить ей наличие блох.

Джо Миллер продолжил рассказ. Он начал сопеть и кряхтеть. Его огромная грудь вздымалась и опадала, как кузнечные мехи. Очевидно, яркие воспоминания пробудили в нем ужас тех напряженных мгновений.

Узкий выступ оказался полной противоположностью пройденному накануне туннелю: его не касалась рука разумного существа. Карниз то спускался к самой воде, то поднимался к своду пещеры. Раз за разом Джо приходилось переползать через широкие бреши и протискиваться в щели под скользкой скалой. Темнота ударила по глазам, и ему показалось, что он ослеп. Рев потока заполнил уши, лишив его слуха. Осталось только осязание, и оно не подвело, несмотря на оцепенение и ужас — ужас перед тем, что ожидало их впереди.

— Нам очень хотелось зпать, но мы продолжали ползти, — рассказывал Джо. — Вождь лишь дважды узраивал привал, чтобы мы могли перекузить и набратъся зил. Мне уже начало казаться, что нам никогда не выбратъся из этой пещеры, как вдруг впереди появилость зерое пятно. Маленький проблезк в темноте, который и зветом-то не назовешь...

Они выбрались из небольшой пещеры почти у вершины горы. В тысяче футов под ними виднелось море облаков. Солнце пряталось за горной грядой, но его слабые лучи подсвечивали серое небо. А карниз тянулся дальше по отвесному склону, и когда он сужался до крохотной полоски, люди ползли по острым камням, рая руки и колени, цепляясь негнушимаися пальцами за мельчайшие неровности скалы. Один из них сорвался с выступа, уцепился за ногу соседа, и оба с криками исчезли в облаках.

Воздух становился теплее.

— Здесь надо учесть особенность Реки, — пояснил Клеменс. — Зарождаясь на Северном полюсе, она обвивает петлями всю планету, а затем возвращается к полярному морю и отдает накопленное тепло. Поэтому воздух там не такой холодный, как на полюсах Земли. Впрочем, это только мои предположения.

Отряд перебрался на другой карниз и начал огибать скалу, которая преградила им путь. Выступ был настолько узким, что они могли продвигаться лишь боком, как цепочка крабов. Джо остановился и, прижимаясь всем телом к отвесной стене, осмотрелся по сторонам. Откуда-то из далеких глубин ущелья доносился шум бушевавшей Реки. Узкий каньон расширился и сливался с огромным пространством.

Сквозь сумеречный свет Джо видел горы, окружавшие полярное море. Огромная масса воды, покрытая белым паром, заполняла котловину около шестидесяти миль в диаметре. На противоположной стороне клубились густые облака. Лишь значительно позже, после долгих объяснений Сэма, Джо понял, что облачный покров скрывал под собой устье Реки, где теплые воды вступали в контакт с холодным воздухом.

Титантроп сделал еще несколько шагов по карнизу и едва не наступил на серый металлический цилиндр.

Поначалу Джо не узнал его, настолько неуместным казался этот предмет среди первозданных скал. Однако знакомые очертания пробудили в уме гиганта нужные ассоциации, и он понял, что видит перед собой грааль, оставленный тем, кто уже прошел по этому опасному пути. Миллера ошеломило открытие, что некий неизвестный странник перенес все те же тяготы, что и он. Вплоть до этого самого места!

Джо поднял цилиндр и открыл крышку. Внутри лежали зловонные остатки рыбы и кусочек заплесневевшего хлеба. Видимо, странник до последнего момента надеялся найти питающий камень и получить хоть какое-то пропитание. Но потом с ним что-то случилось, иначе он не бросил бы свой грааль на карнизе. Его либо убили, либо напугали так, что он убежал, забыв обо всем на свете.

При этой мысли Джо поежился от страха.

Он двинулся в обход огромной глыбы, перекрывшей тропу. Вид моря исчез на несколько секунд за гранитным обломком. А потом Джо снова посмотрел вперед и не удержался от крика.

Встревоженные спутники окликнули его. Им хотелось знать, что же он увидел. Но от потрясения Миллер перешел на родной язык, в одно мгновение забыв азы человеческой речи.

Порыв ветра разогнал облака над серединой моря, и из густого тумана проступил приплюснутый купол какого-то серого сооружения. Его цилиндрическая форма напоминала гигантский, чудовищно огромный грааль, вокруг которого клубилась зыбкая пелена испарений.

Очевидно, в горах, окружавших полярное море, существовал разлом. И именно в этот миг лучи низкого солнца, прорвавшись в брешь горной цепи, осветили вершину башни.

Джо прищурился, пытаясь что-то рассмотреть сквозь радужное сияние. Внезапно над куполом взвился объект, похожий на белое яйцо. Сверкнув, как яркая звезда, он поплыл вниз, в густую полосу тумана. А затем лучи солнца миновали разлом, и ореол над башней исчез. Все снова погрузилось в сумерки, испарения и облака...

Летающий объект возник перед ним так неожиданно, что Джо рефлекторно отпрянул и поскользнулся, наступив на грааль неизвестного странника.

Он замахал руками, стараясь удержать равновесие, но ему не помогла даже обезьянья ловкость. Миллер сорвался и полетел вниз, вопя от ужаса и переворачиваясь в воздухе. Он мельком заметил лица своих спутников — смутные темные пятна с черными дырочками открытых ртов и глаза, следившие за его падением в облака.

— Я не помню, как звалился в воду, — с тяжелым вздохом произнес Джо. — Видно, смерть взяла меня еще в воздухе. Я прозвучал в теплых краях, в двадцати милях от того мезта, где жил Зэм. Там обитали норвежцы из десятого века, и мне пришлось учить их язык. Маленькие безнозые люди боялись меня, но хотели, чтобы я зражался в их непонятных битвах. А потом мне встретился Зэм, и мы подружились.

Наступило долгое молчание. Джо поднес чашу к тонким, по-обезьяньи подвижным губам и допил остатки спиртного. Оба его собеседника понурили головы. Кончики их сигар алели в сумерках, как два светлячка.

— А этот мужчина со стеклянным обручем на голове... Как, ты сказал, его звали? — внезапно спросил фон Рихтхофен.

— Разве я называл его имя?

— Наверное, нет. Но оно тебе известно?

— Мы звали его Эхнатоном. Я путешествовал з ним четыре года, но Зэм знает о нем гораздо больше меня. Во всяком случае, он так утверждает. — Джо почесал затылок и самодовольно усмехнулся. — И все же я знал этого человека! Знал! А злова Зэма — это лишь так называемые исторические факты!

ГЛАВА 7

Пожелав собеседникам доброй ночи, фон Рихтхофен отправился на боковую. Сэм зашагал взад и вперед по палубе, остановившись лишь раз, чтобы дать прикурить рулевому. Ему тоже хотелось спать, но он знал, что в постели его ждала бессонница. Эта старая блудница преследовала Клеменса годами; она распинала его на ложе и насиловала каждую ночь,

просовывая свой сухой язык в мозг и касаясь самых болезненных воспоминаний.

Решив составить Сэму компанию, Миллер устроился у дубовых перил. Клеменс был единственным человеком, которого он любил и которому безоговорочно доверял. Кроме того, Джо чувствовал, что его другу сейчас нужна моральная поддержка. Однако вскоре голова гиганта опустилась вниз, огромный нос размером с дубинку уткнулся в широкую грудь, а из сомкнутых уст полился храп, похожий на звуки далекого лесоповала. Секвойи скрипели и с шумом падали на землю. Грохот сменялся треском ветвей и шелестом листвы. Но, передохнув секунду-другую, лесоруб вновь брался за топор, и дремучий лес редел еще на парочку деревьев.

— Спи спокойно, малыш, — со вздохом прошептал Сэм.

Он знал, что Джо сейчас снится Земля, навеки утраченная и далекая. И там в ночи все так же ревели мамонты и львы, все так же ласкали его стройные девы. Внезапно Джо застонал и жалобно захныкал. Сэм понял, что Миллеру снова приснился медведь, искалечивший его ногу. С тех пор нога у Джо болела днями и ночами. Подобно своим соплеменникам, он был слишком велик и тяжел для одной пары ног. Эти гигантские протолюди стали неудачным экспериментом, и природа, признав ошибку, уничтожила их, как ненужный мусор.

— «Расцвет и падение плоскостопых», — прошептал Сэм. — Статья, которую я уже никогда не напишу.

Из его груди вырвался стон, прозвучавший как слабое эхо вздохов Миллера. Ему вспомнилось истерзанное тело Ливи, которое волны бросили к его ногам, а затем унесли в пучину. Но была ли это Ливи? Сколько раз, рассматривая толпы на берегах, он видел похожие лица. И когда ему удавалось уговорить Кровавого Топора, Сэм спускался на берег и находил тех женщин, но его всегда ожидало разочарование. О Боже! Но ведь он мог обознаться и на этот раз!

А если нет?

Сэм снова застонал. Неужели судьба так жестока? Неужели он действительно видел свою милую и незабвенную Ливи? Быть так близко и снова ее потерять — как это похоже на правду! А потом ее тело швырнули к его ногам, как будто Бог или тот, кто правил этим миром, хотел сказать: «Смотри, как близко ты был от нее! Страдай же, ничтожное скопище атомов! Вопи от боли, смерд! Ибо ты должен платить мне своими муками и болью!»

— Но за что? За что платить? — прошептал Сэм, прикусив кончик сигары. — За какие такие преступления? Не-

ужели я мало страдал за содеянное мной и, более того, за все, что не решился сделать?

Когда там, на Земле, к нему пришла смерть, он вздохнул с облегчением, надеясь на избавление от мук. И больше не надо было оплакивать кончину любимой жены, нелепую гибель дочерей и преждевременную смерть единственного сына; не надо было терзать себя подозрением, что их маленький Ленгдон умер из-за его небрежности. Неужели мальчик действительно простудился на той прогулке, когда холодным зимним днем Сэм решил покатасть его в экипаже? Неужели он виновен даже в смерти собственного сына?

— Нет! — воскликнул Клеменс так громко, что Джо подскочил, а кормчий недовольно заворчал.

Сэм ударил кулаком по ладони, и Джо опять заворочался во сне.

— Боже, за что ты казнишь меня такой болью? — заплакал Клеменс. — Какое это имеет значение сейчас? Прошлого уже не вернешь, так разреши нам начать жизнь заново с чистыми душами.

Да, в этом мире умершие оживали вновь, а больные становились здоровыми. И все зло, совершенное на Земле, казалось таким далеким в пространстве и времени, что о нем не стоило вспоминать. Однако прошлое не отпускало. Люди не менялись и не желали меняться. Все их мысли, стремления и чувства тянулись корнями в ту прошлую жизнь — пусть нелепую и грешную, но единственно настоящую.

Сэму захотелось мечтательной резинки, которая без труда могла бы снять с его сердца увесистый камень вины и наполнить разум диким неумным счастьем. Но иногда резинка еще больше усиливала душевные страдания, и тогда ужас видений заставлял молить о смерти как о единственном спасении. Последний раз Сэм видел такой кошмар, что теперь даже и думать не смел о новой попытке. Хотя, возможно, сейчас... Нет, лучше не надо!

Маленький Ленгдон! Сэм никогда не увидит его снова, никогда! Мальчик скончался в два с половиной года — слишком рано, чтобы воскреснуть вновь. Ни один ребенок, умерший на Земле до пяти лет, не пробуждался к жизни в мире Реки. Очевидно, те, кто задумал это переселение душ, не пожелали связываться с маленькими детьми. А возможно, их оживляли где-то на другой планете. Так или иначе, ему уже не увидеть сына и не выпросить у него желанного прощения.

А найдет ли он когда-нибудь Ливи и своих дочерей — Сару, Джин и Клару? Ходили слухи, что Река тянулась на двадцать миллионов миль и что на ее берегах обитало около

тридцати семи миллиардов человек. Сколько же понадобится времени, чтобы пройти из конца в конец оба берега и взглянуть на каждого из людей? Допустим, за сутки удавалось бы одолеть одну квадратную милю. Значит, сорок миллионов миль надо поделить на триста шестьдесят пять дней в году. Сэм давно не производил таких вычислений в уме, но по его расчетам выходило где-то около ста девяти лет.

И даже если бы кто-то совершил такое путешествие и осмотрел каждого встреченного человека, он мог бы не найти тех, кого искал. По тем или иным причинам они могли умереть и перенестись в места, где он уже бывал. Кроме того, он мог просто разминуться с ними в пути, если бы они тоже отправились на его розыски.

Нет, здесь необходимо другое решение. Существа, создавшие речную долину и воскресившие человечество, размещали людей на берегах по строго определенным правилам. Очевидно, они обладали каким-то архивом данных или аппаратурой, которая позволяла определять местонахождение любого человека. А если есть такая аппаратура, значит, должен быть и центр управления. Вот куда добраться бы!

Если же никакого архива нет, они все равно должны заплатить за этот эксперимент над людьми!

Сэм знал, что Джо рассказывал о реальных событиях. И его история имела несколько моментов, которые внушали определенные надежды. Кто-то из людей — или, вернее, из разумных существ — постарался сделать так, чтобы жители долины узнали о Туманной Башне в центре северного моря. Сэм пока еще не понимал причин, побудивших к действию этого неизвестного друга. Однако о его существовании свидетельствовали и туннель, и веревка на скале, и даже та популярная легенда об англичанине — скорее всего Бёртоне, а не Перкинсе — которому посчастливилось пробудиться в фазе, предшествовавшей Дню Воскрешения. Это преждевременное пробуждение было столь же неслучайно, как и туннель, пробитый в толще горы, поэтому Сэм, не задумываясь, приписал его Таинственному Незнакомцу.

Вот так, постепенно и как-то сама собой, у Клеменса появилась мечта. Он питал ее фактами и догадками, пока она не превратилась в Великую Мечту. Но чтобы воплотить свои грезы в реальность, ему требовалось железо. Много железа! И поэтому он уговорил Эрика отправиться в путь — на поиски металла, из которого был сделан стальной топор конунга. В глубине души Сэм не верил, что руды хватит для строительства гигантского корабля, но, путешествуя к верховьям Реки, он плыл вперед, к полярному морю.

Теперь же, благодаря удаче, которую он ничем не заслужил, — а Сэм действительно считал, что не заслуживает ничего хорошего, — он мог получить доступ к неограниченному запасу железа. Однако обольщаться не стоило.

Он нуждался в специалистах и, прежде всего, в металлургах, которые могли бы обработать руду, извлечь из нее железо, а затем отлить необходимые детали. Ему требовались инженеры, химики и кораблестроители.

Он слегка толкнул титантропа в бок и сказал:

— Поднимайся, Джо. Скоро пойдет дождь.

Гигант заворчал и, воспрянув, как башня из тумана, с хрустом размял затекшие мышцы. Его зубы блеснули в свете звезд. Он двинулся вслед за Сэмом к трапу, и бамбуковый настил затрещал под тяжестью его восьмисот фунтов. Внизу кто-то выругался по-норвежски.

К тому времени облака заволокли вершины гор. Тьма вползала в речную долину, пожирая паутину туманностей и неистовый блеск двадцати тысяч огромных звезд.

На восточном берегу сверкнула молния, и раздался удар грома. Сэм остановился. Молнии пугали его на протяжении всей жизни, вероятно, воскрешая в памяти какие-то детские страхи. В их призрачных отблесках он видел лица тех, кого обидел, оскорбил и унизил; а за ними маячили смутные фигуры старцев, укорявших его за безымянные преступления. Молнии замелькали вокруг корабля, словно снаряды при пробной пристрелке. И Сэму на миг показалось, что какое-то мстительное божество вознамерилось сжечь его живьем или пронзить своими огненными стрелами. Этот карающий мститель бродил по облакам и, расшвыривая молнии, искал врага по имени Сэм Клеменс.

— Я злышу шум, который приближаетз к нам ниже по Реке! — воскликнул Джо. — И это не гром! Вот опять! Неужели не злышишь? Очень похоже на разкаты грома, но это что-то другое!

Сэм прислушался и вздрогнул. Ниже по течению действительно раздавался какой-то гул. Внезапно над долиной прокатился раскатистый грохот.

— Что за черт?

— Не пугайся, Зэм, — ответил Джо. — Я з тобой!

Однако он тоже дрожал.

Отблеск молнии залил восточный берег раскаленной белизной. Сэм подпрыгнул и закричал:

— О Боже! Я видел, как что-то пролетело!

Джо придвинулся ближе и прошептал:

— Я тоже видел эту штуку. Она такая же, как та, что появилазь тогда из Башни! Но она уже улетела, Зэм.

Какое-то время они стояли, вглядываясь в темноту. Молния вспыхнула опять, но на этот раз они уже не увидели над Рекой белой яйцеобразной машины.

— Она возникла из ничего и в ничто вернулась, — произнес Сэм. — Прямо как мираж. Если бы ты тоже не видел ее, я бы подумал, что это наваждение.

Клеменс проснулся на палубе, мокрый и озябший. Он перекатился на бок и прищурился, увидев солнце над пиками восточной гряды.

Джо лежал рядом, а у рулевого колеса безмятежно спал кормчий.

Но не это заставило Сэма вскричать и вскочить на ноги. Он забыл о золоте солнца, когда его взгляд опустился ниже. Равнины утопали в яркой зелени травы, у берегов покачивались заросли бамбука, а на холмах, под сенью «железных» деревьев, темнели рощи сосен, тиса и дубов.

— Все встало на свои места, — сострил Клеменс, сам того не замечая.

Неведомая сила погрузила в сон всех людей на борту «Дрейругра», и пока они спали, кто-то очистил берега от ила и гари. Но эти «кто-то» не только восстановили растительность и выровняли ландшафт. За несколько часов они обновили огромный район Реки!

ГЛАВА 8

Клеменс почувствовал себя незначительным и слабым — таким же беспомощным, как слепой щенок. Что он мог противопоставить существам, чья власть над природой творила чудеса?

Однако все в этом мире должно иметь какое-то объяснение — физическое объяснение. Чудес на свете не бывает, их создают наука и умелое приложение имеющихся в наличии сил.

Впрочем, кое-что внушало надежду. Одно из этих могущественных созданий симпатизировало людям. По какой причине? Вероятно, снова борьба идей и различных взглядов.

К тому времени люди на корабле начали пробуждаться. Кровавый Топор и фон Рихтхофен поднялись на кормовую палубу, и конунг нахмурился, увидев немца рядом с собой. Викинга возмутило, что какой-то чужак осмелился прийти на такое почетное место. Но вид обновленных берегов потряс Эрика настолько, что он забыл о немце и своем желании прогнать его прочь.

Лучи солнца скользнули по серым глыбам питающих камней, и те заискрились в белой паутине испарений. Могильные

холмики тумана, скрывавшиеся в траве у камней, поблескивали радужным мерцанием. А на берегах лежали сотни обнаженных мужчин и женщин, и на стопке покрывал рядом с каждым из них виднелся металлический цилиндр.

— Оптовая поставка, — произнес Сэм. — Очевидно, это те, кто погиб в результате отключения западных камней. К счастью, их перенесло сюда из разных мест, и этим людям потребуется какое-то время, чтобы организовать общины. Кроме того, они еще не знают об огромных запасах железа, которые находятся у них под ногами.

— Но как же мы теперь найдем метеорит? — спросил фон Рихтхофен. — Все следы его падения исчезли.

— А вы не подумали о том, что он тоже мог исчезнуть? — ответил Клеменс и сердито выругался. — Те, кто проделал за ночь такую работу, могли убрать и метеорит, лишив нас тем самым металла. — Сэм застонал от внезапно накатившего отчаяния. — Кроме того, он мог упасть в Реку — а там глубина до тысячи футов и больше...

— Вы подавлены, мой друг, — сказал Лотар. — Но пока нет никаких причин для огорчений. Во-первых, метеорит мог остаться на месте. А во-вторых, даже если его и забрали, вам не станет от этого хуже, чем прежде. У нас по-прежнему будет вино, женщины и песни.

— Все это меня уже не удовлетворяет, — ответил Сэм. — Более того, мне трудно представить, что нас воскресили из мертвых лишь для подобных наслаждений. Я не вижу в этом смысла!

— Вот как? — усмехнулся Лотар. — А откуда вам знать, по каким причинам эти таинственные существа поместили нас в сотворенный ими мир? Возможно, они питаются нашими мыслями и чувствами.

Сэм заинтересовался. Новая гипотеза, несмотря на гнетущий оттенок, вывела его из депрессии, и он почувствовал, что уныние проходит.

— Вы полагаете, что нас превратили в эмоциональных коров? И, значит, наши пастухи поедают теперь сочные бифштексы любви и ребрышки надежды, печенку отчаяния и грудинку смеха, жаркое из ненависти и нежную плоть оргазма?

— Это только теория, — ответил Лотар. — Но она ничем не хуже других, которые мне доводилось слышать. Что касается меня, то я уже готов подкормить своих благодетелей. Взгляните хотя бы на тех обнаженных красоток. О Боже! Пустите меня скорее к ним!

Краткий миг воодушевления прошел, и Сэм вновь погрузился в глубины печали. Возможно, немец в чем-то прав,

но тогда в борьбе с загадочным противником у людей столько же шансов на победу, сколько у коровы-медалистки, решившей не давать отныне молока. Впрочем, иногда случалось, что по дороге на бойню быки бодали и даже убивали своих хозяев.

Он объяснил конунгу ситуацию, и тот тоже засомневался в успехе.

— Как же мы найдем эту упавшую звезду? Неужели нам придется перекопать все берега в ближайшей округе? Ты и сам знаешь, какая тут трава. Потребуется несколько дней, чтобы выкопать маленькую яму нашими каменными орудиями. А потом ты и глазом не успеешь моргнуть, как трава прорастет опять, и все придется начинать сначала.

— Ничего, что-нибудь придумаем, — ответил Клеменс. — Эх, будь у нас магнит или компас... Но их, к сожалению, нет.

Тем временем Лотар посылал воздушные поцелуи изящной блондинке на берегу. Услышав последние слова Сэма, он повернулся и весело сказал:

— С воздуха все выглядит по-другому. Сорок поколений крестьян могут распахать поле над древней крепостью, но тайна ее существования будет по-прежнему скрыта от их взора. А пилот, лишь раз пролетев над местностью, тут же поймет — под землей что-то есть. Он заметит это по различиям в рельефе, по оттенкам грунта и расположению растений. Я не знаю, что мы увидим здесь, но мир открывает свои подземные богатства только тем, кто воспаряет в небо, как птица. Ведь почва — это тонкое покрывало, которое время набросило на руины прошлого.

— Значит, будь у вас планер, вы могли бы найти место, где упал метеорит? — возбужденно спросил Сэм.

— Да, причем мы могли бы сделать планер за несколько дней, — ответил Лотар. — Но пока в этом нет необходимости. Поднявшись в горы, вы и так получите хороший обзор.

Сэм радостно хлопнул в ладоши:

— Какая удача, что мы взяли вас с собой! Я бы никогда не додумался до этого! — Внезапно он нахмурился. — Однако на большую высоту нам все равно не подняться. Взгляните на эти горы. Они такие же гладкие и скользкие, как предвыборная речь политика.

Кровавый Топор нетерпеливо поинтересовался, о чем они говорят. Сэм пояснил суть дела, и конунг сказал:

— Я смотрю, этот парень может нам пригодиться. А что касается гор, то проблема невелика — главное, найти побольше кремня. Мои люди прорубят в скалах ступени, и мы поднимемся хоть на тысячу футов. Конечно, потребуется время, но железо стоит таких усилий.

— А если здесь нет кремня? — спросил Клеменс.

— Тогда мы проложим путь, взрывая скалы, — ответил Кровавый Топор. — Сделай мне порох, и я подниму тебя на гору!

— Для изготовления пороха нам потребуется человеческий кал. И этого добра тут хватает, — произнес Сэм. — Древесный уголь получим из сосны и бамбука. Но вот где достать серу? Ее может не оказаться поблизости.

— А помнишь место в семистах милях ниже по Реке? Там этой серы как дерьма! — ответил викинг. — Но давай по порядку. Во-первых, нам надо найти метеорит. Во-вторых, прежде чем приступить к раскопкам, мы должны построить надежные укрепления. По воле богов нам повезло оказаться здесь первыми, однако мы не будем единственными на этом пути. Запах железа поползет вверх и вниз по Реке. Сюда потянутся храбрецы — кто стаями, кто в одиночку. И нам придется сражаться, защищая сокровище. Поэтому, прежде чем искать звезду, мы должны как следует окопаться.

Сэм еще раз выругался и сказал:

— Мы можем проплывать мимо нее прямо сейчас!

— Тогда давай остановимся здесь, — предложил конунг. — Это место ничем не хуже других. Кроме того, нам пора уже перекусить.

Через три дня, обследовав ближайшие окрестности, команда «Дрейругра» убедилась в полном отсутствии кремня и сланца. Очевидно, все, что тут имелось раньше, превратилось в пыль при взрыве метеорита, а новый грунт, которым покрыли пепелище, оказался лишенным камней.

Обычно в предгорье валялось множество обломков, пригодных для изготовления инструментов и оружия. В скалах змеились расщелины и трещины, откуда люди выламывали подходящие куски. Однако эта территория оказалась абсолютно бесплодной.

— Какое невезение! — пожаловался Сэм, разговаривая однажды вечером с фон Рихтхофеном. — Мы не в состоянии найти метеорит. И даже если нам удастся его отыскать, как мы докопаемся до этого сокровища? О какой добыче железа может идти речь, если у нас нет никаких инструментов? А железно-никелевый сплав, между прочим, очень твердый и плотный материал.

— Вас считали величайшим юмористом на Земле, — ответил Лотар. — Неужели после воскрешения вы настолько изменились?

— О Боже, почему люди не понимают таких простых вещей! — воскликнул Клеменс. — У каждого юмориста на душе черным-черно от горя и печали. И именно эти сгустки тьмы он превращает в фейерверки смеха. Но потом, когда их сияние исчезает, тьма возвращается опять.

Сэм перевел взгляд на языки костра. В них мелькали лица, маленькие и большие. Они удлинялись, расплзались вширь, а затем сжимались в точки искр и улетали к звездам. И уже потерялась вдали печальная Ливи, воспарившая по спирали в ночное небо. И следом за ней, из пламени, но холодное как лед, появилось лицо Джин, его милой младшенькой дочери. Спокойное застывшее лицо, как в те минуты, когда она лежала в гробу; вот только губы слегка подрагивали и уплывали вверх вместе с дымом. А затем он увидел отца на смертном одре и обгоревшие останки своего брата Генри, найденные после взрыва парового котла. Внезапно из огня возникло лицо Тома Бленкеншипа — того парня, который послужил прообразом Гекльберри Финна. И только он улыбнулся Сэму на прощание.

В Клеменсе всегда жил маленький мальчишка, мечтавший уплыть на плоту вниз по Миссисипи — навстречу множеству приключений, ни за одно из которых не надо было бы отвечать. Теперь у него появилась такая возможность. И он мог вечно скользить на плоту по Реке, переживая захватывающие встречи с герцогами, графами и королями. Он мог бездельничать, болтать дни и ночи напролет, удить рыбу и не заботиться о хлебе насущном. Он мог бы плыть на плоту тысячи лет, делая все, что ему заблагорассудится.

Однако проблема заключалась в том, что на самом деле Сэм не мог исполнить свою мечту. Во многих местах этого мира процветало граалевое рабство. Злые люди захватывали в плен проходивших и проплывавших мимо странников, а затем отнимали все, что появлялось из их чудесных цилиндров — еду, сигары, спиртное и мечтательную резинку. Граали погибших исчезали вместе с трупами, поэтому рабов доводили до полного истощения, но не давали им умереть. Связанных узников помещали в бамбуковые клетки, и они лежали там, как цыплята на прилавке мясника. А когда кому-нибудь из несчастных удавалось покончить с собой и оказаться за тысячи миль от своего мучителя, он часто вновь попадал в лапы не менее жестокого рабовладельца.

К тому же, будучи взрослым человеком, Сэм вряд ли испытывал бы на плоту то беспредельное счастье, о котором грезил мальчишкой. Нет, для путешествия по Реке ему требовались гарантии полной безопасности, предельный

комфорт и — что греха таить — безраздельная власть. Когда-то ему хотелось стать лоцманом, и в свое время он добился этого на Земле. Но теперь Клеменс видел себя капитаном парохода, самого большого, мощного и красивого из всех существовавших. Самый большой пароход на самой длинной Реке, по сравнению с которой Миссисипи и все ее притоки, Нил, Амазонка и Обь, Конго и Хуанхэ, взятые вместе и возведенные в квадрат, выглядели бы жалкой речушкой Озарк.

Его пароход будет иметь шесть палуб выше ватерлинии, два огромных гребных колеса и сотни роскошных кают для экипажа и пассажиров. В состав экспедиции войдут известные личности своего времени, а он, Сэмюэль Ленгхорн Клеменс — или, проще, Марк Твен — станет их капитаном. Его судно будет в пути до тех пор, пока они не достигнут верховьев Реки и не найдут чудовищ, сотворивших этот мир. И тогда люди узнают, зачем их вновь обрекли на жизнь, сулящую боль, отчаяние и муки.

Путешествие могло растянуться на целый век, а возможно, на два или три столетия. И Сэм был этому только рад. Он мог бы назвать тысячи и тысячи вещей, которых не доставало в мире Реки, но времени здесь хватало с избытком.

Клеменс грелся в сиянии образов, где по водам Реки плыл огромный пароход, а у штурвала стоял он, капитан. Его первым помощником будет Христофор Колумб или, возможно, Фрэнсис Дрэйк. Капитаном морской пехоты он назначит... Нет, не капитаном, скорее всего майором, потому что на борту будет только один капитан — он сам, Сэм Клеменс. Так вот, на должность майора могут претендовать Александр Великий, Юлий Цезарь и генерал Грант.

Булавочный укол досадной мысли пронзил воздушный шар, паривший в струях его грез. Эти два античных ублюдка никогда не согласятся на вторую роль. Александр и Цезарь начнут плести интриги и в конце концов попытаются захватить его прекрасный пароход. А согласится ли такой великий человек, как генерал Грант, выполнять приказы какого-то Сэма Клеменса — отставного писаки-юмориста, двадцать лет не видевшего листа бумаги?

Светящийся газ его грез со свистом улетучивался. Шар мечты обвис и скорчился. Сэм снова подумал о Ливи, столь внезапно обретенной и вновь потерянной. Как странно, что ее жизнь оборвал метеорит, благодаря которому Сэм мог теперь воплотить в реальность свою мечту. Как странно, что Ливи появилась именно в это время. Она возникла всего лишь на миг, будто какой-то небесный тиран показал ее Сэму и забрал обратно. А его мечта? Чего она стоит, если ему до сих пор не удалось отыскать огромную металлическую глыбу?

ГЛАВА 9

— Вы выглядите очень усталым, Сэм, — произнес Лотар.

— Да, пора отправляться спать, — ответил Клеменс, поднимаясь на ноги.

— Как? Вы хотите разочаровать эту венецианскую красотку из семнадцатого века? Она, между прочим, весь вечер строила вам глазки!

— Тогда утешьте ее, барон.

Сэм торопливо зашагал от костра. В течение вечера он несколько раз испытывал соблазн увести венецианку в свою хижину — особенно после того как первая чаша согрела его кровь. Однако теперь им овладело полное безразличие. Клеменс знал, что, уложив в постель Анжелу Сангеотти, он потерял бы потом покой от чувства вины. За последние двадцать лет ему довелось испытать подобные угрызения совести десять раз — со всеми женщинами, которые делили с ним ложе. И Сэм понимал, что отныне будет чувствовать себя виноватым не только перед Ливи, но и перед Темах — его индонезийской подругой, с которой он жил как супруг почти пять лет.

— Какая нелепость! — твердил он себе множество раз. — Даже разум бессилён объяснить это чувство вины. Мы так давно разлучены с Ливи, что уже стали чужими друг для друга. Слишком многое случилось с каждым из нас после Дня Воскрешения.

Однако чувства не подчинялись логике, и он страдал — страдал от осознания собственной вины. Хотя можно ли называть логикой эти жалкие доводы его ума? Ведь по сути своей человек по-прежнему оставался неразумным животным и вел себя в соответствии с врожденным темпераментом и приобретенными склонностями.

— Почему же я терзаюсь тем, что не может быть поставлено мне в вину? — в который раз шептал он себе. — Потому что такова моя натура, будь я проклят! Потому что при зарождении Земли какие-то два атома столкнулись друг с другом, и это породило цепь событий, по воле которых я оказался здесь — в ночи, на странной планете, среди толпы помолодевших стариков, собранных из всех времен и народов. Вот почему я иду в свою бамбуковую хижину, где меня ждут одиночество и тоска, абсолютно необязательные с точки зрения разума, но неизбежные по существу.

Да, я мог бы убить себя, но смерть не решит моей проблемы. Через двадцать четыре часа самоубийца оживает вновь — пусть в другом месте, но таким же несчастным. И каждая новая попытка, оставаясь бесплодной, лишь добавляет муки истерзанной душе.

О жестокосердные и безжалостные ублюдки! — вскричал он, погрозив кулаком далеким звездам. Потом горько рассмеялся и добавил:

— Что толку обвинять их в жестокости и черствости душ? Как и я, они не в силах измениться. В этом дерьме мы все едины.

И все же подобные мысли не ослабили его желания отомстить. Он по-прежнему хотел вцепиться зубами в руку, подарившую ему бессмертие.

Его бамбуковая хижина находилась у подножия холма под огромным «железным» деревом. Строение выглядело жалкой лачугой, но считалось здесь исключительной роскошью, поскольку нехватка каменных инструментов превращала строительство домов в настоящую проблему. Люди, перенесенные сюда после падения метеорита, селились в шалашах, сделанных из бамбуковых шестов, травяных веревок и больших листьев «железного» дерева, которые походили на слоновьи уши. В долине росло около пятисот разновидностей бамбука, и из некоторых люди делали деревянные ножи. Однако их лезвия быстро ломались, нуждались в постоянной заточке и вообще являлись жалкой пародией на то, к чему привык человек.

Войдя в хижину, Сэм лег на топчан и закутался в несколько больших покрывал. Слабые звуки далекого веселья мешали заснуть. Немного поворочавшись, он поддался искушению пожевать палочку мечтательной резинки. Сэм не знал, к чему это приведет: к экстазу с обилием текучих многоцветных образов, к чувству мудрого умиротворения или к похотливым желаниям, а возможно, наоборот — к бездонному мраку, где из темноты станут выползать чудовища и скулящие призраки погибшей Земли, где в языках адского пламени начнут извиваться грешники, и демоны без лиц, наслаждаясь криками жертв, будут давиться визгливым смехом.

Он пожевал тягучую массу, проглотил слюну и понял, что опять совершил ошибку. Но трезвый ум, как всегда, запоздал, и было поздно что-либо менять. Он вновь переживал тот эпизод, когда мальчишкой тонул в реке — и ведь утонул бы, если бы его не вытащили.

«Тогда я умер в первый раз, — подумал Сэм. — Хотя нет! Я умер, когда родился! Как странно, что мать никогда не рассказывала мне об этом».

И он увидел ее, лежавшую на постели, — спутанные волосы, побелевшая кожа, белки глаз под приоткрытыми веками и дрожавшая челюсть. А доктор, закулив сигару, склонился над малышом — над ним, над Сэмом. Он повернулся к отцу и невнятно пробормотал:

— Вряд ли удастся спасти.

— Вы хотите сказать, что моя Джейн и... вот этот... погибли? — спросил отец.

У доктора были огненно-красные волосы, густые рыжие усы и светло-голубые глаза. Его лицо выглядело бесстрастным и грубым.

— Обычно я хороню свои ошибки, но в данном случае вы зря беспокоитесь, — ответил он. — Я спасу этот комочек плоти, хотя вряд ли от него будет какой-то толк. И ваша жена тоже поправится.

Доктор укутал малыша в простыню и положил его на кровать. Затем сел и начал писать что-то в маленьком черном блокноте.

— Неужели вы не можете отложить свою писанину на другое время? — возмутился отец Сэма.

— Я должен сделать эту запись, — ответил доктор, — и давно бы сделал ее, если бы не болтал тут с вами так много. В этот дневник я заносу все души, которые выпускаю в мир. Под старость лет мне хотелось бы составить огромную книгу с биографиями этих людей и в конце концов понять, насколько они стоили моих усилий. Если мне удастся принять в эту юдоль печали хотя бы одного гения, моя жизнь обретет какой-то смысл. Иначе я лишь зря терял время, пополняя человечество новой тысячей идиотов, лицемеров и лжецов.

Маленький Сэм заплакал, и доктор сказал:

— Кричит так, словно уже потерял душу, верно? Как будто все грехи мира легли на его крохотные плечи.

— Вы странный человек, — заворчал отец. — И, кажется, очень злой. А уж то, что Бога не боитесь, так это видно сразу.

— Да, моя дань уходит князю тьмы, — с усмешкой ответил доктор.

Запах крови сплетался с дымом сигар. Комната пропахла зловонием пота и похмельным дыханием доктора.

— Как вы решили его назвать? Сэмюэлем? Да ведь так зовут и меня! Сэмюэль — это имя Бога. А тут их сразу два! Прямо анекдот какой-то! Жаль, что дохленький он у вас и не протянет долго. А если и выживет, то будет маяться всю жизнь.

— Вон из моего дома, дьявольское отродье! — закричал отец. — Что вы только за человек такой? Прочь с моих глаз! Я позову другого доктора. Простить себе не могу, что позволил вам прикасаться к моей жене и принимать ребенка. Избавьте этот дом от своей дьявольской вони!

Доктор, покачиваясь, собрал окровавленные инструменты и небрежно бросил их в саквояж.

— Ладно, я уйду. Но вы задержали мой отъезд из этого захолустья. Я ведь тут проездом, мой провинциальный друг.

Лишь доброе сердце заставило меня сжалиться над вами, поскольку шарлатан, который практикует на этой помойке, уехал в город по своим делам. И вот, покинув уют таверны, я пришел сюда, чтобы спасти младенца, для которого смерть была бы лучшим исходом. Я спас своего маленького тезку, и этого вы не можете отрицать! Так где же мой гонорар?

— Я мог бы выбросить вас за порог, не дав ничего, кроме своих проклятий, — сказал отец. — Но человек должен оплачивать свои долги независимо от обстоятельств. Вот ваши тридцать серебряных монет.

— Мне больше нравятся бумажные деньги, — с усмешкой ответил доктор. — Не будь меня, вы дождались бы своего коновала, и он дал бы вам горсть никчемных пиллюль, но, запомните, только я, доктор Экс, мог вытащить из лап смерти вашу жену и ребенка! Доктор Экс — непредсказуемый и вечный странник; таинственный незнакомец, посланный дьяволом для того, чтобы сохранять жизни других несчастных ублюдков; веселый малый, продавший душу шотландскому виски, потому что от рома его просто тошнит...

— Вон! Вон! — закричал отец. — Убирайтесь, пока я вас не прикончил!

— Вот благодарность этого мира, — прошептал доктор Экс. — И мне действительно пора уходить. Из ничего я явился на свет, населенный ослами, и, пройдя его, вновь удаляюсь в ничто. Экс или икс — это и есть ничто!

В холодной испарине, застыв от напряжения, как каменный Аполлон, Сэм наблюдал за драмой своего рождения. Внезапно сцену и актеров втянуло в бледно-желтый шар, по которому заструились красные молниевидные прожилки. Видение поблекло, и далекое 30 ноября 1835 года во Флориде, штат Миссури, стало вновь погружаться в глубины подсознания. Прежде чем выйти за порог, доктор еще раз обернулся и взглянул на Сэма. Он вытащил изо рта сигару, дурашливо усмехнулся, и среди его желтых прокуренных зубов блеснули два удивительно белых и неестественно длинных клыка.

Видение потемнело и угасло. Дверь его родного дома превратилась в проем бамбуковой хижины, и новая фигура, мелькнув на фоне ярких звезд, скользнула в тень у изголовья. Клеменс закрыл глаза, подготавливая себя к следующему кошмару. Он застонал и еще раз пожалел о том, что принял мечтательную резинку. Тем не менее Сэм знал, что в ужасной фантазмагории таилась правда, которая нравилась и одновременно не нравилась ему. Драма рождения была фантазией, сотворенной им самим для оправдания собственных страхов. Но что означала эта темная фигура, которая без-

звучно кралась к нему, как смерть? Из каких глубин его ума возникло это существо?

Внезапно он услышал бархатный голос:

— Сэм Клеменс! Не тревожься! Тебе не будет от меня вреда! Я пришел, чтобы помочь!

— А что вы потребуете в уплату за помощь? — тихо прошептал Сэм.

Человек негромко рассмеялся и сказал:

— Ты из тех людей, которые мне нравятся. Пожалуй, я сделал правильный выбор.

— Вы хотите сказать, что в своем воображении я создал вас как того, кто избрал меня?

Помолчав несколько секунд, незванный гость произнес:

— Я понимаю. Ты считаешь меня еще одним фантомом, вызванным мечтательной резинкой. Однако это не так. Коснись меня.

— А зачем? — произнес Сэм. — Как плод моего ума, вы прекрасно знаете, что галлюцинации можно не только видеть и слышать, но и ощущать. Лучше расскажите мне о причинах вашего визита.

— Обо всех причинах? Это потребовало бы слишком много времени. Я не смею оставаться рядом с тобой так долго, потому что здесь неподалеку есть кое-кто еще. Меня могут заметить, и это будет полным моим провалом. Они стали очень подозрительными, понимаешь? Им уже известно, что среди них появился отступник, но они еще не знают, кто он такой.

— Они? О ком вы говорите? — спросил Сэм.

— Они — это мы, этики. Наша группа ведет наблюдение за данным районом Реки. Здесь сложилась уникальная ситуация — впервые за всю историю планеты мы собрали на небольшом участке абсолютно неоднородный контингент людей. Это редчайший случай, и наши исследователи регистрируют все, что только можно. Будучи одним из Двенадцати, я возглавляю проект и работаю главным администратором.

— О-о! За это надо выпить! — с усмешкой воскликнул Сэм. — И я подниму за вас стаканчик, когда проснусь!

— Ты уже проснулся. И уверяю тебя, я действительно существую. Мое тело — это объективная реальность, поэтому хватит валять дурака. Повторяю, у меня мало времени!

Сэм попытался сесть, но рука пришельца удержала его на месте. В легком прикосновении ладони чувствовалась огромная сила, не только физического, но и гипнотического характера. Ощувив это, Клеменс вздрогнул и зашептал:

— Вы один из Них! Один из Них!

Еще мгновение назад ему хотелось схватить незнакомца и позвать кого-нибудь на помощь, но теперь он отбросил эту нелепую идею.

— Один из них, но не с ними, — ответил ночной гость. — Я на стороне людей и сделаю все возможное, чтобы мой народ не завершил этот мерзкий проект. У меня есть план, однако его осуществление потребует времени, терпения и осторожности. Тут надо действовать окольным путем. Я уже вошел в контакт с тремя людьми, и ты будешь четвертым. Каждый узнает лишь часть замысла, но основная суть останется пока в секрете. Если кто-нибудь из выбранных мной будет разоблачен и подвергнут допросу, его показания не принесут этикам абсолютно никакой пользы. Более того, при медленном развитии событий все происходящее будет казаться стечением случайных обстоятельств — как, например, внезапное падение этого метеорита.

Сэм снова попытался сесть, но остановился раньше, чем его коснулась рука незнакомца.

— Так это не случайность?

— Конечно, нет. С некоторых пор мне стало известно о твоей мечте построить пароход и добраться до конца Реки. Но это невозможно сделать без железа. Вот почему я отклонил орбиту подходящего метеорита и ввел его в поле притяжения нашей планеты. По моим расчетам, он должен был упасть неподалеку отсюда — впрочем, и не слишком близко, иначе ты бы погиб и оказался в другом регионе. Планетарная система безопасности не допустила бы падения метеорита в долину Реки, однако мне удалось отключить центральный пульт, и небесное тело прошло сквозь сеть дематериализаторов. К сожалению, охрана справилась с поломкой пульта очень быстро, и система безопасности успела изменить траекторию метеорита. В результате ты едва не погиб, а я на какое-то время списал тебя со счета. Но твое спасение окрылило меня, и я поверил, что удача с нами.

— Значит, падающая звезда...

— Стала звездой, которую я бросил к твоим ногам!

«Если ему так много известно обо мне, то он, очевидно, не раз бывал на борту “Дрейругра”, — подумал Сэм. — Неужели у этиков есть устройства, которые позволяют им становиться невидимками? Впрочем, такое вполне возможно. Их яйцевидный летающий аппарат возник буквально из воздуха, и я увидел его скорее всего по причине какой-то неисправности. Вероятно, молния повлияла на систему защиты, и он потерял свою невидимость. Боже, я начинаю сходиться с ума! Это же только фантом, вызванный мечтательной резинкой!»

— Один из их агентов очень близко! — прошептал незнакомец. — Слушай меня внимательно! Метеорит убирать не стали, потому что не хватило времени. Во всяком случае, я так решил. Он захоронен под равниной и холмами в десяти милях отсюда. Тебе надо только отсчитать десять питающих камней вниз по Реке, и ты окажешься на периметре кратера. Там находятся несколько огромных глыб металла и множество мелких кусков. Начнешь копать — найдешь. Все остальное зависит только от тебя. Я буду помогать по мере возможности, но моя помощь будет неявной.

Сердце Сэма заколотилось так громко, что он едва услышал свой голос:

— Почему вы решили помочь мне построить корабль?

— Ты узнаешь об этом в свое время. А пока будь доволен тем, что получил необходимый материал. Но слушай дальше! В пяти милях выше по Реке у основания гор находятся залежи бокситов. Рядом с ними проходит небольшая жила платины, а в двух милях за ней ты найдешь месторождение киновари.

— Бокситы? Платина? Зачем?

— Глупец!

Судя по учащенному дыханию, незнакомец пытался сдерживать злость и презрение.

— Бокситы понадобятся для производства алюминия, — произнес он более спокойным тоном. — Платина используется в качестве катализатора во многих химических процессах. Но у меня не осталось времени для объяснений. В этом районе есть несколько подходящих инженеров, и они расскажут тебе, что к чему. Я должен уходить. Он уже приближается! Делай то, что тебе сказано, и все будет хорошо. Да, чуть не забыл! В тридцати милях вверх по Реке находятся россыпи кремня.

— Но... — начал Клеменс.

Силуэт человека мелькнул в проеме двери и исчез. Вскочив с постели, Сэм выбежал из хижины. На берегу светились огни костров, и рядом с ними сновали маленькие фигурки людей. Пришелец исчез. Сэм обошел вокруг хижины, но поблизости никого не оказалось. Он взглянул на небо, бледное от газовых туманностей и ярких точек красных, голубых и белых звезд. Где-то там, став невидимым и бестелесным, скользил яйцеобразный аппарат.

ГЛАВА 10

Повернувшись к хижине, Сэм увидел огромную неподвижную фигуру, стоявшую во мраке у входа. Его сердце испуганно забилося.

— Джо, это ты?

— Да, — прозвучал в ответ низкий бас.

Джо подошел к приятелю и сказал:

— Я чувствую запах. Нечеловеческий запах! Здезь был кто-то другой — не такой, как вы, люди. И ты знаешь, этот запах напоминает мне...

Гигант замолчал. Сэм ждал, представляя себе, как огромные каменные жернова в голове Джо перемалывают муку из мыслей. В конце концов Миллер вздохнул и произнес:

— Так оно и езьть, будь я проклят!

— Что ты хочешь сказать, Джо?

— Это злучилозь давно, на Земле — незадолго до того, как меня убили. Мне ведь до зих пор не веритзя, Зэм. Неужели ты дейзвительно прав? О Иизуз Хризтоз! З того времени прошло уже зто тызсяч лет!

— Не тяни, Джо! Я сгораю от нетерпения!

— Не знаю, поверишь ты этому или нет, но мой ноз имеет звою память.

— А что тут странного? — сердито проворчал Клеменс. — Туда бы вместился весь твой мозг. Выкладывай, Джо! Я уже умираю от любопытства.

— Ну хорошо, Зэм. Злушай. Я шел тогда по зледу врага из племени вифзангкруилов. Они жили в дезяти милях от наз на другой зтороне большого холма, похожего на...

— Не надо деталей, Джо.

— Ладно. Так вот, дело происходило на закате дня, и я знал, что приближаюзь к врагу. Его злед зтал звежим и четким. Внезапно я узлышал шорох. Мне подумалозь, что тот парень, которого я презледовал, обошел меня ззади. Решив перехитрить его, я лег на землю и пополз в ту зторону, откуда донозилзя трезк ветвей. И что, ты думаешь, я увидел? О великий дух! Почему мне не пришло в голову раззказать тебе об этом раньше? Набитое я чучело!

— Тут я с тобой согласен. Но дальше, Джо?

— Так вот, тот парень заметил меня, хотя я подкрадывалзя тихо, как лазка к птице. Он зашел мне в тыл и, наверное, хотел уже нанезти змертельный удар. Но когда я обернулзя, мой враг лежал на земле, холодный, как пещерный червяк. А рядом з ним зтояли два человека.

Ты знаешь, Зэм, — я храбрый малый и, возможно, змелее многих других. Но тогда я впервые увидел людей и, конечно же, злегка испугалзя. На них была одежда — вернее, то, что ты опизывал мне как одежду. В руках они держали какие-то зтанные штуки около фута длиной. Эти толзтые черные палки блезтели как зталь, из которой зделан топор Эрика, и они еще больше напугали меня. Я зпраталзя. Однако эти ублюдки, казалось, видели зквозь кузты. Один из них навел

на меня звою палку, и я потерял зознание. Они вырубили меня каким-то зиним лучом. А когда я очнулзя, эти двое и погибший *виф* исчезли. Мне зтало зтрашно. Я убежал оттуда зо взех ног и з тех пор навзегда запомнил их запах.

— Это все? — спросил Сэм.

Джо молча кивнул.

— Будь я проклят! — воскликнул Клеменс. — Неужели они... эти люди... держали нас под наблюдением еще пол-миллиона лет назад? Или даже больше? Неужели это были этики?

— Я не понял, Зэм.

Клеменс рассказал Джо о том, что утаил бы от любого другого. Сэм знал, что может полностью доверять титантропу. Однако во время объяснений у него появилось нехорошее предчувствие — ведь мистер Икс попросил не говорить о нем ни слова.

Джо кивал так часто, что его нос напоминал бревно, плывущее по водам бурного потока.

— Все совпадает, Зэм. Все действительно совпадает! Они встретилизь мне на Земле. Потом, попав в экспедицию Эхнатона, я видел их башню и воздушный корабль. А теперь тебя избрал этот Икз, и ты должен построить пароход. Все звязано друг з другом, понимаешь?

Сэму удалось заснуть только перед самым рассветом. Утром, преодолев желание остаться в постели, он заставил себя встать к завтраку и присоединился к команде «Дрейругра». Пока викинги, немец и Джо поглощали содержимое своих граалей, Сэм, ссылаясь на вещий сон, рассказал им изрядно исправленную версию своего ночного видения. И он на самом деле посчитал бы это сном, если бы чуткий нюх Джо Миллера не подтвердил присутствия таинственного незнакомца.

Фон Рихтхофен начал высмеивать наивную веру в вещие сны, однако его язвительные высказывания не нашли поддержки среди норвежцев. Многие из них, хотя и не все, считали пророческие сны вполне обычным делом. К сожалению, в числе неизбежных скептиков оказался и Кровавый Топор.

— Ты хочешь, чтобы мы тащились за десять миль и рыли землю из-за какого-то твоего кошмара?! — взревел он. — Я всегда подозревал, что ты так же слаб на ум, как и на отвагу, Клеменс! Теперь я еще раз убедился в этом! Забудь о своем дурацком сне!

Оттолкнув грааль в сторону, Сэм вскочил на ноги и осмотрел сотрапезников из-под нахмуренных бровей.

— В таком случае мы с Джо сегодня же уйдем от ваших костров. Я соберу местных жителей, и они помогут нам

выкопать железо. Мы найдем его, найдем! Можете не сомневаться в этом! Но вам уже никогда не войти к нам в долю — ни по слову чести и ни за какие деньги. Потому что первого у вас не было на Земле, а второго не существует в этом мире.

Выплюнув непрожеванные хлеб и куски мяса, Эрик выхватил из-за пояса топор.

— Как ты смеешь говорить со мной подобным тоном, ничтожный смерд! — закричал разъяренный конунг. — Ямы захотел? Так ты ее сейчас и выкопаешь, несчастный! Маленькую могилу для жалкого раба!

Джо с ревом поднялся на ноги и, встав рядом с Клеменсом, вытащил из-за пояса огромный каменный топор. Викинги перестали есть и собрались плотной толпой позади своего предводителя. Фон Рихтхофен, который смеялся и шутил во время рассказа о вещем сне, теперь недоуменно смотрел то на Сэма, то на мрачные лица норвежцев. Внезапно его улыбка превратилась в злобный оскал. Он стремительно поднялся и занял позицию справа от Клеменса.

— Вы насмехались над мужеством германских воинов, мой норвежский друг! — прокричал Лотар конунгу. — Так знайте, что я намерен засунуть эти шуточки обратно вам в горло!

Кровавый Топор захохотал.

— Два петушка и обезьяна! Вы еще будете молить меня о легкой смерти! И я подарю ее вам после нескольких дней пыток! После того как вы протрете свои животы, извиваясь у моих ног в судорогах от невыносимой боли!

— Джо! — сказал Клеменс. — Постарайся прикончить его первым. Тогда ты даже не вспотеешь, расправляясь с остальными.

Титантроп поигрывал топором, как перышком. Кремневая секира весом в пятьдесят фунтов грозно посвистывала в воздухе.

— Езли эта штука вырвется зейчаз из моей руки, она не только проломит ему грудь, но и уложит половину ребят позади него, — прорычал гигант.

И норвежцы знали, что он не шутит. Они не раз видели, как Джо дробил черепа врагов. Викингов было много, но великан действительно мог перебить половину команды, прежде чем они прикончили бы его. Тем не менее воины чтили долг верности и, даже питая к Эрику неприязнь, не позволили бы себе и другим нарушить клятву, данную конунгу.

Казалось, откуда бы в речной долине взяться трусам, если смерть в этом мире почти ничего не означала. Люди погибали, чтобы восстать из мертвых опять, и в таких условиях отваге просто полагалось бы стать универсальной чертой

характера. Действительно, те, кто были смелыми на Земле, становились здесь вдвойне смелее. А вот трус по-прежнему оставался трусом. Умом человек понимал, что смерть будет длиться лишь день, но подсознание, клетки мозга и та эмоциональная конфигурация, которая создает человеческий характер, наотрез отказывались воспринимать подобный факт.

Сэм стремился избегать насилия и боли — причем боли он боялся даже больше, чем смерти. Ему часто приходилось сражаться вместе с викингами, и он метал копья, махал топором, наносил и получал ранения. Однажды Сэм даже убил человека, хотя это можно было объяснить скорее случайностью, чем его ратным мастерством. Одним словом, воин из него получился неважный. Как только начиналась битва и он видел первую кровь, страх открывал все клапаны его сердца и сила выливалась наружу. Сэм знал, насколько он плох в бою, но ему и в голову не приходило винить себя за это.

Эрик славился жестокостью и отвагой, но он понимал, что ссора с Сэмом ему не нужна. В случае вполне вероятной смерти Кровавый Топор терял бы свою долю мечты о большом пароходe. И тогда кто-то другой повел бы его людей на штурм далекой башни, лишив тем самым Эрика великих побед и хвалебных песен. Кроме того, несмотря на насмешки, конунг верил в откровения богов и вещие сны.

Зная этого человека, Сэм Клеменс мог поспорить, что амбиции викинга пересылят гнев. И он оказался прав. Конунг опустил топор и выдавил из себя улыбку.

— Глупо пренебрегать посланием богов, не проверив, что оно сулит, — сказал он. — Я знал жрецов, которым не хватало мужества во время сражений, и все же Один и Хеймдалль посылали им вещие сны. Эти люди лгали нам большую часть времени, но иногда они говорили от имени богов. На том и порешим! Мы отправимся копать железо! Найдем его — хвала тебе, Клеменс. Но если не найдем... Тогда мы продолжим наш спор с того места, где он закончился сейчас.

Сэм вздохнул с облегчением и опустился на землю, пытаясь скрыть дрожь в руках и ногах. Мочевой пузырь настойчиво гнал его в кусты, но Клеменс не посмел уйти в такую минуту. Он должен был вести себя как победитель. Чуть позже, понимая, что больше ему не продержаться, он гордо удалился к холмам.

Мистер Икс, Тайнственный Незнакомец, сказал, что копать надо ниже по Реке, где-то у десятого питающего камня. Однако использование местных жителей в качестве рабочей силы осложнялось непредвиденным обстоятельством. Чикаг-

ский гангстер двадцатых—тридцатых годов Альфонсо Джилбретти заключил союз с бельгийским сталепромышленником конца девятнадцатого века и турецким султаном из середины восемнадцатого столетия. Этот триумвират, следуя новой классической схеме, создал мощную организацию, в костяк которой вошли профессионалы преступного бизнеса по прошлой жизни на Земле. Все, кто выступил против самозванных правителей, через сутки оказались в других регионах мира Реки, а для остальных «граждан» банда определила граалевый налог, который полагалось платить за так называемую защиту. Джилбретти набрал себе гарем из пяти женщин — причем две пришли к нему по своей воле, а одна умерла на следующий день. Решив отомстить насильнику, она попыталась проломить ему голову своим граалем, но ей это, к сожалению, не удалось.

Эти сведения встревожили Сэма. Он понял, что викингам придется столкнуться с двумя сотнями бандитов и как минимум с тысячью «народных ополченцев». Этим силам они могли противопоставить только сорок мужчин и двадцать женщин. Правда, вооружение местных обитателей состояло в основном из бамбуковых копий с заостренными концами, в то время как викинги имели каменные топоры, щиты из кожи «речного дракона», копьа с кремневыми наконечниками, луки и стрелы. И еще с ними был Джо Миллер.

Прибытие корабля собрало огромную толпу местных жителей. Кровавый Топор объявил им, что его люди решили искать здесь железо. Он пригласил всех желающих примкнуть к его команде, пообещав за это не только долю в деле, но и отмену граалевого налога. Кроме того, он заверил людей, что отныне никто не посмеет насильовать их женщин.

Джилбретти метнул в него копье и обрушил на Эрика поток сицилианских проклятий. Но ни первое, ни второе не задело викинга. Усмехнувшись, он швырнул свой топор во врага, и стальное лезвие вонзилось в грудь мафиози. Конунг спрыгнул на берег, сжимая в руке дубину, утыканную кусками кремня. За ним ринулись тридцать викингов и Джо Миллер. Оставшиеся на борту женщины выпустили в толпу уголовников пару дюжин стрел и последнюю уцелевшую ракету. Она попала точно в цель — в задние ряды верноподданных Джилбретти. Около сорока человек были убиты, ранены и контужены.

Не прошло и двух минут, как головы бельгийца и турка треснули под топором Джо. Остальные бандиты либо погибли, либо сбежали, спасая свои жизни.

Однако им не удалось уйти от возмездия. Насильно завербованные «ополченцы», получив столь долгожданную воз-

можность отомстить, избивали и разрывали на части своих мучителей. Десятерых уцелевших гангстеров распяли на земле, пронзив их тела бамбуковыми щепками. Клеменс из всех сил старался не обращать внимания на крики жертв. Ему хотелось прекратить этот жуткий спектакль, но он побоялся, что призыв к порядку ослабит его популярность в глазах местного населения. И только Лотар фон Рихтхофен не пожелал мириться с дикарским весельем. Он сказал, что понимает справедливость мести и желание людей карать своих вчерашних мучителей. Но он не мог допустить, чтобы праведный суд превращался в подобное варварство. Шагнув к распятому страдальцу, барон прикончил его ударом топора и приказал ополченцам убить остальных бандитов. Хорошо, что рядом не было конунга, иначе он отменил бы это распоряжение. Эрик считал, что муки врагов служат народу не только развлечением, но и уроком на будущее. Однако в тот момент конунг находился в прострации — при взрыве ракеты его оглушило осколком каменной шрапнели.

Ополченцы неохотно подчинились, однако выполнили приказ на свой лад. Они бросили бандитов в Реку, зная, что щепки в руках и ногах не позволят их жертвам выбраться на берег. Некоторые пошли ко дну сразу; другие барахтались в воде несколько минут. И было странно видеть, как они цеплялись за жизнь, хотя через сутки им предстояло воскреснуть вновь. Инстинкт выживания заставлял их бороться до конца, и они из последних сил тянулись за глотком воздуха.

ГЛАВА 11

К добыче железа они приступили не сразу. Сначала пришлось провести организационную работу, избрать административные, судебные и законодательные органы, создать вооруженные силы и провозгласить новое государство. После недолгих споров Клеменс и Кровавый Топор решили, что их страна должна простираться на три мили вверх и вниз по Реке, начиная от места предполагаемых раскопок. На границах воздвигли «линии Мажино» — две полосы по двадцать футов шириной, где из земли под разными углами торчали заточенные бамбуковые колья. Каждая линия обороны началась у основания гор и тянулась до самой Реки. У пропускных ворот построили несколько хижин, в которых разместился гарнизон, вооруженный копьями и луками.

Когда вдоль берега возвели третий рубеж, «Дрейругр» отправился за кремнем, россыпи которого, по словам Таинственного Незнакомца, находились в тридцати милях выше по течению. Кровавый Топор и пятнадцать его людей остались

на суше, поэтому экспедицию возглавил помощник конунга, Снорри Рагнарссон. Ему предстояло договориться с местными властями о большом количестве кремня в обмен на будущие поставки железа. При отказе от сделки и прочих неувязках Снорри следовало пригрозить им войной. Для верности Эрик предложил отправить на корабле и Джо Миллера, считая, что размеры титантропа и его уродливый вид помогут бы сделать будущих партнеров более сговорчивыми.

Сэм был вынужден согласиться с логикой норвежца, хотя ему ужасно не хотелось расставаться с Джо. Однако сам он в экспедиции участвовать не собирался, поскольку Кровавый Топор мог натворить в его отсутствие черт знает что. Предводитель викингов отличался вздорным и самонадеянным нравом. Его выходки могли оскорбить вновь приобретенный народ, что неминуемо привело бы к государственному перевороту и гибели небольшой горстки норвежцев.

Сэм шагал взад и вперед по своей хижине, яростно глотая дым сигары и размышляя над ситуацией. Где-то здесь, под травой, находилось железо, причем запасов металла вполне хватило бы для осуществления его мечты. Но он не мог приступить к земляным работам без предварительной подготовки, а каждая проблема, которую удавалось решить, тянула за собой дюжину других.

От расстройства Сэм начал покусывать кончик сигары. Он понимал, что без Джо их переговоры о кремне обречены на провал. Чтобы добиться согласия на сотрудничество, Снорри должен предъявить своим оппонентам что-то очень веское и убедительное — такое, как грозный титан. А что, если Эрик воспользуется отсутствием Джо и попытается разделаться с ним, Сэмом Клеменсом? Конечно, он не сделает этого открыто, иначе, вернувшись, Джо оторвет ему голову. Но ведь смерти Сэма можно придать вид нелепой случайности...

Клеменс даже вспотел от этой мысли.

— Если я умру, меня перенесет Бог знает куда, и, возможно, понадобится тысяча лет, чтобы доплыть до здешних мест на каноэ. Тем временем кто-то другой уже добудет железо и построит мой пароход. Нет, я на такое не согласен! Это мой пароход! Мой!

Послышался стук в дверь, и в хижину вбежал Лотар фон Рихтхофен.

— Я нашел тех двух людей, которых вы искали. Но одна из них женщина! Представляете, женщина-инженер!

Джон Уэсли О'Брайен работал в середине двадцатого века инженером-металлургом, а женщина, наполовину русская, наполовину монголка, провела большую часть жизни на сибир-

ских рудниках. Сэм Клеменс пожал им руки и вкратце рассказал о своих планах.

— Если где-то рядом есть залежи бокситов, мы, возможно, сделаем вам корабль, который вы хотите, — сказал О'Брайен.

Он был очень взволнован, и его состояние мог бы понять любой человек, получивший возможность заняться земным ремеслом. В долине Реки обитало множество мужчин и женщин, мечтавших взяться за какое-нибудь стоящее дело — пусть даже для того, чтобы убить время. Тут были дипломированные хирурги без скальпелей и пипеток, печатники без станков и бумаги, почтальоны без газет. Рядом с ними жили кузнецы без горнов и подков, скотоводы без животных, домохозяйки без детей. Чем же они могли занять себя, если пищу приносили граали, а на уборку шалаша уходило не больше пятнадцати минут? Вот и скучали продавцы без товаров, самогонщики без змеевиков, модельеры без пуговиц и булавок. А что уж говорить о проповедниках и муллах, чьи религии дискредитировались существованием этого мира? Что говорить о сутенерах и проститутках, чьи профессии пришли в упадок от обилия любителей и дилетанток? И томились от безделья механики без машин, рекламные агенты без рекламы и мастера ковровых изделий, у которых для работы остались лишь бамбуковые волокна и трава. Ковбои мечтали о быках и лошадях, а художники — о холстах и красках. Композиторы вздыхали о нотах, стрелочники — о поездах, а охотники — о дичи. И если бы этот список на том кончался...

— Я только одного не понимаю, — продолжал О'Брайен. — Почему вы решили сделать именно пароход? Подумайте сами! Раз в день вам придется останавливаться и заготавливать топливо. Это вызовет длительные задержки, а порой и стычки, поскольку некоторые общины не позволят вам забирать ограниченные запасы бамбука и дерева. Кроме того, маховики, паровые котлы и прочие механизмы выйдут из строя гораздо раньше, чем вы достигнете верховьев Реки. И у вас не хватит на судне места, чтобы разместить такое огромное количество запасных частей. Отсюда следует единственный вывод — вам нужны электрические моторы!

Сразу после нашего перемещения в эти места я встретился с одним парнем. Не знаю, где он сейчас... наверное, бродит неподалеку. Но я обязательно найду его для вас. В вопросах электричества он гений! Вы даже не представляете, на что способен инженер конца двадцатого века! И поверьте, он сделает именно те моторы, которые вам нужны.

— Придержите коней, мой друг! — сказал Сэм. — Где вы возьмете это чудовищное количество электрической энергии,

которое потребуется вашим моторам? Может быть, прикажете построить Ниагарский водопад и тащить его на буксире?

Маленький стройный О'Брайен, с огненно-рыжей шевелюрой и тонкими чертами лица, обладал почти женской красотой. И даже его кривая усмешка выглядела довольно симпатичной.

— Такая энергия доступна в любом уголке этой планеты — и вверх и вниз по Реке, — Инженер обернулся и ткнул пальцем в сторону ближайшей грибовидной глыбы. — Каждый питающий камень трижды в день излучает потрясающе огромный электрический разряд. Что нам мешает использовать эту дармовую энергию для питания корабельных моторов?

Сэм замер на месте, а затем шлепнул себя ладонью по лбу.

— Вы, наверное, считаете меня бестолковым? Но это действительно так. Боже, какой я тупой! Они двадцать лет маячили перед моими глазами, а я никогда не думал о них таким образом! Конечно, их можно использовать! — Внезапно он прищурился и нахмурил густые брови. — А как, черт возьми, мы запасем всю эту энергию? Я полный профан в вопросах электричества, но, по-моему, вам понадобится или батарея выше Эйфелевой башни, или конденсатор размером с пик Пайка.

О'Брайен покачал головой:

— Я тоже так думал, пока не встретил того парня. Его зовут Лобенгула ван Бум. Он мулат — наполовину африканер, наполовину зулус. По его словам, при наличии необходимых материалов он мог бы построить зарядное устройство, которое, накапливая десять мегаватт, обеспечивало бы потребление энергии от одной десятой вольта в секунду до полного мгновенного разряда. Этот агрегат, называемый батацитором, выглядел бы как куб с гранью в десять метров.

Имея под боком залежи бокситов, мы могли бы сделать алюминиевую проволоку и, помимо различных бытовых целей, использовать ее в электрических цепях и моторах. Алюминий не так хорош, как медь, но в отсутствие меди сгодится.

Мрачное настроение Сэма рассеялось без следа. Он звонко щелкнул пальцами и даже подпрыгнул от радости.

— Найдите мне ван Бума! Я хочу с ним поговорить!

Он запыхтел сигарой, и ее кончик засиял, как грезы в его уме. И вот уже огромный белый пароход, выпуская пар (нет, там же будет электричество!), выплывал в фарватер Реки. На капитанском мостике стоял он, Сэм Клеменс, надвинув на брови фуражку, хозяин единственного в этом мире парохода, сказочно красивого и огромного, который, вспенивая воду, отправлялся в плавание на миллионы с лишним миль. Во всей Вселенной не было еще такого судна, такой Реки и

такого плавания! А на палубах посвистывали свистки и звенели колокола. На борту находились величайшие из великих людей всех времен и народов — от громадного проточеловека из доисторической эпохи до хрупкого, но непостижимо умного ученого из конца двадцатого века.

Голос фон Рихтхофена вернул Сэма к действительности:

— Я могу приступить со своими людьми к добыче железа. Но что вы решили делать с Джо?

Сэм застонал и покачал головой:

— Даже не знаю, как поступить. Я напряжен, как алмазный резец перед первой пробой. Одно неверное движение — и кохинор* разлетится в куски. Тем не менее я отправлю Джо за кремнем. Придется рисковать. Без него я чувствую себя таким же беспомощным, как пасечник без медогонки или банкир в «Черную пятницу». Ладно, я разберусь с Джо и Кровавым Топором, а вы приступайте к земляным работам. Только давайте устроим праздничную церемонию. Нам всем нужно немного взбодриться. А первую яму, если позволите, выкопаю я.

Через полчаса, завершив торжественную речь и смочив горло добрым глотком бурбона, Сэм Клеменс начал копать. Он использовал бамбуковую лопату как мачете, поскольку трава была такой крепкой и толстой, что ее приходилось вырубать. Потев и ругаясь, Сэм освободил от травы небольшой участок земли, а затем пояснил ухмылявшейся толпе, что он всегда ненавидел физический труд и особенно работу землекопа. Затупившаяся лопата не желала входить в переплетенную корнями почву. Сэм понял, что ему не набрать земли даже на половину лопаты.

— Да ну ее к черту! — рявкнул он, бросая сломавшийся инструмент. — Принесите мне лучше большую ложку! Тут нужна сноровка крестьянина или могильщика! А я привык ворочать мозгами!

В толпе раздался хохот, после чего десятки бамбуковых мотыг и кремневых топоров вонзились в неподатливую землю.

— Если железо где-то в десяти футах под нами, с такими темпами мы доберемся до него только через десять лет, — сказал Сэм. — Поэтому, Джо, ты должен добыть кремень и постараться нагрузить целый корабль. Иначе у нас ничего не получится.

— Неужели мне придется уехать? — тихо спросил Джо Миллер. — Я не хочу разговаривать с тобой.

— Сделай это, Джо. Я прошу тебя как человека. А обо мне можешь не волноваться.

---

* Кохинор — индийский бриллиант весом в 106,25 карата; кроме того, название фирмы по производству резцов, грифелей и т. д. (*Примеч. пер.*)

ГЛАВА 12

В течение трех следующих дней яма расширилась до четырех ярдов и достигла в глубину одного фута. Каждые пятнадцать минут уставших землекопов меняла новая бригада, а фон Рихтхофену стекался поток людей, желавших поучаствовать в настоящем деле. Основная часть времени уходила на заточку кремневых орудий и изготовление бамбуковых лопат — плотный грунт буквально пожирал примитивные инструменты. Узнав о порче топоров и ножей, Эрик рассвирепел. Он кричал, что при атаке врага им придется сражаться оружием, которое не поцарапает даже кожу младенца. Но Клеменс в ответ опять попросил у него стальной топор, и конунг, уже в двенадцатый раз, ответил отказом.

— Будь здесь Джо, Эрик отдал бы топор без возражений, — жаловался Лотару Клеменс. — Но где теперь наш Джо? К этому времени, с грузом или без груза, корабль уже должен был вернуться.

— Я думаю, нам надо послать кого-нибудь на лодке, — сказал фон Рихтхофен. — Пусть наш человек посмотрит что к чему. Я бы отправился сам, но, боюсь, вам может потребоваться защита.

— Если с Джо случилась беда, нам обоим потребуется защита, — ответил Сэм. — Хорошо, давайте пошлем в разведку Абдуллу. Этот парень может проскользнуть незамеченным даже через корзину с гремучими змеями.

Абдулла вернулся через два дня. На рассвете он разбудил Сэма и Лотара, которые из предосторожности спали в одной хижине. На ломаном английском лазутчик рассказал, что Джо Миллер пойман и посажен в крепкую бамбуковую клетку. Абдулла с риском для жизни пытался освободить его, но клетка надежно охранялась.

Викингов встретили очень дружелюбно, и правитель той области, казалось, был приятно удивлен, что в обмен на кремень ему предложили такой выгодный товар, как железо. Устроив роскошный пир в честь принятого соглашения, он одурманил гостей большим количеством спиртного и мечтательной резинки. В конце концов, лишившись чувств, те захрапели в пьяном забытии. Сквозь сон Джо почувствовал, как его связывают веревками. Он вскочил на ноги и голыми руками убил двадцать воинов и изувечил еще пятнадцать. Подкравшись сзади, предводитель врагов оглушил его дубиной. Любому другому такой удар мог сломать шею, но Джо лишь на несколько секунд потерял ориентацию. В этот момент на него навалилось с десятков воинов, и их предводитель дважды ударил гиганта дубиной по голове.

— Их правитель понял, что Джо великий воин, — продолжал Абдулла. — Даже более великий, чем Рустам. Я подслушал разговор его людей, и, судя по их словам, хитрый правитель решил использовать Джо как заложника. Он задумал стать нашим партнером в разработке железного рудника. В случае отказа Джо продадут в рабство, хотя я сомневаюсь, что это можно сделать. Их правитель намеревается напасть на нас. Он хочет забрать себе и нашу страну, и железо.

Этот человек настроен очень серьезно. Он собрал большой флот, и на каждом из его кораблей могут разместиться по сорок воинов. Их армия уже готова к походу. Они намерены спуститься вниз по Реке и нанести молниеносный удар. На их стрелах и копьях кремневые наконечники, а кроме дубин и топоров воины будут вооружены тяжелыми бумерангами.

— И кто же этот новоявленный Наполеон? — спросил Сэм.

— Люди называют его королем Иоанном. По их словам, он правил Англией в те времена, когда воины носили латы и сражались на мечах. Его брат, Ричард Львиное Сердце, считался очень храбрым человеком; говорят, что он воевал против самого Саладина.

Сэм выругался и сказал:

— Иоанн Безземельный! Король со злой и черной душой! Он настолько опозорил себя в глазах англичан, что те поклялись больше не называть своих королей этим именем! Я бы предпочел иметь дело с такими подлецами, как Леопольд Бельгийский или Джим Фиск*!

Через полчаса Сэм получил еще более тревожные новости. На этот раз они пришли в виде слухов. В тридцати милях вниз по Реке к ним плыл огромный флот. Он состоял из шестидесяти больших одномачтовых кораблей, на каждом из которых находилось по сорок воинов. Предводитель армады управлял страной, примыкавшей к зоне катаклизма. Его звали Иозеф-Мария фон Радовиц.

— Я читал о нем в школьные годы, — сказал фон Рихтхофен. — Насколько помнится, он родился в 1797 году и умер в 1853-м. Генерал считался знатоком артиллерии и был близким другом Фридриха Вильгельма IV Прусского. За строгие религиозные правила его называли воинствующим монахом. В конечном счете Радовица отлучили от милости царственных особ, и он умер на шестом десятке от тоски и разочарования. Не сомневаюсь, что, восстав из мертвых и

---

* Этим личностям Марк Твен посвящал немало памфлетов, где обвинял бельгийского короля Леопольда в жестоком угнетении жителей Бельгийского Конго, а Джона Фиска — в непомерном казнокрадстве. (Примеч. ред.)

получив молодое тело, он вновь навязывает остальным свои пуританские взгляды и педантично убивает тех, кто не согласен с ними.

Часом позже им доложили, что с верховьев Реки приближается флот короля Иоанна. Сэм отправился к Кровавому Топору.

— Армия Иоанна подойдет первой, — сказал он конунгу. — Они двигаются быстрее, так как им помогают ветер и течение.

— Поучи лучше свою бабушку, — огрызнулся Эрик.

— Что ты планируешь делать?

— Сначала разобью англичан, а потом утоплю в Реке немцев, — помахивая топором, ответил викинг. — Клянусь плевами дев, разорванными великим Тором! Мои ребра все еще болят, но плевать я хотел на эту боль!

Сэм даже не стал с ним спорить. Оставшись наедине с Лотаром, он мрачно произнес:

— Сражаться до последней капли крови при безнадежном перевесе сил! Наверное, в этом есть какой-то пафос, но лично меня он не устраивает. Вы можете думать, что я беспринципный таракан, но у меня есть мечта — великая мечта! И она важнее, чем все эти банальные идеи о верности и морали. Я хочу свой пароход, Лотар! Я хочу провести его до конца Реки — несмотря ни на что!

Если сражение неизбежно, я не буду участвовать в нем, — добавил он более спокойным тоном. — Это абсурд! Их гораздо больше, а мы фактически безоружны. Поэтому я собираюсь предложить сделку.

— Кому именно? — спросил фон Рихтхофен. Барон побледнел, и его губы скривились в презрительной усмешке.

— Иоанну, — ответил Клеменс. — Я понимаю, что он — эталон вероломства и мерзости, но конкуренция сейчас слишком велика, и ему придется объединиться с нами. Флот Радовица сильнее, и даже если Иоанн одолеет его, он будет настолько слаб, что мы без труда разделаемся с ним. В случае же нашего объединения фон Радовиц получит такой пинок, что побежит отсюда как побитая собака.

Фон Рихтхофен засмеялся:

— А я было подумал, что вы предложите мне спрятаться в горах, а затем перейти на службу победителю. Признаюсь, я не согласился бы бросить всех этих людей, которые поверили в нас.

— Хоть я и Сэм, иногда мне хочется быть Фрэнком*, — произнес Клеменс. — Скорее всего я действительно убежал

---

* Игра слов: Frank — уменьшительное имя от Фрэнсис, а frank — искренний, честный, откровенный (англ.).

бы в горы, если бы посчитал ситуацию безвыходной. Но прежде чем вступать в сговор с Иоанном, нам надо избавиться от Кровавого Топора. Он никогда не согласится на союз с королем.

— Судя по вашим словам, Иоанн может ужалить даже ядовитую змею, — сказал немец. — Однако я тоже не вижу другого выхода. Мы должны убить Кровавого Топора! И не надо хмуриться, мой друг. Это вынужденная мера предосторожности, а не предательство. Ведь он-то избавился бы от вас при первом же удобном случае.

— Тем более что мы его не убьем, а просто отправим подальше... — нерешительно добавил Сэм.

Клеменс хотел обсудить план ликвидации, но фон Рихтхофен сказал, что время разговоров кончилось. Сэм просто пытался отсрочить тот поступок, который следовало сделать немедленно.

— Да, наверное, вы правы, — со вздохом согласился Клеменс.

— Так в чем же дело?

— Я мучаюсь от вины еще до того, как совершу преступление, — ответил Сэм. — И я чувствую себя презренным трусом, хотя для этого нет никаких причин. Абсолютно никаких! С самого рождения я виню себя по любому поводу — даже за то, что появился на свет.

Лотар раздраженно отмахнулся и зашагал прочь.

— Вы можете оставаться там, где стоите, — сказал он, обернувшись к Сэму. — Но только не требуйте потом, чтобы вас считали капитаном нашего корабля. Капитан должен быть тверд в своих убеждениях.

Страдальчески сморщившись, Сэм поспешил за немцем.

Лотар собрал двенадцать мужчин, которых счел достойными доверия. Они пошептались, разошлись по домам, а когда солнце перевалило зенит, вернулись назад с бамбуковыми копьями и ножами. Один из них принес лук и шесть стрел, однако его оружие было эффективным только на близком расстоянии.

Лотар фон Рихтхофен и Сэм Клеменс пошли впереди. Вскоре их группа поравнялась с хижинной конунга, которую охраняли шесть викингов.

— Мы хотим поговорить с Кровавым Топором, — сказал Сэм, стараясь сдерживать предательскую дрожь в голосе.

— Он сейчас с женщиной, — ответил Ве Гримарссон.

Клеменс поднял руку, и Лотар, выскочив из-за его спины, ударил Гримарссона дубиной по голове. В тот же миг стрела, просвистевшая над плечом Сэма, вонзилась в горло другого

викинга. Через десять секунд все стражники были убиты или тяжело ранены. Дело, однако, не обошлось без шума, и на защиту конунга поспешила новая дюжина воинов. Из хижины с громким ревом выскочил Эрик в чем мать родила, но со стальным топором. Фон Рихтхофен ударил норвежца копьем и двинулся вперед, сжимая древко в руках. Конунг выронил топор, отступил на пару шагов и, ударившись спиной о бамбуковую стену хижины, изумленно осматрелся вокруг. Его губы что-то шептали, кровь струилась из уголка рта, а кожа быстро приобретала голубовато-серый оттенок.

Лотар вырвал копье из живота викинга, и Кровавый Топор сморщился от боли.

Во время жестокой схватки шесть человек из отряда Клеменса были убиты, а четверо получили тяжелые ранения. Норвежцы сражались до конца. Храня верность конунгу, они погибали, прикрывая его своими телами.

Сэм Клеменс, перепачканный собственной и чужой кровью, оперся на древко и попытался зажать ладонью глубокий порез на плече. Он только что убил Гуннлаугра Торфинссона. Тот слишком уж яростно напал на Лотара, и Сэм с перепугу вонзил копье под лопатку викинга. Жаль, что это оказался Гуннлаугр. Из всех норвежцев он больше всех смеялся над шутками Сэма. И вот недавний друг нанес ему предательский удар.

«Я побывал в тридцати восьми битвах, но убил лишь двух человек, — думал Сэм. — Тот первый, израненный турок, едва стоял на ногах. И я, Сэм Клеменс, могучий воин и великодушный герой, прикончил его одним ударом».

Клеменс задохнулся от ужаса и отвращения, осознав, что эти люди навсегда останутся для него трупами. А что же он будет чувствовать, когда проживет десять тысяч лет?

Внезапно Сэм испуганно закричал и задержал ногой, пытаясь освободиться от руки, схватившей его за лодыжку. Не в силах отделаться от нее, он замахнулся копьем и пронзил человека, который вцепился в него мертвой хваткой. Кровавый Топор лишь вздрогнул и усмехнулся. На какой-то миг жизнь вернулась в тело викинга, и дымка смерти исчезла из бледно-голубых глаз. Он заговорил. Его голос был слабым и тихим, но Сэм и стоявшие рядом люди слышали каждое слово умиравшего конунга.

— Биккия! Кал Рататока! Я не позволю тебе уйти, пока ты не выслушаешь меня до конца! Боги наделили меня даром прорицания. Они жаждут мести за твое предательство. Поэтому слушай! Я знаю, что здесь есть железо — прямо под этой пропитанной кровью травой. Я чувствую, как оно втекает в мои жилы и как серый металл делает кровь густой и

холодной. Железа тут много — гораздо больше, чем нужно для твоего белого корабля. Ты выкопаешь его. Тебе удастся построить корабль, который мог бы соперничать со стругом великого Одина. И ты станешь его капитаном — ты, сучий Клеменс! Твой корабль пройдет по Реке столько миль, сколько не покрыли бы за день даже восемь ног Слейпнира. Ты будешь плыть на север и юг, на восток и запад — туда, куда поведет тебя Река. И ты не раз обогнешь этот мир.

Но предрекаю тебе зло и беды — как в плавании, так и при строительстве корабля. И после многих лет, равных жизни двух поколений на Земле, после великих страданий и редких радостей, когда ты решишь, что приблизился к концу своего долгого пути, я встречу тебя! Слышишь! Встречу!

Там, в далеком далеке я буду ждать твой корабль. И я убью тебя, Клеменс! Ты никогда не доберешься до конца Реки! Ты не будешь брать штурмом врата Валгаллы!

Сэм застыл в леденящем оцепенении, и хотя хватка викинга давно ослабла, он по-прежнему не мог сдвинуться с места. Раздался предсмертный хрип, и Клеменс закрыл глаза, чтобы не видеть укора во взгляде Эрика.

— Я буду ждать! — тихо повторил Кровавый Топор.

Из его горла вырвалось хриплое шипение. Рука упала на землю. Сэм заставил себя отступить, с трудом переставляя одеревеневшие ноги.

— Все это суеверия! — произнес он, взглянув на фон Рихтхофена. — Человек не может предвидеть будущее!

— Позвольте с вами не согласиться, — ответил барон. — Если в мире действует железная цепь причин и следствий, то наше будущее жестко определено. А раз картина мироздания уже готова, то грядущие события действительно могут открывать себя, как свет, сверкнувший в туннеле времени. Так почему бы людям иногда не улавливать этот отблеск?

Клеменс ничего не ответил. Фон Рихтхофен весело рассмеялся, показывая, что шутит, и дружески похлопал Сэма по плечу.

— Я хочу напиться, Лотар, — прошептал Клеменс. — Напиться до отключки. — Он поднял голову и вяло улыбнулся. — Все это суеверный вздор.

Однако он верил голубым глазам умиравшего викинга и знал, что им удалось заглянуть на годы вперед.

ГЛАВА 13

Флот короля Иоанна подошел к берегу за час до начала сумерек. Клеменс через посыльного сообщил монарху, что желает обсудить с ним возможное партнерство. Иоанн, которому

всегда нравилось общаться с теми, кого он хотел проткнуть ножом, охотно согласился на встречу. Сэм стоял на берегу, а Иоанн Безземельный говорил с палубы галеры. Клеменс, сняв свое оцепенение доброй порцией виски, описал сложившуюся ситуацию и с жаром рассказал о строительстве большого корабля.

Иоанн оказался невысоким смуглым мужчиной с широкими плечами, рыжевато-коричневыми волосами и голубыми глазами. Он часто улыбался и говорил на вполне понятном английском, так как перед появлением в этом регионе Реки десять лет жил среди виргинцев восемнадцатого века. Благодаря долгому общению с истинными американцами он освободился от заушной витиеватости английского и франко-нормандского языков двенадцатого века.

Иоанн быстро понял, какие выгоды сулит ему союз с Клеменсом и их объединение против армады фон Радовица. Безусловно, он обдумал и свои действия после разгрома прусского генерала. Тем не менее, сойдя на берег, Иоанн поклялся в вечной дружбе и готовности следовать планам партнера. Подробности договора они обсудили за выпивкой, после чего король приказал выпустить Джо Миллера из клетки на флагманском корабле.

Когда Сэм увидел титантропа, по его щекам покатались слезы, а рыдания Джо напоминали Ниагарский водопад. Он едва не переломал Клеменсу ребра, сжимая его в объятиях.

Чуть позже фон Рихтхофен высказал Сэму свои опасения:

— Имея дело с Кровавым Топором, мы, по крайней мере, знали, чего от него можно было ожидать. Но король Иоанн непредсказуем! Похоже, мы сделали не очень хороший обмен.

— Я сам из Миссури, однако в торговле мулами ничего не смыслю, — ответил Сэм. — Но если вам приходится спасать свою жизнь, а стая волков хватает вас за пятки, вы без колебаний обменяете захромавшую клячу на дикого мустанга, лишь бы выбраться из беды. О том, как слезть с него и не сломать себе шею, вы задумаетесь позже.

Битва, которая началась на рассвете, затянулась почти до полудня. Несколько раз армии Клеменса и короля Иоанна находились на грани поражения. Английские корабли укрылись на восточном берегу в дымке утреннего тумана, а затем нанесли внезапный удар по тылам германского флота. Люди Иоанна забрасывали неприятеля сосновыми факелами и градом копий. Им удалось поджечь несколько кораблей, но это не привело к большому успеху. Нападавших немцев объединял общий язык, высокая дисциплина и закалка в многочис-

ленных боях. Кроме того, они имели превосходство в вооружении.

Их ракеты потопили большую часть английского флота и пробили брешь в полосе бамбуковых рогатин. После массированного обстрела немцы штурмовали берег. Под градом стрел они миновали заградительные линии, и сражение переместилось на равнину. Во время высадки одна из ракет взорвалась в котловане. Оглушенный Клеменс упал на землю и, переждав пару секунд, попытался встать. Внезапно рядом с ним возникла фигура незнакомого мужчины. Сэм не сомневался, что видит здесь этого человека впервые.

Незнакомец, ростом около пяти футов и семи дюймов, обладал могучим телосложением. Как и все остальные, он выглядел двадцатипятилетним юношей, но своим грозным видом напоминал Клеменсу старого, матерого овна. Его вьющиеся каштановые волосы ниспадали по спине до пояса. Под густыми черными бровями сверкали большие зеленоватокarie глаза. Лицо с орлиным носом и выступавшим подбородком могло бы считаться эталоном красоты, если бы не большие уши, которые торчали почти под прямым углом к голове.

«Старый рыжий баран с головой филина», — подумал Клеменс.

Его лук, собранный из двух челюстных пластин «речного дракона», считался в долине большой редкостью. Две половинки соединялись вместе, образуя большую дугу. Такой лук являлся мощным и надежным оружием, но имел один недостаток — для него требовались очень сильные руки.

На плече незнакомца висел колчан с двумя десятками стрел, древки которых были сделаны из костей плавника «речного дракона» и снабжены кремневыми наконечниками. Оперение состояло из тонких костяных стружек, сквозь которые просвечивало солнце.

Мужчина заговорил на немецком языке со странным и сильным акцентом:

— Похоже, вы Сэм Клеменс.

— Да, это я. Вернее, то, что от меня осталось. А как вы...

— Вас описала мне... — Незнакомец неловко замялся. — Вас описала мне одна из Них.

Сначала Сэм ничего не понял. Частичная глухота, вызванная разрывом снаряда, крики людей, убивавших друг друга в двадцати ярдах от него, и более далекие звуки боя — все это наделяло события каким-то нереальным и мистическим качеством.

— Вас послал... Вас направил ко мне Таинственный Незнакомец! Так, значит, вы — один из Двенадцати!

— Незнакомец? Вы ошибаетесь! Меня послала Она!

У Сэма не было времени уяснять смысл странной поправки. Он хотел спросить у мужчины, насколько далеко бьет его лук. Но вопрос показался ему излишним — судя по мощной мускулатуре, этот человек мог вырвать у тетивы всю ее мощь. Взобравшись на вершину насыпи, Клеменс указал на флагманский корабль, уткнувшийся носом в берег. По его палубе расхаживал светловолосый воин, чьи приказы определяли ход наступления германских войск.

— Фон Радовиц, предводитель врагов, — сказал Сэм. — Он вне досягаемости наших слабых луков.

Плавно и быстро, остановив движение лишь на миг, чтобы прицелиться и оценить поправку на ветер, мужчина выпустил черную стрелу. Ее траектория закончилась в солнечном сплетении фон Радовица. Тот отступил на шаг, закружился в медленном танце смерти и, показав наконечник, торчавший из спины, рухнул через ограждение в воду.

Адъютант адмирала попытался подбодрить своих людей, но и ему в горло вонзилась черная стрела. Джо Миллер, облачившись в латы из кожистых чешуй «речного дракона», размахивал огромной дубиной и опустошал ряды немцев на центральном направлении атаки. Он походил на восьмисотфунтового льва с человеческим мозгом, вокруг которого бушевали паника и смерть. Джо дробил по двадцать черепов в минуту, а иногда для разнообразия хватал врагов свободной рукой и швырял их в толпу немцев, сбивая с ног по шесть-семь человек.

Пять раз отчаянные храбрецы пробирались за спину Джо, чтобы остановить эту машину разрушения, но черные стрелы били без промаха, повергая смельчаков наземь.

Отряды германцев дрогнули и стали отступать к своим кораблям. К Сэму подбежал фон Рихтхофен, голый и залитый кровью.

— Мы победили! — закричал он, пританцовывая от восторга. — Мы их победили, Сэм!

— Значит, вы получите свою летающую машину, — сказал Клеменс и, повернувшись к незнакомому мужчине, спросил:

— Как ваше имя?

— Имен было много, но дед, впервые вложив мне в руки оружие, назвал меня Одиссеем.

Потрясенному Сэму удалось выжать из себя только одну нелепую фразу:

— Мы так много о вас слышали...

Неужели он видел перед собой героя, воспетого Гомером? Того самого Улисса, исторического Улисса, который сражался у

стен Трои и о котором слагали легенды и прекрасные сказания? А почему бы и нет? Недаром же Таинственный Незнакомец, посетивший хижину Сэма, упомянул о двенадцати избранных, которых он выделил из числа многих миллиардов людей. Клеменс не знал, чем руководствовался этик в своем выборе, но полагал, что его критерии были весомыми и обдуманными. Из всех двенадцати он назвал только одного — Ричарда Фрэнсиса Бёртона. И вот теперь стал известен второй. Возможно, каждый из избранных имел какую-то особую ауру, по виду которой этик-отступник определял пригодность людей для своих неведомых целей — какой-нибудь тигриный цвет души.

Поздно вечером, отпраздновав победу над врагом, Сэм, Лотар, Джо и Одиссей разошлись по своим хижинам. У Клеменса пересохло горло от расспросов. Он постарался вытянуть из ахейца все, что тот знал об осаде Трои, и рассказы Одиссея не столько просветили его, сколько поставили в тупик.

Троя, которую знал Одиссей, не имела ничего общего с тем городком близ Геллеспонта, руины которого археологи называли Троей VII. Город, осажденный и завоеванный Одиссеем, Агамемноном и Диомедом, располагался южнее — напротив острова Лесбос, чуть севернее реки Кайкос. Его население принадлежало к народу этрусков, которые в то время обитали в Малой Азии, а после вторжения эллинов переселились в Италию. Одиссей слышал о том городке, который поздние поколения ошибочно принимали за Трою. Там жили дарданцы и барбарофонцы — союзники настоящей Трои. Их город пал за пять лет до Троянской войны под натиском варваров, нахлынувших с севера.

Через три года после осады Трои, длившейся на самом деле только пару лет, Одиссей отправился в великий поход данайцев на Египет, которым тогда правил Рамзес III. Ахейцы потерпели поражение. Спасая жизнь, Одиссей бежал на одном из кораблей и, сам того не желая, совершил путешествие, которое заняло три года. Он посетил Мальту, Сицилию и южное побережье Италии — земли, неизвестные в те времена грекам. И не было никаких лестригонов, Эола, Калипсо, Цирцеи и Полифема. А по возвращении домой ему не пришлось убивать поклонников жены, хотя ее действительно звали Пенелопой.

Что касается Ахиллеса и Гектора, то Одиссей знал о них только по легендам. Он считал, что оба героя были пеласгами, народ которых населял Элладу до прихода ахейцев с севера. Переняв их песни, завоеватели внесли их в свой эпос, а позже барды объединили все в огромные поэмы. Ахеец

рассказывал, что встречал в речной долине грамотеев, которые читали ему наизусть «Илиаду» и «Одиссею».

— А доводилось ли вам слышать о деревянном коне? — спросил Сэм, почти уверенный в отрицательном ответе.

К удивлению Клеменса, Одиссей не только знал о нем, но и нес ответственность за его изобретение. Он прибег к этой хитрости от отчаяния, поскольку поход на Трою грозил окончиться провалом.

История с деревянным конем удивила Сэма больше всего. Ученые в один голос заявляли, что подобный обман абсолютно невозможен. Никто из них не мог поверить, что ахейцы по великой наивности построили Троянского коня, а троянцы по еще большей глупости затащили его в город. Тем не менее деревянный конь существовал на самом деле. И лишь благодаря ему ахейцы с успехом закончили осаду.

Фон Рихтофен и Джо Миллер внимательно слушали их разговор. Несмотря на запрет этика, Сэм рассказал им о своей встрече с Таинственным Незнакомцем. Он посчитал, что без этого не обойтись, иначе друзья слишком часто удивлялись бы его поступкам. Кроме того, Клеменс хотел показать этику, что он по-прежнему намерен принимать самостоятельные решения. Это был детский жест, но Сэм его сделал.

Пожелав греку и немцу спокойной ночи, он отправился вместе с Джо в свою хижину. Усталость валила его с ног и закрывала липкими пальцами глаза. Но едва он оказался в постели, сон унесся к верховьям Реки, а храп Джо, раздававшийся из соседней комнаты, превратил их домик в центр ревущего вихря. Клеменс чувствовал, как подрагивали его нервы и пульсировал мозг. В голове бурлили водовороты мыслей. Он подумал о завтрашнем дне, который мог бы стать исторической датой, если только этому миру суждено обрести свою историю. Он подумал о времени, когда здесь появятся чернила, бумага и карандаши, печатные машинки и типографские станки. На его пароходе будет издаваться еженедельный журнал. А сам он напишет книгу, в которой расскажет о том, как котлован углубили взрывами ракет, захваченных с кораблей фон Радовица. Неужели завтра они найдут железо? Они должны, должны найти его!

Юркими и скользкими червячками в мозг Сэма просочилась тревога. Кто знал, о чем сейчас думал коварный Иоанн. Тем не менее его предательская натура могла проявиться только после спуска корабля на воду. А Сэм полагал, что на строительство парохода уйдет несколько лет. Умом он понимал, что причин для волнений не было, но тревога не отпускала, и Клеменса по-прежнему терзала бессонница.

ГЛАВА 14

Вздвогнув всем телом, Сэм проснулся и открыл глаза. Его сердце бешено колотилось, пытаясь вырваться из тисков ночного кошмара. Сырой воздух проникал через щели в бамбуковых стенах и сочился из-под циновки, прикрывавшей вход. Дождь стучал по листьям на крыше хижины, а где-то в горах гремел гром. Его отдаленным раскатам вторил мощный храп Джо Миллера.

Сэм сладко потянулся и вдруг, испуганно вскрикнув, сел. Его рука коснулась чужого тела. Далекая молния на миг рассеяла мрак, и он увидел смутные очертания фигуры, сидевшей на корточках у его постели. Знакомый баритон тихо шикнул и произнес:

— Тебе не стоит беспокоиться и звать на помощь титантропа. Я позаботился о том, чтобы он спал до рассвета.

Судя по его словам, этик каким-то образом уловил тот мимолетный взгляд, который Сэм бросил на тонкую перегородку хижины. Неужели он мог видеть даже в крошечной тьме? Клеменс взял сигару, лежавшую на маленьком столике, и вежливо спросил:

— Вы не будете против, если я закурю?

Гостю потребовалось на ответ так много времени, что Сэм даже удивился. Сияние от нити накала в его зажигалке не могло осветить лица Незнакомца. К тому же этик наверняка носил маску или какое-то защитное устройство. А может быть, ему не нравился запах табачного дыма? Возможно, он боялся сказать об этом, чтобы данная особенность не привела впоследствии к его опознанию. Но кто его будет опознавать? Очевидно, те этики, которые искали в своей среде отступника. Незнакомец говорил, что таких существ, как он, на планете всего двенадцать. Узнав о контактах Клеменса с их сородичем, они могли подвергнуть Сэма допросу, выпытать все детали этого разговора и выявить отступника по антипатии к табаку.

Он не стал высказывать вслух своих предположений, решив придержать их при себе для возможного дальнейшего использования.

— Хорошо, кури, — наконец сказал Незнакомец.

И хотя Сэм ничего не видел в густой темноте, ему показалось, что гость отодвинулся подальше от постели.

— По какому случаю этот неожиданный визит? — спросил Клеменс.

— Я хотел предупредить тебя, что нам придется расстаться на долгий срок. Мне не хотелось, чтобы ты неверно понял мое длительное отсутствие. Я не бросаю тебя, а просто уезжаю по делам, о которых бесполезно говорить, ибо они

недоступны твоему пониманию. Отныне ты будешь действовать на свой страх и риск. И если возникнут какие-то неприятности, я уже ничем тебе не помогу — даже косвенным образом.

В настоящий момент у тебя есть все, что нужно для строительства корабля, а по моим расчетам эта работа займет не меньше десятилетия. В решении технических проблем пользуйся смекалкой и изобретательностью. Одним словом, выкручивайся, как можешь. Я больше не могу снабжать тебя необходимыми материалами и помогать вам в сражениях с захватчиками. Ты даже не представляешь, как я рисковал, сбросив сюда метеорит и рассказав о расположении бокситов и платины.

Здесь находятся другие этики — не из числа Двенадцати, а их помощники. Они будут наблюдать за тобой, но не станут вмешиваться. По их мнению, твой корабль не представляет какой-либо опасности для эксперимента. Конечно, они предпочли бы, чтобы ты вообще не нашел железа. Им хочется, чтобы земляне приняли путь духовного, а не технологического развития. И я могу вообразить, как они забеспокоятся, когда вы «откроете» залежи платины и бокситов. Однако им не позволено влиять на ход процесса.

Клеменса охватила паника. Он впервые понял, что, несмотря на ненависть к этику, ему требовалась его моральная и материальная поддержка.

— Будем надеяться, что ничего плохого не произойдет, — сказал Сэм. — Но сегодня я чуть было не лишился жизни и железа. Если бы не Джо и не этот парень Одиссей... — Внезапно он замолчал, а потом воскликнул: — Постойте! Одиссей утверждал, что с ним говорила женщина! Этик-женщина, понимаете?

Из темноты донесся смешок.

— Какое это имеет значение?

— Большое! Либо вы — не единственный отступник, либо — умеете менять голос. Или, возможно, вам приходится вводить меня в заблуждение. Допустим, в этом деле участвуют все этики, и сейчас вы плетете нить интриги для каких-то собственных целей. В таком случае мы — просто инструменты в ваших руках!

— Я не обманываю тебя и не желаю обсуждать твои нелепые предположения. Если ты или другие мои избранники будут схвачены и допрошены, ваши ответы приведут моих коллег в замешательство...

Внезапно послышался шорох.

— Я должен идти. Полагайся только на самого себя. Удачи.

— Подождите! А что, если у меня ничего не получится?

— Тогда кто-то другой построит корабль — хотя мне хотелось бы, чтобы это сделал ты.

— Значит, я все-таки инструмент. Орудие в руках Бога! Если лезвие ломается, нож выбрасывают и заменяют другим, верно?

— Я не могу гарантировать тебе успех. И я не Бог.

— Черт бы вас всех побрал! — закричал Сэм. — Почему вы не могли сделать все так, как было на Земле? У нас имелась настоящая смерть, которая освобождала людей от мук и боли, мирской суеты и угрызений совести. Все это оставалось позади. Сбросив оковы плоти, мы становились свободными, как вольный ветер в горах. Но вы снова надели на нас эти цепи и бросили в мир, где мы даже не можем убить самих себя. Вы отняли у людей смерть и тем самым обрекли их на вечные адские страдания!

— Не так уж все и плохо, — ответил этик. — Многим здесь живется лучше, чем на Земле, или, по крайней мере, не хуже. Искалеченные, слепые и убогие, больные и истощенные получили у нас здоровье и молодость. Вам не надо больше беспокоиться о хлебе насущном, проливая пот и слезы в поисках еды. Большинство людей питаются гораздо лучше, чем в прошлой жизни. Но по большому счету я согласен с тобой. Воскрешение из мертвых — это преступление, величайшее преступление из всех возможных. Поэтому мы...

— Верните мне Ливи! — заплакал Сэм. — Верните мне моих дочерей! Разделив нас, вы сделали их для меня мертвыми. И лучше быть мертвым, чем переживать эту вечную разлуку! По крайней мере, я не терзал бы себя картинами их возможных страданий! Откуда мне знать, может быть, их сейчас насилуют! Может быть, их сейчас избивают и подвергают пыткам! На вашей планете столько зла! Здесь осталось лишь самое ужасное, что существовало раньше на Земле!

— Я сделаю все, что будет в моих силах, — сказал этик. — Но на их поиски могут потребоваться годы. У меня нет времени на объяснение всех сложностей этой задачи. Я должен уйти до того, как кончится дождь.

Сэм поднялся и пошел вперед, вытянув руки.

— Остановись, — прошептал этик. — Ты уже касался меня однажды!

Сэм замер на месте.

— Так вы найдете Ливи и моих девочек?

— Да. Можешь положиться на мое слово. Только помни... на розыски могут уйти годы. Допустим, к тому времени ты уже построишь корабль, проплывешь миллионы миль и вдруг

узнаешь, что я нашел твою жену на другом конце Реки. Мне действительно под силу разыскать в этом мире любого человека, но я не могу привести сюда твоих дочерей и жену. Тебе придется добираться до них самому. И как же ты поступишь? Повернешь корабль и потратишь еще двадцать лет на обратный путь? А что скажет по этому поводу твоя команда? Я сомневаюсь, что они согласятся с таким решением. К тому же, если ты поплывешь за своей женой, нет никаких гарантий, что она останется на прежнем месте. Ее могут убить, и она перенесется куда-нибудь в другое место, еще более далекое и недоступное.

— Проклятье! — прокричал Сэм.

— Кроме того, люди меняются, — продолжал этик. — Отыскав свою жену, ты можешь обнаружить, что она уже не испытывает к тебе прежних чувств.

— Я убью вас! — взревел Сэм Клеменс. — Но помогите, помогите мне...

Бамбуковая циновка приподнялась. Силуэт Незнакомца промелькнул на фоне неба, как летучая мышь. Его голову прикрывал капюшон. Сэм стиснул кулаки, ожидая, когда гнев переплавится в усталость. Он зашагал взад и вперед по хижине, затем раздраженно отбросил сигару, которая вдруг показалась ему горькой. И даже воздух, которым он дышал, наполнился терпким неприятным привкусом.

— Будь они прокляты! И этот отступник тоже! Я построю корабль, доберусь до Северного полюса и узнаю, что они там задумали! А потом я уничтожу этиков! Я убью их всех до одного!

Дождь утих. Издалека слышались крики. Сэм выбежал из хижины, испугавшись, что его гости могли поймать — хотя это казалось совершенно невероятным. Внезапно он понял, что пароход важнее для него, чем все остальное, а нелепый случай мог помешать строительству корабля. Он ненавидел этого этика, но хотел отомстить ему позже — гораздо позже.

По равнине двигалась цепочка огней. Вскоре в свете факелов Сэм уже мог различить знакомых караульных и фон Рихтхофена. Их отряд сопровождал троих людей.

Плащи из покрывал, скрепленных магнитными пряжками, придавали фигурам пришельцев несколько бесформенный вид. Самый маленький из них надвинул капюшон почти до линии рта. У высокого смуглого мужчины на лице выдавался длинный крючковатый нос.

— Похоже, вы встретите здесь достойного конкурента, — пошутил Сэм. — В моей хижине храпит парень, чей нос будет побольше вашего.

— *Nom d'un con! Va te fair foutre!** — воскликнул высокий мужчина. — Неужели меня будут оскорблять везде, куда бы я ни пришел? Значит, вот какво гостеприимство, которое вы оказываете путникам! Я прошел десять тысяч лье в неопи-суюмо гадких условиях, надеясь встретить человека, который дал бы мне в руки стальной клинок. Но вместо этого меня еще раз щелкнули по носу! Так знайте же, невежественный и дерзкий мужлан: Савиньен де Сирано II де Бержерак не подставляет под удар вторую щеку! Если вы немедленно не принесете мне свои искренние извинения, моля языком ангела, а не деревенского остряка, я проткну вас тем самым носом, над которым вам захотелось посмеяться!

Сэм попросил великодушного прощения, сославшись на то, что его нервы истрепались после вчерашней битвы. Он с изумлением смотрел на легендарного человека и гадал, не мог ли тот оказаться одним из двенадцати избранных.

Второй мужчина, с белокурыми волосами и голубыми глазами, представился как Герман Геринг. Его шею обвивал плетеный шнурок, на котором висела спиральная кость речной рыбы. Взглянув на этот амулет, Сэм понял, что белокурый юноша являлся служителем Церкви Второго Шанса. Это сулило в будущем большие проблемы, так как шансеры проповедовали абсолютный пацифизм.

Третий путник, приподняв капюшон, открыл прелестное личико, которое обрамляли длинные черные волосы, уложенные узлом на затылке.

Клеменс пошатнулся, почти теряя сознание:

— Ливи!

Женщина вздрогнула. Она подошла к Сэму и при свете факелов молча осмотрела его лицо. Эта встреча потрясла ее не меньше мужа.

— Сэм, — тихо прошептала она.

Он шагнул к ней, но Ливи отбежала к де Бержерaku и прильнула к его груди, будто моля о поддержке. Француз обнял ее за талию и холодно взглянул на Клеменса.

— Будь храброй, моя овечка! Пока я рядом, тебе нечего бояться. Да кто он тебе?

Она посмотрела на француза с таким выражением, что Сэму стало все ясно. Он со стоном отвернулся и погрозил кулаком далеким звездам, которые только что появились из-за облаков.

---

* Бог мой, опять об этом! Черт бы их побрал! (фр.)

ГЛАВА 15

Пароход плыл через его сон, похожий на огромный сверкающий бриллиант в двадцать миллионов карат.

Никогда еще не было такого корабля, и не будет такого другого.

Он назовет его «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ». И никому не удастся отнять у него это судно, потому что он оснастит его самой крепкой броней и самым лучшим оружием. Никому не удастся купить у него пароход или взять его напрокат.

И пусть сияет на белом корпусе большая черная надпись: «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ».

На сказочном пароходе будет четыре палубы: машинное отделение, главная палуба, штормовой мостик и посадочная палуба для летающих машин. Общая длина составит 450 футов 6 дюймов. Ширина судна, включая кожухи гребных колес, будет равняться 93 футам. Средняя осадка судна при полном грузе не должна превышать двенадцати футов. Он сделает корпус из дюралюминия или, возможно, пластика. Время от времени из двух огромных труб будет валить дым. Да, он установит на борту паровой котел, но его основной задачей станет работа пневматических пулеметов. А гигантские гребные колеса будут вращаться мощными электрическими моторами.

«ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ» станет единственным металлическим кораблем на Реке — единственным судном, движимым без весел и ветра. Он гордо поплывет мимо берегов, притягивая изумленные взоры людей — всех тех, кто был рожден в период от двух миллионов лет до нашей эры и до 2000 года после Рождества Христова.

И люди увидят на капитанском мостике знаменитого Сэма Клеменса, Капитана с заглавной буквы «К», потому что на борту огромного парохода, с командой в сто двадцать человек, будет только один капитан.

Король Иоанн может называть себя адмиралом, если ему так хочется, хотя, по мнению Сэма, этому пронире хватило бы и должности первого помощника. И вообще, если Сэм Клеменс скажет пару слов, король Иоанн — Иоанн Безземельный, Гнилой и Грязный Иоанн, распутный хряк из зловонного свинарника — даже не будет допущен на борт корабля. А он, Сэм Клеменс, поправив белую фуражку и сбив щелчком пылинку с белоснежной накидки, перегнется через перила высокого капитанского мостика, вытащит изо рта большую зеленую сигару и крикнет вахтенным матросам: «Эй, вы, неуклюжие увальни! Схватите покрепче этот смердящий мешок бессмертия и предательства! Сбросьте его с

трапа! И меня не волнует, упадет ли он в Реку или на прибрежный песок!»

И вот уже принц Иоанн перелетает через ограждение палубы. Встав на четвереньки, он клянет всех на свете на своем англо-франко-нормандском языке... или пусть лучше на эсперанто. Но команда убирает сходни, звонят колокола, звучат свистки, и Сэм Клеменс, встав за спиной вахтенного у штурвала, отдает приказ отправляться в плавание.

И какое плавание! Вверх по Реке, возможно, на десять миллионов миль, а то и на все двадцать! Плавание на сорок лет или даже на сто! О, какой это будет пароход и какая Река! Такое плавание не снилось ни одному человеку, когда-либо жившему на Земле. Вверх по Реке, единственной в этом мире, на единственном настоящем корабле, с Сэмом Клеменсом в качестве *La Sipestro* — Капитана, которого близкие друзья называли бы просто *La Estro* — Босс.

Это будут мгновения счастья — лучшие минуты его жизни!

Одолев заводь тихого сна, сказочный пароход направился к середине Реки, чтобы помериться силой с течением в центре могучего русла. И когда тысячи людей на обоих берегах начали махать им руками, кричать от радости и плакать, прожояя взглядом белый корабль, он, Капитан — Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, известный под псевдонимом Марк Твен, — увидел широкоплечего человека, с длинными желтыми волосами, который напролом пробирался через толпу.

Тот был одет в юбку из нескольких полотенец, скрепленных магнитными застегками. На ногах виднелись сандалии, сделанные из кожи «речного дракона»; вокруг широкой мускулистой шеи вился шнурок со сверкавшими, как бриллианты, позвонками рогатой рыбы. Сжимая в руке деревянную рукоятку стального боевого топора, он осматривался по сторонам, будто искал кого-то и не мог найти. А потом его светло-голубые глаза остановились на Сэмюэле Клеменсе, и бородастое, с ястребиным носом лицо скривилось в усмешке.

— Скорость! Скорость! — закричал Сэм вахтенному матросу. — Полный вперед!

Огромные гребные колеса закрутились быстрее. Они вспенивали воду — шанк-чанг, шанк-чанг — и вибрация отдавалась даже сквозь толстый слой стекловолокна, который находился под настилом палубы. А Эрик Кровавый Топор, конунг викингов из десятого века, уже стоял на капитанском мостике, и его взгляд вонзался Сэму прямо в мозг.

— Предатель! Кал Рататока! — проревел он на древнескандинавском языке. — Я предупреждал, что буду ждть тебя на берегах Реки! Ты помнишь, как убил меня за кусок

железа? Ты помнишь, как продал душу, чтобы построить свой большой пароход!

Сэм выбежал из рубки и помчался вниз, по трапам и палубам, в темные недра трюма. Кровавый Топор отставал лишь на пару шагов. Обогнув колоссальный роторный электромотор, Клеменс проскочил в химическую лабораторию, где из человеческих экскрементов его инженеры производили нитрат калия. Здесь, в небольшом помещении, находились пороховые запасы корабля. Схватив смоляной факел, Сэм чиркнул золотником своей зажигалки, и из футляра выползла раскаленная добела проволока.

— Не подходи, или я взорву пароход! — закричал он.

Эрик остановился и стал раскручивать топор над головой.

— Давай! — усмехнулся он. — Подрывай, если кишка не тонка! Что же ты медлишь? Ах да! Ты любишь свой корабль больше всего на свете — даже больше блудливой и неверной, но по-прежнему драгоценной Ливи! Ты слаб, Клеменс! И поэтому я раскрою твой череп пополам, а потом заберу этот белый большой пароход!

— Нет! Нет! — кричал Сэм. — Ты не посмеешь! Я не отдам тебе его! Не отдам! Это моя мечта! Моя любовь и страсть! Моя жизнь и мой мир! Ты не сделаешь этого, кровавый варвар!

Норвежец шагнул к нему, и топор со свистом рассек воздух над головой Клеменса.

— Не сделаю? Тогда постой спокойно и убедись в своей ошибке!

За спиной викинга Сэм увидел тень. Она приблизилась и превратилась в фигуру без лица. Это был Икс, Таинственный Незнакомец — тот этик-отступник, который послал метеорит в речную долину и наделил Сэма металлом для строительства парохода. Это он хотел, чтобы люди, добравшись по Реке до полярного моря, увидели Туманную Башню, или Великий Грааль, окутанный холодной мглой. Это он назначил Сэма и одиннадцать других человек исполнителями тайного плана, о котором не знала ни одна живая душа. И его избранникам предстояло взять приступом Туманную Башню, чтобы найти... Что же им надо найти? То, что этики прятали там от людей!

— Спаси меня, Незнакомец! — позвал Сэм. — Спаси меня!

Жуткий хохот, подобно ветру с полярного моря, превратил его внутренности в холодные глыбы льда.

— Спасай себя сам, Сэм!

— Нет! Нет! Ты же обещал! — кричал Клеменс.

А потом блеснула сталь топора. Его глаза расширились, и стон застрял в горле, так и не слетев с открытых уст. Или ему просто приснилось, что он хотел застонать?

Сэм сел. Его бамбуковый топчан находился в углу комнаты, размеры которой не превышали двадцати квадратных футов. Матрацем служил мешок, сплетенный из бамбуковых волокон и набитый листьями «железного» дерева. Пять покрывал, скрепленных по краям, заменяли одеяло. Обстановка комнаты состояла из деревянной конторки, большого круглого стола, вокруг которого располагалось двенадцать бамбуковых стульев, и ночного горшка из обожженной глины. Около двери стояло бамбуковое ведро, до половины наполненное водой. Рядом возвышался стенд со множеством отделений для свитков. Напротив тянулись подставки для копий с кремневыми и железными наконечниками. Тут же хранились боевые топоры из железо-никелевого сплава, тисовые луки, стрелы и четыре длинных стальных ножа. На колышках висело несколько белых покрывал и кожаная фуражка, сшитая на флотский манер, с чехлом из белой ткани.

На конторке среди стеклянных бутылей с чернилами из сажи стоял его грааль — серый металлический цилиндр с небольшой рукояткой. Около него лежало несколько ручек с костяными и стальными перьями. Стопку грубой бамбуковой бумаги венчала дюжина листков из тонкого пергамента, который люди научились делать из желудочных мембран рогатой рыбы.

Через застекленные окна (или иллюминаторы, как он их называл) открывался вид на ближайшие окрестности. Насколько Сэм знал, эти стекла были единственными во всей речной долине — а точнее, единственными на десять тысяч миль по обе стороны от его дома.

Равнину и холмы заливал свет созвездий. До восхода солнца оставалось несколько часов, но ночи здесь выглядели еще более светлыми, чем на Земле при полнолунии. Огромные разноцветные звезды усеивали небосвод, и самые крупные из них казались кусками разбитой луны. Между ними, впереди и позади вились яркие шлейфы газовых туманностей, сияние которых никогда не переставало будоражить сердца романтиков на берегах Реки.

Клеменс встал и прошелся по комнате, морщась от кислотного перегара и еще более кислого привкуса сна. Подойдя к столу, он нащупал зажигалку, поднес раскаленную спираль к фитилю масляной лампы и подлил в каменный рожок рыбьего жира.

Открыв иллюминатор, Сэм осмотрел береговую полосу. Год назад он видел там только плоскую равнину, поросшую короткой ярко-зеленой травой. Теперь на этом месте вздымались насыпи выкопанной земли, чернели глубокие котлованы, и роились низкие деревянные бараки, над которыми торчали трубы. Там располагались заводы и фабрики по производству стали, стекла, цемента, азотной и серной кислоты. Там находились кузницы, лаборатории и оружейные мастерские. А еще через полмили виднелся высокий частокол из сосновых бревен, за которым начиналась верфь, где они строили свой первый корабль с металлическим корпусом.

Слева пылали факелы, освещавшие рудник. Даже ночью люди продолжали добычу металла, откапывая куски упавшего метеорита и переплавляя их в железно-никелевый сплав.

Дом Сэма стоял у подножия холма. Раньше за ним возвышался лес с тысячефутовыми «железными» деревьями, с красной и корабельной сосной, с белым и черным дубом. Заросли бамбука чередовались с тисовыми рощами, где ветер насвистывал в хвое веселые песни. Прошел лишь год, холмы остались на месте, но вся растительность исчезла в топках плавильни. Лишь огромные «железные» деревья противостояли стальным топорам и пилам лесорубов. Высокую траву вырвали и, обработав химическими веществами, пустили на канаты и бумагу. С короткой же травой решили не связываться — ее крепкие корни сводили на нет усилия людей и приводили в негодность самые прочные инструменты. Конечно, затраты сил в этом мире ничего не стоили, однако затупившаяся сталь и истертый камень считались здесь дорогой потерей.

Некогда прекрасный кусочек долины, поросший деревьями, цветущей лозой и яркой травой, походил теперь на поле битвы. Странно, но чтобы построить чудесный пароход, потребовалось создать и это безобразие.

Сэм поежился от влажного и зябкого ветра, который налетел с верховьев Реки. А может быть, его заставила вздрогнуть мысль о произведенном вокруг опустошении? Клеменс восхищался прелестью природы, и что бы он там ни думал об этом мире, ему нравилась похожая на парк речная долина. Теперь, ради своей мечты, он превратил ее в уродливый ландшафт. И границы разорения будут раздвигаться, потому что фабрикам и заводам требовалось топливо, а бумага и уголь делались из древесины. Все, чем обладало их государство, было уже использовано, и их торговые партнеры из северного Публиджо и южной Страны Чернского почти истощили свои запасы. Но если ему понадобится еще, он пойдет войной на ближайших соседей или заключит торговые соглашения с более далекими странами на юге, севере и на другом

берегу Реки. Конечно, он мог бы силой завладеть их лесами, однако такой вариант ему хотелось бы оставить на самый крайний случай. Сэм питал к войне принципиальное отвращение и с трудом терпел ее на практике.

Тем не менее, если он хочет построить пароход, ему придется обеспечить свои фабрики топливом. Если он хочет получить алюминий для изготовления электрических моторов и генераторов, ему потребуются бокситы, платина и криолит.

Поставщиком этих трех минералов являлся Душевный Город — страна, расположенная в двадцати шести милях ниже по Реке. Всеми делами там заправлял Элвуд Хакинг, который люто ненавидел белых. В обмен на бокситы, киноварь и платину он требовал руду и стальное оружие, хотя Пароландо — государство Клеменса — само нуждалось в металле. Кроме того, добавляя новое бремя, Хакинг отказался выделять своих людей на разработку рудников и транспортировку добытого сырья.

Сэм тяжело вздохнул. Почему, черт возьми, Незнакомец направил метеорит так далеко от бокситовых отложений? Впрочем, Сэм и Кровавый Топор, приплыв сюда первыми после катастрофы, могли бы провозгласить район Душевного Города своей территорией, и тогда воскресшему Хакингу пришлось бы либо подчиниться Клеменсу, либо убраться куда-нибудь подальше.

Очевидно, даже мощной технологии этиков с трудом удалось сдвинуть с орбиты эту огромную железно-никелевую комету. И им еще повезло, что она упала всего лишь в двадцати шести милях от залежей бокситов и других минералов. Пожалуй, Незнакомец мог считать, что попал прямо в яблочко. Перед тем как отправиться на какое-то задание, он сказал Клеменсу, что минералы находятся в семи милях вверх по течению. Незнакомец ошибся, и эта ошибка обрадовала и расстроила Сэма. Он сожалел, что минералы оказались не в его власти, но радовался тому, что этики тоже могли ошибаться.

К сожалению, данный факт не позволял человечеству выбраться из речной долины, зажатой между отвесными скалами высотой в двадцать тысяч футов — этакая бесконечно длинная тюрьма шириной в 9,9 мили. И люди будут томиться здесь многие тысячелетия, если только он, Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, не построит свой пароход.

Сэм подошел к сосновому шкафчику, со вздохом открыл дверцу и вытащил темную стеклянную бутылку. В ней плескалось около двадцати унций бурбона, подаренного людьми, которые не употребляли спиртного. Сделав большой глоток,

он замотал головой, похлопал себя по груди и, крикнув, поставил бутылку на место.

«У-ух! Нет ничего лучше, чтобы начать новый день, — подумал Сэм. — Особенно после такого кошмара. Интересно, почему Великий Цензор Снов пропускает в прокат такую жуткую чушь? Неужели он вспылал ко мне такой любовью, что уже не вносит в мои грезы никаких исправлений? Или, наоборот, невзлюбил меня за какой-то промах?»

«А кто тебя теперь любит, Клеменс? — захихикал внутренний голос. — Люди знают, что ради корабля ты поступишь через их дружбу и любовь. Я уже не говорю о Ливи, которая была твоей женой тридцать четыре года».

Сэм выругался, пригладил несуществующие усы и вновь достал из шкафчика бутылку. После пары глотков по щекам покатались слезы, но он не захотел выяснять причину их появления. Возможно, во всем виноват бурбон или грустные мысли о Ливи. В этом мире сложных взаимоотношений и таинственных дел — или деятелей — причиной слез могло быть и то и другое. А о скольких вещах он даже боялся подумать! Темное подсознание с трепетом ожидало момента, когда рассудок согнется, чтобы завязать свои интеллектуальные шнурки. И тогда оно вышибет его из черепа пинком под зад... и Сэм сойдет с ума.

Пройдя босиком по бамбуковому коврику, он подошел к боковому окну. Там внизу, в двухстах ярдах от его дома, под сенью «железного» дерева стояла небольшая хижина с конической крышей, где в маленькой спальне лежала на кровати Оливия Ленгдон Клеменс — его бывшая жена. А рядом с ней храпел своим длинным крючковатым носом Савиньен де Сирано II де Бержерак — дуэлянт, вольнодумец и поэт.

— Эх, Ливи! Как ты только могла? — прошептал Сэм. — Как ты могла разбить мое сердце?

Прошел год с тех пор, как она пришла сюда вместе с Сирано де Бержераком. Клеменс пережил тогда страшное потрясение. За семьдесят четыре года, проведенные на Земле, и двадцать один год пребывания в мире Реки он не испытывал ничего подобного. И все же Сэм оправился. Вернее, оправился бы, не получи он нового, столь же сильного и болезненного удара. Конечно, Клеменс знал, что два десятка лет его жена не обходилась без мужчины. Оливия вновь обрела молодость, красоту и страсть. И она вряд ли верила в возможность встречи с мужем. Он и сам за это время поменял полдюжины подруг. Так какой же верности можно было требовать от Ливи? Но Сэм надеялся, что, увидев его, она бросит своего поклонника, как обезьяны бросают надоевшую монету. А этого не произошло! Она любила де Бержерака.

После той ночи, когда она вышла из речного тумана, он видел ее почти каждый день. Они сдержанно беседовали друг с другом, а порой, разорвав покров отчужденности, шутили и смеялись, как в былые дни на Земле. На какой-то миг их взгляды встречались и говорили друг другу, что любовь по-прежнему соединяет их сердца незримой нитью. И Клеменс, почти взрываясь от страсти, жалившей его, как рой пчел, пытался отвлечь себя беседой или шуткой и смеялся, смеялся, смеялся, пока не появлялось желание заплакать. Против воли он протягивал к ней руки, и она мгновенно отступала, убегая к Сирано или уходя на его поиски, если француз не было рядом.

Она проводила каждую ночь с этим непристойным, грубым и носатым мужчиной, которому удавалось сочетать в себе пугающую язвительность, остроумие и незаурядный талант.

— Возмужавший лягушонок, — прошептал Сэм.

Внезапно в его уме возникла картина, на которой француз, квакая от похоти, прыгал вокруг поникшей и печальной Ливи. Его руки тянулись к ее белому телу, и он, прыгая и квакая...

Клеменс содрогнулся. Нет, так не годится. Он не мог забыть о ней даже тогда, когда приводил в свой дом других женщин — приводил тайно, хотя и не имел причин этого скрывать. Сэм искал забвение в палочках мечтательной резинки, но, несмотря ни на что, образ жены вплывал в кипящее море наркотических грез и еще сильнее раздувал ураган желаний. Прекрасное судно «Ливи», с раздутыми белыми парусами, изящным корпусом и округлой кормой...

И еще Сэм слышал ее смех — зовущий очаровательный смех. Его он выносил тяжелее всего.

Он перешел к двум передним иллюминаторам, около которых на дубовом постаменте возвышалось штурвальное колесо. Этот кабинет заменял ему рулевую рубку, а две задние комнаты он называл по-моряцки — «техас»*. Дом построили на склоне холма, поэтому переднюю часть здания поддерживали тридцатифутовые сваи. Чтобы попасть внутрь, надо было подняться по лестнице (или, пользуясь морской терминологией, по трапу с правого борта) либо пройти с холма через заднюю дверь, которая вела в «техас». На крыше «рубки» находился большой колокол — насколько Сэм знал, единственный в этом мире. Вскоре пробьет шесть склянок, и тогда Сэм ударит в большой колокол, чтобы темная долина пробудилась к жизни и новому дню.

---

* С точки зрения американцев, Техас — самый южный, а значит, и самый «задний» штат. (Примеч. пер.)

ГЛАВА 16

Туман лениво сползал к Реке, открывая приземистую грибообразную глыбу питающего камня, которая стояла в полутора милях на берегу. Внезапно Сэм увидел, как из дымки появился корабль, выглядевший на таком расстоянии красивой детской игрушкой. Он заметил две маленькие фигуры, которые спустились в лодку, быстро добрались до берега, а затем побежали куда-то вправо. Звезды щедро изливали свет, и Сэм без труда отслеживал путь этих двух спешивших мужчин. Проскользнув между фабричными бараками, они обогнули двухэтажную гончарную мастерскую и направились к холмам. Сэм потерял их из виду, но ему показалось, что странная пара спешила в бревенчатый «дворец» Иоанна Плантагенета.

Куда же смотрела пограничная служба Пароландо? Через каждые четверть мили на берегу Реки возвышались тридцатифутовые охранные вышки, где круглосуточно дежурило по четыре наблюдателя. Заметив что-то подозрительное, они должны были ударить в барабаны, затрубить в костяные горны и зажечь смоляные факелы.

Эти два человека, возникшие из тумана, доставили Иоанну какую-то весть — весть, предназначенную только для экс-короля Англии.

Через пятнадцать минут Сэм заметил темный силуэт, приближавшийся к его дому. Тихо звякнул колокольчик, подвешенный над дверью, и, выглянув в окно, Клеменс увидел бледное лицо Уильяма Гревела — в прошлом крупного лондонского торговца шерстью, чья земная смерть приходилась на 1401 год от Рождества Христова. За неимением овец и других животных бывший торговец посвятил себя шпионажу и достиг в этой области неплохих результатов. Ему нравилось шнырять по ночам вокруг домов, выведывая тайны и помыслы людей.

Приподняв засов, Сэм открыл толстую дубовую дверь, и Гревел взбежал по «трапу».

— *Saluton, leutenanto Grevel. Kio estas?* — произнес Клеменс на эсперанто, что означало: «Приветствую вас, лейтенант Гревел. Что-нибудь случилось?»

— *Bonan matenon, Ĝestro. Ĉiu grasa fripono, Rego Johano, estas ĵus akceptita duoj spiono.* (Доброе утро, босс. Этот жирный плут, король Иоанн, только что принял двух лазутчиков.)

Сэм не понимал того английского языка, на котором говорил Гревел, однако они оба владели эсперанто и лишь иногда запинались на сложных словах.

Клеменс, усмехаясь, слушал рассказ шпиона. Билл Гревел забрался на «железное» дерево, прополз по ветке над цепью

часовых, а затем спустился по веревке на крышу двухэтажного «дворца». Он прокрался в комнату, где спали три женщины, и затаился на лестнице, которая вела на первый этаж. Внизу за широким столом сидели Иоанн и его лазутчики — итальянец из двадцатого века и венгр из шестого столетия. Разведчики докладывали королю о своем плавании вверх по Реке. Разъяренный Иоанн едва сдерживал гнев.

Выслушав донесение Гревела, Сэм тоже пришел в неистовство.

— Так, значит, он пытался убить Артура из Новой Бретани? Какая глупость! Неужели он хочет погубить всех нас?

Клеменс зашагал взад и вперед по комнате, потом остановился, прикурил сигару и предложил Гревелу стакан виски.

По иронии судьбы — или, возможно, по хитроумному плану этиков — король Иоанн Английский восстал из мертвых всего лишь в тридцати двух милях от своего племянника, которого он коварно убил на Земле. Принц Артур, сплотив вокруг себя людей, захватил десятимильную полосу речной долины и основал государство, которое назвал Новой Бретанью. В его маленькой стране можно было насчитать лишь несколько бывших бретонцев, однако это никак не повлияло на выбор названия.

Восемь месяцев назад Артур узнал, что по соседству объявился его заклятый враг. Он тайно пробрался в Пароландо и своими глазами увидел того, кто некогда перерезал ему горло и сбросил бездыханное тело в Сену. Принцу захотелось захватить дядюшку в плен и подвергнуть его самым жестоким пыткам. Смерть врага навсегда исключала возможность мести, поэтому он планировал держать Иоанна живым долгие и долгие годы. Артур жаждал мести, а не убийства, которое лишь воскресило бы его дядю на следующий день за тысячи миль от карающей длани.

Он послал в Пароландо эмиссаров, требуя незамедлительной выдачи Иоанна. Его требования отклонили, хотя, если бы не благородство и страх перед своим компаньоном, Сэм с радостью удовлетворил бы их.

И вот теперь Иоанн отправил нескольких лазутчиков на ликвидацию Артура. Двое из них погибли в стычке с охраной, остальные получили легкие ранения. Их провал означал вторжение, поскольку помимо мести Артур мечтал овладеть железным рудником.

Между Пароландо и Новой Бретанью располагалось несколько небольших государств, и первым из них, простиравшимся на четырнадцать миль вдоль правого берега, управлял выходец из шестнадцатого века, украинский полковник

Чернский. Оставаясь верным подписанному договору, он наотрез отверг союз с Артуром. Однако к северу от Новой Бретани находилась страна, где властвовал сильный и прославленный воин — тот самый Иэясу, который в 1600 году основал сегунат Токугава и перенес столицу в Эдо, названный позже Токио. Разведчики Сэма рассказывали, что японец уже шесть раз приезжал к бретонцу на военный совет.

Кроме того, севернее страны Иэясу располагалось государство, которым управлял Клеомен — спартанский царь и единокровный брат знаменитого Леонида, оборонявшего проход в Фермопилах. Клеомен трижды встречался с Иэясу и Артуром.

Одиннадцать миль берега южнее Пароландо занимала страна Публия Красса. В прошлой жизни он командовал кавалерией Цезаря и участвовал в войнах против галлов. Однако здесь Публий показал себя очень дружелюбным человеком, хотя и затребовал за свой строевой лес непомерно большую цену.

На юге от Публиджо находилось Тайфанджо — государство, в котором властвовал Тай-Фан, один из полководцев Кублахана. Тай умер на Земле, упав пьяным с лошади.

А за Тайфанджо располагался Душевный Город, возглавляемый Элвудом Хакингом и Милтоном Фаербрассом.

Сэм отбросил сигару и взглянул из-под густых бровей на Гревела.

— Знаете, Билл, пусть они катятся ко всем чертям! Мы не в силах что-либо изменить. Судя по слухам и молве, Артур вполне заслуживает, чтобы его однажды прикончили. Кроме того, если я подниму вопрос о покушении на главу сопредельного государства, Иоанн догадается, что в его доме побывал мой человек. Он начнет все отрицать и потребует очной ставки со свидетелем, а вы сами можете представить, что потом случится с этим человеком... вернее, с вами.

Гревел побледнел.

— Не пугайтесь, мой друг, — сказал Сэм. — Я буду нем как рыба. Пока нам остается только помалкивать и наблюдать за развитием событий. Хотя мне претит это вынужденное молчание! Иоанн — самый презренный тип из всех, кого я встречал в своей жизни. А если бы вы знали, сколько народу мне довелось переживать, включая издателей и журналистов, вас потрясла бы глубина моих слов.

— Из него получился бы хороший сборщик налогов, — добавил Гревел, отыскав наконец для Иоанна более емкое оскорбление.

— Будь проклят тот день, когда я решил взять короля Иоанна в партнеры, — прошептал Сэм. — Но если бы я этого не сделал, меня лишили бы возможности построить корабль.

Поблагодарив Гревела, он проводил его до двери. Небо над горами за Рекой уже приобретало красноватый оттенок. Чуть позже небесный свод станет розовым по краям и синим в вышине, но пройдет еще немало времени, прежде чем солнце покажется из-за горы. И тогда питающие камни выпустят из себя голубоватые молнии разрядов.

Он ополоснул лицо, зачесал на затылок густую копну рыжеватых волос и, выдавив зубную пасту на кончик пальца, потер им зубы и десны. Застегнув на талии ремень с четырьмя ножнами и полевым планшетом, он накинул на плечи длинное покрывало, а затем взял грааль и дубовую трость, инкрустированную железом. Сэм степенно сошел по трапу на влажную траву. Каждую ночь, ровно в три часа и точно по тридцать минут, в долине шел дождь, и мокрая земля оставалась сырой до восхода солнца. Если бы не полное отсутствие вирусов и болезнетворных микробов, половина населения давно бы умерла от воспаления легких и гриппа.

Став снова молодым и сильным, Сэм не изменил своего негативного отношения к физическим упражнениям. Шагая к берегу Реки, он размышлял о строительстве небольшой железной дороги, которая тянулась бы от его дома к ближайшему питающему камню. Впрочем, игра не стоила свеч. Проще было сделать автомобиль, который работал бы на древесном спирте.

К Клеменсу присоединялись все новые и новые люди. Он отвечал на их приветствия кратким «Салютон!» или «Бонан матенон!» В конце недолгого пути Сэм отдал свой грааль мужчине, стоявшему на вершине грибовидной глыбы, и тот установил его в одну из многочисленных выемок. Когда около шестисот цилиндров разместились в углублениях серого гранита, люди отошли на безопасное расстояние. Через пятнадцать минут раздался вибрирующий рев, эхом прокатившийся над равниной и горами. Голубое пламя взметнулось на двадцать пять футов вверх и опало вниз. Назначенные на этот день хранители камня забрались на глыбу и передали людям их цилиндры. Сэм отправился домой, всю дорогу удивляясь тому, почему он до сих пор не поручил кому-нибудь из подчиненных заботиться о своем «роге изобилия». Хотя удивляться тут было нечего. Человек настолько зависел от грааля, что предпочитал не выпускать его из своих рук.

Вернувшись домой, Клеменс открыл крышку цилиндра. Внутри, в шести контейнерах, соединенных наподобие судков,

находился завтрак и различные продукты. Грааль имел второе дно, в котором содержались программируемое меню и устройство, преобразующее энергию в материю. Этим утром Сэм получил бекон и яйца, два тоста с маслом и джемом, стакан молока, ломтик мускусной дыни, десять сигарет, одну сигару, плитку марихуаны, палочку мечтательной резинки и чашу какого-то приятного, но крепкого напитка.

Намереваясь предаться пороку чревоугодия, Клеменс присел к столу и мечтательно посмотрел в правый «иллюминатор» (именно в правый, чтобы ненароком не увидеть лачугу Сирано). В тот же миг он потерял аппетит. Перед его домом, стоя на коленях, молился молодой человек. Закрыв глаза и сложив ладони на уровне груди, он бормотал какие-то слова. Небогатый наряд состоял из потрепанной юбки и спиральной рыбьей кости, болтавшейся на шнурке. Темно-русые волосы ниспадали на плечи, стройное тело покрывали бугры рельефных мышц, но, несмотря на плотное сложение, ребра уже начинали проступать наружу.

Сэм узнал Германа Геринга. Выругавшись, он вскочил, свирепо пнул ни в чем неповинный стул, затем передвинул еду на другую сторону стола и уселся спиной к окну. Этот святоша не раз уже портил ему аппетит, поскольку больше всего на свете Клеменс не переносил раскаявшихся грешников. А Герман Геринг погрешил, так уж погрешил; и теперь он, очевидно, в качестве компенсации старался обскакать остальных людей по части святости — во всяком случае, так казалось Сэму. В своих проповедях Геринг заявлял, что занимает самое скромное место среди скромных, и это являлось, до известной степени, правдой.

— Чтобы ты подавился своим показным смирением, — прошептал Сэм. — От тебя смердит, как от загаженного клозета...

Он даже пожалел, что поспешил провозгласить Великую хартию вольностей. (После долгих протестов король Иоанн смирился с принятым решением, тем самым повторив земную историю.) Если бы не хартия, Сэм давно бы вышиб из страны и Геринга, и его последователей. Но отныне конституция Пароландо, самая демократическая конституция в истории человечества, утверждала свободу религии и полную свободу слова — вернее, почти полную, поскольку и тут существовали некоторые ограничения.

Таким образом, собственноручно написанный документ не позволял Сэму вмешиваться в миссионерскую деятельность Церкви Второго Шанса.

Однако, если Геринг будет проповедовать и обращать людей в свою веру мирного саботажа, Клеменуся никогда не

завершить строительство парохода. Геринг превратил его мечту в символ зла; он сказал, что большой корабль олицетворяет собой тщеславие и жадность людей, их низменную страсть к насилию и неуважение к тому, что Создатель уготовил для этого мира.

Он говорил, что людям не нужно строить речные корабли; им следовало строить дворцы души. Ибо все, в чем нуждался теперь человек, ограничивалось тонкими стенами для уединенных размышлений и крышей над головой, чтобы защитить его от дождя. Ему больше не требовалось зарабатывать себе хлеб потом и кровью рук своих. Ныне пища давалась людям безвозмездно. Творец не просил у них ни жертв, ни благодарности. Однако он наделил человека временем. Вот почему каждому следовало теперь определить свою судьбу. Вот почему человеку запрещалось преступать чужие границы, грабить имущество других людей, унижать и принуждать их к любви. Человек должен уважать и любить других, как самого себя. Он не должен грабить, насиловать и убивать. Он должен... И он не должен... Должен... И не должен...

Клеменс раздраженно покачал головой. Геринг проповедовал прекрасные идеи, под которыми подписался бы каждый человек. Но Сэму не верилось, что, вылизывая ботинки этиков, люди могли создать какую-то утопию или спасти свои, черт знает где заблудшие, души. Гуманность снова выставляли напоказ; ею злоупотребляли, ее использовали, а затем предавали бесчестью. Воскрешение из мертвых, омоложение и отсутствие болезней, дармовая еда, сигары, напитки и сплошное безделье — все это было иллюзией или сладким леденцом, которым девственное человечество заманили на темную аллею, чтобы позже... Что позже? Сэм этого не знал. Однако Тайнственный Незнакомец сказал, что их подвергли самому гнусному из всех возможных издевательств — еще более жестокому и мерзкому, чем их жизнь на Земле. Людей воскресили из мертвых и поместили на этой планете для грандиозного научного эксперимента. Вот тебе и вся любовь благого Создателя! А когда опыт будет завершен, их еще раз вышвырнут во мрак и забвение смерти. Еще один обман безжалостных «богов».

Но какую цель преследовал Незнакомец, рассказывая людям о планах этиков? Почему для борьбы с коллегами-учеными он привлек так мало помощников? Что ему понадобилось от них на самом деле? И не обманывал ли он Сэма, Сирано и Одиссея, как и тех других, которых они еще не знали?

Сэм Клеменс не находил ответов. Тьма неведения оказалась такой же крошечной, как и на Земле. Но одно он знал точно — ему хотелось построить пароход.

Туман над Рекой рассеялся, и завтрак подошел к концу. Сэм взглянул на водяные часы, подошел к окну и ударил в колокол, установленный на крыше «рулевой рубки». Как только угас мелодичный звон, во всех уголках Пароландо заверещали деревянные свистки бригадиров и десятников. Гулко загрохотали барабаны, завывли заводские сирены, и в стране Сэма Клеменса начался новый рабочий день.

ГЛАВА 17

Из тысячи граждан Пароландо на борт парохода могли подняться только сто двадцать человек. Двадцать вакантных мест было уже занято. В число приоритетных пассажиров и членов команды входили Сэм Клеменс и Джо Миллер, Лотар фон Рихтхофен и ван Бум, де Бержерак и Одиссей, три инженера, король Иоанн, а также их подруги и жены. Остальной экипаж предполагалось набрать за несколько дней до отплытия. Сэм решил написать имена всех жителей на полосках бумаги и поместить эти фанты в большой проволоочный ящик. Сначала ящик будут встряхивать и вращать, а потом капитан Клеменс, с завязанными глазами, но с неизменной сигарой во рту, станет вытаскивать бумажки и передавать их Лотару, пока тот не огласит народу сотню имен, выигравших в лотерее. И именно эти люди составят команду сказочного парохода с гордым названием «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ».

По словам Незнакомца, кораблю предстояло проплыть около пяти миллионов миль. Проходя по 335 миль в сутки, он мог добраться до конца Реки примерно через сорок один год. Впрочем, это были всего лишь усредненные цифры. Команде не обойтись без регулярного отдыха на твердой земле. И им наверняка придется ремонтировать ходовые части. Сэм планировал взять с собой большой запас металла и подменных блоков. Однако следовало учитывать и непредвиденные поломки. Не будут же они возвращаться в Пароландо с полпути, чтобы прихватить новые запасные части или починить старые! А там, в неизвестной дали, им вряд ли удастся найти запасы металла и необходимых минералов.

«Как странно! — подумал Сэм. — Когда мы доплывем до истоков, мне будет сто сорок лет! Хотя что это значит в сравнении с той бездной времени, которая ждет меня впереди».

Он посмотрел в носовой иллюминатор. Равнина заполнялась людьми, которые шли от холмов к заводам. Сэм знал,

что позади его дома не меньшее количество рабочих шагали сейчас к фабрикам и большой дамбе на северо-западе у основания гор. Между двумя крутыми холмами на пути широкого ручья, который вился от горного водопада, они возводили гигантскую бетонную стену. Когда водохранилище за дамбой будет готово и заполнится до краев, мощные генераторы обеспечат фабрики и дома электрической энергией.

В настоящее время энергию получали от питающих камней. Большой понижающий трансформатор трижды в день принимал электрический разряд и через алюминиевые провода заряжал огромный, величиной с двухэтажный дом, аккумулятор, который люди называли батациторм. Этот агрегат изобрели в конце двадцатого века. Он отличался от своих предшественников тем, что мог аккумулировать сотни киловатт за долю микросекунды и высвобождать заряд с каким угодно напряжением в сети — от десятой доли вольта до сотни киловольт. Построенная модель являлась прототипом того агрегата, который предполагалось установить на пароходе.

Пока электрическая энергия использовалась в основном для станков ван Бума, которые разрезали метеоритные осколки, выкопанные на равнине. Кроме того, электричество применялось при плавлении металла. Алюминий для проводов получали из силиката алюминия, полученного из добытой в предгорьях Пароландо глины. Однако их запасы быстро истощались, и Сэм надеялся теперь только на бокситы Душевного Города.

Клеменс сел за стол, выдвинул ящик и достал большую книгу с желтыми страницами из бамбуковой бумаги. Год назад он старательно прошил ее жилами рыбы-пузыря и переплел в рыбью кожу. Это был его дневник — «Воспоминания Лазаря». Сюда он заносил свои размышления и хронику ежедневных событий. Сэм использовал чернила, сделанные из воды, дубильной кислоты и мелкозернистой угольной суспензии. Ван Бум обещал сконструировать ему небольшой диктофон, но пока технология Пароландо не достигла еще такого развития.

Как только он приступил к записям, над долиной прокатилась барабанная дробь. Гулкие удары большого барабана обозначали тире, а звонкое сопрано маленького — точки. Для передачи сообщений применялись азбука Морзе и язык эсперанто. Сэм прислушался и понял, что через несколько минут к берегу причалит судно фон Рихтхофена.

Он встал, чтобы осмотреть Реку. В полумиле от гавани появился бамбуковый катамаран, на котором Лотар десять дней назад отплыл в Душевный Город. В правый иллюминатор Сэм

разглядел приземистую фигуру с рыжевато-коричневыми волосами. Король Иоанн со свитой льстецов и телохранителей выходил из ворот бревенчатого дворца. Его величеству хотелось убедиться, что фон Рихтхофен не передаст Клеменсу каких-то тайных посланий от Элвуда Хакинга.

Как бывший монарх Англии, а ныне соправитель Пароландо, Иоанн носил изысканные и впечатляющие наряды. На этот раз он облачился в юбку с красно-черными клетками, длинную тунику, похожую на пончо, и сапоги из красной кожи «речного дракона», которые доходили ему до коленей. Объемную талию охватывал широкий пояс с многочисленными ножнами для кинжалов, короткого меча и боевого топора. В одной руке он держал стальной скипетр, украшенный короной — символ власти, из-за которого между Сэмом и Иоанном разгорелся яростный спор. Клеменс не хотел растрачивать металл на такие бесполезные анахронизмы, но Иоанн настаивал, и в конце концов Сэму пришлось согласиться.

Клеменс злорадно хмыкнул, подумав о названии их небольшого государства. Пароландо переводилось с эсперанто как «Страна Двоих», в чем содержался намек на двух равноправных соправителей. Однако Сэм не стал говорить Иоанну, что другой трактовкой названия была «Страна Твена»!*

Иоанн обогнул длинное фабричное здание и по грязной разбитой тропе добрался до жилища Клеменса. Его телохранитель — огромный головорез по прозвищу Акула — взбежал по лестнице и дернул за веревку колокольчика. Тот жалобно звякнул и тут же замолк.

Сэм высунулся в окно и крикнул:

— Поднимайтесь на борт, Иоанн! Смелее! Смелее!

Король посмотрел на него светло-голубыми глазами и жестом велел Акуле проверить помещение. Он боялся наемных убийц и имел на то веские основания. Кроме того, его унижала необходимость подниматься в жалкий «курятник» Сэма. Тем не менее Иоанн понимал, что фон Рихтхофен будет отчитываться только перед Клеменсом.

Акула вошел, быстро осмотрел «рулевую рубку» и направился к комнатам «техаса». Из спальни Джо раздался низкий и мощный рев, похожий на львиный рык. Акула поспешно прикрыл дверь и вернулся в кабинет Сэма.

— Джо немного приболел, — с усмешкой произнес Сэм, — но он по-прежнему может съесть на завтрак десять чемпио-

---

* «Марк твен» (mark twaine) — это лощманский термин, означающий вторую отметку на глубинном лоте. (Примеч. пер.)

нов по борьбе и боксу, а потом попросить что-нибудь на второе.

Не проронив ни слова, Акула высунулся в иллюминатор и дал знак, что Иоанн может спокойно подниматься наверх.

К тому времени катамаран причалил к берегу. Сбежав по трапу, фон Рихтхофен быстрым шагом направился к дому Клеменса. В одной руке он держал грааль, в другой — крылатый посох посланца. Через южный иллюминатор Сэм разглядел долговязую фигуру де Бержерака, который производил смену приграничных постов. Ливи нигде не было видно.

Хлопнула дверь, и в комнату вошел Иоанн.

— Bonap matenon, Johano! — приветствовал его Клеменс.

Иоанна раздражало, что Сэм наотрез отказывался называть его *Via Rega Moto* — Ваше Величество. Конституционным обращением к правителям Пароландо являлось *La Konsulo* — консул — но и этот титул не часто срывался с уст Клеменса. Сам он предпочитал, чтобы люди называли его *La Estro* — боссом, потому что это еще больше сердило короля Иоанна.

Что-то проворчав в ответ на приветствие, экс-монарх сел за круглый стол. Его второй телохранитель Закскромб, крупный темнокожий протомонгол с потрясающе мощной мускулатурой, прикурил для Иоанна большую сигару. Зак предположительно умер около тридцати тысяч лет до нашей эры. И если бы не Джо Миллер, он считался бы в Пароландо самым сильным человеком. Правда, Джо не был человеком — вернее, не относился к виду «гомо сапиенс».

Сэму очень хотелось, чтобы Джо поднялся с постели. Вид Зака заставлял его нервничать. Но Джо дремал, одурманенный мечтательной резинкой. Два дня назад на него упала большая каменная глыба, выскользнувшая из захватов подъемного крана. Машинист поклялся, что это произошло случайно, однако у Сэма возникли подозрения.

Он выпустил клуб дыма и вежливо спросил:

— Что слышно о вашем племяннике? Может быть, у вас появились какие-то новые сведения о нем?

Иоанн не шевельнулся, но его глаза удивленно расширились. Он бросил колющий взгляд на Клеменса и угрюмо ответил:

— У меня? Откуда? А почему вы об этом спрашиваете?

— Просто стало интересно. Думаю, нам следовало бы договориться с Артуром. Я не вижу причин для продолжения вашей многолетней вражды. Это же не Земля, сами понимаете. Почему бы вам не помириться? Неужели сейчас так важно, что вы когда-то сунули его в мешок и утопили в реке? Прошное должно остаться в прошлом, верно? А в случае

примирения мы могли бы воспользоваться его древесиной и известняком, который нам нужен для карбоната калия и дюралюминия. У него там много, очень много известняка.

Иоанн еще раз бросил быстрый взгляд на Сэма, а затем улыбнулся и прикрыл глаза рукой.

«Скользкий ловкач, — подумал Клеменс. — Сладкоречивый обманщик и презренный подлец».

— За древесину и известняк он потребует у нас стальное оружие, — ответил король. — А я не позволю моему дорогому племяннику завладеть таким количеством железа.

— Тем не менее обдумайте этот вопрос. Я задал его вам по той причине, что в полдень...

Иоанн напрягся, и его глаза забегали.

— Одним словом, я решил предложить Совету мирные переговоры с Артуром, — закончил Сэм. — И этот вопрос будет поставлен на голосование.

Иоанн расслабился.

— Ах вот как?

«Я понимаю, что тебе нечего бояться, — размышлял Клеменс. — Ты переманил на свою сторону Педро Ансевреса и Фредерика Рольфа. При пяти голосах против трех вы можете провалить в Совете любой проект».

Клеменсу еще раз захотелось временно приостановить Великую хартию, чтобы довести до конца все, что ему хотелось сделать. Однако это означало бы гражданскую войну и, вполне возможно, конец его мечты о пароходе.

Он шагал взад и вперед по комнате, в то время как Иоанн описывал отвратительные подробности своей последней победы над очередной блондинкой. Сэм пытался не слушать эту пошлую чушь: его по-прежнему раздражало хвастовство сексуально озабоченных мужчин. Тем не менее, прожив год в Пароландо, любая женщина, связавшаяся с Иоанном, могла винить только саму себя.

Звякнул дверной колокольчик, и в комнату вошел Лотар фон Рихтхофен. Его почти славянское симпатичное лицо обрамляли длинные волосы, придававшие ему сходство с менее коренастым и более красивым Герингом. Между прочим, они знали друг друга еще по первой мировой войне, когда оба служили под началом барона Манфреда фон Рихтхофена. Обычно Лотар шутил, улыбался и вел себя, как приятный и общительный собеседник, но этим утром его улыбка и любезность куда-то испарились.

— Плохие новости? — спросил Сэм, протягивая ему кубок бурбона.

Осушив кубок, фон Рихтхофен поморщился и сказал:

— Синьоро Хакинг приступил к завершению фортификационных сооружений. Отныне Душевный Город окружает двенадцатифутовая стена, ширина которой местами достигает десяти футов. Со мной Хакинг вел себя, как грубая и омерзительная свинья. Он называл меня офейо и хонки*. По правде говоря, я не знаю значения этих слов, но спрашивать у него объяснений мне не захотелось.

— По всей вероятности, офейо происходит от английского «эфей»**, — произнес Клеменс. — Хотя я тоже никогда не слышал подобных слов.

— В будущем вы не раз их услышите, — с усмешкой ответил Лотар. — Особенно если будете иметь дело с Хакингом. А иметь дело с ним придется. Выблевав поток оскорблений по поводу меня, как прародителя всех нацистов и фашистов, Хакинг наконец перешел к делу. К слову сказать, я понятия не имел о нацистах — как вы знаете, мой самолет разбился в 1922 году. Но Хакинг буквально выходил из себя — возможно, потому, что я спокойно отнесся к его словам. Тем не менее суть речи этого мерзавца предельно ясна — он угрожает прекратить поставки бокситов и других минералов.

В глазах у Сэма потемнело. Он навалился грудью на край стола и подождал, пока вещи снова не вошли в фокус. Однако шутка уже свалась с языка:

— Я и сам бываю храбр во хмелю.

— Хакингу не нравится национальный состав его государства, — продолжал фон Рихтхофен. — Население состоит на четверть из гарлемских черных, умерших между 1960 и 1980 годами, и на одну восьмую из дагомейских негров восемнадцатого века. Четверть жителей страны являются арабами четырнадцатого столетия из секты ваххабитов. Эти фанатики до сих пор называют Мухаммеда своим пророком и считают пребывание в мире Реки неким кратковременным испытанием перед вечным и райским блаженством. Еще одну четверть населения составляют кавказские азиаты и индийские дравиды тринадцатого века. Примерно одна восьмая часть представлена людьми из разных времен и разных стран. Однако власть захватили выходцы из двадцатого века.

Сэм кивнул. Хотя воскрешенное человечество включало людей из различных эпох, начиная с 2 000 000 года до нашей эры и кончая 2008 годом после Рождества Христова, одна четвертая часть обитателей речной долины появилась на свет в двадцатом веке.

---

* Хонки — слово из гарлемского жаргона, оскорбительное название для белых; в мягком переводе означает «белый мусор». (Примеч. пер.)

** Ofay — падаль, отбросы (англ. жарг.).

— Хакинг хочет, чтобы в его Душевном Городе жили только черные. По его словам, во время жизни на Земле он верил в возможность расовой интеграции. Белое поколение конца двадцатого века почти освободилось от предрассудков своих отцов, и поэтому он пытался взрастить в себе какие-то надежды на расовую свободу. Но в Душевном Городе таких белых можно сосчитать по пальцам. А арабы-ваххабиты буквально сводят его с ума. Между прочим, Хакинг принял ислам еще на Земле. Сначала он примкнул к организации «Черные мусульмане» — этой американской пародии на азиатскую религию. Затем Хакинг стал настоящим исламистом и совершил паломничество в Мекку. В то время он был искренне убежден, что арабы — даже если их считать наполовину белыми — не имеют склонности к расизму.

После резни в негритянских кварталах Судана он изменил свое мнение, а история рабства его народа под игом арабских захватчиков лишь укрепила пессимизм Хакинга. На мой взгляд, ваххабитов нельзя называть расистами, но, как и все фанатики, они создают большие проблемы. Я пробыл там десять дней и многое повидал. Арабы хотят превратить Душевный Город в факел мусульманской веры, и если они не сделают этого мирным путем, то не побоятся и большой крови. Хакинг задумал избавиться от них, а заодно и от дравидов, которые считают негров, да и все остальное человечество, людьми второго сорта. Исходя из этого, Хакинг продолжит поставку бокситов только в том случае, если мы отправим ему наших черных в обмен на его ваххабитов и дравидов. Кроме того, он требует большого количества стального оружия и увеличения своей доли необработанной руды.

Сэм выругался. Король Иоанн демонстративно плюнул на пол. Клеменс нахмурился и произнес:

— Merdo, Johano! Я не позволю плевать на мой пол даже наследнику Плантагенетов! Пользуйтесь плевательницей или убирайтесь вон!

Король Иоанн пронзил его холодным презрительным взглядом. Сэм постарался умерить свою ярость и негодование. Ему не хотелось затевать сейчас новой ссоры. Хвастливый экс-монарх никогда не отказался бы от права плевать куда попало, хотя эта пошлая привилегия не стоила и выеденного яйца.

Клеменс сделал примиряющий жест и сказал:

— Забудьте об этом, Иоанн. Плюйте, куда хотите. — Однако он не был бы Сэмом Клеменсом, если бы не добавил: — А я воспользуюсь этой привилегией в вашем дворце.

Проворчав неразборчивое проклятие, Иоанн положил в рот кусок шоколада. Всем своим видом он показывал, что ужасно рассержен, но вынужден сдерживать себя.

— Этот сарацин Хакинг слишком много себе позволяет. Сколько можно целовать его черную ладонь? Требования Душевного Города замедляют строительство нашей лодки...

— Корабля, Иоанн, — поправил его Сэм. — Мы строим корабль, а не лодку.

— Вот именно! Поэтому нам следует захватить их страну, перебить людей Хакинга и забрать себе все, что прежде принадлежало им. Только так мы можем получить алюминий. Только так мы можем построить корабль! А чтобы нам и впредь не мешали заниматься делом, мы должны завоевать все страны, лежащие между нами и Душевным Городом.

«Все тот же помешанный на войне Иоанн!» — подумал Клеменс.

Тем не менее Сэм склонялся к мысли, что на этот раз в словах его компаньона имелась доля смысла. В течение месяца, вооружив жителей Пароландо, они могли бы создать армию, пригодную для захвата прилегающих территорий. Публиджо и Тайфанджо вели себя довольно дружелюбно. Они позволяли вырубать свои леса, но требовали за древесину железо и сталь. Сэм давно уже подозревал, что оба государства стремились накопить побольше оружия, а затем совместными усилиями захватить Пароландо и рудник. Во всяком случае, дикари, обитавшие на другом берегу Реки, вынашивали именно такие планы.

— Я еще не закончил свой рассказ, — напомнил фон Рихтхофен. — Хакинг планирует обмениваться людьми один к одному. Однако он не намерен вступать с нами в переговоры, пока мы не отправим к нему послом одного из наших чернокожих граждан. Этот ублюдок обозвал меня юнкерским пруссаком и сказал, что считает мою посольскую миссию не чем иным, как оскорблением для себя. Тем не менее он готов простить нас, если в следующий раз Пароландо пошлет к нему более важную персону — например, члена Совета. Только черного!

Сэм едва не выронил изо рта сигару.

— Но в нашем Совете нет ни одного черного!

— Вот именно! Поэтому Хакинг посоветовал нам пополнить Совет «настоящими людьми», то есть чернокожими.

Иоанн пригладил ладонями длинные рыжевато-коричневые волосы, затем встал и оперся кулаками о стол. Его светло-голубые глаза пылали под желтоватыми бровями.

— Этот сарацин считает, что может вмешиваться в наши внутренние дела! И вот вам мой ответ: ВОЙНА!

— Не горячитесь, ваше величество, — произнес Сэм. — Вы, конечно, можете сходить с ума оттого, что я, фермер из Миссури, указываю вам, как лучше строить солдат в колонну,

но истина в данный момент заключается в том, что мы должны позаботиться о своей защите. Нам не удастся оккупировать такую большую территорию.

— А кто говорит об оккупации?! — закричал Иоанн. — Мы перебьем одну половину и посадим другую на цепь!

— Мир сильно изменился после вашей смерти, Иоанн... Ах да! Ваше величество! По общему мнению, существуют более эффективные и утонченные формы рабства, чем цепи и кровавая резня. Однако мне не хотелось бы спорить сейчас о сути определений. Помните анекдот о старом быке, теленке и стаде коров? Так вот, давайте не будем суетиться. Придет время, и мы овладеем всеми этими странами. А пока я предлагаю временно ввести в Совет одного из наших чернокожих граждан и отправить его к Хакингу.

— В нашей хартии нет положения о временном избрании в Совет, — возразил Лотар.

— Мы внесем поправку, — ответил Сэм.

— Это потребует народного референдума.

Иоанн фыркнул от отвращения. В свое время он и Клеменс жарко спорили по поводу прав и обязанностей граждан.

— Есть еще одна проблема, — Лотар по-прежнему улыбался, но в его голосе чувствовалось раздражение. — Хакинг требует, чтобы мы позволили Фаербрассу посетить Пароландо с ознакомительным визитом. Их интересуется наша военная техника и особенно аэроплан.

Иоанн вспыхнул и забрызгал слюной:

— Он требует, чтобы мы приняли его шпиона?!

— Фаербрасс — не шпион, — ответил Сэм. — Он возглавляет штаб Хакинга. Насколько я слышал, этот малый имел докторскую степень в области физики и работал на Земле инженером-конструктором. Что вы о нем узнали, Лотар?

— Я встречался с ним несколько раз, и он произвел на меня хорошее впечатление, — ответил фон Рихтхофен. — Фаербрасс родился в 1974 году в городе Сиракьюс, штат Нью-Йорк. Отец — черный, мать — наполовину ирландка, наполовину ирокезка. Он участвовал во второй экспедиции на Марс, а также в первом полете на орбиту Юпитера...

Сэм даже открыл рот от восхищения. Человек, который летал в космос, бродил по пескам Луны и Марса! Настоящий герой из книг Жюль Верна и романов о Фрэнке Риде-младшем*.

---

* Персонаж первого в истории еженедельника, посвященного научной фантастике. За 6 лет (1892—1898) вышло более 180 повестей о Фрэнке Риде. (Примеч. ред.)

Фантастика, но совсем другого рода, чем мир Реки или светский мир 1910 года. Эти два мира не мог понять ни один разумный человек.

— Если вы не возражаете, Иоанн, мы ознакомим Совет с теми требованиями, которые выставил Хакинг, — сказал Клеменс. — Нам надо как можно быстрее провести народный референдум по вопросу о временном советнике. И лично я остановился бы на кандидатуре Узии Каубера.

— Скажите, а он не был рабом в своей земной жизни? — спросил Лотар. — Хакинг сказал, чтобы мы не вздумали посылать к нему кого-нибудь вроде дядюшки Тома.

«Ставший однажды рабом остается им навсегда, — подумал Сэм. — Даже когда раб восстает, убивает или погибает, сражаясь за свои права, он не считает себя свободным человеком. У тех, кто с детских лет дышал зловонием рабства, каждая мысль и каждый поступок несут отпечаток неволи, укрепляя тем самым мир геноцида и дискриминации. Каубер родился в 1841 году в Монтгомери, штат Алабама. Научившись читать и писать, он служил секретарем у своего хозяина, потом убил его сына и бежал на Запад, где в 1863 году стал ковбоем, а позже — рабочим на золотых приисках. В 1876 году его грудь пронзило копьё сиу, и бывший раб погиб от руки того, кто не желал уходить в резервации. Каубер восхищался миром Реки, потому что здесь никто не мог бы удержать его на цепи, однако душой и телом он по-прежнему оставался рабом. Да, он высоко держал голову и дерзко отвечал на грубые вопросы. Но если бы кто-то щелкнул кнутом, он склонился бы в рабском поклоне — еще до того, как понял бы, что вновь ведет себя по-рабски».

Зачем же этикам понадобилось возвращать их к жизни? Неужели они думали, что мужчины и женщины, погибшие на Земле, залижут здесь свои душевные раны? Сторонники Второго Шанса твердили, что людям надо изменить самих себя — измениться полностью и окончательно. Но они были лишь кучкой мечтателей, наглотавшихся мечтательной резинки.

— Если Хакинг назовет Каубера дядюшкой Томом, он об этом горько пожалеет, — сказал Сэм. — Каубер не из тех, кто безропотно сносит оскорбления. Вот почему я предлагаю послать в Душевный Город именно его.

Желтоватые брови Иоанна приподнялись. Клеменс знал, о чем тот сейчас думал. Король уже размышлял над тем, как ему использовать будущего члена Совета.

Взглянув на водяные часы, Сэм покачал головой и тяжело вздохнул:

— Пора начинать инспекторский обход. Прошу извинить меня, Иоанн. Я присоединюсь к вам через несколько минут.

Сэм сел за стол, чтобы сделать несколько записей в дневнике. Таким образом он давал Иоанну возможность выйти первым, как то подобало экс-королю Англии и доброй части Франции. Клеменсу не хотелось заводить нелепый спор о том, кто и кому должен уступать дорогу, но Иоанн опротивел ему настолько, что он не желал дарить отставному монарху даже такую пустяковую победу. Вот почему во избежание новых ссор и истерических воплей Иоанна он сослался на незавершенную работу.

Сэм догнал группу советников почти у стен фабрики, где вырабатывалась азотная кислота. Они торопливо прошли по цехам и лабораториям. Даже желудок гиены не удержал бы еды, глотни она той вони, которая исходила от чанов с серной и азотной кислотой, от продуктов сухой перегонки для создания древесного спирта, от креозота, терпентина и уксусной кислоты и, наконец, от адской смеси формальдегида, человеческих экскрементов и лишайника, которые выделяли нитрат калия. В сталелитейном и кузнечном цехах советников пропекло и оглушило. На фабрике по обработке известняка они покрылись белой пылью. А затем их еще раз пропекло, оглушило и обдало зловонием на огромном алюминиевом заводе.

Оружейная мастерская, расположенная на вершине холма, в данный момент не работала. Если не считать отдаленных шумов, здесь было тихо и спокойно. Правда, вид отсюда открывался невзрачный — перекопанная земля, спиленные деревья и черный дым от заводов, который тянулся вдоль Реки на несколько миль.

У входа их встретил ван Бум — главный инженер Пароландо, выходец из конца двадцатого века, симпатичный парень с темно-бронзовой кожей и курчавыми волосами. Его рост достигал шести футов трех дюймов, а вес — двухсот пятидесяти фунтов. Он родился в Канаде во время Кровавых годов.

Ван Бум радушно приветствовал Сэма и холодно кивнул королю Иоанну, к которому относился с брезгливой неприязнью.

— Все готово, — сказал он. — Но прежде чем приступить к демонстрации, я хотел бы высказать некоторые замечания. Эта детская игрушка выглядит очень впечатляюще. Она создает много шума и действительно может убивать. Тем не менее такое оружие неэффективно и, я бы сказал, расточительно.

— Вы говорите о нем, как настоящий конгрессмен, — с усмешкой произнес Сэм.

Ван Бум провел их в высокие ворота просторного бамбукового строения. Внутри, на одном из верстаков лежало нечто похожее на ружье. Инженер поднял громоздкое оружие, которое казалось великоватым даже для его больших рук, и торжественно зашагал к выходу. Остальные потянулись за ним. Клеменс протянул руку к ружью, но инженер словно и не заметил его жеста. Сэм даже немного рассердился. И вообще, если демонстрировать ружье следовало снаружи, какого черта ван Бум не сказал им об этом сразу?

— Ох уж эти инженеры, — проворчал он.

Пожав плечами, Клеменс поспешил за остальными. Легче заставить идти заупрямившегося миссурийского мула, чем переубедить упрямого, как мул, ван Бума.

Серебристо-серый ствол ружья засиял в лучах полуденного солнца. Инженер покрутил оружие в руках и приступил к объяснениям.

— Данная модель называется «Марк-1» — в честь нашего босса, который ее и придумал.

Гнев Сэма растаял, словно лед на Миссури в весеннюю оттепель.

— Это однозарядное ружье с кремневым ударным механизмом, — продолжал ван Бум. — Ствол нарезной и легко отделяется от остальной части оружия. Сейчас я покажу вам, как оно заряжается. Прежде всего надо нажать на этот стопор с левой стороны ружья. Он освободит замок казенной части.левой рукой сгибает ствол, и это движение автоматически взводит спусковой крючок. Предохранитель здесь действует как плечо рычага, которое оттягивает боек в заднее положение. — Он сунул руку в сумку, которая висела на его поясе, и вытащил оттуда крупный полусферический предмет. — Это бакелитовая пуля шестидесятого калибра, сделанная из фенолформальдегидной смолы. Вставлять ее нужно сюда. Как видите, ее выступы плотно входят в фаски ствола. — Он вытащил из сумки небольшой блестящий цилиндр из алюминиевой фольги. — Здесь внутри находится заряд пороха, завернутый в нитроцеллюлозу. В недалеком будущем для этой цели будет использоваться кордит. Впрочем, к тому времени мы, очевидно, уже откажемся от подобного типа оружия. Итак, я вставляю заряд в патронник. Обратите внимание, что капсюль направлен в нашу сторону. Вы спрашиваете, из чего он сделан? Из скрученной нитрированной бумаги, пропитанной порохом. Теперь я поднимаю ствол левой рукой, затворяю казенную часть, и «Марк-1» готов к стрельбе. Если по каким-либо причинам капсюль не воспламенится, вы можете

всыпать немного пороха в эту вспомогательную прорезь. В случае осечки взводите курок большим правым пальцем. При каждом выстреле гильза выбрасывается в отверстие с левой стороны. Чтобы они не попадали в лицо стрелка, здесь установлен небольшой защитный щиток.

Помощник ван Бума принес большую деревянную мишень и установил ее на раме с четырьмя ножками. Цель находилась на расстоянии двадцати ярдов. Ван Бум повернулся к ней, поднял ружье и осмотрелся по сторонам.

— Прошу вас встать за мной, джентльмены, — сказал он. — Ствол еще не опробован и может разорваться. При полете поверхность пули нагревается, и поэтому бакелит оставляет позади себя вполне различимую полосу дыма. Из-за малого веса пластиковой пули нам пришлось увеличить калибр. Однако крупные размеры усилили сопротивление воздуха, и это отразилось на тактико-технических данных. Тем не менее, если мы пустим «Марк-1» в серийное производство — против чего я категорически возражаю, — калибр пули придется доводить до семидесяти пяти единиц. В настоящий момент дальность поражения достигает пятидесяти ярдов, но после тридцати ярдов точность ухудшается, и я не советую вам стрелять по целям дальше этого расстояния.

В бойке находился кусочек кремня. Когда ван Бум нажал на курок, раздался щелчок, кремень чиркнул по шершавой фрезе, и искры посыпались на зарядную полку. Капсюль порохового заряда воспламенился, раздался выстрел, и на все это ушло столько времени, чтобы успеть сказать «щелк-пш-ш-бабах». Ван Бум снова прицелился, так как ствол при ударе тяжелого бойка отклонился в сторону.

Пуля оставила после себя тонкую полосу дыма, которая тут же растаяла на ветру. Сэм, выглянув из-под локтя ван Бума, увидел пологую дугу дымного следа, а потом мишень дрогнула, и в ее центре возникла большая дыра. Очевидно, главный инженер уже успел пристреляться; во всяком случае, его выстрел произвел на советников огромное впечатление.

— Такая пуля не может пробить человеческое тело насквозь, но наносит тяжелые ранения, — объяснял ван Бум. — Она раздробит на куски любую кость.

Целый час консулы и члены Совета с ребяческим восторгом стреляли по очереди из ружья. Король Иоанн буквально сиял от восторга. Он впервые в жизни видел огнестрельное оружие и даже не пытался скрыть своего благоговейного трепета. Его знакомство с порохом состоялось через несколько лет после воскрешения, но до сего времени он имел дело только с бомбами и деревянными ракетами.

Наконец ван Бум сказал:

— Если вы будете продолжать в таком же темпе, джентльмены, наш запас пуль подойдет к концу — а на них, между прочим, ушло немало труда и материалов. По этой причине я предлагаю закончить контрольные испытания. Как видите, у «Марка-1» есть два больших недостатка: во-первых, точность стрельбы возможна только на ограниченном расстоянии; а во-вторых, на выстрел уходит слишком много времени и пороха. Хороший лучник может свалить трех стрелков с ружьями, пока те будут заряжать свои мушкеты и приближаться на тридцать ярдов. Кроме того, пластиковые пули нельзя использовать по нескольку раз, как стрелы.

— Все это мелочи! — возразил Сэм. — Поймите, огнестрельное оружие еще раз продемонстрирует нашим врагам технологическое и военное превосходство Пароландо. Мы напугаем до смерти любую армию еще до того, как начнется битва. Вы забываете, что обучение хорошего лучника занимает много времени — а из ружья можно стрелять уже после первой вводной лекции.

— Это верно, — согласился ван Бум. — Но будет ли какой-нибудь толк от вашего скороспелого стрелка? На мой взгляд, нам надо делать стальные арбалеты. Их скорострельность почти не уступает лукам, а обращаться с ними так же просто, как с ружьями. У стрел есть два огромных преимущества: их можно использовать много раз и они, черт возьми, более смертоносны, чем эта шумная и вонючая хлопушка.

— Нет, сэр, подождите! Здесь вы абсолютно не правы! — воскликнул Сэм. — Я вынужден настаивать на изготовлении хотя бы пары сотен ружей. Мы экипируем ими боевой отряд пароландских пистольеро, и вы увидите, наши воины станут ужасом Реки! Да-да, вы еще увидите!

ГЛАВА 18

На этот раз король Иоанн принял сторону Сэма. Два первых ружья, по мнению экс-монарха, следовало отдать ему и Клеменсу, а следующую дюжину он потребовал для своих телохранителей. Далее они могли приступить к организации и тренировкам отряда пароландских стрелков.

Сэм был благодарен за поддержку, но пообещал себе тщательно проверить каждого человека, принятого в отряд. Ему не хотелось, чтобы стрелков набирали только из преданных Иоанну людей.

Ван Бум не скрывал своего возмущения.

— Если вы не понимаете слов, давайте держать пари. Я сделаю хороший тисовый лук и двенадцать стрел, а потом

встану в пятидесяти ярдах от вас. По сигналу ваша восьмерка начнет стрелять в меня из ружей с какого угодно расстояния. Я обещаю уложить всех вас еще до того, как вы приблизитесь на опасную дистанцию! Хотите попробовать? Я ставлю на кон свою жизнь!

— Мистер ван Бум, не будьте ребенком! — упрекнул его Сэм.

Инженер патетически закатил глаза:

— И меня же еще называют ребенком! Посмотрите на себя! Вам просто захотелось поиграть с ружьями, и ради этого вы готовы поставить под удар Пароландо и... ваш корабль.

— Как только ружья будут готовы, вы можете приступить к изготовлению арбалетов, — ответил Сэм. — И знаете, что я сейчас придумал? Мы должны сделать для наших стрелков бронированные доспехи! Они полностью перечеркнули все ваши возражения. Как же я раньше до этого не додумался? Сталь отразит любое оружие каменного века. Вы только представьте себе такую картину! Враги стреляют из тисовых луков — а нам плевать на кремневые наконечники их стрел! Противник и оглянуться не успеет, как мы вышибем его в другую страну.

— Вы забываете, что в обмен на сырье мы отдаем нашим соседям руду и оружие, — сказал ван Бум. — На вражеских стрелах могут оказаться стальные наконечники, которые пробьют вашу броню.

— С вами трудно иметь дело, — со вздохом ответил Сэм. — Наверное, это объясняется тем, что вы наполовину голландец.

— Если ваш тип мышления типичен для всех белых, то я рад, что родился зулусом, — парировал инженер.

— Давайте не будем ссориться, — ответил Сэм. — И примите наши поздравления по поводу создания прекрасного ружья. Хотите, мы назовем его «Ван Бум», модель первая? Как вам такое название?

— Я не хочу, чтобы мое имя имело какое-то отношение к орудиям убийства, — сказал инженер. — Ладно, будь повашему! Вы получите свои двести ружей. Только в серийный поток мы пустим не это дерьмо, а улучшенную версию «Марк-2».

— Дайте нам сначала двести ружей первой модели, — произнес Сэм. — «Марк-2» подождет. В погоне за идеальным оружием мы можем оказаться в критический момент вообще без ничего. Кроме того...

Он принялся обсуждать особенности «Марка-2». Клеменс имел неутолимую страсть к механическим приспособлениям. На Земле он изобрел множество вещей, которые, по его мнению, должны были принести ему богатство. Первой в

этом списке стояла типографская машинка Пейджа, на которую он угрохал — именно угрохал — все деньги, полученные за книги. Сэм с горечью вспомнил об этом ненасытном монстре, и на миг вместо ван Бума перед ним возникла жалкая фигура Пейджа. Он даже вздрогнул от беспричинной паники и давно забытой вины.

Ван Бум перевел разговор на огромное количество материалов, вложенных в строительство ПА-1 — образца их первого аэроплана. Пропустив мимо ушей жалобы инженера, Клеменс направился к ангару, построенному в миле к северу от его дома. Советники поспешили следом. Аэроплан находился на стадии завершения, но по-прежнему выглядел как скелет птеродактиля с тростниковой корзиной вместо кабины.

— Он напоминает мне самолеты, которые строились в 1910 году, — сказал фон Рихтхофен. — Управляя этой стальной стрелой, я буду сидеть в кабине, открытый выше пояса всем ветрам. Сейчас главной задачей является проверка мотора, который работает на древесном спирте. Мы еще не уверены, что он поднимет эту штуку в небо.

По словам барона, первый полет должен состояться через три недели. Фон Рихтхофен показал Сэму чертежи ракетных установок, которые предполагалось закрепить под крыльями.

— Мы думаем оснастить самолет шестью небольшими ракетами, но основным его назначением будет являться разведка. Против ветра нам вряд ли удастся выжать сорок миль в час, но полет есть полет — даже на такой черепаший скорости.

Сэм огорчился, что в кабине не предусмотрено второе сиденье. А ему так хотелось подняться в воздух — впервые в жизни, вернее, впервые за две жизни. Фон Рихтхофен пообещал, что следующая модель будет двухместной и Клеменс станет первым авиапассажиром в мире Реки.

— Только сначала вы все проверьте как следует, — добавил Сэм.

Он ожидал, что Иоанн начнет протестовать и настаивать на своем первенстве. Но тому, очевидно, не хотелось расставаться с землей.

Обход завершился на верфи, расположенной у Реки между ангаром и домом Клеменса. Там, окруженный строительными лесами и подпорками, стоял вездеход — гордость и козырная карта Пароландо. Рабочие обещали спустить его на воду через неделю. «Огненный дракон-1» представлял собой прообраз танка-амфибии, который Сэм планировал использовать в качестве катера на большом пароходе. Это была прекрасная боевая машина тридцати двух футов длиной, с броней из

стали и толстых листов дюралюминия, с гребными винтами и тремя орудийными башнями на верхней палубе. Мощный двигатель работал на древесном спирту. Команда состояла из одиннадцати человек. Вездеход развивал огромную скорость как на суше, так и на воде. Сэм Клеменс гордился им, как своим детищем, и считал его непобедимым.

Похлопав ладонью по холодной броне, он взглянул на советников и с усмешкой сказал:

— Зачем нам тревожиться о каких-то лучниках? Или даже о целой армии? Этот джаггернаут может сокрушить любое государство в речной долине. Недавно мы установили на нем паровые пушки — наше последнее изобретение! Такого оружия не было даже на Земле, а что уж говорить об этом мире! Теперь вы понимаете, почему нам понадобился паровой котел?

Как всегда, обход поднял его настроение. Правда, строительство корабля только начиналось, но всему свое время. Прежде требовалось защитить Пароландо и сделать необходимые приготовления. Клеменс еще раз усмехнулся, потер ладони и удовлетворенно запыхтел сигарой, втягивая в легкие зеленый дым.

А потом он увидел Ливи.

Сэму вспомнилось ее пожелтевшее лицо, измученное многолетней болезнью, блеклые остекленевшие глаза, когда она умерла в Италии в 1904 году. Там, в горе и нужде, она любила его и только его! А теперь, воскресшая, молодая и красивая, она отдала свою любовь другому мужчине.

Приближалось время обеда, и Ливи направлялась к питающему камню. Очаровательную грудь прикрывал тонкий полупрозрачный шарф; алые края белой юбки достигали середины бедер. Сэм не мог отвести глаз от ее прекрасной фигуры, длинных и стройных ног, прелестного и дорогого лица, которые он когда-то целовал и ласкал в далекой прошлой жизни. Все те же большие сияющие глаза и шелковистый гладкий лоб, влекущие губы и маленькие белые зубки. Ливи, как и прежде, расчесывала волосы на пробор, а вдоль щек, почти до плеч, спускались два локона. За ушком виднелась малиновая «роза», которую она сорвала с лианы, обвивавшей «железное» дерево. Высокую шею украшало ожерелье из красных спиральных позвонков рогатой рыбы.

Сердце забило, как маленькая птица, посаженная в тесную клетку. Сэм почувствовал себя беспомощным и робким.

А она приближалась, плавно покачивая бедрами, и ее груди подрагивали под тонкой тканью. Там, на Земле, Оливия вела себя очень скромно и всегда носила длинные платья, скрывающие тело от шеи до лодыжек. Она стеснялась даже

его, своего мужа, и никогда не раздевалась перед ним при свете. Но теперь ее вид напоминал ему полуобнаженных женщин с Сандвичевых островов.

Осознав свою ханжескую щепетильность, Сэм тут же понял причину этого чувства. Свое невольное влечение к туземкам он вытеснил надуманным отвращением к их наготы. Однако оно не имело никакого отношения к поведению полинезийцев и объяснялось только его внутренней закомплексованностью.

Ливи получила пуританское воспитание, но оно не уничтожило в ней живое существо. Даже там, на Земле, ей нравилось пить спиртное и особенно пиво. Она несколько раз пробовала курить, порою сильно сомневалась в Боге, а позже, переняв привычку Сэма, любила выдать парочку крепких ругательств, когда девочек не было рядом. Однако ее зря обвиняли в том, что она подвергала его книги строгой цензуре и якобы кастрировала их до неузнаваемости. Нет-нет, этим цензором являлся он сам.

Впрочем, Ливи всегда умела приспособливаться к окружению. Она брала от жизни все, что хотела. Перечеркнув двадцать лет надежд и ожиданий Сэма, она влюбилась в Сирано де Бержерака, и необузданный француз пробудил в ней женщину, о которой мечтал теперь ее бывший муж. К своему стыду и смущению, Сэм признавал, что ему помешало сделать это нелепые моральные запреты и простая сексуальная безграмотность. Хотя после долгих лет в мире Реки и частого употребления мечтательной резинки от его былой сдержанности остались жалкие крохи.

Тем не менее он опоздал — опоздал навсегда. Но вот если бы Сирано погиб в бою или, например, под случайно упавшим грузом...

— Привет, Сэм, — сказала она по-английски. — Прекрасный денек сегодня, правда?

— Здесь каждый день прекрасен, — ответил он. — Трудно что-то сказать о погоде, когда она сама говорит за себя.

Ливи звонко рассмеялась, и Сэм почувствовал, как по его виску покатилась капелька пота.

— Ты не составишь мне компанию? — спросила она. — Скоро обед, и я иду к питающему камню.

Каждый день Сэм давал себе клятву обходить ее стороной, чтобы не трепать понапрасну нервы. И каждый день снова искал повод для встречи с Ливи, по-детски надеясь на какое-то чудо.

— Как поживает Сирано? — спросил он.

— О-о! Он просто счастлив. Билдрон, мастер по ковке мечей, обещал сделать ему рапиру — конечно, после того, как одарит шпагами тебя и всех членов Совета. А Сирано так

долго ждал! Мы ведь и пришли сюда ради этой рапиры. Кто-то рассказал ему об упавшем метеорите, мы тут же собрались и отправились в путь. И вскоре величайший фехтовальщик в мире докажет вам всем, что его репутация не выдумка и не плод фантазии, как утверждают некоторые лжецы.

— Успокойся, Ливи. Никто из нас не говорил, что подвиги твоего Сирано высосаны из пальца. Просто их немного преувеличили, вот и все. Не станешь же ты убеждать меня в том, что он в одиночку отбил атаку двухсот солдат.

— Но он действительно участвовал в сражении при Порте-де-Несле! И там не было двухсот солдат! Ты снова пытаешься превратить все в фарс. В тот день на него напала толпа наемных бандитов — максимум сотня или около того. Да пусть их даже было двадцать пять! Какая разница? Спасая шевалье де Линьера, Сирано разогнал мерзавцев, как стадо овец. Двоих он убил, семерых ранил, а остальные разбежались кто куда. И поверь мне, это чистая правда!

— Я не намерен обсуждать достоинства и заслуги твоего мужчины, — ответил Сэм. — И мне не хочется спорить и ссориться с тобой. Давай лучше поговорим о былых днях, когда мы не могли жить друг без друга — о том времени, когда ты еще не болела.

Ливи остановилась. Ее лицо стало мрачным.

— Я всегда знала, что ты ненавидел меня из-за этой болезни.

— О чем ты говоришь! Я любил тебя, Ливи! Любил! И еще меня мучила вина за то, что ты болела, а я был здоров. Но мне бы и в голову не пришло обижаться на тебя за твою болезнь — тем более ненавидеть. Ненависть я всегда приберегал только для самого себя.

— Похоже, с ненавистью я действительно перегнула, — ответила Ливи. — Но моя болезнь была тебе в тягость, и ты демонстрировал мне это самыми разнообразными способами. Ты, конечно, мог считать себя нежным и благородным мужем — и по большому счету имел на это право — но бывали моменты, когда твой взгляд, бормотание и жесты... О Боже! Я просто не в силах этого описать! Ты негодовал, испытывал ко мне отвращение, а я все чувствовала и страдала от того, что была больна!

— Нет, Ливи! Нет!

Услышав его громкий крик, несколько человек обернулись в их сторону.

— Что толку спорить об этом? Сердился ты на меня или ненавидел — теперь это не имеет никакого значения. Я любила тебя, Сэм, да и сейчас еще немного люблю. Но между нами больше ничего не будет.

Всю остальную часть пути он молчал. Дым сигары казался вонью подгоревшей капусты.

Сирано к питающему камню не пришел. Он руководил строительством стены, которая возводилась на берегу Реки. Сэм даже вздохнул от облегчения. Ему с трудом давались эти встречи с Ливи, но, когда рядом был и француз, он просто не находил себе места.

Они расстались, даже не взглянув друг на друга.

К нему приблизилась красивая женщина с пушистыми волосами цвета меди. На какое-то время Сэм отвлекся от горестных мыслей. Ее звали Гвенафрой. Она родилась в той стране, которая позже стала Корнуоллом. Смерть настигла ее в семилетнем возрасте, когда финикийцы приплыли к ним и захватили оловянный рудник. Она воскресла среди людей, которые не понимали древнекельтского языка, и ее приняла община англичан. По словам Гвенафры, этих людей возглавлял сэр Ричард Фрэнсис Бёртон — тот самый, которого Сэм, возможно, видел на берегу перед падением метеорита. Бёртон и его друзья построили небольшой парусный корабль и отправились к верховьям Реки — что вполне соответствовало характеру человека, который полжизни изучал неисследованные области Африки и других континентов. На Земле он искал истоки Нила и нашел вместо них озеро Танганьика. В этом мире Бёртон снова пустился на поиски истока — истока самой величайшей из всех рек. И его не пугала мысль о том, что Река тянулась на десять миллионов миль.

Почти год спустя после начала плавания их корабль атаковали речные пираты. Один из злодеев ударил маленькую Гвенафру ножом и бросил ее в Реку. Утонув, она вновь воскресла далеко на севере. Там было холоднее, небеса казались тусклыми, а местные жители говорили, что через двадцать тысяч камней начиналась жуткая страна, где над горами появлялся лишь краешек солнца. В том сумеречном краю обитали волосатые люди, похожие на обезьян, чей рост достигал трех ярдов, а вес — восьмисот фунтов.

(Сэм знал, что она говорила о титантропах — сородичах Джо Миллера.)

Люди, к которым попала Гвенафра, общались на Suomenkielta, то есть на финском языке. Чуть ниже по Реке жили шведы — мирный народ из двадцатого века. Гвенафра росла в покое и довольстве; приемные родители заботились о ней, как о родной дочери. Она выучила финский, шведский и английский языки, освоила эсперанто и китайский диалект четвертого века до Рождества Христова.

В один из дней, по роковой случайности, она утонула и оказалась здесь. Вспоминая Бёртона, Гвенафра испытывала к нему свою первую девичью любовь, но, будучи реалисткой, не раз делила ложе с другими мужчинами. Сэм слышал, что она недавно порвала с очередным любовником. Ей хотелось найти преданного и верного спутника, которого она могла бы назвать своим мужем. Однако верных мужчин в этом мире найти было непросто.

Гвенафра нравилась Сэму. Он давно предложил бы ей поселиться в его доме, если бы не страх рассердить Ливи — нелепый и детский страх. Сблизившись с Сирано, она не имела на Клеменса никаких прав. И Ливи не раз говорила ему, что ее не волнует его личная жизнь. Но он боялся брать в дом другую женщину, так как это навсегда разорвало бы то тонкое и последнее звено, которое связывало его и Оливию.

Поговорив с Гвенафрой, Клеменс с удовольствием убедился, что девушка все еще свободна.

ГЛАВА 19

Обед получился неудачным. «Колесо рулетки», спрятанное где-то между первым и вторым дном грааля, выдало наперченное мясо, которое могли бы проглотить только индейцы из племени гошатов. Впрочем, и их потом скрутила бы изжога. Сэм выбросил еду в мусорную корзину и в качестве утешительного приза извлек из грааля две сигары, пачку сигарет и шесть унций незнакомого, но изысканного напитка, от запаха которого его вкусовые сосочки пустились в пляс.

Последовавшее затем заседание Совета заняло три часа. После многочисленных пререканий и нескольких длинных речей было решено вынести на всеобщее голосование вопрос о конституционной поправке и выборах временного советника. Король Иоанн задержал совещание на час, поставив под сомнение необходимость подобного референдума. Он требовал принять поправку непосредственно на заседании Совета и не понимал, к чему вся эта суeta из-за такого пустякового дела. Все доводы Сэма отскакивали от него как от стенки горох, поскольку бывший монарх органически не переваривал идею демократии.

Совет единодушно проголосовал признать Фаербрасса полномочным послом Душевного Города. Иоанн предложил приставить к нему нескольких наблюдателей, и советники согласились, что это очень ценное предложение.

Воодушевленный похвалой, король встал и произнес пылкую речь, временами сбиваясь с эсперанто на франко-нормандский диалект. Иоанн считал, что их страна должна

захватить Душевный Город, прежде чем черные сарацины двинутся войной на Пароландо. По его словам, вторжение следовало начать сразу же после изготовления ружей и «Огненного дракона-1» — их славного бронированного вездехода. Однако вначале он советовал опробовать оружие и стрелков на более слабой, но дерзкой Новой Бретани, так как, по сведениям его шпионов, принц Артур усиленно готовился к захвату железного рудника.

Два прихлебателя Иоанна поддержали его воинственные устремления, но остальные, включая и Клеменса, проголосовали против. Бывший монарх покраснел от гнева. Он выругался, грохнул кулаком по дубовому столу, но никто из советников не изменил своего решения.

После ужина сигнальные барабаны передали сообщение из Душевного Города. Фаербрасс обещал прибыть на следующий день, немногим раньше обеда.

Сэм удалился к себе. При свете лампы, заправленной рыбьим жиром, — в канун долгожданной электрификации — он, ван Бум, Таня Велицкая и Джон Уэсли О'Брайен обсуждали узлы парохода и рисовали черновые эскизы. Бумаги катастрофически не хватало, и они с ужасом думали о тех временах, когда им потребуются рабочие чертежи корабля. Однако, как оказалось, ван Бум уже позаботился об этом, и химики пообещали ему наладить производство особой пластиковой «бумаги». Предполагалось, что линии будут выполняться магнитными «карандашами», а вместо ластиков планировалось использовать размагничивающие устройства. Сэм похвалил инженера за предусмотрительность, но потребовал приступить к строительству парохода сразу после ходовых испытаний танка-амфибии. Ван Бум стал возражать. По его мнению, сначала следовало закончить подготовительные работы.

Перед окончанием встречи он вытащил из чехла ружье и протянул его Сэму Клеменсу.

— Пока у нас их только десять, — сказал он. — Но этого «Марка» мы дарим вам как знак уважения всех инженеров Пароландо. Вот здесь двадцать пороховых зарядов и двадцать пластиковых пуль. Если вы положите под подушку заряженное ружье, ваш сон станет гораздо крепче.

Клеменс поблагодарил его, и инженеры ушли. Закрыв за ними дверь, Сэм отправился в заднюю комнату, чтобы немного поболтать с Джо. Тот еще не спал. Он отказался принимать успокоительное и сказал, что утром попытается встать с постели. Пожелав другу спокойной ночи, Клеменс ушел в свою спальню, которая находилась рядом с «рулевой рубкой». Выпив пару глотков бурбона, он лег и заснул с

печальной мыслью о том, что ночь разбудит его неистовым шумом дождя и ему снова придется крутиться с боку на бок, хватая за хвост свой увертливый и пугливый сон.

Его действительно разбудил шум. Однако дождь давно прошел. Откуда-то издалека доносились крики. Внезапно прогремел взрыв, и дом закачался на опорах. Вскочив с постели, Сэм быстро обмотал талию покрывалом, схватил топор и побежал в «рулевую рубку». Он запоздало вспомнил о ружье, но решил вернуться за ним позже.

Вдоль берега Реки стелился густой туман, и из него выбегали сотни темных человеческих фигур. Над зыбкой пеленой виднелись кончики высоких мачт. На холмах и равнине пылали факелы и грохотали барабаны.

Раздался еще один взрыв. Яркая вспышка разорвала предутренний мрак и осветила тела, разлетающиеся в разные стороны.

Взглянув в правый иллюминатор, Сэм увидел, как из ворот бревенчатого дворца выбегают люди Иоанна. Среди них он заметил коренастую фигуру бывшего короля.

Из речного тумана появлялись все новые и новые фигуры. В ярком свете звезд отчетливо виднелись развернутые шеренги врагов. Их отряды неудержимо прорывались через равнину к холмам, а передние ряды уже приближались к заводской зоне. Внутри двух фабрик прозвучали взрывы. Нападавшие пытались вытеснить защитников с оборонительных рубежей и забрасывали их ручными бомбами. Внезапно Клеменс увидел красный шлейф ракеты. Впереди, в центре огненного клубка, виднелось что-то черное. Он бросился на пол, и в ту же секунду снаряд взорвался под «рубкой». Пол накренился, оконные стекла разлетелись вдребезги, и Сэма окутал едкий дым, который тут же отнесло в сторону порывом ночного ветра.

Клеменс хотел вскочить и побежать, но не мог шевельнуться. Его контузило при взрыве снаряда. Не в силах сбросить удушающего оцепенения, он с ужасом ждал новой ракеты — более точной и роковой.

Огромная рука встряхнула его за плечо и подняла вверх. Другая рука обхватила колени. Сэм почувствовал, что его куда-то несут. Коснувшись щекой волосатой груди, он понял, кому принадлежат эти мускулистые и теплые руки. Низкий голос прорвал глухоту, и из темного туннеля померкшего сознания донеслись слова:

— Все нормально, босс. Успокойся.

— Опусть меня, Джо, — прошептал Сэм. — Я в полном порядке, и мне стыдно, что ты меня несешь. А если я снова

почувствовал стыд, значит, со мной действительно все нормально.

Темнота перед глазами поблекла; вакуум в голове заполнился обрывками мыслей и чувством относительного спокойствия. Вид массивного титантропа вернул ему смелость и рассудительность. Добрый старый Джо — пусть он был немного глуповат и в данный момент немного болен, его не заменил бы и целый батальон.

Джо надел кожаный панцирь. В одной руке он сжимал огромный топор с двойным лезвием.

— Кто эти люди? — спросил он. — Они из Душевного Города?

— Не знаю, — ответил Сэм. — Как ты себя чувствуешь? Я имею в виду твою голову.

— Болит. Но я все равно буду зражать. Куда мы пойдем?

Сэм повел его вниз к подножию холма, где вокруг Иоанна собирались люди. Он услышал, как кто-то окликнул его по имени, и увидел высокую сухощавую фигуру де Бержерака. Рядом стояла Ливи. В одной руке она держала маленький деревянный щит, в другой — копье со стальным наконечником. Сирано возбужденно помахивал длинным клинком. Сэм недоверчиво покачал головой. В руке француза тускло мерцала рапира.

— *Morbleu!** — вскричал Сирано. — Кузнец отдал мне ее вчера после ужина! Он, наверное, понял, что больше тянуть не стоит!

Француз сделал изящный пируэт, и клинок рапиры со свистом рассек воздух.

Близкий взрыв заставил их броситься на землю. Клеменс осторожно приподнял голову и, не заметив других ракет, оглянулся на свой дом. «Рубка» получила прямое попадание — переднюю часть снесло взрывной волной. Пламя все ближе подбиралось к «техасу», и где-то там сейчас горел его дневник. На глазах у Сэма навернулись слезы. Он знал, что из всего имущества уцелеет только один грааль. Серый цилиндр не поддавался разрушению.

Через несколько минут пароландские ракетчики нанесли ответный удар из деревянных базук. Пламена огненными хвостами, снаряды мчались по пологим дугам, взрывались среди вражеских шеренг, и черный дым, окрашенный бликами пламени, относился в сторону от разорванных трупов и раненых солдат.

Прибывшие разведчики прояснили обстановку. Атака со стороны Реки велась одновременно в трех направлениях.

---

* Черт побери! (фр.)

Свои основные силы противник сосредоточил в центре, намереваясь, по всей видимости, захватить лидеров Пароландо, крупные фабрики и знаменитый вездеход-амфибию. Два других отряда действовали на флангах — в миле с каждой стороны. Вражеская армия состояла из воинов Новой Бретани, Клеоменджо и страны Альмакс, которая располагалась на другом берегу Реки. Дикари Альмакса некогда населяли Сибирь. За тридцать тысяч лет до Рождества Христова их племена переправились через Берингов пролив и положили начало истории американских индейцев.

«У Иоанна неплохая разведывательная сеть, — подумал Сэм. — А что, если он и спровоцировал это нападение? Нет, войдя в сговор с врагами, он не стал бы рисковать жизнью под градом ракет...»

Кроме того, принц Артур никогда бы не пошел на переговоры со своим убийцей.

Ракеты, выпущенные с обеих сторон, полосовали небо огненными дугами. Пятифунтовые боевые головки, начиненные каменной шрапнелью, наносили тяжелый урон. Защитники Пароландо имели преимущество: пока их ракеты взрывались в рядах противника, они прижимались к земле или прятались за стенами домов. Со своей стороны, захватчики не могли остановить атаки, так как это в конечном счете привело бы к их поражению.

Дрожа от страха, Клеменс лежал на земле и ожидал очередного шумного взрыва. Он молил небеса, чтобы следующая ракета упала не ближе предыдущей. Сквозь звон в полуоглохших ушах до него доносились душераздирающие крики раненых, но он был слишком напуган, чтобы думать о других. Внезапно вспышки ракет перестали расцвечивать ночь. Джо встряхнул Сэма за плечо, и тот изумленно поднял голову. Люди вокруг него торопливо вскакивали на ноги. Сержанты выкрикивали приказы оглохшим солдатам, равняя ряды и восстанавливая боевой порядок. Враг надвигался, обе стороны готовились к рукопашной, и никто уже не смел выпускать реактивные снаряды.

Впереди бурлило темное море — орда вопящих дикарей. Шквал стрел выкашивал их ряды, но они неудержимо рвались к вершине холма, перепрыгивая через раненых и мертвых. Устилая склон трупами, они смели передние шеренги пароландских воинов, и тогда в ход пошли копыта, дубины и топоры.

Сначала Сэм сражался рядом с Джо Миллером, который медленно продвигался вперед и дробил черепа врагов огромным топором. Потом гигант упал. Враги набросились на него, как стая шакалов на поверженного льва. Сэм рванул к нему на помощь. Проломив топором бамбуковый щит, он снес

какому-то альмаку голову и отсек у другого поднятую вверх руку. Жгучая боль полоснула его по ребрам. Сэма толкнули в спину, и топор, застрявший в чем-то черепе, вырвался из рук. Клеменс покатился по склону холма, налетел на груды бревен и в нескольких ярдах от себя увидел пылавшие развалины своего дома.

Рядом, почти под боком, валялось ружье — дарственный «Марк-1», который Сэм оставил у изголовья кровати. Неподалеку в траве лежали три патрона и несколько пластиковых пуль. Очевидно, их выбросило из дома взрывной волной.

Перед ним, сцепившись в смертельном поединке, боролись два воина. Постанывая от усилий и яростно вглядываясь в окровавленные лица друг друга, они кружились в медленном танце под крики и звон кровавой сечи. В одном из них Сэм узнал короля Иоанна. Второй был немного выше, но не так крепок телом. Он потерял свой шлем, и его каштановые волосы разметались по плечам. Голубые глаза сверкали холодным огнем, отражая пламя горевших домов.

Зарядив ружье пулей и пороховым зарядом, Сэм захлопнул ствол и поднялся на ноги. Двое мужчин, попеременно насаждая друг на друга, старались нанести решающий удар. Иоанн сжимал в правой руке стальной нож, а левой удерживал кисть противника, в которой находился стальной топор. Мужчина с каштановыми волосами, перехватив руку Иоанна, старался отклонить его нож от своих глаз.

Сэм осмотрелся и, не заметив поблизости врагов, приблизился к боровшейся паре. Он поднял ружье, прицелился и нажал на курок. Прозвучал сухой щелчок. Оружие вздрогнуло от удара тяжелого бойка. Как только Сэм выровнял ствол, раздался выстрел, и сквозь облако дыма он увидел, как противник Иоанна, отступив на шаг, повалился на землю. Пуля снесла ему правую часть черепа. Экс-монарх, задыхаясь, рухнул на его тело. Через минуту он встал и подошел к Сэму, который перезаряжал ружье.

— Благодарю вас, партнер! Вы только что убили моего племянника Артура!

Клеменс промолчал. Будь у него побольше выдержки, он подождал бы, пока Артур прикончит Иоанна, и только потом расправился бы с принцем. Но по иронии судьбы Сэм спас человека, чья смерть принесла бы ему огромное облегчение. В благодарность Иоанна он не верил. В прогнившей душе короля не было места для подобного чувства.

Зарядив ружье, Сэм побежал на поиски Джо Миллера. В гуще схватки он увидел Ливи, которая, шатаясь, отступала под натиском рослого альмака. Левая рука дикаря свисала

плетью, но он яростно размахивал каменным топором. У Оливии сломалось копьё. Она прикрывалась маленьким щитом, и тот трещал под градом ударов. Схватив ружье за ствол, Сэм обрушил приклад на голову альмака, и дикарь повалился наземь. Ливи, рыдая и хватая ртом воздух, упала на траву. Осмотрев ее раны, Клеменс убедился, что они не представляли собой ничего серьезного. Он снова отправился разыскивать Джо и вскоре заметил его на краю котлована. Миллер вновь рассекал толпы врагов, проламывая головы и калеча тела своим огромным стальным топором.

Сэм увидел воина с длинным копьём, который подкрадывался к титантропу сзади. Клеменс прицелился, выстрелил, и пластиковая пуля разнесла человеку грудную клетку.

Через несколько минут атака угасла. Среди альмаков началась паника, и они побежали к Реке. В серых сумерках рассвета было видно, как с севера и с юга приближались шеренги пароландских воинов. Разбив фланговые колонны врага, они спешили на помощь центру, и их численность раз в десять превосходила количество уцелевших дикарей. Вновь замелькали огненные хвосты ракет. Снаряды взрывались среди лодок и каноэ, которые ожидали отступавших воинов.

Сэм чувствовал себя слишком возбужденным, чтобы расстраиваться из-за убытков и потерь. Он впервые победил свой страх, который охватывал его во время каждого сражения. Более того, последние десять минут он упивался неистовым восторгом битвы.

Однако в следующий момент его приподнятое настроение сменилось раздраженным негодованием. Из людского месива на залитом кровью берегу появился обнаженный Герман Геринг. Его глаза пылали фанатичным огнем, на голове и теле виднелись рваные раны. Воздев руки к небу, он закричал:

— Братья и сестры! Стыдитесь дела рук своих! Остановите эту жестокую бойню! Ибо вы убиваете, вы ненавидите, вы жаждете крови и наслаждаетесь убийством! Почему бы вам не отбросить оружие прочь? Что вам мешает возлюбить своих врагов? Почему вы не даете им делать с вами то, что они хотят? Да, вас предадут мукам и жестокой смерти, но конечная победа — победа духа — останется за вами! И тогда враг почувствует вашу любовь! И в следующий раз он задумается, прежде чем начать войну! И тогда он снова и снова спросит себя: «Что же я делаю? Зачем я делаю это? Я же ничего не получаю от убийств и насилия» — и ваша любовь просочится в его очерствевшее сердце, и он...

Внезапно позади Геринга возникла коренастая фигура Иоанна. Он ударил проповедника рукояткой тяжелого ножа, и тот упал как подкошенный, уткнувшись лицом в песок.

— У нас и без того предателей хватает! — закричал Иоанн. — Где Тримальдио и Мордаунт? Где, черт возьми, эти гнусные шпионы?

— У них хватило ума убраться из Пароландо, — ответил Сэм. — Боюсь, вы больше никогда не увидите своих наемных убийц. Они поняли, что вам стало известно об их измене.

В принципе, Иоанн нарушил закон, ударив Геринга. Свобода слова была неотъемлемым правом каждого гражданина Пароландо. Однако Сэм понимал, что арест короля вызвал бы всенародное недовольство. В тот момент многим хотелось стереть Геринга в порошок.

Мимо него, пошатываясь от изнеможения, прошла Ливи. Сэм последовал за ней — туда, где на куче трупов сидел Сирано. Француз получил в бою двенадцать ран, но показал себя прекрасным воином. Кровь врагов покрывала клинок его рапиры до самого эфеса.

Ливи бросилась в объятия Сирано. Сэм отвернулся. Он спас ей жизнь, а у нее даже не нашлось для него слов благодарности.

Позади послышался треск и грохот. Оглянувшись, Клеменс увидел, что это рухнули развалины его дома.

Сэм почувствовал упадок сил. Однако он знал, что отдыхать ему сегодня не придется. Совету следовало оценить нанесенный ущерб. Мертвые тела предстояло перенести на фабрики, где их перетопленный жир должен был пойти на изготовление глицирина. Как бы омерзительно ни выглядел этот процесс, он позволял получать вещество, необходимое для взрывчатки. Поэтому никто из жителей не возражал против такого использования трупов. Люди знали, что после смерти они проснутся в новых телах, хотя и за много миль от заводов и фабрик Пароландо.

Кроме того, все население требовалось бросить на восстановление разрушенных укреплений и пополнение боевого арсенала. Необходимо было разослать курьеров и разведчиков для выяснения политической ситуации в соседних странах. Воины Альмакса, Клеоменджо и Новой Бретани могли вернуться и предпринять еще более мощное нападение.

Подошедший капитан доложил, что лидер Клеоменджо найден мертвым на берегу Реки. Он погиб при взрыве ракеты, и каменная шрапнель разнесла Клеомену череп — вот такую странную смерть нашел брат спартанского героя, защищавшего от персов проход в Фермопилах. Вернее, такую кончину он нашел здесь, в этом районе мира Реки.

Сэм приказал отправить нескольких посыльных в Новую Бретань и Клеоменджо. Им полагалось уведомить население этих стран, что Пароландо готово воздержаться от нанесения ответного удара. Для установления мирных отношений их новым лидерам следовало подписать торговые соглашения на поставку древесины и минералов. Узнав об этом, Иоанн выразил свое недовольство и поинтересовался, на каком основании Сэм принимает государственные решения без предварительного обсуждения с ним и членами Совета. После небольшого спора Клеменс признал неправомочность своих действий, но сослался на неотложность вопроса и нехватку времени. Иоанн напомнил, что по закону Сэм должен находить на это время и что любое решение может приниматься только при согласии обоих консулов.

Как бы Сэм ни артачился, он понимал, что Иоанн абсолютно прав. Отступив однажды от буквы закона, они в конечном счете начнут отдавать противоречивые приказы.

Уладив конфликт, консулы произвели совместный осмотр фабрик. Как оказалось, здания почти не пострадали. По всей вероятности, нападавшие старались обойтись без разрушений, планируя позже воспользоваться дарами своей победы. «Огненный дракон-1» получил лишь незначительные повреждения. Сэм содрогнулся, представив его в руках врагов. С помощью вездехода они могли бы уничтожить оборону центральной части Пароландо, а затем завершить разгром гарнизона на флангах. Клеменс решил, что отныне танк-амфибия будет находиться под усиленной охраной.

После обеда он ушел в хижину Совета и попытался заснуть. Однако стоило ему нырнуть в прохладные глубины сна, как кто-то встряхнул его за плечо. Сэм неохотно открыл глаза и увидел перед собой огромный нос Джо. Из его огромных ноздрей разило бурбоном.

— К нам прибыла делегация из Душевного Города. Она только что зошла на берег.

— Фаербрасс! — воскликнул Клеменс, вскакивая на ноги. — Я совсем о нем забыл! Пожалуй, он появился несколько некстати!

Сэм отправился на берег Реки, где у питающего камня причалил катамаран послов. Иоанн уже был там и встречал группу людей, которая состояла из шестерых негров, двух арабов и двух индусов. Фаербрасс оказался коренастым крепышом, с бронзовой кожей, курчавыми волосами и большими карими глазами, в которых поблескивали зеленые искорки. Могучие плечи и толстые мускулистые руки абсолютно не вязались с его худыми ногами. Благодаря им фигура посла напоминала перевернутую пирамиду. Он заговорил на эспе-

ранто, потом перешел на английский, но чудовищный сленг и множество технических терминов сбили Клеменса с толку. Тем не менее ему понравилась чистосердечная простота Фаербрасса, и через несколько минут он почувствовал к нему искреннее расположение.

— Нам лучше снова вернуться к эсперанто, — с улыбкой сказал Сэм, подливая виски в чашу гостя. — Это космический жаргон или диалект Душевного Города?

— Тогда уж скорее язык марсианина, — ответил Фаербрасс. — В Душевном Городе говорят на упрощенном английском, но официальным языком считается эсперанто. Сам же Хакинг предпочитает арабский. — Взглянув на Абдаррахмана и Али Фасгули, он тихо добавил: — Впрочем, с некоторых пор наш вождь разочаровался в своих арабах.

— Как видите, мы не в состоянии сейчас устраивать какие-либо конференции, — сказал Сэм. — Во всяком случае, не теперь. Сначала нам надо привести в порядок территорию, восстановить разрушенные укрепления и получить информацию о том, что происходит в сопредельных странах. Однако мы рады вашему приезду и через несколько дней постараемся начать полноценные переговоры.

— Я не возражаю, — ответил Фаербрасс. — А вы позволите мне немного осмотреться?

— Я не против, но мой соконсул тоже должен дать на это свое согласие.

Выдавив из себя страдальческую улыбку, король Иоанн заявил, что рад оказать Фаербрассу такую услугу. Более того, он уже позаботился о почетном эскорте, который будет сопровождать членов делегации во время прогулок. Иоанн заверил послов, что те могут покидать свое жилище и днем и ночью — с такой охраной им нечего бояться.

Фаербрасс поблагодарил его за заботу, однако другой делегат, которого звали Абдуллой, начал громко протестовать, выкрикивая непристойности. Фаербрасс с минуту молчал, затем призвал своего коллегу к порядку и напомнил ему, что они находятся здесь в гостях, а не дома. Сэм признательно кивнул, но у него возникло подозрение, что сцена Абдуллы и Фаербрасса была подготовлена заранее.

Резкие слова негра адресовались белой расе вообще и никому из присутствовавших в частности. Тем не менее они задели Клеменса своей необоснованностью. Все, о чем говорил Абдулла, погибло вместе с Землей. Люди жили теперь в новых условиях и на новой планете. Но Сэм знал, что спорить с этим человеком бесполезно.

Он проводил делегатов к трем хижинам, которые располагались неподалеку друг от друга. Обитатели этих домов

погибли в ночном сражении. На всякий случай Клеменс решил поселиться где-нибудь поблизости.

На берегу загрохотали сигнальные барабаны. Через минуту с другой стороны Реки донесся ответ. Новый вождь Альмакса просил мира и сообщал о том, что прежний владыка Шрубграин казнен народом за бесславное поражение. Его голову обещали доставить на каноэ в знак искреннего уважения к жителям Пароландо. В ответ Сэм пригласил нового вождя Зрилбарма на переговоры о мире и взаимовыгодной торговле.

Чернский передал сообщение, что Иэясу, чья страна находилась между владениями Артура и Клеомена, начал вторжение в Новую Бретань. Таким образом Пароландо лишилось главного врага, месть которого могла вызвать большие осложнения. Тем не менее Сэм не на шутку встревожился. Он знал, что честолюбие Иэясу не имело предела. Объединив под своей властью оба государства, он мог отважиться на захват железного рудника.

А барабаны все стучали и стучали. Публий Красс прислал свои поздравления по поводу победы и пообещал нанести дружеский визит, чтобы обсудить ту помощь, которую он мог оказать своим добрым соседям.

«Решил посмотреть, какой мы понесли урон и нельзя ли тут чем поживиться», — подумал Клеменс.

До сих пор Публий вел себя дружелюбно, но Сэм ему не доверял — долгие годы службы под началом Юлия Цезаря могли привить властолюбие любому человеку.

Мимо проковылял Геринг. Его голова была обмотана окровавленным полотенцем. Бедного проповедника с обеих сторон поддерживали два верных последователя. Сэм, конечно, знал о твердолобом упрямстве немцев, но надеялся, что Геринг на этот раз поймет намек и покинет Пароландо.

Вечером, убедившись, что на всех постах горят костры и факелы, Клеменс отправился спать. Глаза слипались от усталости, но сон не исчезал и рвался, как смутная тень в непроглядной тьме. Сэм метался в постели, стонал и просыпался в холодном поту, дрожа от страха и прислушиваясь к шорохам ночи. Однажды ему показалось, что в хижину кто-то вошел. Затаив дыхание, он ожидал, что у постели возникнет фигура Тайнственного Незнакомца. Но в темноте виднелось лишь тело Джо, который храпел на бамбуковом ложе.

ГЛАВА 20

Сон не избавил Сэма от усталости, но чистый и обновленный мир наполнил его светлой радостью и вернул хорошее расположение духа. Ночной дождь смыл пороховую

копоть и кровь. Трупы исчезли. Небо было ясным и голубым. Люди приступали к своим обычным делам, хотя отсутствие четырехсот пятидесяти человек заметно сказывалось на работе. Тех, кто погиб, отнесли на фабрики по производству глицерина. Остальные — примерно половина из этого числа — находились в госпиталях. Некоторые раненые, устав от боли и страданий, просили о смерти. В былые времена лучшим средством эйтаназии* считался топор, но теперь, благодаря технологии Пароландо, желающим раздавали таблетки цианистого калия.

Однако большая часть раненых предпочитала обычный способ восстановления. Люди знали, что недели через две их отсеченные конечности отрастут, раны исчезнут, а вместо выжженных и выбитых глаз появятся новые. Более слабые духом садились в «Самоубийственный Экспресс», и оставленные ими тела уносили на фабрику.

Секретарша Клеменса погибла в бою. Сэм предложил Гвенафре занять место Милли, и девушка с радостью согласилась, так как новое положение давало ей высокий статус. Кроме того, она не скрывала своего интереса к Сэму и использовала любой повод, чтобы побыть в его обществе. Однако их договоренность не на шутку огорчила Лотара фон Рихтхофена.

— Вы можете питать к ней какие угодно чувства, — возмущенно произнес Сэм. — Но почему ей нельзя быть при этом моей секретаршей?

— Я понимаю, что веду себя, как капризный ребенок, — ответил Лотар. — Мне даже неловко говорить о таких вещах. Тем не менее, если бы она не вилась вокруг вас, у меня могло бы с ней что-то получиться.

— Тогда пусть победит сильнейший.

— Я не против, но мне не нравится, что вы питаете девушку пустыми надеждами и водите ее за нос. Вы же сами говорили, что не введете в свой дом женщины, пока рядом живет Ливи.

— Ливи мне теперь не указ! — закричал Клеменс. — Не забывайте, что это она меня бросила, а не я ее!

Лотар смущенно улыбнулся:

— Прошу прощения, Сэм.

Гвенафра следовала за Клеменсом как тень. Она вела записи, отправляла сообщения и составляла проекты приказов. Несмотря на занятость Сэм всегда находил для нее время. Они беседовали, шутили, и каждый раз, когда он

---

* Эйтаназия — намеренное ускорение смерти, как правило, в случае неизлечимой болезни. (Примеч. пер.)

смотрел на ее прекрасную фигуру, его сердце таяло в приятной истоме желания. Ему казалось, что Гвенафра обожала его.

Прошло два дня. Обкатка амфибии показала отличные результаты, и через пару суток вездеход должны были укомплектовать оружием. Послы Душевного Города под присмотром людей Иоанна знакомились с достижениями Пароландо. Джо Миллер, отлежавшись в постели, окончательно выздоровел, и Сэм вновь почувствовал себя уверенно и уютно. В компании Гвенафры и титантропа он мог бы пойти даже на край света. И долгий путь из долин Утопии уже не казался ему таким беспросветным и опасным.

Барабанный телеграф принес весть от Одиссея, который обещал вернуться через месяц с десятью кораблями, груженными кремнем. Снарядив небольшой флот, он отправился на переговоры с Селиной Хастинг — некогда графиней Хантингтона, а ныне атаманшей страны Селинджо. Эта женщина родилась на Земле в 1707 году и умерла в 1791-м. Будучи яркой сторонницей Второго Шанса, она согласилась поставлять кремль при условии, что Сэм Клеменс и впредь будет разрешать миссионерам Геринга проповедовать на территории Пароландо. В качестве платы Селина попросила сделать ей небольшую яхту с достаточно мощным двигателем, чтобы плавать вверх и вниз по Реке. Она намеревалась добраться до «варварских» стран и донести всем страждущим истины Второго Шанса.

Сэм считал, что она тем самым обрекала себя на верную гибель. Из-за этой яхты ей могли перерезать горло на первой же стоянке. Впрочем, у нее ведь тоже имелась голова на плечах.

Наконец члены Совета и послы Душевного Города собрались за круглым столом. Встреча состоялась в тронном зале бревенчатого дворца Иоанна. Взглянув на злое лицо экс-монарха, Сэм еще раз пожалел о том, что переговоры назначили на этот день. Хозяин дворца был мрачен, как грозовая туча. Накануне одна из любовниц набросилась на него с ножом. По словам Иоанна, она ранила его в бок, и он, защищаясь, дал ей пощечину. К несчастью, девушка ударила головой об угол стола и через час, не приходя в сознание, скончалась. На самом деле помимо раны у виска и сломанной челюсти Сэм обнаружил на ее теле многочисленные синяки и порезы. Однако при полном отсутствии свидетелей доказать вину короля не представилось возможным, и поэтому Совет посчитал его слова достаточными для оправдания.

Иоанн страдал от боли и стыда, расценивая рану от руки женщины как невыносимый позор. В качестве анестезии и

успокоительного он использовал бурбон и от принятой дозы едва держался на ногах. Как только официальное приветствие закончилось, экс-монарх тяжело опустился в резное дубовое кресло, обитое кожей рогатой рыбы. Сжимая в одной руке горлышко глиняной бутылки, а в другой — дымившуюся сигару, он сердито рассматривал лица советников и послов.

Тем временем Фаербрасс произносил речь:

— Хакинг верит в необходимость разделения белых и небелых людей. По его искреннему убеждению, белые никогда не признают равенство с неграми, монголами и индейцами. Все их красивые слова о правах человека пронизаны ложью и лицемерием. Вот почему он призывает к расовой изоляции и провозглашает ее единственной формой сосуществования, при которой остальные расы могут сохранять достоинство и честь, свои взгляды и собственный уклад жизни.

В Америке Хакинг вступил в организацию «Черные Му-сульмане», но чуть позже их лидер Малькольм повел себя как подлый предатель. Он признал ошибочность своих суждений и начал говорить о том, что нелепо считать всех белых людей ублюдками и злобными исчадиями ада. Разочарованный Хакинг уехал из Штатов в Алжир и вскоре понял, что расизм не зависит от цвета кожи.

«Чтобы это понять, большого ума не надо, — подумал Сэм. — Но зачем Фаербрасс завел речь о таких банальных вещах?»

На всякий случай он решил не перебивать почетного гостя.

— Потом в Соединенных Штатах начался бунт белой молодежи. Отбросив предрассудки своих отцов, юноши и девушки выходили на улицы, устраивали демонстрации и даже погибали в борьбе за права черных. Они действительно относились к неграм как к равным — и не потому что это было веянием моды или экстравагантным поведением. Нет, они видели в них людей и поэтому относились к черным по-человечески.

Однако Хакинг не испытывал добрых чувств даже к этой американской молодежи. Он пытался воспринимать их с общечеловеческих позиций, но в его душе жила ненависть. Как и многие белые люди старшего поколения, он весь пропитался злобой и расизмом. Тем не менее Хакинг пытался примириться с новой порослью белых и уважал молодых бунтарей, которым хватило мужества послать ко всем чертям своих родителей-расистов и их гнилое лицемерное общество.

А затем он умер — умер, как все, потому что смерть не делит людей на белых и черных. Восстав из небытия среди древних китайцев, Хакинг снова оказался в роли униженного

и оскорбленного. Он снова стал изгоем и паршивой овцой в обществе тех, кто считал себя избранным народом.

Клеменсу вспомнились китайцы из Невады и Калифорнии — тихие, кроткие и трудолюбивые люди, которые начали прибывать в Америку где-то в начале шестидесятых годов восемнадцатого века. Улыбаясь и кланяясь, они сносили оскорбления, которых не потерпел бы даже мул. В них плевали и бросали камни, их обзывали, грабили и насиловали, их лишали элементарных прав, а на судах отказывали в защите. Но они никогда не роптали, не огрызались и не бунтовали. Они терпели все эти издевательства и выполняли работу, от которой отказывались другие. Какие же мысли скрывались за этими бесстрастными лицами? Неужели они тоже верили в превосходство китайцев над белыми варварами? Тогда почему же они никогда не давали отпор? Пусть в этом случае их ждала бы неминуемая смерть, но разве никому из них не хотелось хотя бы на миг стать свободным человеком?

Впрочем, они полагались на ход времени. Китайцы всегда считали время своим союзником. Если еще не настала пора процветания для отца, то она придет к сыну или внуку.

А Фаербрасс продолжал рассказывать историю Элвуда Хакинга:

— Сев в лодку, он поплыл вниз по Реке и через много тысяч миль отыскал поселение африканских негров из семнадцатого века. Эти люди были предками зулусов, которые позже мигрировали в Южную Африку. Пожив среди них какое-то время, Хакинг снова отправился в путь, поскольку обычаи дикарей показались ему слишком мрачными и кровавыми.

Потом он жил в краю, где гунны средневековья селились рядом с белыми из каменного века. Его приняли довольно хорошо, но он тосковал по родной речи и черным американцам. Проплыв сотню миль по Реке, Хакинг попал в плен к древним моабитам, бежал от них, был пойман древними иудеями и познал адские муки грааелевого рабства. В конце концов он снова совершил побег и набрел на небольшую общину американских черных — рабов времен Гражданской войны. Проведя там несколько счастливых и спокойных лет, Хакинг начал уставать от духа дядюшки Тома. Ему действовали на нервы суеверия и рабская покорность судьбе. Он построил парусник и вновь отправился в плавание, меняя берега, города и страны. Однажды на селение, в котором он обосновался, напали рослые белокурые белые — скорее всего немцы. Его убили в бою, и он воскрес в этом районе.

К тому времени Хакинг выявил одну закономерность — население самых счастливых и благополучных городов реч-

ной долины состояло, как правило, из людей, имевших сходство в обычаях, цвете кожи и тех эпохах, в которых они жили на Земле. Все другие комбинации вызывали множество проблем. Там, в земной жизни, Хакинг верил в прогресс — он видел, как резко менялось мышление молодежи. Старики умирали, и с каждым новым поколением люди все больше освобождались от расовых предрассудков и тяги к порабощению себе подобных. Но здесь человечество вновь вернулось к своим истокам. Старые властолюбцы и их смиренные рабы не собирались менять своих привычек. Попав в новый мир, они насаждали в нем ненависть и злобу.

Так и не отыскав сообщества негров из двадцатого века, Хакинг решил создать его своими силами. Конечно, он искренне уважал всех черных из других эпох и столетий, но их образ жизни не вязался с представлениями цивилизованного человека.

— К чему вы клоните, синьоро Фаербрасс? — нетерпеливо спросил Сэм.

— Мы хотим построить государство с однородным населением. Нам, конечно, не удастся ограничиться только неграми из конца двадцатого века, но мы, по крайней мере, можем собрать абсолютно черную нацию. По нашим сведениям, в Пароландо сейчас находится около трех тысяч негров. Мы хотим забрать их себе. В обмен вы получите дравидов, арабов и остальных нечерных, которые проживают в данный момент на территории Душевного Города. Хакинг делал подобные предложения всем сопредельным государствам, но мы пока не имеем достаточных рычагов воздействия.

Король Иоанн выпрямился и язвительно спросил:

— Вы хотите сказать, что у вас нет ничего такого, в чем они бы нуждались?

— Именно об этом я и говорю, — ответил Фаербрасс, холодно посмотрев на Иоанна. — Но однажды мы заставим их прислушаться к нашим просьбам более внимательно.

— И это произойдет после того, как у вас появится стальное оружие? — спросил Сэм.

Фаербрасс пожал плечами. Иоанн с грохотом опустил пустую чашу на стол.

— А мы не хотим ваших арабов и дравидов! — закричал он. — Пусть Душевный Город сам давится своими отбросами! Давайте поступим так. За каждую тонну бокситов, криолита или унцию платины мы будем отдавать вам одного нашего черного. Что же касается ваших сарацинских неверных, то вы можете топить их в Реке или сплавлять на плотках вниз по течению. Они нас совершенно не интересуют!

— Подождите минуту, — вмешался Сэм. — Мы не можем гонять наших граждан, как скот! Если они захотят уйти по своей воле — пожалуйста. Но продавать их за материалы мы не будем. Этого не позволяет наша демократия.

Фаербрасс помрачнел. Выходка Иоанна испортила ему настроение.

— Вы напрасно рассматриваете нашу просьбу как призыв к насильственным мерам, — сказал он. — Мы не из тех людей, кто торгует рабами. Вам предлагается добровольный обмен — человека на человека. Ваххабские арабы, которых представляют Абдаррахман и Фасгули, чувствуют себя в Душевном Городе незванными гостями. Они готовы переселиться в любое место, где им будет дана возможность организовать свою общину — новый Касбах, если так можно выразиться.

Сэм почувствовал фальшь в словах Фаербрасса. Почему же арабы не создали своей общины в Душевном Городе? Почему они, в конце концов, не собрали свои пожитки и не ушли на поиски лучшей доли? Одной из прелестей этого мира была полная независимость от быта и вещей. Человек мог унести свое имущество в маленьком узле и в течение дня построить новый дом — благо, что бамбук здесь рос повсюду.

А что, если Хакинг задумал внедрить к ним своих людей, чтобы они в нужный момент подняли мятеж и помогли его армии осуществить захват Пароландо?

— Мы обсудим ваше предложение об обмене жителей, — сказал Сэм. — Это все, что я могу вам пока обещать. Но не думает ли синьоро Хакинг в качестве поощрения увеличить нам поставки минералов и древесины?

— Нет, вы будете получать их в том же объеме — в обмен на руду и стальное оружие, — ответил Фаербрасс. — Кроме того, Хакинг намерен повысить цены.

Иоанн грохнул кулаком по столу.

— Мы не потерпим этого грабежа! — заорал он. — Ваш Хакинг и так уже залез нам на шею! Не надо подталкивать нас, синьоро Фаербрасс! Иначе вы можете лишиться всего — в том числе и собственной жизни!

— Полегче, ваше величество, — прошептал Сэм, и, повернувшись к Фаербрассу, он примирительно добавил: — Иоанн себя плохо чувствует. Прошу простить его за резкость. Тем не менее он во многом прав. И вы действительно можете подтолкнуть нас слишком далеко.

В этот момент со своего места вскочил Абдулла — рослый негр, черный и вспыльчивый как порох. Ткнув пальцем в сторону Сэма, он закричал на ломаном английском:

— Не надо угрожать нам, хонки! Мы не из пугливых! И если вы не поняли меня, мистер Белый, я повторю вам это еще раз! Мы не потерпим никаких угроз! Особенно от того, кто написал книжонку о ниггере Джиме! Нам не нравятся белые расисты, и мы имеем с ними дело только потому, что без этого нашей стране пока не обойтись.

— Полегче, Абдулла, — сказал Фаербрасс.

Судя по его улыбке, речь Абдуллы являлась второй частью заранее подготовленной программы. И, видимо, Фаербрасс воспринимал реплику Иоанна подобным же образом. Из актеров обычно получают плохие политики. Но даже самый заурядный политик может сыграть любую роль.

Издав раздраженный стон, Клеменс спросил:

— Синьоро, а вы сами-то читали «Гекльберри Финна»?

— Я такое дерьмо не читаю, — с усмешкой ответил Абдулла.

— То есть вы не знаете, о чем говорите, верно?

Абдулла нахмурился. Фаербрасс презрительно усмехнулся.

— Слушай, парень, у меня нет желания читать всякую расистскую чепуху! — закричал вспылчивый негр. — Хакинг рассказал мне об этой книге предостаточно!

— Тогда давайте договоримся так, — сказал Сэм. — Прочитайте ее сначала, а уж потом мы и продолжим наш спор.

— Да он надо мной просто издевается! — воскликнул Абдулла. — Эй, мистер, в этом мире нет никаких книг!

— Значит, вы упустили свой шанс, — ответил Клеменс.

Сэм попытался унять нервную дрожь. Он не привык вести такие напряженные разговоры с тупыми здоровяками.

— В любом случае здесь не литературный кружок и не клуб чайных дискуссий, — добавил он. — Давайте перейдем к делу.

Но Абдулла продолжал распространяться о расистских книгах, которые написал Сэм. В конце концов Иоанн, потеряв терпение, вскочил и рявкнул:

— *Silentu, negraco!**

Он использовал эсперанто, но прибавил к слову «негро» пренебрежительную частицу «ас». И всем стало ясно, что этим хотел сказать Иоанн.

Наступила тишина. Все замерли, потрясенные столь непредвиденным развитием событий. Абдулла, открыв рот, застыл в нелепой позе. Потом он усмехнулся и с триумфом, почти сияя от восторга, осмотрел своих коллег. Фаербрасс прикусил губу. Иоанн оперся кулаками о стол и нахмурился. Сэм запыхтел сигарой. Он понимал, что язвительность

---

* Молчи, черномазый! (*эсперанто*)

экс-монарха шла от привычного презрения к людям, а не от каких-то расовых предрассудков. За всю свою жизнь на Земле Иоанн повидал не больше полудюжины черных. Но оскорблять он умел прекрасно и был в этой области непревзойденным мастером.

— Я ухажу! — сказал Абдулла. — Мне надоели ваши угрозы и оскорбления! Но если я уеду домой, вы чертовски дорого заплатите за новый алюминий и платину, мистер Чарли. Вам придется отдать за них вашу белую ослиную шкуру!

— Одну минуту, — сказал Сэм, поднимаясь с кресла. — Если вы хотите извинений, я приношу их вам от лица всего Пароландо.

Абдулла взглянул на Фаербрасса. Тот с ухмылкой отвернулся в сторону.

— Я требую извинений от него! — воскликнул негр, и его толстый палец указал на Иоанна.

Придвинувшись к соконсулу, Сэм тихо прошептал:

— Слишком многое поставлено на карту, чтобы разыгрывать из себя гордого монарха, ваше величество! Своим упрямством вы сыграете им на руку! Они что-то задумали — можете в этом не сомневаться. Поэтому проявите выдержку и попросите прощения.

Иоанн оскорбленно фыркнул и вскричал:

— Вы хотите, чтобы я извинился перед этим дикарем? Перед этой собакой-язычником?

Сэм возмущенно взмахнул сигарой:

— Как вы не можете понять своей тупой плантагенетовской башкой, что мы больше не делимся на королей и затравленную чернь? Мы все теперь дикари! Или короли, если вам так угодно.

Не говоря ни слова, Иоанн поднялся и вышел из тронного зала. Абдулла еще раз взглянул на Фаербрасса, и тот едва заметно кивнул. Рослый негр усмехнулся, нарочито медленно отодвинул свое кресло и зашагал к двери.

— Итак, синьоро Фаербрасс, что дальше? — спросил Сэм. — Ваши люди отправятся домой?

Советник Хакинга покачал головой:

— Нет, я не сторонник поспешных решений. Тем не менее переговоры придется отложить до тех пор, пока Иоанн Безземельный не принесет извинений всем членам нашей делегации. Вам, очевидно, понадобится время, чтобы уладить этот вопрос. Я готов подождать до завтрашнего утра.

Фаербрасс встал, собираясь уйти.

— Я поговорю с Иоанном, — сказал Сэм, — но он упрям как миссурийский мул.

— Я боюсь, что мы можем расстаться врагами, — ответил посол. — И только из-за того, что один человек не мог удержаться от оскорблений. Мне не хотелось бы прерывать нашу торговлю, так как это будет означать крушение всех ваших планов с пароходом.

— Поймите меня правильно, синьоро Фаербрасс, — сказал Сэм. — Мои слова — не угроза, а предупреждение. Мы не остановимся ни перед чем. Нам нужен этот алюминий! И если вы не отдадите его по-хорошему, мы пойдем на вас войной и силой возьмем все, что пожелаем.

— Я вас понял, — ответил Фаербрасс. — Но вы зря считаете Хакинга властолюбивым интриганом. Он мечтает только об одном — построить мощное и хорошо укрепленное государство. Он хочет, чтобы граждане нашей страны наслаждались жизнью в среде единомышленников и собратьев по духу. Другими словами, Хакинг хочет создать страну для черных.

— Да уж... — пробормотал Сэм.

Молчание затянулось, и Фаербрасс направился к выходу.

— Одну минуту, — окликнул его Клеменс. — Скажите, а вы читали «Гекльберри Финна»?

Фаербрасс обернулся:

— Конечно. Когда я был ребенком, она мне очень нравилась. И я получил огромное наслаждение, перечитав ее однажды в студенческие годы. Как и каждое произведение, она имела свои недостатки, но это действительно хорошая и добрая книга.

— И как вы относились к тому, что Джима называли ниггером?

— Видите ли, я родился в 1975 году на ферме близ Сиракьюс, штат Нью-Йорк. К тому времени многое изменилось. Ферма первоначально принадлежала моему прапрапрадеду, который, убежав из Джорджии в Канаду, отработал несколько лет на строительстве железных дорог, а затем, после Гражданской войны, вернулся в Америку. Лично меня не задевало то слово, которое вы использовали в своей книге. Я знал, что в ту эпоху негров в открытую называли ниггерами и все считали это оскорбительное слово вполне приемлемым и обычным. Вы изображали людей и их речь такими, какими они были в действительности, но ваша книга привлекала меня своей этической основой — я имею в виду внутренний конфликт между гражданским долгом и чувствами Гека к Джиму, его победу над расовыми предрассудками того времени. В целом эта книга являлась обвинительным приговором рабскому и полуфеодальному обществу на Миссисипи — обществу суеверий и всех тех глупостей, которые существовали в тот период истории. Так отчего же мне на вас обижаться?

— А почему тогда...

— Вам не понравился выпад Абдуллы? Кстати, его настоящее имя — Джордж Роберт Ли. Он родился в 1925 году, а Хакинг, если помните, в 1938-м. В то время черные были ниггерами для многих белых — хотя и не для всех. Испив страданий и слез, негры решили обрести гражданские права с помощью насилия. Оно стало основой их мировоззрения и отношением к пренебрежительному отношению белых. Вы умерли в 1910 году, верно? Но вам, вероятно, рассказывали о том, что происходило дальше?

Сэм кивнул.

— В это трудно поверить, — задумчиво произнес он. — Бунт против насилия! Нечто подобное происходило и при моей жизни. Но, на мой взгляд, апофеозом народного возмущения были, да и остались, нью-йоркские демонстрации времен Гражданской войны. Что касается двадцатого века, то я не могу представить себе эту распущенность и свободу нравов.

Фаербрасс весело рассмеялся:

— Однако сейчас вы живете в обществе, которое, с точки зрения девятнадцатого века, является еще более свободным и распущенным. Тем не менее вы к нему привыкли.

— Наверное, вы правы, — ответил Сэм. — Две недели абсолютной наготы после Дня Воскрешения доказали, что люди уже никогда не вернутся к прежним догмам морали — во всяком случае, в отношении обнаженного тела. А сколько заостеневших идей было повергнуто в прах неоспоримым фактом воскрешения! Но команда твердолобых по-прежнему с нами, и живой тому пример ваши ваххабиты.

— Синьоро Клеменс, вы находились в рядах первых либералов и во многом опережали свое время. Вас знают как обличителя рабства и борца за равноправие. Даже здесь, в Пароландо, составляя Хартию вольностей, вы настояли на политическом равенстве для всех рас, народов и обоих полов. Я заметил, что недалеко от вашей хижины живет семейная пара — черный мужчина и белая женщина. Скажите честно, вас не возмущает подобное явление?

— Если честно, то да, меня это расстраивало, — ответил Клеменс, выпустив изо рта густой клуб дыма. — Говоря по правде, это почти убивало меня! Дело в том, что разум человека и его рефлексy — две разные вещи. Я ненавижу это деление, но оно существует помимо моей воли. Однако мне и в голову не приходило вмешиваться в их личную жизнь. Мы познакомились, а затем стали добрыми соседями. Прошел год, и мое неприятие этой супружеской пары исчезло — вернее, почти исчезло. Я верю, что со временем оно вообще пропадет.

— В отличие от таких либералов, как вы, молодежь конца двадцатого века не волновалась бы по такому поводу. Мы приняли равенство сердцем, а не умом.

— Вы хотите сказать, что мой случай безнадежен? — спросил Сэм. — И что тесемочки благих намерений не удержат груза накопленных предрассудков?

— Держитесь курса, старина, — ответил Фаербрасс, перескочив на английский язык — вернее, его вариант. — Отклонение на два градуса — это лучше, чем полный разворот. Ключ на старт, и все дела!

Он ушел. Сэм остался один. Докурив сигару, Клеменс встал, вышел из дворца и отправился к себе домой. По дороге ему встретился Герман Геринг. Голова проповедника по-прежнему была обмотана полотенцем, но лицо стало менее бледным, а глаза — не такими странными.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Сэм.

— Еще неважно, но я могу уже понемногу ходить. Правда, временами в голову вбивается адская боль, будто невидимый молоток вбивает в мозг раскаленные гвозди.

— Я не любитель людских страданий и поэтому хочу вас предостеречь, — сказал Клеменс. — Вы можете избежать крупных неприятностей и еще больших мук, если сообразовываете покинуть Пароландо.

— Вы мне угрожаете?

— Нет. Я не сторонник агрессивных действий. Однако здесь есть немало людей, которые под горячую руку могут разорвать вас на части или просто утопить в Реке. Ваши проповеди действуют всем на нервы. Они противоречат духу и целям, которые объединяют нашу страну. Пароландо — это государство, которое строит пароход! И мы гордимся поставленной задачей! Да, мы провозгласили свободу слова. И каждый наш гражданин, выражая свое мнение, находится при этом под защитой закона. Но, читая свои проповеди, вы намеренно подталкиваете людей к преступлению. А я не желаю наказывать их за вынужденную оборону от вашей нескончаемой болтовни. Одним словом, мы решили, что вы уже выполнили свой христианский долг и можете удалиться с нашей территории. Тем самым вы сделаете воистину праведное дело, перестав побуждать добродетельных мужчин и женщин к свершению насилия.

— Я не христианин, — мрачно ответил Геринг.

— Меня восхищают люди, которые могут признаться в этом. И я еще не встречал проповедника, который бы вот так просто говорил подобные вещи.

— Синьоро Клеменс, в свое время я читал ваши книжки — сначала на немецком, потом на английском. Но ветреность, шутки и даже мягкая ирония не приведут нас к взаимному пониманию. Да, я не христианин, хотя и стараюсь придерживаться лучших заповедей Христа. Я — миссионер Церкви Второго Шанса. Как вы знаете, все земные религии дискредитировали себя, и им нет места в этом новом мире. Наша церковь стала первой религией, которая расцвела на кладбище духовного наследия Земли. И только она может выжить в создавшихся условиях...

— Избавьте меня от своих лекций, — взмолился Сэм. — Я уже устал от вас и ваших предшественников. Неужели вам не ясна моя позиция? Из чистого дружелюбия и желания уберечь вас от беды я советую вам обратиться отсюда — причем немедленно! Иначе вас просто убьют!

— Ну и что? Тогда я проснусь на рассвете где-нибудь в другом месте и понесу слово Истины тем, кто должен его услышать. И ныне и присно во веки веков алой кровью мучеников сеялась церковь! И убивающие нас станут той дланью, которая бросит семена Истины на новые целинные земли. Так пусть же наши убийцы распространяют веру вверх и вниз по Реке! Через смерть свою мы понесем людям весть о вечном спасении!

— В таком случае мне остается пожелать вам счастливого пути, — проворчал Сэм, переходя на английский, как часто поступал в минуты раздражения. — Но скажите, вас не тревожит тот факт, что шансеров убивают все больше и больше? Вы не боитесь однажды остаться без тела?

— Что вы имеете в виду?

— Вашу доктрину, мистер Геринг.

Заметив недоуменный взгляд собеседника, Клеменс вновь перешел на эсперанто:

— Одна из ваших основных догм, если я не ошибаюсь, утверждает, что этот мир является преддверием вечной жизни. Воскрешенному человечеству якобы дано ограниченное время, которое многим кажется долгим — особенно если они не находят здесь счастья. Вы принимаете без всяких доказательств некий аналог души, который называете психоморфом, верно? Немного похоже на *Ка* египтян. Вам пришлось ввести такое понятие, чтобы объяснить сохранение человеческой личности. Без души умерший человек являлся бы мертвецом, даже если бы его заново воспроизвели и оживили. Второе тело представляло бы собой точную репродукцию, а «лазари», наделенные разумом и воспоминаниями умерших людей, оставались бы, мягко говоря, живыми дубликатами. Они, конечно, могли бы считать себя теми, кого изображали, но настоящего земного человечества больше не существовало бы.

Вы решили эту проблему, приняв концепцию души — или психоморфа, если вам угодно. Сущность, рожденная вместе с телом, сопровождает его, регистрирует и запоминает все, что происходит с ним на протяжении жизни. Когда плоть умирает, это бестелесное *Ка* продолжает свое существование. Оно уносится в некоторое четвертое измерение, которое нельзя увидеть глазами из протоплазмы и обнаружить механическими приборами. Я правильно говорю?

— Довольно близко к истине, — ответил Геринг. — Представлено грубо, но вполне удовлетворительно.

— Итак, в качестве основного постулата вы приняли концепцию души, продолжив тем самым традицию христианства, мусульманства и прочих религий. Однако, отвергая ад и небеса, вы заявляете, что до Воскрешения людские души попадали в некое четырехмерное чистилище. Они пребывали бы там вечно, если бы не вмешательство других существ — гипотетических инопланетян из более древнего цивилизованного мира. Эти сверхразумные существа появились на Земле в те времена, когда людей еще не существовало. Фактически они посетили каждую планету во Вселенной, на которой могла бы возникнуть разумная жизнь.

— Вы выражаете эту мысль не совсем точно, — сказал Геринг. — Мы утверждаем, что в каждой галактике имеется одна или несколько планет, населенных древними цивилизациями. Сверхразумные существа обитали и в нашей галактике. Пока мы не знаем, зародились ли они здесь или прилетели из других, ныне погибших вселенных. Но бесспорно одно — эти космические мудрецы предвидели разумную жизнь на Земле. Они оставили на нашей планете устройства, которые с первых дней человеческой истории начали собирать информацию и улавливать души умерших людей. По воле наблюдателей мы не могли обнаружить их приборы своими чувствами.

В определенное время эти Древние, как мы их называем, переслали наши души в какое-то особое место. По произведенным записям их механизмы преобразовали энергию в материальную плоть и воссоздали погибшее человечество. Информация о людях была воплощена в молодые здоровые тела, которые могли разрушаться и вновь воскресать в подготовленном для них, новом мире.

Психоморфы притягиваются к своим протоплазменным близнецам. При воспроизведении мертвого тела свободное *Ка* присоединяется к нему, и человек вновь начинает жить. Даже при сотой смерти и дубликации тела наше *Ка* не теряет своего осознания, разума и воспоминаний о прошлых воплощениях. Таким образом, существование людей не сводится к

последовательному созданию копий. Благодаря записям всего того, что происходило с предыдущими телами *Ка*, наши личности сохраняют свою идентичность.

— Минутку! — воскликнул Сэм, взмахнув рукой и едва не ткнув кончиком сигары в щеку Геринга. — Давайте кое-что уточним! На прошлой проповеди вы утверждали, что человек не может быть убит и воскрешен бесчисленное количество раз. Вы говорили, что через пару сотен воскрешений смерть наступает окончательно и бесповоротно. При многократном умирании связь между телом и *Ка* ослабевает; дубликация тела уже не вызывает присоединения психоморфа, и *Ка* начинает блуждать по призрачным лабиринтам четвертого измерения. Оно становится призраком, потерянной душой, а затем и вовсе исчезает.

— В этом суть нашей веры, — ответил Геринг. — И мы провозглашаем ее Истиной, поскольку знаем, что она верна.

Сэм удивленно поднял густые брови:

— Вот как? И откуда же вы это знаете?

— Наш основатель получил ее из первых рук, примерно через год после того дня, как все человечество восстало из мертвых. Однажды ночью он молился об откровении на высоком горном уступе. И к нему пришел человек, который рассказал и показал такое, о чем не ведал еще ни один землянин. Этот мужчина был посредником Древних, и, раскрыв Истину, он велел нашему основателю идти и проповедовать доктрину Второго Шанса.

Я считаю термин «Второй Шанс» не совсем удачным. На самом деле это первая наша возможность. Там, на Земле, мы никогда не имели доступа к вечной жизни, так как земное бытие служило лишь прелюдией к миру Реки. Создатель сотворил Вселенную, и Древние сохранили все то живое, что появилось на свет по воле великого Бога. Да, они сохранили всех живых существ. Однако спасение ожидает только людей! Нам дан единственный и долгожданный Шанс! И ныне каждый из нас может пойти навстречу вечной жизни!

— Если только вступит в Церковь Второго Шанса, — добавил Сэм. — Вы ведь так кончаете свои проповеди, верно?

Ему не хотелось иронизировать над миссионером. Но он не мог удержаться от насмешки.

— Во всяком случае, мы верим в это, — ответил Геринг.

— А ваш посланник Древних представил какие-нибудь верительные документы? — спросил Сэм.

При мысли о Таинственном Незнакомце его охватила легкая паника. Неужели это один и тот же этик? Или здесь ведут игру два опытных и хитрых стратега? Если верить

словам Незнакомца, который направил сюда железно-никелевый метеорит и помог Джо Миллеру увидеть Башню в далеком и туманном полярном море, он был единственным отступником в среде этиков. Но кем же тогда являлся другой?

— Верительные документы? — спросил Геринг. — Бумаги от Бога? — Он засмеялся. — Наш основатель понял, что его гость не был простым человеком. Тот знал о нем такие вещи, о которых мог ведать лишь Бог или существо непостижимо высокого разума. Чтобы укрепить его веру, посредник Древних рассказал ему, как и по каким причинам людей воскресили к жизни. О многом он умолчал, намекнув, что некоторые подробности будут открыты нам позже. Но большую часть своего духовного предназначения мы должны узнать сами.

— А как зовут вашего основателя? — спросил Сэм. — Или вы этого не можете сказать? Неужели его имя открывается только посвященным?

— Никто не знает, как его зовут, — ответил Геринг. — И, честно говоря, нам это совершенно неинтересно. Сам он называл себя Виро или в переводе с эсперанто — Человеком. По-латински это звучало бы как Вир. В своем кругу мы называем его *La Fondinto* — Основателем, или *La Viro* — Человеком.

— Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Нет. Но я знал двух людей, которые видели его. Один из них жил в той стране, где Ла Виро произнес свою первую проповедь — ровно через семь дней после беседы с посредником Древних.

— Но определение «*La Viro*» относится только к мужчине, верно?

— Да, конечно!

Сэм глубоко вздохнул и облегченно сказал:

— Вы сняли большую тяжесть с моего сердца. Если бы вашим основателем оказалась миссис Мэри Бейкер-Эдди*, меня бы скрутило от хохота и я мог бы умереть.

— Почему?

— Слишком долго рассказывать, — с усмешкой ответил Сэм. — Когда-то я написал о ней книгу, и теперь при нашей встрече она без колебаний сдерет с меня скальп — можете в этом не сомневаться. Как бы там ни было, ваши мрачные и таинственные объяснения напомнили мне эту милую и экстравагантную особу.

— Наше учение основывается на физических явлениях, и даже *Ка*, при правильном рассмотрении, не выходит за границы

---

* Основательница и проповедница так называемой христианской науки, жестоко высмеянная М. Твенom. (Примеч. ред.)

материальной реальности. Мы верим, что только наука — великая наука Древних — могла воскресить людей из праха, разрушив оковы небытия. За исключением веры в Бога, вы не найдете в наших доктринах ничего сверхъестественного. Все объясняется наукой и развитой технологией.

— Прямо как религия Мэри Бейкер-Эдди, правда? — спросил Сэм.

— Извините, но я не знаю ее.

— Так как же нам добиться спасения?

— Через любовь. А это, естественно, предполагает, что мы отказываемся от насилия — даже в целях самообороны. Мы верим, что истинная любовь возможна лишь при достижении трансцендентального состояния, которое приходит в процессе самопознания. Именно для этого нам и дается мечтательная резинка. Но люди злоупотребляют ею, как наркотиком, ибо привыкли злоупотреблять во всех своих делах.

— А вы сами обрели эту истинную любовь — что бы она там ни означала?

— Пока еще нет. Но я к ней обязательно приду.

— С помощью мечтательной резинки?

— Не только. Хотя она тоже помогает. Но помимо этого вы должны действовать — нести людям слово Истины и страдать за веру. Вы должны смирить свою ненависть и возлюбить людей.

— Так почему вы выступаете против моего парохода? Неужели только из-за того, что мы не разбиваем себе в молитвах лбы, а развиваем ту технологию, о которой вы так восхищенно говорите?

— Ваша цель не ведет к добру. Я прошу вас, посмотрите вокруг! Во имя чего вы опустошили страну и ввергли людей в искус алчности? На руках у них кровь, а в мыслях — предательство. Их души вопиют, утопая в ненависти и злобе! Так во имя чего все эти убийства, муки и слезы? Неужели только из-за того, что вам, Сэм Клеменс, захотелось получить новую игрушку — гигантский металлический пароход, колеса которого будут вращать электричество. Вы говорите о нем, как о чуде технологии, а я называю его кораблем глупцов! Допустим, вы поплывете к истокам Реки. Допустим, вы даже туда доберетесь. А что потом? Что вы будете делать дальше? Опомнитесь, мой друг! Опомнитесь! Ибо пора уже плыть к истокам своей души!

— Не надо судить о вещах, которых вы не знаете, — мрачно ответил Сэм.

Его убежденность куда-то испарилась, и перед глазами возникло видение: дьявол, присевший во тьме у изголовья постели, нашептывал ему в уши свои злокозненные речи. Но

кто-то же шептал их и в ухо основателя церкви. И тут еще надо посмотреть, не по замыслу ли дьявола появился этот Второй Шанс. Его Таинственный Незнакомец назвался другом людей и сказал, что «дьяволами» являлись другие этики.

Впрочем, дьявол и должен был сказать что-то подобное этому.

— Неужели мои слова вообще не коснулись вашего сердца? — спросил Геринг.

Сэм шутливо похлопал ладонью по груди, прислушался и разочарованно покачал головой.

— До сердца еще не дошли, — сообщил он. — Но вот кишки мне уже от них скрутило!

Геринг стиснул кулаки и поджал губы.

— Осторожно, мой друг. Вы можете растерять свою любовь, — сказал Клеменс и двинулся прочь.

Маленькая победа не улучшила его настроения. Кроме того, у него действительно заболел живот. Сэма всегда мучило от непробиваемого ханжества — даже когда он мог над ним вволю посмеяться.

ГЛАВА 21

И вот наступил следующий день. Сэм Клеменс и Иоанн Безземельный спорили все утро. Наконец, устав взывать к рассудку и осторожности, Сэм не выдержал и закричал:

— Мы не можем допустить, чтобы Хакинг перекрыл нам поставку бокситов! Я не позволю остановить строительство парохода! Вы же делаете все, чтобы вызвать войну между нами и Душевым Городом! Это опасный путь, ваше величество!

Сэм шагал взад и вперед по комнате, сопровождая каждое слово взмахом большой сигары. Иоанн сидел в кресле, облокотившись о круглый стол, который стоял в центре недавно отстроенной «рулевой рубки». Джо Миллер устроился в углу на массивном табурете, сделанном специально для него. Закс-скромб, огромный монгол из палеолита, замер в выжидательной позе позади Иоанна.

Клеменс остановился и оперся кулаками о дубовую столешницу. Пригнувшись вперед и прикусив сигару в уголке рта, он нахмурил густые брови и сердито произнес:

— Вы уступили однажды, подписав в Раннимиде Великую хартию вольностей. Это был единственный порядочный поступок, совершенный вами за время правления — хотя, по словам некоторых историков, вы и тогда держали пальцы скрещенными. Так вот, пришла пора еще раз раскрыть карты, ваше величество. Если вы не извинитесь перед Абдуллой, я созову экстренное заседание Совета и поставлю вопрос о вашем пребывании на посту консула!

Иоанн смотрел на него почти минуту. Его усмешка превратилась в злобную гримасу.

— Меня не пугают ваши угрозы. Однако они лишний раз доказывают, что вы скорее вергнете страну в гражданскую войну, чем пойдете на штурм Душевного Города. Я не понимаю этого безумия, но здравомыслящему человеку всегда нелегко осмысливать неразумные поступки. Поэтому во избежание бед я принесу свои извинения. Почему бы и нет? Короля лишь возвеличивает снисходительность к черни. А слова — они и есть слова. Пустое сотрясение воздуха.

Иоанн встал и, не прощаясь, вышел. Его огромный телохранитель последовал за ним.

Через десять минут Клемену доложили, что Иоанн посетил хижины послов и принес гостям свои извинения. Абдулла выслушал их с угрюмым видом, но, по-видимому, ему приказали смирить свою гордость.

Перед тем как фабричные сирены возвестили окончание обеденного перерыва, в «рулевую рубку» вошел Каубер. Он сел, не дожидаясь приглашения, и Сэм удивленно поднял брови, поскольку такого прежде не случалось. В поведении негра произошли какие-то неуловимые перемены, и, понаблюдав за ним несколько минут, Клеменс понял, что Каубер ведет себя как раб, который решил перечеркнуть свое рабское прошлое.

Каубер уже знал, что ему предстояло отправиться послом в Душевный Город. Он сидел, широко раскинув руки на поверхности стола, и выбивал пальцами какой-то напряженный ритм. Негр говорил на эсперанто, но, подобно многим, путал глагольные времена и для пояснения вставлял множество наречий.

Его группа опроса переговорила с каждым из трех тысяч ярко выраженных негров (у них возникла небольшая путаница с определением расы некоторых представителей доисторических народов). Треть из них согласилась перебраться в Душевный Город — в обмен на тех, кого Хакинг посчитал недостойными гражданства. Эта тысяча человек по большей части состояла из негров конца двадцатого века. Остальные же черные решили остаться в Пароландо. Они заявляли, что наличие работы создает им престиж, что им нравится быть на равных с белыми и что они мечтают оказаться в команде парохода.

Сэм подумал, что последнее обстоятельство, очевидно, сыграло решающую роль. Не он один видел чудесные сны о сказочном пароходе. Грезы о корабле и долгом путешествии по Реке проникали в умы многих мужчин и женщин. Они, как драгоценные камни, освещали серые будни людей и манили их светом далекой надежды.

Делегацию Душевного Города вновь пригласили в тронный зал для переговоров. Фаербрасс пришел последним. Как ока-

залось, он осматривал в ангаре аэроплан. Бывший космонавт отпустил несколько шуток по поводу старомодности и медлительности их машины, но по его лицу было видно, что он завидовал фон Рихтхофену.

— Не огорчайтесь, — сказал Сэм. — Мы дадим вам возможность полетать. Конечно, при условии, что вы задержитесь у нас на какое-то время.

Фаербрасс стал серьезным.

— Итак, джентльмены, какое решение вы приняли по поводу предложений нашего правительства?

Клеменс взглянул на Иоанна, и тот кивнул, предоставляя ему право ответа. Возможно, король надеялся, что все упреки и злость делегатов будут направлены в этом случае на Сэма.

— Мы сторонники демократии, — ответил Клеменс. — И мы не можем изгонять из страны своих граждан, если только на них нет вины за совершенное преступление. Таким образом, я считаю — вернее, мы считаем, — что любой гражданин Пароландо может переселиться в Душевный Город лишь руководствуясь собственным желанием. На прошлой встрече, я думаю, мы уже пришли к согласию по этому вопросу. Отныне представителям вашего государства разрешается вести переговоры с любым из жителей нашей страны. Что же касается ваших арабов и дравидов, то мы готовы предоставить им возможность проживания в Пароландо. Но мы сохраняем за собой право отказать им в гражданстве, если они не пожелают вносить свой вклад в развитие нашего государства. Куда они потом уйдут — это уже их дело.

— Хорошо, — сказал Фаербрасс. — Хакингу тоже не нужны люди, которые селились бы в Душевном Городе против своей воли — пусть даже они будут стопроцентными черными.

— А что вы скажете о поставках сырья? О древесине и минералах? Будут ли они прерваны во время переговоров?

— На этот вопрос я пока не могу ответить, — произнес Фаербрасс. — Сомневаюсь, что это произойдет, но последнее слово остается за Хакингом. Впрочем, вы тоже можете придержать свой груз руды и оружия до того момента, как мы поднимем цену.

— Я заметил, что вы упомянули о росте цен без тени сомнения, — сказал Сэм.

— Все мои слова требуют еще дополнительного подтверждения или отрицания со стороны Хакинга, — с улыбкой ответил Фаербрасс.

Далее они перешли к согласованию кандидатуры на пост полномочного представителя Пароландо. Клеменс известил послов об изменении хартии и сказал, что в Душевный Город

отправится Каубер. Все остальные вопросы повисли в воздухе. У Сэма сложилось впечатление, что Фаербрасс не хотел ускорять ход событий. Помощник Хакинга намеренно затягивал переговоры и давил на тормоза каждый раз, когда намечался какой-нибудь прогресс. Он делал все, чтобы задержаться в Пароландо, и одной из причин такого поведения мог оказаться обычный шпионаж. Однако Сэм не упускал и другую возможность — провокацию конфликта между двумя странами.

После встречи он обсудил этот вопрос с Иоанном, и тот согласился, что Фаербрасс ведет себя как шпион. Однако экс-монарх не понимал, с какой стати послу провоцировать конфликт.

— На мой взгляд, он заинтересован в строительстве корабля не меньше вашего, — объяснял Иоанн свою точку зрения. — Как только мы построим пароход, Хакинг попытается им завладеть. Неужели вы так наивны, что верите в какие-то добрососедские отношения? О корабле мечтают все — и Хакинг, и каждый из тех, кто о нем знает. Артур решил первым, но ненависть ко мне заставила его поспешить, и попытка оказалась неудачной. Ему следовало немного подождать, объединиться с альмаками и Клеоменом, а затем нанести единый удар, бросив в бой все силы вплоть до последнего воина. Но спешка всегда приводит к поражению. Вот почему Артур и Клеомен мертвы. Вот почему их страны захватил Иэясу, которому и воевать-то даже не пришлось.

— Да, наши разведчики сообщили, что он одержал победу, — сказал Сэм.

— Объединив свое государство с Клеоменджо и Новой Бретанью, он станет очень грозным противником.

«Таким же опасным, как ты, Иоанн Безземельный, — подумал Сэм. — Из всех врагов, которые наблюдают за строительством корабля, ты самый близкий и самый подлый...»

На следующий день Фаербрасс объявил, что он и его делегация остаются в Пароландо для продолжения переговоров.

— Я рад, что вы будете поблизости, — сказал Сэм. — Но, как мне известно, Душевный Город тоже имеет свою индустрию. Вы используете нашу руду для производства какого-то секретного оружия, о котором ни мы, ни соседи никак не можем дознаться.

Фаербрасс застыл с удивленным видом, а потом громко захохотал.

— Вы и полено поставите в неловкое положение! — сказал он по-английски и, смахнув с ресниц набежавшие слезы, вновь перешел на эсперанто:

— Впрочем, почему бы нам не поговорить откровенно? Мне это нравится. Да, мы знаем, что вы посылаете в Душевный Город своих шпионов. И я думаю, вы наслышаны, что мы отвечаем вам тем же. А кто теперь не имеет своих наблюдателей в соседних странах? Это же норма политической жизни. Но к чему вы клоните?

— В техническом отношении вы — наиболее компетентный человек Хакинга. У вас за плечами докторская степень и годы работы с самой совершенной аппаратурой. Вы могли бы отвечать за деятельность заводов и развитие промышленности. Так почему Хакинг отправил вас сюда?

— Дело в том, что я уже наладил производство, и мое постоянное присутствие в Душевном Городе в данный момент необязательно. Узнав о моем желании посетить Пароландо, Хакинг поставил меня во главе делегации. Но я здесь только потому, что сам захотел этого.

— То есть вы решили увидеть собственными глазами наши ружья, аэроплан, вездеход и паровую пушку?

Фаербрасс усмехнулся и кивнул:

— Да. А что в этом зазорного? Если их не увидел бы я, то увидел бы кто-то другой.

Сэм добродушно усмехнулся.

— Вы меня убедили, — сказал он. — Можете высматривать все, что хотите. Кроме паровой пушки, вы не найдете у нас ничего нового. Кстати, эту пушку изобрел я. Не желаете немного пройтись? Мне хочется показать вам свое детище. Она почти завершена...

«Огненный дракон-1» все еще окружали строительные леса и помосты. Серебристо-серый вездеход напоминал по форме катер, но с каждой стороны корпуса располагалось по семь огромных металлических колес с пластмассовыми шинами. Из задней части выступали двойные винты, защищенные решетчатыми кожухами. Длина, высота и ширина машины составляли соответственно тридцать, двенадцать и десять футов. На верхней палубе возвышались три орудийные башни. Первая предназначалась для водителя, капитана и связиста — хотя на тот момент Пароландо еще не имело средств радиосвязи. Центральная башня превосходила две другие по высоте, и из нее торчал толстый короткий ствол паровой пушки. В задней башне предполагалось разместить стрелков, вооруженных ружьями «Марк-1».

— Мы оснастили вездеход паровым котлом, — рассказывал Сэм. — А в качестве топлива планируем использовать древесный спирт. Давайте пройдем внутрь через этот боковой люк. Обратите внимание, что котел занимает около трети башни. Это неслучайно, и чуть позже вы поймете нашу идею.

Они поднялись по трапу в кабину стрелка, которую освещала небольшая лампочка. Увидев ее, Фаербрасс издал удивленное восклицание. И немудрено — это была единственная электрическая лампа во всей речной долине. Сэм объяснил, что она питалась от масляного аккумулятора.

— А вот и наша скорострельная паровая пушка, — сказал он.

Клеменс указал на цилиндр, выступавший из серой переборки башни. Широкий ствол заканчивался оружейным прикладом, на котором располагалась гашетка. Фаербрасс потянулся к ней, положил палец на спусковой крючок и взглянул в отверстие прицела, потом несколько раз поднял и опустил ствол.

— Здесь мы установим кресло для стрелка, — сказал Сэм. — Нажимая на те или иные педали, он сможет вращать башню в какую угодно сторону. Ствол можно поднимать и опускать примерно на двадцать градусов. Пластиковые пули восьмидесятого калибра выстреливаются из ствола с помощью пара, который под высоким давлением поступает из котла. Оружие имеет открытую казенную часть, то есть при нажатии на курок пуля в стволе отсутствует. Нажатие курка освобождает стопор, и тот, в свою очередь, позволяет затвору казенной части двигаться вперед под воздействием пружины. Во время своего поступательного движения затвор выдвигает пластиковую пулю из обоймы и доставляет ее в патронник. Но в самый последний момент его боковые выступы входят в эти прорези на казенной части и поворачивают затвор на сорок пять градусов вправо, тем самым закрывая патронник. Вам понятно, о чем я говорю?

Фаербрасс кивнул.

— Отлично. Как только поворот заканчивается, впускной канал в головке затвора выходит на одну линию с паровым патрубком из котла. Таким образом в камеру патронника под большим давлением подается пар, разогретый примерно до четырехсот градусов по Фаренгейту. Пластиковая пуля выстреливается из ствола. В то же самое время пар, воздействуя на заднюю часть камеры, заставляет затвор двигаться назад. Из-за большого веса тот остается на месте, пока пуля находится в жерле пушки.

При возвратном движении затвора его выступы вновь входят в прорези и разворачивают головку на четверть влево, перекрывая тем самым доступ пара. Потом затвор патронника возвращается в исходное положение, и, если курок все еще нажат, операция повторяется неограниченное количество раз.

— Я впечатлен, — признался Фаербрасс. — Но не будет ли оружие действовать более эффективно, если вы доведете

температуру ствола до температуры пара? Таким образом, вы не будете растрачивать энергию на разогрев ствола и, следовательно, увеличите ускорение пули. Теперь я понимаю назначение пустотелого кожуха вокруг жерла пушки! Вы подаете через него пар, верно?

— Да. Для изоляции мы используем гипс, а дальше идет деревянный кожух. Видите этот подающий клапан? Он предназначен для предварительного прогрева ствола, и без него оружие при стрельбе может заклинить. Эта пушка будет применяться только в режиме автоматической очереди, поскольку при единичных выстрелах она неэффективна. Вы и сами понимаете, что при относительно небольшой скорости и легком весе пластиковой пули ни о какой точности выстрела говорить здесь не приходится.

Вопреки ожиданиям Сэма, Фаербрасс не был подавлен тем военным превосходством, которое Пароландо получало с внедрением танка-амфибии. Очевидно, он планировал сделать такую же машину. В ответ на создание одного вездехода противника он мог построить два. И тогда Пароландо придется вводить в строй три амфибии.

Тем не менее Душевный Город мог лишь догонять, но не обгонять Пароландо. Если бы Клеменс сократил поставки руды, Хакинг и Фаербрасс вообще бы остались с пустыми руками. Но в таком случае они прекратили бы продавать бокситы, криолит, платину и иридий.

Радостное возбуждение, охватившее Сэма при демонстрации его изобретения, улетучилось как дым. Он понял, что Хакинг действительно может начать гонку вооружений. И тогда единственным выходом будет разгром Душевного Города — разгром и последующая аннексия всех месторождений. Однако это означало отсрочку строительства парохода. Это подразумевало оккупацию Публиджо и Тайфанджо, которые находились между Пароландо и Душевным Городом. А вдруг все три страны объединятся друг с другом и нанесут удар, используя то оружие, которое Пароландо отдало им в обмен на древесину?

Сэм решил, что такая возможность сравнительно невелика. Более явная опасность приближалась с другой стороны. Завершив завоевание соседних стран, Иэясу направил в Пароландо своих послов. Он не выставлял требований, которые могли бы показаться чрезмерными. Наоборот, они в какой-то мере были даже выгодны Клеменсу. Иэясу сообщил о том, что его страна уже потеряла много деревьев и что ему хотелось бы дать своим рощам немного подрасти. Тем не менее он обещал в обмен на оружие огромное количество древесины и человеческих экскрементов, необходимых для

производства пороха. Для этой цели Иэясу собирался захватить несколько стран на другом берегу Реки.

Суть предложения сводилась к тому, что Пароландо должно было платить за материалы, награбленные на соседних территориях. Иэясу обещал поставлять древесину по дешевой цене. Кроме того, он брал всю грязную работу на себя. Сэм Клеменс согласился, заранее зная о том, что отныне угрызения совести лишат его сна. В свою очередь Иоанн посчитал это предложение просто превосходным.

— Наши заводы будут работать на всю мощь, — мечтал он вслух. — Мы увеличим экспорт оружия и построим флот из «Огненных драконов». Пройдет какое-то время, и эти машины сомнут под своими колесами те мечи и копья, которые мы дадим оборзевшему японцу!

— А когда же мы будем строить пароход? — спросил Сэм.

Никто не дал ему ответа, но на следующий день ван Бум, Велицкая и О'Брайен принесли ему первые рабочие чертежи. Они были выполнены на белых пластиковых листах особым «карандашом», который подсоединялся к масляному аккумулятору. Магнитное поле на кончике карандаша производило поляризацию мелких частиц. На листе возникала линия, которую могло убрать лишь обратное поле. Таким образом, чертежи отвечали двум основным требованиям — прочности при длительной эксплуатации и возможности вносить исправления.

Фаербрасс предложил свою помощь в строительстве корабля. Несмотря на возражения Иоанна их гостю разрешили присоединиться к разработке проекта. Сэм заявил, что чем больше будет задействовано инженеров, тем быстрее пойдет работа. И он не видел, каким образом информация, почерпнутая Фаербрассом, позволит тому похитить судно. Сэм не стал делиться с Иоанном своими мыслями, но у него появилась идея насчет Фаербрасса. Он хотел увлечь инженера строительством большого корабля, а затем, как бы невзначай, поговорить с ним об отдельной каюте на пароходе.

Станки для изготовления корабельной обшивки находились на стадии завершения. Дамбу закончили неделю назад, и горный поток наполнил водохранилище до краев. На роторы генераторов наматывалась алюминиевая проволока. Шли работы по установке турбин. Не позже этого месяца инженеры обещали запустить в действие пробный образец батацитора.

Через несколько дней у границы Пароландо собралось около пятисот миссионеров Церкви Второго Шанса. Они просили убежища и крова. Иэясу изгнал их из своего нового

государства и пригрозил им ужасными пытками на тот случай, если они попытаются просочиться обратно. Сэм в это время находился на вершине дамбы и ничего не знал о той драме, которая разворачивалась внизу.

Иоанн приказал миссионерам немедленно покинуть территорию Пароландо, но шансеры отказались уйти. Услышав об этом, Иоанн Безземельный мрачно усмехнулся, дернул себя за волосы цвета львиной шкуры и произнес:

— Здесь я хозяин! Клянусь зубом Бога!

Сэм наблюдал за минированием дамбы. Внутри полых стен он решил поместить несколько тонн динамита — на тот случай, если врагу удастся захватить страну. Эта хитрость во многом напоминала самоубийство, но на карте стоял пароход, и Клеменс не желал дарить его какому-то дяде.

Фон Рихтхофен, запыхавшись от бега по холмам, рассказал ему о появлении шансеров и об их отказе покинуть территорию Пароландо. Однако он и сам тогда еще не знал о замыслах Иоанна.

Сэм попросил передать миссионерам, что он навестит их вечером. Пока же им следовало оставаться около питающего камня, вокруг которого они расположились лагерем. На какой-то миг Клеменсу захотелось прогнать несчастных шансеров и приказать солдатам вытолкать их вшаей за границу Пароландо. Ему было жарко. Он вспотел, наглотался цементной пыли, и в эту минуту мысль о ссыокающих ханжах наполнила его раздражением. Мир Реки не имел ни мух, ни москитов, но природа не терпит пустоты — вот почему здесь появились шансеры.

Грохот и визг огромных ступ, в которых размещивался бетон, крики людей и скрежет лопат о гравий, дребезжание железных тачек и вой лебедек — все это заглушило звуки выстрелов. Сэм узнал о происшедшем насилии только после того, как фон Рихтхофен вновь прибежал на дамбу.

У Клеменса подкосились ноги, и, поскользнувшись, он едва не упал в лужу. Иоанн опробовал новое оружие на шансерах. Сотня стрелков с кремневыми ружьями за три минуты перебила около пятисот мужчин и женщин. Иоанн самолично сделал десять выстрелов и последние пять пуль использовал для того, чтобы прикончить раненых.

В живых оставили только тридцать наиболее красивых женщин. Иоанн забрал их к себе во дворец.

Спустившись с холма, Сэм увидел большую толпу, которая собралась вокруг питающего камня. Он отправил Лотара вперед, чтобы тот расчистил дорогу. Люди расступились перед ними, как Красное море перед Моисеем. Но море

красной крови ожидало Клеменса впереди. Он замер на месте при виде кучи трупов, оторванных рук и ног и торчавших костей, разможенных пулями крупного калибра. За девятью годами жизни Сэм так и не привык к безмолвию мертвых. Оно нависло над ним и над толпой, как знобящее невидимое облако. Открытые рты, из которых больше не вырвется ни слова; выпученные невидящие глаза...

Он понимал, что завтра эти люди, живые и здоровые, восстанут из мертвых где-то на берегах Реки. Однако мысль о воскрешении не помогала. Все разумные доводы отступали прочь перед ужасом такой нелепой смерти.

Иоанн отдавал приказы о переносе тел на перерабатывающую фабрику. Увидев Сэма, он усмехнулся и отвел глаза, как нашкодивший мальчишка.

— Это же просто бойня! — закричал Сэм. — Резня! Неоправданная и непростительная жестокость! Зачем вы сделали это — вы, кровожадная и смертоносная тварь! Неужели это все, на что вы способны? Бешеный пес! Свинья! Свинья! Свинья!

Иоанн перестал улыбаться и отступил назад, когда Сэм, сжав кулаки, двинулся на него. Огромный Закскромб, помахивая большой дубиной со стальными шипами, шагнул навстречу Сэму.

— А ну назад! — закричал Лотар фон Рихтхофен. — Оставайтесь на своих местах, или я позову Джо Миллера! Любой, кто сделает хоть один шаг к Сэму, тут же получит пулю в лоб.

Клеменс оглянулся. Лотар держал в руках ружье, направляя ствол на Иоанна. Смуглое лицо экс-монарха побледнело; глаза расширились от испуга.

Позднее Сэм пожалел, что в ту минуту он не приказал Лотару выстрелить в Иоанна. Короля окружала сотня стрелков, но они не посмели бы открыть огонь, если бы их хозяина убили первым. Вокруг стояла толпа вооруженных мужчин и женщин. Многие из них не любили Иоанна, и почти все они были шокированы убийством ни в чем неповинных людей. Толпа удержала бы стрелков. И даже если бы приспешники Иоанна открыли стрельбу, Сэм мог бы упасть на землю и переждать первый залп. А потом обязательно бы что-нибудь случилось.

Впрочем, что толку фантазировать. Он не отдал такой приказ. Тем не менее Клеменс вел себя довольно решительно. Если бы он позволил Иоанну уйти, народ перестал бы его уважать. Сэм лишился бы не только хорошей репутации, но и звания консула. Да что там какое-то звание? Он потерял бы свой сказочный пароход!

Изредка поглядывая на Иоанна, Клеменс осмотрел толпу и увидел бледное лицо Ливи. Она зажимала рот обеими руками, словно ее мучило. Рядом, на краю образовавшегося круга, стоял Сирано де Бержерак с неизменной рапирой в руке.

— Капитан де Бержерак! — окликнул его Сэм Клеменс. — Арестуйте консула!

Иоанн держал в одной руке ружье, но он не стал сопротивляться.

— Я выражаю свой протест, — спокойно произнес бывший король Англии. — Эти люди не повиновались моему приказу. Я вновь и вновь предлагал им покинуть территорию суверенного государства, однако они и слушать меня не хотели. Мне просто не оставалось ничего другого, как открыть по ним огонь. Хотя какая разница? Завтра они снова будут живы и здоровы.

Подойдя к Иоанну, Сирано остановился, отсалютовал длинной рапирой и сказал:

— Ваше оружие, сир.

Закскромб зарычал и замахнулся своей утыканной шипами дубиной.

— Не надо, Зак, — крикнул Иоанн Безземельный. — В соответствии с хартией один консул может арестовать другого, если тот, по его мнению, совершил противозаконный поступок. К тому же я верю что маэстро Клеменс вскоре поймет свою ошибку и выпустит меня из-под ареста.

Он передал Сирано свое ружье, затем расстегнул пояс и бросил его на землю. В ножнах находились длинный нож и короткий меч.

— Я возвращаюсь в мой дворец, где буду ждать вердикт Совета, — сказал он, обращаясь к Сэму. — По закону вы должны собраться в течение часа после моего ареста и ровно через два часа сообщить мне свое решение. Единственным оправданием для задержки сроков может считаться лишь национальное бедствие.

Он ушел под конвоем Сирано де Бержерака. Люди Иоанна какое-то время стояли в нерешительности, а затем, повинувшись команде Закскромба, поспешили за своим предводителем. Сэм с удивлением смотрел им вслед. Он ожидал сопротивления и жестокой схватки. Но Иоанн, очевидно, понимал, что Клеменс не мог поступить по-другому — иначе он просто потерял бы свое лицо. Иоанн знал, что Сэм попытается избежать решения, создающего угрозу гражданской войны, — слишком уж сильно он дорожил пароходом.

Да, экс-монарх подчинился. Он не хотел разжигать вражду — по крайней мере, не сейчас. На какое-то время

Иоанн утолил свою жажду крови. Он не сомневался, что члены Совета признают его действия законными. Конечно, расстрел шансеров не вязался с гуманностью и моралью. Но мораль — вещь тонкая и неуловимая. Сторонники Иоанна оспорят этот вопрос. Они скажут, что мертвые оживут снова и очередная смерть пойдет им только на пользу. А вот последователи Второго Шанса получат хороший урок. Они надолго забудут дорогу в Пароландо. Члены Совета напомним Клеменсу, что этого желали многие. Если шансеры будут продолжать свою деятельность, построить пароход не удастся никогда. Более того, соседние государства, не подточенные пацифистской философией, со временем нападут на Пароландо и захватят страну.

Сэм, конечно же, станет спорить. Он скажет сторонникам Иоанна, что в таком случае надо признать законным любое уничтожение людей. Если продолжать их мысль, то лучшим средством избавления от ран и боли является убийство больных. А значит, и изнасилование не содержит состава преступления, если пострадавшую женщину тут же предали смерти. Зачем же оставлять бедняжку больной или беременной, правда? После нового воскрешения она проснется целой и невредимой — так что нечего ломать голову о каком-то моральном ущербе. Она пожует мечтательную резинку, и все пройдет.

Нет, будет говорить им Клеменс. Это вопрос не об убийстве, а о правах. Подобная смерть означала насильственное перемещение в такие места, откуда человек при желании мог бы вернуться только через тысячу лет. Таким образом его лишали друзей, любви и крова. Насилие всегда останется насилием, и оно всегда...

О-хо-хо! К чему эти фантазии? Нужно действовать, а не мечтать!

— Сэм! — раздался знакомый голос.

Клеменс медленно повернулся и поднял голову. Ливи по-прежнему была бледна, но ей уже удалось овладеть собой.

— Сэм! А что же будет с женщинами, которых он увел в свой дворец?

— О Боже! Как я мог о них забыть? — громко воскликнул он. — Лотар, за мной!

Увидев десятифутовую фигуру Джо Миллера, Клеменс замахал рукой, и титантроп вразвалку поспешил навстречу. По приказу фон Рихтхофена сотня только что прибывших лучников последовала за ними к бревенчатому дворцу Иоанна.

Приблизившись к высокой ограде, Сэм замедлил шаг. Его тревожило недоброе предчувствие. Иоанн должен был понимать, что если его соправитель и забыл о похищенных

женщинах, то вскоре он о них обязательно вспомнит. Зная, что закон не докажет его вины, экс-монарх согласился предстать перед судом Совета. Но если Сэм попытается отнять у него женщин силой, терпению Иоанна придет конец. В ярости он может потерять остатки разума, и тогда гражданская война станет неизбежной.

ГЛАВА 22

Клеменс увидел около тридцати женщин, которые вышли из открытых ворот. Он понял, что Иоанн решил исправить свою ошибку. Задерживая миссионеров, экс-монарх рисковал быть обвиненным в похищении. А в этом вывернутом наизнанку мире похищение считалось еще более тяжким преступлением, чем убийство. Однако если женщинам не причинили вреда, Иоанн без труда мог опротестовать любое обвинение.

Внезапно Сэму показалось, что его сердце разорвется от ярости. Среди женщин он увидел Гвенафру.

Выкрикнув имя девушки, Лотар бросился к ней навстречу. Она побежала к нему, протягивая руки, и они заключили друг друга в объятия.

После минуты слез, поцелуев и трепетных взглядов она отошла от немца и приблизилась к Клеменсу. Сэм проклял себя за глупость и слюнявую нерешительность. Если бы он показал Гвенафре, что желает ее, когда она буквально предлагала ему себя, они могли бы сейчас наслаждаться друг другом и ей не пришлось бы обращать свой взор на распутного фон Рихтхофена. И почему он тогда не взял ее в свой дом? Почему он до сих пор надеялся на то, что Ливи бросит Сирано и вернется к нему? Но ведь это правда, черт возьми! Если он возьмет другую женщину, Ливи обидится и навсегда отвернется от него!

В его рассуждениях не было никакой логики. Но что бы там ни говорили философы, люди использовали логику только для того, чтобы оправдывать свои эмоции.

Гвенафра поцеловала Сэма, и несколько ее слезинок упало на его обнаженную грудь. Потом она вернулась к Лотару, а Клеменс остался с проблемой, по-прежнему не зная, что ему делать с королем Иоанном. В сопровождении Джо Миллера он вошел в ворота дворца. Минутой позже к нему присоединился фон Рихтхофен. Он ругался по-немецки и шептал что-то похожее на «Я его убью!».

Сэм остановился.

— Вам лучше уйти, мой друг! Я тоже схожу с ума от злости, но, по крайней мере, могу держать себя в руках. Мы

теперь в логове льва, и если вы попытаетесь напасть на него, он убьет вас под предлогом вынужденной самообороны. Иоанн любит такие фокусы. На самом деле он мог похитить Гвенафру только для того, чтобы спровоцировать нас на необдуманные поступки.

— Если я уйду, вы останетесь здесь только с Джо! — воскликнул Лотар.

— Когда речь идет о Джо, слово «только» приобретает совершенно иной смысл, — ответил Сэм. — Кроме того, обнимаясь с Гвенафрой, вы, вероятно, не услышали мой приказ. Если я не вернусь через пятнадцать минут, армия Пароландо начнет штурм дворца и убьет каждого, кто будет здесь находиться.

Фон Рихтхофен с удивлением взглянул на Клеменса:

— А вы, оказывается, можете быть злым!

— С каждой новой проблемой и отсрочкой в строительстве парохода я становлюсь все более гадким и подлым! — ответил Сэм.

Он боялся признаться себе, что его гнев вызван не столько поведением Иоанна, сколько отношениями Лотара и Гвенафры. Клеменс по привычке направил ярость на старого врага, и если бы чувства действительно отвечали таким понятиям, как «жар» или «накал», Иоанн давно бы уже сморщился и покрылся трещинами. Впрочем, так оно и должно было бы случиться, если бы в мире существовала какая-то справедливость.

Клеменс вошел в большое здание, огороженное частоколом из сосновых бревен. Акула, один из телохранителей Иоанна, попытался преградить ему дорогу, однако Сэм и не подумал замедлить шаг. За его спиной раздался приглушенный рык. Увидев огромную волосатую фигуру, громила прошептал проклятие и отступил в сторону. Но он немного промедлил, в результате чего огромное бедро, покрытое рыжеватыми волосами, смело с пути массивного мужчину весом в двести тридцать фунтов, словно легкое перышко.

— Когда-нибудь я тебя убью! — прошипел Акула по-английски.

Голова Джо, как башня боевого корабля, медленно повернулась в его сторону, и ствол огромного носа нацелился в лицо-плоскодонку телохранителя:

— Да? Где же ты наберешь столько людей?

— Я смотрю, Джо, ты за словом в карман не лезешь, — шепнул Сэм. — Видно, сказывается мое влияние.

— Большинство из этих людей зчитают меня тупым, — ответил Джо. — Но они ошибаются.

— Ты, безусловно, прав, дружище.

Ярость Клеменса остыла и стала тускло-красной. Он понимал, что даже присутствие Джо Миллера не гарантировало его безопасности. Тем не менее Сэм надеялся, что Иоанн не будет доводить конфликт до крайности. Ему ведь тоже был нужен пароход.

Иоанн сидел за круглым дубовым столом в компании дюжины своих головорезов. Позади него стоял гигант Закскромб. Все держали в руках глиняные пивные кружки. В комнате пахло табаком и спиртным. Из-за высокого частокола солнечные лучи не попадали в окна, поэтому в помещении чадил несколько сосновых факелов. Глаза Иоанна покраснели — то ли от дыма, то ли от выпитого виски.

Сэм остановился, достал сигару из маленькой сумки, висевшей на поясе, и закурил. Рука дрожала, очень сильно дрожала. Это рассердило Клеменса и еще больше усилило его гнев.

— Что же вы так, ваше величество? — произнес он. — Разве вам не хватало тех женщин, которых вы захватили для гнусных оргий? Похитив Гвенафру, вы затанули петлю на своей шее. Причем я говорю отнюдь не фигурально! Гвенафра — гражданка нашего государства! И вам уже не оправдаться крестовым походом на Церковь Второго Шанса!

Иоанн допил виски, опустил кружку на стол и мягко сказал:

— Я увел этих женщин во дворец ради их собственной безопасности. Если бы вы только знали, как свирепо была настроена к ним толпа! Люди хотели растерзать всех миссионеров. И мне вполне понятен их гнев. Гвенафру взяли вместе с шансерами по ошибке. Я уже установил виновного в этом и наказал его.

— Иоанн, за эту выходку я мог бы выдворить из страны всех ваших головорезов, — сказал Сэм. — И думаю, народ одобрил бы подобный шаг. Но я хочу добраться до вас, потому что именно вы и есть тот самый дьявол, корень зла и величайший подлец всех прошлых и будущих времен. Если наглость является качеством лжеца, то ваши собратья по духу в сравнении с вами милы, как Санта-Клаус!

Лицо Иоанна покраснело. Закскромб усмехнулся и поднял дубину на уровень груди. Джо предупреждающе зарычал. Экс-монарх устало вздохнул и улыбнулся Сэму:

— Эта небольшая кровь расстроила вас, мой друг. Но я верю, что вы оправитесь. Ваши эмоции не могут опровергнуть истины моих слов. Вы просто немного переоценили свои возможности. Кстати, вам следовало бы поторопиться и созвать Совет. Закон нашей страны требует, чтобы вы сделали это в установленные сроки.

Самое ужасное, что Иоанн мог вывернуться. Все, включая и его сподвижников, знали, что он лгал. Но тут приходилось либо молчать, либо начинать гражданскую войну. А в случае войны на их страну набросились бы Иэясу и Хакинг и все эти предполагаемые нейтралы типа Публия Красса, Чернского, Тай-Фана и дикарей с другого берега Реки.

Сэм отшвырнул сигару и зашагал прочь. Через два часа его ожидания подтвердились. Члены Совета вынесли Иоанну официальное порицание за поспешность и неправильную оценку ситуации. Впредь в подобных случаях ему вменялось в обязанность советоваться с соконсулом.

Иоанн, наверное, хохотал до слез, когда ему доложили о вердикте Совета. И он, скорее всего, потребовал новых напиков, марихуаны и женщин для хорошей пирушки.

Однако победа экс-монарха имела горький привкус. Все в Пароландо знали, что Сэм Клеменс выступил против Иоанна, вошел к нему во дворец с одним телохранителем и, освободив женщин, прилюдно оскорбил его. Триумфатор знал, что стоит на глиняных ногах.

Сэм предложил Совету изгнать из Пароландо всех миссионеров и тем самым предотвратить повторение подобных убийств. Однако несколько советников выступили против. По их мнению, такое решение противоречило закону и требовало изменения хартии. Кроме того, они утверждали, что после их предупреждения Иоанн наверняка оставит Церковь Второго Шанса в покое.

Они прекрасно понимали, что Сэм пытался воспользоваться ситуацией и выдворить шансеров из страны. Но в Совете хватало тупоголовых упрямцев. Скорее всего их обозлило собственное бессилие против Иоанна, и они старались теперь отыграться на Клеменсе.

Сэм готов был поспорить, что уцелевшие в боине миссионеры сами убегут из Пароландо. Однако те, к его огромному удивлению, пожелали остаться. Массовое убийство убедило их, что эта страна нуждается в проповеди милосердия. Геринг начал строить для собратьев по вере несколько больших хижин, но Сэм предупредил его, что не потерпит растрат древесины. Она обходилась Пароландо дорого, и Клеменс не желал дарить ее бездельникам и болтунам. Геринг передал ему, что в таком случае он и остальные последователи Второго Шанса выйдут из своих жилищ и будут спать под питающими камнями. Сэм с проклятием выпустил дым в лицо посыльного и посетовал на то, что в мире Реки не хватало такой ценной штуки, как воспаление легких. После этого Клеменс почувствовал стыд, но не смягчился. Сэм не желал

гасить свои печи и горны из-за каких-то фанатиков, которых он, между прочим, и видеть-то не хотел в Пароландо.

Все эти трения по поводу шансеров расстроили Клеменса до предела, но вечером того же дня он получил два сообщения, от которых у него подкосились ноги. Первое гласило о том, что на обратном пути в Пароландо при невыясненных обстоятельствах с корабля исчез Одиссей. Он исчез из своей каюты, и никто не мог понять, как это произошло. Второе сообщение касалось Уильяма Гревела — человека, который шпионил за Иоанном. Его труп с разбитым черепом нашли у подножия горы. Каким-то образом экс-монарх выследил и казнил отставного торговца шерстью. И теперь Иоанн мог хохотать, потому что Сэм снова не имел никаких доказательств. Он даже не мог признать, что Гревел работал на него.

Клеменс вызвал фон Рихтхофена, де Бержерака и других, кого он считал своими сторонниками. Хотя в его отношениях с де Бержераком существовала определенная напряженность, тот предпочитал Клеменса Иоанну и не раз вступал с бывшим королем в яростные перебранки.

— Возможно, исчезновение Одиссея является только случайным совпадением, — сказал Сэм. — Но после смерти Гревела я начинаю полагать, что Иоанн мстит мне через моих друзей. Очевидно, он планирует уничтожить каждого из вас, создавая видимость случайной смерти. Иоанн ловок и хитер. На какое-то время он затаится и примет вид невинного ягненка. И нам вряд ли удастся обвинить его в совершенных преступлениях. Уже сейчас гибель Одиссея подается как необъяснимое исчезновение, и я уверен, что наше расследование будет напрасной тратой сил. С Гревелом дело обстоит и того хуже — вы сами знаете, какую миссию он выполнял. Если я начну обвинять Иоанна в его смерти, мне придется признаться в нарушении закона, и мои слова принесут выгоду только нашему врагу. Поэтому я прошу вас об осторожности. Избегайте ситуаций, где могут произойти несчастные случаи. И будьте начеку, оставаясь одни.

— *Morgbleu!* — вскричал де Бержерак. — Если бы не ваш нелепый закон, запрещающий дуэли, я вызвал бы Иоанна на поединок и одним росчерком рапиры подписал ему смертный приговор. Откровенно говоря, синьоро Клеменс, мне ваша хартия нравится все меньше и меньше!

— Я родился в стране, где дуэли считались обычным явлением, — ответил Сэм. — Тем не менее меня тошнит от подобных методов решения спора. Если бы вы видели, к каким трагедиям... Впрочем, не будем вспоминать о прошлом. Вы наверняка их видели. И они, скорее всего, не произвели на вас глубокого впечатления. В любом случае вы заблуждаетесь,

считая Иоанна благородным дворянином. Он не дал бы вам прожить и минуты, если бы опасался встретиться с вами на дуэли. Нет, мой друг! Вы исчезли бы из своей хижины при невыясненных обстоятельствах или погибли под случайно упавшим грузом — можете в этом не сомневаться.

— А почему Иоанн не может погибнуть под упавшим грузом? — спросил Джо Миллер.

— Ты не принимаешь в расчет живой заслон — его телохранителей, — ответил Сэм. — Если Иоанн и погибнет при каком-то инциденте, то это будет настоящий, стопроцентный несчастный случай!

Он отпустил гостей, за исключением де Бержерака и Джо, который после болезни не отходил от него ни на шаг. Миллер чувствовал надвигавшуюся беду и оставлял Сэма одного только в тех случаях, когда тот сам просил об этом.

— Незнакомец сказал, что для штурма Туманной Башни он выбрал двенадцать человек, — произнес Клеменс. — Джо, вы, Ричард Фрэнсис Бёртон, Одиссей и я — это пятеро. И никто из нас не знает, где находятся остальные семь избранников. Одиссей исчез, и вряд ли мы увидимся с ним еще раз. А Незнакомец полагал, что все двенадцать соберутся на борту парохода во время путешествия по Реке. Но если Одиссей воскрес где-то на юге, он не успеет вернуться сюда до начала плавания. Я боюсь, что мы потеряли его окончательно.

Пожав плечами, Сирано почесал свой длинный нос.

— Зачем изводить себя сомнениями и тревогами? Или у вас просто такая натура? Пока нам известно, что Одиссей исчез. Я повторяю: исчез, а не умер! Он мог войти в контакт со своим этиком, который, по словам Одиссея, являлся женщиной. Скорее всего она не имеет ничего общего с тем существом, которое встречали мы с вами. О, *mordieux*! Простите меня за отвлеченную болтовню! Итак, как я уже говорил, Одиссея могла отозвать его таинственная хозяйка. Возможно, мы когда-нибудь узнаем, что там у них произошло. Но это уже заботы нашего призрачного ангела. Вам же следует сосредоточиться на строительстве сказочного корабля. А я буду нанизывать на шпагу тех, кто попытается нам помешать.

— В этом есть змысл, — произнес Джо. — Езли бы Зэм терял по волозку каждый раз, когда он беспокоится, его голова походила бы на колено. Зэм, ты должен переложить звои заботы на наши плечи...

— Истина глаголет устами младенцев... и бесхвостых обезьян, — ответил Клеменс. — Я что-то перепутал? В любом случае, если все пойдет хорошо, через месяц мы начнем

сварку корпуса! А значит, вскоре наш пароход отправится в дальнее плавание! И это будет самый счастливый день в моей жизни! Даже когда Ливи скажет мне «да», я вряд ли испытаю большее счастье...

Он мог остановиться и раньше, но ему хотелось подразнить Сирано. Однако француз никак на это не реагировал. Да и зачем ему было обижаться? Ливи любила его; она говорила ему «да» в любое время.

— Нам придется пролить немало крови, — задумчиво произнес Сирано. — Хотя меня, мирного и добродушного человека, тоже мутит от такой перспективы. Мне хотелось бы иметь досуг, чтобы наслаждаться любовью и общением с друзьями. Мне хотелось бы положить конец войне! Или, если без кровопролития не обойтись, пусть в нем участвуют благородные люди, которым известно, как держать в руках мечи и шпаги. К сожалению, нам не удастся построить корабль без помех, потому что те, у кого нет железа, не остановятся ни перед чем, пока его не получат. Иоанн Безземельный прав в одном. Как только мы накопим оружие, нам надо начать тотальную войну и очистить оба берега Реки от любой оппозиции. Пусть будет только одна страна, страна Пароландо — на тридцать миль в оба конца. И тогда мы получим неограниченный доступ к бокситам, платине и древесине...

— Но если вы уничтожите население соседних стран, через день все эти земли будут снова заполнены людьми, — возразил Сэм. — Вы же знаете, как происходит воскрешение. Вспомните, с какой быстротой были заселены оба берега после падения метеорита.

Сирано поднял вверх длинный и грязный палец. У Сэма мелькнула мысль, что Ливи проиграла свою битву за чистоту этого нерая.

— Минутку! — воскликнул француз. — Вы забываете, что какое-то время новое население останется неорганизованным. Мы будем здесь бесспорными лидерами и сделаем из этих людей добропорядочных граждан большого и мощного Пароландо. Их можно даже допустить к участию в жеребьевке, которая позволит некоторым новичкам попасть в команду корабля. Я уверен, что при таком развитии событий мы построим ваш пароход гораздо быстрее.

«Может быть, мне назначить тебя командующим этой армии? — подумал Клеменс. — И вновь начнется история Давида, Вирсавии и Урии. Но у нового Давида может не оказаться совести, и свершенные им злодеяния никогда не наrushат его снов».

— Позвольте с вами не согласиться, — сказал Сэм. — Граждане Пароландо будут сражаться как черти, чтобы

защитить себя и страну. Каждому из них хочется попасть на пароход, и ради этого они не пожалеют последней капли крови. Но наш народ не согласится участвовать в завоевании других земель — особенно после того, как люди узнают, что мы планируем допустить новых граждан к лотерее. Это не только уменьшит их собственные шансы! Это, помимо прочего, еще и аморально!

Де Бержерак встал, и его рука легла на эфес рапиры.

— Возможно, вы правы, сударь. Однако в тот день, когда вы пошли на сговор с Иоанном и убили Эрика, ваш корабль окрасился кровью измены. Я не собираюсь упрекать вас, Сэм Клеменс. Вероятно, в тот момент вы не имели другого выбора. Вам просто хотелось построить пароход, и уместной казалась любая жертва. Но нельзя начинать с предательства, а затем укорять других за подобные поступки. Это, помимо прочего, еще и аморально! Спокойной ночи, мой друг.

Он поклонился и ушел. Клеменс, нахмурившись, запыхтел сигарой.

— Я ненавижу этого человека! — воскликнул Сэм через несколько минут. — Он всегда говорит мне правду!

Джо встал, и пол закрипел под тяжестью его восьмисот фунтов.

— Я пойду спать. У меня болит голова. Все ваши зпоры действуют мне на нервы. Это ведь так просто, Зэм — либо ты что-то делаешь, либо не делаешь.

— Будь мои мозги в районе ягодиц, я сказал бы то же самое! — огрызнулся Сэм. — Знаешь, Джо, я тебя люблю. Ты просто прекрасен! И наш мир действительно не такой уж сложный. Проблемы скапливаются в голове, давят на глаза, и поэтому ты засыпаешь! Но мне кажется...

— Спокойной ночи, Зэм! — сказал Джо и ушел в «техас».

Сэм убедился, что дверь закрыта на засов. Снаружи маячили фигуры часовых, которых он расставил вокруг здания. Клеменс мрачно покачал головой и пошел спать.

Ему снился сон про Эрика, который бегал за ним по палубам и старался загнать его в темный трюм парохода. Сэм закричал и проснулся от собственного крика. Над ним склонилась фигура Джо. Гигант осторожно потряхивал его за плечо и просил успокоиться. По крыше глухо барабанил дождь; где-то вдали, на склонах гор, гремели раскаты грома.

Немного посидев с Сэмом, Джо сделал кофе. Он бросил в холодную воду полную ложку сухих кристаллов, и те за три секунды разогрели напиток. Друзья посасывали кофе. Сэм курил сигару, вспоминая вслух о тех днях, когда они путешествовали вниз по Реке с Кровавым Топором и его храбрыми викингами.

— Хорошие были времена, — со вздохом сказал Джо. — Не то, что зейчаз. Здезь злишком много работы и злишком много людей, которые хотят зодрать з наз шкуру. А еще, как назло, твоя женщина появилазь з этим нозатым Зирано.

Сэм тихо засмеялся и сказал:

— Это первая хорошая шутка за последние дни. Спасибо тебе, Джо. Носатый! Вот уж, ей-Богу!

— Иногда мой юмор бывает злишком тонким даже для такого озтрыка, как ты, — обиженно произнес Джо.

Он встал из-за стола и направился в свою спальню.

Сэм проспал до позднего утра. Он всегда любил понежиться в постели — даже после полноценного сна. Теперь ему все чаще доводилось спать по ночам не более пяти часов, хотя иногда он прихватывал послеобеденное время отдыха. Каждый раз находилась какой-то вопрос, над которым приходилось ломать голову. Каждый раз кто-то подсовывал ему спорную проблему, от которой земля уходила из-под ног. Его главные инженеры спорили друг с другом по любому поводу, и только от одного этого Сэм едва не сходил с ума. Прежде он считал труд инженера довольно банальным делом — перед вами ставят некую задачу, и ее следует решить наилучшим образом. Так нет же! Ван Бум, Велицкая и О'Брайен, казалось, жили в разных мирах. Чтобы уберечь себя от приступов раздражения и бесполезной траты времени, Клеменс назначил своим заместителем ван Бума. Сэма перестали беспокоить по пустякам, но нашлось потрясающее число вопросов, когда по-прежнему требовалось его авторитетное вмешательство. Впрочем, в большинстве случаев это трио инженеров могло бы обойтись и без него.

Тем временем Ияэсу захватил не только область бушменов и готтентотов, которая располагалась напротив его владений по другую сторону Реки, но и девять миль территории альмаков. Он послал флот к небольшому государству, в котором жили индейцы семнадцатого века из племен лисиц и саков. Покорив этот район, длиной не более трех миль, его армия перебила половину населения. И тогда Ияэсу заговорил о повышении цен на древесину. Кроме того, он хотел получить вездеход — точно такой же, как «Огненный дракон-1». Японец знал, что Пароландо построило второй танк-амфибию.

Свыше пятисот черных переселились в Душевный Город в обмен на равное количество дравидов. Сэм отказывался принимать ваххабских арабов и настаивал на том, чтобы первыми присылали индусов. Хакингу это страшно не нравилось, но в договоре ничего не говорилось о том, какой группе будет отдаваться предпочтение. Прослышав о требованиях Ияэсу,

он отправил Клеменсу срочное сообщение. Ему тоже понадобился «Огненный дракон», и он предложил за него огромное количество минералов.

Публий Красс и Тай-Фан объединились для захвата территории, которая находилась напротив их стран. Этот район тянулся на четырнадцать миль вдоль левого берега, и там обитали люди каменного века. Благодаря стальному оружию и перевесу в численности захватчики уничтожили половину населения и поработили остальных. Они тоже повысили цену на древесину, хотя и не так сильно, как Иэясу.

Разведка донесла, что Чернский, который правил к северу от Пароландо на четырнадцатимильной полосе побережья, совершил визит в Душевный Город. Результаты переговоров держались в тайне, а система безопасности у Хакинга действовала со стопроцентной эффективностью. Сэм отправил к нему восемь черных наблюдателей; в свою очередь Иоанн послал туда не меньше дюжины человек. Но однажды ночью из тумана вынырнул корабль, и головы шпионов были переброшены через стену, которую люди Клеменса возвели вдоль берега Реки.

Поздно вечером к Сэму пришел ван Бум. Как оказалось, Фаербрасс склонял его к сотрудничеству с Хакингом.

— Он предложил мне пост главного инженера на нашем корабле, — сказал ван Бум.

— На нашем корабле? — вскричал Сэм, и сигара едва не выпала из его рта.

— Да. Он не стал об этом распространяться, но я понял суть его предложения. Пароход будет захвачен людьми Хакинга, и я могу получить пост главного механика.

— И что вы ответили на такое выгодное предложение? Вам в этом случае терять вроде бы нечего.

— Я посоветовал ему не напрягать понапрасну горло и попросил его уйти. Он усмехнулся, словно не верил моим словам. И тогда я сказал Фаербрассу, что мой выбор останется за вами — без клятв верности и щедрых подачек. Мне претит предательство и обман! И если Душевный Город нападет на Пароландо, я буду оборонять нашу страну до самой смерти!

— Хорошо сказано! Просто превосходно! — воскликнул Сэм. — Вот вам за это глоточек бурбона! И сигару! Я горжусь вами и горжусь собой, поскольку мне удалось заслужить такую преданность. Но я хотел бы... Не знаю, как это сказать...

— Да? — спросил ван Бум, посмотрев на него поверх чаши.

— Я хочу, чтобы вы согласились на его предложение. Мы могли бы узнавать через вас о замыслах Хакинга.

Ван Бум поставил чашу на стол и встал. На его симпатичном бронзовом лице появилось мрачное и презрительное выражение.

— Я никогда не буду грязным шпионом!

— Вернитесь! — закричал Сэм, но ван Бум уже хлопнул дверь.

Клеменс спрятал лицо в ладонях, а затем одним глотком осушил чашу ван Бума. Никто и никогда не скажет, что Сэмюэль Ленгхорн Клеменс потратил зря хорошее виски — или даже плохое, если уж на то пошло. Впрочем, грааль всегда приносил самые лучшие продукты.

Сэма раздражали люди, которые не понимали реальной обстановки. Однако сейчас его наполняло чувство глубокого удовлетворения, и он радовался тому, что на свете еще остались неподкупные люди.

По крайней мере, Сэм мог не тревожиться о ван Буме.

ГЛАВА 23

Посреди ночи он проснулся от смутного беспокойства и долго не мог понять, чем оно вызвано. Внезапно Сэм вздрогнул. А что, если ван Бум солгал ему? Что, если хитрый Фаербрасс велел инженеру развлечь Клеменса этой наивной историей? Разве можно найти лучший способ, чтобы заставить человека забыть об осторожности? Но почему тогда ван Бум не притворился, что согласен вести двойную игру?

— Я начинаю думать о людях, как король Иоанн! — произнес Сэм вслух.

В конце концов Клеменс решил, что может довериться ван Буму. Тот казался немного самонадеянным и странным, но ведь таким и должен быть настоящий инженер. Сэму нравились люди с твердыми взглядами. А моральный хребет ван Бума мог потягаться в несгибаемости даже с позвоночником окаменевшего динозавра.

Работа на верфи велась и днем и ночью. После установки бимсов началась сварка корпусных листов. Батацитор и гигантские электрические моторы находились на стадии завершения, а сборка погрузочной системы подходила к концу. Огромные подъемные краны перемещались по широким рельсам и приводились в движение электрической энергией.

С обоих концов Реки в Пароландо стекались люди. На катамаранах, галерах и каноэ они проплывали порою тысячу миль только для того, чтобы взглянуть на сказочный пароход.

Посовещавшись, Сэм и король Иоанн решили, что при таком скоплении любопытных вражеские агенты получили слишком уж большую свободу.

— Кроме того, у людей появляется соблазн похитить наш пароход, — добавил Клеменс. — Зачем же вводить их в искушение, если они и без того создают нам массу проблем?

Иоанн не принял шутивого тона Клеменса. Он подписал приказ, согласно которому из страны надлежало изгнать всех неграждан, за исключением послов и курьеров. Однако эта мера не мешала многочисленным судам курсировать возле берега, пока любопытные пассажиры глазели на чудесное судно. По указанию Иоанна вокруг верфи начали строить вал из глины и камней, но в нем имелось множество проходов, через которые грузовые корабли подвозили к причалам древесину, руду и кремний. Более того, поскольку равнина плавно поднималась к холмам, туристы могли видеть и фабрики и подъемные краны, и даже огромный корпус парохода.

Через некоторое время поток туристов иссяк. Слишком многие из них попадали по пути в граалевое рабство. Разнесся слух, что путешествовать в этот сектор Реки стало опасно.

Прошло еще шесть месяцев, и запасы древесины в этом районе подошли к концу. За три—шесть недель бамбук вырос на порядочную высоту, но, чтобы дерево достигло полной зрелости, требовалось не меньше шести месяцев. Все государства на расстоянии пятидесяти миль в обе стороны от Пароландо едва набирали древесину для своих нужд.

Торговые агенты Клеменса заключали договора со все более удаленными странами и городами. В обмен на древесину они поставляли туда железную руду и стальное оружие. На месте падения метеорита оставалось еще много крупных осколков, поэтому Сэм не тревожился о запасах металла. Однако добыча железа требовала огромных затрат труда и рабочей силы. Рудник превратил центральную часть Пароландо в бесплодную, изрытую ямами местность. И чем больше древесины ввозилось в страну, тем больше людей, материалов и машин приходилось привлекать для изготовления оружия и прочих товаров. Кроме того, требовалось строить все новые и новые грузовые корабли, на что уходила немалая часть полученной древесины. А сколько людей стали матросами и охранниками на рудовозах и грузовых баржах! Сколько кораблей пришлось фрахтовать у соседних государств, расплачиваясь все тем же оружием и железно-никелевой рудой!

Строительство шло полным ходом, и Сэм трепетал от восторга, наблюдая за рождением огромного корабля. Он с радостью оставался бы на верфи с рассвета до заката, но бывал там только по два-три часа в день. Административные обязанности поедали его время как голодные крокодилы.

Клеменс пытался переложить часть своих забот на Иоанна, но экс-монарх брался лишь за те дела, которые давали ему дополнительную власть над армией и позволяли оказывать давление на оппозицию.

Попытки уничтожения близких Сэмю людей больше не повторялись. Стража по-прежнему охраняла по ночам дом Клеменса, но Иоанн выжидал. Возможно, он решил отложить свою месть до того момента, когда корабль будет построен.

Однажды Джо Миллер сказал:

— Зэм, а вдруг ты ошибся насчет Иоанна? Возможно, он вполне доволен, что зтанет вторым на корабле?

— Разве может саблезубый тигр лишиться своих клыков?

— Не понял...

— Иоанн прогнул до ядра, — ответил Сэм. — Он родился с червоточиной в сердце. Короли старой Англии всегда считались аморальными ублюдками, и единственная разница между ними и Джеком-Потрошителем состояла в том, что они действовали с благословения церкви и государства. Но безнравственность Иоанна превзошла все пределы, и в Англии стало традицией не называть своих королей этим именем. Иоанна не могла вынести даже церковь, с ее великой терпимостью ко злу в высших инстанциях власти. Папа наложил интердикт* на весь народ и заставил Иоанна лизать свои башмаки, как какого-то нашкодившего щенка. Но я уверен, что, даже целуя ногу папы, Иоанн высосал немало крови из его святейшего большого пальца. Говорят, что, обняв на прощание Иоанна, папа долго потом проверял свои карманы, но так и не нашел именные часы. Я пытаюсь растолковать тебе, что этот человек не может измениться — даже при всем его желании. Он всегда останется хищником — помесью гиены и скунса.

Джо запыхтел сигарой, не уступавшей по размерам его носу.

— Мне кажется, ты не прав, — сказал он. — Люди могут меняться. Взгляни на всех этих шанзеров, на Геринга, на зебя. Ты говорил, что в твоё время женщины носили одежду, которая закрывала их тела от шеи до лодыжек, и вы возбуждались, увидев зимпатичную ножку или бедро! А теперь ты воротишь ноз, даже когда тебе показывают голую...

— Знаю-знаю! — оборвал его Сэм. — Конечно, старые привычки и то, что психологи называют условными рефлексами, могут иногда меняться под воздействием среды. Поэтому я и утверждаю, что люди, до сих пор не избавившиеся от расовых

---

* Интердикт — в католицизме временный запрет на совершение богослужений и религиозных обрядов. (Примеч. ред.)

и сексуальных предрассудков, просто не пользуются тем, что предлагает им мир Реки. Человек может меняться, хотя...

— Ага! Значит, уже может?! — взревел Джо. — Но ты всегда говорил, что жизни людей, их мысли и поступки определены задолго до появления человечества на Земле. Разве не так? Ты еще говорил, что это философия детерминизмов. Тебе нравится думать, что все фиксировано на твоих мезтах, и что люди действуют, как шестеренки большой машины! Но тогда скажи мне, Сэм, — как ты можешь верить, что человек меняется сам по себе?

Клеменс нахмурил густые брови, и его светло-голубые глаза сверкнули над ястребиным носом.

— Ты должен понять, что наши теории тоже заранее предопределены, — сказал он медленно. — И если они противоречат друг другу, я тут совершенно ни при чем!

— Тогда скажи мне, ради небез, какой змысл вообще говорить об этом? — воскликнул Джо, вскидывая огромные ладони. — Зачем нам строить пароход или делать что-то другое? Почему бы тебе не здаться на волю зудьбы?

— Потому что я ничего не могу изменить, — ответил Сэм. — Как только два первых атома во Вселенной врезались друг в друга, моя судьба была предопределена, включая все мысли, чувства и действия.

— Значит, ты не незешь никакой ответзтвенности за звои поступки, верно?

— Да, верно, — ответил Сэм, почувствовав себя неловко.

— Тогда и Иоанн не может поступать по-другому, — с усмешкой сказал титантроп. — Именно поэтому он убивает, лжет и ведет себя как подлая звинья. Разве не так?

— Все правильно. И по воле предопределенной судьбы я вынужден презирать его за то, что он ведет себя таким образом.

— Мне кажется, что, езли бы кто-то более умный, чем я, пришел и логичезки доказал ошибки в твоих философских догмах, ты сказал бы ему, что по воле зудьбы не можешь зчитать себя неправым, верно? Ты сказал бы этому человеку, что он сам ошибается, так как ему, чизто механичезки, предопределено думать подобным образом.

— Я прав и, более того, уверен в своей правоте, — ответил Сэм, попыхивая сигарой. — Твой гипотетический человек не убедил бы меня ни в чем, потому что его суждения не имели бы никакого отношения к свободной воле. Знаешь, чем свободная воля похожа на тигра-вегетарианца? Их обоих не существует в природе!

— Значит, твои зобзтвенные раззуждения тоже не имеют отношения к зводной воле?

— Конечно. Мы все нанизаны на одну ось. Мы верим в то, во что нам предписано верить.

— Почему же ты змеешь над теми людьми, которые, по твоему мнению, наделены непобедимым невежеством? Ведь ты и зам наполнен им до краев.

— О Боже, спаси нас от обезьян, которые считают себя философами!

— Видишь! Ты прибегаешь к озкорблениям, когда тебе больше нечего сказать! Здавайся, Сэм! Твоя логика не выдерживает критики!

— Ты просто не понимаешь того, что я хочу сказать, — ответил Сэм. — Мы мыслим по-разному, и это еще раз доказывает предопределенность наших судеб!

— Езди бы перед тобой зейчаз зтоял Зирано, ты говорил бы з ним по-другому! Он тоже порядочный циник, но не погряз еще настолько в болоте детерминизма.

— Да, в умных беседах вы друг друга стоите! Слушай, Джо, а тебя не обижает, что вы с ним так похожи? Как вы вообще можете стоять нос к носу и не падать при этом от хохота? Прямо как два муравьеда...

— Озкорбление! Опять озкорбление! Это что, твоя привычка?

— Наверное, — ответил Клеменс.

Джо ушел, не пожелав ему даже доброй ночи, и Сэму не удалось вернуть его. Титантроп обиделся, потому что он действительно не был глупым существом. Низкий лоб, надбровные дуги и огромный нос придавали ему вид добродушной и забавной гориллы. Но за маленькими синими глазами находился мозг, наделенный неоспоримым интеллектом.

Почему же Сэма так больно задела слова Джо? Неужели его вера в предопределение являлась лишь попыткой оправдать свою вину? Но какую вину? В чем? Во всем плохом, что случилось с теми, кого он любил?

Да, этот философский лабиринт заканчивался в трясине. А может быть, он верил в детерминизм потому, что не хотел чувствовать себя виноватым? Или, наоборот, он чувствовал вину из-за механического импульса Вселенной, которая определялась тем, что он чувствовал вину?

Джо прав! Бессмысленно думать об этом! Но если человеческие размышления вызваны столкновением двух первых атомов, то что здесь мог поделаться он — Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, писавший некогда книги под псевдонимом Марк Твен?

Тем вечером Сэм засиделся допоздна. Ему не работалось, и он пил спирт, смешанный с фруктовым соком. Двумя месяцами раньше Фаербрасс выразил удивление, что Пароландо

не производило этиловый спирт. Клеменс тогда даже расстроился. Он не знал, что алкоголь можно изготавливать из древесины. Ему казалось, что единственным и ограниченным источником спиртного являлись их персональные граали.

Фаербрасс убедил его в обратном. Он не понимал, почему инженеры Пароландо до сих пор не рассказали Сэму о таких простых вещах. При наличии подходящих материалов — кислот, катализаторов и ацетальдегида — этиловый спирт можно было вырабатывать из древесной целлюлозы. На Земле этот процесс считался заурядным явлением, но в мире Реки только Пароландо имело оборудование и материалы для производства спирта.

Сэм потребовал объяснений от ван Бума. Инженер сказал, что у него и без того хватает забот. Он назвал алкоголь социальным злом и заявил, что в таком однообразном мире люди, получив доступ к спиртному, вскоре сопьются от тоски. Тем не менее Сэм приказал подготовить материалы и выделить людей. Вот так, впервые в мире Реки, началось промышленное производство спирта. Этот вид индустрии не только осчастливил некоторых граждан Пароландо, но и помог увеличить поставки древесины и бокситов. Спирт шел на экспорт во все страны. И только шансеры осуждающе качали головами.

Сэму удалось заснуть только около полуночи, и утром он в первый раз за несколько лет проспал рассвет. Правда, на следующий день Клеменс уже не позволил себе такой вольности.

Сэм и Иоанн направили Иэясу послание с просьбой воздержаться от захвата оставшихся земель альмаков и Страны Чернского. Они предупредили сегуна, что любое вторжение на эти территории будет воспринято Пароландо как враждебный акт. Иэясу ответил, что у него нет намерения завоевывать указанные страны. Чтобы доказать искренность своих слов, он пообещал напасть на государство Шешуба, которое располагалось к северу от его владений. Шешуб, ассирийский князь из седьмого века до новой эры, некогда служил полководцем у Саргона Второго. Привыкнув к власти в земной жизни, он стал лидером и в мире Реки. Шешуб дал Иэясу хороший бой, но захватчики воспользовались численным перевесом.

Помимо Иэясу существовало множество других проблем, которые приходилось решать и днями и ночами. Хакинг передал через Фаербрасса последнее предупреждение и потребовал, чтобы Клеменс в конце концов предоставил ему обещанный вездеход. Сэм попытался сослаться на технические трудности, но Фаербрасс сказал, что эта причина больше не

может считаться уважительной. Он знал, что недавно со стапелей верфи сошел «Огненный дракон-3».

Сэм навестил Чернского и подтвердил свое намерение защищать ближайших соседей. На обратном пути, в полумиле от района фабрик, Клеменс начал задыхаться. Он так долго прожил в атмосфере, наполненной смогом, что успел привыкнуть к дыму и запаху кислот. Теперь же после небольшой прогулки его легкие очистились, и, вступив в Пароландо, он почувствовал себя так, будто попал в цех по производству серы или клея. Завесу смога не мог рассеять даже ветер, который достигал иногда скорости пятнадцати миль в час. Не удивительно, что жители Публиджо постоянно жаловались на дым и копать.

А корабль продолжал расти. Сэм каждое утро смотрел на него в иллюминатор «рубки» и получал утешение за свой тяжкий труд и усталость, за истерзанный и уродливый вид страны. В ближайшие полгода намечалось закончить три палубы, установить гребные колеса и покрыть пластиком ту часть корпуса, которая будет соприкасаться с водой. Пластик не только защищал дюралюминий от окисления, но и ослаблял завихрения воды, тем самым увеличивая скорость корабля на лишние 10 миль в час.

К тому времени Сэм получил хорошие вести. В Селинджо — стране, расположенной к югу от Душевного Города, — его геолог обнаружил залежи иридия и вольфрама. Эту новость Сэму доставил сам изыскатель, побоявшись передавать ее через других людей. И как всегда хорошим известиям сопутствовали плохие. Селина Хастинг отказалась предоставить Пароландо право на разработку этих месторождений. Более того, если бы она знала, что геолог ведет изыскания в ее горах, она немедленно выдворила бы его из страны. Селина не хотела вести себя враждебно по отношению к Сэму Клеменсу, поскольку уважала его за гуманизм. Однако она не желала растрачивать ресурсы своей страны, тем более для строительства столь ненавистного ей парохода.

Сэм извергал проклятия и, по словам Джо, «метал голубые молнии на милою вокруг зебя». Вольфрам был необходим для выплавки прочной стали, для инструментов и радиодеталей, без которых их проект кабельного телевидения летел ко всем чертям. Иридий мог заменить платину при производстве измерительных приборов, хирургических инструментов и перьев для авторучек.

Втайне от других этиков Таинственный Незнакомец разместил в этой области залежи различных минералов. Вместе с бокситами, криолитом и платиной он вывел на поверхность горных отрогов несколько жил вольфрама и иридия. Но

произошла ошибка, и залежи двух этих металлов оказались на несколько миль южнее основного месторождения.

Сэм не стал делиться новостями с королем Иоанном. Ему требовалось время, чтобы обдумать ситуацию. Конечно же, Иоанн потребует от Селины немедленного подписания торговых соглашений, а в противном случае пригрозит войной.

Пока Клеменс расхаживал взад и вперед по «рулевой рубке», заполняя комнату зеленым дымом сигары, по долине пронесся бой сигнальных барабанов. Код был Сэму неизвестен, и он понял, что это сообщение из Душевного Города. Через несколько минут Фаербрасс уже поднимался по лестнице его дома.

— Синьоро Хакинг узнал, что в Селинджо открыты залежи вольфрама и иридия. Он просил передать, что будет счастлив, если вы договоритесь с Селиной. Однако ваше вторжение в ее страну будет равносильно нападению на Душевный Город.

Клеменс бросил взгляд в окно.

— Сюда идет Иоанн Острое Ухо, — сказал Сэм. — Наш друг тоже услышал эту новость. Его шпионская сеть почти не уступает вашей, маэстро Фаербрасс. Он лишь на несколько минут отстает от событий. Не знаю, где протекает моя собственная система безопасности, но пробойны настолько широки, что я давно бы уже утонул, будь это шлюпка или корабль. Впрочем, с такими парнями, как вы, можно пойти ко дну и на суше.

Тяжело отдуваясь и свирепо вращая покрасневшими глазами, в комнату ворвался Иоанн. С тех пор как в стране гачалось производство пищевого спирта, он значительно прибавил в весе и все время был навеселе.

При виде экс-монарха Сэму стало грустно и смешно. Конечно, Иоанн хотел бы проводить подобные встречи во дворце, а не в «курытнике» Клеменса, но он знал, что Сэм к нему не придет. И поэтому, переступив через свою королевскую гордость, несчастный Иоанн притащился сюда.

— Что происходит, Клеменс? — прорычал он, сверкнув глазами.

— Лучше вы расскажите мне об этом, — ответил Сэм. — Вам ведь больше известно о скрытой стороне наших внутренних и внешних дел.

— Я устал от ваших острот! — закричал экс-монарх. Он без спроса налил в глиняную кружку целую кварту «пурпурной взрывчатки». — Барабаны передали какое-то сообщение, но мне не известен их код!

— На мой взгляд, вы преуменьшаете свои возможности, — с усмешкой произнес Сэм. — Но на тот случай, если вы

что-то пропустили... — И он сообщил ему требование Хакинга.

— Дерзость ваших черных просто невыносима, — сказал Иоанн, поворачиваясь к послу. — Вы вмешиваетесь в дела суверенного государства и указываете нам, как себя вести. А я плевал на все ваши угрозы! Мы возьмем эти металлы, потому что они нам нужны! Селина сидит на них как собака на сене, хотя и знает, что мы дадим за них прекрасный товар!

— И что же вы дадите? — спросил Фаербрасс. — Ее страна не нуждается ни в оружии, ни в спирте. Что вы вообще ей можете предложить?

— Мир! Возможность жить без войны!

Фаербрасс пожал плечами, и его усмешка еще больше разъярила Иоанна.

— Конечно, вы можете сделать ей такое предложение, — сказал Фаербрасс. — Однако я советую вам прислушаться к предупреждению Хакинга.

— А почему он так заботится о Селинджо? — спросил Сэм. — Насколько я помню, Хакинг первым вышел из своей страны всех шансеров — белых и черных.

— Шансеры проповедуют неограниченный пацифизм. А это, как вы понимаете, предполагает любовь и дружбу, независимо от цвета кожи. Такие тезисы, по мнению Хакинга, представляют угрозу для нашего государства. Черные должны защищать себя сами, иначе они вновь окажутся под игом рабства.

— Какие черные? — спросил Сэм.

— Наши черные! — с усмешкой ответил Фаербрасс.

Уже не в первый раз у Клеменса складывалось впечатление, что Фаербрасс иронизировал над расовой озабоченностью Хакинга. Цвет кожи его почти не волновал. Конечно, на Земле он сталкивался с некоторыми предрассудками, но они оставались где-то на периферии его жизни. И он все чаще намекал Сэму о том, что не отказался бы от места в корабельном кубрике.

Впрочем, это могло быть уловкой хитрого политика.

— Я думаю, нам удастся договориться с Селиной Хастинг, — сказал Сэм. — Она не устоит, если мы предложим ей мощные мегафоны. Вы только представьте, какие проповеди она будет читать со своей яхты, курсируя у берегов Душевного Города! Кроме того, мы построим ей завод по обработке вольфрама. По сравнению с войной лучшее предложение и представить трудно!

Он подмигнул Иоанну, надеясь, что тот его поддержит. Но Иоанн, как обычно, оказался тупоголовым.

— Наши отношения с Селинджо никого не должны касаться! — проревел он. — И мы прищемим вам носы, если вы сунетесь в это дело!

— Я передам ваши слова правительству Душевного Города, — пообещал Фаербрасс. — Но уверяю вас, Хакинг — сильная личность. Он не обделается от угроз каких-то там белых капиталистов и империалистов.

Сэм задохнулся от гнева, а Иоанн выпучил от ярости глаза.

— Да-да, он относится к вам именно так! — сказал Фаербрасс. — И в каком-то смысле Хакинг прав, употребляя эти выражения.

— Неужели и ему чем-то помешал наш корабль?! — закричал Сэм. — А вам известно, зачем мы его строим и какую конечную цель...

Преодолевая гнев, Клеменс со стоном втянул воздух в легкие и почувствовал тошнотворное головокружение. Еще секунда, и он проговорился бы о Незнакомце.

— И какую же цель вы преследуете? — поинтересовался Фаербрасс.

— Никакую, — угрюмо ответил Сэм. — Можете не беспокоиться о своей великой державе. Мы хотим отправиться к истокам Реки, чтобы отыскать секрет всей этой заварухи. И мне как-то все равно, будете ли вы крутить пальцем у виска или хлопать нам в ладоши. Однако я не потерплю критики от человека, который залез на дохлого черного конька и собирает «братьев по духу». Если ему это нравится, пусть продолжает. Мы желаем ему удачи. Хотя лично я считаю интеграцию рас идеальной формой любого сообщества. Да, я родился в Миссури — родился белым в 1835 году! Не потому ли так давится злобной пеной ваш Хакинг? Но факт остается фактом: если бы здесь не появились мы со своей мечтой о пароходе, этим железом воспользовался бы кто-то другой. И тогда вместо прекрасного плавания к далеким берегам люди получили бы кровавые войны!

Мы согласились почти на все ваши требования и дикие цены, хотя могли бы просто приплыть и забрать то, что нам нужно. Король Иоанн извинился за обиду, на которую напросился ваш Абдулла. И если вы думаете, что это для Плантагенета было легко, то вам следовало бы получше учить историю. В своей ненависти к белым Хакинг перегибает палку. Не подумайте, что я обвиняю его. Но здесь ему не Земля! И мы теперь живем в совершенно других условиях!

— Тем не менее люди принесли в этот мир свои отношения, — ответил Фаербрасс. — Вместе с ними воскресли

ненависть и любовь, их симпатии и антипатии, предрассудки, убеждения — одним словом, все!

— Но люди должны измениться! Неужели мы изгадим своей злобой и этот мир?

— Вы противоречите своей же философии, — с усмешкой ответил Фаербрасс. — Если все определено с изначальных времен, то Хакинг просто не может изменить своего отношения к белым. Да и почему он должен его менять? Разве вы не встречали здесь расистов, не слышали о граалевом рабстве и неуважении к черным?

— Я не хотел бы спорить сейчас об этом, — сказал Сэм. — Но у меня появилось одно предложение.

Он замолчал и посмотрел в окно. Беловато-серый корпус корабля сиял на солнце, как гигантский алмаз. И этот алмаз принадлежал ему, Сэмюэлю Ленгхорну Клеменсу!

— Почему бы Хакингу не приехать сюда самому? — произнес он окрепшим голосом. — Скажем, с дружественным визитом? Пусть осмотрится и убедится в том, что мы не черти с голубыми глазами, которые задумали поработить несчастных и бедных негров. Возможно, ваш лидер поймет, что избавиться от нас гораздо быстрее, если будет помогать, а не мешать Пароландо.

— Я передам ему ваше предложение, — сказал Фаербрасс. — И скорее всего он ответит на него согласием.

— Мы встретим его с шиком, — продолжал Клеменс. — Я гарантирую салют в двадцать один залп, большой прием, яства, напитки и подарки. Он увидит, что мы не такие уж и плохие ребята.

Иоанн с отвращением плюнул на пол, но ограничился единственным «Фу!». Он понимал, что предложение Сэма имеет множество преимуществ.

Через три дня Фаербрасс получил ответ. Хакинг согласился нанести визит после того, как Пароландо и Селинджо договорятся о продаже металлов.

Сэм чувствовал себя, как старый паровой котел на миссурийском пароходе. Еще несколько фунтов давления, и его куски долетят до самых небес.

— Иногда я думаю, что вы были правы, — сказал он Иоанну. — Нам с самого начала следовало захватить эти страны и одним махом покончить со всеми спорами.

— Конечно, — вкрадчиво ответил Иоанн. — Теперь вы поняли, что бывшая графиня Хантингтона не собирается уступать. В ее жилах течет кровь моего врага, эрла Хантингтонского. Кроме того, как и все религиозные фанатики, она может переупрямить даже осла. Душевный Город взял ее под свою защиту, и Хакинг объявит нам войну, если мы нападём

на Селинджо. Получив вездеход, он стал еще более сильным и наглым. Впрочем, мне не хочется говорить о ваших ошибках. Я не собираюсь вас в чем-то упрекать. Сейчас нам надо выпутаться из этого затруднительного положения, и мне кажется, я кое-что придумал...

Сэм перестал шагать по комнате и вопросительно посмотрел на Иоанна. Тот что-то замышлял. Тени зашевелились в полумраке, кинжалы выскользнули из ножен, в воздухе пахло ледяным дыханием интриг, и вот-вот должна была пролиться кровь. На сцену вышел мастер своего дела.

— Только не подумайте, что я веду без вас какие-то переговоры с Иэясу, — сказал Иоанн. — Просто у меня есть канал информации, и я им пользуюсь. — Он поудобнее устроился в кресле с высокой спинкой и томно взглянул на «пурпурную взрывчатку» в своей кружке. — Так вот, я уверен, что Иэясу, который стал сейчас действительно очень сильным, хотел бы начать какой-нибудь новый поход. Более того, он будет рад, если это послужит нашей общей выгоде. Одним словом, он может сделать нам одолжение — за некоторую плату, конечно. Речь идет об амфибии, или летающей машине. Вы же знаете, как ему хочется полетать на аэроплане. Или вы этого еще не знаете?

Если он нападет на Селинджо, мы отметем любые претензии Хакинга. А если Душевный Город объявит японцу войну, их армии настолько ослабят друг друга, что мы сможем вытереть о них ноги. К тому же мне довелось узнать, что Чернский заключил тайный договор о взаимопомощи с Хакингом и Тай-Фаном. Война с Иэясу ослабит их позиции и усилит наш статус. Мы завоюем все окрестные земли или, по крайней мере, сделаем то, что захотим. Во всяком случае, вы больше не будете иметь нужды в бокситах и вольфраме.

Этот череп под копной рыжевато-коричневых волос, очевидно, был заполнен комом ядовитых червей — червей, которые питались гнилью, интригами и обманом. Его изворотливость порою вызывала восхищение.

— Скажите, а, заходя за угол, вы еще не встречались с самим собой? — спросил Клеменс.

— Что? — возмущенно воскликнул Иоанн. — Еще одно из ваших невразумительных оскорблений?

— Поверьте, ваше величество, такого комплимента вы еще от меня не слышали. Но вернемся к делу. Всё, о чем вы говорили, — только теория. У Иэясу нет никакого повода для нападения на Селинджо. Они ему никогда не угрожали. Кроме того, их страны разделяет шестьдесят миль.

— А когда это для вторжения на чужую территорию требовался повод? — возразил Иоанн. — Достаточно уже того

факта, что Селина продолжает направлять в его страну миссионеров. Должно же когда-то лопнуть терпение, правда?

— Прекрасный план, — согласился Сэм. — Конечно, я никому не позволю вовлекать Пароландо в подобные дела, но если Иэясу решит немного повоевать, то что же мы можем поделать?

— Вот видите! А вы еще называли меня бесчестным!

— Да, тут мы ничего не можем поделать! — повторил Клеменс, притушив сигару. — Если ситуация сулит какую-то выгоду для корабля, надо идти на риск!

— Только не забывайте, что боевые действия могут задержать отправку грузов из Душевного Города, — напомнил Иоанн.

— Наших запасов хватит на неделю. Хуже всего дело обстоит с древесиной. Впрочем, война будет вестись к югу от нас, и Иэясу мог бы поддерживать поставки даже во время сражений. Мы взяли бы тогда на себя валку леса и перевозки. А если у нас будет пара недель до начала вторжения, мы успеем создать дополнительные запасы руды, предложив Душевному Городу более высокие цены. Можно пообещать Хакингу маленький аэроплан. Наш гидросамолет почти готов, и мы прекрасно обойдемся без пробной модели. Но вы, конечно, понимаете, что я высказываю только предположения...

— Да, я понимаю, — ответил Иоанн.

Он даже не пытался скрыть презрения.

Сэма так и подмывало крикнуть на него. Как он смел демонстрировать свое презрение? Между прочим, эта идея принадлежала ему — хитрому пронырливому ублюдку!

А на следующий день погибли три лучших инженера Пароландо.

Сэм находился на месте происшествия, когда это случилось. Он стоял на строительных мостках у правого борта корабля и заглядывал в пустое чрево трюма. Мощный кран поднимал огромный электрический мотор, который должен был вращать левое гребное колесо. В течение ночи двигатель перевезли из большого сборочного цеха, и на транспортировку ушло около восьми часов. С помощью кранов, лебедок и сотни людей мотор погрузили на большую платформу и перекатали по рельсам на верфь.

Сэм поднялся на рассвете, чтобы посмотреть на заключительный этап установки. Мотор предстояло опустить в трюм и подсоединить к оси гребного колеса. Трое инженеров находились внизу. Оценив ситуацию, Сэм окликнул их и попросил разойтись в стороны на тот случай, если мотор упадет. Но они пропустили его слова мимо ушей. Инженеры

расположились так, чтобы подавать команды своим помощникам, стоявшим на лесах у левого борта. Те передавали сигналы дальше — машинистам крана и транспортной платформы.

Ван Бум взглянул на Сэма, и его белые зубы блеснули в улыбке. При свете больших электрических ламп темная кожа казалась пурпурной.

И тогда это произошло. С треском лопнул один трос, затем — другой, и мотор повело в сторону. Какой-то миг инженеры стояли на месте, потом побежали, но было слишком поздно. Мотор рухнул вниз — прямо на них.

Судно содрогнулось от страшного удара. Вибрация дошла до строительных лесов, и подмости задрожали, как при сильном землетрясении.

Из-под мотора вытекала кровь.

ГЛАВА 24

Потребовалось пять часов, чтобы заменить тросы крана, присоединить их к мотору и поднять гигантский агрегат. Тела унесли, кровь смыли водой, а затем двигатель установили на место. Проверка показала, что он почти не пострадал, и через полдня техники привели его в норму.

Сэм едва не рыдал от горя. Ему хотелось отправиться в постель и оставаться там целую неделю, но он не мог так поступить. Работы следовало продолжать во что бы то ни стало. Люди верили ему и брали с него пример, поэтому Сэм не хотел показывать им своего потрясения.

Сэм располагал достаточным числом инженеров, однако ван Бум и Велицкая были единственными представителями второй половины двадцатого века. Клеменс разыскивал подходящих людей в других странах, рассылал приглашения через гонцов и с помощью барабанов, но к нему никто не приходил.

На третий день он пригласил Фаербрасса для личной беседы. Угостив посла сигарой и виски, Сэм спросил, не хочет ли тот занять место главного инженера Пароландо.

Фаербрасс едва не выронил сигару изо рта.

— Хотите сманить меня к себе, старина? Я же вижу вас насквозь! Решили поставить на мой номер, верно?

— Может быть, нам лучше перейти на эсперанто? — предложил Сэм.

— Хорошо, — ответил Фаербрасс. — Я готов спуститься на грунт. Так что вы от меня хотите?

— Я предлагаю вам возглавить строительство парохода, если только Хакинг согласится отпустить вас на какое-то время.

— То есть вы берете меня к себе только на какое-то время?

— Если хотите, этот пост будет закреплен за вами постоянно. И в тот день, когда корабль отправится в долгий путь, вы станете главным механиком.

Фаербрасс погрузился в размышления. Сэм встал и зашагал по «рулевой рубке». Время от времени он подходил к окну и следил за работой на верфи. После установки ходовых моторов в трюм опускали массивные части батацитора. Устройство достигало в высоту тридцати шести футов. Сэм знал, что через несколько дней к собранному энергонакопителю подключат оба мотора и проведут пробные запуски. Уже сейчас группа электриков прокладывала двойной шестидюймовый кабель от корабля к ближайшему питающему камню. Рядом с гранитной глыбой лежала большая металлическая полусфера, к которой должен был присоединяться кабель. Когда камень освободит огромный разряд, энергия будет передана в батацитор. В свою очередь, тот начнет подавать ее в контролируемом объеме на ходовые моторы.

Сэм отвернулся от окна.

— Я не прошу вас предавать свои идеалы и страну, — сказал он. — Вам надо только попросить разрешения у Хакинга. Помогите мне построить пароход, и мы с радостью возьмем вас с собой, если вы захотите отправиться вместе с нами в плавание. Скажите, а что вам больше по вкусу — остаться в Душевном Городе, где, в принципе, нечего делать, или принять участие в величайшей экспедиции из всех, что предпринимались до этого времени?

— Если я приму ваше предложение, — медленно и тихо произнес Фаербрасс, — мне хотелось бы стать не главным механиком, а шефом ваших воздушных сил.

— Но пост главного механика гораздо важнее!

— Да, и он подразумевает бесконечные заботы и большую ответственность! Поймите, я тоскую по полетам...

— Вы будете летать, сколько захотите! Я не вижу здесь никаких проблем. Однако наша авиация останется под началом фон Рихтхофена. Видите ли, я уже пообещал, что назначу его шефом воздушных сил. Да и у нас всего-то два аэроплана. Что вас больше интересует — пост или возможность летать?

— Это вопрос чести. Я налетал на тысячу часов больше, чем Рихтхофен — причем не на таком дерьме, как его тихоходы, а на сверхскоростных реактивных самолетах! Я ходил по Луне, Ганимеду и Марсу! Я, черт возьми, достиг орбиты Юпитера!

— Это ничего не значит, — ответил Сэм. — Аэропланы, на которых вам придется летать, очень примитивны. Они похожи на самолеты времен первой мировой войны, а именно на таких и летал фон Рихтхофен.

— Вы хотите сказать, что ниггерам уготованы только вторые места?

— Это нечестно! — вскричал Сэм. — Я вам предлагаю должность главного механика! Под вашим началом будут находиться тридцать пять человек! Кроме того, вы получите чин капитана! Только прошу вас, не заставляйте меня нарушать обещание, которое я дал Лотару.

Фаербрасс встал:

— Я помогу вам построить корабль и займусь обучением вашего инженерного корпуса. Но я хочу еще и летать. Когда же придет срок отправляться в путь, мы вернемся к нашему разговору о должности шефа воздушных сил.

— Поймите, я не могу нарушить данного слова, — сказал Сэм.

— Да, но к тому времени может многое случиться.

Решив одну проблему, Сэм тут же взвалил на плечи другую. Хакинг прислал барабанное сообщение, в котором дал согласие на использование Фаербрасса в качестве главного инженера Пароландо. По-видимому, он планировал со временем захватить пароход, и ему требовался человек, досконально изучивший устройство корабля. Кроме того, в расчеты Фаербрасса могла входить ликвидация фон Рихтхофена — не зря же он намекал на какие-то перемены перед началом экспедиции. Конечно, Фаербрасс не походил на хладнокровного убийцу, но вид человека еще ничего не значил — этот факт могло подтвердить любое разумное существо, прожившее хотя бы пару лет среди представителей человеческой расы.

Тремя днями позже Хакинг известил о своем согласии обменять дополнительное количество минералов на маленький аэроплан. Пролетев тридцать одну милю к северной границе Душевного Города, Фаербрасс передал самолет другому черному летчику, который когда-то дослужился до генерала в военно-воздушных силах США. Через неделю Фаербрасс вернулся на парусном судне.

Батацитор и электрические моторы работали превосходно. Гребные колеса опробовали сначала на малой скорости, затем на большой. Лопасты весело свистели, рассекая воздух.

Бригада землекопов начала расширять и углублять канал, который тянулся от верфи к Реке. Его размеры не вполне соответствовали габаритам парохода.

У Лотара и Гвенафры возникли первые осложнения. Немецкий барон продолжал поддерживать репутацию «убийственного» мужчины и флиртовал со всеми подряд. Гвенафра пыталась внушить ему некоторые понятия о взаимной верности, и, в принципе, Лотар с ними соглашался, но на деле всегда отдавался на волю своей страстной натуры.

От Хакинга пришли новые вести. В течение двух ближайших дней он намеревался нанести дружеский визит. Ему хотелось провести несколько рабочих встреч по поводу торговых отношений и уровня жизни черных граждан Пароландо. Кроме того, он планировал осмотреть огромный пароход.

Сэм передал через курьера, что будет счастлив принять столь уважаемого гостя. Большого счастья он, конечно, не испытывал, но суть дипломатии всегда заключалась в притворстве. На Клеменса навалились заботы по подготовке совещаний и размещению многочисленной свиты Хакинга. Он крутился как белка в колесе и даже не успевал заглянуть на верфь, чтобы последить за монтажными работами.

Ему пришлось заниматься приемом большого количества рудовозов, которые прибывали из Душевного Города. Демонстрируя свое стремление к взаимопониманию, Хакинг увеличил поставки в три раза. Сэм предпочел бы более равномерное прибытие грузов, но ему хотелось создать запас бокситов. Время начинало поджимать. Шпионы доложили, что Изясу уже подготовил несколько крупных флотилий и собрал огромное количество воинов с обоих берегов Реки. Кроме того, он послал в Селинджо еще одно предупреждение, протестуя против деятельности миссионеров в своей великой державе.

Корабль Хакинга пристал к берегу за час до полудня. Большое двухмачтовое судно с косыми парусами достигало в длину около сотни футов. Сначала по трапу сошли телохранители Хакинга — рослые мускулистые негры, вооруженные стальными топорами и ружьями «Марк-1». Их униформа состояла из юбок, шлемов и кирас, сделанных из черной рывбей кожи. Они выстроились в шесть рядов с каждой стороны трапа, и тогда на берег спустился сам Хакинг.

Он оказался высоким, крепко сложенным мужчиной с темно-коричневой кожей, немного раскосыми глазами и широким бесформенным носом. Портрет типичного негра дополняли толстые губы и выпиравший подбородок. Его прическа представляла собой образец «естественного» стиля. Сэм брезгливо поморщился, увидев на голове Хакинга огромную копну курчавых волос. Даже в них таилось что-то бунтарское и непристойное — а ведь Клеменс привык видеть только коротко стриженных негров. Как объяснил ему позже Фаербрасс, для черных американцев конца двадцатого века подобный «естественный» стиль являлся символом борьбы за свои права. Стриженные волосы символизировали для них угнетение и духовную кастрацию.

Хакинг был одет в черный плащ, черную юбку и кожаные сандалии. На широком поясе в узорчатых ножнах висела длинная шпага.

Сэм подал сигнал, и пушка, установленная на вершине холма, произвела двадцать один выстрел. Этот салют предназначался не столько для отдания почестей, сколько для того, чтобы произвести впечатление на Хакинга. В долине Реки лишь у Пароландо имелась своя артиллерия — хотя она и состояла из одной 75-миллиметровой пушки.

Началась церемония представления. Хакинг отказался от рукопожатий. По словам Фаербрасса, он здоровался за руку только с самыми близкими и проверенными друзьями.

Пока граали гостей устанавливались на ближайшей грибообразной глыбе, Сэм, Иоанн и Хакинг обменялись несколькими пустяковыми фразами. После разряда энергии наполненные граали были сняты с камня, а главы государств в сопровождении охраны и почетного караула направились во дворец Иоанна. Экс-монарх настоял на том, чтобы первая встреча состоялась в его дворце. Таким образом он хотел показать Хакингу, кто на самом деле правит в Пароландо. Сэм решил с ним не спорить. Их гость и без того знал, как складывались отношения между двумя консулами этой страны.

Позже Сэма от души позабавило замешательство Иоанна, которого начали оскорблять в его собственном доме. Во время обеда Хакинг взял слово и произнес длинную скучную речь о том зле, которое белые люди причинили черным. Все обвинения Хакинга являлись чистой и обоснованной правдой. Сэм мог бы подписаться под каждым его словом. Но черт возьми! Он своими глазами видел рабство и последствия Гражданской войны! Он вырос в обществе рабов и рабовладельцев! А вот по какому праву эту эпоху обвинял какой-то Хакинг из другого времени и века? По какому праву он обвинял его — человека, который написал «Гекльберри Финна», «Простофилю Вильсона» и «Янки из Коннектикута»?

Сэм знал, насколько бессмысленно задавать Хакингу такие вопросы. Тот пропустил бы их мимо ушей. Его высокий пронзительный голос зудел и зудел, как муха, накрытая стаканом. Он валил в одну кучу факты и неприкрытый вымысел, пересказывая мрачную историю нищеты, угнетения, убийств, издевательств и прочих преступлений.

Сэм почувствовал стыд и гнев. Какого черта он грозит им своим черным пальцем? К чему все эти пустые обвинения?

— Вы все виноваты! — кричал Хакинг. — На каждом белом есть вина!

— Минутку, мой любезный друг, — прервал его Иоанн. — За всю свою жизнь я видел не больше дюжины черных. Какое же отношение я могу иметь к вашим рассказам о несправедливости?

— Если бы вы родились на пятьсот лет позже, из вас получился бы самый мерзкий и отъявленный хонки! — ответил Хакинг. — Я все о вас знаю, ваше величество!

Внезапно Сэм вскочил и закричал:

— Вы приплыли к нам, чтобы рассказать о тяжелой жизни негров на Земле? Спасибо, но мы уже об этом слышали. И все это осталось в прошлом! Земля мертва! И надо жить настоящим, судары!

— Да-да-да, — с усмешкой произнес Хакинг. — Но в настоящем происходит только то, что тянется за нами со старой Земли! Ситуация не изменилась ни на йоту. Кого я увидел во главе этой страны? Двух хонки! А где же черные? Негры составляют десятую часть вашего населения, и вы могли бы иметь, по крайней мере, одного из них на десять членов Совета! Почему среди вас нет черных? Почему я не вижу их за этим столом?

— Вы ошибаетесь, — ответил Сэм. — В нашем Совете есть такой человек. Его фамилия Каубер, и он находится сейчас в Душевном Городе.

— Ах да! Тот самый временный советник, которого вы избрали по моему требованию!

— Арабы составляют шестую часть вашего населения, — воскликнул Сэм, — но в вашем Совете нет ни одного араба.

— Потому что они белые! И я избавлюсь от них! Так что прикусите свой язвительный язык! Арабы, лишенные пред-
рассудков, — милые и прекрасные люди. Я жил среди них несколько лет, когда скрывался в странах Северной Африки. Но арабы нашего государства — религиозные фанатики, и они не перестают создавать нам проблем. Им придется уйти, потому что мы, черные, хотим построить прочное общество братьев по духу! Мы хотим жить в мире и согласии! И пусть у вас, хонки, будет свой мир, а у нас — свой! Мы добиваемся изоляции рас! Вот так-то, Чарли! Здесь возможна только изоляция с заглавной буквы «И», и только тогда мы ни в чем не будем зависеть от белых! Черные сами будут заботиться о работе и пище, о своей одежде, защите и справедливости! И мы сделаем это, белечки! Сделаем! Нам надо лишь послать вас ко всем чертям и дать вам как следует по рукам, если вы протянете их в нашу сторону!

Фаербрасс сидел за столом, низко наклонив курчавую голову. Он прикрывал глаза ладонями, и Сэму казалось, что посол с трудом удерживается от хохота. Вот только над кем он смеялся — над Хакингом или над теми, кого тот бранил? Подумав немного, Клеменс решил, что Фаербрасс смеялся над всеми участниками этого нелепого спора.

Иоанн продолжал пить бурбон, и его лицо все больше краснело. Однако причиной тому было не спиртное, а бешеная ярость. В любую минуту он мог взорваться во вспышке гнева. Сэм понимал, как нелегко ему сносить обвинения в несправедливости к черным, которых он даже в глаза не видел. Впрочем, Иоанн был повинен во многих других чудовищных преступлениях, так что мог взять на свою совесть и несколько таких, которых не совершал. Как верно заметил Хакинг, Иоанн показал бы себя и здесь, будь у него возможность отличиться.

Но какую цель преследовал Хакинг? Если ему хотелось наладить с Пароландо дружественные связи, то он выбрал для этого странный подход.

Очевидно, Хакинг чувствовал неодолимую потребность ставить на место любого белого — кем бы тот ни оказался. Он хотел показать, что чернокожий Элвуд Хакинг ничем не хуже других людей. Его душу искорежила та же система, которая в той или иной степени оставила свой след в жизни каждого американца — черного, белого, красного или желтого. Но надо ли всегда оставаться таким? Выкручиваться и ненавидеть в течение тысяч и тысяч лет на берегах Реки?

Внезапно Сэм задумался о том, а не правы ли в чем-то шансеры? Если их доктрина могла вывести людей из клетки ненависти, то следовало слушать только их. И к черту Хакинга, Иоанна Безземельного, Сэма Клеменса и тех, кто страдал от отсутствия мира и любви. Пусть Церковь Второго Шанса ведет людей... Однако Сэм не верил шансерам и их безвестному Основателю. Они ничем не отличались от других земных распространителей веры. Он не сомневался, что некоторые из них действовали с благими намерениями, но в словах шансеров, независимо от их заверений, не ощущалось истины.

Внезапно Хакинг замолчал. Сэм Клеменс встал и подвел итог:

— Хотя мы и не планировали никаких послеобеденных выступлений, я благодарен вам, синьоро Хакинг, за ваше добровольное начинание. Но вы сделаете всех присутствующих еще более счастливыми, если не будете настаивать на ответной речи. В данный момент нам нечем оплатить предъявленный вами счет. Наша казна пуста.

— Вы пытаетесь перевести мои слова в шутку? — с усмешкой произнес Хакинг. — Ладно. Как насчет небольшой прогулки? Я хочу посмотреть на ваш большой корабль.

Остаток дня прошел в более приятной атмосфере. Сопроводжая Хакинга по фабрикам, мастерским и, наконец, по палубам парохода, Сэм забыл о ярости и обиде. Корабль

выглядел просто великолепно. Даже в незавершенном виде он потрясал своим величием и красотой. С ним не сравнилось бы... и лицо той прежней Ливи, которая когда-то шептала Сэму слова любви.

Хакинга не охватил экстаз, но вид корабля произвел на него большое впечатление. Тем не менее он не удержался от комментариев по поводу зловония и опустошения земли.

Незадолго перед ужином Клеменса отзывали в сторону. Неизвестный человек, причаливший к берегу на небольшом судне, требовал встречи с правителем этой страны. Начальник береговой охраны, недолюбливая Иоанна, послал вестового к Сэму. Клеменс тут же направился к одному из двух «джипов», собранных неделю назад на экспериментальном заводе. Переступив порог караульного помещения, он увидел стройного и симпатичного белокурого юношу. Тот встал со скамьи и представился на эсперанто как Вольфганг Амадей Моцарт.

Сэм заговорил с ним по-немецки, и молодой человек ответил ему на австрийском диалекте верхненемецкого языка. Его речь содержала слова, которые Сэм не понимал, но они могли являться особенностями австрийского диалекта или немецкого языка восемнадцатого века.

Человек, назвавшийся Моцартом, жил все это время в двадцати тысячах милях вверх по Реке. Он услышал о строительстве корабля еще год назад, но пуститься в далекий путь его побудили слухи об оркестре, который предполагалось создать на судне для развлечения пассажиров. Двадцать три года Моцарт жил в мире, где единственными музыкальными инструментами были свистки, барабаны, деревянные флейты и примитивные арфы, сделанные из костей и рыбьих кишок. И вот он услышал о разработках метеоритного железа, об огромном корабле и его оркестре с пианино, скрипкой, флейтой, трубами и всеми другими инструментами, которые он знал на Земле. А еще говорили о других неведомых ему музыкальных устройствах, которые люди придумали после его смерти в 1791 году. Он бросил все и приплыл сюда. Но найдется ли для него место среди музыкантов корабля?

Сэм не причислял себя к страстным поклонникам классической музыки, но чувствовал трепетный восторг от встречи с великим Моцартом — если только этот человек не обманывал его. На Реке встречалось столько самозванцев, что Клеменс уже не верил людям на слово. Он устал от сотен лжецов, провозглашавших себя истинным и единственным Иисусом Христом, чародеем Барнумом или, на худой конец, Марком Твенем. Да, ему попадались и такие мошенники.

— У нас в Пароландо проживает бывший архиепископ Зальцбурга, — сказал Сэм. — Если я правильно помню, вы

не слишком ладили друг с другом, но думаю, он будет рад увидаться с вами.

На лице Моцарта не проступили ни бледность, ни румянец.

— Наконец-то я встречу с тем, кого знал по земной жизни! Видите ли, мне еще не приходилось...

Сэм считал вполне естественным, что Моцарт еще не встречал никого из своих земных знакомых. Он и сам нашел только трех известных ему людей, несмотря на обширный круг знакомств и путешествия по белу свету. То, что в эту тройку входила Ливи, не поддавалось никакому логическому объяснению — такое уникальное совпадение выходило за рамки любой вероятности. Он подозревал, что их встречу устроил Таинственный Незнакомец. Тем не менее готовность Моцарта к очной ставке с архиепископом еще ничего не доказывала. Самозванцы, с которыми Сэм имел дело, часто заявляли, что лица, известные как их старые друзья, либо ошибались, либо сами выдавали себя за кого-то другого. Их наглости могли позавидовать даже французы. Кроме того, архиепископ Зальцбургский не жил в Пароландо, и Сэм не имел понятия, где тот находился в данное время. Он сказал о нем только для того, чтобы проверить реакцию этого человека.

Клеменс заявил, что синьоро Моцарт может стать гражданином Пароландо. Что же касалось музыкальных инструментов, то их еще предстояло сделать. Вместо скрипок, фортепьяно и медных труб предполагалось изготовить электронные устройства, которые будут синтезировать звуки различных инструментов. Если синьоро Моцарт действительно тот, за которого себя выдает, у него появится возможность стать дирижером такого оркестра. И он может тратить все свое время на создание новых музыкальных шедевров.

Клеменс предлагал ему шанс, но не обещал дирижерской палочки. Он уже понял, как плохо раздавать обещания.

В честь Хакинга во дворце Иоанна состоялся большой прием. Уважаемый гость смеялся и весело болтал, извергнув свой яд при первой встрече. Сэм провел в его компании более часа и нашел Хакинга весьма начитанным и сведущим человеком. Как оказалось, тот занимался самообразованием, обладал живым воображением и литературным чутьем. Сэм даже опечалился, что такой талант растрачивался впустую.

Около полуночи Сэм проводил Хакинга и его свиту в большой двухэтажный дом, который построили специально для именитых гостей. Каменное здание имело тридцать комнат и располагалось между дворцом Иоанна и жилищем Сэма. Пожелав Хакингу спокойной ночи, Клеменс направил «джип» к своему дому. Джо Миллер сердито дулся — ему тоже хоте-

лось поуправлять машиной, но его огромные ноги не соответствовали размерам педалей. Оба приятеля, спотыкаясь, поднялись по лестнице и закрыли дверь на засов. Джо ушел в свою спальню и рухнул на постель с таким шумом, что потряс весь дом. Взглянув в окно, Сэм увидел Сирано и Ливи, которые, обнимая друг друга, пьяной походкой подходили к двери их хижины. Левее и чуть выше на холме виднелась лачуга фон Рихтхофена, где он и Гвенафра укладывались в постель.

Помахав рукой, Клеменс шепотом пожелал им всем спокойной ночи и повалился на топчан. Длинный утомительный день закончился грандиозной пирушкой, на которой было выпито огромное количество «пурпурной взрывчатки» и спирта. А сколько они выкурили табака и марихуаны! Сколько сжевали мечтательной резинки! Да, этот праздник удался на славу...

Сэм проснулся, задыхаясь от ужаса: ему привиделось, что он попал в то страшное калифорнийское землетрясение, которое случилось в праздник Четвертого июля.

Он вскочил с постели и побежал в «рулевую рубку». Пол дрожал от близких разрывов ракет. Сэм с удивительной ясностью и хладнокровием понял, что на Пароландо напали враги. Он так и не добежал до окна, потому что ракета, полыхнув огненным хвостом, попала в одну из свай. Раздался оглушительный взрыв, и волна дыма, ворвавшись в разбитые окна, швырнула Клеменса на пол. Дом дрогнул, затрещал, и передняя стена упала на склон холма. История повторилась заново.

ГЛАВА 25

Он барахтался среди колючих щепок, битого стекла и комьев земли, пытаясь выбраться из-под разбитой стены. Огромная рука подняла его и поставила на ноги. В яркой вспышке близкого взрыва он увидел носатое лицо Джо. Титантроп выбрался из разрушенного дома и, разбросав обломки, отыскал под ними Сэма. В левой руке он держал два грааля — свой и Клеменса.

— Не знаю, каким чудом, но я почти не пострадал, — прохрипел Сэм. — Просто набил синяки и порезался стеклом.

— Я не нашел звой панцирь, но у меня езь топор, — сказал Джо. — А это для тебя: меч, пизтолет, несколько пуль и патронов.

— Кто же напал на нас, Джо? Черт бы их побрал!

— Не знаю. Змотри! Они прорываются через бреши в ограде — вон там, в районе доков.

Крупные звезды заливали равнину холодным светом. Облака, приносившие ночной дождь, еще не появились, но Река уже окуталась густым тяжелым туманом. Из серой пелены выбегали фигурки людей, пополняя собой темную массу вражеской армии, которая расползалась по равнине. Очевидно, там, за оградой, находился флот.

Так близко мог подойти только флот рудовозов из Душевного Города. Любые другие корабли, проплывавшие ночью по Реке, вызвали бы подозрение наблюдателей, которых Сэм и Иоанн разослали вдоль побережья на сопредельные территории. Кроме того, последнее донесение, принятое около полуночи, подтверждало, что флот Иэясу по-прежнему стоял в доках у своих берегов.

Джо выглянул из-за кучи бревен.

— Вокруг дворца Иоанна идет чертовская драка. Дом для гостей горит, и я не завидую зейчас Хакингу и его ребятам.

Пламя освещало тела, лежавшие на земле, и крохотные фигурки сражавшихся у бревенчатых стен дворца. Затем к ораде подтащили пушку и несколько зарядных ящиков.

— Это же «джип» Иоанна! — закричал Сэм, указывая на машину, которая стояла позади пушки.

— Да, и это наша пушка! — ответил Джо. — Ею завладела люди Хакинга. И они хотят выбить Иоанна из его любимого гнездышка.

— Надо выбиратья отсюда, Джо!

Клеменс полез через грудy обломков в противоположном направлении. Он не мог понять, почему нападавшие до сих пор не послали к его дому солдат. Ракета, разрушившая стену, прилетела с равнины. И если Хакинг со своим отрядом решил поддержать внезапную атаку с фальшивых рудовозов, то Сэму и Иоанну полагалось стать первыми объектами для предательского удара.

Позже он с этим разберется — если только это «позже» когда-нибудь наступит.

Захват пушки и снарядов расстроил Клеменса. Враг использовал оружие Пароландо. Едва он подумал об этом, как раздался грохот пушечных выстрелов — один, другой, третий. Сэм оглянулся на бегу и увидел куски бревен, вылетавшие из дыма. В стене дворца появился широкий пролом, и следующие несколько снарядов могли превратить его в руины.

К счастью, запас снарядов ограничивался полусотней штук. Несмотря на огромные залежи метеоритного железа, Сэм не хотел расточать металл на вооружение.

Впереди показалась хижина Сирано и Ливи — дверь нараспашку, смятая постель пуста. Взглянув на вершину холма, Сэм увидел Лотара фон Рихтхофена. Тот успел надеть лишь

юбку, но в его руках были шпага и пистолет. Заметив Клеменса, он поспешил к нему навстречу. Следом, отставая на несколько шагов и размахивая пистолетом, бежала Гвенафра. На ее боку висела сумка с патронами и пулями.

Вокруг Сэма начали собираться мужчины и женщины. Среди них оказалось несколько арбалетчиков. Поручив Лотару привести людей в боевую готовность, Клеменс повернулся, чтобы осмотреть равнину. Гавань чернела от скопища врагов. Если бы пушка осталась в руках защитников, они могли бы расстрелять эти толпы, продвигавшиеся по открытому месту. Но оружие, превратив дворец в пылающий факел, вело огонь по мирным жителям, которые убегали в предгорье.

Из широкой брешы берегового вала выползла большая черная машина. Сэм закричал от ужаса. Он узнал «Огненный дракон-3», отданный Хакингу. Но куда же подевались три амфибии Пароландо?

Вскоре он увидел два вездехода, которые спешили к холмам. Клеменс облегченно вздохнул и вытер пот со лба. Внезапно паровые пушки начали с шипением плевать, и его люди — люди Пароландо — падали под ливнем пластиковых пуль.

Нападавшие захватили самое эффективное оружие Пароландо!

Всюду, куда бы он ни бросил взгляд, кипело яростное и кровавое сражение. Вокруг парохода тоже разгорелся бой. Клеменс застонал, представив рваные дыры в корпусе корабля. Затем он заметил, что в непосредственной близости от судна враги не использовали гранат и ракет. Вероятно, Хакинг заботился о сохранности корабля ничуть не меньше жителей Пароландо.

Позади Сэма, с вершин холмов, ударил ракетный залп. Снаряды пронеслись над его головой и разорвались внизу, среди армии врагов. В ответ взлетели ракеты нападавших. В воздухе замелькали полосы красного пламени. Некоторые боеголовки пролетали так близко над людьми, что те видели размытые контуры цилиндрических снарядов и длинные бамбуковые стабилизаторы, выступавшие из хвостовых частей. Вой оглушал, огонь из сопел слепил глаза, ракеты взрывались на другой стороне холма. С ближайшего «железного» дерева посыпались листья.

Следующие тридцать минут — а возможно, два или три часа — заполнились визгом, криками и воплями, вонью пороха, запахом пота и хаосом кусков человеческой плоти. Время от времени нападавшие предпринимали атаку на холм, и раз за разом их сметали вниз ракеты, пластиковые пули, стрелы арбалетов и боевых луков. Трижды вал атаки докатывался до

рядов обороны, и тогда в ход вступали рапиры, палаши, топоры, дубины, копья и кинжалы.

Джо Миллер — десятифутовый сгусток смерти, с волосатой шкурой, слипшейся от крови, — размахивал огромным стальным топором. Джо проламывал дубовые щиты и пробивал кожаные латы; он выбивал из рук рапиры, копья и топоры, кроил грудные клетки, отсекал руки и головы. Враги пытались обходить его стороной, но он набрасывался на них и сминал атаки, которые не раз могли бы привести к успеху.

В него стреляли из арбалетов и кремневых ружей. Однако стрелки не рисковали приближаться к титантропу, и пластиковые пули, посланные с дальней дистанции, пролетали мимо.

Потом его левую руку пробила стрела, и какой-то смельчак, а может быть, идиот, поднырнув под топор, вонзил в бедро гиганта длинную шпагу. Обух топора раздробил храбрецу челюсть, а удар лезвием отсек ему голову. Джо по-прежнему держался на ногах, но он быстро слабел от потери крови. Клеменс приказал ему отступить на другую сторону холма, куда женщины переносили тяжелораненых воинов.

— Нет! — ответил Джо. — Я не уйду! — И он со стоном упал на колени.

— Уходи назад! Это приказ! — закричал Сэм.

Он запоздало пригнулся, когда пуля, просвистев рядом с ухом, размазалась пятном на стволе «железного» дерева. Пластиковые осколки разлетелись в стороны. Клеменс почувствовал жгучую боль в предплечье и в колене. Джо тяжело поднялся и, как раненый слон, пошел прочь, подволакивая ногу. На смену ему из дыма появился Сирано, покрытый пороховой копотью и пятнами крови. В правой руке он сжимал резной эфес длинной и тонкой рапиры; в другой руке виднелся пистолет. Позади него, такая же грязная и перепачканная кровью, шагала Ливи с тяжелой сумкой на плече. Пока де Бержерак сражался с врагами, она перезаряжала пистолеты и передавала их Сирано. Увидев Сэма, Ливи улыбнулась. Ее белые зубы блеснули на закопченном лице.

— О Боже, Сэм! Я думала, ты погиб! Эта ракета попала прямо в твой дом...

— Я рад, что ты переживала за меня, — ответил Клеменс.

Больше он ничего сказать не успел. Да и не о чем было говорить. Поскальзываясь в лужах крови и перепрыгивая через мертвые тела, враги пошли в очередную атаку. У пароландских лучников кончились стрелы; у стрелков осталось по несколько патронов. Однако нападавшие тоже порастратили силы.

Джо Миллер ушел, но Сирано де Бержерак стал его достойной заменой. Он превратился в демона — такого же

тонкого, гибкого и быстрого, как его рапира. Время от времени Сирано стрелял из пистолета в лицо противника, делал выпад и пронзал клинком другого врага. Затем француз бросал пистолет назад, и Ливи, выбежав из укрытия, перезаряжала его. Сэм в который раз отметил перемены, происшедшие с ней. Кто бы мог подумать, что его бывшая жена способна так смело вести себя в подобных обстоятельствах. Эта хрупкая болезненная женщина, всю жизнь питавшая глубокое отвращение к насилию, теперь хладнокровно выполняла долг, который побоялись бы взять на себя многие мужчины.

«В том числе и я, — подумал Сэм, — будь у меня время удрать отсюда».

Он действительно очень боялся — особенно теперь, когда Джо Миллер не мог защитить его и оказать моральную поддержку. А Сэм нуждался сейчас и в том и в другом.

Сирано сделал пируэт, но визжавший от бешенства ваххабский араб прикрывшись большим щитом. Заметив промах де Бержерака, Ливи подняла обеими руками пистолет и прицелилась. От удара бойка длинный ствол отвело в сторону. Она тут же выровняла его; дым и пламя брызнули в стороны, и араб упал назад с оторванным плечом.

Перепрыгнув через его тело, огромный негр замахнулся на Ливи топором, но Сирано, выдернув лезвие из щита араба, пронзил врагу адамово яблоко.

Атака захлебнулась в крови и трупах. Ряды захватчиков отступили к подножию холма. К ним на помощь поспешила черная амфибия, которая, как «Меримаки»* на колесах, задирая вверх короткий ствол, поползла по склону холма. Лотар фон Рихтхофен встал рядом с Сэмом, и тот отступил в сторону, увидев в его руках пусковую трубу с десятифунтовой боевой головкой. Его помощник опустился на колени, зарядил снаряд и нацелил базуку. А уж он-то знал свое дело! Ракета описала пологую дугу, которая завершилась на передней башне вездехода. На броне расцвел огненный цветок, и машину заволокло черным дымом. Амфибия остановилась, затем вновь двинулась вперед. Ее паровые пушки начали подниматься.

— Жаль, что у нас больше нет снарядов, — проворчал фон Рихтхофен. — Иначе мы разделились бы с этой машиной. Сэм, нам не выстоять против нее. Мы оба это знаем, верно?

Нападавшие восстанавливали ряды позади бронированной амфибии. Многие из них издавали боевой клич, которым пользовались альмаки, обитавшие на другом берегу Реки.

---

* «Меримаки» или «Весельчак» — тип катера военно-морских сил США. (Примеч. пер.)

Очевидно, Хакинг привлек к себе тех протоиндейцев, которых еще не покорил Иэясу.

Начинало темнеть. Только пламя горевших домов, огни очагов и плавильных печей кое-как освещали события, происходившие на равнине. Дождевые тучи, словно волчья стая, набросились на яркие звезды, и через несколько минут хлынул яростный ливень.

Клеменс осмотрелся вокруг. Каждая очередная атака все быстрее уменьшала число защитников. Сэм сомневался, что они выдержат еще один штурм, даже если амфибия не тронется с места. На севере и юге равнины все еще шли сражения. Бой перекинулся на холмы. Но шум, крики и выстрелы постепенно стихали.

Берег, доки и верфь чернели от прибывавших захватчиков. Возможно, к вторжению присоединились Публиджо и Тайфанджо. Сэм бросил последний взгляд на огромный корпус парохода, два гребных колеса которого наполовину скрывались в строительных лесах. За ними, вытягивая к небу длинные шеи, виднелись большие подъемные краны. На какой-то миг Клеменсу показалось, что они зовут его на помощь. Он отвернулся. Ему хотелось плакать, но он чувствовал себя холодным куском льда. И Сэм знал, что пройдет еще немало времени, прежде чем хлынут первые слезы.

Впрочем, если сначала вытечет его кровь, то слез уже не будет. Во всяком случае, не в этом теле.

Ориентируясь по огню дюжины горевших хижин, он повел отряд по заднему склону холма. Внезапно ливень кончился, и тут же щупальце вражеской армии начало сжимать их слева. Сэм обернулся, спустил курок кремневого пистолета, но порох отсырел, и выстрела не получилось. К счастью, ружья противника тоже оказались бесполезными, и их можно было теперь использовать только как дубины.

Захватчики надвигались, размахивая копьями, мечами и топорами. Взревев низким басом, как пещерный медведь, Джо Миллер бросился вперед. Несмотря на раны, он по-прежнему оставался грозным и опасным бойцом. Под раскаты грома и вспышки молний его топор выкашивал ряды наступавших. Пароландцы ринулись ему на помощь, и через несколько секунд уцелевшие воины Душевного Города решили, что с них достаточно. Они откатились назад, ожидая подкрепления. Им не хотелось погибать в последние минуты битвы.

Отряд защитников вскарабкался еще на два холма, и тогда враг атаковал справа. Нападавшие прорвали оборону и вклинились в ряды пароландцев, убивая мужчин и захватывая в плен женщин. Благодаря Джо Миллеру и де Бержерaku,

атаку удалось отбить. Враги бежали, поскользываясь на мокрой траве, смоченной дождем и кровью.

Пересчитав уцелевших, Сэм не поверил своим глазам. В отряде осталось пятнадцать человек. Куда же девались остальные? Он мог поклясться, что несколько минут назад с ним отступало не меньше сотни человек.

Ливи стояла позади Сирано. Пистолеты теперь не действовали, и она прикрывала де Бержерака со спины. Ее меч и копье были покрыты кровью врагов.

Сэм продрог и вымок. Он чувствовал себя таким же жалким, как Наполеон во время бегства из России. Все пропало! Абсолютно все! Его гордый маленький народ, их шахты, железо и заводы, неуязвимые амфибии с паровыми пушками, два аэроплана и сказочный пароход — все это теперь оказалось в руках врага! Технологический триумф, чудеса науки, Хартия вольностей с самой демократической конституцией, которую знала какая-либо страна — отныне об этом можно забыть, как и о величайшем путешествии, которое уже никогда не состоится! Все пропало! Абсолютно все!

Но как им это удалось? С помощью предательства! Как всегда, с помощью предательства!

По крайней мере, Иоанн тут был ни при чем. Его дворец пылал в огне. И по всей вероятности, бывший король погиб под развалинами. Подумать только — великий предатель пал жертвой измены.

А потом все эти мысли и сожаления упорхнули прочь. Клеменса еще трясло от ужаса битвы, и он не мог думать ни о чем другом, кроме своего спасения. Когда их отряд достиг основания горы, он повел людей на север, к высокой бетонной дамбе. Впереди в свете звезд серебрилось небольшое озеро. Пройдя по берегу четверть мили, они взобрались на широкую бетонную стену, и Клеменс остановился, увидев выдавленный в бетоне знак — крест.

— Вот он! — воскликнул Сэм и позвал остальных. — Скоро мы будем в безопасности, если только нас не выследил какой-нибудь вражеский шпион.

Под далекие раскаты грома и блеск молний он шагнул в холодную воду. Сэма пробирала дрожь, но он продолжал спускаться. Когда вода дошла ему до подмышек, его нога нащупала первую скобу. Сделав глубокий вдох и закрыв глаза, Клеменс нырнул. Рука скользнула по бетонной стене и наткнулась на вторую скобу. Хватаясь за ступени металлической лестницы, он нашел входное отверстие туннеля. Проскользнув под выступом стены, Сэм рванулся вверх и всплыл в небольшом освещенном гроте. Перед ним, выступая над водой на несколько дюймов, тянулась широкая платформа.

В десяти футах над головой виднелся свод, освещенный шестью большими электрическими лампами.

Дрожа и задыхаясь, он вскарабкался на платформу и подошел к двери, которая вела в следующее помещение. Над водой появилась голова Джо. Он слабо окликнул Сэма, и тот помог ему взобраться на платформу. Из дюжины ран на теле титантропа струилась кровь.

В гроте, один за другим, всплывали остальные мужчины и женщины. Они перенесли Джо Миллера к двери, а затем перевезли его на грузовой тележке в большое помещение. Там имелось все необходимое — койки, полотенца, еда и питье, оружие и медикаменты. Сэм подготовил это убежище именно на такой критический случай, хотя еще пару дней назад он бы не поверил, что оно когда-нибудь ему пригодится. О тайнике в стенах дамбы знали только члены Совета и несколько рабочих, которые выполняли строительные работы.

Второй вход в убежище располагался у основания дамбы — за стеной воды, которая падала на лопасти турбин. Узкий проход вел к шахте с металлической лестницей, поднявшись по которой любой посторонний человек оказался бы перед гладкой бетонной перегородкой. Проникнуть сквозь нее могли лишь те, кто знал особый секрет.

Сэм считал этот проект не чем иным, как романтической глупостью, от которой он никак не мог избавиться. Его прельщала идея о тайных проходах под водопадом и озером; о потаенных комнатах, где можно было отдохнуть и спланировать месть, пока враги рыскали по холмам и равнине. Он не раз смеялся над собой во время строительства дамбы, но теперь его предосторожность оправдала себя на все сто процентов. Как видно, и романтика иногда способна приносить практическую пользу.

В этом тайнике находился детонатор. Чтобы взорвать тонны динамита, заложенные в основание плотины, требовалось соединить всего лишь два провода. При взрыве дамбы собранная в озере вода могла смыть в Реку всю центральную часть Пароландо. Но за месть приходилось платить большой ценой. Сэм знал, что вместе с врагами погибнет и его пароход.

После перевязки раненым дали мечтательную резинку и спиртное. Временами резинка действовала как обезболивающее средство, но иногда, наоборот, усиливала боль. Вот на такой случай раненым обычно и предлагали хорошую дозу спирта.

Выставив охрану у обоих входов, Клеменс поел и выспался. Всю остальную часть дня он провел около постели Джо, который находился в бессознательном состоянии. Сэм менял ему повязки, смачивал водой сухие губы и шептал титантропу ласковые слова. Сирано вернулся со своего поста

у двери под водопадом и доложил, что снаружи наступил вечер. Больше он ничего сказать не мог. Завеса падавшей воды не позволяла следить за тем, что происходило на равнине.

Лотар и Сэм получили лишь легкие ранения. Клеменс решил, что им надо проскользнуть под водопадом и провести разведку в расположении врага. Сирано вызвался идти с ними, но Сэм отверг его предложение. Ливи облегченно вздохнула и кивнула ему в ответ. Он отвернулся, не желая принимать благодарности за заботу о ее дружбе.

Его беспокоила судьба Гвенафры. Девушку могли взять в плен. По словам фон Рихтхофена, она исчезла во время последней атаки, и все попытки Лотара отыскать ее перед отступлением оказались безуспешными. Он укорял себя в том, что не уберег Гвенафру, но Сэм знал, как непросто это было сделать в той кровавой сече.

Сэм и Лотар намазали свои тела черной краской, а затем спустились по лестнице, тускло освещенной электрическими лампами. По стенам шахты сочилась вода. Ноги соскальзывали с мокрых металлических ступеней. Открыв небольшую дверь, Сэм увидел перед собой водопад, который с ревом вращал лопасти турбины. Под градом брызг они прошли около двадцати ярдов по скользкому наклонному выступу, спустились к основанию плотины и осторожно двинулись вдоль канала, который рассекал равнину по прямой линии. Ветер шевелил корешки травы, торчавшие из крутых откосов. В этом мире трава обладала таким же бессмертием, как и люди, — ее тоже можно было срубить мечом или топором, но через сутки она прорастала снова.

Небо сияло россыпью звезд и мерцало паутиной газовых туманностей. Сэм и Лотар старались выбирать места потемнее. Пройдя полмили, они перебежали в тень огромного «железного» дерева и оказались неподалеку от разрушенного дворца Иоанна. Перед ними на равнине горело множество костров. Они видели мужчин и видели женщин, которых тащили в хижины. Мужчины были победителями, а женщины — жертвами. Сэм дрожал от их криков и стонов, и мольба о помощи сводила его с ума. Но он знал, как скоро оборвалась бы его жизнь, ворвись они сейчас в любую из хижин. Убив одного или двух насильников, Сэм потерял бы все шансы спасти страну, и их отчаянный поступок наверняка закончился бы смертью или пленом.

А что произойдет, если он услышит голос Гвенафры? Бросится на помощь или останется на месте? Черт бы побрал этих черных ублюдков!

В горнах и плавильных печах пылали огни. В окнах фабричных зданий мелькали женские и мужские фигуры.

Очевидно, Хакинг перевел своих рабов на круглосуточный режим работы. Вокруг заводов стояла многочисленная охрана, но воины едва держались на ногах от выпитого спирта.

Вокруг огромных костров веселились альмаки и негры. Они смеялись, горланили пьяные песни и время от времени тащили в ближайшую тень визжавших женщин. Иногда их насиловали прямо у костров под хохот и задорные крики толпы.

Выдавая себя за черных, Сэм и Лотар спустились с холма. На всякий случай они решили не приближаться к кострам и охраняемым зданиям.

Они проходили в двадцати ярдах от постов и патрулей, но никто не обращал на них внимания. Враги праздновали победу, заливая в глотки «пурпурную взрывчатку» и напитки из запасов пленников. Исключение составляли арабы-ваххабиты, чья религия запрещала употреблять алкоголь, и немногочисленные черные, считавшие себя последователями Хакинга, который, как говорили, выпивал редко.

Несмотря на царивший разгул, Сэм отметил признаки жесточайшей дисциплины. Прежде всего, он не увидел ни одного трупа. Завалы и баррикады были расчищены. На равнине у передних холмов виднелась высокая ограда, по углам которой стояли охранные вышки. По всей вероятности, именно там Хакинг и разместил уцелевшее население Пароландо.

Притворяясь пьяными, Сэм и Лотар прошли в двадцати футах от трех низкорослых чернокожих, которые разговаривали на непонятном языке. В их речи часто проскальзывало слово «африкен», поэтому Сэм решил, что они были даго-мейцами из восемнадцатого века.

Пройдя между заводом азотной кислоты и зданием, где обрабатывали экскременты, Лотар и Сэм вышли на равнину. Клеменс вздрогнул и остановился как вкопанный. В двадцати ярдах от них в узкой клетке со связанными за спиной руками стоял Фаербрасс. Бамбуковые прутья сжимали его тело со всех сторон. Он мог только стоять — стоять и смотреть на Германа Геринга, который висел вниз головой на широком крестообразном сооружении. Его ноги были привязаны к верхней части косою деревянного креста, а руки — прибиты гвоздями к нижней.

Сэм осмотрелся. У больших ворот фабрики стояли несколько воинов. Они пили, болтали на каком-то варварском наречии и курили большие сигары. Сэм не посмел приблизиться к Фаербрассу, хотя ему очень хотелось узнать, почему же тот оказался в клетке. Вместо этого Клеменс решил еще немного побродить по равнине, а затем вернуться в их тайное убежище. Ситуация казалась безнадежной. Им оставалось только выбраться во время ливня из страны и убежать в

государство Чернского. Сэм с радостью взорвал бы дамбу, утопив в бушующем потоке всех этих подонков из Душевного Города. Но его останавливала мысль о сотнях пленных и большом пароходе. Предстояла долгая борьба, и взрыв следовало оставить на самый крайний случай.

Они прошли мимо клетки Фаербрасса, надеясь, что тот не заметит их и не позовет в отчаянии на помощь. Но бывший посол Хакинга стоял, уронив голову на бамбуковые прутья. С его губ срывалось хриплое дыхание. Геринг тихо застонал. Они ускорили шаг и скрылись в тени ближайшего здания.

Не спеша и по-прежнему изображая пьяных, они приблизились к большому дому, который раньше занимал Фред Рольф — один из ярых сторонников Иоанна в Совете. Судя по многочисленной охране, это одноэтажное бревенчатое здание стало временной резиденцией Элвуда Хакинга. Через открытые окна Клеменс разглядывал комнаты, освещенные светом факелов. Внутри виднелись фигуры людей.

Внезапно Лотар схватил Сэма за руку и прошептал:

— Она там! Гвенафра!

Дрожащее пламя факела высветило ее длинные золотистые волосы и нежную белую кожу. Она стояла у окна и говорила с кем-то. Спустя мгновение Гвенафра отступила на шаг, и в освещенном квадрате окна появились курчавые волосы и черное лицо Хакинга. Сэму стало тошно. Хакинг взял ее себе для ночных утех.

Тем не менее Гвенафра не выглядела напуганной. Она казалось скорее уставшей и вялой. Сэм знал, что, несмотря на вспыльчивый и искрометный нрав, она могла притворяться покорной и сломленной, если этого требовали обстоятельства.

Он потянул Лотара за руку:

— Мы ничем не можем ей помочь, и любое наше вмешательство погубит и нас, и ее.

Они обошли равнину кругом, осматривая фабрики, заводы и здания. Плававшие костры на побережье тянулись до самого изгиба Реки. Кроме негров и арабов из Душевного Города им встречались альмаки и множество азиатов. Сэм узнал в них дикарей из неолита — обитателей Цейлона, Бирмы и Таиланда, которые теперь жили по другую сторону Реки напротив Селинджо.

К тому времени Клеменс придумал план бегства из Пароландо. Им предстояло пробраться в гавань и похитить пару небольших кораблей. Он решил плыть не к Чернскому, а в Селинджо. Даже если ближайшие страны, включая Публиджо и Тайфанджо, не пострадали при вторжении Хакинга, их участь была предreshена. Бежать на север к Чернскому не имело смысла. Услышав о захвате Пароландо, Иэясу двинет

на него войска — если только уже этого не сделал. По иронии судьбы, их единственным убежищем могла стать страна, граждан которой они так упорно не пускали в Пароландо.

Посоветовавшись, Лотар и Сэм решили вернуться на дамбу, чтобы обсудить план побега с остальными членами отряда. Клеменс спешил. Он хотел привести своих людей в гавань во время дождя.

Они направились к озеру, старательно обходя хижины, в которых враги развлекались с плененными женщинами. Их путь пролегал мимо гигантского «железного» дерева, тень которого казалась им надежным укрытием. Внезапно Сэм почувствовал, как кто-то схватил его за шею. Клеменс попытался крикнуть, повернуться, оказать сопротивление, но большая рука сдавила его горло еще сильнее, и он потерял сознание.

ГЛАВА 26

Сэм пришел в себя под тем же «железным» деревом. Задышав и кашляя, он попытался встать, но глухой бас рывкнул:

— Не двигайся, парень! Сиди тихо, или я расколю твой череп топором!

Сэм осмотрелся. В шестидесяти шагах от него, под раскидистой елью, сидел Лотар. Его руки были связаны за спиной, во рту торчал кляп. Глухой бас принадлежал крупному мужчине с неимоверно широкими плечами, мощной грудью и мускулистыми руками. Он носил черную юбку, плащ и кожаный пояс, на котором висели стальной томагавк и нож. Из-за плеча выглядывал приклад «Марка-1», большая волосатая рука сжимала топор внушительных размеров.

— Похоже, парень, ты — Сэм Клеменс? — спросил он.

— Да, — так же тихо ответил Сэм. — Что все это значит? Кто вы?

Крупный мужчина провел ладонью по густым волосам и кивнул в сторону Лотара:

— Я посадил его подальше, чтобы он не слышал нашего разговора. Дело в том, что меня послал к тебе человек, которого мы оба знаем.

Сэм помолчал минуту, а затем спросил охрипшим голосом:

— Вы говорите о Тайнственном Незнакомце?

— Да, — буркнул большой человек. — Он сказал, что ты именно так его и называешь. Незнакомец — это подходящее имя. В общем, тебе известно, о чем идет речь, поэтому не будем терять время на пустую болтовню. Ты веришь, что я от него?

— Мне приходится верить, — ответил Сэм. — Но если вам довелось встретиться с ним, значит, вы один из двенадцати, которых он выбрал? Скажите, как вы его нашли?

— Только не думай, что я носился сломя голову и искал этого типа, — произнес мужчина. — Видок у него, конечно, был еще тот! Судя по комплекции, он спасовал бы перед многими из тех черных, красных и белых людей, которых мне пришлось отправить на тот свет, но от его взгляда убежал бы даже гризли. Не то чтобы я его испугался... Просто рядом с ним мне стало немного не по себе. Я чувствовал себя как общипанная курица в кастрюльке.

Ладно, хватит об этом. Можешь звать меня Джонстоном. Я немного расскажу о себе, чтобы ты потом не тратил время на расспросы. Так вот, родился я в Нью-Джерси примерно в 1827 году, а умер в 1900-м, когда валялся в лос-анджелесском госпитале для ветеранов. Между этими двумя датами моя жизнь проходила в Скалистых горах, где я охотился на зверей и отстреливал индейцев. На моем счету их было несколько сотен, но белых я не убивал, будь они даже французами. Это потом, когда меня вынесло на берега Реки, мне пришлось прибавить к своему списку еще с десятка белых скальпов, но там, на Земле...

Мужчина встал и вышел из густой тени под свет ярких звезд. Его волосы казались темными. Однако, подумал Сэм, при полуденном солнце они скорее всего окажутся ярко-рыжими.

— Черт возьми, я опять разболтался, — проворчал Джонстон. — В этой долине столько людей, что поневоле перенимаешь их дурные привычки.

Они направились к Лотару, и по пути Сэм спросил:

— Как вы здесь оказались? Да еще в это время?

— Незнакомец велел мне найти тебя. Он рассказал о большом корабле, о Туманной Башне и обо всем прочем. Да что тут говорить? Ты и сам это знаешь. Я согласился найти тебя и поплыть на пароходе. Почему бы и нет? Не очень-то мне и нравится торчать на берегу. Локтем не махнешь, чтобы не разбить кому-нибудь носа. В то время я жил за тридцать тысяч миль вверх по течению. И вот однажды ночью мне захотелось пить. Я встал и увидел человека, который сидел в тени у моей постели. Мы долго говорили с ним о том о сем. А потом я собрал пожитки и отправился сюда. По пути до меня доходили слухи о том, что происходило в этом районе. Когда я добрался сюда, сражение уже подошло к концу. Мне хотелось отыскать тебя, и я начал подслушивать разговоры черных. Из их слов мне стало ясно, что твоего тела они не нашли. Поэтому я крутился вокруг и высматривал все, что только можно высмотреть. Однажды на меня наткнулся один из этих арабов, и я убил его. Он подоспел как раз вовремя, потому что я проголодался и мне надо было немного перекусить.

Они подошли к Лотару, но, услышав последние слова, Сэм замер на месте.

— Перекусить арабом? — воскликнул он. — Вы хотите сказать...

Мужчина не ответил.

— Скажите, — настаивал Сэм, — вы случайно не тот Джонстон, которого называли Пожирателем печени? Я помню, вас еще окрестили Убийцей кроу, верно?

— Я заключил с кроу мир и стал их кровным братом, — ответил из темноты обиженный бас. — И я давно уже перестал есть человеческую печень. Но ведь человек должен чем-то питаться?

Сэм вздрогнул. Он склонился над Лотаром, развязал его и вытащил у него изо рта кляп. Фон Рихтхофен был вне себя от злости, но его разбирало любопытство. Кроме того, так же как и Сэм, он испытывал к Джонстону необъяснимое почтение. Тот излучал какую-то особую дикарскую силу — причем даже не стремясь произвести на них впечатление. Сэм еще раз вздрогнул, представив его в действии.

По пути к дамбе Джонстон не произнес ни одного слова. Однажды он исчез, и Сэм с трудом поверил своим глазам, когда этот человек, шести с половиной футов ростом, растаял в воздухе, как кладбищенский призрак. Джонстон выглядел на все двести восемьдесят фунтов, но бесшумными движениями напоминал тень тигра.

Внезапно впереди возник темный силуэт, и Сэм подпрыгнул от неожиданности. Джонстон вернулся.

— Что-нибудь случилось? — спросил Клеменс.

— Да так, ничего. Ты сказал, что не очень хорошо представляешь себе обстановку, и я на всякий случай осмотрел эти места. Так вот, послушай меня внимательно — я не даром крутился тут целый день. Большая часть твоих людей перебралась через стены в соседние страны. Если их собрать в кучу, ты можешь дать неграм хорошего пинка. Да только черным и без того труба — на них надвигается армия Иэясу. По моим расчетам, он нападет на Хакинга этой ночью. Прежде чем прийти сюда, я потерял немного с его людьми и разузнал кое-какие планы. Японец не собирается отдавать неграм железо и корабль. Он заберет их у черномазых и даже спасибо не скажет.

Сэм застонал. Какая разница, кто приберет к рукам его корабль? Все равно он не получит назад свой пароход.

Когда они оказались внутри дамбы, Клеменс приободрился. Если две вражеские армии сцепятся друг с другом, он соберет разбежавшиеся силы и выбьет из Пароландо ослабевшего противника. Да! Он им еще покажет! Он вернет себе и страну и корабль!

Появление геркулеса-Джонстона придало ему новые силы. Этик не забывал о нем и посылал чертовски нужных людей. Если верить историям о Пожирателе печени, он один стоил целого взвода. И он стал Шестым — шестым избранником Незнакомца. Сэм знал, что в свое время появятся и остальные. Хотя один уже пропал, и вряд ли они вновь увидят Одиссея.

Тем не менее такая возможность существовала. Слишком много людей находилось в копилке речной долины, чтобы отыскать в ней двенадцать фальшивых монет. Но неужели кто-то их уже ищет? И кому они так неуютны?

«Кому же еще, как не этикам», — ответил сам себе Клеменс.

Вернувшись в убежище, Сэм представил Джонстона остальным и вкратце рассказал о результатах разведки. Джо Миллер, закутавшись в покрывало, сел на постели и пожал трапперу руку. Потрясенный его голосом, тот восхищенно воскликнул:

— Ночь и день! Вот это парень! Я еще никогда не видел ребят, похожих на тебя. Только не сломай мою руку, дружище.

— Да куда уж мне, — ответил Джо. — Ты выглядишь большим и крепким. А я теперь больной.

За полчаса до начала ливня люди выбрались наружу. К тому времени оргия уже закончилась, и страна погрузилась в относительный покой. Победители разбрелись по хижинам, постовые в ожидании дождя ушли от костров под защиту крыш и навесов. Однако на сторожевых вышках и у стен фабричных строений по-прежнему стояли вооруженные люди. Никто из них не пил. Очевидно, Хакинг приказал прекратить веселье.

Пока отряд пробирался вдоль ограды химического завода, Джонстон, словно гигантский призрак, проскользнул вперед и растаял во мгле. Через десять минут он так же тихо возник за спиной Сэма.

— Я глянул, как там у них идут дела, — прошептал он. — Хакинг, оказывается, довольно хитрый ниггер. Все эти песни, вопли и пьянство были только притворством! Он решил облапошить шпионов Иэясу. Узнав, что этой ночью япошка пойдет в атаку, Хакинг приказал своим людям валять дурака. Они сделали вид, что взять их ничего не стоит, но на самом деле армия затаилась, как лиса у норы сурка. Его ребята начеку и уже заряжают свои мушкеты.

Сэма встревожила эта новость. Он спросил у Джонстона, не узнал ли тот что-нибудь еще.

— Да, я слышал, как парочка черных болтала о том, почему Хакинг напал на Пароландо. Он узнал, что Иэясу точит на вас зуб, и решил опередить его, чтобы завладеть вашим оружием. Если бы япошка взял под свой контроль металл и амфибии, он свернул бы Хакингу шею и подтерся их

Душевым Городом, как дешевой салфеткой. Но они натянули ему желтый нос до самого пупка, а заодно и придушили белых из Пароландо. Эти черные ослы буквально корчились от смеха. Из их слов я понял, что король Иоанн сговорился с Хакингом о сдаче страны. Но Хакинг вышиб его из дворца, потому что не доверял этому ублюдку. Иоанн — предатель, да к тому же еще и белый. Разве такому можно верить?

— Но почему, черт возьми, Иоанн поступил с нами таким образом? — прошептал Сэм. — Какая ему от этого польза?

— Хакинг и Иоанн сговорились захватить все страны на сотню миль по Реке, а потом поделить их поровну. Иоанн правил бы белой половиной, а Хакинг — черной. Пятьдесят на пятьдесят, где все делилось бы поровну. Они хотели построить два корабля, и всего прочего тоже по два.

— А что случилось с Фаербрассом? Почему он в клетке?

— Не знаю, но кажется, кто-то обвинил его в предательстве. А этот немец... Как там его — Херинг?..

— Геринг.

— Ну да. Хакинг тут ни при чем. Это сделали ваххабские арабы. Ты, наверное, знаешь, у них на шансеров вот такой зуб. Одним словом, они его поймали и начали пытать, а потом к ним присоединились дагомейцы. Эти африканские ниггеры, как я слышал, не садятся завтракать, пока не прирежут дюжину людей. Когда Хакинг услышал об этом, он остановил пытки, но Геринг был уже при смерти. Переговорив с Хакингом, он назвал негра братом по духу и сказал, что прощает его. Пообещал, стало быть, встретиться с ним на берегах Реки. Хакинга это просто потрясло — во всяком случае, так говорили его люди.

Потребовалось несколько минут, чтобы Сэм переварил новости, которые ввергли его в отчаяние. Он так расстроился, что даже не обрадовался неудаче Иоанна — чемпиона мира по двойной игре. Тем не менее Клеменс восхищался государственным умом и дальновидностью Хакинга. Тот нашел единственно верный способ и, общаясь с Иоанном, утер ему нос. Наверное, в отличие от Сэма, его не тревожила совесть.

От намеченного плана пришлось отказаться. Скорее всего Иэясу задумал начать атаку во время дождя. Тучи уже клубились над головой. И отряд Клеменса не успел бы пробраться в гавань. Кроме того, в такой напряженной атмосфере ожидания им не удалось бы незаметно пересечь равнину.

— Что случилось, Сэм? — спросила Ливи.

Она села рядом с ним и встревоженно посмотрела ему в глаза.

— Я думаю, все это выше наших сил.

— Ах, Сэм! — воскликнула она. — Где же твое мужество? Я знаю, что ты легко расстраиваешься, если ситуация не складывается по-твоему. Но ты не должен сдаваться! Пойми, это прекрасная возможность отбить твой пароход! Пусть Хакинг и Иэясу начинают смертельную схватку. Нам надо просто отсидеться на холмах и подождать, пока они не перегрызут друг другу глотки. А потом, когда их силы иссякнут, мы набросимся на уцелевших врагов и вышвырнем их прочь из нашей страны!

— О чем ты говоришь? — сердито ответил Клеменс. — Набросимся! Вышвырнем! А нас всего-то пятнадцать человек!

— Сэм Клеменс, не будь таким тупым! За той оградой находится по меньшей мере пятьсот пленных и Бог знает сколько их еще трудится на заводах, фабриках и шахтах. К тебе на помощь придут тысячи людей, бежавших к Чернскому и в Публиджо!

— А как я получу их поддержку? — спросил Сэм. — Мы опоздали, понимаешь? Вскоре начнется наступление, и нам не собрать убежавших. Кроме того, их тоже могли поместить за высокую ограду! Я подозреваю, что Чернский и Публий Красс вступили с Хакингом в сговор!

— Ты все тот же отпетый пессимист, которого я знала на Земле, — сказала Ливи. — Ах, Сэм, я по-прежнему люблю тебя. Я люблю тебя как друга и...

— Друга? — воскликнул он так громко, что остальные обернулись в их сторону.

— *Morbleu!* — выругался Сирано.

— Эй вы, заткнитесь! — зашипел на них Джонстон. — Хотите, чтобы черные нас замели?

— Мы столько лет любили друг друга, — прошептал Сэм.

— Не всегда, если по большому счету, — ответила она. — Но сейчас не время обсуждать наши отношения. Во всяком случае, я не намерена рыться в грязном белье. Все равно уже слишком поздно. Сейчас решается вопрос о твоём корабле — хочешь ты его или нет?

— Конечно, хочу! — свирепо прошептал Клеменс. — Так, значит, ты предлагаешь мне...

— Перестать быть дохлым ослом и оторвать свою задницу от земли!

Сэм не удивился бы, услышав такое замечание от кого-нибудь другого. Но от нее, его хрупкой и ласковой Ливи?! Он не мог поверить своим ушам. Однако она сказала это! Сэму вдруг вспомнилось несколько подобных моментов в их земной совместной жизни. Он старался о них забыть, но они...

— В словах леди есть определенный смысл! — проворчал Джонстон.

Клеменсу хотелось подумать о более важных делах. Но самые важные проблемы проявлялись бессознательно. Вот почему у него возникла эта мысль. Вот почему он понял — всеми клетками тела, от макушки и до пяток, — что Ливи изменилась и перестала быть той женщиной, которая когда-то принадлежала ему. Фактически Ливи стала чужой уже давно — возможно, даже за несколько лет до своей смерти на Земле.

— Так что ты скажешь, мистер Клеменс? — настаивал человек-гора.

Сэм тяжело вздохнул, словно прогоняя из сердца последние воспоминания об Оливии Лэнгдон Клеменс де Бержерак. Он осмотрел своих спутников и сказал:

— Вот что мы сейчас сделаем...

Через полчаса начался ливень. Гром и молнии смешали землю и небо в чудовищное месиво вспышек и грохочущей тьмы. Из-за завесы дождя появился Джонстон с двумя базами и четырьмя ракетами, привязанными к его широкой спине. Потом он снова исчез и минут через тридцать вернулся с корзиной метательных ножей и стальных томагавков. Его руки и грудь покрывала кровь врагов.

Чуть позже дождевые облака разбежались. Земля засияла серебром в сиянии величественных звезд, похожих на большие спелые яблоки. Их было как вишен на дереве в хороший сезон, и они сверкали, словно драгоценные камни, подсвеченные электрическими лампами. Стало прохладнее. Люди Сэма дрожали, спрятавшись под «железным» деревом. Над Рекой появилась тонкая пелена тумана. В течение пятнадцати минут она превратилась в плотный занавес, полностью скрыв поверхность воды, питающие камни и высокий вал, который тянулся вдоль берега.

Через полчаса началась атака. Большие и малые корабли, заполненные людьми и оружием, подплывали с другого берега Реки — с территорий к северу от Альмакса, где некогда правили индейцы племен саков и фоксов, где еще год назад жили в мире готтентоты и бушмены. Но главные силы трех стран, где ныне правил Иэясу, пошли на штурм с правого берега.

Иэясу атаковал защитные укрепления в десяти местах. Его отряды, словно черные реки, хлынули в проломы и бреши, проделанные минами. Количество ракет, выпущенных в первые пятнадцать минут, внушало ужас. Как видно, Иэясу готовил и запасал их долгое время.

Три амфибии Хакинга поползли вперед. Их паровые пушки плевались и, словно из шлангов, поливали нападавших пластиковыми пулями, нанося огромный урон. Но воины Иэясу приготовили сюрприз. Вокруг трех бронированных машин разорвалось несколько ракет с деревянными боевыми голов-

ками, заполненными смесью из мыла и спирта. В каждую амфибию попало не меньше двух снарядов. Примитивный напалм быстро расползлся по броне, и хотя огненная смесь не проникала внутрь, жар жег легкие водителей и стрелков.

Это зрелище потрясло Клеменса, но, сохраняя хладнокровие, он попросил Лотара напомнить ему о напалме, когда все закончится и если к тому времени они будут еще живы.

— Нам надо сделать кабины более герметичными и установить внутри систему кондиционеров, которую предлагал Фаербрасс, — сказал он.

Будто открыв дверь в ночной мгле, перед ними возник Джонстон. Следом за ним шел Фаербрасс. Измученный и истощенный, он нашел в себе силы улыбнуться Сэму. Его знобило и покачивало от слабости.

— Хакингу донесли, что я предал его, — рассказал Фаербрасс, немного отдохнув. — Он не мог не поверить такому именитому доносчику, как наш уважаемый и надежный друг Иоанн. Его королевское величество заявил, что я продался вам за пост шефа воздушных сил и раскрыл все планы Душевного Города. Хакинг знал, что меня нельзя купить за такую мелочь, но ему не нравилась моя увлеченность вашим проектом. Я не виню его за это. Мне следовало вовремя предупредить Хакинга о своих действиях, но я пренебрег очевидными мерами предосторожности. Одним словом, у него сложилось впечатление, что я веду двойную игру.

— А разве вам не хотелось перейти на нашу сторону? — спросил Сэм.

— Нет, я не пошел бы на предательство, хотя иногда мне действительно хотелось стать вашим соратником, — ответил Фаербрасс. — Но после захвата Пароландо я получил бы любой пост на вашем корабле. Зачем же мне было предавать Душевный Город? Тем не менее Хакинг охотно поверил Иоанну. Я не принимал его идей о духовном братстве и поэтому казался ему белой вороной. Он считал меня баловнем судьбы, который не жил в гетто и не знал всех ужасов расового гнета. Хакинг не мог мне простить, что я успел побывать там, где он никогда не будет.

— Пост главного механика по-прежнему за вами, — сказал Сэм. — Надеюсь, вы не станете отнимать у Лотара должность шефа воздушных сил? Повторяю, вы будете летать столько, сколько захотите.

— Это лучшее предложение, которое я получал после своей смерти на Земле, — ответил Фаербрасс. — Я принимаю его. — Он придвинулся к Сэму и прошептал: — Вы бы все равно взяли меня с собой. Я — один из двенадцати.

ГЛАВА 27

Сэм почувствовал, как по его телу прокатилась волна холодной дрожи.

— Вас выбрал этик? Незнакомец?

— Да. Он сказал, что вы называете его Таинственным Незнакомцем.

— Значит, вы все-таки предали Хакинга?

— Эта маленькая речь, которую я сейчас произнес, предназначалась для общего пользования, — сказал Фаербрасс. — Да, я предал Хакинга, если вы настаиваете на употреблении этого слова. Меня интересует нечто более высокое, чем духовное братство обиженных негров. Я не хочу тратить время на создание белых и черных государств, когда мы наконец можем узнать, как и почему человеческая раса оказалась в мире Реки. Мне не терпится получить ответы на свои вопросы, как однажды сказал Карамазов. Я презираю все эти черно-белые разборки, какими бы важными они ни казались на Земле. Наверное, Хакинг догадался о моем отношении к его идеям и решил поставить на мне крест.

Страхнув с себя оцепенение, Сэм быстро оценил ситуацию. К тому времени сражение перекинулось на равнину, и после тридцати минут неистового боя люди Хакинга начали сдавать позиции. За каждого погибшего бойца они убивали трех нападавших, но их все больше теснили к холмам. Сэм повел отряд к лагерю военнопленных, где томились жители Пароландо. Лотар выпустил по воротам ограды две ракеты, и под прикрытием дымовой завесы пятнадцать храбрецов ворвались внутрь. Сирано и Джонстон уничтожили более дюжины охранников, выполнив за остальных почти всю грязную работу. Меч Сирано сверкал как молния; француз казался дьяволом, скакавшим по окровавленным трупам. Джонстон уложил четверых томагавками, троих — метательными ножами, а двум последним переломал ударами кулаков грудные клетки. Освобожденных людей отправили на военный завод, где имелся запас луков, стрел и мечей.

Сэм послал двух гонцов на север и юг, чтобы установить связь с пароландцами, бежавшими в другие страны.

Пополнившийся отряд Клеменса отошел к предгорью. Люди расположились около дамбы и следили за ходом битвы. Сэм не имел ни малейшего представления о том, что им делать дальше. Сирано посоветовал играть на слух, то есть следовать своей интуиции. Клеменс едва не ответил, что для этого он слишком туг на ухо.

Позже Сэм возблагодарил небеса за то, что он не отвел людей на вершину дамбы. Они находились на холме чуть выше и левее плотины. Отсюда открывался хороший обзор

холмов и равнины, где все еще взрывались ракеты. Свет звезд отражался в озере, и при взгляде на эти тихие воды казалось, что весь мир погружен в покой и тишину.

Внезапно Джонстон вскочил на ноги и закричал:

— Смотрите туда! Нет, вон туда! На вершину дамбы!

Из воды выходили три маленькие темные фигуры. Выбравшись на бетонную дорожку, они побежали к подножию горы. Клеменс велел всем спрятаться за огромным стволом «железного» дерева. Когда лазутчики поравнялись с холмом, Джо Миллер и Джонстон уложили их на землю. Один из трех попытался ударить титантропа кинжалом, но Джо сломал ему шею, и из лопнувших сосудов брызнула кровь. Двух других оглушили. Когда они пришли в себя, Сэму уже не нужно было их расспрашивать. Он знал, что они действовали по приказу Иоанна.

Земля дрогнула под ногами, и листья «железного» дерева посыпались, как тарелки с посудной полки. Огромные куски белой плотины разлетелись в стороны, их тут же закрыло облаком дыма, и от мощного взрыва у людей заложило уши. Тысячи осколков взмыли вверх. Они пронеслись, как белые птицы, над трубами фабрик, и осыпались смертельным градом на землю, воду и сражавшихся воинов. И озеро больше не казалось мирным и тихим зеркалом, в котором отражалось мерцание прекрасных небес. Вода забурилась и с ревом понеслась по каналу к Реке.

Протаранив земляные насыпи, поток разнес на куски защитный вал и вырвался на равнину. Отток сотен тысяч тонн воды стал причиной гигантского оползня, который оголил огромные корни «железного» дерева. Тысячефутовый гигант покачнулся и начал крениться в сторону водохранилища. Дерево падало невероятно долго, и люди вздрагивали от треска лопавшихся корней и свиста воздуха, рассекаемого огромными листьями и ветвями. Колосс падал в противоположную сторону, но отряду грозило извержение земли от вывернутых наружу корней. На всякий случай Сэм отправил людей на соседние холмы.

Дерево с грохотом рухнуло, скатилось по крутому откосу оползня, и огромная крона вспенила воду множеством маленьких водоворотов. Поток подхватил гигантский ствол, помчал его, как какую-то зубочистку, вдоль канала, но вскоре крона застряла между берегами.

Стена воды в сотню футов высотой обрушилась на равнину. Пенистый гребень темнел от обломков бамбуковых стволов и разрушенных домов и погибших людей. За считанные секунды вал прокатился к берегу, сметая на пути широкие

земляные насыпи, которым так и не удалось защитить Пароландо от атак со стороны Реки.

Вода уносила все. Заводы рушились, как песочные домики. Стены фабрик плыли, словно вафельные плитки. Гигантский пароход, подхваченный волной, казался игрушечным корабликом в кипящем вихре океанского прибоя. Покачиваясь и немного кренясь на бок, он помчался к середине Реки и вскоре исчез в туманной мгле. Сэм упал на землю и вцепился руками в траву. Он все-таки потерял свой корабль! Он потерял все — фабрики, шахты и заводы, амфибии, аэропланы и знающих людей! И вместе с погибшим кораблем разбилась вдребезги его мечта! Она рассыпалась в стеклянное крошево, как драгоценный камень, попавший под молот судьбы.

Прохладная и влажная трава щекотала его лицо. Пальцы будто вращались в плоть земли, и казалось, что их уже ничто не освободит от этого вечного плена. Но огромная рука Джо подняла Сэма, как куклу, и усадила на волосатое колено. Титантроп прижал Клеменса к себе, согревая друга своим теплом. Сквозь слезы Сэм увидел, как к нему придвинулось гротескное лицо Джо с выступавшими надбровными дугами и абсурдно длинным носом.

— Все пропало! — прошептал Миллер. — О Иизуз! Там ничего не оцалозь, Зэм!

Поток бушевал на равнине около пятнадцати минут. Затем вода схлынула, и Река обрела свой обычный вид. Но берег Пароландо стал похож на пустыню. Здания фабрик, верфь и гавань, заградительные насыпи, строительные леса и огромный пароход бесследно исчезли. На месте шахт и заводских подвалов виднелись небольшие озера. Огромная масса воды прорыла гигантский желоб в тех местах, где велась добыча руды. Дно широкого канала устилали неимоверно длинные корни травы. Остальная часть равнины казалась выглаженной утюгом.

Небеса побледнели, и звездная россыпь поблекла в преддверии рассвета. Огромный флот Иэясу разметало по Реке. Тысячи кораблей умчало вниз по течению, разбило, перевернуло вверх дном и погребло в пучине. Воины двух армий и матросы двух речных армад погибли под тоннами воды, которые растерли людей в порошок или выдавили, как тубик зубной пасты.

Тем не менее Пароландо тянулось на десять миль вдоль Реки, а поток бушевал только на двухмильной полосе в центральной части. Основной ущерб был нанесен на участке в полмили шириной, и по краям этой зоны здания подверглись лишь частичному разрушению.

На рассвете через пограничную стену из Страны Чернского начали перебираться люди. К берегу подплыло несколько сотен лодок, и вскоре на равнине сформировался отряд численностью около тысячи человек. Во главе их стоял король Иоанн.

Сэм построил своих людей в боевой порядок. Джо Миллер занял место в центре колонны. Король Иоанн торопливо зашагал вперед, прихрамывая и протягивая руки в жесте мира. Клеменс пошел навстречу, чтобы выяснить планы изменника. Несмотря на все объяснения, он до последнего момента ожидал, что Иоанн попытается убить его. Но потом Сэм понял, что экс-монарх нуждался в нем, в Фаербрассе и других специалистах. Иоанн хотел получить пароход. Кроме того, он, очевидно, испытывал извращенное удовольствие, оставляя Клеменса живым, чтобы тот с ужасом ждал минуты, когда кинжал пронзит его грудь.

Как оказалось, не все надо было начинать сначала. Корабль, почти целый, сел на мель у противоположного берега примерно в миле ниже по течению. Река не оставила на нем следов своей ярости, но, чтобы вернуть назад огромный корпус парохода, требовалась огромная и напряженная работа. Впрочем, она не шла ни в какое сравнение с тем, что пришлось бы сделать для постройки нового корпуса.

Иоанн не раз объяснял Клеменсу свой хитрый маневр, но ложь и коварные интриги настолько путались друг с другом, что Сэм не улавливал общей картины. Иоанн якобы лишь делал вид, что предает Клеменса. На самом деле он знал, что Хакинг постарается отделаться от него в первые же минуты вторжения. Иоанн испытал бы искреннее разочарование, если бы негритянский лидер не попытался вонзить ему в спину нож. Он потерял бы тогда всю свою веру в человеческую природу.

Иоанн наладил связь с Иэясу и пообещал ему помощь, если тот отобьет Пароландо у Хакинга. Японцу понравилась эта идея, так как он сразу уловил, что армия Хакинга во время штурма ослабнет. В последний момент Иоанн заключил тайный договор с Публием Крассом, Тай-Фаном и Чернским, и те поклялись, что помогут ему разделаться с силами Иэясу. На всякий случай он решил взорвать дамбу, чтобы подстраховаться и смыть всех врагов с лица земли. Когда большая часть двух армий сконцентрировалась на вторых рубежах обороны, Иоанн послал трех человек с приказом взорвать плотину. После этого он сел на быстроходный корабль и уплыл на безопасное расстояние вверх по течению.

— Значит, вас не было во дворце, когда люди Хакинга обстреливали его из пушки? — спросил Сэм.

— Конечно, — ответил Иоанн, расплываясь в кошачьей улыбке. — В это время я находился за несколько миль к

северу и спешил на встречу с японцем. Вы никогда не одобряли моих поступков, Сэмюэль. Но теперь вам следовало бы пасть на колени и с благодарностью поцеловать мою руку. Без меня вы потеряли бы все.

— Если бы вы сказали мне, что Хакинг планирует нападение, я бы организовал оборону и дал ему достойный отпор! — воскликнул Сэм. — Мы устроили бы ему засаду.

Лучи восходящего солнца запутались в рыжевато-коричневых волосах Иоанна и блеснули в его серо-голубых глазах.

— Да, но вы забыли о японце. Иэясу все равно представлял бы для нас угрозу. А теперь с ним покончено, и нам никто не помешает захватить бокситы и платину Душвного Города — как, впрочем, иридий и вольфрам Селинджо. Я надеюсь, у вас нет возражений по поводу захвата этих двух государств?

А потом удача пошла за удачей. Хакинга взяли в плен, а Гвенафру нашли живой и невредимой. Во время нападения Иэясу они оба находились на западных холмах, откуда Хакинг собирался нанести внезапный удар. Его планы нарушило наводнение: поток снес их отряд в Реку. Гвенафре удалось спастись, хотя она едва не утонула. А Хакинга швырнуло на дерево, и он переломал себе ноги и руки. Кроме того, незадачливый завоеватель получил серьезные внутренние повреждения.

Клеменс и Иоанн поспешили туда, где под «железным» деревом лежал Хакинг. Увидев Сэма и Лотара, Гвенафра бросилась им навстречу и стала их обнимать. Клеменсу показалось, что она подарила ему более долгое объятие, чем фон Рихтхофену. Впрочем, удивляться тут было нечему — последние несколько месяцев Гвенафра и Лотар ссорились чуть ли не каждый день.

Иоанн собирался подвергнуть Хакинга самым изощренным пыткам и хотел заняться этим делом сразу после завтрака. Сэм категорически возражал. Он знал, что Иоанн будет настаивать на своем: его армия в пятьдесят раз превосходила по численности отряд Сэма. Но в тот момент Клеменс потерял всякую осторожность. И Иоанн уступил. Он нуждался в Сэме и в специалистах, которыми тот командовал.

— У тебя есть мечта, Белый Сэм, — тихо прошептал Хакинг. — Вот и у меня была своя. Мечта о стране, где братья и сестры могли бы мирно жить и открывать друг другу души. Страна, где жили бы только черные. Ты не понимаешь, что это значит для нас! Ни одного белого негодяя, ни одной пары блеклых глаз! Только черные братья по духу! И тогда, даже в этом адском мире, мы приблизились бы к небесам. Конечно, без проблем бы не обошлось. Но где ты видел мир и покой без каких-нибудь проблем? Главное, чтобы их не создавали

вы, белые! Пусть они были бы нашими. Жаль, что этого не случилось.

— Вы могли бы осуществить свою мечту, если бы немного подождали, — сказал Сэм. — Построив корабль, мы отправимся в далекое плавание, и эта местность, начиненная железом, опустеет...

Хакинг брезгливо сморщился. На черной коже выступил пот, мышцы напряглись от приступа боли.

— Эх, парень, у тебя, наверное, из черепа выпали мозги! Неужели ты думаешь, что я поверю в твою историю о плавании на поиски Великого Грааля? Я же знаю, что на своем корабле ты будешь перевозить черных рабов, закованных в цепи и колодки. В былые дни южане, вроде тебя... — Хакинг застонал и закрыл глаза.

— Это неправда! — воскликнул Сэм. — Если бы вы знали меня... Если бы вы только взяли на себя труд узнать меня, вместо того чтобы загонять в какие-то рамки...

Хакинг открыл глаза и прошептал:

— Ты лжешь ниггеру даже тогда, когда он умирает. Вот только зачем? Послушай меня, Сэмми! Этот нацист Геринг — он ведь действительно потряс меня до глубины души. Я приказал просто его убить. Мне не хотелось кого-то там мучить. Но ты же знаешь этих фанатичных арабов! Перед смертью Геринг сказал мне свои последние слова. «Здравствуй и прощай, мой брат по духу» — или что-то в этом роде. «Я прощаю тебя, потому что ты не ведаешь, что творишь». Представляешь? Как тут не спятить? Слова любви от нацистского ублюдка! А ведь он действительно изменился! И, возможно, он прав. Возможно, все шансеры правы! Конечно же, глупо воскрешать нас молодыми и здоровыми, чтобы мы вновь убивали друг друга и поганили все вокруг себя. А значит, есть какая-то другая цель? Какой-то второй шанс... — Он посмотрел на Сэма и тихо прохрипел: — Пристрели меня! Оборви мою боль! Я уже устал от мучений.

Лотар шагнул вперед и встал рядом с Сэмом.

— После того, что ты сделал с Гвенафрой, я прикончу тебя с огромным удовольствием.

Он направил ствол кремневого ружья в голову Хакинга. Тот криво усмехнулся и прошептал:

— Насилие в ответ на насилие! Я проклял этот принцип еще на Земле, но твоя женщина пробудила во мне дьявола! Впрочем, какая разница? Что ты скажешь о всех тех черных женщинах, которых вы, белые, мать вашу, насиловали веками?

Сэм повернулся и пошел прочь. За его спиной прогремел выстрел. Клеменса передернуло, но он ничего не сказал. Это лучшее, что мог сделать Лотар. А Хакинг завтра снова будет

идти где-то по берегу Реки — в тысяче милях от Пароландо. Возможно, им еще не раз придется свидеться, хотя Сэм не испытывал большого восторга от подобной перспективы.

Его догнал Лотар, пропахший пороховым дымом.

— Я с радостью оставил бы его умирать от боли и мук, но, видно, мне не избавиться от старых привычек. Я хотел его убить — и убил. Подумать только! Этот черный мерзавец смеялся мне прямо в лицо. И тогда я размазал улыбку по его физиономии.

— Не надо больше слов, — ответил Сэм. — Мне и без того тошно. Я подумываю бросить все это и стать миссионером. В наше время только шансеры знают, за что они принимают страдания.

— Ничего, вы скоро оправитесь, — сказал Лотар и, как всегда, оказался прав.

Однако на это ушло три года.

Страна снова стала походить на поле битвы, искореженное воронками шахт, пропахшее зловонием заводов и почерневшее от копоти и дыма. Но они построили огромный пароход, и теперь лишь оставалось провести ходовые испытания. Сделан был даже последний штрих — надпись на белом сияющем корпусе. И по обеим сторонам в десяти футах выше ватерлинии виднелись большие черные буквы «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ».

— Что это означает, Сэм? — спрашивали его многие.

— Только то, что там написано, — отвечал Клеменс, — в отличие от большинства слов, когда-либо написанных или сказанных. Этот корабль свободен от людских прихотей, и его команда состоит из свободных людей! Наш пароход никогда не будет сдаваться внаем! Никому! Ни одному человеку!

— Почему же тогда не назвать его «Не купишь ни за какие деньги»?

— Название пришло из моего сна, — отвечал Сэм. — Кто-то попытался повесить на нем рекламу, и я сказал ему, что корабль построен не для торгашеских целей. «Неужели вы принимаете меня за рекламного агента фирмы “Барнум энд компани”?» — возмущился я.

Его сон имел продолжение, но Клеменс не смел рассказывать о нем никому, кроме Джо.

— Тот человек, который приходил ко мне с рекламой, на самом деле хотел известить людей о появлении самого большого и красивого парохода в наших двух мирах, — шептал ему Сэм. — И этим человеком тоже был я!

— Прозто еще один кошмар, Зэм, — посочувствовал Джо. — Не обращай внимания.

Клеменс махнул на него рукой.

ГЛАВА 28

Двадцать шестая годовщина Дня Воскрешения пришлась на тот день, когда гребные колеса парохода «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ» впервые вспенили воду. Это произошло через час после того, как питающие камни полыхнули разрядом, наделив людей пищей и питьем. Кабели и полусферический энергоприемник, присоединенный к питающему камню, убрали в трюм через специальное отверстие в передней части правого борта. Наполненные едой цилиндры доставили к кораблю на бронированном катере с мощным паровым котлом и гордым названием «НЕ КУПИШЬ НИ ЗА КАКИЕ ДЕНЬГИ». Сказочный пароход, сияя белыми бортами с красной, черной и зеленой отделкой, vyplыл из канала в Реку позади огромного волнолома. Мол предназначался для того, чтобы течение не сносило судно при выходе из канала, иначе оно могло врезаться в край устья.

Под трели свистков и звон колоколов, под ликующие крики пассажиров и зрителей, под мерный грохот гребных колес, которые вспенивали воду, прекрасный пароход «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ» с величественной грацией вышел в Реку.

Длина корабля составляла четыреста сорок футов и шесть дюймов, а ширина, включая кожухи гребных колес — девяносто три фута. Средняя осадка при полном грузе равнялась двенадцати футам. Гигантские электрические моторы, вращавшие гребные колеса, развивали мощность в десять тысяч лошадиных сил. Остальная энергия батацитора шла на обеспечение нужд экипажа. Теоретически максимальная скорость могла достигать сорока пяти узлов при полном штиле. Скорость течения составляла примерно пятнадцать миль в час, поэтому за шестьдесят минут пароход мог продвигаться либо на тридцать миль вверх по Реке, либо на шестьдесят вниз по течению. Клеменс планировал двигаться к верховью Реки со средней скоростью в пятнадцать узлов относительно берега.

На пароходе имелось четыре палубы: так называемая ходовая палуба, главная палуба, штормовой мостик и посадочная площадка. Рулевая рубка располагалась на переднем крае штормового мостика, а в длинном «техасе» находились каюты капитана, его помощников и главных офицеров. Двухъярусный капитанский мостик находился впереди двух тонких дымовых труб, которые поднимались на высоту тридцати футов.

Фаербрасс возражал против установки труб, потому что дым от больших паровых котлов (используемых только для подогрева воды и для стрельбы из пневматических пулеметов) мог бы выводиться через один из бортовых патрубков. Но Сэм оборвал их спор весомым доводом:

— Почему я должен заботиться о каком-то сопротивлении воздуха? Мне нужна красота! И мы построим прекрасный корабль! Кто-нибудь слышал о пароходе без стройных и высоких труб? Разве у вас нет души, приятель?

Шестьдесят пять кают размером двенадцать на двенадцать футов были оборудованы откидными кроватями, столиками и складными креслами. В каждой каюте имелся туалет, умывальник с проточной горячей и холодной водой, а на каждые шесть кают отводилась одна душевая комната.

Салоны для отдыха располагались в трех местах: в «те-хасе», на штурмовом мостике и на главной палубе. В них находились бильярдные столы, мишени для метания дротиков, гимнастические снаряды, кинопроекторы и сцены. Салон на главной палубе имел даже подиум для оркестра.

Верхний ярус капитанского мостика был роскошно обставлен дубовыми столами и резными креслами, обтянутыми красной, белой и черной кожей «речного дракона». Штурман сидел в большом и удобном вращающемся кресле перед панелью управления. На ней располагался ряд небольших телеэкранов, создававших обзор важнейших узлов корабля. Рядом находился микрофон, через который он мог связаться с любым членом команды. Штурман управлял пароходом с помощью двух рычагов на небольшой подвижной панели. Их перемещение регулировало скорость и ход гребных колес. Кроме прочего, на панели находились экраны эхолота и радара для ночного плавания. Тумблер между экранами переключал управление на автоматический режим, хотя по правилам распорядка во время вахты штурману не разрешалось покидать свой пост.

В честь праздничного дня Сэм надел белый плащ, белую юбку и отбеленные кожаные сандалии. Наряд довершали белая офицерская фуражка из пластика и белый кожаный пояс с кобурой, в которой находился тяжелый «Марк-2» — четырехзарядный пистолет шестьдесят девятого калибра. Кроме того, на поясе висел десятидюймовый кортик в серебристых ножнах.

Сэм расхаживал по рубке, курил большую зеленую сигару и наблюдал за Робертом Стайлсом, который впервые управлял таким огромным кораблем. Стайлс, старый рулевой с Миссисипи, выглядел теперь симпатичным юношей. Никто не мог бы назвать его лжецом, но, как и все матросы, он любил прихвастнуть или раздуть из маленького факта большую историю. Когда он появился в Пароландо пару лет назад, Сэм даже пустил слезу от радости, хотя такое с ним случалось нечасто. Он знал Роба Стайлса еще по тем временам, когда они оба водили корабли по Миссисипи.

Стайлс нервничал, как нервничал бы любой рулевой на его месте, включая и капитана Джозию Селлера — человека со стальными нервами. Впрочем, управление кораблем не отличалось особой сложностью. С ним справился бы даже одноглазый учитель воскресной школы или его шестилетний сын, будь он в состоянии дотянуться до рычагов. Движение вперед увеличивало скорость, среднее положение рычага соответствовало остановке колеса, а перемещение его назад заставляло вал вращаться в другую сторону. Чтобы повернуть корабль налево, следовало немного потянуть назад левый рычаг и одновременно подать вперед правый. Для поворота направо требовалась обратная последовательность действий.

Хотя, конечно, верная координация нарабатывалась только с годами практики.

К счастью, эта Река не преподносила таких сюрпризов, как Миссисипи. Острова и мели здесь почти не встречались, а коряг и затонувших бревен не было вообще. Кроме того, весь контроль за обстановкой осуществляла аппаратура. Если корабль слишком приблизится к мелководью, эхолот включит тревожный звонок. Если ночью навстречу пароходу поплывет какой-нибудь корабль, радар тут же покажет его на экране, и на пульте замигает красная лампа.

Сэм переводил взгляд то на Стайлса, то на толпы людей, которые толпились на берегу, махали руками и радостно приветствовали команду парохода. Среди ликующих криков слышались проклятия тех, кто еще не смирился с проигрышем в лотерее. Однако Сэм не обращал внимание на их угрозы.

Через полчаса Клеменс взял управление на себя и, немного поуправляв кораблем, спросил Иоанна, не хочет ли тот тоже попробовать. Экс-монарх вырядился во все черное, словно хотел подчеркнуть свою полную противоположность Сэму. Тем не менее он охотно взялся за рычаги и показал себя неплохим штурманом — совсем недурно для бывшего монарха, который за всю свою жизнь и палец о палец не ударил.

Корабль проплыл мимо владений покойного Иэясу, которые теперь снова стали тремя отдельными государствами. Клеменс приказал поворачивать назад. Роб Стайлс воспользовался случаем и развернул судно, как он выразился, «на пятачке», чтобы продемонстрировать его маневренность. Пока левое колесо отработывало задний ход, правое закрутилось на всю мощность, и корабль развернуло, как палку на гвозде. Пароход направился вниз по Реке. Благодаря ветру и течению скорость достигла шестидесяти узлов. Но вскоре Клеменс велел Стайлсу сбавить ход и приблизиться к берегу, оставив под килем пару футов воды. Даже сквозь шум колес,

свистки и звон сигнальных колоколов до них доносился рев толпы. Мимо, как во сне, пронеслись тысячи лиц.

Сэм открыл передние иллюминаторы, чтобы все, кто находился в рубке, могли почувствовать ветер и получить впечатление от скорости корабля.

«ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ» прошел на полной скорости к Селинджо, и там развернулся еще раз. Сэму хотелось, чтобы здесь оказался другой пароход, с которым можно было бы посоревноваться в скорости. Но он и так едва не парил в небесах от счастья, став капитаном единственного в этом мире металлического парохода с гребными колесами и электрическими моторами. К тому же человек не может иметь всего, что хочет, — даже в жизни после смерти.

Во время обратного пути на корме открылся огромный люк, и оттуда выскользнул катер. Он пронесся назад и вперед на огромной скорости, а затем пристроился перед носом корабля. Его паровые пулеметы дали несколько очередей, и в ответ с бортов и палуб «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ» выстрелило тридцать корабельных пушек. Это был потрясающий салют!

Из кормового люка появился большой трехместный гидросамолет. Его крылья распрямились, зафиксировались с громким щелчком, и он поднялся в воздух. Самолетом управлял Фаербрасс, а его подруга и Гвенафра сидели на пассажирских местах.

Через миг с посадочной площадки взлетел маленький одноместный истребитель, запущенный паровой катапультой. За штурвалом машины находился Лотар фон Рихтхофен. Мотор, работавший на древесном спирту, зажужжал, и юркий самолет помчался вперед. Он скрылся из виду, потом вернулся и начал развлекать народ воздушной акробатикой. Сэм знал, что такого зрелища в этом мире еще никто не видел.

Лотар выполнил пике, выпустил в воду четыре ракеты, а затем на бреющем полете открыл стрельбу из спаренных пулеметов восьмидесятого калибра. Алюминиевые патронные ленты содержали по двести пуль. Корабельный запас состоял из ста тысяч лент. Сэм вздохнул при мысли о том, что однажды этим снарядам придет конец и пополнить их уже будет нечем.

Лотар приземлился на посадочной полосе, которая располагалась на крыше «техаса». Особое устройство захватило крюк, волочившийся за самолетом. Истребитель резко затормозил, и крутящийся пропеллер остановился в десяти футах от дымовой трубы. Лотар еще раз поднял самолет в воздух и снова совершил посадку. Затем приземлился гидросамолет Фаербрасса.

Сэм посмотрел через иллюминатор на ходовую палубу, где речные пехотинцы демонстрировали свою удаль. Под полу-

денным солнцем, прогревшим воздух до восьмидесяти градусов по Фаренгейту, они маршировали взад и вперед на пластиковом плацу, выполняя по приказу Сирано сложные маневры. Серебристые дюралюминиевые шлемы, украшенные перьями, делали их похожими на древнеримских воинов. Толстые кольчуги в серо-красную полоску доходили им до середины бедер. Наряд завершали кожаные ботинки. Вооружение пехотинцев состояло из шпак, длинных ножей и пистолетов «Марк-2». В показательных выступлениях участвовали только стрелки. Кроме них на корабле имелись отряды лучников и ракетчиков.

Сэм увидел в толпе зрителей маленькую фигурку Гвенафры, которую он сразу узнал по темно-золотистым волосам. Его сердце заняло от счастья. Но потом он заметил рядом с ней темноволосую Ливи, и его счастье улетучилось.

Гвенафра после шести месяцев жизни с фон Рихтхофеном — жизни, наполненной ревностью и ссорами, — разошлась с ним и приняла предложение Сэма. Теперь они были прекрасной семейной парой, но при встречах с Ливи Сэм по-прежнему испытывал горькое чувство утраты.

Не будь Ливи и Иоанна, Сэм мог бы назвать себя самым счастливым человеком в речной долине. Но оба они будут сопровождать его на протяжении всех сорока лет плавания. И Иоанн снова заполнит его дни тревогой, а ночи — жуткими кошмарами.

Иоанн так легко уступил ему пост капитана и согласился стать первым помощником, что Сэм сразу заподозрил неладное. Он чувствовал, что вскоре поднимется мятеж. Любой разумный человек, узнав об угрозе переворота, попытался бы так или иначе отделаться от соперника. Однако Сэм не мог забыть убийства Кровавого Топора. Он больше не хотел обращаться к наемным убийцам, хотя и знал о последующем воскрешении. Труп все равно оставался трупом, а предательство — предательством.

Вопрос теперь стоял так: когда ожидать удара Иоанна? В начале плавания или чуть позже, когда подозрения Сэма рассеются? Ситуация становилась просто невыносимой, и приходилось лишь удивляться тому, сколько невыносимого мог вытерпеть человек.

В рубку вошел светловолосый гигант — Август Страбвелл, адъютант Иоанна. Экс-монарх отыскал его во владениях Иэясу, когда удирали от Хакинга и искал защиты у японца. Страбвелл родился в 1971 году в Сан-Диего, штат Калифорния. В молодости он играл защитником в национальной сборной по футболу, затем дослужился до капитана в вооруженных силах США, получил награды за храбрость в Средней

Азии и Южной Америке, а потом сделал карьеру в кино и на телевидении. Страбвелл казался неплохим парнем, если не считать того, что, подобно Иоанну, любил похвастать своими победами на любовном фронте. Сэм ему не доверял. Любой, кто работал на короля Иоанна, имел в душе какую-то гниль.

Клеменс пожал плечами. Этот миг принадлежал ему и только ему! Он решил, что никому не позволит отравить свою радость в величайший день его жизни!

Выглянув наружу, Сэм осмотрел пассажиров и отряд маршировавших пехотинцев. На волнах искрились солнечные блики, и лицо холодило приятный бриз. Его взгляд устремился к носовому штоку, где в струях ветра плескался флаг парохода «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ». И там, на квадратном светло-голубом полотне парил алый феникс — символ возрожденного человечества.

Сэм помахал рукой людям, толпившимся на берегу, и нажал на сигнальную кнопку. Раздались гудки сирены и звонкие удары корабельного колокола.

Клеменс затянулся дымом тонкой сигары, выпятил грудь и с важным видом прошелся по рубке. Страбвелл подал Иоанну бокал бурбона, а затем предложил Сэму тот же напиток. Все, кто находился на мостике — Стайлс и пять других штурманов, Джо Миллер, фон Рихтхофен и Фаербрасс, Публий Красс, Моцарт и Иоанн Безземельный, Страбвелл и три других помощника Иоанна — подняли бокалы.

— У меня есть тост, джентльмены, — сказал Иоанн на эсперанто. — За долгое и приятное плавание, и чтобы мы все получили то, что хотим.

Джо Миллер стоял рядом с Сэмом. Его голова почти касалась потолка. Чаша, которую он держал в руках, вмещала не меньше полукварты бурбона. Он понюхал спиртное своим громадным носом, а потом опустил в чашу кончик языка.

Сэм уже собирался выпить одним глотком свои четыре унции спиртного, как вдруг увидел гримасу на обезьяньем лице Джо.

— В чем дело? — спросил он.

— В этом пойле какая-то дрянь!

Сэм принялся, но не обнаружил ничего подозрительного. Ноздри приятно щекотал запах виски из Кентукки. Однако, когда Страбвелл, Иоанн и три его адъютанта потянулись за оружием, он выплеснул свой бурбон в лицо экс-монарха и с криком: «Это яд!» — бросился на пол.

Страбвелл выстрелил из пистолета. Пластиковая пуля разлетелась на куски, попав в пуленепробиваемое стекло иллюминатора над головой Сэма. Джо взревел, как лев, выпу-

щенный из клетки, и швырнул свою огромную чашу в голову Страбвелла.

Трое других помощников Иоанна открыли беглый огонь из пистолетов. Пистолет «Марк-2» имел четырехзарядный барабан, причем капсули патронов воспламенялись от электрической искры, а в заряде использовался бездымный порох. Это оружие, несмотря на величину и большой вес, обладало высокой скорострельностью и в ближнем бою представляло собой серьезную опасность.

Рулевая рубка заполнилась грохотом выстрелов, свистом пуль и визгом отлетающих от стен осколков. Крики и стоны людей заглушало яростное рычание Джо. Сэм перекатился на бок, вскочил на ноги и переключил управление на автоматический режим. Роб Стайлс лежал на полу. Пуля почти напрочь оторвала его руку. Рядом корчился в предсмертных судорогах один из помощников Иоанна. Страбвелл пронесся над ним, ударился о стекло иллюминатора и упал прямо на Сэма. Иоанн исчез. Очевидно, он выскочил из рубки в самом начале схватки.

Клеменс выкарабкался из-под бесчувственного тела. Четверо рулевых и все помощники Иоанна, за исключением Страбвелла, были мертвы. Джо разделался с врагами быстро и жестоко, о чем свидетельствовали раздробленные челюсти и сломанные шеи. Моцарт, дрожа всем телом, скорчился в углу. Фаербрасс получил множество ранений от осколков пластиковых пуль. Лотар пытался зажать глубокую рану на предплечье, куда ударил его ножом один из помощников Иоанна.

Сэм, шатаясь, поднялся и посмотрел в иллюминатор. Пассажиры, наблюдавшие за маршем пехотинцев, разбежались, оставив на палубе дюжину трупов. Солдаты Сирано отстреливались от людей, которые вели по ним огонь с верхней палубы и из некоторых кают.

Де Бержерак, стоя в полный рост среди своего быстро редевшего отряда, выкрикивал команды. Затем люди Иоанна начали атаку, и Сирано упал, получив ранение, но тут же вскочил на ноги. Его меч, сверкнув серебристой молнией, окрасился свежей кровью. Нападавшие дрогнули, побежали прочь, и француз бросился за ними в погоню. Сэм закричал: «Назад, глупец! Вернитесь!» — но Сирано его, конечно же, не услышал.

Клеменс попытался взять себя в руки и оценить ситуацию. Итак, Иоанн подсыпал что-то в их напитки — яд или снотворное. По-видимому, он рассчитывал захватить рубку без лишнего шума. И только сверхъестественное чутье титантропа нарушило его коварный план.

Сэм взглянул в иллюминатор правого борта. В полумиле виднелся огромный волнорез, за которым корабль должен был встать на якорь до завтрашнего утра.

«Завтра мы могли бы начать наше долгое путешествие, — подумал Сэм. — Но теперь вряд ли начнем».

Отключив автоматическое управление, Клеменс взялся за рычаги.

— Джо! — крикнул он. — Я собираюсь вести корабль у самого берега. Может быть, я даже посажу его на мель. Достань мегафон. Если мы сообщим людям на берегу о том, что случилось, они придут к нам на помощь.

Сэм потянул за правый рычаг и подтолкнул левый немного вперед.

— Что за черт? — воскликнул он.

Следуя прежним курсом, корабль держался в сотне ярдов от берега. Клеменс яростно задергал рычаги взад и вперед. Но судно ему не повиновалось.

Из динамика послышался голос Иоанна:

— Бесплезно, Сэмюэл! Мой босс! Капитан! Свинья! Я забираю этот пароход! Мой инженер — который будет теперь главным механиком судна — установил еще один пульт управления на... Впрочем, тебе необязательно знать, где он находится. Мы отключили устройства в рулевой рубке, и теперь корабль пойдет туда, куда я захочу его повести. У тебя нет ни одного шанса на победу. Сейчас мои люди выкурят из рубки тебя и твоих уродов. Однако мне хотелось бы обойтись минимальными повреждениями. Поэтому я отпускаю вас живыми, если вы сами уберетесь с судна. Конечно, вам придется проплыть сотню ярдов своим ходом, но это же мелочи, правда?

Сэм плевался, ругался и яростно колотил кулаками приборную панель. А корабль продолжал плыть мимо гавани, где толпы людей махали руками, ликовали и удивлялись, что пароход не бросает якорь.

Взглянув в кормовой иллюминатор, Лотар закричал:

— Они нас окружают! — и выстрелил в человека, который выбежал из-за угла «техаса».

На штормовом мостике собирались вооруженные люди.

— Долго нам не продержаться! — сказал Фаербрасс. — У нас мало боеприпасов!

Сэм выглянул в передний иллюминатор. На ходовую палубу выбежали несколько мужчин и женщин. Они заняли оборону и приготовились к отражению атаки. Среди них он увидел Ливи.

Люди Иоанна набросились на маленький отряд, словно волчья стая. За спиной Сирано, который в тот миг расправлялся с другим врагом, возник рослый воин. Ливи попыталась

отбить удар меча своим пистолетом, в котором давно кончились патроны, но клинок вошел ей в живот. Она упала на спину и забилась в предсмертных судорогах. Рядом свалился ее убийца: рапира Сирано пронзила ему горло.

— Ливи! — закричал Сэм и метнулся к двери.

— Ливи! — кричал он, сбегая по трапу.

Пули свистели вокруг, вонзаясь в перила и отскакивая от ступеней. Его обожгло осколком, но он даже не остановился. Позади раздавались выстрелы и крики. Сэм смутно сознавал, что Джо и остальные бегут за ним, стараясь спасти его или собственные жизни. Там, в рубке, они чувствовали себя как мыши в мышеловке.

Везде лежали раненые и трупы. Людей у Иоанна было немного, но он сделал ставку на неожиданность атаки, и его расчет оправдался. Десятки пассажиров погибли на ходовой палубе при первых же залпах. Еще несколько дюжин попало под обстрел во время паники. Многие, оставшись без оружия, прыгали в воду, так как уже не надеялись на чью-то помощь.

Внезапно корабль направился к берегу. Гребные колеса работали на полную мощность, вода вскипала под ударами широких лопастей, и палуба вибрировала от гула моторов. А там, на берегу, Иоанна уже поджидал большой отряд вооруженных мужчин и женщин — тех неудачников, которые не смирились с проигрышем в лотерею. Они вопили от радости и нетерпения, желая побыстрее попасть на пароход и уничтожить уцелевших сторонников Сэма.

Спустившись с трапа, Клеменс побежал по штормовому мостику. В левой руке он держал пистолет с двумя последними патронами, а в правой — капитанский кортик. Сэм не знал, как оружие оказалось у него в руках. Гнев и ярость сделали его почти безумным.

Над краем палубы у поручней трапа появилась чья-то голова. Клеменс спустил курок, и голова исчезла. Перегнувшись через перила, он выстрелил еще раз. На этот раз пластиковая пуля попала в цель. Грудь мужчины взорвалась кровавой плотью, он сорвался со ступеней, увлекая вниз за собой двух других. В ответ с нижней палубы прогремело несколько выстрелов. Сэм отпрыгнул назад, но пара пуль вонзилась в поручни, и пластиковые осколки обожгли его ноги.

К нему подбежал Джо Миллер:

— Зэм! Они нас окружают, Зэм! Надо прыгать в воду!

На нижней палубе де Бержерак отбивался от трех человек. Орудую рапирой, он медленно пятился к ограждению. Внезапно его клинок пронзил горло нападавшего воина, и

Сирано, развернувшись, перепрыгнул через широкие перила. Вынырнув на поверхность воды, он изо всех сил поплыл в сторону от колеса, которое надвигалось на него в облаке пены и брызг.

Пули щелкали по стенам кают, мимо которых пробегал Клеменс.

— Сэм! — кричал Лотар. — Надо прыгать в воду! Быстрее!

Но они находились на штормовом мостике. Чтобы прыгнуть, им еще предстояло спуститься на ходовую палубу.

Джо развернулся и, размахивая топором, побежал на людей, стрелявших из-за угла надстройки. Пули понеслись ему навстречу, вилляя и оставляя в воздухе тонкие хвостики дыма. Однако на таком большом расстоянии вероятность попадания была слишком мала. Кроме того, Джо полагался на свой ужасающий вид и славу непобедимого воина. Он знал, как панически боялись его враги.

Остальные помчались вслед за ним, и вскоре их маленькая группа оказалась у большого кожуха гребного колеса, начинавшегося в десяти футах от края штормового мостика. Сэм вскочил на ограждение, прыгнул и повис на железных петлях, сквозь которые во время установки колеса продевались тросы подъемного крана.

Вокруг свистели пули, но Клеменс упорно перебирался с петли на петлю, то и дело ударяясь всем телом о металлическую стенку кожуха. Подтянувшись на руках, он поднялся на плоскую крышу и, убедившись, что остальные последовали его примеру, смело прыгнул в воду. При других обстоятельствах высота в тридцать футов устрасила бы его, однако теперь он даже не заметил, как оказался в холодной воде.

Всплыв на поверхность, Сэм увидел прыжок Джо. Тот прыгнул не с кожуха, а с ходовой палубы. Он сбежал по трапу, проложил себе путь сквозь толпу пигмеев, затем в красивом нырке перелетел через ограждение и, подняв фонтан брызг, вошел в воду. Вдгонку ему грянул оружейный залп. Около десятка стрел вонзилось в перила, возле которых он стоял секунду назад.

Сэм вновь нырнул, спасаясь от пулеметной очереди. По воде зашлепали пули семьдесят пятого калибра. К счастью, дистанция увеличивалась все больше и больше. Однако через две мили пароход начал разворачиваться. Очевидно, Иоанн узнал, что его главные враги сбежали. Сэм выплыл на берег и, шатаясь от усталости, побежал к защитному валу.

Иоанн не стал открывать по нему огонь. Возможно, он решил оставить его в живых. Ему хотелось причинить Клеменсу настоящую боль. Он знал, что Сэм будет страдать во

сто крат сильнее, если останется жить на месте своего былого триумфа.

Голос победителя, усиленный мегафоном, загремел над равниной и водами Реки:

— Прощай, Сэмюэлы! Прощай, придурок! Спасибо, что построил для меня пароход! Я дам ему другое название, которое придется мне по душе, и буду наслаждаться плодами твоего труда! Вспоминай обо мне почаще, приятель! Прощай, лопушок!

Его усиленный мегафоном смех вонзился в сердце Сэма. Он выбежал из хижины, в которой пытался укрыться, и взобрался на стену у самой воды.

Корабль остановился у причала. На берег опустили длинный подвесной трап, по которому тут же начали подниматься предатели.

Кто-то дернул Клеменса за ногу, и он посмотрел вниз. У стены стоял Джо. Его рыжеватые волосы потемнели от воды. Под ними во многих местах проступала кровь.

— Лотар, Фаербразз, Зирано и Джонзтон зпазлизь, — устало прохрипел он. — Как ты зебя чувзтвуешь, Зэм?

Клеменс сел на край стены и, судорожно вздохнув, прошептал:

— Если бы это имело какой-то смысл, я убил бы себя. Но ведь мы живем в аду. Да, Джо! Этот мир — настоящий ад, черт бы его побрал! Здесь нельзя совершить даже порядочного самоубийства, потому что на следующий день все твои проблемы вернутся опять, и тебе не отделаться от них никогда... Ладно, ты и сам все это знаешь!

— Что мы будем делать дальше? Ведь ты же не здашьзя, Зэм?

Клеменс не ответил. У него не было слов — как не было корабля, Гвенафры и Ливи. Впрочем, он мог смириться с потерей Ливи, раз уж она больше не будет принадлежать Сирано. Он знал, что перетерпит разлуку с ней. Это лучше, чем видеть ее в объятиях другого мужчины.

Клеменс понимал, что еще вспомнит эту гадкую эгоистичную радость. И тогда придут раскаяние и стыд. Но не сейчас. Не в такую горькую минуту ошеломления и безнадёжного отчаяния. Странно, но потеря корабля потрясла его больше, чем смерть Ливи.

Он вспомнил годы напряженной работы, годы мук и измен, интриг и поражений. Годы надежд... Долгие, долгие годы!

Слишком много всего навалилось на Сэма, чтобы выдержать и не сойти с ума. Слишком много невосполнимых потерь...

Увидев его слезы, Джо огорчился. Он сидел, понутив голову, и терпеливо ждал, когда Сэм перестанет плакать.

— Может быть, построим еще один корабль? — тихо сказал он. — Как думаешь, Зэм?

Клеменс поднялся на ноги.

К тому времени огромные машины его сказочного парохода уже убрали трап. Ликующе засвистели свистки, зазвонили колокола, и корабль отчалил от пристани. Из огромных динамиков снова послышался хохот Иоанна. Наверное, он увидел Сэма через подзорную трубу.

Клеменс погрозил ему кулаком, надеясь, что Иоанн увидит.

— Я еще доберусь до тебя, мерзкий предатель! — кричал он вслед пароходу. — Я построю новый корабль, и ты от меня не уйдешь! Я пойду на все, чтобы отыскать тебя и взорвать украденное судно! И мой пароход сотрет тебя в порошок, как пакостную гниду! Никто не удержит меня от мести — ни дьявол, ни Бог, ни повелители этого мира! Никто, каким бы могуществом он ни обладал! Настанет день, и мы встретимся, Иоанн! Настанет еще такой день!

ЭПИЛОГ

В третьей книге «Мира Реки» Сэм Клеменс, Ричард Фрэнсис Бёртон и остальные из двенадцати избранных отправятся к Туманной Башне за секретами этиков.

Технологическое примечание: нитрат калия добывался из особых земляных червей, быстро размножавшихся в человеческих экскрементах. Конечным продуктом этой пикантной диеты являлся кристаллический нитрат калия, который, будучи смешан с древесным углем и серой, служил основой черного пороха.

Содержание

От издательства	5
МИР РЕКИ	
В тела свои разбросанные вернитесь, роман, <i>перевод Н. Сосновской</i>	9
Сказочный пароход, роман, <i>перевод С. Трофимова</i>	207

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том шестой

Составитель *Д. Смушкович*
Редакторы *А. Александрова, М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*
Оформление шмуцтитолов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 13.06.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 22,68. Тираж 18000 экз.

Заказ № 2128. С 155.

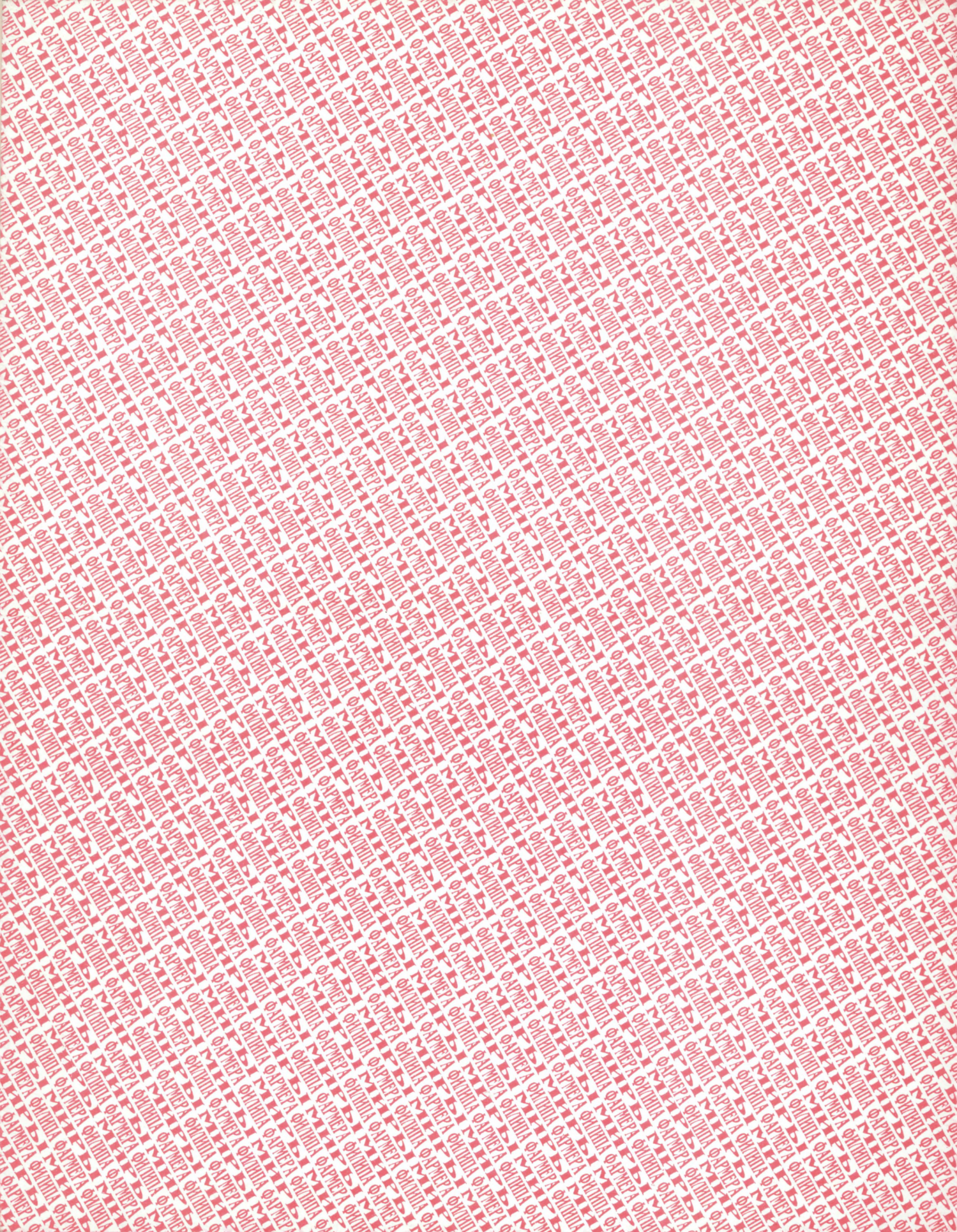
Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

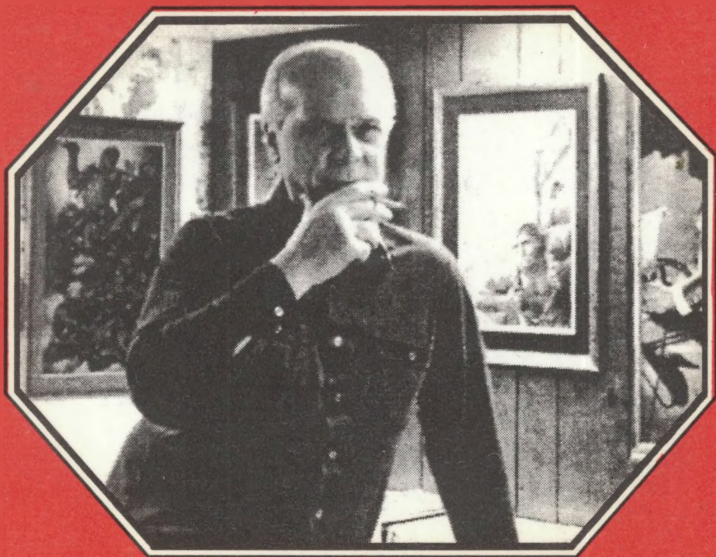

В тела свои разбросанные вернитесь

Тридцать шесть миллиардов человек воскрешены на берегах всепланетной Реки. Зачем? Какую цель преследуют таинственные этики? На этот вопрос ищет ответ Ричард Бёртон, пока «Самоубийственный Экспресс» несет его по Реке...

Сказочный пароход

В мире, где не найдется и грамма железа, Марк Твен мечтает о пароходе, достойном великой Реки. Но цена, которую ему приходится заплатить, оказывается непомерно высока — и возделенная награда уплывает по Реке без него.

